

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

X

А Б А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

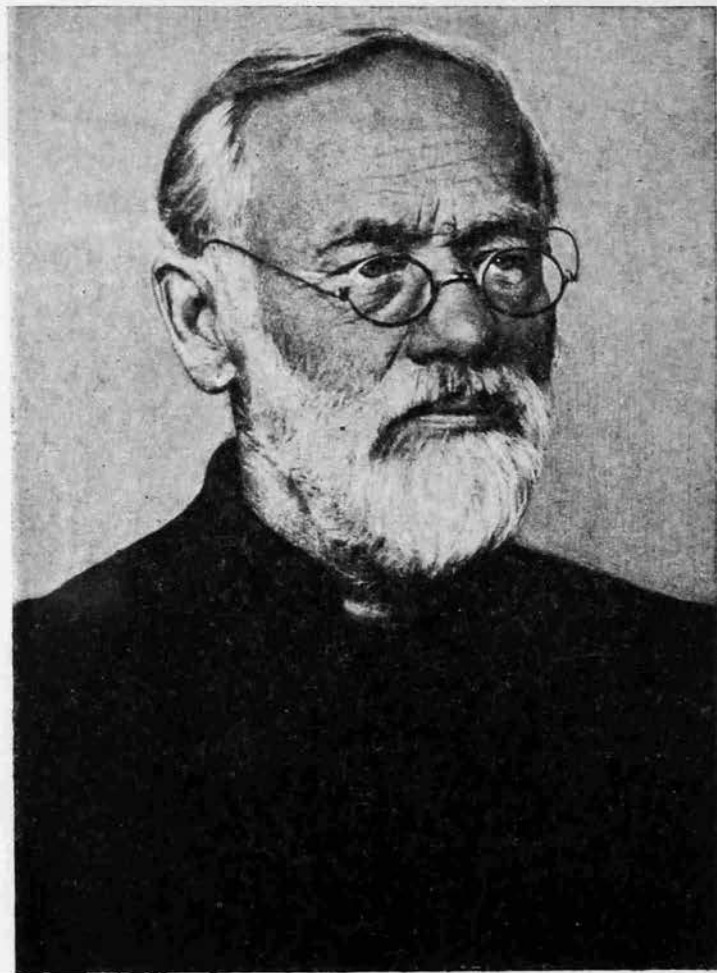
Х

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

Редактор академик Б. Д. Греков

*Редакционная коллегия: М. И. Артамонов, А. В. Арциховский,
С. Н. Замятин (ответственный секретарь), С. В. Киселев,
В. И. Равдоникас (зам. редактора), А. Ю. Якубовский.*

A. Cronquist.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Александр Андреевич Спицын. (От редакции)	7
Акад. С. А. Жебелев. Археолог-энтузиаст (Памяти А. А. Спицына)	9
Список ученых трудов А. А. Спицына	12
О. И. Бич. Архив А. А. Спицына	21
А. А. Спицын Поля погребальных урн.	53

Статьи и материалы

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки в долине р. Качи у г. Красноярска	75
С. Н. Замятин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы	85
Н. Н. Гурина. Каменные лабиринты Беломорья .	125
И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья	143
М. И. Артамонов. Третий Разменный курган у ст. Костромской	161
Н. А. Прокошев. Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье	183
А. П. Окладников. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири	203
М. В. Таллицкий. Керамика Протопоповского городища	227
М. К. Каргер. К вопросу о древнейшей истории Киева	235
А. Ю. Якубовский. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X вв.	255
А. Е. Алихова. Куликовский могильник	271
Н. В. Валуйкинский. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа	291

Мелкие сообщения

Н. Н. Чернягин. Гребень из Псковского городища	305
Н. Н. Бортвин. Инкрустированный топорик Чердынского музея	309
Н. П. Кипарисова. Игрушки-водолей из Пайкенда	310

	Стр.
С. В. Корш енко. Римский золотой медальон имп. Лициния Старшего из собрания Центрального Исторического музея УССР	317
Указатели (именной, географический и предметный) к сборникам „Советская археология“, I—X (составлены Н. А. Винберг)	323

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ СПИЦЫН

Имя Александра Андреевича Спицына навсегда вошло в историю русской археологии как имя одного из самых крупных и плодотворных ее деятелей. Это имя дорого каждому советскому археологу и ни один из них, особенно работающий в области первобытных, скифо-сарматских, славянских и древне-русских, а также финских древностей, не может успешно выполнять свои задачи, не прибегая к огромному научному наследию Александра Андреевича.

Александр Андреевич вышел из народных масс и был одним из лучших сынов великого русского народа. Начав свою деятельность в 80-х годах в качестве учителя в своей родной Вятке, он выдвинулся как археолог, и в 1892 г. был приглашен на работу в Археологическую комиссию, позднее и в Петербургский университет на должность приват-доцента.

В советский период он состоял действительным членом Академии истории материальной культуры и членом-корреспондентом Академии Наук.

За все это время вплоть до своей кончины (1931) он неутомимо работал над изучением многообразных древностей, которыми так богата наша великая Советская Страна. Ему принадлежит более 300 только печатных работ. Велико и его рукописное наследие, среди которого выделяется знаменитая спицынская картотека, представляющая систематизированный каталог памятников территории СССР, который он продолжал восполнять до самой своей смерти.

Кто был близко знаком с тем, как протекала напряженная деятельность Александра Андреевича, тот знает, что он вкладывал в нее все свои силы, всю свою жизнь. Кроме археологии для него, в сущности, другой настоящей жизни и не было. Только поэтому он и мог справиться с задачами, которые ставила перед ним его эпоха в истории археологических знаний в России.

Александр Андреевич не стремился к широким историческим обобщениям, полагая, что для этого еще не настало время, не строил новых теорий, не увлекался необоснованным фактами синтезом. К началу его деятельности русскими археологами уже был накоплен огромный вещевой материал, который продолжал возрастать с каждым годом. Однако этот материал в основной массе не был систематизирован и осмыслен, что препятствовало его использованию для собственно исторических исследований. Именно эти задачи — задачи первичного описания, систематизации, хронологизации, а также издания археологических памятников и легли на плечи Александра Андреевича. Именно этим он в основном и занимался неутомимо всю свою жизнь. Труд тяжелый, труд кропотливый, но труд чрезвычайно полезный, давший свои плодотворные, столь ценные для нас теперь результаты. И крупные издания Александра Андреевича по отдельным памятникам или их

группам (например «Люцинский могильник», «Древности бассейнов рек Оки и Камы», «Древности Камской Чуди», «Гдовские курганы» и т. д.) и его обзорные сводки («Городища Дьякова типа», «Обозрение губерний в археологическом отношении» и мн. др.) дают, так сказать, отправную ориентировку в соответствующих памятниках, первичное представление о их характере, о их хронологии и т. д.

Александр Андреевич немало сделал и в области систематизации опыта полевой работы. В частности, ему принадлежат два руководства по археологическим раскопкам и разведкам.

Памяти Александра Андреевича, этого труженика русской археологической науки, и посвящается настоящий том «Советской Археологии».

В первом разделе тома, после небольшой статьи академика С. А. Жебелева, дается исчерпывающая библиография работ А. А. Спицына и описание хранящихся ныне в ИИМК огромных архивных материалов и картотек покойного исследователя, представляющих большую научную ценность и широко использовавшихся (еще и при жизни А. А. Спицына) многими исследователями. Описание это, познакомив широкие круги советских археологов с содержанием спицынских картотек, сделает более доступным использование этих научных материалов, нередко уникальных.

В этом же разделе помещается и одна из неопубликованных работ А. А. Спицына, посвященная древнейшим славянским памятникам на территории СССР, привлекающим сейчас пристальное внимание советских исследователей.

В следующих разделах тематика статей отвечает кругу научных интересов А. А. Спицына. В числе этих статей содержится ряд публикаций и исследований, дающих новое освещение материалов, имеющих большое значение для изучения древнейшего прошлого нашей Родины, а также вводящих в научный оборот новые, ранее неизвестные или мало известные материалы.

Редакция.

Акад. С. А. ЖЕБЕЛЕВ

АРХЕОЛОГ-ЭНТУЗИАСТ

(Памяти А. А. Спицына)

Александр Андреевич Спицын начал свою археологическую деятельность во второй половине 90-х годов прошлого века, когда я с ним и познакомился либо в Археологической комиссии, членом которой он состоял, либо в Русском археологическом обществе, в члены которого он был избран вскоре же после своего приезда в Петербург. До этого времени, после окончания в 1882 г. Петербургского университета, Александр Андреевич служил преподавателем истории в Вятке. Там он напечатал несколько статей по истории и археологии этого города и Вятского края, обративших на себя внимание в археологических кругах того времени. Со многими петербургскими археологами Александр Андреевич встречался до своего приезда в Петербург на археологических съездах. Его приезду в Петербург, как я слышал, способствовали, в частности, старший член Археологической комиссии Н. И. Веселовский и заведующий Отделением русской и славянской археологии Русского археологического общества С. Ф. Платонов.

Нужно сказать, что до начала работы Александра Андреевича в Археологической комиссии русская археология там особым престижем не пользовалась, ее мало знали и мало ею интересовались. В этом легко убедиться, если пересмотреть издания Археологической комиссии приблизительно до 1895 г.

Петербургские археологи занимались отчасти классической археологией, отчасти нумизматикой, больше же архивными исследованиями и изучением древностей, хоть и археологических, но в земле никогда не лежавших. И первой заслугой Александра Андреевича на археологическом поприще нужно признать бесспорно то, что с его появлением в Археологической комиссии русская археология стала занимать в ней надлежащее место, причем речь здесь идет не только о собственно русской или славянской археологии, а об археологии России вообще.

В издававшихся Комиссией «Известиях» помещено много статей Александра Андреевича, посвященных самым разнообразным, но всегда новым археологическим темам. Им же было составлено несколько номеров «Материалов по археологии России», издававшихся Комиссией, которыми еще многие и многие годы будут пользоваться археологи.

Так же обстояло дело и в Отделении русской и славянской археологии Русского археологического общества. И это Отделение до появления в нем Александра Андреевича влачило довольно-таки жалкое существование; он оживил его своей неутомимой деятельностью — читал постоянно доклады на заседаниях Отделения и печатал свои многочисленные работы в его «Записках». Огромную работу провел

Александр Андреевич по приведению в порядок музея Археологического общества. Вообще работоспособности и энергии Александра Андреевича в достижении им своих научных целей можно было бы позавидовать. Об этом свидетельствуют как сотни его печатных работ, так и его огромная картотека. К своим служебным обязанностям как в Археологической комиссии, так и позднее в Академии истории материальной культуры Александр Андреевич относился всегда очень добросовестно. То же самое нужно сказать и об его преподавательской деятельности в Петербургском университете, где у него было несколько учеников, из которых одного — А. В. Тищенко, погибшего во время войны 1914—1918 гг., он в особенности ценил.

Вспоминаю, что, когда Александр Андреевич вступал в число приват-доцентов Петербургского университета, получить это звание можно было только после сдачи магистерских экзаменов и прочтения на Историко-филологическом факультете двух пробных лекций, одной на тему по своему выбору, другой на тему, предложенную факультетом. Историко-филологический факультет, во внимание к трудам и заслугам Александра Андреевича, освободил его и от экзаменов и от пробных лекций. В мою бытность членом факультета подобного рода исключение из общепринятых правил было сделано только для А. А. Спицына. И этот факт очень показателен, так как факультет всегда строго придерживался установленных правил при допущении того или иного лица к университетскому преподаванию.

В бытность свою студентом Петербургского университета Александр Андреевич никакой «школы» по археологии не прошел. Да и не мог пройти, потому что в его время в наших университетах археологические курсы не читались, а из истории искусства читалась лишь история греческого искусства, да и то лишь для студентов-классиков. Александр Андреевич был на историческом отделении факультета и окончил университет, не имея об археологии никакого определенного представления. Таким образом, волею судеб, он оказался в области археологии, в полном смысле слова, автодидактом. Что побудило его заняться археологией и стать археологом, мне осталось неизвестным. Кстати сказать, Александр Андреевич всегда делал ударение в слове археолог на последнем слоге и говорил археоло́г, что в сущности и правильно ввиду греческого *αρχαιολόγος*. Но, став археологом, А. А. Спицын внес в излюбленную им русскую археологию столько плодотворной энергии, столько неподдельного энтузиазма, поработал и наработал в ней так много, что всем этим в значительной степени покрываются те дефекты, которые неизбежно должны были иметь место в его ученой продукции из-за отсутствия того, что обычно называется «школой».

Александр Андреевич был исключительным знатоком курганных и могильных древностей эпохи бронзы, скифских, сарматских, славянских, народов Поволжья и Приуралья и др. — тут у него было очень мало соперников; к каждому предмету, найденному при раскопках, — а раскопок Александр Андреевич и сам произвел не мало — он относился с особой отеческой любовью, с особым захватывающим интересом. А. А. Спицын был и прекрасным систематизатором древностей, причем у него, впервые подходящего к подобным вопросам на русском материале, была выработана в этом направлении своя система, с которой, однако, в его время далеко не все были согласны. Но это обстоятельство Александра Андреевича нимало не смущало. Он обыкновенно твердо держался тех позиций, на которых стоял, в правильности которых он был искренне убежден, и переубедить его тут было трудной, а зачастую и невозможной задачей. Равным образом Але-

ксандр Андреевич прибегал иногда при объяснении того или иного археологического объекта к таким аналогиям, поверить в которые было нелегко. Систематизация древностей, произведенная А. А. Спицыным, приводила его иногда к не вполне правильным выводам и к не всегда точному их хронологическому определению. Все это вполне ясно теперь, когда наука в своем развитии прошла уже длительный путь. Александр Андреевич работал в то время, когда на памятники материальной культуры только начинали, да и начинали-то с опасением, смотреть, как на исторический источник, к которому нужно подходить с приемами такой же исторической критики, какая применяется к показаниям источников письменных. Александр Андреевич, как и свойственно энтузиасту, смотрел на археологию как на самодовлеющую научную дисциплину и оперировал с нею как археолог, а не как историк. Этим несколько не умаляются огромные заслуги А. А. Спицына, оказанные им исторической науке собиранием археологического материала и его систематизацией, классификацией и истолкованием. К своим выводам Александр Андреевич приходил лишь после того, как он сам убеждался в их правильности на основании выполненной им большой, иной раз кропотливой черновой работы. А тот энтузиазм, с которым Александр Андреевич вел работу, выпадавшую на его долю, вызывал и вызывает преклонение и глубокое уважение к его светлой личности и как ученого, и как человека.

СПИСОК УЧЕНЫХ ТРУДОВ А. А. СПИЦЫНА¹

1880

1. По поводу доказательств о Новгородском происхождении вятчан. ВГВ, № 69.

1881

2. Известия о Вятской стране Герберштейна. ВГВ, № 5.
3. Рецензии на сборник «Столетие Вятской губернии». ИВ, № 4, стр. 928—929.

1882

4. Каталог древностей Вятского края. КВГ на 1882 г., стр. 25—90.
5. Когда явилось русское население на Вятке, и были ли вятчане независимы. ВГВ, № 85.

1883

6. Нижневоотское городище Яранск. у. ВГВ, № 67.
7. Свод летописных известий о Вятском крае. КВГ на 1883 г., стр. 145—186.

1884

8. Акты Знаменской церкви в Вятке. ВГВ, №№ 89, 90.
9. История рода Рязанцевых. ВГВ, №№ 53—55. (Подпись: С. А.)
10. К 25-летию Вятской Марииинской гимназии. ВГВ, № 84.
11. Описание братины, принадлежавшей И. Ф. Рязанцеву. ВГВ, № 79.
12. Очерк истории Вятской Марииинской женской гимназии (при отчете ее за 1884 г.).

1885

13. Вятская старина. КВГ на 1885 г., стр. 149—191.

1886

14. Вотчины Вятского Успенского монастыря. КВГ на 1886 г., стр. 171 и сл.
15. К истории Великорорецкого образа св. Николая Чудотворца. ВГВ, № 80.
16. К истории Вятского Преображенского монастыря. ВГВ, № 88.
17. Программа для описания доисторических древностей Вятск. губ. Вятка, 36 стр.

1887

18. Библиографические заметки. ВГВ, № 15.
19. В ризнице Вятского кафедрального собора. ВГВ, № 40.
20. Земля и люди на Вятке в XVII в. КВГ на 1887 г., стр. 151—203 и отд. 52 стр.
21. Краткий отчет об археологической поездке летом 1887 г. КВГ, №№ 89, 90.
22. Новые археологические находки. ВГВ, №№ 81, 94.
23. Новые сведения по доисторической археологии Вятского края. ВГВ, №№ 5—7, 9, 10, 13—15.
24. Список предметов, отправляемых на выставку при Ярославск. Археологич. съезде. ВГВ, №№ 18, 19.

1888

25. Аваньянский могильник и костеносные городища. ВГВ, № 64.
26. Библиографические заметки. ВГВ, №№ 20, 32, 45.
27. Древние акты церкви с. Шестакова. ВГВ, № 82.

¹ В основу настоящего списка положен список ученых трудов А. А. Спицына, составленный им самим при представлении его к избранию в члены-корреспонденты Академии Наук («Записка об ученых трудах проф. А. А. Спицына» — Изв. АН СССР, VI сер., № 18, стр. 1505—1517). Список исправлен и пополнен библиотекой ИИМК.

28. Материалы для истории церквей Вятской епархии в XVIII в. Вятск. епарх. вед., № 14, стр. 411—422; № 18, стр. 518—540.
29. Новые археологические находки. ВГВ, №№ 22, 46, 83, 100.
30. Один из источников истории Вятского края. Изв. Общ. археол., истор. и этногр. при Казанск. унив., т. VI, в. 2, стр. 37—46.
31. Открытие Вятского приходского училища в 1817 г. ВГВ, № 78.
32. Отрывки из Пермской летописи Шишонко. ВГВ, №№ 29—31.
33. Первый труд по истории Вятского края. ВГВ, №№ 83, 87.
34. Подати, сборы и повинности на Вятке в XVII ст. КВГ на 1888 г., стр. 199—232.
35. Празднование в Елабуге в 1814 г. взятия Парижа. ВГВ, № 76.
36. Указ 1679 г. о высылке в Москву расходных тетрадей. ВГВ, № 104.

1889

37. Библиографические заметки. ВГВ, №№ 6, 80, 81, 87.
38. Воеводы на Вятке в начале XVII в. ВГВ, №№ 101—103.
39. Исторические материалы. ВГВ, №№ 2, 27, 33.
40. К истории Вятских инородцев, КВГ, стр. 208—234.
41. К истории покорения Вятки в 1489 г. ВГВ, № 88.
42. Материалы для истории церквей и монастырей Вятской епархии до XVIII в. Вятск. епарх. вед., № 2, стр. 33—41; № 5, стр. 124, 135; № 19, стр. 491—498. (Продолжение см. № 55.)
43. Места нахождения в Вятской губ. костей ископаемых животных. ВГВ, № 88.
44. Местное и областное управление на Вятке до XVIII в. КВГ на 1889 г., стр. 167—207.
45. Несколько старинных ставленных и иных грамот. ВГВ, № 77.
46. Новые археологические находки. ВГВ, №№ 60, 87, 103.
47. Присоединение Вятки к Московскому государству. ВГВ, № 71.
48. Чудские древности в Зюздинском крае. ВГВ, №№ 60—62.

1890

49. Археологические находки. ВГВ, №№ 56 и 103.
50. Вещественные памятники древних обитателей Вятского края. КВГ на 1890 г., стр. 85—103 и отд. 38 стр.
51. Деловая роспись Короваевых. ВГВ, № 13.
52. Древнейшая судьба Вятской области. КВГ, стр. 123—140.
53. Исторические акты из церковных архивов Вятской епархии. ВГВ, №№ 54, 72—74.
54. Краткий очерк кустарной промышленности. ВГВ, №№ 39, 42, 45, 51, 52.
55. Материалы для истории церквей и монастырей Вятской епархии до XVIII в. (Продолжение). Вятск. епарх. вед., № 8, стр. 216—223; № 22, стр. 578—585 (Начало см. № 42).
56. Некролог Н. Г. Первухина. ВГВ, № 1.
57. Некролог В. П. Хватунова. ВГВ, № 55.
58. Предания о разбойниках и кладах в Зюздинском крае. ВГВ, № 3.
59. Участие вятчан в походе 1499 г. на Сибирь. ВГВ, № 12.

1891

60. История Вятского Главного Народного Училища. КВГ на 1891 г. и отд. 79 стр.
61. Постройка старинных деревянных церквей. КВГ на 1892 г., стр. 303—308.
62. Систематический указатель статей местного отдела неофициальной части Вятских губернских ведомостей. КВГ на 1891 г. и отд. 79 стр. (Продолжение см. № 66).

1892

63. Оброчные земли на Вятке в XVII в. Изв. Общ. археол., истор. и этногр. при Казанск. унив., т. X, стр. 22—64.
64. Отчет Археологической комиссии на 1889 г., стр. 36—58; 75—76. (Без подписи).
65. Преподаватели русского языка и словесности Вятской гимназии в 1811—1865 гг. КВГ на 1892 г., стр. 314—339 и отд. 26 стр.
66. Систематический указатель статей местного отдела неофициальной части Вятских губернских ведомостей (Окончание). КВГ на 1892 г. и отд. 72 стр. (Начало см. № 62).
67. A. Spitzin. Gorodichtschés à ossements dans le nord-est de la Russie. Congrès international d'archéologie préhist. à Moscou, т. I. М., стр. 115—120.

1893

68. Археологические разыскания о древних обитателях Вятской губернии МАВГР, вып. 1. М., 191 стр.
 69. Костеносные городища на с.-в. России. КВГ на 1893 г., стр. 377—382.
 70. Люцинский могильник. МАР, № 14, СПб., 49 + 36 стр.
 71. Отчет Археологической комиссии за 1890 г., стр. 59—79 и 111—125. (Без подписи).
 72. То же за 1891 г., стр. 79—117, 119—132. (Без подписи).
 72а. Старинные колокола Вятских церквей. КВГ на 1893 г., стр. 382—386.

1894

73. Заметка о курганах Курской губ. АИЗ, т. II, стр. 326—328.
 74. Определение времени Люцинского и Лядинского могильников. Там же, стр. 403—406.
 75. Отчет Археологической Комиссии за 1892 г., стр. 36—73, 86—97. (Без подписи).

1895

76. Археологическая находка конца X в. в Глазовском у. Вятской губ. ЗРАО, т. VII, вып. 3—4, стр. 247—248.
 77. Дополнительные замечания (о чудских приладожских курганах). В кв.: Н. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18. Приложения, стр. 143—156.
 78. Отчет Археологической комиссии за 1893 г., стр. 39—46. (Без подписи).
 79. Отчет о поездке А. А. Спицына на Волгу. Там же, стр. 76—97. (Без подписи).
 80. Производство археологических раскопок. СПб., 71 стр.

1896

81. Гагинский могильник. ОАК за 1894 г., стр. 148—153. (Без подписи).
 82. Из раскопок фельдгофского могильника XVI в. в Витебской губ. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, стр. 63—64. (Подпись: А. С.)
 83. К вопросу о местонахождении Старого Сарая Золотой Орды. ЗВО, т. XI, стр. 287—290.
 84. Курганы Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. Обработал для издания А. Спицын. СПб., 124 стр. (МАР, № 20).
 85. Курганы, раскопанные П. М. Еременкой в Суражском у. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, стр. 84—102. (Подпись: А. С.)
 86. Материалы по доисторической археологии России. Там же, стр. 160—178, 187—189. (Без подписи).
 87. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении (Могилевская, Черниговская, Воронежская, Саратовская, Самарская губ.). Там же, стр. 115—159. (Без подписи).
 88. Один из типов погребений в курганах Южной России. Там же, стр. 44—48. (Подпись: А. С.)
 89. Отчет Археологической комиссии за 1894 г., стр. 14—46. (Без подписи).
 90. Предисловие к книге: Выставка древностей при Археологической комиссии. СПб., 1895, стр. 3—5.
 91. Предполагаемые литовские курганы VII—IX вв. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, стр. 103—114.
 92. Сведения 1873 г. о городищах и курганах (Подольская, Воронежская, Самарская губ.). Там же, стр. 237—306. (Без подписи).

1897

93. Ф. В. Духовников. (Некролог). АИЗ, т. V, стр. 95—96.
 94. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении. ЗРАО, т. IX, вып. 1—2, стр. 237—293 (Новгородская, Псковская, Витебская, Петербургская, Тверская губ.). (Без подписи).
 95. Отчет Археологической комиссии за 1895 г., стр. 30—81. (Без подписи).

1898

96. К вопросу о каменных бабах. ЗРАО, т. X, вып. 1—2, стр. 342—345. (Подпись: А. С.)
 97. Материалы по доисторической археологии России. Раскопки В. Завитневича 1892 г. Раскопки курганов Зарайского и Рязанского уу. в 1896 г.—Там же, стр. 326—333. (Без подписи).
 98. Мелкие заметки. Там же, стр. 358—367. (Подпись: А. С.)
 99. ОАК за 1896 г., стр. 85—104, 113—142. (Без подписи).
 100. Разбор, обработка и издание археологического материала. ЗРАО, т. X, вып. 1—2, стр. 346—357.

1899

101. Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, стр. 134—141. (Подпись: А. С.).
102. Курганы киевских торков и берендеев. Там же, стр. 156—160. (Подпись: А. С.).
103. Курганы с окрашенными костяками. Там же, стр. 53—133.
104. Материалы по доисторической археологии России (Раскопки в Херсонской губ. и Царицынском у., Жальники Боровичского у., древности Восточного Забайкалья, раскопки С. К. Кузнецова, раскопки Н. К. Рериха, раскопки В. Н. Глазова в Гдовском у. в 1898 г.). Там же, стр. 311—335. (Без подписи).
105. Медный пояс кавказского типа, найденный в Киевской губ. Арх. летоп. Южн. Росс., т. I, стр. 153—155.
106. Мелкие заметки. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, стр. 385—391. (Без подписи).
107. О степени достоверности записки Ибн-Фадлана. Там же, стр. 161—166.
108. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении (Смоленская, Орловская, Калужская, Тульская, Московская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Рязанская, Курская, Киевская, Подольская, Волынская, Минская, Гродненская, Виленская губ.). Там же, стр. 177—302. (Без подписи)
109. Предполагаемые древности Черной Руси. Там же, стр. 303—310.
110. Расселение древне-русских племен по археологическим данным. ЖМНП, VIII, стр. 301—340.
111. Сведения 1873 г. о городищах и курганах (Смоленская губ., Обл. Войска Донского). ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, стр. 336—384. (Без подписи).
112. Сопки и жальники. Там же, стр. 142—155. (Подпись: А. С.).
113. Шаманизм в отношении к русской археологии. Там же, стр. 167—176.

1900

114. Отчет Археологической комиссии за 1897 г., стр. 39—46, 49—83. (Без подписи).
115. Рецензия на соч. Н. Виноградова «Церковный собор 1682 г.». ЖМНП, VIII, стр. 399—405.

1901

116. Археологические материалы и мелкие заметки. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, стр. 270—311. (Без подписи).
117. Гляденовское костыше. Там же, стр. 228—269.
118. Дополнение к статье о пещном действе. Там же, стр. 201—209. (Подпись: А. С.).
119. Древности бассейнов рр. Оки и Камы, вып. 1. СПб., 120 стр. (МАР № 25).
120. Записка об исследовании собственно русских курганных древностей. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, стр. 404—408.
121. Отчет Археологической комиссии за 1898 г., стр. 41—53, 57—92. (Без подписи).
122. Пещное действо и халдейская пещь. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, стр. 95—131 и 201—209.
123. Примечание к отчету о раскопках В. Н. Глазова в Опочечком и Новоржевском уу. Там же, стр. 226—227. (Подпись: А. С.).
124. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринос. губ. ИАК, вып. I, стр. 69—79.
125. Серебряная фибула скандинавского типа в верховьях Дона. ИАК, вып. I, стр. 107—111.

1902

126. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием А. А. Спицына. СПб., 70 стр. (МАР, № 26).
127. Курган близ д. Пакальнишек Ковенской губ. ИАК, вып. 2, стр. 95—99.
128. Медная оправа кинжала из Терской области. ИАК, вып. 4, стр. 132—135.
129. Отчет Археологической комиссии за 1899 г., стр. 95—140. (Без подписи).
130. То же за 1900 г., стр. 49—60, 81—126. (Без подписи).

1903

131. Болотовская стоянка каменного века. ЗОРСА, т. V, вып. 1, стр. 239—277 (Подпись: А. С.).
132. Галичский клад. Там же, стр. 104—110. (Без подписи).
133. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. Обработал А. А. Спицын. СПб., 124 стр. (МАР, № 29).
134. Городища Дьякова типа. ЗОРСА, т. V, стр. 111—142. (Без подписи).
- 134а. Заметки о каменных крестах, преимущественно Новгородских. Там же, стр. 203—234. (Подпись: А. С.).
135. Заметки о некоторых Саратовских курганах. ИАК, вып. 5 стр. 123—127.
136. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, т. V, вып. 1, стр. 77—93. (Подпись: А. С.).

- 137 Отдельные находки металлических вещей в Верхнем Поволжье. Там же, стр. 193—195. (Без подписи).
138. Отчет Археологической комиссии за 1901 г., стр. 106—129, 137—148. (Без подписи).
139. Отчет В. Н. Глазова о раскопках в Псковской губ. в 1902 и 1903 гг. ЗОРСА, т. V, вып. 1, стр. 44—66. (Без подписи).
140. Отчет В. Н. Глазова о раскопках 1899 г. в Псковском у. Там же, стр. 67—76.
141. Последний период каменного века в Верхнем Поволжье. Там же, стр. 278—283. (Без подписи).
142. Предметы с выемчатой эмалью. Там же, стр. 149—192.
143. Раскопки близ г. Балахны. Там же, стр. 94—103. (Совместно с В. Каменским).
144. Раскопки Н. А. Смирнова в Клинском у. Там же, стр. 143—149. (Без подписи).
- ✓ 145. Сведения 1873 г. о городищах и курганах (Архангельская, Витебская, Могилевская, Оренбургская, Таврическая, Тамбовская, Херсонская, Черниговская губ.). ИАК, вып. V, стр. 1—95. (Без подписи).
146. Удлиненные и длинные курганы. Там же, стр. 196—202. (Подпись: А. С.).

1904

147. Извлечение из отчета Л. Ю. Лазаревича-Шепелевича о раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губ. ИАК, вып. 6, стр. 1—5. (Без подписи).
148. Лифляндские курганы. Там же, стр. 61—64.
149. Могильник с каменными кистами в Виленской губ. Там же, вып. XII, стр. 26—29. (Подпись: А. С.).
150. Находки на р. Лигате Рижского уезда. Там же, стр. 32—35.
151. Отчет Археологической комиссии за 1902 г., стр. 111—145. (Без подписи).
152. Памятники Латенской культуры в России. ИАК, вып. 12, стр. 78—86.
153. Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладугу. ЗОРСА, т. V, вып. 2, стр. 54—57. (Без подписи).
154. Поездка 1903 г. на озеро Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска. ИАК, вып. 6, стр. 65—78.
155. Раскопка курганов близ с. Колодистого. Там же, вып. 12, стр. 119—126.
156. Раскопки близ д. Дуденева Тверского уезда. Там же, вып. 6, стр. 6—11.
157. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого Киевской губ. Там же, вып. 12, стр. 87—118.
158. Северные лабиринты. Там же, вып. 6, стр. 101—112.
159. Случайные находки близ Семипалатинска. Там же, вып. 12, стр. 76—77. (Подпись: А. С.).

1905

160. Белогостицкий клад 1836 г. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, стр. 154—159. (Подпись: А. С.).
161. Вещь с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г. ИАК, вып. 17, стр. 115—126.
162. Владимирские курганы. Там же, вып. 15, стр. 84—172.
163. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. Там же, стр. 6—70.
164. Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии. КВГ на 1905 г., стр. 53—130 и отд. 80 стр.
165. Заметки о некоторых Киевских древностях. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, стр. 143—153. (Совместно с В. Гезе).
166. Кочевнический курган близ г. Юрьева Польского. ИАК, вып. 15, стр. 78—83.
167. Новые сведения о городищах Дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, стр. 84—93.
168. Новые сведения о медном веке в средней и северной России. Там же, стр. 73—82.
169. Отчет В. Н. Глазова о поездке 1903 г. на верховья Волги и в Демянский уезд. Там же, стр. 96—106. (Подпись: А. С.).
170. Отчет о раскопках С. А. Гатцука (1904 г.) в Смоленской, Московской и Тульской губ. Там же, стр. 107—138. (Подпись: А. С.).
171. Отчет о раскопках Л. Ю. Лазаревича-Шепелевича близ д. Овсиновки, Витебской губ. ИАК, вып. XV, стр. 75—77. (Подпись: А. С.).
172. Раскопки В. Н. Глазова близ погоста Лыбуты. Там же, стр. 71—74.
173. Раскопки А. А. Смирнова в Дмитровском уезде. ЗОРСА, т. VII, вып. 1. Там же, стр. 94—96. (Без подписи).
174. Старейшие русские могильники в Новгородской обл. ИАК, вып. 15, стр. 1—5.
175. Стоянка каменного века близ г. Балахны. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, стр. 1—72. (Совместно с В. Каменским).

1906

176. Два клада из Киевской губ. ОАК за 1903 г., стр. 184—197. (Без подписи).
177. Древние акты. Тр. Вятск. губ. уч. арх. ком., вып. 1—6, стр. 26—36, 42—43, 69—70.
178. Зауральские древние городища. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, стр. 212—226.

179. Из коллекций Имп. Эрмитажа. Там же, стр. 249—274.
 180. К вопросу о Мономаховой шапке. Там же, стр. 146—184.
 181. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими. Тр. II Обл. Тверск. АС. Тверь, стр. 1—6.
 182. Майданы. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, стр. 1—23.
 183. Отчет Археологической комиссии за 1903 г., стр. 54—58, 122—154, 168—176. (Без подписи).
 184. Могильник V в. в Черноморье. ИАК, вып. 19, стр. 103—107.
 185. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, стр. 125—211.
 186. Серогские курганы. ИАК, вып. XIX, стр. 1—80.
 187. Сибирская коллекция Кунсткамеры. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, стр. 227—248.
 188. Шаманские изображения. Там же, стр. 29—145.

1907

189. Древние акты. Тр. Вятск. губ. уч. арх. ком., вып. III, стр. 2—7.
 190. Из собрания Н. К. Рериха. ЗОРСА, т. VII, вып. 2, стр. 232—236. (Подпись: А. С.).
 191. Мелкие заметки. Там же, стр. 243—267. (Без подписи).
 192. Могильник VI—VII в. в Черноморской области. ИАК, вып. 25, стр. 188—192.
 193. Отчет Археологической комиссии за 1904 г., стр. 83—85, 108—139. (Без подписи).
 194. Отчет о раскопках, произведенных В. Н. Глазовым в 1906 г. в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VII, стр. 2, стр. 237—240. (Подпись: А. С.).
 195. Раскопки близ слободы Гусевки Царицынского у. Там же, стр. 226—231. (Подпись: А. С.).

1908

196. Археологические разведки. СПб., 96 стр.
 197. Из архива Археологической комиссии. ИАК, вып. 26, стр. 62—176. (Подпись: А. С.).
 198. Краткий каталог Музея Русского археологического общества. СПб., 52 стр.
 199. Отчет Археологической комиссии за 1905 г., стр. 68, 76—87, 91—108. (Без подписи).
 200. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии с 1907 г. ИАК, вып. 26, стр. 2—61 (Без подписи).
 201. То же. Там же, вып. 28, стр. 1—106. (Без подписи).

1909

202. Бухарский клад и Мономахова шапка. ИАК, вып. 29, стр. 73—81.
 203. Дополнение к статье Яроцкого о Волынских древностях. Там же, стр. 60—64. (Подпись: А. С.).
 204. Из архива Археологической комиссии, Костромская губ. Там же, вып. 31, стр. 67—296. (Подпись: А. С.).
 205. Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП, № 1, стр. 67—98. (Подпись: А. С.).
 206. Моцкайский могильник. ИАК, вып. XXIX, стр. 71—72. (Подпись: А. С.).
 207. Некоторые Закавказские могильники. ИАК, вып. XXIX, стр. 1—17. (Подпись: А. С.).
 208. Некоторые находки медного века. Там же, стр. 65—67. (Подпись: А. С.).
 209. Отчет Археологической комиссии за 1906 г., стр. 106—143. (Без подписи).
 210. Отчет о раскопках, произведенных в 1907 г. в Черниговской губ. С. А. Гатцуком. ИАК, вып. 29, стр. 164—167. (Подпись: А. С.).
 211. Памяти Н. В. Султанова. Там же, вып. 31, стр. I—IV. (Подпись: А. С.).
 212. Писцовые книги г. Орлова и Котельнича 1629 г. Тр. Вятск. губ. уч. арх. ком., вып. I—III, 188 стр.
 213. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии. ИАК, вып. 31, стр. 1—66. (Без подписи).
 214. То же. Там же, вып. 32, стр. 1—90. (Без подписи).
 215. Раскопки В. А. Шукевича. Там же, вып. 29, стр. 68—70. (Подпись: А. С.).
 216. Татарские байсы. Там же, стр. 130—141.
 217. Уродливые медные статуэтки. Там же, стр. 142—152. (Подпись: А. С.).
 218. Фалары Южной России. Там же, стр. 18—53. (Подпись А. С.).

1910

219. Археологические раскопки. СПб., 125 стр.
 220. Отчет Археологической комиссии за 1907 г., стр. 83—84, 99—124. (Без подписи).
 221. Переписные книги г. Орлова и Котельнича 1678 г. Тр. Вятск. губ. уч. арх. ком., вып. I, 120 стр.; вып. II, 151 стр.
 222. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии. ИАК, вып. 34, стр. 1—54. (Без подписи).

223. То же. ИАК, вып. 36, стр. 1—62. (Без подписи).
 224. Раскопка кургана в Валуйках. Там же, вып. 35, стр. 131—132. (Подпись: А. С.).

1911

225. Описание памятников русской архитектуры по губерниям. Архангельская губ. ИАК, вып. 39, стр. 102—162. (Без подписи).
 226. Описание памятников архитектуры. Арханг. губ. Там же, вып. 41, стр. 78—222. (Без подписи).
 227. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии. Там же, вып. 39, стр. 1—76. (Без подписи).
 228. То же. Там же, вып. ХLI, стр. 1—77. (Без подписи).
 229. Скифы и Гальштатт. Сб. арх. ст., поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., стр. 155—168.
 230. Торговые пути Киевской Руси. Сб. статей, посвящ. С. Ф. Платонову. СПб., стр. 215—253.

1912

231. Отчет Археологической комиссии за 1908 г., стр. 162—187.
 232. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии. ИАК, вып. 44, стр. 1—94. (Без подписи).
 232a. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии. Там же, вып. 50, стр. 1—98.
 233. То же. Там же, вып. 46, стр. 1—90. (Без подписи).
 234. Саратовские древности, 7 стр. (Прибавл. к 29 вып. Тр. Саратов. губ. уч. арх. ком.).

1913

235. Описание памятников русской архитектуры по губерниям. Иркутская губ. ИАК, вып. 50, стр. 99—138. (Без подписи).
 236. То же. Вятская губ. ИАК, вып. 48, стр. 55—129.
 237. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии. Там же, вып. 48, стр. 1—42.
 238. Отчет Археологической комиссии за 1909—1910 гг., стр. 162—174, 176—183, 187—232.

1914

239. Венгерские вещи X в. в России. ИАК, вып. 53, стр. 107—110. (Подпись: А. С.).
 240. Дополнение к статье о Михалковском кладе. Там же, стр. 135—136.
 241. Инструкция по археологии Сибири. Сб. инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. СПб., стр. 252—255.
 242. Некоторые новые приобретения Саратовского Музея. ИАК, вып. 53, стр. 95—106. (Подпись: А. С.).
 243. Несколько статуэток. Там же, стр. 126—134.
 244. Описание памятников русской архитектуры. Олонецкая губ. Там же, вып. 52, стр. 128—172. (Без подписи).
 245. Отчет Археологической комиссии за 1911 г., стр. 64—90. (Без подписи).
 246. Писцовая книга Хлыновского уезда 1629 г. Тр. Вятск. губ. уч. арх. ком., вып. 1, стр. 1—216.
 247. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии. ИАК, вып. 52, стр. 1—127. (Без подписи).
 248. То же. Там же, вып. LV, стр. 1—130. (Без подписи).
 249. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде Петроградской губ. Там же, вып. 53, стр. 81—94.

1915

250. Археологический альбом. ЗРАО, т. XI, стр. 225—250.
 251. Декоративные топорики. Там же, стр. 222—224.
 252. Описание памятников русской архитектуры. Вологодская губ. ИАК, вып. 57, стр. 125—177. (Без подписи).
 253. То же. Там же, вып. LIX, стр. 107—190. (Без подписи).
 254. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии. Там же, вып. LVII, стр. 3—76.
 255. То же. Там же, вып. 59, стр. 1—95.
 256. Русский палеолит. ЗОРСА, т. XI, стр. 133—172.
 257. Тмутараканский камень. Там же, стр. 103—132.

1916

258. Бородинский клад. Сб. ст. в честь П. С. Уваровой. М., стр. 108—115.
 259. Заметки из поездки 1898 г. ИАК, вып. 60, стр. 73—93.
 260. Описание памятников русской архитектуры. Вологодская губ. Там же, вып. 61, стр. 1—61. (Без подписи).

261. Отчет Археологической комиссии за 1912 г., стр. 59—96. (Без подписи).
262. Памяти А. В. Тищенко. Сб. «А. В. Тищенко, его работы, статьи о нем». СПб., стр. 9—11.
263. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии. ИАК, вып. 61, стр. 71—190.

1917

264. Описание памятников русской архитектуры. Вологодская губ. ИАК, вып. 64, стр. 1—31. (Без подписи).
265. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии. Там же, стр. 40—100. (Без подписи).
266. Русская историческая география. Учебный курс. 68 стр. Пгр.

1918

267. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 67, стр. 87—143.
268. Отчет Археологической комиссии за 1913—1915 гг., стр. 159—167, 172—222. (Без подписи).
269. Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии (по октябрь 1917 г.). ИАК, вып. 66, стр. 1—133. (Без подписи).
270. Раскопки курганной группы у д. Гришкиной Устюженского у. Новгородской губ. Там же, вып. 69, стр. 153—156.
271. Скифо-сарматские курганы Крымской степи. Изв. Тавр. губ. уч. арх. ком., № 54, стр. 172—181.
272. Случайные находки и приобретения за 1916 г. ИАК, вып. 66, стр. 158—176.

1921

273. Бежецкие древности. Бежецкий край. Сб. статей. Вып. I, Бежецк, стр. 1—20.

1922

274. Археология в темах начальной русской истории. Сб. статей по русск. истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., стр. 1—12.

1923

275. Первый Вятский Областной Краеведческий съезд. Краеведение, т. II, № 2, стр. 186—191.
276. Саратовские стоянки медного века. Тр. Общ. ист., археол. и этногр. при Саратовск. унив., вып. 34, ч. 1, стр. 32—38.

1924

277. Древности Иваново-Вознесенской губ. Сб. «Иваново-Вознесенская губерния». Иваново-Вознесенск, стр. 174—193.
278. Краеведение в Литве. Краеведение, № 3, стр. 326.
279. Новые общие и областные обзоры русских древностей. Там же, т. II, № 1—2, стр. 170—172.
280. Работы проф. Б. Э. Петри в Сибири. Там же, № 3, стр. 339—340.
281. Н. А. Спасский. Там же, т. II, № 1—2, стр. 115—118.

1925

282. Древности Пензенской губ. Тр. Пензенск. общ. любит. естеств. и краев., вып. VII, стр. 1—14.
283. Литовские древности. Ере Lituana. Kaupas, вып. III, стр. 112—171.
284. Поездка на Волгу. Изв. Центр. бюро краевед., № 3, стр. 88—90.

1926

285. В глубине веков. «Наш край». Иваново-Вознесенск, стр. 20—38. Обзор археологических находок в Иваново-Вознесенском крае.
286. Древности Севера Вологодской, Архангельской, Северо-Двинской губ. и области Коми. Тотъма, 17 стр. (Доклады Научн. общ. по изуч. местного края при Тотемском музее, вып. IV).
287. Краеведение в Белоруссии. Изв. Центр. бюро краевед., № 3, стр. 81—82.
288. Краеведение на Украине. Там же, № 3, стр. 82—84.
289. Ржевские древности. «Ржевский край», № 1, стр. 157—171.
290. Севастопольское краеведение. Изв. Центр. бюро краевед., № 8, стр. 279—282.
291. Турбинские находки. Пермский Краеведческ. сб., вып. II, стр. 2—5.
292. Учет памятников древности. Краеведение, № 3, стр. 311—318.

1927

293. Донецкий неолит. Изв. Центр. бюро краевед., № 5, стр. 173—174.
 294. Південно-руський неоліт (Южно-русский неолит). Юбіл. збірник на пошану акад. Д. І. Багалія, Київ, стр. 251—263. Библиография.
 295. Разведки памятников материальной культуры. Пособия для краеведов. Л., 141 стр.
 296. Татарские курганы. Изв. Таврич. общ. ист., археол. и этногр., т. I (58), стр. 149—153.

1928

297. Археологические заметки. 1. Два особых типа каменных топоров. 2. Карта распространения медных и бронзовых топоров. 3. Культура Коршуновская. 4. Из области Фатьяновской культуры. 5. Каменные бабы-стелы. Тр. секции арх. РАНИОН, т. IV, стр. 481—489, табл. XXVII.
 298. Древности антов. Сб. ОРЯС, т. С1, № 3, стр. 492—495.
 299. Изюмская керамика. Старовинности Изюмщины. Изюм, вып. 3, стр. 14—15.
 300. Карты бронзового века Восточной Европы. Seminarium Kondakovianum, II. Прага, стр. 77—84, 1 карта.
 301. Краеведческая работа на базарах. Краеведение, 1928 г., т. V, № 9, стр. 521—523.
 302. Мои научные работы. Там же, стр. 331—342, с портретом.

1929

303. Олонеккие петроглифы. По поводу статьи А. М. Линевского. Сб. Лен. общ. иссл. культур финно-угорских народностей (ЛОИКФУН), I, стр. 49—52, 1 илл.
 304. Основные русские племена (по данным археологии). Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., стр. 28—30.
 305. Памятники древности и старины северо-западной области. Краеведение, т. VI, № 6, стр. 355—357.
 306. Примерная анкета по учету памятников древности. Там же, т. VI, № 10, стр. 620.

Посмертное издание

307. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Огиз, Л., 1933, 20 стр., XI табл. (Материалы ГАИМК, вып. 2).
-

О. И. БИЧ

АРХИВ А. А. СПИЦЫНА

(Крайние даты архивных материалов 1880—1931 гг.)

Архив А. А. Спицына (фонд № 5 архива Института истории материальной культуры Академии наук СССР) поступил в институт 11 февраля 1932 г. от жены покойного. Архив этот представляет для археологов и историков материальной культуры совершенно исключительный интерес.

В течение долгого ряда лет в руках А. А. Спицына сосредоточивались нити, тянувшиеся в Археологическую комиссию со всех концов России. Благодаря работе в Комиссии и письмам, которые он получал от своих многочисленных учеников, постоянным поездкам, наконец, умению извлекать полезные для археологии сведения даже от людей, не имеющих к ней никакого отношения, А. А. Спицын был всегда в курсе всех археологических событий, всех раскопок и находок, всего того, что попадало значительного в провинциальные музеи или в частные коллекции.

Все эти разнообразные сведения он учитывал, заносил на карточки определенного формата (в восьмушку писчей бумаги старого образца), распределял по темам и складывал для хранения в специальные папки.

Так создавались знаменитые спицынские «корочки» — сто восемьдесят восемь томов ценнейшего археологического материала, в значительной части еще не изданного и не обработанного: для обработки его потребовалась бы целая армия археологов самых разнообразных специальностей.

«Корочки» хорошо знакомы всем, кто причастен к археологии. К ним часто приходится обращаться за теми или иными справками.

Менее известен другой труд А. А. Спицына: двадцать томов систематически подобранных иллюстраций, частью зарисовок, частью вырезок из разных изданий, тщательно наклеенных на листы одинакового формата и распределенных по темам. Несколько снижает ценность этих материалов отсутствие указаний на издания, откуда взяты иллюстрации, но так как количество изданий по археологии у нас довольно ограничено, то происхождение той или иной вырезки, за редкими исключениями, может быть установлено без особого труда. Для этих альбомов А. А. Спицыным были широко использованы также корректурные оттиски изданий Археологической комиссии и Русского археологического общества. Неизвестно, имел ли в виду А. А. Спицын издать эти альбомы: они несомненно явились бы незаменимым пособием для учащихся, педагогов и музейных работников.

Еще менее известен третий большой труд А. А. Спицына.

Мы привыкли видеть в А. А. Спицыне только археолога, но по существу он был историком русского быта в самом широком смысле

слова. В круг его интересов входило изучение всех сторон русской материальной культуры с древнейших времен вплоть до петровской эпохи. А. А. Спицын задумал создать вполне оригинальный труд: монументальную энциклопедию «Словарь русской старины». Несомненно, что потребность в подобного рода справочнике давно назрела. Словарь должен был делиться на три части — одну общую и две специальные: «Старина военная» и «Старина культовая». Результатом трудов А. А. Спицына в этом направлении явилась картотека более чем в сто тысяч карточек. Имеется алфавитный указатель ко всем трем частям, два библиографических указателя (по авторам и по материалу) и подбор иллюстраций, зарисовок пером, тушью и акварелью в количестве почти пяти тысяч листов.

Остается сожалеть, что на этом пути А. А. Спицын не нашел продолжателей и что весь этот богатый материал, плод нескольких десятков лет работы, выполненной с большой эрудицией, остается погребенным в архиве; к тому же, плохое качество бумаги и чернил угрожает самой сохранности этого материала.

Из рукописей А. А. Спицына значительный интерес представляют археологические описания губерний и областей России. Хотя некоторые из них были изданы, однако рукописный текст почти всегда отличается от печатного и является более полным, так как описания непрерывно пополнялись.

В настоящем издании материал расположен по следующим отделам:

I. Рукописи А. А. Спицына.

II. Заметки на карточках («корочки»). Расположены в том порядке, в каком хранились у А. А. Спицына.

III. Сводки сведений о древностях по губерниям и областям.

IV. Картотеки.

V. Иллюстрации, подобранные по темам.

VI. Карты. Планы.

VII. Совместные записи А. А. Спицына и других лиц.

VIII. Письма разных лиц и организаций к А. А. Спицыну.

IX. Рукописи разных лиц.

X. Копии архивных материалов и надписей.

XI. Копии, извлечения и переводы газетных и журнальных статей.

Первая цифра в списках обозначает порядковый номер, вторая — номер инвентарной описи.

I. РУКОПИСИ А. А. СПИЦЫНА

1. 131. «О слепых». 1880-е годы. 4 л.

Статья для Вятских губернских ведомостей.

2. 87. «Раскопки Шукевича и Вольтера в Виленской губ. в 1888—1892 гг. Литовские курганы. Каменные могилы». 28 л.

3. 86. «Поездка летом 1891 г. на р. Юм. (Котельнический у. Вятской губ.)». 23 л. Переписано не рукой А. А. Спицына.

4. 88. «О раскопках Романова в Могилевской и Витебской губ. в 1892 и 1893 гг.». 4 л.

5. 89. «Отчет о поездке члена Археологической комиссии Спицына летом 1893 г. на Жареный Бугор и на некоторые Приволжские Золотоордынские города». 20 л.

6. 21. «Курганные древности бассейна р. Немана». 1894, февр. 18. 10 л.

7. 56. «Общий обзор доисторических древностей Прибалтийского края России». 1896. 7 л.

Доклад, читанный на X Археологическом съезде в Риге 10 августа 1896 г.

8. 89-а. Дневник поездки в Пермский и Соликамский уезды Пермской губ. (дд. Грудяны, Деменки, Шибаново, Селяниково оз., Броды и др.). 1901. 27 л.

9. 48. «Коллекция Теплоухова». 1902. 16 л.

См. список ученых трудов № 126.

10. 79. «Первые страницы русской истории». 1904, сент. 9. 2 л.

- 11 90 «С. Боршево». 15 л.
О поездке А. А. Спицына в 1905 и 1906 гг. в Воронежскую губ. Боршево городище. Голышевка, скифские торцовые склепы.
12. 132. «О сломке колокольни с. Янева, Сузд. у. Владимирской губ. в 1906 г.». 2 л.
13. 73. «Путь норманнов на восток». 1909, февр. 14. 2 л.
14. 95. «Курс археологии». 1909. 44 л.
15. 96. «Введение в археологию». 1909. 36 л.
16. 42. «Работа сибиряков-экскурсантов по археологии в 1912 г.». 4 л.
17. 59. «Литва». 1912. 14 л.
18. 91. «Южно-русские древности. Поездка в Венгрию в 1914 г.». Окт. 3. 3 л.
19. 97. «Общий курс русской археологии», 1916. 2 л.
Конспект.
20. 58. «Древности Литвы». 1917, февр. 10. 2 л.
21. 109. «Историческая география». 1917. 36 л.
См. список ученых трудов № 266.
22. 60. «Раскопки Гришкинских курганов в 1918 г.». 2 л.
Отличается от текста статьи «Раскопки курганной группы у д. Грипкиной, Устюжского у., Новгород. губ.». ИАК, вып. 65, Пгр., 1918, стр. 153—156.
23. 26. «Скифо-сарматские курганы Крымской степи». 5 л.
См. список ученых трудов № 271.
24. 92. «Поездка в погост Бежица в 1920 г.». 1920, сент. 8. 4 л.
25. 81. «Три расы». 1921, июль 13. 2 л.
26. 93. «Задачи археологических исследований по линии Вытегра — Бежецк». 1921, авг. 11. 2 л.
27. 98. «Археология России. Пособие для слушателей Археологического Института». 1921. 8 л.
Конспект.
28. 17. «Монтелиус о бронзовом веке». 1922, июнь 7. 14 л.
29. 66. «Бежецкие древности». 1922. 12 л.
См. список ученых трудов № 273.
30. 80. План статьи по истории русского быта. 1922, авг. 1. 15 л.
31. 99. «Археология России. Пособие для слушателей Археологического института». 1922. 54 л.
32. 104. «Русские древности». 1922. 10 л.
33. 106 «Конспект лекций по русской старине А. А. Спицына в 1922/23 учебн. году». 23 л.
Написан не рукой А. А. Спицына.
34. 50. «Древности Вологодской и Северо-Двинской губ.». 1922, сент. 21 по 1925, апр. 29. 23 л.
См. список ученых трудов № 286.
35. 43. «Саратовская стоянка медного века». 6 л.
См. список ученых трудов № 276.
36. 57. «Литовские древности». 1923, дек. 7. 89 л.
См. список ученых трудов № 283.
37. 54. «Лахта», 3 л.
Описание лахтинской стоянки и ее раскопок в 1922 и 1923 гг.
38. 100. «Русские древности». 1924, 12 л.
Зачетные требования, переписанные не рукой А. А. Спицына.
39. 120. «Общие положения о краеведении». 1924. 8 л.
40. 49. «Турбинские находки». 1925, дек. 26, 5 л.
См. список ученых трудов № 291
41. 1а. Автобиография А. А. Спицына, 1925. 1 л.
42. 82б. «Пехрянская десятина». 1925. 71 л.
Переписана не рукой А. А. Спицына, но с его пометками.
43. 107. «Старый русский быт». 1925, окт. 8. 141 л.
44. 115. «Археологические раскопки». 1925, июнь 4. 18 л.
45. 130. «Старый краевед Н. А. Спасский». 3 л.
См. список ученых трудов № 281
46. 134. «Сводка сведений о составлении археологических карт и археологических описаний губерний» 1873—1925 гг. 2 л.
47. 65. «Ржевские древности» 1926. 9 л.
См. список ученых трудов № 289.
48. 67. «В глубине веков» 1926.
См. список ученых трудов № 285.
49. 121. «Учет памятников древности». 4 л.
См. список ученых трудов № 292.
50. 122. «Работа краеведов в деле изучения памятников материальной культуры. Учет памятников древности» 1926. 4 л.
51. 23. «Южно-русский неолит». 1927, янв. 22. 11 л.

52. 41. «Иртыш». 1927, окт. 7. 2 л.
53. 18. «Карта бронзового века восточной Европы». 1927, ноябрь 5. 6 л.
См. список ученых трудов № 300.
54. 4. «Отчет за первую половину 1926/27 учебного года». 2 л.
О курсе, прочитанном в Лен. Гос. университете.
55. 61. «Удлиненные и длинные курганы Смоленской губ.». 1928. 10 л.
56. 19. «Несколько заметок. 1. Два особые типа каменных топоров. 2. Карта распространения медных и бронзовых топоров. 3. Культура Коршунковского типа. 4. Из области фатьяновской культуры. 5. Каменные бабы-стелы». 1928. 5 л.
См. список ученых трудов № 297.
57. 129. «Памяти В. И. Гошкевича». 1928. 2 л.
58. 30. «Древности антов». 3 л.
См. список ученых трудов № 298.
59. 52. «Олонецкие петроглифы». 1928, июнь. 4 л.
См. список ученых трудов № 302.
60. 94. Поездка в 1928 г. по Себежскому уезду. 6 л.
61. 126а. «Охрана памятников древности и старины». 1928. 4 л.
62. 126б. «Примерная анкета по учету памятников древности». 1928, май 4. 1 л.
См. список ученых трудов № 305.
63. 119. Инструкция к открытым листам, выдаваемым Главнаукой на право производства разведок и раскопок. 1928, декабрь 28. Маш. 7 л.
С рукописными поправками и дополнениями А. А. Спицына.
64. 125. «Краеведческая работа на базарах».
См. список ученых трудов № 301.
65. 44. «Абашевская культура», ок. 1928—1929. 2 л.
66. 1-б. «Список ученых трудов А. А. Спицына», ок. 1929. 9 л.
67. 39. «Шигирская керамика». 1929. 2 л.
68. 133а. Рецензия на книгу А. Ильина и П. Шишкина «Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и части Астраханского и Камышинского округов». Сталинград, 1929. 1 л.
69. 33. «Древности Средней Азии». 1930. 190 л.
70. 53. «Павловские каменные бабы». 1930. 4 л.
71. 11. Справочник для краеведов. Без заголовка. 43 л.
Разделен на главы: «Предисловие». — «Палеолит». — «Неолит». — «Южный и западный раздел неолита». — «Костяная культура». — «Медный период». — «Младший медный век». — «Бронзовый век». — «Гальштатт». — «Латен».
72. 12. Конспект лекций. 6 л.
«Каменный век». — «Среднеевропейский каменный век». — «Среднерусский каменный век». — «Костеносные городища». — «Шигирская культура». — «Костяной век». — «Закавказские могильники». — «Кобанская культура». — «Бронзовый век». — «Сибирские древние городища». — «Минусинский медный век».
73. 13. Конспект лекций. 6 л.
«Древности западных скифов». — «Фракийская культура». — «Понтийская культура». — «Гальштатт». — «Латенская культура».
74. 14. Конспект лекций. 11 л.
«Энеолит». — «Медный период». — «Средний медный век». — «Младший медный век». — «Бронзовый период». «Гальштатт». — «Латен». — «Доскифская культура».
75. 15. «Кокс палеолита». 2 л.
76. 16. «Палеолит. Мезолит». 1 л.
77. 20. «Русский Гальштатт». 7 л.
78. 22. «Доисторические древности Галиции». 10 л.
79. 24. «Древности южной России». 16 л.
80. 25. «Поздне-сарматские древности». 182 л.
81. 27. «Герр». 21 л.
О скифах на нижнем Днепре.
82. 28. «Скифская культура. Скифо-сарматская культура. Старейшие скифские древности. Скифы». 8 л.
83. 29. «Киммерийцы. Мидяне. Скифы». 2 л.
84. 31а. «Аварские древности». 32 л.
85. 31б. «Поля погребальных урн». Маш. 26 л.
86. 32. «Аланы». 3 л.
87. 34. «Древности Средней Азии». 22 л.
88. 35. «Историко-географический обзор Средней Азии». 14 л.
89. 36. «Клад 1841 г. близ Астарабада». 4 л.
90. 37. «Хронология могильника Суук-Су». 3 л.
91. 38а. «Татарские курганы». 5 л.
92. 38б. «Инструкция». рук., фотомех., фот. и рис. 135 л.
93. 40. «Урало-алтайская культура». 3 л.

94. 45. «Мордовские могильники IX—XVII вв.». 8 л.
95. 46. «Камские костища гляденовского типа. III—VI св.». 17 л.
Отличается от текста статьи «Гляденовское костище», ЗРАО, т. XII, кн. 5, СПб., 1901.
96. 46а. «Организация областных археологических съездов». 7 л.
97. 47. Материалы для 2-го тома «Древностей бассейнов рек Оки и Камы». 5 л.
98. 51. «Записки о древностях лопарей». 5 л.
99. 55. «Общий обзор доисторических древностей железного века Прибалтийского края». 9 л.
100. 62. «Древности северо-восточного края». 7 л.
Палеолит. — Неолит. — Костяной период. — Медный век. — Бронзовый век. — Костеносные городища. — Зауральские городища. — Шигирская культура. — Скифские древности. — Парфянские древности. — Финские древности.
101. 63. «Археологический очерк Тверской губернии». 28 л.
102. 64. «Рязань». 4 л.
О населении Рязанского края в VIII—XIII вв.
103. 68. «Торговая книга». 2 л.
104. 69. «Гривенная денежная система». 3 л.
105. 70. «Немая торговля». 2 л.
106. 71. «Торговые и промышленные центры восточной Европы». 7 л.
107. 72. «Торговые сношения востока и запада в IX—XI вв.». 3 л.
108. 74. «Норманский период в русской истории». 5 л.
109. 75. «Сибирское летописание». 10 л.
110. 76. «Киевская летопись». 10 л.
111. 77. «Сельское хозяйство в старой Руси». 10 л.
112. 78. «Культурные течения в древней Руси». 1 л.
113. 82а. «Литургия». 4 л.
114. 83а. «Материалы к словарю русской старины»: Указатель. — «Ополчение Гермона». — «Бояре». — «Донские казаки». — «Чины». — «Каменный век». — «Змиевы валы». — «Древности Кавказа». 140 л.
115. 83б. «Донские казаки». 15 л.
116. 83в. «К истории донского казачества». 23 л.
117. 84. «Материалы для истории городов Вятского края до XVIII века». 5 л.
118. 85. «Несколько замечаний русского археолога». 6 л.
119. 223 «Einige Beobachtungen eines russischen Archäologen». 9 л.
120. 101. «Введение в археологию». 26 л.
121. 102. «План общего курса русской археологии». 1 л.
122. 103. «Общая археология». 3 л.
124. 108. «Материалы по истории русского быта». 232 л.
Расположены по отделам: «Двор». — «Деревня». — «Город». — «Царский дворец». — «Деревянный город». — «Военная охрана государства». — «Ткани». — «Старинная русская одежда». — «Старый русский стол». — «Выезд». — «Передвижение». — «Промыслы». — «Техника». — «Торговля». — «Сословия. Чины». — «Искусство». — «Потехи». — «Наука». — «Убранство комнат». — «Свадьба».
125. 110. «Курс исторической географии». 160 л.
126. 111. «Историческая география». 25 л.
127. 112. «Историческая география царского периода». 26 л.
128. 113. «Программа курса русской исторической географии». 25 л.
129. 114. «Способы и приемы исследования». Маш. 39 л.
130. 116. «Задачи археологии и ее материал». 22 л.
131. 117. «Разведки под водою». 2 л.
132. 118. «О находках старинных вещей». 2 л.
133. 123. «Роль краеведов в деле изучения памятников материальной культуры». 3 л.
134. 128. «Программа для собирания этнографического материала». 8 л.
135. 133б. «Рецензия на «Историю татар» А. В. Бородина». 1 л.
136. 133в. То же, на «Новгородские ямские книги 1586—1631 г.» И. Я. Гурлянд, Ярославль, 1900. 1 л.
137. 133 г. То же, на «Монастырские обиходники». Чтения МОИД, 1880. III, 5—113. 1 л.
138. 133д. То же, на «Розыскные дела о Шакловитом и его сообщниках». СПб., 1898. 1 л.
139. 217. «Извлечения из статей о древностях Могилевской и Черниговской губ.». 18 л.
140. 218 «Сведения анкеты, произведенной Себежским краеведческим обществом», 122 л.
141. 221. «Указатель местностей, приводимых в Географическом словаре г. Семенова, при которых упоминаются памятники древности». 21 л.
142. 246. Заметки о сибирских древностях. Указатель раскопок и находок по губерниям. 245 л.

143. 247. Списки диапозитивов Археологического института. Русск. археол. общ. и др. 243 л.
 144. 461. «Тмутараканская надпись и Тмутаракань». 10 л.
 145. 2. «Задачи ревизионных комиссий Русского археологического общ.». 4 л.
 146. 3. «Инструкция для Русского археологического общ.». 4 л.
 147. 5. «В Местком ГАИМК». 2 л.
 О темах, предполагаемых к разработке.

II. ЗАМЕТКИ НА КАРТОЧКАХ («КОРОЧКИ»)

148. 271. «Отжимные орудия». 78 л.
 Наброски пером и карандашом.
 149. 272. «Окрашенные костяки. I» и «Скорченные костяки». 285 л.
 Расположены по губерниям, А—С.
 150. 273. «Керамика». — «Скорченные костяки». 371 л.
 По отделам: «Общее». — «Западное?». — «Керамика основная». — «Скорченные костяки».
 151. 274. «Скорченные костяки». 422 л.
 По отделам: «Обряды погребальные». — «Вещи». — «Общее». — «Литература». — «Скорченные и нескорченные». — «Запад». — «Цирк».
 152. 275. «Палеолит». 174 л.
 По отделам: «Палеолит. Геологические явления». — «Болота. Торф». — «Геология». — «Ледники». — «Палеолит».
 153. 276. «Геология». 239 л.
 По отделам: «Геология». — «Лахта». — «Сестрорецк». — «Тарховка». — «Токсово». — «Мамонт». — «р. Влоя». — «Волхов». — «Ладога». — «Сиверская». — «Коломцы».
 154. 277. «Палеолит». 366 л.
 По губерниям. Здесь же раздел: «Французский палеолит».
 155. 278. «Каменный век». 495 л.
 По отделам: «Микролиты». — «Термины». — «Северозападная группа. Прибалтийский край. Литва. Финны» и по губерниям: А—К.
 156. 279. «Каменный век». 465 л.
 По отделам: «Сибирь и Средняя Азия». — «Кавказ». — «Схемы». — «Общее». — «Медный век. Кремневые орудия». — «Каменные топоры». — «Каменные орудия». — «Черный камень». — «Шершавые (нешлифованные)». — «Стоянки. Жилища. Очаги. Укрепления». — «Изображения в каменном веке». — «Украшения». — «Одежда». — «Посуда». — «Иные страны. Каменный век». — «Библиография русская». — «Библиография иностранная».
 157. 280. «Каменный век. I». 348 л.
 По губерниям: А—К.
 158. 281. «Каменный век. II». 540 л.
 По губерниям: Л—Я. Здесь же «Галиция».
 159. 282. «Каменный век». 318 л.
 По губерниям: Т—Я. Здесь же: «Эсты». — «Финны». — «Прибалтика». — «Швеция».
 160. 283. «Каменный век». 406 л.
 По губерниям. М—С.
 161. 284. «Макролиты». 117 л.
 По губерниям.
 162. 285. «Каменный век. Костромская губерния». 160 л.
 163. 286. «Скорченные костяки». 202 л.
 По губерниям: С—Ч.
 164. 287. «Краеведение». 357 л.
 165. 288. «Костяной век. Иностранное». 131 л.
 По отделам: «Америка». — «Япония». — «Западная Европа». — «Норвегия» — «Средне-европейский».
 166. 289. «Медный век, ранний». 392 л.
 По губерниям: Б—Ч. Здесь же: «Болгария». — «Галиция». — «Босния». — «Италия». — «Румыния». — «Сербия». — «Силезия». — «Венгрия». — «Германия». — «Чехия». — «Америка».
 167. 290. «Медный век. I. — Общее». 317 л.
 По отделам: «Погребения». — «Общее». — «Tallgren. Итоги». — «Шлифованные камни медного века». — «Свайные постройки». — «Копи».
 168. 291. «Стоянки медного века юго-западной России». 312 л.
 169. 292. «Медный век». 437 л.
 По отделам: «Фатьян». — «Андроново». — «Урало-Алтайская». — «Коршуновские». — «Галич-Сейма».
 170. 293. «Стоянки медного и бронзового веков». 302 л.

171. 294. «Бронза». 142 л.
По отделам: «Венгрия». — «Западная Европа».
172. 295. «Костяной период». 334 л.
По отделам: «Китайские могильники». — «Костяная культура». — «Костеносные городища». — «Алфавит».
173. 296. «Ананьинская культура». 240 л.
174. 297. «Бронзовая культура». 294 л.
По отделам: «Русские аналогии». — «Золотая культура Венгрии». — «Михалковский клад». — «Старший бронзовый век. Типы». — «Схемы. Общее». — «Погребения бронзового века». — «Вещи». — «Происхождение бронзы». — «Медь. Олово. Материал». — «Жизнь, быт». — «Библиография».
175. 298. «Медный век». 263 л.
По губерниям: А—Х. Здесь же «Кавказ».
176. 299. «Бронзовый век. Юг России и Венгрии». 408 л.
177. 300. «Бронзовая культура». 218 л.
По отделам: «Средняя Азия». — «Расписные кельты». — «Бронзовый век в Европейской России».
178. 301. «Бронза». 202 л.
По отделам: «Эгейская культура». — «Болгария». — «Галиция». — «Дания и окрестное». — «Германия». — «Италия». — «Польша». — «Португалия». — «Пруссия». — «Франция». — «Чехия». — «Восток».
179. 302. «Бронза». 197 л.
По отделам: «Россия. Алфавит [по губерниям]». — «Финны». — «Швеция». — «Польша».
180. 303. «Бронза». — «Сибирь». 118 л.
181. 304. «Триполье». 371 л.
182. 305. «Гатное. — Кисты. — Скорченные костяки Запада и России». 105 л.
183. 306. «Гатное». 256 л.
По отделам: «Россия [по губерниям]». — «Каменные круги». — «Курганы». — «Кисты». — «Фатьян». — «Могильники».
184. 307. «Дольмены». 190 л.
По отделам: «Вещи». — «Устройство, архитектура». — «Иные страны». — «Каменные ящики». — «Менгиры и другие сопровождающие сооружения». — «Общее». — «Каменные ящики Кавказа». — «Причерноморская Кубань».
185. 308. «Немиров. Ямы». 139 л.
186. 309. «Майкоп». 156 л.
187. 310. «Доскифское. — Гальштатт». 130 л.
По отделам: «Таврида». — «Симеиз». — «Каменные ящики». — «Киевские курганы». — «Цукуры». — «Червонные могилы». — «Троглодиты Крыма».
188. 311. «Руны. — Писаницы». 389 л.
По отделам: «Камни». — «Руны». — «Писаницы». — «Образное письмо».
189. 312. «Гальштатт». 418 л.
По отделам: «Россия». — «Македония. Греция. Болгария». — «Италия». — «Иллирия». — «Среднеевропейский Гальштатт». — «Польша». — «Чехи». — «Венгрия». — «Бавария. Швейцария. Франция». — «Общее».
190. 313. «Иран». 475 л.
По отделам: «Катакомбы». — «Чертомлык». — «Длинные коридоры». — «Курганы». — «Скифское». — «Вещи». — «Библиография».
191. 314. «Майданы». 158 л.
192. 315. «Сибирские древности. Вещи Петра Великого». 122 л.
Расположены по отделам: «Общее». — «Кунсткамера». — «Тобольск. Золотые вещи, доставленные Петру Великому в 1716—1726 гг.» — «Сибирские древности Эрмитажа». — «Сведения о хищнических раскопках в Сибири в XVII—XVIII вв.» — «Вещи кунсткамеры Петра Великого». — «Дела кабинета Петра Великого».
193. 316. «Понтийская культура. — Фалары». 85 л.
194. 317. «Зубовская и Сарматская культура». 233 л.
По отделам: «Римские». — «Днепровские сарматы». — «Курганы и могилы. Особая серия». — «Схемы зубовские». — «Лабинская». — «Языги». — «Дунайские сарматы?». — «Западные сарматы». — «Степные сарматы, аланы». — «Могильники».
195. 318. «Урги (гунны)». 64 л.
196. 319. «Скифы». 308 л.
По отделам: «Культура». — «Звериный стиль». — «Северный Кавказ. Могильники скифские». — «Скифы и сарматы». — «Изображения: скифы, амазонки, персы, аримаспы, варвары». — «Скифы». — «Геродот». — «Фармаковский». — «Ветвь аканфа».
197. 320. «Скифы восточные». 312 л.
По губерниям. Здесь же Китай.
198. 321. «Скифы. Херсонская, Подольская, Волынская губернии». 99 л.
Здесь же Бессарабия.

199. 322. «Скифы. Полтавская губерния». 219 л.
Здесь же Воронежская и Екатеринославская губ.
200. 323. «Скифы. Киевская губ.». 464 л.
201. 324. «Зубовская и Лабинская культуры, Кубань». 170 л.
202. 325. «Скифы». 317 л.
По отделам: «Скифы». — «Исторический музей». — «Боспор Киммерийский». — «Царские курганы». — «Киевская губерния».
203. 326. «Кубань. Сарматы». 361 л.
204. 327. «Готы». 112 л.
205. 328. «Латен». 222 л.
206. 329. «Раннее русское». 225 л.
По отделам: «Анты». — «Зарубинцы». — «Белорусские курганы с сожжением». — «Курганы с сожжением». — «Поля урн». — «Черняхово».
207. 330. «Инкрустации». 345 л.
208. 331. «Сарматы. Аланы. Новогригорьевская». 89 л.
209. 332. «Инкрустация». 102 л.
210. 333. «Varia III—VI вв.». 1929 г. 324 л.
По отделам: «Эски-Кермен, 1929 г.». — V в. — «Первая половина VI в.» — «Вторая пол. VI в.» — «VII в.» — «Двулопастные фибулы». — «Общее». — «Суук-су» — «Суук-су. Готы?». — «Восток». — «Зихи». — «Аланы, Болгары». — «Польша. Гродно». — «Швеция». — «Дания». — «Пруссия». — «Германия». — «Австрия».
211. 334. «Анты». 191 л.
По отделам: «Анты». — «Плетень». — «Окские курганы с сожжением (вятичи)».
212. 335. «VI—VIII вв.». 256 л.
По отделам: «Борисовский могильник». — «Крым». — «Готские могильники». — «Кавказ. Юстиниановская культура. Зихи». — «Зихи. Эвдусиане». — «Курганная группа». — «Натухайцы (Адиге)».
213. 336. «Varia VIII—IX вв.». 380 л.
По отделам: «Венгрия. Албания». — «Болгары». — «Авары». — «VIII—IX вв.» — «Салты». — «Кавказ». — «Угры». — «Печенеги». — «Половцы». — «Выемчатая эмаль».
214. 337. «Кочевники, А—Ф». 415 л.
По отделам: «Южная Россия». — «Склепы». — «С частями коня». — «С конем и без». — «Короткая яма». — «Курганы по губерниям». — «Ногайцы?».
215. 338. «Тюрки. Монголы. Черкесы». 423 л.
По отделам: «Древности XIII—XIV вв.». — «Кострища». — «Вещи». — «Всадник на коне». — «Татарщина. Могилы». — «Татарщина. Находки». — «Статуэтки».
216. 339. «Каменные бабы». 393 л.
По отделам: «Бабы-стелы по губерниям». — «Общее». — «Россия, по губерниям». — «Запад». — «Галиция». — «Лежачие бабы».
217. 340. «Кочевники. Половцы. Тюрки. Болгары». 264 л.
218. 341. «Кавказ Южный. — Могильники». 376 л.
219. 342. «Дагестан». 261 л.
220. 343. «Ольвия. — Березань». 227 л.
221. 344. «Классические города». 372 л.
По отделам: «Большие городища». — «Валы». — «Кавказ». — «Беккер». — «Города».
222. 345. «Херсонес». 466 л.
223. 346. «Керчь». 285 л.
По отделам: «История Боспора». — «Библиография». — «Карты». — «Керчь». — «История раскопок. История изданий».
224. 347. «Классическое». 284 л.
225. 348. «Римское». 239 л.
По отделам: «Могильники». — «Римское». — «Курганы».
226. 349. «Древние монеты». 183 л.
По отделам: «Римские монеты». — «Греческие, римские, колониальные». — «Византийские».
227. 350. «Гешеры». 202 л.
По губерниям.
228. 351. «Городища». 286 л.
По губерниям.
229. 352. «Тамань». 94 л.
230. 353. «Керчь». 313 л.
По отделам: «Вещи. Монеты». — «Камни с надписями». — «Окрестности». — «Керчь и Тамань». — «Греческое». — «Курганы». — «Гробницы». — «Катакомбы». — «Гладкие фибулы». — «Перегородчатые инкрустации».
231. 354. «Северный Кавказ. — Кочевники. — Курганы». 231 л.
232. 355. «Северный Кавказ». 568 л.

- По отделам: «Кубань». — «Коши и замки». — «Терская область» — Могильники татарские».
233. 356. «Южный Кавказ. — *Varia*. — Находки. — Надписи. — Монеты». 483 л.
234. 357. «Кавказ Северный». 388 л.
По отделам: «Кавказ». — «Общее». — «Библиография». — «Разные вещи». — «VIII—XV вв.». — «XIV—XV вв.». — «Терская область». — «Ставропольская губ.».
235. 358. «Кавказ. Могильники». 487 л.
По отделам: «Могильники». — «Калакент». — «Тазакент». — «Редкин лагерь». — «Алфавит могильников». — «Армянские кладбища». — «Сведения о курганах». — «Мцхет». — «Каменные гробницы». — «Могильники типа Мцхета». — «Глиняные гробы». — «Могильники лидийские». — «Ресслер». — «Армянские». — «Ахтала». — «Муси-Нери». — «Шайтан-Даг». — «Уч-Килисса». — «Садакло». — «Могилы в пещерах». — «Грузинские могилы».
236. 359. «Кавказ». 644 л.
По отделам: «Пещеры». — «Церкви. Монастыри». — «Города». — «Статуи».
237. 360. «Кавказ». 99 л.
По отделам: «Находки». — «Свайные постройки». — «Соляные копи».
238. 361. «Лопари». 7 л.
239. 362. «Пермь». 288 л.
По отделам: «Схема». — «Районы». — «Характеристика». — «Народности Пермского края». — «Пермь: Музей. Собрания. Общества». — «Сведения о памятниках». — «История изучения, издания». — «Монеты». — «Городища». — «Восточные города». — «Палатки. Жертвенные места». — «Позднее».
240. 363. «Финское. Кама». 394 л.
По отделам: «Типология чудских вещей». — «Карты». — «Гривна». — «Броды». — «X в. Вятские». — «Могильники X в. Костромские». — «X в. Пермь». — «XI—XII вв.». — «Могильники XII—XIV вв.». — «XIII—XIV вв.». — «Алфавит по губерниям».
241. 364. «Финны. Ока». 470 л.
По отделам: «Кошибеевская культура». — «Финское. Ока». — «Борки». — «IX в.» — «X в.» — «XI в.» — «XII в.» — «XIII в.» — «XIV в.» — «Финское вне финских земель». — «Поздние могильники». — «Чудские фигуры».
242. 365. «Финны». 284 л.
По отделам: «*Varia*. Финское». — «Общая история финнов». — «Финский мир». — «Образование финнов». — «Финские языки». — «Финны. Историко-этнографические материалы». — «Коми». — «Средние финны». — «Лопари». — «Югра».
243. 366. «Клады. Пермь». 273 л.
244. 367. «Пьяноборские костища». 206 л.
245. 368. «Финны». 401 л.
По отделам: «Турбино». — «Северные городища». — «Тобольск». — «Шигирь». — «Западно-Сибирские городища».
246. 369. «Окраины. I. — Прибалтика, VI—VIII вв.». 407 л.
247. 370. «Прибалтийский край. II». 447 л.
По отделам: «IX в.» — «X в.» — «XI в.» — «XIII в.» — «XIV в.» — «XIII—XV вв.» — «XV в.».
248. 371. «Литва III—V вв.». 191 л.
249. 372. «Литва. III». 358 л.
По отделам: «XVI в.» — «XVII в.» — «XVIII в.» — «Курганы литовские XIII—XV вв.» — «Городища». — «Находки». — «Церкви». — «Курганы ливов, эстов X, XI, XIII, XV вв.» — «Гродненская губ.» — «Русские курганы». — «Каменные могилы». — «Жертвенные места». — «Монеты». — «Камни с рисунками».
250. 373. «Литва. IV». 428 л.
По отделам: «Литва, 1913 г.» — «Прародина Литвы». — «Литва — Русь». — «Общее». — «Литва». — «Корсь, куры». — «Эстляндия». — «Курляндия». — «Ковенская губ.» — «Лифляндия».
251. 374. «Западные финны». 301 л.
По отделам: «Западные финны». — «Финны». — «Весь». — «Лабиринты».
252. 375. «Дьяковы городища». 228 л.
По отделам: «Городища дьякова типа». — «Верхне-Окские городища». — «Саратовские городища». — «Дьяковы городища, Новгородские». — «Дьяковы городища, Верхне-Волжские». — «Городища пьяноборской культуры».
253. 376. «Сопки. Норманы. Курганы с сожжением». 285 л.
По отделам: «Черниговская губ.» — «Сопки. Широкие курганы». — «Норманские древности в России». — «X в.» — «Скандинавия». — «Норманны».
254. 377. «Длинные курганы. Круглые курганы». 163 л.
По отделам: «Жертвенные места. Мольбища». — «Длинные курганы». — «Круглые курганы с сожжением».
255. 378. «Верхне-днепровские городища». 202 л.

256. 379 «Жальники. — Могильники русские». 134 л.
257. 380. «Пути сообщения». 299 л.
По отделам: «Пути сообщения». — «Карты. Маршруты». — «Броды и перевозки». — «Суда». — «Общее». — «Шляхи. Дороги». — «Западно-европейские пути сообщения». — «Пути сообщения, старые». — «История левантинской торговли в средние века (выписка из W. Haud)». — «Пути мировой торговли». — «Ямская гоньба».
258. 381. «Ростов. — Ярославль. — Владимир. — Кострома». 191 л.
По отделам: «Костромская губ. Курганы с финскими вещами». — «Владимирская губ.». — «Ярославль, Ростов, XI в.».
259. 382. «Уделы». 83 л.
260. 383. «Пути сообщения». 193 л.
По отделам: «Пути XVI—XVII вв.». — «Пути сообщения древней Руси по Ипатьевской летописи».
261. 384. «Города». 271 л.
По отделам: «Старая Ладога». — «Русские города». — «Города. Саркел. Аккерман. Итиль. Сарай. Селитренное». — «Киев». — «Десятинная церковь». Здесь же письмо А. С. Федоровского, 1928, июня 28, о раскопках в Харькове.
262. 385. «Дреговичи-Поляне». 278 л.
По отделам: «Общее. Русские курганы». — «Дреговичи». — «Древляне. Поляне».
263. 386. «С. Петербургская губерния». 207 л.
264. 387. «Кривичи». 495 л.
По отделам: «Бежецкий у.». — «Молога». — «Новгород, Псков XI в.». — «Полочане XI в.». — «Тверские курганы». — «Тверские находки». Здесь же фотография: А. А. Спицын с учениками на раскопках.
265. 388. «Городища русские». 269 л.
По губерниям.
266. 389. «Северяне. — Радимичи. — Вятичи». 230 л.
267. 390. «Начало Руси». 390 л.
По отделам: «Готский топарх». — «Русь». — «Статьи Вестберга». — «Статьи Ключевского». — «Арабы». — «Норманны». — «Пруссия». — «Начало Руси». — «Происхождение Руси». — «Крещение Руси». — «Говоры». — «Iordans». — «Пробные лекции». — «Вступительная лекция».
268. 391. «Новгород. — Псков». 187 л.
По отделам: «Новгород. Общая история. XVI—XVII вв. Экономическое состояние. Города, алфавит. Ганза. Библиография». — «Псков».
269. 392. «Тмутаракань». 183 л.
270. 393. Оружейная Палата. Рисунок вещей. 1912 г., акв., тушь. 143 л.
Доспехи, оружие, седла, знамена, одежда, ткани, посуда.
271. 394. То же. 187 л.
Утварь и посуда, одежда, украшения.
272. 395. «Губернии, А—В». 518 л.
По отделам: «Лепехин, Фальк». — «Библиография русских древностей». — «Выписки из журналов: Маяк, Вестник Европы, Исторический вестник, Ежемесячные сочинения, Научные обозрения, Вестник всемирной истории, Живописное обозрение, Русское богатство и др.». — «Сведения о древностях по губерниям: Архангельской, Астраханской, Бакинской, Бессарабской, Виленской, Витебской, Владимирской».
273. 396. «Губернии, В—Д». 559 л.
Сведения о древностях по губерниям: Вологодской, Волынской, Воронежской, Вятской, Гродненской, Области войска Донского.
274. 397. «Губернии, Е—К». 325 л.
Сведения о древностях по губерниям: Екатеринославской, Казанской, Калужской.
275. 398. «Губернии, К—Л». 339 л.
Сведения о древностях по губерниям: Киевской, Костромской, Кубанской области, Курляндской, Курской.
276. 399. «Губернии, Л—О». 555 л.
Сведения о древностях по губерниям: Лифляндской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Орловской.
277. 400. «Губернии, П». 347 л.
Сведения о древностях по губерниям: Пензенской, Петербургской, Подольской, Полтавской, Псковской.
278. 401. «Губернии, Р—С». 484 л.
Сведения о древностях по губерниям: Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Ставропольской.
279. 402. «Губернии, Т». 279 л.
Сведения о древностях по губерниям: Таврической, Тамбовской, Тульской.
280. 403. «Губернии, У—Э». 366 л.

Сведения о древностях по Уральской обл., Уфимской губ. Финляндии, губерниям: Харьковской, Херсонской, Черниговской, Эстляндской, Ярославской.

281. 404. «Восток». 113 л.
По отделам: «Персия». — «Месопотамия». — «Восточное искусство». — «Египет». — «Малая Азия». — «Финикия. Сирия». — «Сасаниды». — «Арабы».
282. 405. «Томская губерния». 345 л.
Сведения о древностях.
283. 406. «Иркутская губ. — Забайкальская область». 211 л.
284. 407. «Тобольская губерния». 273 л.
285. 408. «Енисейская губерния». 382 л.
286. 409. «Сибирь». 308 л.
По отделам: «Сибирь». — «Семипалатинская область». — «Тургайская область». — «Акмолинская область». — «Сахалинская область». — «Якутская область». — «Монголия. — Тибет».
287. 410. «Клады». 506 л.
По отделам: «Алфавит по губерниям». — «Кавказ». — «Восточная посуда». — «Россия». — «Заграничное». — «Западные клады серебра». — «Русские клады». — «Vарia». — «г. Киев». — «XIV в.».
288. 411. «Средняя Азия». 285 л.
По отделам: «Документы. Рукописи». — «Общее». — «Средняя Азия». — «География». — «История». — «Поездки». — «Раскопки. Исследования». — «Самарканд». — «Библиография». — «Карты». — «Музей». — «Общества». — «Китайский Туркестан».
289. 412. «Средняя Азия. — Города». 795 л.
По отделам: «Ямы». — «Памятники». — «Мазары». — «Мечети». — «Фергана». — «Семиречье». — «Аулиеатинский у.». — «Туркестан». — «Чимкентский у.» — «Ташкент». — «Перовский». — «Казалинск». — «Мерв». — «Бухара». — «Самарканд». — «Вал».
290. 413. «Средняя Азия. — Города». 288 л.
По отделам: «Оссуарии». — «Корчаги с пеплом». — «Курганы».
291. 414. «Средняя Азия». 428 л.
По отделам: «Находки». — «Монеты». — «Каменные бабы». — «Камни с изображениями». — «Рудники». — «Пещеры».
292. 415. «Средняя Азия». 351 л.
По отделам: «Каменный век». — «Средняя Азия». — «Аму-Дарьинский клад». — «Бактрия. Скифия». — «Курганы». — «Каменные могилы». — «Несторианские кладбища». — «Могильники».
293. 416. «Западные древности». 491 л.
По отделам: «Иностранные эмали». — «Общие схемы западных древностей». — «Кисты малые». — «Каменные площадки, фигуры». — «Поля урн». — «Каменные курганы. Каменные фигуры. Сожжение. Гальштатт». — «Посуда». — «Свайные постройки». — «Австрия». — «Англия». — «Болгария». — «Венгерские древности». — «Германия». — «Испания. Португалия». — «Италия». — «Древности Франции». — «Сокровищницы».
294. 417. «Галиция». 179 л.
295. 418. «Польша, I». 545 л.
По отделам: «Библиография». — «Древности Польши». — «Польша и Литва». — «Будзинский», и сведения о древностях Польши по губерниям.
296. 419. «Польша, II». 573 л.
Сведения о древностях по губерниям: Л—С.
297. 420. «Мономахова шапка». 265 л.
298. 421. «Печати». 61 л.
По отделам: «Пломбы». — «Печати». — «Медали».
299. 422. «Монеты русские». 446 л.
По отделам: «Рубль». — «Нумизматика». — «Тексты». — «Литература». — «Монета». — «Монеты вообще. Русские монеты». — «Денежное и меховое обращение». — «Торговля. Меховые ценности». — «Кожаные деньги. Шейные гривны. Мордки». — «Пенязь». — «Согрус удельных монет».
300. 423. «Гривны». 438 л.
По отделам: «Гирьки». — «Гривны». — «Алфавит по губерниям». — «XII—XIV вв.» — «Литва XIV в.» — «XI—XII вв.» — «Киевские, XIII в.» — «Гривны золотые». — «XIV в.».
301. 424. «Западные и восточные монеты». 331 л.
По отделам: «Западные монеты». — «Арабские монеты». — «Татарские. Поздние восточные».
302. 425. «Общая археология». 648 л.
По отделам: «Типы вещей и их распространение». — «Раскопки. Очередные задачи». — «Образ жизни». — «Внешний быт». — «Общая археология». — «Внутренний быт». — «Общественный быт». — «Международные сношения». — «Первобытная керамика».

303. 426. «Общая археология». 210 л.
По отделам: «Каменный век». — «Медный век». — «Бронзовый век». — «Гальштатт». — «Латен».
304. 427. «Миниатюра». 224 л.
По отделам: «IV—IX вв.». — «X—XIII вв.». — «XIV в.». — «XV в.». — «XVI в.». — «XVII в.». — «XVIII в.». — «Приемы изучения». — «Общее».
305. 428. «Поздние вещи». 78 л.
По губерниям.
306. 429. «Археология. Введение. Университетские лекции». 289 л.
По отделам: «Определение археологии». — «Содержание археологии». — «Положение русской археологии». — «Политическая история». — «Внутренняя история». — «История искусства». — «Этнография». — «Антропология». — «Лингвистика». — «География» — «История религий». — «Право». — «Материалы». — «Приемы работ». — «Технология».
307. 430. «Университет», 1913—1927. 368 л.
По отделам: «Конспекты лекций и докладов». — «Лекции по русским древностям». — «Русские древности XVI—XVII вв.». — «Археология для гимназий». — «Курс русских древностей». — «Этнология». — «Лекции». — «Археология». — «Курс археологии». — «Темы». — «Практические занятия». — «Лекции и доклады». — «Заграница, 1912 г.». — «Археологический кабинет». — «Научное творчество. Приемы авторства».
308. 431. «Лекции специальные», 1911—1915. 92 л.
По отделам: «Археологический институт». — «Сибирские экскурсии 1911 и 1912 гг.» — «Ярославские церкви». — «Заграница, 1913 г.». — «Поездка в Саратов, 1912 г.». — «Новгород, 1913 г. 6—7 июня. Учительские курсы». — «Таврический съезд 1915 г.». — «Сибирские древности. Лекция 17/II—1912 г.»
309. 432. «Лекции», 1916—1921. 304 л.
По отделам: «Лекции по исторической географии, 1916—1921 г.». — «Первая половина IX в.». — «Общие обзоры страны и племен». — «Середопин». — «Колонизация вообще». — «Общий материал». — «Областные названия». — «Число отдельных княжений в древней Руси». — «Народ». — «Княжое право и союзы. Уделы». — «Организация». — «Право». — «Ордынские выходцы». — «Владимирское княжество». — «Волынь». — «Галич». — «Киев». — «Курское княжество». — «Переяславское княжество». — «Подолія». — «Полоцк». — «Рязань». — «Смоленск». — «Меря и великоруссы». — «Северское княжество». — «Тверь». — «Туrow». — «Чернигов».
310. 433. «Словарь», 1921. 65 л.
По отделам: «Этимологические материалы». — «Библиография». — «Программы». — «Словарь».
311. 434. «Раскопки», 1909—1930. 377 л.
По отделам: «Почва. Геология». — «Раскопки». — «Руководства». — «Археологические работы». — «Приемы работ. Общее. Собрание материалов. Изучение вещей. Классификация. Хронология. Определение народности. Характеристика культуры. Издание материала».
312. 435—438. «Алфавит народностей». 1426 л.
313. 439. «Собрания древних путешествий по России». 47 л.
314. 440. «Русские древности», 1926—1927. 140 л.
Расположены по отделам: «Каменные площадки». — «Одиночная посуда». — «Мары». — «Сведения о древностях по губерниям». — «Редкое. Неизвестное». — «Венчики». Здесь же рукопись Ч. К. Вознесенского: «Угольные круги», 1926 г. и письмо Н. Кивокурцева, 1927, февраля 20, о присылке рисунков керамики.
315. 441. «Краеведение». 367 л.
Здесь же две фотографии: группы севастопольских краеведов, 1927, октябрь 15.
316. 442. «Съезды. — Реставрация. — Административные учреждения. — Лица». 303 л.
По отделам: «Древности Украины». — «Анкеты». — «Биографии». — «Археологические съезды».
317. 443. «Древний мир». 433 л.
По отделам: «Греки на юге России. Скифы. Киммерийцы». — «Расы». — «Childe». — «Древние расы Европы». — «Латышев. Иония. Малая Азия. География. Черное море». — «Алфавит стран древнего мира».
318. 444. «Историческая география, I». 435 л.
По отделам: «Семенов, В.». — «Типы местностей». — «Города замосковные». — «Северские города». — «Города поля. Охрана». — «Понизовые города». — «Литовская окраина». — «Заоцкие города». — «Украинские города». — «Рязань».
319. 445. «Историческая география, II. Окраины». 346 л.
По отделам: «Сибирь». — «Иные земли». — «Кавказ». — «Казаки малорусские». — «Татары».
320. 446. «История». 305 л.

- По отделам: «Бытовая история». — «Опричнина». — «Исторические моменты». — «Русская история». — «Летопись». — «Рязань». — «Детские праздники (старинные детские игры)». — «Калка». — «Повесть». — «Летописи». — «Археологические данные».
321. 447. «Работы начатые». 215 л.
По отделам: «Указатели». — «Общие сведения о древностях». — «Деформированные черепа». — «Булавы». — «Сасанидские поделки». — «Свастика». — «Поделки из нефрита». — «Зернь». — «Чернь». — «Плетенье». — «Булавки». — «Лунницы». — «Котлы».
322. 448. «Историческая география». 261 л.
По отделам: «Поморье. Библиография». — «Общие материалы». — «Русское население». — «Города, в алфавитном порядке».
323. 449. «География». 266 л.
По отделам: «Общие материалы». — «Географические обзоры России».
324. 450. «Географические карты и материалы по исторической географии». 137 л.
По отделам: «Сборники». — «Карты». — «Кривичи из балтийского поморья». — «Болоховская земля». — «Общее». — «Приемы исследования». — «Литература по исторической географии». — «Новгородские бояре». — «Книга Большого Чертежа». — «Термины по исторической географии». — «Практические занятия по исторической географии. Темы».
325. 451. «Исторические работы». 302 л.
По отделам: «Повольники». — «Смута». — «История Вятки». — «Очерки по русской истории». — «Уделы».
326. 452. «Поморье». 92 л.
327. 453. «Казачи». 230 л.
328. 454. «Законодательство по охране памятников». 230 л.
По отделам: «Законы». — «Проекты инструкций». — «Церкви».
329. 455. «Музеи». 307 л.
По отделам: «Выставки. Музеи. Альбомы». — «Музеи [литература]». — «Москва». — «Петербург». — «Военные музеи». — «Сибирь». — «Кавказ». — «Сведения о провинциальных музеях, расположенные по губерниям, в алфавитном порядке».
330. 456. «Музеи». 127 л.
По отделам: «Музейное дело». — «Музеи».
331. 457. «Vagia». 247 л.
Сведения о работе А. А. Спицына в русском отделе Археологической комиссии и русском разряде РАИМК. — Материалы для археологического словаря. Заметки о миниатюрах и о летописях. — Материалы о каменных идолах.
332. 458. «Vagia». 199 л.
По отделам: «Альбомы». — «Головные уборы». — «Серьги». — «Искусство». — «Сибирь». — «Византия». — «Курганы северян».

III. СВОДКИ СВЕДЕНИЙ О ДРЕВНОСТЯХ ПО ГУБЕРНИЯМ И ОБЛАСТЯМ

333. 135. Акмолинская область. 11 л.
334. 136. Аму-дарьинский отдел. 1 л.
335. 137. Амурская область. 3 л.
336. 138. Архангельская губ. 13 л.
337. 139. Астраханская губ. 16 л.
338. 140. Бессарабская губ. 2 л.
339. 141. Бухарское царство. 5 л.
340. 142. Варшавская губ. 1 л.
341. 143. Виленская губ. 15 л.
Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», XXVI. ЗРАО, т. XI, вып. 1 и 2, нов. серия, СПб., 1899, стр. 297—303.
342. 144. Витебская губ. 24 л.
Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении». ЗРАО, т. IX, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1897, стр. 256—268.
343. 145. Владимирская губ. 23 л.
См. список ученых трудов № 108.
344. 146. Вологодская губ., 1924, 7 л.
345. 147. Волинская губ. 22 л.
«Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении». XXIII.
См. список ученых трудов № 108.
346. 148. Воронежская губ. 15 л.

- Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», III. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1896, стр. 132—140.
347. 149. Вятская губ., 1932. 115 л.
Подготовлялось к изданию в 1922 г.
348. 150. Гродненская губ. 9 л.
Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», XXV. ЗРАО, т. XI, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1899, стр. 294—297.
349. 151. Область войска Донского. 1 л.
350. 152. Екатеринославская губ. 2 л.
351. 153. Енисейская губ. 64 л.
352. 154. Забайкальская обл. 32 л.
353. 155. Иваново-Вознесенская губ. 16 л.
См. список ученых трудов № 277.
354. 156. Иркутская губ. 18 л.
355. 157. Калужская губ. 8 л.
См. список ученых трудов № 108.
356. 158. Кашгарская обл. 6 л.
357. 159. Киевская губ. 50 л.
См. список ученых трудов № 108.
358. 160. Ковенская губ. 2 л.
359. 161. Костромская губ. 12 л.
См. список ученых трудов № 108.
360. 162. Кубанская обл. 3 л.
361. 163. Курляндская губ. 4 л.
362. 163а. Курская губ. 16 л.
Два варианта, один издан. См. список ученых трудов № 108.
363. 164. Лифляндская губ. 3 л.
364. 165. Ломжинская губ. 2 л.
365. 166. Люблинская губ. 2 л.
366. 167. Минская губ. 19 л.
Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», XXIV. ЗРАО, т. XI, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1899, стр. 280—294.
367. 168. Могилевская губ. 12 л.
Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», I и II. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, СПб., 1896, стр. 115—132.
368. 169. Московская губ. 7 л.
См. список ученых трудов № 108.
369. 170. Нижегородская губ. 11 л.
370. 171. Новгородская губ. 20 л.
Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», VI. ЗРАО, т. IX, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб. 1897, стр. 237—249.
371. 172. Олонецкая губ. 9 л.
372. 173. Оренбургская губ. 12 л.
373. 174. Орловская губ. 19 л.
Два варианта, один издан. См. список ученых трудов № 108.
374. 175. Пермская губ. 48 л.
375. 176. Петербургская губ., 1897, 1920. 39 л.
Два варианта, один издан. См. список ученых трудов № 94.
376. 177. Плоцкая губ. 1 л.
377. 178. Подольская губ. 35 л.
См. список ученых трудов № 108.
378. 179. Полтавская губ. 2 л.
379. 180. Приморская обл. 16 л.
380. 181. Псковская губ. 16 л.
Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», VII. ЗРАО, т. IX, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1897, стр. 249—256.
381. 182. Рязанская губ. 34 л.
Два варианта, один издан. См. список ученых трудов № 108.
382. 183. Самарская губ. 12 л.
См. список ученых трудов № 87.
383. 184. Саратовская губ. 20 л.
См. список ученых трудов № 87.
384. 185. Сахалинская обл. 1 л.

385. 186. Седлецкая губ. 1 л.
 386. 187. Симбирская губ. 11 л.
 387. 188. Смоленская губ. 17 л.
 См. список ученых трудов № 108.
 388. 189. Ставропольская губ. 2 л.
 389. 190. Сувалкская губ. 2 л.
 390. 191. Таврическая губ. 2 л.
 391. 192. Тамбовская губ. 11 л.
 392. 193. Тверская губ., 1897—1921. 29 л.

Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», X. ЗРАО, т. IX, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1897, стр. 278—294.

393. 194. Терская обл. 2 л.
 394. 195. Тобольская губ. 21 л.
 395. 196. Тульская губ. 9 л.

Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», XIV. ЗРАО, т. XI, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1899, стр. 195—199.

396. 197. Тургайская обл. 11 л.
 397. 198. Уральская обл. 7 л.
 398. 199. Уфимская губ. 11 л.
 399. 200. Ферганская обл. 2 л.
 400. 201. Харьковская губ. 2 л.
 401. 202. Херсонская губ. 4 л.
 402. 203. Хивинское ханство. 3 л.
 403. 204. Черниговская губ. 23 л.

Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», II. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1896, стр. 115—132.

404. 205. Эстляндская губ. 2 л.
 405. 206. Якутская обл. 7 л.
 406. 207. Ярославская губ. 8 л.

Отличается от текста «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», XVII. ЗРАО, т. XI, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1899, стр. 219—226.

IV. КАРТОТЕКИ

407. 593, 700, 705. «Словарь русской старины. Общий отдел». 45 240 л.
 По отделам: А. Слова неизвестного значения. — Б. Слова общие: 1. Страна. I. Ее производственные силы. II. Климат. III. Богатства страны. IV. Животные. V. Растения. VI. Горы. VII. Моря. VIII. Озера. IX. Острова. X. Почвы. XI. Реки. XII. Сибирь. — 2. Населенные места. — 3. Физические типы населения. Медицина. Болезни. Лечение. — 4. Семья. Род. — 5. Социальный строй. — 6. Царь. Его двор. — 7. Администрация. — 7-а. Податные сборы. — 8. Сельский быт. — 9. Промыслы. — 10. Ремесло. Техника. — 10-а. Камни. — 11. Торговля. — 12. Стол. — 13. Архитектура. — 13-а. Домашние принадлежности. — 14. Одежда. ¹ — 16. Обряды, обычаи, внутренний быт. — 17. Искусство. Потехи. — 19. Юридические древности. — 20. Письменность. — 21. Дороги. — 22. Меры. — 23. Монеты. — 24. Биографии. — 25. Иностранцы. — 26. Иностранцы. — 26-а. Дипломаты. — 27. Малорусы. — 28. Белорусы. — 29. Казаки. — 30. Источники русской старины. — 31. Иностранные путешественники. — 32. Специалисты по старине. Библиография». Вне нумерации пачка карточек с надписью «Словарь Красовского» (термины, связанные с иконописанием).
408. 496, 522, 701. [«Словарь русской старины Военная старина».] 13 753 л.
 По отделам: «1. Общие сведения о войне. — 2. Царь в войске. — 3. Бояре. Местничество. — 4. Дворяне. Дети боярские. Жильцы. — 5. Даточные люди. Охочие люди. Ополчение. — 6. Казаки. Малороссы. — 7. Ландмилиция. — 8. Иностранцы. — 9. Иноземные послки. — 10. Поместья. — 11. Кормления. — 12. Жалованье денежное. — 12-а. Сборы. — 13. Десятинная пашня. Хлебное жалованье. — 14. Пе-

¹ Отделы 15-й и 18-й отсутствуют.

- хотя. — 15. Конница. — 16. Артиллерия. — 17. Флот. — 18. Оружие. Снаряжение. — 19. Одежда. — 20. Укрепления городов. — 21. Засеки. Заставы. Сторожи. — 21-а. Гуляй-город. — 22. Инженерное дело. — 23. Управление. — 24. Обучение. — 25. Служба. Ее виды. — 26. Сбор войска. Смотр. — 27. Полковой строй. — 28. Молитва. Одушевление. — 29. Знамена. — 30. Музыка. Команда. — 31. Квартирование. Нужды. — 32. Провиант. Обоз. Дороги. — 33. Жалованье в поход. — 34. Ход войны. Наказ. Бегство. — 35. Разведка. Шпионаж. Переметчики. — 36. Вести. Сеунч. — 37. Погода. Путь. — 38. Врачебное дело. — 39. Пленные. — 40. Добыча. Сайгат. — 41. Ликвидация и объявление войны. Мир. Переговоры. — 42. Награды и наказания. — 43. Полевой суд. — 44. Враги и союзники. Измена. — 45. Вольные походы. Ушкуйники. — 46. История войн. — 47. Бунты. Мятежи — 48. Разное».
409. 464—495, 702—704. «Словарь русской старины. Культовая старина». 13 335 л.

По отделам: «1. Православие. — 2. Раскол. Уния. Реформа. — 3. Суеверия. Язычество. — 4. Небесные силы, святые. — 5. Имя, именины. — 6. Мощи, святые, священные места. — 7. Силы ада. — 8. Религиозность, исповедание веры, отступники. — 9. Праведное житие. — 10. Грех и кара за него. — 11. Религиозное настроение. — 12. Таинства. — 13. Богослужение, службы. — 14. Брак. — 15. Обряды. Действа. — 16. Календарь. — 17. Праздники. Празднование недели. Пасха. Успение. — 18. Праздники семейные. Братчина. — 19. Молитва. — 20. Милостыня, богадельни. — 21. Пост. — 22. Готехи. — 23. Добрые дела. — 24. Подвиги смирения. Прощение. — 25. Обеты. — 26. Паломничество. Богомолие. — 27. Освящение, благословение. — 28. Нечистое. — 29. Врачевание. — 30. Чудеса. — 31. Погребение. Кладбища. — 32. Церкви, часовни, пещеры. — 33. Иконы. — 34. Кресты, панагии, змеевки. — 35. Литье. — 36. Богослужebные и церковные вещи. — 37. Облачения. Одежды. — 38. Наружность церковнослужителей. — 39. Книги, грамота, письмо. — 40. Порядок службы. Устав. — 41. Пение. — 42. Чтение. — 43. Проповедь. — 44. Церковное вне церкви. — 45. Патриарх. — 45-а. Епископы. — 46. Администрация. Соборы. — 47. Церковнослужители. — 47-а. Отцы духовные. — 48. Наказания и награды. Суд. — 49. Греческая церковь и другие православные. — 50. Малорусское духовенство. — 51. Пророки. Юродивые. — 52. Церковные доходы и расходы. — 53. Церковные земли. — 54. Прихожане. — 55. Духовный суд. — 56. Церковь и государство. Богадельни. — 57. Клятва. — 58. Школы. — 59. Монастыри. — 60. Иноверцы. Новокрещены. Язычники. — 61. История церкви. — 62. Биографии. — 63. Библиография. Акты. — 64. Термины неясные. — 65. Музеи. Древности. — 66. Общее».

410. 523—574. Алфавит к словарю русской старины. 22 178 л.

Указатель к словарям №№ 407—409.

411. 575—592. Иллюстрации к словарю русской старины. Перерисовки из изданий, фот., фотемех. 4971 л.

По отделам: «Алебарды. Амбары. Амвон. Амфора. Аркебуз. Архиерей. Атлас. Байнана. Бармы. Балдахия. Бархат. Бердыш. Блюда. Блюда. Бокал. Бочка. Боярский двор. Боярский дом. Боярыня. Браслет. Братчина. Броня. Букварь. Булава. Ваза. Валы. Ведро. Вилка. Водовзвод. Войлок. Воронок. Вотяки. Выезд. Века. Головные уборы. Гора курительная. Город. Города каменные. Гость. Гребень. Гривна. Гуляй-город. Гумно. Двор. Дворцы. Держава. Джид. Домик Петра Великого. Дом каменный. Душегрейка. Дьяконица. Дьякон. Ендова. Жаровня. Жбан. Железо. Жилец. Житница. Жорнов. Завес. Замки. Запона. Запястья. Застежка. Засака. Зеркало. Зерцало. Зипун. Знамя. Значок. Игра шахматная. Изба. Изба пятистенка. Изразцы. Кабат. Казацкие вещи. Календарь. Карабины. Карета. Кафтаны. Кика. Кинжал. Кисть. Кистень. Кладбище. Ковер. Ковш. Кокошник. Колодез. Кольчуга. Коляска. Конница. Конский убор. Копья. Корзинки. Коробочки. Коробки. Корона. Корчик. Костяные изделия. Кошелок. Красная площадь. Кресло. Кресты. Крестьянка. Крошня. Кружево. Кружка. Кубок. Кубышка. Кувшин. Куклы. Кунган. Лампада. Ларцы. Лохань. Линея. Литье. Лодка. Ложки, вилки и ножи. Летник. Лядунки. Материя. Межевой камень. Меч. Миниатюры. Миса. Мост. Музыкальные инструменты. Мундштук. Медные изделия. Наволочка. Намет. Наплешники. Наручи. Настольник. Натруска. Наузы кисти, хвосты. Нашивка. Нашивка. Нож. Ножны. Носилки. Овин. Огниво. Одежда. Одеало. Однорядка. Ожерелье. Олово. Оловяник. Ольстры. Опахало. Опашень. Орел. Орнат. Орден. Оружие. Осадная башня. Острог. Охобень. Палаш. Палеография. Парча. Патриарх. Перевязь. Переплет. Перечница. Перо. Перстни. Пистолет. Писцы. Пишаль. Платно. Плат. Плеть. Плот. Повойник. Подзатыльник. Поднос. Подойник. Подсвечник. Подушка. Покровец. Покров. Покрывало. Полотенце. Полость. Польское серебро. Попона. Поп. Пороховница. Посадская изба. Посадский человек. Посольский прием. Посольский привод. Посольство. Посохи и трости. Посуда. Поход. Прапор. Писчий прибор. Привеска, гривна. Посточня. Протазан. Пряники. Пуговицы. Пушки. Разное. Рассольник. Регалии. Револьвер. Резьба. Ров. Рогатина. Рогатка. Рог. Ружье. Рукомойник. Рында. Рюмка. Ряды. Ряска.

Рясны. Саадак. Сабли. Самовар. Сани. Сапоги. Салфетка. Светец. Связка. Серебро. Серьги. Скатерть. Скипетр. Складень. Слюда. Солонка. Сосуд. Соха. Сошник. Спуск. Ставец. Стакан. Стан. Стекло. Стол. Стопа. Стоянец. Струг. Стрельцы. Стул. Ступка. Стена городская. Судки. Сулея. Сундук. Седло. Таз. Тарелка. Татарин. Телега. Терлик. Топоры и топорки. Торговля. Трон. Телогрея. Узда. Укусница. Умывальник. Фарфор. Ферязь. Фигуры. Финифть. Фляга. Футляр. Халдей. Халдейская пещь. Хлебное. Царь. Царица. Цветник. Цепи. Чалдар. Чарка. Часы. Чаша. Чашка. Чайник. Чекан. Чемодан. Чепрак. Черемисы. Чернец. Чернильница. Четвертина. Чехлы. Чулки. Шапка. Швейка. Шелом. Шестопер. Шишак. Шкаф. Шлем. Штоф. Шуба. Шипцы. Щит. Эспонтон. Ядро».

[Старина культовая]. «Вербная неделя. Вериги. Воздух. Гробница. Дароносица. Дарохранительница. Дискос. Евангелие. Епитрахиль. Змеевик. Икона. Иконостас. Кадильница. Каменные образки. Клобук. Крест. [Здесь же письмо К. Шероцкого к А. А. Спицыну от 12/IV 1913 г. о крестах в киевских музеях]. Ладоница. Ларчик. Люстра. Митра. Монастыри. Образки. Палица. Панагия. Паникадило. Плащаница. Подсвечники. Поручи. Посох. Потир. Пятихлебник, евлогий. Резьба. Саккос. Складень. Фонарь. Церква. Часовни. Чаши. Шапки. Шитье».

412. 706, 708. Библиография истории войн и военной техники. 1323 л.

По отделам: «I. Военное искусство. II. 1—6. Военная история. II. 7. Казаки. II. б. 1. Походы, войны, сражения, осады. II. б. 2. Смутное время. II. б. 3. 1812 г. II. б. 4. Полтавская битва. II. б. 5. Северная война. II. б. 6. Суворов. II. б. 7. Азов. II в. История отдельных войсковых частей. III. Флот и речные суда. IV. Инженерное дело. V. Осада. VI. Знамена, знаки, флаги, регалии и т. д. VII. Оружие. VIII. Археологическая география. IX. Разное».

413. 709, 716. Библиография русской старины, археологии, этнографии и истории искусства. 3504 л.

По фамилиям авторов в порядке алфавита.

414. 717—724. То же. 4682 л.

По отделам: «Страна. Население. Населенные пункты. Торговля. Промышленность. Искусство. Ремесло. Промыслы. Земледелие. Просвещение. Медицина. Садоводство и огородничество. Суд. Челобитные жалобы. Судные дела. Акты. Быт. Жилища. Архитектура. Домашнее хозяйство. Костюмы. Одежда. Утварь. Украшения. Религия. Верования. Предания. Легенды. Поэзия. Письменность. Суеверия. Обряды. Поверья. Пословицы. Поговорки. Игры. Забавы. Развлечения. Курганы. Могилы. Погребения. Клады. Пещеры. Камни. Кресты. Памятники. Библиографические указатели. Нумизматика. Местная старина и этнография. Статьи общего характера».

415. 725, 726. Библиография исторической географии, археологии и культовой старины. 1378 л.

По отделам: «Путеводители. Города. Списки населенных мест. Библиография. Население. Археологические памятники. Библиография старообрядчества. Агиография».

416. 727. Указатель частных коллекций в России. 413 л.

В алфавитном порядке, по фамилиям владельцев.

417. 728—730. Библиография церковной археологии. 1239 л.

По отделам: «Материалы историко-археологические [церковные]. Археология церковная. Археология вещевая [церковная]. Архитектура церковная. Библиографические издания по истории и археологии церковной. Библиотеки церковные, архивы, музеи, ризницы (описания и каталоги). Благотворительность. Богослужение. Бранобритие в древнем русском быту. Брак. Венчание. Братства церковные. Быт. Верб. Вериги. Вертеп и духовная драма. Власть монастырские. Вотчины церковные и церковные земли. Выходы. Венец. Венцы брачные. Верования народа. Голосники. Города, села и погосты, губернии, области и епархии, описание их в церковно-археологическом отношении. Государство и церковь; их взаимоотношение и взаимодействие. Гроб Господень. Гробы, гробницы, усыпальницы. Дары и вклады в церкви. Дьявол и темная сила. Духовенство. Дети и церковно-религиозный быт. Епархии, их история и археология. Ереси. Жития святых. Звон. Змеевики. Знамение крестное. Иконопочитание. Икона. Иконография. Иконопись. Иконостас. Иконы литые. Иконы чудотворные. Имя. Иноверцы. Иностранцы. Исповедь. История церкви и церковно-общественной жизни. Калики. Катапетасма. Кладбища, могилы, могилы исторических лиц. Клобуки. Колокола».

418. 731. Указатель церквей Тверской губернии. 813 л.

419. 732. Библиография описаний церквей. 116 л.

420. 733, 734. Выписки из отчетов Археологической комиссии о древностях, найденных в Керчи и ее окрестностях. 916 л.

По отделам: «Амулеты. Бронзовые вещи. Деревянные вещи. Железные вещи. Золотые украшения и пластинки. Каменные вещи. Костяные вещи. Свинцовые

вещи [гири]. Серебряные вещи. Стекланные вещи. Земляные гробницы в Керчи и вблизи него [так!]. Керчь. Земляные гробницы. Глинище. Земляные подбойные гробницы. Карантин, земляные гробницы. Керчь. Митридат-гора, земляные подбойные гробницы. Драгоценные камни. Монета. Сосуды бронзовые. Сосуды глиняные и терракотовые. Сосуды медные. Стекланная посуда. Отдельные находки: бусы, венки, зеркала, медалионы, ожерелья, перстни, подвески, пряжки, серьги и ткани. Разные находки».

421. 459. Указатель древностей Петербургской губернии. 1500 л.

422. 462. Сведения о церквях и монастырях Армении. 53 л.

Карточки написаны не рукой Спицына.

V. ИЛЛЮСТРАЦИИ, ПОДОБРАННЫЕ ПО ТЕМАМ

423. 251. «Сарматы». Фотомех. 926 л.

По отделам: «Б. Близница». — «Семибратний курган». — «Александропольский курган». — «Томаковская». — «Чертомлык». — «Чмырева могила». — «Огуз». — «Острая». — «Толстая». — «Краснопутская». — «Слоновская Близница». — «Черемесов курган». — «Мастюгино».

424. 252. «Ольвия». Фотомех. 690 л.

По отделам: «Некрополь 1896 г. 1900—1911 гг.». — «Olbia. Раскопки города 1902—11 гг. Отчеты Имп. Арх. ком.». — «Раскопки города 1902 г. Раскопки большого кургана римской поры (II в. н. э.) на берегу Буга». — «Раскопки города 1903 г. 1. Раскопка большого кургана на бер. Буга. 2. Остатки стены города с зап. стор.». — «Раскопки города 1904 г. 1. Городская стена у Заячьей балки. 2. Остатки городских построек». — «Раскопки города 1905 г. 1. Раскопки цитадели римского времени с юж. стор.». — «Раскопки города. 1906 г. 1. Раскопки римской цитадели. 2. Остатки до-гетского города на сев. от цитадели». — «Раскопки города 1907 г. Раскопка греческих стен и ворот с сев. стор.». — «Раскопки города 1908 г. Раскопка греческих стен и ворст с сев. стор.». — «Раскопка города 1909—10 гг. 1. Город греческого времени» — «Olbia 1911 г.». — «Мраморы. Скульптура. Чаша. Надпись». — «Архитектурные обломки. Мрамор. Известняк. Терракота». — «Терракота. Архаическая. Эллинистическая, римского времени, маски, статуэтки». — «Керамика». — «Камень. Каменное орудие. Сосуды. Жернов и какое-то приспособление для ручной мельницы. Стела. Алтарь». — «Кость». — «Стекло, Фаянс». — «Металл: Золото. Серебро. Бронза. Медь. Железо. Свинец».

425. 253. «Классическая Керчь, Тамань, Березань, Недвиговка», Фотомех. 1111 л.

426. 254. «Классический Херсонес». Фотомех. 468 л., фото 8 л., рис. пером 1 л.

427. 255. «Кавказ». Фотомех. 1621 л., рис. пером 132 л., рис. кар. 2 л., карт. 2 л., рук. 2 л.

428. 256. «Кубань». Фотомех. 401 л., калька 1 л.

По отделам: «Баклеевская I». — «Зубовская II». — «Лабинская III». — «Особая культура IV». — «Фалары». — «Ст. Воронежская». — «Семибратний курган и Керчь». — «Карагодеуашх». — «Елизаветовская».

429. 257. «Татары». Фотомех. 520 л., фот. 7 л., рис. пер. 5 л., акв. 1 л.

По отделам: «Тюрки». — «Черкесы». — «Мономахова шапка». — «Статуэтки».

430. 258. «Пермь». Фотомех. 1593 л., рис. пер. 33 л., рук. 26 л., печатн. 14 л., чертежей 13 л., фот. 1 л.

По отделам: «Костища». — «Пьяноборский могильник». — «Бродовский могильник». — «Теплоухов». — «Пермь III—VI в.». Здесь же рукописные заметки А. А. Спицына о коллекции Теплоухова; копия письма С. Г. Строганова Ф. Л. Волегову, 1851, ноябрь 10, о получении древностей; копия письма В. А. Волегова, без даты, о серебряной гривне, найденной на поле Зобачева в 186 (?) г.; копия письма А. Теплоухова, 1867, август 16, о том же.

431. 259. «Смела». Фотомех. 266 л.

432. 260. «Финны». Фотомех. 1737 л., фот. 1 л.

По отделам: «Правый берег Серебрянки». — «гр. Бобринский». — «Дарьевка». — «Кошибаевский могильник». — «Томниковский могильник». — «Лядинский могильник». — «Длинные курганы». — «Максимовский могильник». — «Мордва XIV в.». — «Бранденбург». — «Приладожская чужь XIII—XIV в.».

433. 261. «Хвалынь». Фотомех. 868 л., фот. 8 л., печ. 7 л., рис. пер. 1 л. карта 1 л.

По отделам: «Сибирь». — «Литва VIII—IX в.». — «Люцинские могилы X—XI в.». — «Жмудь». — «XI в.». — «Пилькальнис?». — «Кама».

434. 262. I. Каменный век. Бронзовый век. Фотомех. 566 л., фот. 18 л., рук. 3 л., рис. пер. 1 л., рис. кар. 1 л., маш. 1 л.

По отделам: «Изюмская керамика». — «Волосово». — «Рерих». — «Балахна». — «Бологое». — «Пещеры». — «Трипольская культура». Здесь же: заметки А. А. Спи-

- цына об орнаменте на керамике и две таблицы из новейшей в свет работы К. С. Мережковского по палеолиту Крыма, предполагавшейся к изданию в серии Записок ИРГО по Отделу этнографии.
435. 263. II. Бронзовый век. Фотомех, 897 л., фот. 11 л., кальки 6 л. рис. кар. 5 л., рук. 3 л., акв. 1 л.
По отделам: «Курганы с окрашенными костяками». — «Самокзасов». — «Каменные, медные киевские». — «Долмен». — «Фатьяновская культура». — «Галичский клад». — «Средний медный век». — «Михалковский клад» — «Костеносные городища». — «Ананьинская культура». — «Минусинская культура». — «Гальштатт». — «Латен. До IV—V в.». Здесь же: рукопись Людвига Савицкого «Мегалитические гробницы, найденные в июле 1914 г. в окрестностях деревни Тотыры Плонского уезда, Варшавской губ.», на русском и польском языках и письма В. Хвойко к А. А. Спицыну от 22/XII и 27/XII 1900 г. о печатании таблиц к работам В. Хвойко и об открытии археологического отдела в Киевском музее.
436. 264. III. Железный век, славяне, готы, гунны, болгары. Фотомех. 1098 л., фот. 2 л., рук. 2 л., рис. пер. 1 л., рис. кар. 1 л.
По отделам: «Перещепенский клад». — «Болгары X в.». — «Оружие». — «Котлы». — «Полтавщина IX в.».
437. 265. IV. «Позднее». Фотомех. 642 л., фот. 25 л., рук. 2 л., карта 1 л.
По отделам: «XI в.». — «1-я пол. XII в.». — «2-я пол. XII в.». — «Клады и находки XIII—XIV в.». — «Серебро». — «Болгары XIV в.». — «Каменные бабы». — «Средняя Азия. Закавказье». — «Позднее». — «Поздние русские вещи». Здесь же: выписки о могильных камнях.
438. 266. Русские древности. Фотомех. 942 л., рис. пер. 46 л., рук. 3 л., карта 1 л., фот. 1 л.
По отделам: «Владимирские курганы». — «Дублеты». — «Гр. Уваров». — «Киев». Здесь же: письмо Л. Григорьевой к А. А. Спицыну 1905 г., февраля 24 о рисунках вещей из Владимирских курганов.
439. 267. Русские курганы. Фотомех. 1870 л., кальки 71 л., рис. пер. 42 л., корректур 5 л., рис. кар. 3 л., рук. 3 л.
По отделам: «Старейшее русское». — «Сопки». — «Гнездовский могильник». — «Бульчов». — «Смоленск». — «Псков». — «Витебск». — «Тверские». — «Ивановский». — «Кострома». — «Остальное. Дреговичи. Голяне. Вятичи. Калужские курганы. Северяне. Муромские курганы. Черная Русь. Радимичи». — «Могильники. Жальники». Здесь же: список литературы о раскопках в Тверской губ. и письмо Н. Н. Савина к А. А. Спицыну 1931 г., марта 7 о датировке височных колец.
440. 268. Деревянная архитектура. Фотомех. 673 л.
По отделам: «Двускатные крыши». — «Шатровые. Деревянные 8-гранные. Шатровые церкви с бочками в углах четверика. Шатровые двойные. Шатровые ярусные. Купола о четыре бочки. У шатра щиток — бочка. Шатровые — восьмигранные в основании. Три алтаря с бочками. Многолуковные бочки. Крестовые бочки». — «Четырехскатные церкви». — «Восьмискатные крыши». — «С восьмигранным барабаном». — «Купольные крестовые с восьмигранным барабаном». — «Купольные с восьмигранным барабаном». — «Куполы без барабана на четверике». — «Деревянные с репчатым куполом». — «Ярусные». — «О два яруса». — «Деревянные западнорусские. Южнорусские и западнорусские. Южнорусские и деревянные». — «Varia» — «Колокольни». — «Звонницы». — «Крыльца. Входы. Навесы». — «Укрепления». — «Ограды». — «Внутренний вид церквей». — «Столбы». — «Окна и двери». — «Избы».
441. 269. «Деревянная архитектура. Varia. Каменная архитектура». Фотомех. 569 л.
По отделам: «Иконостасы. XVII — нач. XVIII в. Петр. Елизавета. Пышная резьба. Малорусские иконостасы XVIII в. Алтари. Varia». — «Деревянные гражданские сооружения». — «Вещи». — «Иконы. Кресты». — «Древние западнорусские каменные». — «Польские. Немцкие». — «Церкви греческие и армянские». — «Общие». — «Общие виды». — «Восточные».
442. 270. «Каменная архитектура». Фотомех. и рис. пер. и кар. 1422 л.
По отделам: «Каменные шатровые». — «Каменные с двускатной крышей». — «Тихвинский монастырь». — «Часовни». — «Колокольни». — «Гражданские сооружения». — «Каменные varia». — «Каменные XVIII в.». — «Каменные XIX в.». — «Каменные восьмериком». — «Каменные однокупольные». — «Каменные Степановского типа, XVIII в.». — «Каменные пятиглавые». — «Иркутские церкви». — «Каменные одноглавые — четырехскатные».

VI. КАРТЫ, ПЛАНЫ

443. 219. «Археологическая карта Средней Азии и указатель к ней». 18 л.
444. 220. «Скифы. Финны. Римские монеты. Скандинавские древности. Византийские монеты. Вятичи. Кривичи. Каменные бабы». 18 л.
445. 226. Планы городищ Харьковской губ. 17 л.

VII. СОВМЕСТНЫЕ ЗАПИСИ А. А. СПИЦЫНА И ДРУГИХ ЛИЦ

446. 211. Дневник раскопок в д. д. Демине и Ильинской Пермской губ. в 1901 г. Дневник раскопок на Украине. Заметки о древностях камской чуды. 23 л.
447. 213. Дневник раскопок А. А. Спицына совместно с Бойко, Суворовым и Котисом, 1912 г. Дневник раскопок В. В. Саханева и Н. Е. Макаренко в Таврической губ. (Аскания-Нова, Мордвинов курган и др.). 1914. 103 л.
448. 216. а) А. Федоровский. — Археологические раскопки в окрестностях Харькова, 1929, декабрь 10. 7 л.
б) А. А. Спицын. — Донецкое городище — извлечение из отчета А. Федоровского. 3 л.

VIII. ПИСЬМА РАЗНЫХ ЛИЦ И ОРГАНИЗАЦИЙ К А. А. СПИЦЫНУ

449. 6—10. Адрианов А. В., Томск, 1908, ноябрь 29. 2 л.
450. 6—10. Бадер О. Н., 1929, июль 16. 2 л.
451. 6—10. Бочаров Б., 1930, январь 3 и 17. 2 л.
452. 6—10. Виноградов А., Рыбинск, 1929, ноябрь 19. 2 л.
453. 6—10. Виноградов Н. С., Петербург, 1909, ноябрь 27. 1 л.
454. 6—10. Гезе, Киев. 9 л.
С оттисками крестов, змеевиков и лунниц.
455. 6—10. Гольмстен В. В., Самара, 1928, октябрь 19. 2 л.
456. 6—10. Готье Ю. В., Москва, 1924, январь 29. 1 л.
457. 6—10. Добровольский А. В., Снигиревка Херсонского округа. 2 л.
458. 6—10. Ермолаев А. П., Красноярск, 1913, декабрь 31. 13 л.
С черновиком ответа А. А. Спицына.
459. 6—10. «Записки наукового товариства ім. Шевченка» [Редакция], Львов, 1 л.
460. 6—10. Корсакова В. Д., Казань, 1921, декабрь 5. 5 л.
461. 6—10. Крамарев И. В., 1927, август. 1 л.
462. 6—10. Крылов И. П., Старица, 1916, май 25. 1 л.
463. 6—10. Лайд, Эрик, Москва, 1928, январь 22. 1 л.
464. 6—10. Макаренко Н., 1916. 11 л.
465. 6—10. Малмыжское историческое общество, 1918, август 5. 1 л.
Извещение об избрании А. А. Спицына почетным членом.
466. 6—10. Милеев Д., Киев. 3 л.
467. 6—10. Милонов Н., Пронск. 4 л.
468. 6—10. Миллер А. А., Таганрог. 2 л.
469. 6—10. Наумов А., Камышин, 1925, июль 17. 1 л.
470. 6—10. Нидерле Л. Г., Прага, 1909, апрель 26. 1 л.
471. 6—10. Огарков С. И., Качкаровка, Херсонский окр., 1928, январь 15. 4 л.
С зарисовками.
472. 6—10. Орехов В. Ф., Хвалынск, 1926, август 28. 15 л.
С зарисовками.
473. 6—10. Платонов С. Ф., Петербург, 1921, сентябрь 7. 1 л.
474. 6—10. Покровский С. И., Тверь, 1910. 1 л.
475. 6—10. Покровский Ф., Вильна, 1896, декабрь 12. 7 л.
476. 6—10. Романов А. М., Наваля, 1927, октябрь 20. 1 л.
477. 6—10. Романов М. И. 2 л.
478. 6—10. Савин Н. И. 1 л.
479. 6—10. Сергеев С., Красноярск, 1914, апрель 22. 5 л.
С фотографиями и калькой.
480. 6—10. Сизов Д., Кострома, 1910, март 25. 1 л.
481. 6—10. Скрыленко А., Екатеринослав, 1907, апрель 7. 4 л.
482. 6—10. Соколовский С. М., Рославль, 1907, июль 28, 1910, август 9. 14 л.
С фотографиями.
483. 6—10. Сосновский К. П., Курская губ., 1913, июнь 21. 2 л.
484. 6—10. Тихомиров П. Ф., Себеж. 1928, май 28. 1 л.
485. 6—10. Толмачев В., 1913, март 20, 1917, декабрь 14. 3 л.
486. 6—10. Харлампович П., 1928, май 28. 1 л.
487. 6—10. Шероцкий К., Полоцк, 1913, сентябрь 7—14. 4 л.
488. 6—10. Шеглов С., Саратов, 1914, январь 15. 1 л.
489. 6—10. Wosinsky M., Венгрия, 1896, февраль 25 — июль 23. 26 л.
С фотомеханическими таблицами мадьярских древностей и черновиком ответа А. А. Спицына.
490. 6—10. Письма с неразобранными подписями и без подписей. 1914, март 15, 1931, январь 20. 17 л.
491. 6—10. Письмо Романова Е. председателю Археологической комиссии об А. А. Спицыне. 1893, сентябрь 29. 2 л.

IX. РУКОПИСИ РАЗНЫХ ЛИЦ

492. 214. Отчеты Александрова, Дубинского, Кудрявцева, Лаврова, Любомирова, Острогского, Покровского, Садикова, Саханева, Тищенко, Чернова и Балицкого о раскопках в Урай-Замошье Лужского у., Петерб. губ., 1910 май—1911 октябрь. 83 л.
493. 228. Алиховский А. Л. Описание и зарисовка раскопок Красногорского кургана Оренбургской губ. и уезда. 1902. 7 л.
494. 229. Веселовский Н. И. [?]. Черновые обмеры Ананьинского склепа. 8 л.
495. 460. Коваленков В. П. Памятная заметка о некоторых местах замечательных в археологическом отношении: г. Коростень Волынск. губ., г. Овруч, г. Игумен Минск. губ. 57 л.
496. 227. Соколовский С. Описание каменной мельницы и каменного креста, найд. в 1913 г. в Рославльск. у., Смоленской губ. 2 л.
497. 245. Терехин В. М. Археологические раскопки и разыскания в уездах Краснослободском и Наровчатском Гензенской губ. 1892. 4 л.
498. 210. [Неизвестный]. Дневник поездки на оз. Кафтино. 1903. 7 л.
499. 212. [Неизвестный]. Дневник раскопок в Демьяновском у. Новгородск. губ. 1911. 35 л.
500. 218. [Неизвестный]. Сурские курганы Екатеринославской губ. и уезда. 6 л.
501. 209. [Неизвестный]. Сводка сведений о курганах Тульской губ. 2 л.
С заметками А. А. Спицына.
502. 215. [Неизвестный]. Отчет о раскопках кургана в им. Хизово Рогачевского у., Могилевской губ. 1 л.
503. 230. [Неизвестный]. Бронзовый век на скандинавском севере. 7 л.
504. 231а. [Неизвестный]. О весах и гирьках Лифляндии, Эстонии и Курляндии. 4 л.
505. 231б. [Неизвестный]. Церковный устав и богослужебные книги православной церкви. 16 л.
506. 232. [Неизвестный]. Чортово городище бл. г. Елабуги. 23 л.
507. 234. [Неизвестный]. Исследование о названиях днепровских порогов. 11 л.
508. 235. [Неизвестный]. Следы язычества в области между верхними течениями рр. Оки и Дона. 13 л.
509. 240. [Неизвестный]. Проект программы для собирания материалов для антропологических исследований. 3 л.
510. 241. [Неизвестный]. Одиночные находки предметов доисторического быта в разных пунктах Пензенской губ. 6 л.

X. КОПИИ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ И НАДПИСЕЙ

511. 222. Копии архивных материалов о раскопках Н. М. Бекаревича, И. Д. Преображенского и В. В. Миловидова в Костромской губ. в 1892—1899 гг. 59 л.
512. 223. Копии архивных материалов Керченского музея и Археологической комиссии о раскопках в Керчи и на Тамани. 482 л.
513. 224. То же. 505 л.
514. 225. Копии архивных материалов о раскопках А. Терещенко Царевских курганов, Саратовской губ. в 1843—1851 гг. 328 л.
515. 243. Копия «Описи двору и пожитков ассессора Чикина, 1742 г.». 4 л.
516. 239. Выписка из рукописи Софийской библиотеки С.-Петербургской духовной академии, № 1100, гл. 3, стр. 47—67: «Чин, егда ангели спущают в неделю святых отец». 6 л.
517. 244. Копия надписи на одном из камней горы Замковище при с. Гуляй-Город Черкасского у., Киевской губ. 1 л.

XI. КОПИИ, ИЗВЛЕЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ ГАЗЕТНЫХ И ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ

518. 236. Копии статей о древностях Сибири. 25 л.
519. 237. То же. 130 л.
520. 238. Извлечение из статьи «Земляные насыпи и городища Астраханской губ.». Труды Астраханского губернска. статист. комит., вып. 4, 1875. 3 л.
521. 242. Перевод статьи о татарских древностях из журнала «Archaeologia», изд. The Society of antiquaries of London, vol. II, 1723.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

Абашевская культура 65

Авары 84, 213

Австрия 210, 293

Автобиография А. А. Спицына 41

Адиге 212

Азия, Малая 281

Азия, Средняя 69, 87, 88, 156, 177, 288—

292, 437, 443

Академия духовная, С.-Петербургская

516

- Академия истории материальной культуры 147, 331
 Аккерман 261
 Акмолинская область 286, 333
 Аланы 86, 208, 210
 Албания 213
 Александропольский курган 423
 Америка 165, 166
 Амударьинский отдел 334
 Амурская область 286, 335
 Ананьинская культура 173, 435
 Ананьинский склеп 494
 Англия 293
 Андроново 169
 Антропологические исследования 509
 Анты 58, 206, 211
 Арабы 267, 281
 Армения 235, 422
 Архангельская губ. 272, 336
 Археологическая комиссия 331, 420, 491, 512, 513
 Археологический институт 143, 308
 Археологическое общество, русское 143, 145, 146
 Археология, введение 306; задачи ее 130; общая 302, 303; способы и приемы исследования 129
 Архитектура деревянная 440, 441; каменная 441, 442
 Аскания-Нова 447
 Астарабад 89
 Астраханская губ. 272, 337, 520
- Бавария 189
 Бакинская губ. 272
 Баклеевская 428
 Балахна 434
 Бежецк 26
 Бежецкие древности 29
 Бежица 24
 Белорусские курганы 206
 Березань 220, 425
 Бессарабия 198
 Бессарабская губ. 272, 338
 Библиография: исторической географии, археологии и культурной старины 415; истории войн и военной техники 412; описания церквей 419; русской старины, археологии, этнографии и истории искусства 413, 414; церковной археологии 417
 Болгария 166, 178, 189, 293
 Болгары 210, 213, 217, 436, 437
 Бологое 434
 Большая Близница 423
 Борисовский могильник 212
 Борковский могильник 432
 Боршево, село 11
 Босния 166
 Боспор Киммерийский 202
 Бродовский могильник 430
 Броды 8
 Бронза 171, 178, 179
 Бронза, Сибирь 180
 Бронзовый век 26, 71, 72, 74, 100, 170, 176, 303, 434, 435, в Восточной Европе 53, в Скандинавии 503
 Бронзовая культура 174, 177
 Бухара 289
 Бухарское царство 339
- Быт русский, история его 30, 43, 124, 511
- Варшавская губ. 340, 435
 Венгрия 18, 166, 171, 174, 176, 189, 213, 293, 489
 Верхне-днепровские городища 255
 Весы 504
 Византия 332
 Виленская губ. 2, 272, 341
 Вильна 475
 Витебск 439
 Витебская губ. 4, 272, 342
 Владимир 258
 Владимирская губ. 12, 272, 343
 Владимирские курганы 438
 Влоя 153
 Вологодская губ. 34, 273, 344
 Волосово 434
 Волхов 153
 Волынская губ. 198, 273, 345
 Воронежская губ. 11, 199, 273, 346
 Воронежская ст. 428
 Восток 178, 281
 Вытегра 26
 Вятчи 266, 439, 444
 Вятская губ. 3, 273, 347
 Вятские могильники 240
 Вятский край 117
- Галиция 78, 158, 166, 178, 216, 294
 Галич-Сейма 169
 Галицкий клад 435
 Гальштатт 71, 73, 74, 187, 189, 303; русский 77
 Гатное 182, 183
 География 323; историческая 21, 125—128, 309, 318, 319, 322—324
 Геология 153
 Германия 166, 178, 210, 293.
 Геродот 196
 Герр 81
 Гирьки 504
 Главнаука 63
 Гляденовского типа костыша 95
 Гнездовский могильник 439
 Голышевка 11
 Города 261
 Городища 228, 265
 Готы 204, 210, 212, 267, 436
 Греки на юге России 317
 Греция 189
 Гривенная денежная система 104
 Гривны 300
 Гришкинские курганы 22
 Гродненская губ. 273, 348
 Гродно 210
 Грудяны, дер. 8
 Грузия 235
 Гунны 195, 436
- Дагестан 219
 Дания 178, 210
 Дарьевка 432
 Деменки, дер. 8
 Демино, дер. 446
 Денежная система, гривенная 104
 Длинные курганы 432
 Днепровские городища 255
 Днепровские пороги 507

- Долмены 184, 435
 Доя 508
 Донского войска обл. 273, 349
 Древний мир 317
 Дреговичи 262, 439
 Доскифская культура 74, 187
 Дьяковы городища 252

 Европа западная 165, 171, 189, 287, 293
 Египет 281
 Екатеринослав 481
 Екатеринославская губ. 199, 274, 350, 500
 Елабуга 506
 Елизаветовская ст. 428
 Енисейская губ. 285, 351

 Жальники 256
 Жареный Бугор 5
 Железный век 436; в прибалтийском крае 99, см. гальштатт, латен
 Жмудь 433

 Забайкальская обл. 283, 352
 Закавказские могильники 72
 Закавказье 437
 Замковице, гора 517
 «Записки Наукового товариства ім. Шевченка» 459
 Зарубинцы 206
 Зауральские городища 100
 Зихи 210, 212
 Змиевы валы 114
 Золотоордынские города 5
 Зубовская ст. 428; культура 194, 201

 Иваново-Вознесенская губ. 48, 353
 Ивановский курган 439
 Игумен, город 595
 Изюмская керамика 434
 Иллирия 189
 Ильинское, дер. 446
 Инкрустация 92, 207, 209
 Инструкция к открытым листам на право производить раскопки 63
 Иран 190
 Иркутская губ. 283, 354
 Иртыш 52
 Испания 293
 Исторический музей 202
 История русская 320, 325
 Италия 166, 178, 189, 293
 Итиль 261

 Кавказ 114, 156, 175, 177, 184, 196, 212, 213, 218, 221, 231—237, 287, 319, 427
 Казаки 319, 327; донские 114, 115
 Казанская губ. 274
 Казань 460
 Калужская губ. 274, 355
 Калужские курганы 439
 Кама 97, 240, 433
 Каменные бабы 56, 216, 291, 437, 444; в Павловске 70
 Каменный век 72, 114, 155—160, 292, 303, 434; в Костромской губ. 162
 Камские костища 95
 Камышин 469

 Карагодеуашх 428
 Картотеки 407—422
 Карты археологические 46, 53, 443, 444
 Кафтино, озеро 498
 Качкаровка 471
 Кашгарская обл. 356
 Керамика 150; шигирская 67
 Керченский музей 512, 513
 Керчь 223, 230, 420, 425, 512, 513
 Киев 261, 287, 411, 438, 454, 466
 Киевская губ. 200, 202, 275, 357, 517
 Киевская летопись 110
 Киевские курганы 187
 Киевский костяной век 172
 Киммерийцы 83, 317
 Китай 172, 197
 Клады 287
 Классические города 220, 221, см. Керчь, Ольвия, Херсонес
 Классическое 224
 Кобанская культура 72
 Ковенская губ. 358
 Кокс палеолита 75
 Курская губ. 362, 483
 Коллекции частные, указатель 416
 Коломцы 153
 Копии архивных материалов 420, 511—517; газетных и журнальных статей 518—521
 Коростень 495
 «Корочки» 148—332
 Коршуновский тип культуры 56, 169
 Костеносные городища 72, 100, 172, 435
 Костища гляденовского типа, камские 95
 Кострома 258, 439, 480
 Костромская губ. 162, 275, 359, 511
 Костромские могильники 240
 Костяки окрашенные 149; скорченные 149—151, 163, 182
 Костяная культура 71; костяной век 72, 100, 165, 172
 Кочевники 214, 215, 217, 231
 Кошибаевский могильник 432
 Краеведение 39, 49, 50, 64, 71, 123, 133, 164, 315
 Красногорский курган 493
 Краснокутская 423
 Красноярск 458, 479
 Кривичи 264, 444
 Крым 187, 210, 212; палеолит Крыма 434; крымская степь 23
 Кубанская обл. 275, 360
 Кубань 184, 201, 203, 428
 Курганы длинные 254; круглые 254; с сожжением 253
 Курляндская губ. 275, 361
 Курляндия 504
 Курская губ. 275

 Лабинская ст. 194, 428; культура 201
 Ладога 153
 Латен 71—74, 205, 303, 328, 435
 Латышев 317
 Лахта 37, 153
 Лекции 14, 15, 19, 27, 31, 33, 38, 54, 72—74, 120—122, 125—128, 302, 303, 306—309
 Летописание сибирское 109
 Летопись киевская 110

- Литва 17, 20, 36, 155, 172, 248—250, 295, 300, 318, 433
 Литье из бронзы 321
 Лифляндия 172, 504
 Лифляндская губ. 276, 363
 Ломжинская губ. 364
 Лопари 98, 238, 242
 Львов 459
 Люблинская губ. 365
 Люцинские могилы 433
 Лядинский могильник 432
- Майданы 191
 Мамкоп 166
 Македония 189
 Макролиты 161
 Максимовский могильник 432
 Малмыжское историческое общество 465
 Мاستюгино 423
 Медный век 35, 71, 74, 100, 166—170, 175, 303
 Мезолит 76
 Менгиры 184
 Мерв 289
 Месопотамия 281
 Мидяне 83
 Миниатюры 304, 331
 Мивская губ. 276, 366
 Минусинская культура 435; минусинский медный век 72
 Михалковский клад 174, 435
 Могилевская губ. 4, 139, 210, 367, 502
 Монеты 226, 233, 239, 291, 299—301; византийские и римские 444
 Монголия 286
 Монголы 215
 Мономахова шапка 297
 Мордва 432
 Мордвинов курган 447
 Мордовские могильники 94
 Москва 456, 463
 Московская губ. 276, 368
 Музеи 329, 330
 Муромские курганы 439
 Мшхет 235
- Навля 476
 Народности, алфавит 312
 Натухайцы 212
 Недвиговка 425
 Неизвестных авторов статьи 498—510
 Неман р., бассейн, курганные древности 6
 Немиров 185
 Неолит 71, 100; южно-русский 51
 Нефрит 321
 Нижегородская губ. 276, 369
 Новгород 264, 268
 Новгородская губ. 60, 276, 370, 439, 499
 Новогригорьевская 208
 Норвегия 165
 Норманны 13, 108, 253
- Овруч 495
 Ока 97, 241, 508
 Олонецкая губ. 276, 371
 Олонецкие петроглифы 59
 Ольвия 220, 424
 Описания губерний, археологич. 46, 333—407
 Оренбургская губ. 372, 493
- Орловская губ. 276, 373
 Орудия отжимные 148
 Оружейная палата 270, 271
 Охрана и учет памятников древности 61, 62, 328
- Павловск, каменные бабы 70
 Палеолит 71, 75, 76, 100, 152, 154
 Парфянские древности 100
 Пензенская губ. 277, 497, 510
 Гермская губ. 8, 374, 446
 Пермь 239, 240, 243, 430
 Персия 281
 Петербург 453, 473
 Петербургская губ. 263, 277, 375, 421, 492
 Петроглифы олонечские 59
 Пехрянская десятина 42
 Печати 298
 Печенеги 213
 Пещеры 227
 Пилькальнис 433
 Писаницы 188
 Письма разных лиц 261, 314, 430, 435, 438, 439, 449—491
 Пломбы 298
 Плоцкая губ. 376
 Подольская губ. 198, 277, 377
 Полоцк 213, 217, 487
 Полтавская губ. 199, 277, 378
 Полтавщина 436
 Польша 178, 179, 189, 210, 295, 296
 Поля погребальных урн 85
 Поляне 262, 439
 Поморье 326
 Понтийская культура 73, 193
 Португалия 178, 293
 Прага 470
 Прибалтийский край 7, 99, 155
 Прибалтика 159, 246, 247
 Приморская обл. 286, 379
 Причерноморье 184
 Пронск 467
 Пруссия 178, 210
 Псков 264, 268, 439
 Псковская губ. 277, 380
 Путешествия древние по России 313
 Пути сообщения 257, 260
 Пьяноборская культура 252
 Пьяноборские костыща 244
 Пьяноборский могильник 430
- Радимичи 266, 439
 Разведки под водой 131
 Раскопки 44, 311
 Расы 25
 Реставрация 316
 Рецензии 68, 135—138
 Ржевские древности 47
 «Римское» 225
 Рославль 482
 Ростов Великий 258
 Румыния 166
 Русские городища 265; древности 32, 38, 314, 438; курганы 439; могильники 255
 Русь, начало 267
 Рыбинск 452
 Рязанская губ. 278, 381
 Рязань 102, 318

- Салты 213
 Самара 455
 Самарканд 288, 289
 Самарская губ. 278, 382
 Сарай 261
 Саратов 308, 488
 Саратовская губ. 278, 383, 514
 Саратовская стоянка 35
 Саркел 261
 Сарматы 80, 82, 194, 196, 203, 208, 423
 Сасаниды 281, 321
 Сахалинская обл. 286, 384
 Свастика 321
 Себеж 484
 Себежский у. 60, 140
 Себежское краеведческое общество 140
 Северо-восточный край 100
 Северо-Двинская губ. 34
 Северяне 266, 332, 439
 Седлецкая губ. 385
 Селитренное 261
 Сельское хозяйство в старой Руси 111
 Селяниково оз. 8
 Семибратний курган 423, 428
 Семипалатинская обл. 286
 Сербия 166
 Серебрянка р. 432
 Сестрорецк 153
 Съезды археологические 96, 316
 Сибирские городища 72, 245; древности 192
 Сибирское летописание 109
 Сибиряки-экскурсанты, их работа по археологии 16
 Сибирь 142, 156, 172, 180, 245, 286, 308, 319, 332, 433, 518, 519
 Сиверская, 153
 Силезия 166
 Симбирская губ. 278, 386
 Сирия 281
 Скандинавия 253, 321, 444, 503
 Скифо-сарматская культура 23, 82
 Скифские торповые склепы 11
 Скифы 73, 81—83, 100, 190, 196—200, 202, 211, 292, 317, 444
 Славяне 436
 Словарь археологический, материалы к нему 331
 Словарь русской старины, общий отдел 407; старина военная 408; культурная 409; иллюстрации 411; алфавит 410; библиография 413, 414; материалы к словарю 114
 Словарь, этимологические материалы 310
 Слоновская близница 423
 Смела 431
 Смоленск 439
 Смоленская губ. 55, 278, 387, 496
 Снегиревка 457
 Сопки 253
 Справочник для краеведов 71
 Ставропольская губ. 234, 278, 388
 Старая Ладога 261
 Старина русская 30, 33, 111—114, см. словарь русской старины
 Старица 462
 Сувалкская губ. 389
 Сурские курганы 500
 Суук-су 90, 210
 Таблицы, систематический подбор 423—442
 Таврическая губ. 279, 390, 447
 Таганрог 468
 Тамань 229, 230, 425, 512, 513
 Тамбовская губ. 279, 391
 Тарховка 153
 Татарские древности 521; курганы 91
 Татары 215, 319, 429
 Ташкент 289
 Тверская губ. 101, 392, 418
 Тверские курганы 264, 439
 Тверь 474
 Терская обл. 234, 393
 Тибет 286
 Тмутаракань 144, 269
 Тобольская губ. 284, 394
 Токсово 153
 Томаковская 423
 Томниковский могильник 432
 Томск 449
 Томская губ. 282
 Топоры, каменные и бронзовые 56
 Торговля 103—107
 Тотыры, дер. 435
 Триполье 181
 Трипольская культура 434
 Тульская губ. 279, 395, 501
 Турбинские находки 40
 Тургайская область 286, 396
 Тюрки 215, 217
 Угры 213
 Уделы 259
 Указатель раскопок и находок по губерниям 142; частных коллекций в России 416
 Украина 316, 318, 446
 Университет ленинградский 54, 307
 Урай-Замощье 492
 Урало-алтайская культура 93, 169
 Уральская обл. 397
 Урги 195
 Уфимская губ. 280, 398
 Учет памятников древности 49, 50, 62
 Сатьяновская культура 56, 169, 183, 435
 Ферганская обл. 399
 Финикия 281
 Финляндия 280
 Финны 100, 155, 159, 172, 179, 240—242, 245, 251, 432, 444
 Фракийская культура 73
 Франция 154, 178, 189
 Харьков 261, 448
 Харьковская губ. 280, 400, 445
 Хвалынский 472
 Хвалынь 433
 Херсонес 222, 426
 Херсонесская губ. 198, 280, 401
 Хивинское царство 402
 Хизово 502
 Царевские курганы 514
 Черемесов курган 423
 Черепа деформированные 321
 Черкесы 215
 Черниговская губ. 139, 280, 403

- Черная Русь 439
 Черняхово 206
 Чертомлык 190, 423
 Чехия 166, 178, 189
 Чмырева могила 423
 Чудь 240; камская 9, 446; приладож-
 ская 432
- Швейцария 189
 Швеция 159, 179, 210
 Шибаново, дер. 8
 Шигирь 67, 72, 100, 245
- Эвдусиане 212
 Эгейская культура 178
 Эмаль выемчатая 213
 Эски-Кермен 210
- Эстляндия 504
 Эстляндская губ. 280, 404
 Эсты 159, 172
 Энеолит 74
 Этнографический материал, собрание
 134
- Югра 242
 Южно-русские древности 18, 79
 Юм, р. 3
 Юстиниановская культура 212
- Якутская обл. 286, 405
 Янево, село 12
 Япония 165
 Ярославль 258
 Ярославская губ. 280, 406
 Ярославские церкви 308

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Адрианов А. В. 449
 Александров 492
 Алиховский А. Л. 493
- Бадер О. Н. 450
 Балицкий 492
 Бекаревич Н. М. 511
 Беккер 221
 Бобринский, А. А. 432
 Бойко 447
 Бородин А. В. 135
 Бочаров Б. 451
 Бранденбург Н. Е. 432
 Будзинский 295
 Булычев 439
- Веселовский Н. И. 494
 Виноградов А. 452
 Виноградов Н. С. 453
 Вознесенский Я. К. 314
 Волегов Ф. Л. и В. А. 430
 Вольтер Э. А. 2
- Гезе В. Е. 451
 Гольмстен В. В. 455
 Готье Ю. В. 456
 Гошкевич В. И. 57
 Григорьева Л. 438
 Гурлянд И. Я. 135
- Добровольский А. В. 457
- Ермолаев А. П. 458
 Земляков Б. Ф. 37
 Ильин А. 68
- Кивокурцев 314
 Коваленков В. П. 495
 Кортис 447
 Корсакова В. Д. 460
 Крамарев И. В. 461
 Крылов И. П. 462
 Кудряшов Н. 492
- Лавров Н. 492
 Лайд Э. 463
- Лепехин 272
 Любомиров В. 492
- Макаренко Н. Е. 447, 464
 Мережковский К. С. 434
 Милеев Д. В. 466
 Миллер А. А. 468
 Миловидов В. В. 511
 Милонов 467
 Монтелиус О. 26
- Наумов А. 469
 Нидерле Л. Г. 470
- Огарков С. И. 471
 Орехов В. Ф. 472
 Острогский 492
- Платонов С. Ф. 473
 Петровский 289
 Петр I, коллекция сибирских древностей
 192
 Покровский С. И. 474
 Покровский Ф. 475
 Покровский 492
 Преображенский Н. Д. 511
- Рерих Н. К. 434
 Романов А. М. 476
 Романов Е. 491
 Романов М. И. 477
 Романов 4
- Савин Н. И. 478
 Савин Н. Н. 439
 Савицкий Л. 435
 Садиков 492
 Самоквасов 435
 Саханев В. В. 447, 492
 Семенов 141, 318
 Сергеев С. 479
 Середонин С. М. 309
 Сизов Д. 480
 Скрыленко А. 481
 Соколовский С. М. 482, 496
 Сосновский К. П. 483
 Спасский Н. А. 45

Спицын А. А.. автобиография 41; список трудов 66; фотография с учениками 264	Федоровская А 261 Федоровский А. 448
Строганов С. Г. 430	Харлампович 486
Суворов 447	Хвойко В. В. 435
Тальгрэн А. М. 167	Чернов 492
Теплоухов, коллекция 9	Чикин 515
Терехин В. М. 497	
Терещенко А. 514	
Тихомиров П. Ф. 484	Шероцкий К. 411, 487
Тищенко А. В. 492	Шишкин П. 68
Толмачев В. 485	Шукевич 2
Уваров А. С. 438	
Фальк 272	Щеглов С. 488
Фармаковский Б. В. 196	Wosinsky М. 489

Приложение

МАТЕРИАЛЫ ОБ А. А. СПИЦЫНЕ В АРХИВНЫХ ФОНДАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И ГАИМК

- 4/1886. О предметах, не составляющих особых дел. Окт. 31 — ноябрь 15. 64—65 л.
О присылке Вятским губ. статистическим комитетом в Археологическую комиссию, по ее просьбе, «Календаря Вятской губернии на 1882 г.», в котором напечатан «Каталог древностей» А. А. Спицына и брошюры «Вятская старина», где помещено дополнение к этому каталогу.
- 35/1891. О древностях, найденных г. Эйбоженко при производстве раскопок на церковной земле с. Волочка Дорогобужского у. Смоленской губ. и о раскопках А. А. Спицына в 1892 г. там же. Февр. 16—1905 апр. 26. С фотографиями. 35 л.
- 199/1891. Об определении колл. асс. Спицына членом Археологической комиссии. Дек. 31—1916 апр. 10. 103 л.
- 94/1892. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына и проф. Смирнова в древней Мордовской области и первого в Дорогобужском у. Смоленской губ. Июнь 3—1899 сент. 16. 215 л.
- 43/1893. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в Астраханской и Рязанской губ. и близ гор. Саратова. Март 19—1899 дек. 30. 61 л.
- 95/1894. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в Чердынском у. Пермской губ. Май 25—1899 дек. 30. 100 л. С фотографиями.
- 6а. 161/1894. О составлении руководства для производства археологических изысканий. 1 л. Записка А. А. Спицына о необходимости такого руководства.
- 199/1894. По представлению г. члена Комиссии А. А. Спицына о необходимости издания «Сборника материалов по археологии России». Окт. 5. 2 л.
- 79/1895. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына. Май 10—1896 янв. 26. 228 л.
Раскопка могильников во Владимирской губ., курганов в Саратовской губ., Кошибеевского могильника в Елатовском у. Тамбовской губ., могильника близ с. Великого Ярославской губ. и у. С фотографиями.
- 78/1896. О предполагавшейся поездке члена Комиссии А. А. Спицына в губ. Петербургскую, Псковскую и Новгородскую. Май 11—18. 6 л.
- 22/1897. О самовольной раскопке кургана крестьянами с. Башмачки Екатеринославской губ. и у. Февр. 5—1902 янв. 25. 22 л.
Раскопка А. А. Спицыным кургана близ д. Башмачки. С рисунками и фотографией.
- 37/1897. По ходатайству мещанина Чернышенко о разрешении ему раскопать курган под названием «Червона Могила» в Харьковском у. Февр. 28—окт. 15. 7 л.
Осмотр А. А. Спицыным кургана Червонная Могила близ с. Казачья Лопань Харьковск. губ. и у.
- 101/1897. О случайном открытии какого-то подземного здания бл. д. Шатман-Тамаковой Белебеевского у. Уфимской губ. Май 20—авг. 8. 15 л.
Осмотр А. А. Спицыным провала бл. д. Шатман-Тамаковой.
- 209/1897. О предлагаемом расследовании местности под названием «Белый городок» в г. Юрьевце. Авг. 20—1900 март 13. 46 л.
Осмотр А. А. Спицыным в 1898 г. местности Белый городок близ г. Юрьевца Костромской губ. С фотографией.

14. 63/1898. О раскопках члена Комиссии ст. сов. А. А. Спицына. Март 27—1915 дек. 15. 225 л.
Раскопки в Сарапульском у. Вятской губ.; в Спасском у. Казанской губ. Поездка в починок Безводный Яранского у. Вятской губ.; в Бирский у. Уфимской губ.; в Кунгурский у. Пермской губ. С фотографией.
15. 35/1900. Об издании членом Комиссии А. А. Спицыным серебряной фибулы, найденной близ г. Ельца Орловской губ. Февр. 11—1910 окт. 20. 15 л. С фотографиями.
16. 104/1900. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в Киевской губ. Май 16—1904 сент. 24. 48 л.
Раскопки у с. Колодистого Звенигородского у. Киевской губ., с зарисовками. Раскопки в с. Тальном Уманского у.
17. 110/1900. О поручении В. Л. Борисову производства раскопок в Чердынском у. Пермской губ. Май 20. л. 1-й.
Характеристика А. А. Спицыным местности между р. Лолог и с. Гайнским на р. Каме Чердынск. у. Пермской губ.
- 17а. 150/1900. О просьбе В. П. Бередникова о разрешении ему расследовать древнюю могилу в развалинах замка ордена иоаннитов в г. Гапсале Эстляндской губ. 9 л.
Сообщение А. А. Спицына о раскопках В. П. Бередникова.
18. 251/1900. Об издании выпуска «Материалов по археологии России», посвященного описанию Пермских и Вятских древностей. Ноябрь 28—1906 март 15. 13 л.
19. 107/1901. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в Пермской губ. Май 8—окт. 25. 25 л.
20. 307/1901. Опись предметам древности, доставленным А. А. Спицыным из раскопок 1901 г. в Пермском у. 7 л.
21. 96/1902. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в Тверской и Лифляндской губ. Май 8—1905 сент. 13. 175 л.
С фотографиями и рисунками.
22. 70/1903. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в Новгородской, Тверской и Ярославской губ. Апр. 10—Дек. 15. 31 л.
23. 59/1904. По предложению члена Комиссии А. А. Спицына о производстве систематических раскопок. Март 9. 2 л.
Проект расширения производства раскопок.
24. 74/1905. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в Воронежской губ. Май 7—1908 авг. 25. 17 л.
Раскопки в Воронежском, Коротоянском и Острогжском уу.
25. 191/1905. Опись предметам древности, доставленным А. А. Спицыным из раскопок 1905 г. в Воронежской губ. 1 л.
26. 68/1906. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в Воронежской губ. Май 13—1907 февр. 13. 74 л.
Раскопки в Коротоянском и Острогжском уу.
27. 49/1907. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына. Апр. 27—авг. 8. 25 л.
Только об отпуске сумм.
28. 61/1909. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в Новгородской и Эстляндской губ. Апр. 29—окт. 8. 16 л.
29. 79/1910. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в С.-Петербургской, Новгородской и Тверской губ. Май 1—1917 окт. 31. 149 л.
30. 89/1911. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в 1911 г. Апр. 21—1917 окт. 31. 217 л.
О раскопках: А. В. Тищенко в Новгородской губ.; Н. О. Лаврова в Новгородской губ.; П. А. Балицкого в Подольской и Волынской губ.; С. А. Дубинского в Гродненской губ.; В. В. Саханева в Черноморской губ.; К. В. Кудряшова в С.-Петербургской губ.; П. А. Садикова в Новгородской губ.; Л. А. Беркутова в Вятской губ.; С. И. Покровского в Тверской губ.; К. В. Шероцкого в Подольской губ. Раскопки велись по инициативе А. А. Спицына. С рисунками, чертежами и фотографиями.
31. 83/1912. О командировании члена Комиссии А. А. Спицына на археологический конгресс в Стокгольме. Апр. 17—ноябрь 28. 15 л.
32. 108/1912. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в 1912 г. в С.-Петербургской и Саратовской губ. Апр. 28—1913 дек. 2. 37 л.
С фотографиями.
33. 327/1913. О раскопках А. А. Спицына и Н. Ф. Лаврова в Новгородской губ. Май 2—сент. 1. 21 л.
С фотографией.
34. 292/1914. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в С.-Петербургской губ. Май 20—дек. 31. 30 л.
35. 146/1916. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в Устюженском у. Новгородской губ. Май 14—ноябрь 19. 18 л.

36. 169/1916. Описание предметов древности, доставленным А. А. Спицыным из раскопок 1916 г. в Воронежской губ. 1 л.
37. 14/1918. О раскопках ст. члена Комиссии А. А. Спицына в Устюженском и Крестецком уу. Новгородской губ. Июль 24—1918 июль 26. 45 л.
38. 44/1918. Описание предметам древности из раскопок А. А. Спицына в 1918 г. в Новгородской губ. 1 л.
39. 4/1919. Журналы заседаний Совета РАИМК.
А. А. Спицын избирается членом Библ. ком., окт. 13, заведующим разрядом, дек. 2, членом Пост. ком. по изучению миниатюры, дек. 13.
40. 4/1920. Журналы заседаний Совета РАИМК.
А. А. Спицын выбирается в комиссию по организации Центрального музея, февр. 21. В Комиссию по реорганизации разрядов археологии русской, май 17. Выдача ему разрешения на право производства показательных раскопок, июнь 7. Разрешается ему произвести показательные раскопки в Бежецком у., июль 6.
41. 5/1912. Журналы заседаний Правления РАИМК.
А. А. Спицын высказывается о желательности приобретения колл. И. А. Гальнбек, февр. 16. Командируется в г. Бежецк, март 25; в Москву на выставку древне-русской иконописи, июнь 1.
42. 5/1920. Журналы заседания Президиума РАИМК.
Заявление А. А. Спицына о колл. К. Д. Сабанеева, июнь 7.
43. 4/1921. Протоколы заседаний Совета.
А. А. Спицыну поручается врем. зав. разрядом археологии русской, июнь 13. Выбирается в комиссию по эпиграфике, июнь 13. Приглашается для организации изучения литовских древностей, июнь 13. Разрешается ему производство раскопок, июнь 6. То же, июнь 18.
44. 5/1921. Протоколы заседаний Правления.
Командируется в Вятку для работ в музеях, янв. 24. Делегируется на выборы научного персонала Русского музея, апр. 25. Командируется для раскопок курганов, июнь 24. Командируется в Тверь и Москву.
45. 91/1921. О согласии Академии на производство раскопок А. А. Спицыным в Дудеревке, Тверской губ. Июнь 18. 2 л.
46. 92/1921. Переписка с Петроградским отделением Главмузея о выдаче А. А. Спицыну открытого листа на раскопки в Лужском у. Петроградской губ. Июнь 27—июль 25. 3 л.
47. 4/1922. Протоколы заседаний Правления.
Командировка в Тихвин, авг. 30. Заключение его по отчету М. П. Грязнова, ноябрь 27.
48. 6/1923. Протоколы заседаний Совета.
Выбирается в комиссию по составлению плана издания научно-популярных работ, апр. 2. Разрешается заграничная командировка в Литву, авг. 13. Переизбран зав. разрядом, окт. 1. Командируется в Вятку на Краеведческий съезд.
49. 7/1923. Протоколы заседаний Правления.
Поручение ему дать сведения по истории Орловского края, апр. 17.
50. 79/1923. Раскопки на побережье Финского залива на Лахте.
Сведения о самовольных раскопках и отчет о раскопках А. А. Спицына. Июль 28—1924 июль 25. 17 л. Стоянка каменного века.
51. 80/1923. Записка А. А. Спицына об открытии кладбища в г. Петрограде у реформатской церкви. Авг. 11. 1 л.
52. 91/1923. О работе Орловского губ. отдела нар. образования и записка А. А. Спицына о древностях района р. Болвы. Май 3—июнь 30. 5 л.
53. 4/1924. Протоколы заседаний Совета.
Командировка в Литву, июнь 7; на Краеведческий съезд в Москву, дек. 1.
54. 5/1924. Протоколы заседаний Правления.
О работе разряда археологии русской, апр. 14. В комиссии по экспедициям, апр. 21. Раскопки А. А. Спицына, июнь 23.
Заграничная командировка, июнь 30. Командировка в Екатеринбург, сент. 29. О составлении отзыва на книгу В. И. Равдоникаса, дек. 8.
55. 129/1924. Раскопки А. А. Спицына в районе с. Яма Тесова на р. Оредежи Новгородск. губ. Май 7—14. 2 л.
56. 5/1925. Протоколы заседаний Совета.
Командируется в Вятскую губ., май 4.
57. 6/1925. Протоколы заседаний Правления.
Командируется во Псков, сент. 28. Отчет о командировке во Псков, ноябрь 9. Командировка в Киев, дек. 28.
58. 114/1925. Раскопки А. А. Спицына на р. Вятке и в окр. Глазова. Май 5—26. 5 л.
59. 105/1926. Работа А. А. Спицына на Лахтинской стоянке. Июнь 19—ноябрь 24. 7 л.
60. 6/1926. Протоколы заседаний Совета.
Переизбран в члены Академии, дек. 20. Командировка в Москву, дек. 27.

61. 7/1926. Протоколы заседаний Правления.
Участие в съезде по изучению Ленинградского края, март 15. Участие в Норской волостной конференции, апр. 26. Командировка на совещание палеоэтнологов, май 17. Отпуск средств на командировку в Керчь, авг. 30. Продление командировки, сент. 20. О надписях на Онежском оз., сент. 20. Командировка на музейную конференцию в Ярославль, ноябрь 29. Командировка в Москву, дек. 13.
62. 7/1927. Протоколы заседаний Правления.
О печатании его работы, янв. 17. Поручается доклад об археологическом съезде, апр. 11. О кургане в местечке Керманове, май 3. Отзыв об издании «Соловецких лабиринтов», май 3. Командировка, июнь 15. Командировка в Москву, дек. 12.
63. 6/1927. Протоколы заседаний Совета.
Утвержден членом Академии, июль 4. Избрание его представителем от Академии на Краеведческой конференции, дек. 5.
64. 7/1928. Протоколы заседаний Правления.
Отзыв о В. А. Городцове, март 13. Кандидатура в члены Академии Наук, апр. 30. Командируется на совещание палеоэтнографов, апр. 30. Назначение пенсии, июль 23. Участие в Нижегородской конференции, авг. 13 — окт. 15.
65. 135/1928. Разведки А. А. Спицына в Себежском у., янв. 3 — дек. 28. 14 л.
С археологической картой Себежского у.
66. 6/1929. Протоколы заседаний Правления.
Утвержден членом Академии, ноябрь 20.
67. $\frac{P1}{210}$. Рисунки пером: иллюстрации к статье „Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб. 1904 г.“ 15 л.
Изв. Арх. ком., вып. 17, 1905.
68. $\frac{P1}{442}$. Рисунок карандашом: илл. к статье „Декоративный топор“. 1 л. ИАК.
69. $\frac{P1}{189}$. Рисунки тушью, пером и карандашом: илл. к словарю русской старины. 18 л.
70. $\frac{P1}{191}$. Рисунки пером: илл. к статье „Инкрустации“. 37 л.
71. $\frac{P1}{501}$. Рисунки пером: илл. к статье „Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского 1896 г.“. 8 л.
72. $\frac{P1}{503}$. Рисунок пером: илл. к статье „Древности Белозерского у.“. 1 л.
73. $\frac{P1}{649}$. Рисунок пером: илл. к статье „Предметы с выемчатой эмалью“. 1 л.
Худ. Н. Е. Макаренко. ЗОРСА, 1902, т. V.
74. $\frac{P1}{805}$. Акварель конца XVIII в., послужившая поводом к написанию А. А. Спицыным статьи „Павловские каменные бабы“. 1 л.
75. $\frac{P1}{809}$. Рисунки карандашом: илл. к статье „Предполагаемые древности Черной Руси“. 10 л.
ЗРАО, т. XI, вып. 1—2.
76. $\frac{P1}{829}$. Рисунки пером и свинцовым карандашом: илл. к статье „Шаманские изображения“. 4 л.
Худ. Н. Макаренко.
77. $\frac{P1}{830}$. Рисунок карандашом: илл. к статье „Археологический альбом“. 1 л.
ЗОРСА, т. XI.
78. $\frac{P1}{850}$. Рисунки пером и карандашом: илл. к статье „Предполагаемые литовские курганы VIII—IX вв.“. 10 л.
ЗРАО, т. VIII.
79. $\frac{P1}{851}$. Рисунок пегом: илл. к статье „Из раскопок Фельдгофского могильника XVI в. в В.тебской губ.“. 1 л.
80. $\frac{P1}{855}$. Рисунки пером: илл. к статье „Могильник V в. в Черноморье“. 6 л.
ИАК, вып. 23, стр. 104—105.
81. $\frac{P1}{854}$. Акварель: бронзовая статуэтка быка. 1 л.
Надпись рукой А. А. Спицына: „Чехия“.
82. $\frac{P1}{900}$. Рисунки карандашом: илл. к статье „Вещи из раскопок Б. М. Еременко в курганах Новозыбковского и Суражского уездов“. 3 л.
ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2.
83. $\frac{P1}{916}$. Рисунок пером: илл. к статье „Вещи с родовыми знаками IV в.“. 1 л.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

- Астраханская губ. 5
- Башмачки, село 10
- Бежецк, город 41
- Бежецкий у. 40
- Белозерский у. 72
- Витебская губ. 79
- Владимирская губ. 8
- Волынская губ. 30
- Воронежская губ. 24, 25, 26, 36.
- Вятка, г. 44, 48
- Вятка, р. 58
- Вятская губ. 14, 30, 56
- Вятские древности, издание их 18
- Вятский губ. стат. комитет 1
- Гапсал, 17а
- Глазов, окрестности 58
- Гродненская губ. 30
- Екатеринбург 54
- Екатеринославская губ. 10
- Елец, г. 15
- Знаки родовые 83
- Иллюстрации к статьям А. А. Спицына 67—83
- Инкрустации 67, 70
- Казанская губ. 14
- Каменные бабы 74
- Керманово 62
- Керчь 61, 67
- Киев 57
- Киевская губ. 16
- Костромская губ. 13
- Лахта 50, 69
- Литва 48, 53
- Литовские курганы 78
- Лифляндская губ. 21
- Москва 41, 44, 53, 60, 62
- Нижегородская губ. 4
- Нижний Новгород 64
- Новгородская губ. 9, 22, 28, 29, 30, 33, 35, 37, 38, 55
- Новозыбковский у. 82
- Онежская оз. 61
- Орловская губ. 15, 52
- Орловский край 49
- Павловск, Каменные бабы 74
- Пензенская губ. 4
- Пермская губ. 6, 14, 17, 19, 20
- Пермские древности, издание их 18
- Петербургская губ. 9, 29, 30, 32, 34, 71
- Петроград 46, 51
- Подольская губ. 30
- Псков 57
- Псковская губ. 9
- Раскопки. Проект расширения их 23
- Рязанская губ. 5
- Саратов 5
- Саратовская губ. 8, 32
- «Сборник материалов по археологии России», издание его 7, 18
- Себежский у. 65
- Симбирская губ. 4
- Словарь русской старины, иллюстрации к нему 69
- Смоленская губ. 2, 4
- Соловецкие лабиринты 62
- Статуэтка бронзовая, быка 81
- Стокгольм, археологический конгресс 31
- Суражский у. 82
- Тамбовская губ. 4, 8
- Тверская губ. 21, 22, 29, 30, 40, 45
- Тверь 44
- Тихвин 47
- Топор декоративный 68
- Уфимская губ. 12
- Фибула серебряная 15
- Харьковская губ. 11
- Черная Русь 75
- Черноморская губ. 30
- Черноморье 80
- Чехия 81
- Шаманские изображения 76
- Эмаль выемчатая 73
- Эстляндская губ. 28
- Юрьевец, г. 13
- Ярославль 61
- Ярославская губ. 8, 22

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Балицкий П. А. 30
- Бердников В. П. 17а
- Беркуров Л. А. 30
- Гальнбек И. А. 41
- Городцов В. А. 64
- Грязнов М. П. 47

Еременко П. М. 82
Ивановский Л. К. 71
Кудряшов К. В. 30
Лавров А. А. 33
Лавров Н. О. 30
Макаренко Н. Е. 73, 76
Покровский С. И. 30
Равдоникас В. И. 54

Сабанеев К. Д. 42
Саханев В. В. 30
Садиков П. А. 30
Смирнов, проф. 4
Тищенко А. В. 30
Шероцкий К. В. 30
Эйбоженко 2

А. А. СПИЦЫН

ПОЛЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ УРН¹

Эти памятники древности принадлежат разному времени, разным народностям и разным культурам, начиная с бронзового века. У нас они не так развиты, как на Западе, но прослеживаются также с давнего времени.

Самые старые указания падают на Бессарабию. Здесь в 1822 г. в селении Пуркары Аккерманского у. в саду Манжа, на склоне горы, на глуб. 1 саж. найдены были большие широкие горшки с пеплом, снабженные ушками и крышками. Близ них найдены кости и долото, будто бы из красной меди (А. А. Кочубинский. ЗООИД, XXIII, стр. 103).

От старшего бронзового периода пока не имею ни одного указания на сожжение. Может быть такое погребение заключалось «в не-

Рис. 1. Сосуды из погребения в Субботове (Киевская обл.).

1 — глиняная трехручная миска; 2 — бронзовый котелок.

большой каменной могиле», поднятой плугом в имении Красный Кут Верхне-Днепровского у., между Лиховкой и Калужиной, с несколькими одинаковыми кельтами. Один такой же найден в каменной могиле над Днепром, с двумя усиками-ушками (А. Поль. Археологич. поиски: ЗООИД, VIII, 441, табл. XII. Собрание Поля). Вопросы о каменных ящиках и кистах западного края пока здесь не касаемся.

В поздне-бронзовом и гальштаттском периодах полей урн имеется, можно сказать с уверенностью, более. Не трудно указать для примера на два любопытные памятника.

В. Н. Доманицкий в с. Колодистом Уманьского у. в 1902 г. нашел несколько впускных погребений с сожженными костями в больших широкогорлых сосудах, идущих ближе всего к гальштатту (ИАК, вып. 12, VIII, стр. 123—125, рис. 9—16). У двух — широкие плечи с ушками; у шести — по шву (нижняя часть горла) группы горошин или кониче-

ские шипы. Сосуды тонкостенные, выделанные на круге, темные, частью глянцевитые.² По горлу одного кувшина идет цветной орнамент. Найдены также глиняная чашка простой формы, две пряслицы и кремневые ножи, среди них один без ретуши, на 4 грани, подвергшийся действию огня. Для кувшинов наиболее близкие аналогии мною найдены в могильнике Wies u. Statzendorf в Штирии.

Может быть, древние погребения найдены под камнями близ Смелы (Смела, т. III, стр. 147). Но самые любопытные вещи этого периода в погребении с сожжением обнаружены в 1911 г. в с. Субботове Чигиринского уезда в усадьбе Чапалы на глуб. 1.5 саж. Из найденной глиняной посуды сохранилась лишь великолепная большая чашка с 3 ушками, орнаментированная канелюрами сверху вниз (рис. 1, 1). Поверхность черная, с глянцем, но не блестящая, работа ручная, вальками. Техника близка к Gemeindegut и в Польше в Лансовице. Диам. 36 см, ушки в виде головок с ушами. Необычайно приятная посуда. Сожженные кости находились также в бронзовом котелке с железной дужкой³ (прикрытом чашкою), выс. 16 см. Котелок вытянутой формы с округлыми боками (ОАК за 1911 г., стр. 81; Киевский Музей) (рис. 1, 2). Нельзя ли к этой чашке присоединить темносерый кувшин Полтавского музея из Кременчугского у. биконической формы, покрытый в верхней половине мелкими гранями в духе канелюр (М. Я. Рудинский. Археол. збірки, стр. 47, табл. V, 14)?⁴ К сравнительно старому времени отнесем небольшую амфору 30 см вышины с остатками сожженных костей, найденную у Белоцерковцы Лохвицкого у.; вещи: белая буса на 4 грани и бронзовая бляшка с головою Горгоны (М. Я. Рудинский. Археол. збірки, стр. 51). Несколько амфор с пеплом, найденные еще у хут. Савинский Лубенского у. (Там же, стр. 52, табл. VI, 14).⁵

Поля урн времени Латена

Поля урн этого периода заслуживают специального внимания, как тесно связанные с дальнейшим развитием культуры. Четверть века назад обнаружение полей урн времени Латена в ю.-з. крае казалось достойным удивления и вызвало в печати учет всех памятников Латена в наших тогдашних пределах, показавший в крае всего лишь четыре местности с такими находками (Залесье, Громовка, В. Тернава и Водяное; ИАК, вып. 12, стр. 78—86). Дальнейшие находки показали распространение культуры по всему северному берегу Черного моря и отчасти и на Кубани, в виде примеси к ранней римской культуре. Найдены и новые поля урн с сожжениями, при том особенно выделяется сравнительным богатством их Волынская губ.

В 1924 г. погребения с сожжениями времени Латена найдены в насыпи курганов на р. Случи (сообщение С. С. Гамченки). В 1898 г. у дер. Злоговец Дубенского у. Житинский исследовал какую-то камеру или катакомбу, сложенную из кирпича, в которой оказались ниши с остатками сожжений (кости, уголь, пепел). Вблизи в правильном порядке были зарыты головы животных (Wiad. Num.-Arch., т. IV, 1899, стр. 83). В сел. Брыкуле Заславского у. над озером нашли могильник с сожжением (угли, пепел, в обилии черепки, бронзовый перстень со спиральным концом; Wiad. Num.-Arch., т. I, 1890, стр. 97, б. Музей Дзедушицких во Львове).⁶ У д. Хрыцovo того же уезда найдены две могилы, обложенные камнями с остатками сожжений, железные пики (Wiad. Num.-Arch., т. I, 1890, стр. 98).

Сепинский в Подольской губ. от времени Латена знает только тернавские железные вещи, найденные в 1904 г. на кладбище, изданные

в ОАК в 1904 г., стр. 121 и сохраняющиеся в Каменец-Подольском музее: меч, копье, шпоры, умбон, рукоятка щита, все со следами пребывания в огне (Сіцинський. Нариси з історії Поділля, 1927, стр. 63). Сюда же нужно прибавить находки 1909 и 1910 г. С. С. Гамченки, не очень ясные (ОАК за 1909 г., стр. 179).⁷ Исследователь особенно отмечает черепки больших красных кувшинов с признаками грубого Латена: шероховатая поверхность, выпуклые полоски. Во Львовском музее из сел. Лебединя Литинского у. имеется глубокая чашка с тремя ушками, может быть латенского типа, и широкий кувшин.

В Херсонской губ. фибулы латенского типа, даже старые с шариками на дужке, найдены Стемпковским при Парканах (в 1897 к № 67, книга Гошкевича) и Эбертом у Петуховки близ Очакова (Prähist. Zeitschr., III, стр. 232—237), но в курганах и без признаков сожжения. Глиняный сосуд с пеплом найден в кургане у сел. Константиновка Херсонского у., на котором расположено кладбище пос. Павловки (Гошкевич. Клады, стр. 37). У хуторов Сербиновых близ кургана Близицы крестьяне нашли под плитой глиняный кувшин в 1.5 арш. выш. с золою, в которой оказалось 7 древних медных монет. Близ кувшина найден отличный золотой браслет чеканной работы (Гошкевич. Клады, стр. 41).

Из Екатеринославской губ. известна хорошая фибула типа Латен из станицы Лепильской Екатеринославского у. (ГИМ), а из Таврической — такая же фибула из сел. Водяного Мелитопольского у. на древнем поселении (ОАК за 1902 г., стр. 133). В коллекции Терлецкого (Керчь) имелась круглая железная бритва латенского типа с ушком.

В Полтавской губ. М. Я. Рудинский знает три погребения с сожжением времени Латена, впущенные в старые курганы: у с. В. Мануйловка Кременчугского у., в с. Пески, находящемся вблизи, и у г. Лубен (Археолог. збірки, стр. 48 — Тр. VIII АС, т. IV, стр. 239, табл. LXXXI—LXXXII, 51—53). Очень интересна мануйловская посуда: глубокая чашка общего типа, широкий кувшин с суженным горлом, без ручки, а главное — горшочек с 4 выпуклыми дужками для упора; медная фибула типа Латен с верхним узлом, белая буса с синими глазками, копье.

Весьма вероятно, что ко времени Латена придется отнести поля урн, найденные Шукевичем в Виленской губ. (ИАК, вып. 12, стр. 26 и вып. 29, стр. 68—70). Погребения найдены в неглубоких ямах, в связи с кучами камней или кистами. Посуда простых форм и грубой работы, но хорошо обожжена; орнамент — волнистый узор и свастика. Вещей пока не найдено. Несомненно, к Латену относятся погребения с сожжениями, также в ямах, раскопанные у Козаровки под Дрогичиным. Ямы имеют форму ваз с круглым дном, иногда с перемычкой. Вещи: проволочные фибулы с замотанными снизу узлами, пластинчатая с глазками и др., подвески-ведерки, пряслицы (Z. Szmit в «Wiad. arch.», т. VI, стр. 61—70).⁸ Учет латенских вещей Гродненского, Брестского и Коблинского уездов велся в Виленском музее Миловичевым. Новый польский материал сейчас не входит в обзор (Antoniewicz. Archeologia Polski. Warsz., 1928, стр. 144—154), но все же не можем не отметить, что в Галиции, особенно в восточной, известно значительно более могильников латенского времени, чем у нас. В могилах чаще трупосожжения; встречены кельтские монеты (Львовский музей).

В общем, наш материал по Латену еще так слаб, что не может быть подвергнут этническому определению и даже точной систематизации, но все же он имеет для нас высокую важность как определенная стадия полей погребальных урн.

Зарубинская культура

Уже В. В. Хвойко удачно выделил эту культуру в особую, более старую группу, определив и основные ее особенности. В зарубинской посуде имеются три основные типа: чашки с раструбом на шейке для удобства питья, кубки в виде маленьких горшочков с отогнутым краем, всегда с ушком для пальца, а иногда и с высокой ручкой,⁹ и кувшины с широким горлом без ручек, всегда черные, блестящие. «Форма довольно разнообразная, но ближе всего подходит к так наз. скифскому типу» (т. е. к гальштаттскому?). Но именно формами зарубинская керамика и бедна, что и составляет одну из ее особенностей. Вещи: тонкие медные шпильки с выпуклыми и плоскими головками, разнообразные фибулы (латенская с верхним узлом, а также с нижним узлом, фибулы с накидкой треугольной формы, узкая пластинчатая),¹⁰ тонкие медные браслеты. Хвойко сообщает, что из Зарубинцев он получил и фибулу гальштаттского типа. Обряд погребения не очень ясен. Исследователь отмечает определенно, что он видел на поле «небольшие насыпи».¹¹ В общем погребения находились на глубине 1.20 м, иногда в разрушенном «каменном склепе».¹² Недалеко от одной насыпи на глуб. 70 см обнаружена небольшая (80 см в диам.) хорошо утрамбованная площадка, на которой стояли три сосуда разной формы, и еще далее на глуб. 75 см найден большой глиняный сосуд, наполненный пережженными человеческими костями, а вблизи два сосуда и некоторые вещи. Костяков не отмечается. Посуда зарубинская ручной работы, гальштаттской техники, формы простые и более солидные.

Посуда, шпильки, обряд погребения под курганами,¹³ высокие ручки у чарки¹⁴ соединяют зарубинскую культуру с местной скифской, составляя крайнее известное ее разрешение.¹⁵ Фибулы явно латенских форм объединяют эту культуру с западной. Чувствуется, что вскоре с чрезвычайной легкостью проникнет сюда и изящная римско-латенская керамика, что обе культуры сольются в одно целое.

Район распространения зарубинской культуры пока намечается весьма слабо.¹⁶ Кроме Зарубинцев сюда можно предположительно отнести поле урн у Ромашек Васильковского у. (табл. XIX).¹⁷ Лизвинцы и Гришинцы Каневского у. (ЗРАО, вып. XII, стр. 182. — ЗООИД, XXIII, стр. 70—73; Альбом Хвойка).

Из известного мне заграничного материала ближе всего к зарубинской керамике подходит посуда из поля урн у Тарнополя (Львовский музей).

В Польше не нахожу близких аналогий. Любопытно соображение польских ученых, что на Висле погребения не сожженных трупов являются вместе с готами и с ними же идут далее на восток через Силезию и Галицию.

Но для наших древностей в такой гипотезе нет надобности, так как погребение несожженных трупов у нас обычное явление и глубокой старины.

Жаль, что зарубинское поле урн в таком плохом состоянии и не допускает дальнейших раскопок, жаль, что пока нечем его заменить (Хвойко. Поля погребальных урн. ЗРАО, т. XII, стр. 182, табл. XXIII. — Его же. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 42—47).

Весьма возможно, что зарубинская культура параллельна латенской и принадлежит остаткам того же населения, от которого остались и прекрасные верхне-днепровские курганы с вещами скифского типа.

Черняховская культура

В данную минуту мы остановимся с наибольшим вниманием на этой культуре, сравнительно богатой памятниками, стройной и имеющей обширное распространение.

Всего обильнее представлена керамика, весьма характерная: серая и черная прекрасной техники, нередко блестящая, изящных, можно

Рис. 2. Керамика из могильника в Черняхове (Киевская обл.).

сказать щегольских форм, с орнаментом: блестящие, гладкие линии, разнообразные штампы, рубцы, бугорки, линейные ободки, нередко ушки и ручки (рис. 2). Автор имел случай изучить керамику на месте и установил для себя следующие пять типов ее:

1) Чашки, наиболее обильный разряд находок, все они имеют плечики и отогнутый край, для удобства питья, дно узкое, приспособлен-

ное для держания в одной руке. Обыкновенно чашки гладкие, без орнамента, но имеется не мало прекрасно орнаментированных косыми

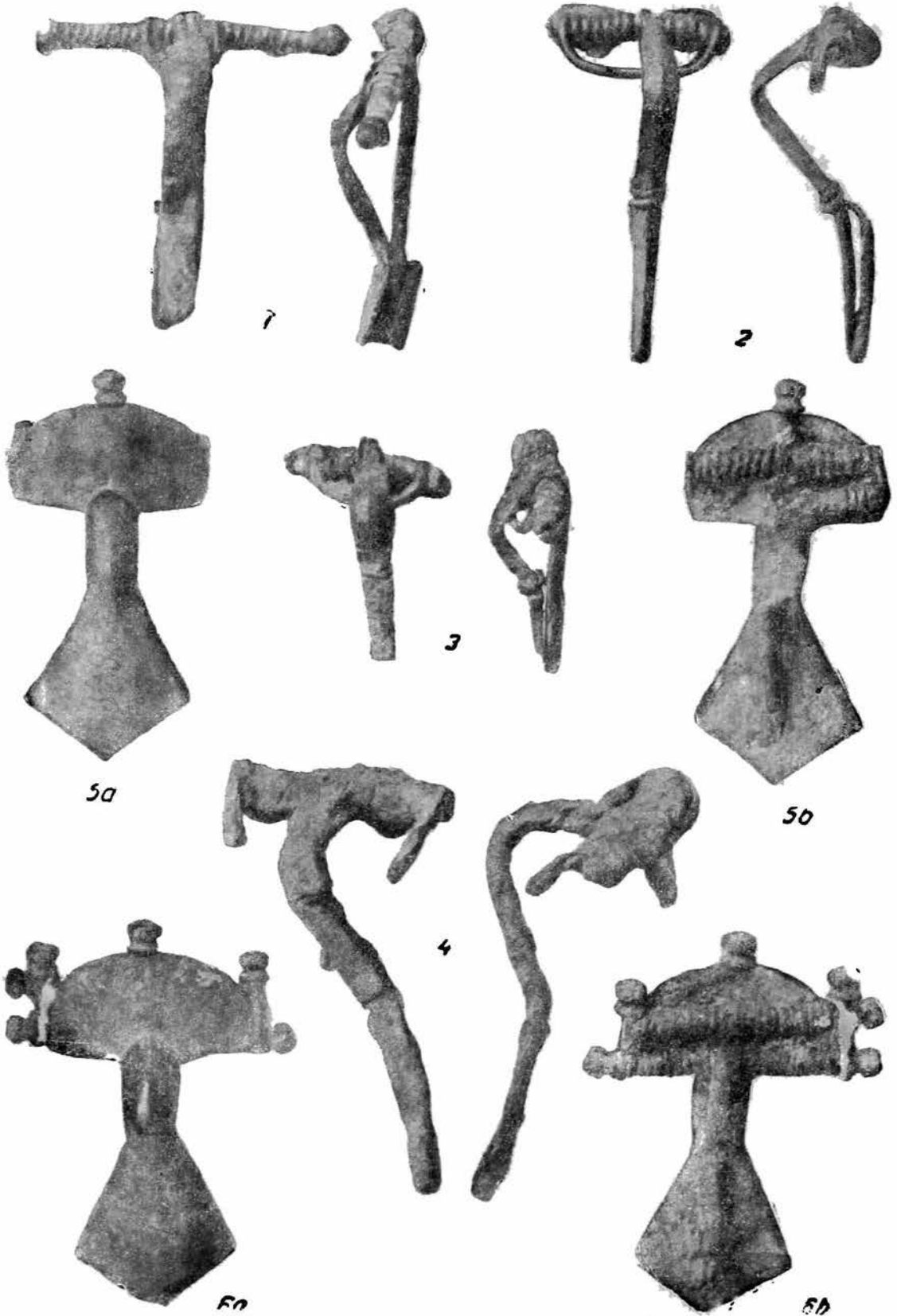

Рис. 3. Фибулы из могильника в Черняхове (Киевская обл.).

широкими рубцами, гранями, полосками блестящих линий, образующих сетку, косыми широкими штампами, поясами крупных штампов или

выпуклых пуговок. Между чашками выделяется группа, назначенная не для питья, — с широким горизонтальным бортом и тремя ушками, всегда прекрасно орнаментированная (Хвойко, табл. XXII, 15—30 и табл. XXI, 1—6).

2) Стопки, весьма разнообразных форм, вытянутая вверх посуда, явно для питья (табл. XXII, 1—6, 10—12; табл. XXI, 9—10).¹⁸ Серая и черная, всегда нарядно орнаментированная, иногда тяжелая. Орнамент зубчатым колесиком, углы, полосы, линии, елочки, решетки, завитки, изредка боровки и язычки.

3) Кружки, более редкая форма, широкие стопки, чаще с ручкой (Хвойко, табл. XXI, 31 и 33; табл. XXII — 2, 5, 6 10).¹⁹ Вазы расширены в нижней половине. Орнамент скромный из рубцов и боровков. Есть очень красивые экземпляры.

4) Кувшины. Богатая группа посуды, может быть самая нарядная. Все с длинной узкой шейкой и длинной ручкой, почти всегда красиво орнаментированные линиями, зубцами, боровками, рубцами (табл. XXI,

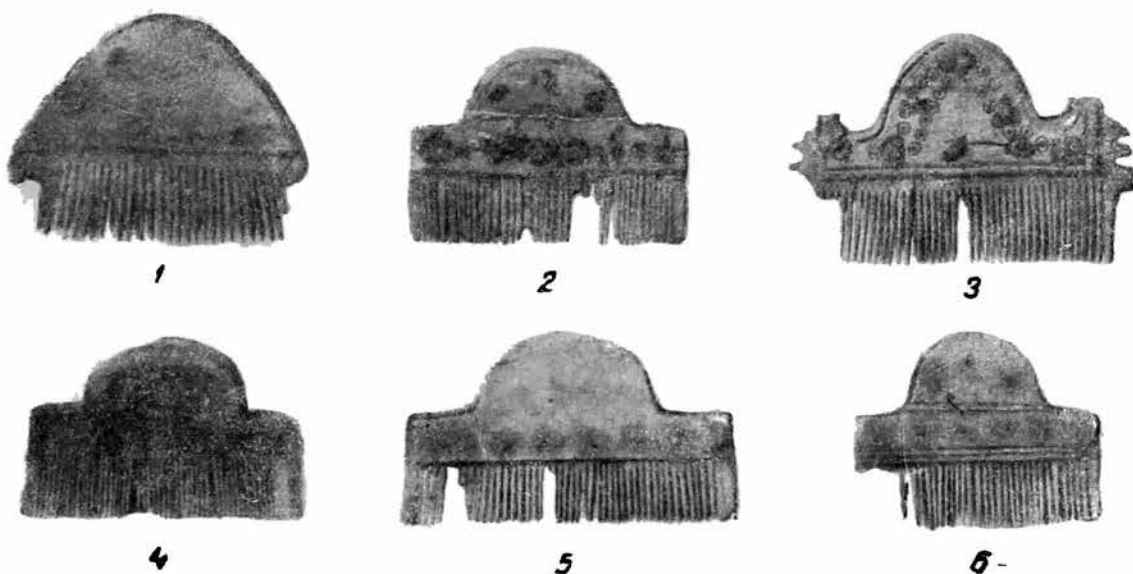

Рис. 4. Костяные гребни из могильника в Черняхове (Киевская обл.).

22—35);²⁰ иногда сверху выпуклый ободок, дно всегда с карнизиком, горло всегда высокое, хорошо развитое. Самый своеобразный кувшин идет из Ромашек: с двойной ручкой, с широким ободком и мелким штампованным орнаментом из квадратиков, ромбов и скобочек. Есть кувшины с ангобом.²¹ Все кувшины очень гладкие, иногда блестящие, чаще серого цвета. В виде редких экземпляров попадаются кувшины широкие, с одной и двумя ручками.

5) Горшочки всегда небольших размеров. Широкая посуда с широким отверстием, емкая, с отогнутым краем для удобства выливания. Чаще серые, почти никогда не сглажены, орнамент только линейный. Лишь один экземпляр тяжелый, черный с серыми пятнами и ушками, скорее зарубинского типа (табл. XXI, 8, 11, 12—17, 20, 21). В общем тип позднейших славянских горшков. Остальные находки в общем незначительны, чисто единичны, почти исключительно мелкие предметы наряда.

Фибулы совершенно меняют свой характер. Латенские типы исчезают и заменяются обще-римскими. Основной их тип: тонкие, пластинчатые с двойными плечиками и с тетивой, на концах кнопочки, на дужке перемычки; таких в собрании Хвойко мною насчитано до 25 экз.,²² остальные единичны. Одна такая же с дужкой на две грани, другая

пошире и три экземпляра гладких серебряных зонтичных (одна с семью кнопками от пружин, табл. XX) (рис. 3). Бусы вообще средней и малой величины, главным образом синие, прозрачные и густого сапфирного цвета; реже зеленые, редко пестрые, черные с глазками, коралловые, янтарные, сердоликовые (все гранчатые). Единичные обломки бус опаловых, янтарных и черных цилиндрических с синими разводами; подвески к ожерелью: светлые и черные стеклянные кружки; по одному экземпляру: серебряная лунница и гладкий кружок; два-три экземпляра пуговиц (гранчатых), ужомка и другая большая раковина; два гонких стеклянных колечка и одно широкое. Колечко мед-

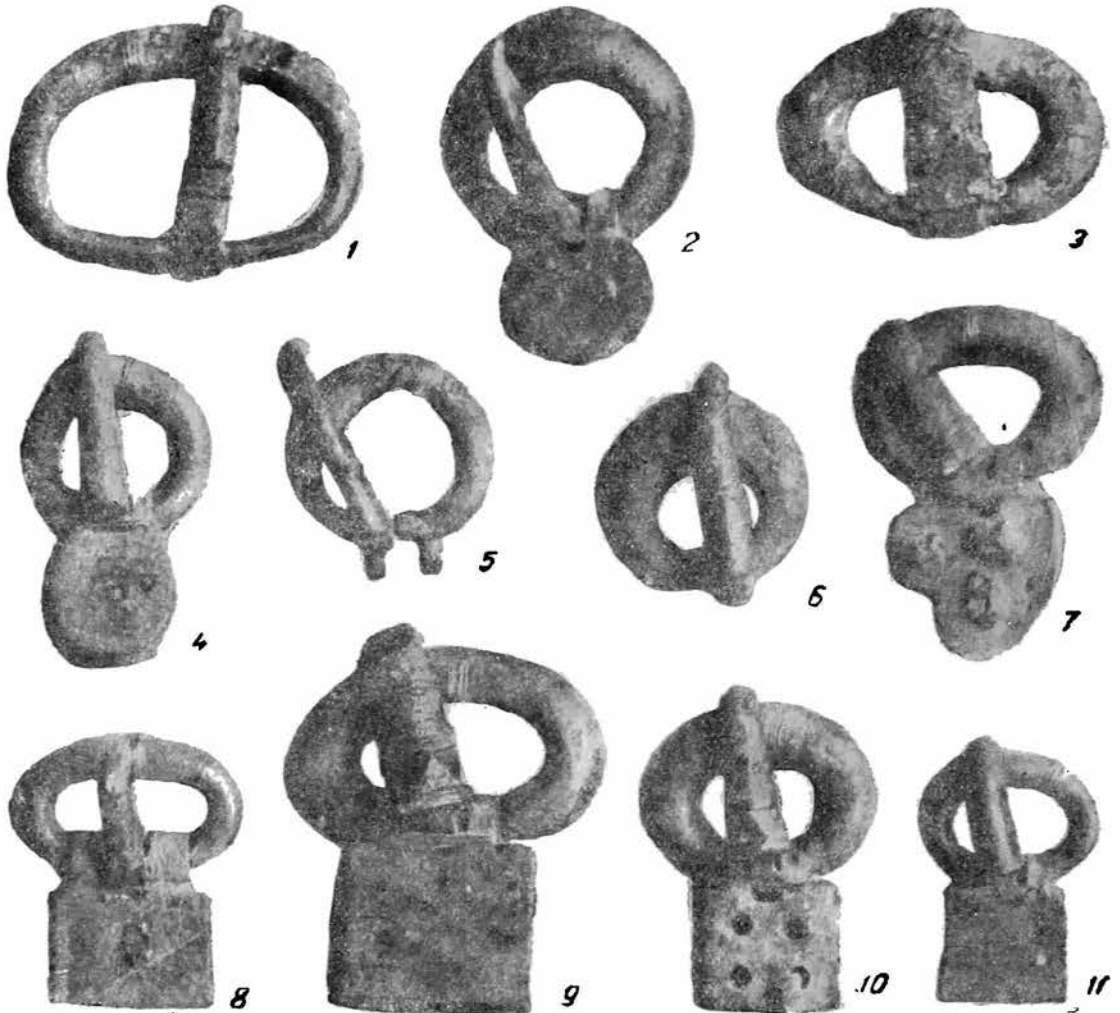

Рис. 5. Пряжки из могильника в Черняхове (Киевская обл.).

ное с сильно замотанными проволокою концами, малое серое зеркальце с каймой из лучей или ресниц; костяные гребешки (рис. 4); одна тонкая поясная пряжечка с горошинами, четыре пряжечки простых типов с четырехугольными и круглыми бляшками (рис. 5) и совершенно гладкий серебряный наконечник от пояса; 2 экземпляра глиняных пряслиц на две грани, орнаментированные; точилка на четыре грани.²³ Ни одной золотой вещицы. В Черняховском могильнике найдены монеты Фаустины младшей (II в.) и Гордиана (238—244 гг.), денарии Антонина Пия (138—161 гг.) и Веспасиана (69—79 гг.).²⁴

Лица, посетившие в последнее время музеи Приднепровья и Приднестровья, вынесли определенное впечатление, что в их районах полей погребальных урн имеется весьма значительное количество; даже в малых собраниях они занимают одно из виднейших мест. Мои све-

дения, основанные на литературе и личном посещении музеев, не столь обильны, но все-таки уже внушительны. Центром культуры, благодаря поискам Хвойко, остается Киевский край.

Киевская губ., Васильковский у., с. Борохтянская Ольшанка, в 10 верстах от Триполья.²⁵ При рытье погребка в погребении с обуглившимися костями рук были найдены характерные вещи черняховского

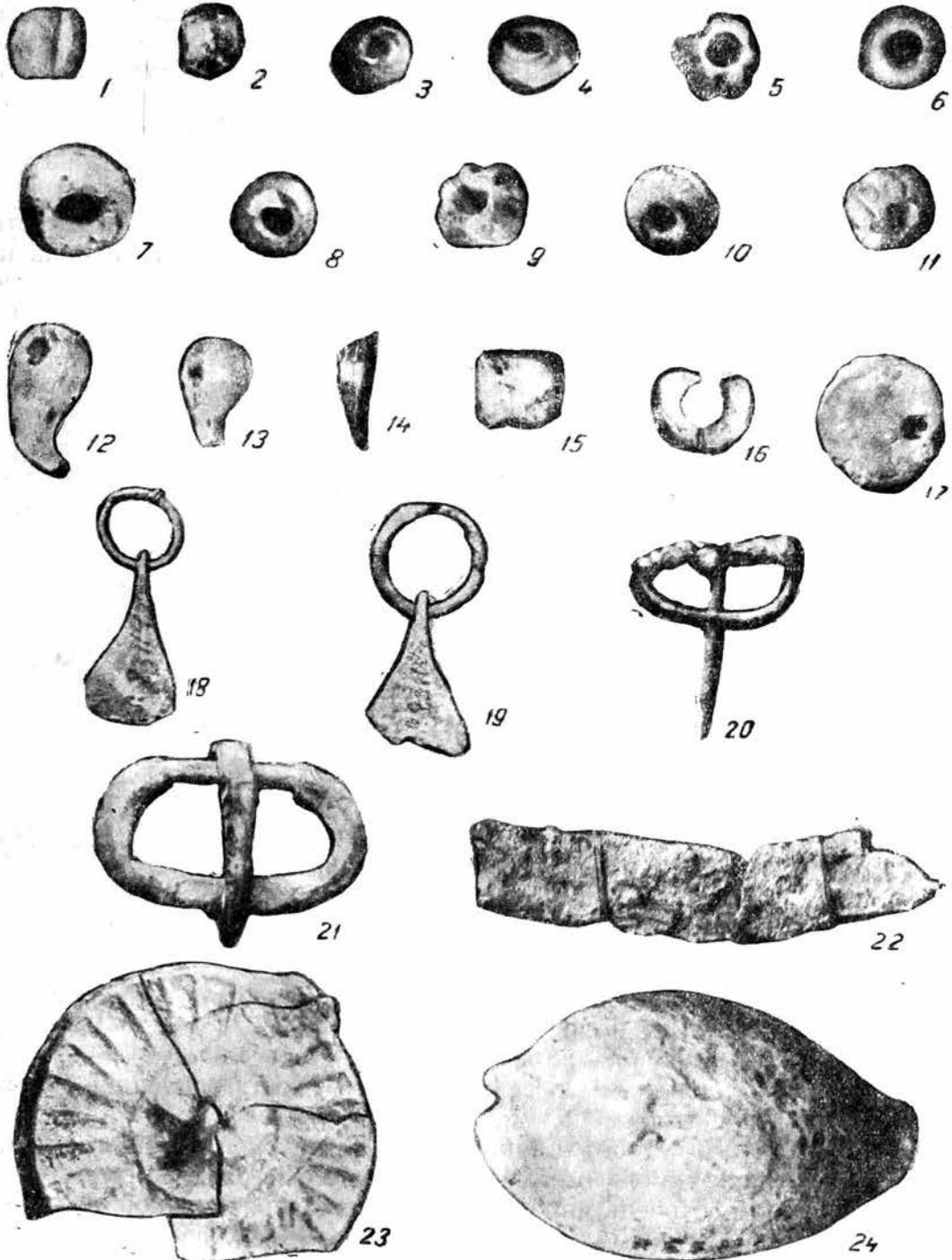

Рис. 6. Вещи из могильника ок. Борохтянской Ольшанки (Киевская обл.).

типа медная фибула простой, не очень ясной формы, 2 колечка с подвесками в виде конуса; бусы рубчатые цвета воды и синие, синие сплюснутые, и пронизи в виде костей, светлые и черные; раковина ужомка.²⁶ редкая поясная тонкая пряжка с горошинками у основания и вверху; потиновое зеркалацце с широкой каймой из лучей; римская монета типа Антонинов, с отверстием (рис. 6); хорошая черная чашка

с ломаным профилем и боровком на пояске и черная глубокая чашка с округлыми плечиками (Собр. Киевского университета).²⁷

Мазепинцы. Коллекция Леопардова (Киевская духовная академия). Отсюда происходит отличная большая фибула, проволоочная с нижним узлом.²⁸

С. Ромашки. Раскопки В. В. Хвойко 1899 г.²⁹ Оба обряда погребения. Посуда близка к черняховской (напр., кувшин с двумя боровками и широким горлом; горшок с округлыми плечами и суженным дном), фибула зарубинского типа с накладной дужкою. Размеры раскопок неизвестны.³⁰ Если бы кувшин был ручной работы, могильник пришлось бы отнести к числу зарубинских.³¹ Могильник находится на остатках селища и включает русские курганы XI—XII вв. (ЗРАО, XII, вып. 1, стр. 181, Альбом В. В. Хвойко).

Каневский у., с. Михайловка. В Львовском музее отсюда имеется небольшая фибула с высоким приемником и медная небольшая крестовидная венгерская бляшка. Это более поздние вещи. В музее много обычных фибул; из Хмельников фибула латенского типа с верхним узлом.

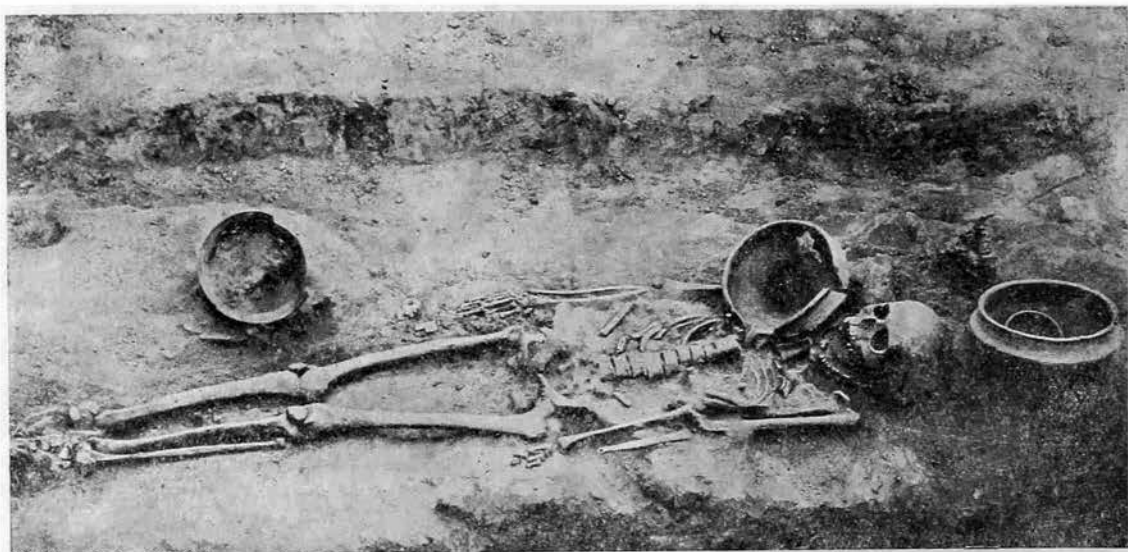

Рис. 7. Погребение из могильника у с. Маслова (Киевская обл.).

Монастыревка. Отсюда в собрании В. В. Хвойко была фибула латенского типа, другая узкая и еще кое-что.

В Липовецком у. могильник известен у с. Новоселки, к северу от группы курганов. Найдены урны с пеплом и костями, вещи, монеты Криспины и Веспасиана.

Из Чигиринского у. подходящие отдельные вещи имеются в нескольких собраниях, но они не имеют решающего характера.

В Чигиринском у. очень хороший могильник черняховской культуры копал в 1926 г. П. И. Смоличев у с. Маслова. Раскопано всего лишь несколько погребений, между которыми почти не было сожжений. Костяки лежали на глубине полуметра и метра и лишь одно на глубине 2.5 м, головою на С. При каждом было не менее 9 сосудов, главным образом кувшинов с узкими и широкими горлами, хороший орнамент. Вещей, как всюду, немного: фибулы, пряжки, бусы, глиняные пряслица, костяные гребни, кости барана и скорлупа яиц (Коротке зводомлення, 1926, стр. 154—166, 251; Киевский музей). Кажется, раскопки продолжались в 1928 г.³² (рис. 7).

Из с. Пляховки в собрании Киевского университета имеется прекрасная глубокая чашка с широким воротничком и тремя широкими ушками.³³ Из Ротмистровки известны три широкие горшка черняховского типа (Смела, т. II, табл. VI, рис. 2, 4, 5).

В Уманьском музее имеются вещи из местных полей погребальных урн еще из раскопок Быдловского. В 1926 г. Академией Наук УССР здесь велись раскопки у с. Томашевки³⁴ и м. Цыбулево.

Наиболее значительные раскопки были произведены В. В. Хвойко в 1900 г. близ с. Черняхов Киевского у. Размеры могильника исследователь высчитывает в 7 000 м и предполагает, что всех погребений здесь было 500—600, из которых исследовано было до 200.³⁵ Могильник очень потерпел от распашки, разведения тутовых плантаций, устройства ветряных мельниц, дороги; на пашне черепки попадают во множестве. Сожжения находятся на глубине 25—95 см, погребения костяков значительно глубже — до 2.5—3 м, начиная с 1.15 м. Одно сожжение встретилось и на глубине 2.15 м.³⁶ В сожжениях кости перемешаны с золой и землей, вокруг кучкою стоят сосуды, а при них вещи и кости животных. В двух случаях (№№ 88 и 109) кости располагались на особой глиняной площадке, шир. 2 м и в полтора. Иногда кости сложены в сосудах и прикрыты чашками. Некоторые сосуды стоят вверх дном. Малые иногда помещались в больших.

Костяки лежат головою на З и Ю-З. Один череп деформирован. Любопытно и не вполне объяснимо, что нередко у костяков недоста-

Рис. 8. Стекланные сосуды из могильника в Черняхове (Киевская обл.).

вало частей, вплоть до половины и более. У детских скелетов ставилось наибольшее количество сосудов, до 16 экз. Кости — чаще бараньи, лишь раз — свиные, изредка по несколько речных раковин. Отдельно отметим, что на плечах костяка (№ 160) имелось по особой фибуле. Из особых находок обращает на себя внимание стеклянная чашка с ребрами (рис. 8) и костяной топор-молот с отверстием (№ 105)

В таком большом могильнике, расположенном на видном возвышенном месте, естественно могли оказаться погребения чужие. Таковы: скелеты без вещей, головою на Ю и Ю-З, два разоренные деревянные склепа (№№ 146 и 147) и три древние костяка в скорченном положении, при которых была костяная пряжка и кремневый нож (№№ 46, 76 и 121) (ЗРАО, т. XII, стр. 174—181; Киевский музей;³⁷ P. Reinecke. Gräberfelder vom Ende der Latènezeit und aus der jüngeren römischen Kaiserzeit im Gouv. Kiew. Mainz. Zeitschr., 1906, стр. 43—50).

В. В. Хвойко, достигший исключительных успехов в исследовании днепровских полей погребальных урн, создал также представление, что

центром культуры является Киевский край. Так ли это на самом деле — покажет будущее, а настоящее пока поддерживает такое впечатление. Есть некоторые признаки полей погребальных урн севернее хвойкинского центра, вверх по Днепру и по Припяти. Хвойко отмечает, что ему известны находки в Черниговской губ. Может быть, это вещи из Сворома и Погребов Острожского у., у устья Десны на Днепре, которые я не решаюсь привлечь к данной теме. Н. Я. Макаренко близ Пуховки Острожского у. нашел несколько сосудов с сожженными костями. Один из кувшинов имел орнамент мелкими луночками, известный по Ромашкам. Горшок несколько вытянутой формы, почти блестящий с толстыми стенками, черный широкий кувшин с высокой ручкой (Киевский музей).³⁸ Яроцкий у м. Тихомля Острожского у. указывает поле погребальных урн черняховского типа (ИАК, вып. 29, стр. 60).

В Могилевской губ. поля урн отметил по Днепру Е. Р. Романов. У м. Новый Быхов близ кургана № 3 виднелись остатки двух разветвленных ветром погребений в урнах.³⁹ Там же на песчаных равнинах найдено несколько разбитых массивных урн с сожженными костями.⁴⁰ Близ с. Проскурни Рогатинского у. на поле у озера выдуваются целые глиняные урны (ААК, 1904, № 184).⁴¹

В Смоленской губ. поле урн указано Сосновским близ д. Печкуры Рославльского у.; уничтожается распашкой (сведения от 1913 г.).

У м. Ямполья Пераснятинской вол. в насыпи кургана найдена медная фибула, узкая пластинчатая с длинными плечиками, попавшая из поселения или из погребения (Працы Археол. Кам., II, Менск, 1930, стр. 271).

Определенное поле погребальных урн известно у с. Верхней Нямькар. Посуда оттуда, несомненно, черняховской формы (Працы Археол. Кам., II, стр. 282—285).

В Минской губ. исследователи отмечают следы погребальных урн у г. Турова, в Бобруйском округе, в нижнем слое Банцеровского городища и в уроч. Пристань у Дивочиц на Припяти (здесь узкая фибула римского типа) (Працы, II, стр. 285). Присоединим сюда еще Старобин Слуцкого у.

В Волынской губ. поля погребальных урн в последние годы нашел и раскапывал С. С. Гамченко у Перлова и Корчага Житомирского у. Сосуды стояли в глубоких каменных ящиках типа кист. Из Овруча в Тверском музее имеется хорошая фибула римского типа.

Но самое интересное в Волынской губ. из черняховской культуры — раскопки 1901 г. Я. В. Яроцкого близ с. Лепесовки Кременецкого у., обнаружившие любопытное сооружение в виде печи или камеры ульевидной формы со сводом. Печь представляет собою как бы нишу, смазанную сперва слоем серовато-белой необожженной глины, затем глины, подвергнутой обжигу и снова слоем необожженной глины. Камера имела верхнее помещение, опиравшееся на глиняный широкий столб, и нижнее, в виде хода вокруг этого столба. Стены и пол нижнего помещения также не обожжены. На том и другом полу найдено большое количество черепков, однако не составилось ни одного целого сосуда. При сделанном мною описании керамики можно было ограничиться ссылками на рисунки черняховской культуры, впрочем встретились немногие черепки и иной техники — грубой работы с шероховатой поверхностью и примесью дровы, остатки старой традиции. По форме сооружение ближе всего напоминает гончарные печи, но против такого предположения говорят уже его размеры, всего 1.52 м ширины, а также отсутствие топки (Я. В. Яроцкий, ИАК, вып. 29, стр. 56—64), верхний пол едва ли не сложен из драниц.⁴²

В Подольской губ., наверное богатой памятниками этой культуры, пока знаем лишь три местности: с. Погорелое Могилевского у., откуда

известна прекрасная чашка с тремя ушками, найденная при завале овражка на глубине около 2 арш. (ОАК, 1911, стр. 82 и рис. 119), г. Винница, где совершенно такая же чашка найдена в старом городе в доме Здитовского. С. С. Гамченко в своих раскопках 1910 г. (ОАК за 1909—1910 гг., стр. 178, 179, 214) в районе м. Кринички отмечает в культуре Латена примесь керамики особого типа: серые и темные черепки от посуды хорошей работы в виде горшочков черняховской формы с линейным узором; дно чаще с карнизиком, иногда по краю воротничок.

Погребения обнаружены в круглых ямах шир. 1.05 м, обмазанных глиной и прикрытых дранью, на которой лежит присыпка и остатки кострища. В общем посуда прекрасной техники; вещи — бусы, медные тонкие фибулы, костяные гребни, наперсток, железный ключ, ножницы, удочки, кинжал, топорик.

Наибольшее количество черняховских черепков найдено было на Немировском городище. Там же собрано несколько медных булавок зарубинского типа. В том же районе у с. Янкуцы Хотинского у. Бессарабской губ. найден кувшинчик хорошей работы с ручкой с пережженными костями. Стенки тонкие, глина серая, хорошо обожженная (Полтавский музей).

Сюда же относится погребение в урне, найденное в 1896 г. при вспашке земли близ с. Стецовки Александрийского у. Херсонской губ., которая вообще еще пока очень бедна по части этих находок. Кувшин был наполнен пеплом и заключал четыре глиняных пряслица разных форм и скромную поясную пряжку черняховской формы (ОАК, 1896, стр. 139). В 6 верстах от того же села в кургане Шкарбонцева Могила на глуб. $\frac{3}{4}$ арш., при костяке, будто бы по обе стороны черепа, найдены два глиняных сосуда грубой работы (один с ручкой), украшенные грубым линейным орнаментом, наполненные пеплом.

Ястребов какие-то сосуды с пеплом или со жженными костями отмечает в Одесском (колония Нейбург, где найдено пятнадцать больших сосудов), Тираспольском (Слободзея — два кувшина с ушками и другая посуда) и Херсонском у. (близ Большого Начартава — громадный кувшин с жженными костями и пеплом) (Ястребов, ЗООИД, т. XVII, стр. 86, 87, 91).

Интересный могильник «Городок Николаевка» в низовьях Днепра с черняховской культурой описываем в иной серии; несколько слов о нем ниже.⁴³

У днепровских порогов в 1929 г. копал могильники черняховского типа П. А. Козарь, собравший здесь, по слухам, большую коллекцию вещей.⁴⁴

Полтавско-Харьковский район полей погребальных урн обширнее Киевского; он простирается от Днепра до Оскола с большой лакуною по р. Пслу и Ворскле. Больших могильников здесь никто не раскапывал. В Переяславском у. поле урн открыто у с. Столпнячи, при проведении рва у хут. Гречаники (Курилка). Найден один кувшин черняховского типа с четырехгранной ручкой и 4 горшочка до четверти арш. вышиною и менее, неважной техники, но хорошего обжига (Полтавский музей). Найдена римская фибула и 2 поясные пряжечки (М. Я. Рудинский. Археол. збірки, стр. 25, табл. V, 10—13, 15, VIII, 19—21). Известны старые находки собрания Д. Я. Самоквасова из Хоцек, где были найдены две урны с сожженными костями (Антроп. вестн., III, стр. 339.—Д. Я. Самоквасов. Могила русской земли, стр. 172).

Из Кобелякского у. известна пряжка, найденная в с. Келебеддах, и фибулы подходящего типа из Переволочной (собр. Хвойко и Киевского университета);⁴⁵ из с. Горшние Плавни Кременецкого у.

известны два хороших кувшина, найденные на кладбище (Полтавский музей). На дюнах р. Псла против д. Барановки в 15 верстах от г. Сорочинец Миргородского у. обнаружены какие-то кострища с черепками, костями животных и вещами (письмо С. М. Соколовского 1907 г.). В Полтавском музее есть вещи из могильника с дюн речки Свинковки при впадении ее в Коломак (железная фибула, хорошее количество бус, железные наконечники стрел).⁴⁶ Из м. Брусия Полтавского у. там же имеются более старые вещи: буса в форме сердечка цвета воды, янтарная буса, пряслице. В 1926 г. могильник черняховского типа был раскапываем Н. Я. Макаренко в Прилуцком у. у Гурбинцев. Было найдено и получено от крестьян 26 сосудов (глубокие чашки, глечики, горшки) (Коротке звітмолення, 1926, стр. 111—112, 115—117). Харьковская губерния, видимо, не бедна полями погребальных урн. В Университетском музее имеются вещи этой культуры из Валкского (Верхн. Коломак), северн. части Богодуховского у., также из Грайворонского (Курской губ.), всего, кажется, до 10 местностей. Посуда, арбалетная фибула, хорошие каменные бусы. Вещи черняховских типов найдены были в раскопках Е. Н. Мельник у д. Воронцовки (пластинчатая фибула, пряжечка, синие граненые бусы, трубочки, пронизки, широкая глиняная чаша биконической формы с глянцевитой поверхностью, серая, часть другой; курган № 6, скелет в пещерной могиле) (Тр. XII АС, т. I, стр. 690). Вещи в Харьковском музее (что-то похожее на Кантемировские курганы). Подобные находки имеются в Изюмском музее, главным образом фибулы, чаще сложной конструкции и довольно большой величины; есть фибулы типа Латен (Старовинности Изюмщины, вып. 1, стр. 9, табл. XXXI, главным образом из Петровского). Это самая восточная находка вещей.

Наконец, напомним, что в кургане № 3 у хут. Березовки Ахтырского у. «почти на уровне горизонта» найден раздавленный большой сосуд темного цвета. Сосуд этот был наполнен пережженными человеческими костями «и накрыт небольшим глянцевитым сосудом, раздавленным землей» (Тр. XII АС, т. I, стр. 428).

Очень интересная посуда, выкопанная в Вевержанах, Тельшевского у., Ковенской губ. в Литве, совершенно черняховского типа: узкогорлый кувшин с длинной ручкой, украшенный линиями, низкая и широкая чашка, украшенная насечкой вкось, небольшой стакан. Кувшин хорошо ставится в чашку, стакан удобно помещается на горлышке кувшина (Antoniewicz. Przegląd Archeol., т. II, ч. 1, стр. 63). Антонец находит аналогию для этой керамики в Черняхове, который знает по Рейнеке, в Силезии и Семиградье; устанавливаемое им время (IV в.) представляется низким.

Рудинский обнаружил в 1924 г. на Коломаке в р-не Полтавы в Кантемировке группу замечательных курганов с вещами черняховской культуры. Насыпи невысокие, погребения в ямах, с подбоем, без следов трупосожжения. Посуда тоже в хорошем количестве, вся черняховская, главным образом чашки (одна огромная, хорошо орнаментированная, с тремя ушками), красивая узорчатая стопка с тонкими стенками, подобная стеклянным стаканам, легкая чарочка с широким краем, несколько горшочков, стеклянный бокал. Другие черняховские вещи: костяные гребни, простые поясные пряжки. Любопытна примесь вещей другой культуры: ромбической формы массивные нашивные бляшки, такие же серебряные в виде треугольников, бронзовые нашивные лунницы, черные и светлые стеклянные пуговицы в форме лепешек,⁴⁷ серьги в виде спиралей в полтора оборота,⁴⁸ 2 золотых с несомкнутыми концами перстня (погр. I и III), пряжки от обуви бронзовые с двойной бляшкой, игральный костяной кубик с глазковым орнаментом, удила

без псалий и др. В ногах костяков встречены кости овцы и курицы.⁴⁹ (вещи в Полтавском музее; ⁵⁰ М. Я. Рудинський. Археолог. збірки, стр. 54—55). Воронцовский курган, видимо, идет сюда же; и обряд погребения и добавочные вещи можно с основанием признать поздне-сарматскими. Необходимо числить их в особой группе. Сюда же пока отнесем любопытное погребение, найденное М. Я. Рудинским в 1923 г. в кургане у Н. Санджар Кобелякского у. Полтавской обл. Скелет лежал в глубокой яме с отдельными костями лошади. Среди вещей есть вещи, видимо, западного происхождения: три стеклянные шашки, поясная бляшка, узкий наконечник пояса, небольшой наконечник копья, удила, уздечка (Археолог, збірки, стр. 52).

Время черняховской культуры определяется монетами II и III вв., конечно, без надлежащей точности; может быть, III век будет более точен. Среди немногих монет одна замечательная — варварская золотая монета с головой Гордиана и изображением на реверсе воина с копьем (табл. XX, 2). Это может быть черноморская, а может быть дунайская монета. Разыскивая кругом аналогии для керамики и металлических вещей черняховской культуры, прежде всего обращаемся к Ольвии, как к центру, всегда сильно влиявшему на киевский край. Как раз нашему времени посвящена специальная монография Т. Н. Книпович, показавшая, что ольвийская керамика первых веков есть целиком малоазийская или представляет подражание ей (Т. Книпович. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Eremitage. Frankfurt a. M., 1929). Местная ольвийская посуда, серая и красная, иногда черная, иногда гладкая или полированная, почти не имеет никакого орнамента, формы ее особенные, например, чаши с округлыми боками, глиняные бальзамарии, небольшие амфоры; бальзамарий с ручками, чашки типа канфара, широкие кубки с ушками, широкие кувшины, горлянки с расширяющимся низом, подобие горшочков. Черняховскую керамику по форме напоминают лишь кувшины и горшочки, но эти формы всюду близки. Очень поучительны раскопки Эберта 1912 г. могильника у хут. Николаевки в низовьях Днепра. Погребения здесь в подбойных могилах ольвийского образца,⁵¹ керамика целиком ольвийская. Вещи греческие и частью варварские, представляющие для нас специальный интерес.

Это — в небольшом количестве нашивные бляшки, подвески-ведерки, сравнительно большие, как киевские, медные кольца с горошинами, пронизки-трубочки, особенно бусы. Есть костяные гребни, фибулы узкие, римских форм, одна узкая с расширенным хвостом. Всех могил раскопано 36 (Prähist. Zeitschr., т. V, 1913, стр. 80—100). Исследователь в конце концов отнес могильник к III в. и приписал его готам,⁵² что, конечно, допустимо, как допустимы и другие претенденты на него, особенно старое местное население. Херсонес, судя по известным мне раскопкам курганов и могильников 1904 г. Н. М. Печенкина, представляет ту же картину малоазиатской керамики и ее местных подражаний. Судя по ценнейшим раскопкам Ю. Кулаковского, в курганах у Тавеля, под Чатырдагом, заключавших богатые коллективные погребения римского времени, скорее всего тавров (ОАК, 1897, стр. 36, вещи в Таврическом музее),⁵³ черняховская культура не имеет близкой связи и с крымскими культурами как по керамике, так и по вещам. Поучительно, что в тавельской культуре, кроме римских вещей, имеются отдельные вещи типов Латена, а также остатки сарматских поделок, указывающих на связь этой культуры со старым местным населением, чего совершенно не наблюдается в черняховской культуре.

В поздне-сарматской культуре (зубовской) принята была в широких размерах керамика римская и так наз. местная, серая, блестящая или

гладкая. По технике эта посуда очень близка черняховской, но формы ее иные. Наиболее характерная посуда — весьма эффектные очень большие орнаментированные кувшины с ручками (орнамент — гладкие линии и зубцы из таких же линий и глазков; Зубов хутор, ОАК, 1899, стр. 45, 47, 131, 158).

Весьма любопытно, что совершенно подобные кувшины обнаружены в Полтавщине. В 1903 г. у с. Мачехи Полтавского у. найдена была яма или ниша с сосудами, осмотренная в 1907 г. Н. Е. Макаренко. Ниша имела вид печки неправильной формы с обожженными стенками и выходом в балку. Был и свод, но точную форму ее уже не удалось восстановить, и нельзя было установить, что это такое — гончарная печь или погребок. В погребке найдены три целых больших кувшина и черепки от других. Кувшины до $\frac{3}{4}$ арш. вышины с узкими горлышками, снабженными рыльцами, с одной или тремя ручками; нижняя часть, как и у зубовских, покрыта орнаментом из гладких вертикальных линий, а верхняя из таких же линий в решетку и лопастями из выпуклых линий (ИАК, вып. 43, стр. 116—118). В Полтавском музее есть еще интересный кувшин подобной формы, но без ручки и с несколько иным орнаментом (найден в 1890 г. в кургане № 5 у с. Мачехи);⁵⁴ хотя его отличает от названных выше кувшинов красный цвет глины, однако можно упомянуть о нем здесь же. Так как такие кувшины найдены пока в большом количестве на Кубани в более ранней зубовской культуре,⁵⁵ то естественно приписать их сарматской культуре, хотя надо быть готовым каждую минуту изменить такое предположение на другое при дальнейших изысканиях.

Нет ли близких аналогий на Западе? В Литве обнаружены погребения с черняховской культурой в Вевержанах, Ковенской губ. (Антоневич, *Przeegl d Archeol.*, т. II, ч. I, стр. 63), где найдена чашка, украшенная рубцами, стройный черняховский кувшин и стопка, надеваемая на горлышко кувшина. Но этот случай пока единичный и сама посуда могла быть получена с Днепра. Ссылка на отдельные находки аналогичной посуды в Галиции по той же причине имеет малое значение.⁵⁶ В Польше и Познани также не находим близких и достаточных аналогий.⁵⁷ Но все же прекрасные работы Антоневица и Костржевского о древностях этих районов (W. Antoniewicz. *Archeologia Polski*, Warszawa, 1928. — J. Kostorzewski. *Wielkopolska w czasach przedhistorycznych*, Poznan, 1914) дают более, чем можно ожидать, материала для суждения об истории происхождения основных форм черняховской керамики. Низкие чашки появляются уже в Гольштатте (Костржевский, стр. 68, № 207) и в лужицкой культуре (там же, стр. 75). Квадратные штампы чашек напоминают меандры (там же, стр. 127, 206). Другие чашки с орнаментом из косых полосок напоминают Гальштатт (Костржевский, стр. 99). Глубокие чашки с тремя ушками, хорошим орнаментом и широким бортом могут быть репликой стеклянной (Антоневич, стр. 179). Кружки напоминают посуду из Квачалы (Галиция). Характерные кувшины черняховского типа, по Костржевскому, появляются уже в Познани во второй половине римского периода (III—IV вв.), но их известно мало (Костржевский, стр. 146). Широкие кувшины с одной или двумя ручками, украшенные линейным орнаментом, в Познани имеются от того же времени (Костржевский, стр. 50). Горшочки справедливо приписываются гальштаттской традиции или поздней бронзе, лужицкой культуре, Латен; и первому периоду римской культуры в Познани, где еще сохраняется ломаный профиль таких сосудов (Костржевский, стр. 50, 66, 74, 106, 127). Горшочки с округлыми формами Костржевский относит также ко второй половине римского периода. Старый меандровый

орнамент, из которого, естественно, вышел линейный, сохраняющийся потом на горшочках долгие века.

Поиски в Венгрии, Чехии и, глубже, в Германии не дают решительных результатов.

Приходим к двум выводам:

1. Черняховская керамика имеет корни на западе.

2. Лучшее ее развитие пока наблюдается именно на Днестре.

Первое положение очень естественно, а второе может быть принято только условно и до новых изысканий. На очереди исследование по части серой, поздне-сарматской и связанной с нею кавказской керамики.

Уже давняя работа В. Г. Ляскоронского⁵⁸ показывает, что район распространения в Приднепровье римских монет совпадает с площадью полей погребальных урн. Исследователь продолжал неустанно собирать новые сведения, очень расширившие карту находок этих монет, особенно в районе Подолии. Когда эти материалы увидят свет, археологи в них почерпнут драгоценные указания для своих изысканий и соображений.

Итак, пока приходится довольствоваться следующей гипотезой — черняховская культура есть западная, столкнувшаяся на Днестре с местной скифской уже в I в., основавшаяся здесь прочно во II—III вв., начавшая оказывать влияние на сарматский мир и отрезанная на некоторое время от Черного моря и Востока иранцами. Судя по размерам территории, она принадлежит не готам, которые, к тому же, основные интересы свои имели не здесь, а на Черном море и впадающих в него западных реках. Естественнее всего предполагать, что это были славяне.

В заключение не можем не напомнить, что все наше построение основано на изучении материала, доставленного только погребениями, и никоим образом не может быть полным. Совершенно необходимо заняться поселениями и городищами, с ними связанными.⁵⁹ Где-нибудь вблизи жили же черняховцы! Если их поселение смыто, обязательно должны оказаться многочисленные иные, подобные.

Вот тут снова выступает в крупной роли В. В. Хвойко. Из нескольких напечатанных им фраз узнаем, что ему было известно значительное количество жилищ «данной культуры» и данного времени. «Остатки этих жилищ были обнаружены вблизи с. Стретовки, с. Жуковцы и с. Витачево Киевского у. и во многих других местностях. Это четырехугольной формы углубление, занимающее пространство от 4—5 м в длину, 3—4 м в ширину и 1.2 м в глубину. Внутренность этих углублений завалена землей, над которой находится более или менее значительной толщины слой, состоящий из множества кусков обожженной докрасна стеной обмазки и большого количества золы, смешанной с кусками угля. На дне углубления обыкновенно находятся остатки развалившейся глиняной печки или следы очага разной величины, иногда вылепленного из глины. Среди предметов, находимых в этих остатках жилищ, первое место по количеству занимают фрагменты глиняных сосудов, вполне аналогичных сосудам, находимым в современных этим жилищам погребениях. Затем, здесь же встречаются железные ножи, топоры, серпы, косы, части железных цепей, железные гвозди, крючки, разнообразные бусы, глиняные пряслица, такие же застёжки, части обрезанных рогов оленя, части мельничных жерновов, иногда с отверстием посередине; кости животных, в большинстве случаев домашних, и другие предметы, главным образом, домашнего обихода, указывающие на то, что ими пользовалось оседлое земледельческое население» (В. В. Хвойко. Древние обитатели. . . стр. 46). Конечно, в бумагах исследователя окажутся более подробные записи об этих жилищах и раскопках в них, а равным образом будут выставлены в витринах и сделанные в них находки, которые я лично не видал.⁶⁰ Конечно, самая

интересная из этих находок — керамика, необходимая для связи данной культуры с последующими. Драгоценные строчки Хвойко рисуют перед нами картину земледельческого населения в родовом быте; обилие монет говорит о наличии торговых связей, направления которых еще не ясны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Настоящая статья печатается по рукописи А. А. Спицына, 1930 г., хранящейся в Рукописном архиве ИИМК (ф. № 5, по описи № 31). Текст сохранен полностью без изменений: в него внесены лишь чисто технические поправки, как-то: уточнены и унифицированы названия, цитаты, ссылки, некоторые описания и т. п., ввиду того, что авторской правке рукопись не подвергалась. Необходимые уточнения или пояснения вынесены в примечания. Подготовка рукописи к печати проведена М. А. Тихановой перед войной; сведения о местонахождении археологических материалов указываются на основании данных 1941 года.
- ² В статье самого А. А. Спицына, на которую он ссылается (ИАК, вып. 12, стр. 124), посуда из впускных погребений Колодистого описана следующим образом: «Посуда описанных погребений очень оригинальна. Она крупных размеров, особых форм и орнамента, изготовлена, повидимому, на круге, тонкостенная, красная и темная, иногда с лоснящеюся поверхностью. Глина чаще с примесью дресвы из кварца, иногда с золотистыми блестками колчеданных листков». Есть все основания полагать, что она изготовлена от руки.
- ³ Железная дужка обломана.
- ⁴ Кременчугский сосуд (случайная находка из Горшних Плавен) сероглиняный, лощеный.
- ⁵ Включение в данную группу амфор, найденных на Полтавщине, произошло, очевидно, по недоразумению. Все они поздне-римские и датируются временем не ранее III в. К III—IV вв. относится и бронзовая бляха с рельефным изображением головы Горгоны с Лохвичины. См.: М. Я Рудинський. Археологічні збірки Полтавського Музею в «Збірник, присвячений 35-річчю музею». Полтава, 1928, стр. 51—52.
- ⁶ Теперь в Гос. Историческом музее во Львове, в археологическом отделе.
- ⁷ Имеется в виду вскрытия С. С. Гамченко на Криничанском скате балки Лябушна-Посад бывш. Балтского уезда «культура с черепками, очень близкими, кажется, к латенским, но очень грубыми по изготовлению и внешности».
- ⁸ В Козаровке были открыты двойные, последовательные погребения. Более поздние сопровождаются фибулами с обернутой ножкой и фибулами с высоким держателем иглы и датируются временем не ранее III в. н. э.
- ⁹ Включен, как особый тип зарубинской керамики, по недоразумению. Этот сосуд (В. В. Хвойко, табл. XXIII, 12) в действительности происходит не из Зарубинцев и к полям погребальных урн никакого отношения не имеет.
- ¹⁰ Фибулы первых двух типов отмечены, очевидно, по недоразумению; в то же время почему-то не указана одна фибула позднего типа с обернутой ножкой. См. В. В. Хвойко, табл. XXIII, 22 (средняя).
- ¹¹ Отмечены по недоразумению. Эти слова относятся к славянским погребениям, которые раскапывал В. В. Хвойко. См. рукоп. отчет В. В. Хвойко, Архив ИИМК, ф. № 1, № 53, 1899, стр. 9.
- ¹² То же самое. Недоразумения эти объясняются неотчетливостью изложения в печатном отчете-статье В. В. Хвойко «Поля погребений среднего Поднепровья». ЗРАО, вып. XII, стр. 182—184.
- ¹³ См. прим. 11.
- ¹⁴ Чарка с высокой ручкой (В. В. Хвойко, табл. XXIII, 12). Показана в составе керамики Зарубинцев ошибочно и происходит из скифского кургана. Ни в Зарубинцах, ни в одном из памятников зарубинской культуры сосудов с высокой, поднимающейся над устьем сосуда, ручкой до сих пор не найдено ни одного.
- ¹⁵ См. прим. 18.
- ¹⁶ В настоящее время намечается значительно более широкий район распространения зарубинской культуры. Из ранее известных находок должны быть включены, как уже отмечалось (см. прим. 5), находки на Полтавщине, а также Трактомиров, Вита, Пищальники и др. — на Киевщине; Пуховка, Вишенки и др. — на Черниговщине. Недавно (1937 г.) большой могильник был обнаружен под самым Киевом в Корчеватов. Он исследуется Институтом археологии Академии Наук УССР; раскопки могильника велись в 1940 и 1941 гг. под руководством И. М. Самойловского. Результатом этих работ явилось специальное исследование, подготовленное в настоящее время к печати.
- ¹⁷ Ромашки попали в зарубинскую группу, правда с оговоркой «предположительно», по недоразумению. Никаких ранних погребений в Ромашковском могильнике не

- имеется. Ссылка на таблицу Хвойко № XIX дана также по недоразумению: в действительности эта таблица с материалом из Черняхова; ср. рукоп. отчеты Хвойко: Архив ИИМК, ф. № 1, № 53/1899 и № 99/1901. Объясняются все эти недоразумения, как уже отмечалось, неудовлетворительностью печатного отчета-статьи В. В. Хвойко.
- ¹⁸ В. В. Хвойко, табл. XXII, 3—5 включены по недоразумению: это стеклянные, а не глиняные сосуды.
- ¹⁹ В 3-ю группу включены и сосуды, отмеченные во 2-й. В. В. Хвойко, табл. XXII, 2, 5, 6, 10.
- ²⁰ За исключением №№ 31 и 33.
- ²¹ Имеется в виду покрытие, своего рода глазурь.
- ²² Имеется в виду тип фибул с обернутой ножкой.
- ²³ Перечень отдельных предметов, найденных в Черняхове, не полный. Так, не отмечены вовсе стеклянные сосуды (3) и обломки стекла, костяная подвеска с глазковым орнаментом, столь типичная для полей погребений; ножи; бронзовое ситчко. В значительно меньшем количестве указаны пряжки (их всего 31; среди последних, как и среди фибул, есть серебряные, бронзовые и железные), пряслица (почему-то указано только 2), раковины-подвески (2 вместо 3), наконец не подчеркнута большое количество костяных гребешков (23).
- ²⁴ Монета Веспасиана (69—79 гг.) указана, очевидно, по недоразумению. В Черняхове найдено всего 3 монеты: серебряный денарий Фаустины Младшей (около 175 г.) (находится в Государственном Историческом музее в Москве), серебряный денарий Антонина Пия (138—161 гг.) и золотая монета, варварское подражание ауреусу (aureus) Гордиана III (238—244 гг.) — находятся в Центральном Государственном музее в Киеве.
- Институтом археологии Академии Наук УССР подготовлено полное издание Черняховского могильника.
- ²⁵ См. Каталог выставки XI Археологического съезда. Киев, 1899, стр. 77, №№ 13—22.
- ²⁶ Подвеска.
- ²⁷ Хранится в Киеве в ЦГИМ, в Антично-скифо-сарматском отделе.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ В. В. Хвойко вел раскопки в Ромашках дважды: в 1899 и в 1901 гг.; см. рукоп. отчеты В. В. Хвойко: Архив ИИМК, ф. № 1, № 53/1899, стр. 11—12 и № 99/1901, стр. 17—18.
- ³⁰ В 1899 г. В. В. Хвойко раскопано три погребения, в 1901 г. — пять погребений.
- ³¹ Кувшинов такого типа в зарубинской группе не известно. Среди найденных в Ромашках фибул только одна более раннего типа, все же остальные с обернутой ножкой. См. также дополнительные раскопки в Ромашках В. Е. Козловской в 1929 г. («Хроника Археол. та мистецтва», вып. 2, Київ, 1930, стр. 39 сл.). Вещи из раскопок В. Е. Козловской хранятся в музее в Белой Церкви.
- ³² Раскопки в Маслове Златопольского района производились в 1926 г. П. И. Смоличевым, в 1928 и 1929 гг. С. С. Гамченко. В Маслове обнаружен не только могильник типа полей погребений, но и селище. Находки из Масловы в основном хранятся в музее в Черкассах, частично — в Институте археологии Академии Наук УССР. Весь добытый в Маслове материал обработан и подготовлен к печати Институтом археологии Академии Наук УССР.
- ³³ В собрании Госуд. Исторического музея в Киеве.
- ³⁴ См.: Коротке звітчення за 1926 р., стр. 13.
- ³⁵ Всего исследовано 251 погребение.
- ³⁶ Погребение № 88.
- ³⁷ Часть черняховского материала находится в Государственном Историческом музее в Москве. См. Отчет Исторического музея за 1908 г. М., 1909, стр. 17, табл. II.
- ³⁸ Сосуды из Пуховки зарубинского типа ошибочно показаны В. В. Хвойко как зарубинские (ЗРАО, вып. XII, табл. XXIII, 4, 11, 19).
- ³⁹ Архив ИИМК, ф. № 1, № 184/1904, стр. 5.
- ⁴⁰ Там же, стр. 4.
- ⁴¹ Там же, стр. 10.
- ⁴² Подробный анализ «ульевидного сооружения» в Лепесовке см.: М. А. Тиханова. «Культура западных областей Украины в первые века нашей эры». МИА, вып. VI. М.—Л., 1941 г. стр. 262, 263.
- ⁴³ «Несколько слов о нем ниже» вставлено нами. — М. Т.
- ⁴⁴ Здесь имеется в виду поле погребений и остатки селища в Привольном. См.: Хроника археології та мистецтва. Розкопки на Дніпрельстану, вып. I, Киев, 1930 г., стр. 14—15. За последние годы работниками Института археологии Академии Наук УССР в порожистой части Днепра обнаружен целый ряд селищ и полей погребений.
- ⁴⁵ Находится в Государственном Историческом музее в Киеве.
- ⁴⁶ Летом 1940 г. археологическим отрядом ИИМК под руководством И. И. Ляпушкина совместно с работниками Полтавского музея т. т. Станом и Сычем в Свизь-

- ковке вскрыты погребения с труположением и с трупосожжением, а также обнаружены остатки селища. Материалы хранятся в Полтавском музее.
- ⁴⁷ Жетоны — шашки для игры.
- ⁴⁸ Указаны по недоразумению — таковых нет.
- ⁴⁹ Только в погребении 1-м.
- ⁵⁰ См.: М. Я. Рудинський. Записки Всеукраинского Археол. комитета, вып. I. Киев, 1931, стр. 127—156.
- ⁵¹ Погребения в могильнике «Городок Николаевка» тройкого типа: 1) в земляных склепах, 2) в подбойных могилах, 3) простых грунтовых ямах. Керамика не только ольвийская.
- ⁵² См.: M. Ebert. Reallexikon für Altertumskunde, ст. «Südrußland». — Он же. Baltische Studien, 1914.
- ⁵³ Центральный музей Тавриды в Симферополе.
- ⁵⁴ М. Я. Рудинський. Археолог. збірки, стр. 54, табл. VI, 20.
- ⁵⁵ См.: М. Я. Рудинський, ук. соч., стр. 54.
- ⁵⁶ Работы последних лет показали, что на Галичине, как и на Волини и Подолии, имеются и поля погребений и селища, чрезвычайно близкие к полям погребений Среднего Днепра, черняховского типа. Сводка материала см. в работе М. А. Тихановой: Культура западных областей Украины.
- ⁵⁷ В Польше можно указать очень близкую группу селищ в верхнем Повислянье, опубликованных Т. Рейманом в «Wiad. Arch.», т. XIV.
- ⁵⁸ В. Г. Ляскоронский. Находки римских монет в области Среднего Приднепровья. Тр. XI АС, т. I, М., 1911, стр. 458—464.
- ⁵⁹ Совершенно правильная установка А. А. Спицына только в последние годы начинает находить свое осуществление, главным образом, в работах Института археологии Академии Наук УССР, а также и в работах его Львовского филиала.
- ⁶⁰ К сожалению, более подробных записей В. В. Хвойко, повидимому, не сохранилось: они или исчезли, или же В. В. Хвойко не вел более подробных полевых дневников, чем те, что сохранили его отчеты, послывавшиеся в Археологическую комиссию.

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

Г. П. СОСНОВСКИЙ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ В ДОЛИНЕ р. КАЧИ
У г. КРАСНОЯРСКА

«Свой палеолит мы должны изучать самостоятельно, прибегая к западному лишь для сравнений».

А. Спицын.

I

Четверть века назад А. А. Спицын в работе «Русский палеолит»,¹ давая сводку сведений о памятниках древне-каменного периода нашей страны, для Средней Сибири мог отметить лишь первые находки И. Т. Савенкова на Афонтовой Горе у г. Красноярска (1886 г.) и упомянуть о примитивных каменных скребках, собранных им у с. Батени и горы Изых — все, что тогда было известно по этому вопросу.

После Великой Октябрьской Социалистической революции трудами советских исследователей в бассейне р. Енисея открыты новые палеолитические стоянки и подвергнуты систематическому изучению ранее обнаруженные. При их раскопке добыт огромный материал — разнообразные предметы каменного инвентаря, костяные изделия, украшения, остатки фауны, флоры, обломки костей человека и пр.²

В Красноярском крае теперь насчитывается свыше 40 палеолитических местонахождений. За последние годы каменные орудия этой эпохи были доставлены с песков у д. Монок близ р. Абакана, из лессовидных суглинков по р. Каче, и несколько отщепов — из окрестностей с. Батой (к СВ от г. Красноярска).

Большой интерес представляет находка 1937 г. в нижнем культурном слое стоянки Афонтовой Горы II, вместе с костями песка, северного оленя и каменными скреблами, фрагмента человеческого черепа с характерными признаками, указывающими на его принадлежность монголоиду.³

Население Сибири конца четвертичного периода по своему физическому типу не было похоже на мадленцев Европы. Отличия имелись и в материальной культуре. Своеобразие инвентаря палеолитических стоянок долины р. Енисея не раз отмечалось специалистами-археологами.

Древнейшие обитатели края оставили следы своего пребывания не только на берегах крупных рек, но и по небольшим притокам. В настоящей работе сообщаются результаты обследования палеолитических стоянок по р. Каче около г. Красноярска.

¹ ЗОРСА, т. XI, 1915, стр. 169—170.

² Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 248, 250—266.

³ В. И. Громов. Новая находка остатков палеолитического человека на Афонтовой горе в 1937 г. Бюлл. комисс. по изуч. четвертичн. периода АН СССР, № 6—7, стр. 121.

II

Левый приток Енисея — р. Кача имеет протяжение около 80 км; берет начало в северной части Кемчугских гор и впадает в Енисей ниже г. Красноярска. В долине р. Качи к северу от центральной части города найдены две палеолитические стоянки, которые по своему местоположению являются ближайшими к Афонтовой горе. Первая из них была обнаружена мною на правом берегу р. Качи в 4—5 км от ее устья, ниже впадения р. Бугач.¹

Кача в описываемом месте прихотливо извивается среди низменной части своей долины, имеющей здесь направление с северо-запада на юго-восток.

Левый берег реки ограничен возвышенностью, так наз. Караульной или Часовенной с крутыми склонами, обрывающимися к р. Каче. На левом берегу в коренных породах виден террасообразный уступ в 27 м. На правом берегу хорошо выражена пойма, над ней возвышается более высокая терраса (около 16—20 м).

Верхняя часть этой террасы сложена из лессовидного суглинка, почти лесса, тонкозернистого, желтовато-серого, однородного. Низ террасы составляет галечник.

Культурные остатки палеолита залегают в суглинках 16-метровой террасы, отложения которой, по мнению В. И. Громова, возможно, представляют делювиально-аллювиальные образования основного чехла, спускающегося со склона 100 м террасы в долину р. Качи и Енисея.

Ниже в долине р. Качи эти суглинки исчезают и в верхней части более низкой (I) надпойменной террасы залегают пресноводные суглинки с *Lumpea planorbis*. Еще ниже видна хорошо развитая пойма (4 м), состоящая из двух уступов, размываемая р. Качей.

Поверхность 16-метровой террасы, постепенно повышаясь, сливается с общей поверхностью Афонтовой горы. Сейчас р. Кача протекает в 1/2 км от места стоянки, но в четвертичное время ее берегом являлась 16—20-метровая надлуговая терраса. Следы древних проток сохранились еще до сих пор; одна такая высохшая старица отделяет городское займище от названной террасы р. Качи.

В настоящее время место, где была расположена первая стоянка, застроено. Теперь здесь находятся хозяйственные сооружения. Раньше же на этом участке террасы имелось кладбище и около него выемка, которая тянулась параллельно железнодорожной линии и оканчивалась около устья речки Бугач, перед кирпичными сараями с карьерами по добыче глины.² Выемка была длиной 500—600 м, шириной 10 м и глубиной 3—0.5 м. Стенки ее местами были отвесны и представляли собой обнажения лессовидной породы.

Палеолитические остатки попадались в различных пунктах северо-восточного борта выемки в лессе, на глубине 0.80—1.42 м от поверхности почвы.³ Слой, содержащий культурные остатки, можно было заметить не только по темной окраске, но и по торчащим из него расколотым костям животных и каменным осколкам. В одном месте была найдена челюсть и обломки раздробленного черепа песка (на глубине

¹ Г. П. Сосновский. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях г. Красноярска. Отдельный оттиск из «Записок» Иркутск. научн. музея, Иркутск, 1924, стр. 4—7. — D. Gero Merhart. The paleolithic period in Siberia. *American Anthropologist*, 1923, вып. 25, № 1, стр. 27 и 47.

² В глине находили кости мамонта (на глуб. 3 м), первобытного быка, оленя и других четвертичных животных.

³ Разница глубины залегания культурных остатков зависит от толщины покрывающей лесс почвы.

0.80 м от поверхности) вместе с небольшой каменной ножевидной пластинкой. В другом обнажении наблюдалось скопление мелких косточек и на этом же уровне поблизости от них попался уголек. Кроме того, было обнаружено несколько палеолитических кострищ. Некоторые из них подверглись раскопке.

Геологические условия залегания палеолитических остатков у места раскопок представляются в следующем виде (сверху вниз).

1. Черный почвенный слой, в нем встречались кухонные отбросы и предметы позднего железного века (черепки от глиняных сосудов, кости лошади и проч.) — 0.20—0.35 м.

2. Подпочва — красновато-бурый суглинок, переходящий в нижележащий лесс — 0.20—0.30 м.

3. Светложелтый пористый лесс с включением извести — 2—3 м. В верхнем его уровне залегали расколотые кости животных, каменные осколки и орудия грубой обработки, кусочки древесного угля, зола и проч.

4. Слоистые лессовидные супеси (переслой глинистых песков с суглинком).

Слой, содержащий культурные остатки, имел горизонтальное протяжение, согласное с простираем лесса.¹ Непрерывного культурного слоя на площади стоянки не наблюдалось; он имел «очажный» характер. Предметы каменного инвентаря и кухонные отбросы группировались около кострищ. В таких местах прослой лесса, содержащий культурные остатки, был интенсивно окрашен в черно-бурый или темно-серый цвет и достигал толщины 2—4 см.

Кострища представляли собою скопления золы, угольной пыли, расстрескавшихся от действия огня камней, пережженных обломков костей и древесных угольков.

Здесь же в большом числе попадались трубчатые, продольно-расколотые кости конечностей животных, главным образом северного оленя, зубы животных, мелкие косточки, принадлежащие грызунам и птицам, каменные орудия и осколки и крупные, грубо обтесанные куски гальки. Диаметр кострищ не превышал 1—0.5 м. Ниже уровня кострищ иногда наблюдалась окраска лесса в бледнокрасноватый цвет.

В отдалении от места расположения кострищ культурные остатки встречались редко. В 1923 г. разведочными раскопками было обнаружено одно из таких «пепелищ», несколько их было разрыто ранее.²

Палеолитические остатки были найдены *in situ*, в том положении, в каком их оставил первобытный человек, что доказывается ненару-

¹ Незначительная глубина залегания культурных остатков палеолита отчасти объясняется тем, что лессовидная толща при спуске с Афонтовой горы в долину р. Качи выклинивается; вследствие этого лесс, покрывающий культурный горизонт, также приобретает меньшую мощность.

² Пепелище № 1 находилось в 126 м от с.-з. конца выемки, на глубине 1.42 м от поверхности. В нем было найдено несколько десятков отщепов, *lames*, крупное каменное скребло, одно орудие с ретушью по краю, расколотые кости северного оленя и других животных, а также ребро с зарубками. Раздробленные кости попадались в значительном числе и выше уровня культурного слоя (на 20 см) и за пределами огнища. Пепелище № 2, в 170 м к СВ от № 1, имело большую площадь, чем предыдущее, и содержало каменные отщепы и орудия, много расколотых костей крупных и мелких животных, их зубы (на глуб. 0.86—1.04 м от поверхности). Здесь было обнаружено 3 каменных скребка, заостренная кость животного, нуклеусы, обломок каменного орудия с ретушью по краю, пластинки со следами вторичной обработки и пр. В 1923 г. было раскопано еще одно пепелище — в 200 м от ю.-в. конца выемки. На глуб. 0.84—1.12 м от поверхности были найдены: маленький каменный скребок, отщепы, кости северного оленя, зубы лошади и других животных. Вне пределов кострищ культурные остатки попадались в небольшом числе. Были собраны лишь обломки костей северного оленя и каменный ножевидный осколок.

шенностью кострищ, где мелкие и легкие предметы группировались вместе с тяжелыми и крупными. На костях животных видны следы от корней растений.

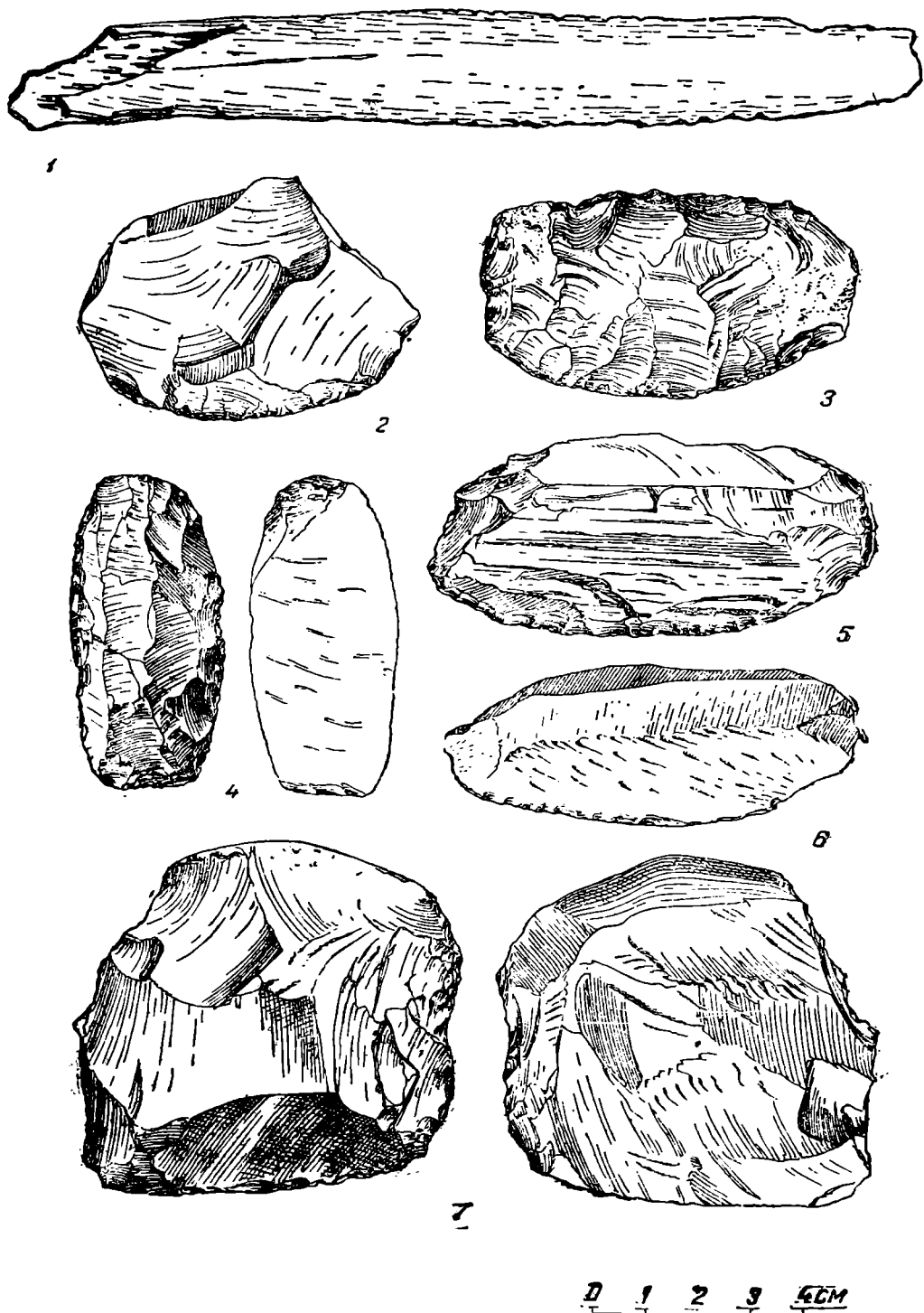

Рис. 1. Предметы, найденные на стоянке Кача I.
1 — ребро северного оленя с насечками по краям; 2, 3, 5, 7 — каменные скребла; 4 — скребловидное орудие из яшмы; 6 — каменный отщеп с ретушью по краю.

III

На первой стоянке по р. Каче было найдено около 20 каменных орудий, не считая многочисленных отщепов, краевых сколов и кусков речных галек со следами оббивки и пр. Из предметов каменного инвен-

таря следует прежде всего отметить скребла 4) экземпляра). Два из них представляют собою вполне законченные обработкой орудия и принадлежат к типичным для енисейского палеолита скреблам овальной и подпрямоугольной формы. Они приготовлены из хорошего материала (темнокоричневая яшма и полупрозрачный валунный кремнь светлокоричневого цвета). Брюшко у орудий гладкое. У скребла из

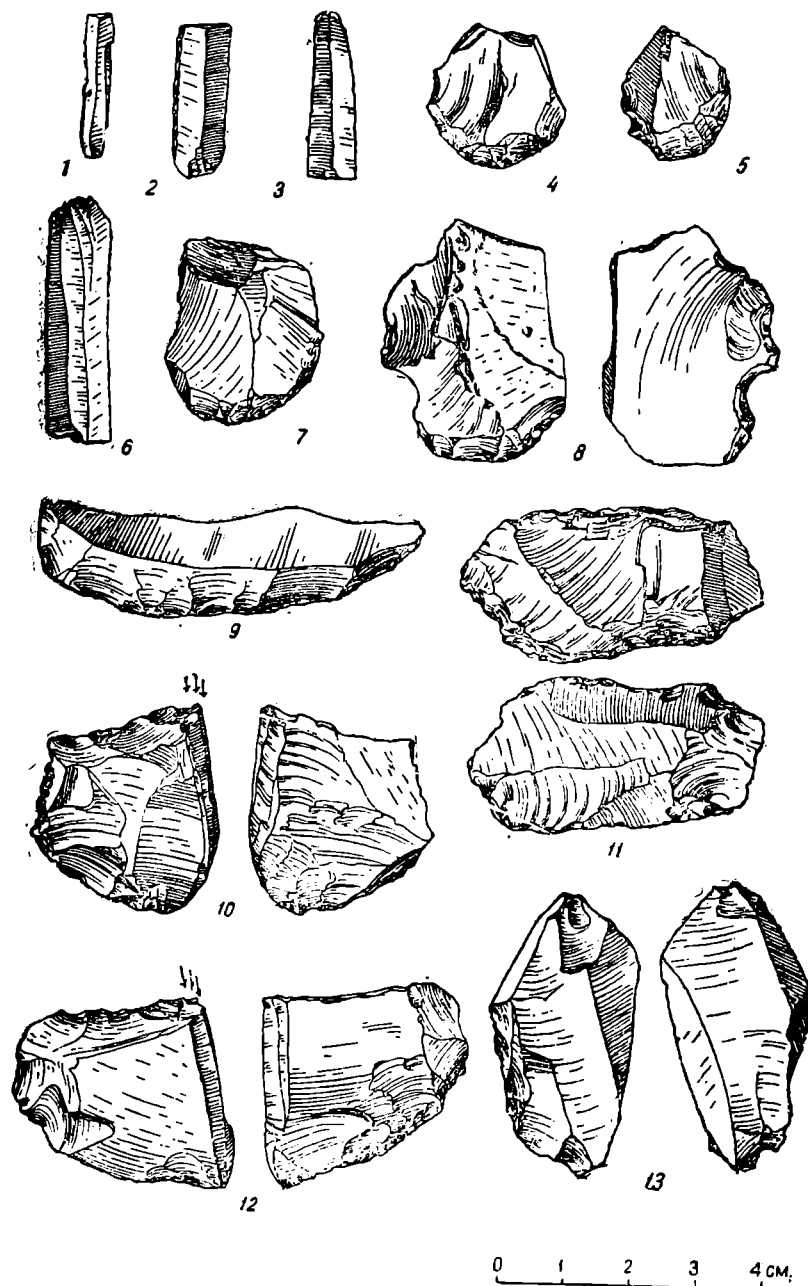

Рис. 2. Мелкий каменный инвентарь стоянки Кача I.

1, 2, 3, 6 — ножевидные пластинки; 4, 5, 7, 8 — скребки; 9 — краевой скол; 10, 12 — нуклеидные орудия; 11 — орудия типа *pièce escallée*; 13 — резец.

яшмы ($8.3 \times 3.8 \times 1.8$ см) по середине спинки сохранилась корка гальки (рис. 1, 5), у другого ($7 \times 4 \times 1.2$ см) она выравнена плоскими сколами и покрыта налетом извести (рис. 1, 3). По выпуклому краю орудий — превосходная ретушь; один из боковых краев также имеет ретушь или подправку. Другие скребла сделаны на более грубых отщепках случайной формы. Один ($7 \times 7 \times 2-2.8$ см) приготовлен из куса зеленого лидита; имеет фасетки от сколов на обеих поверхностях (рис. 1, 7). Мелкой заостряющей ретушью обработан только прямой

край. Четвертое скребло ($6.8 \times 4.5 \times 1.7$ см) — из серого кварцита; на спинке ретушь, формирующая выпуклое лезвие (рис. 1, 2). У всех скребел край, противоположный рабочему, утолщен; в этом месте у некоторых экземпляров этого типа сохранилась корка гальки.

Интересно прямоугольное скребловидное орудие ($6 \times 2.9 \times 0.8$ см) из светлосерой яшмовидной породы; брюшко гладкое, выпуклая спинка тщательно выравнена несколькими узкими сколами (рис. 1, 4). По двум длинным краям и короткому прямому — мелкая ретушь. Другой конец слегка закруглен и имеет небольшие фасетки. Со стороны брюшка короткий прямой край преднамеренно сточен (заострен). На противоположном — видны следы подтески.

Мелкие скребки (3 экз.) сделаны на отщепках; полукруглый рабочий край у них со спинки обработан мелкой ретушью. Одно орудие несколько крупнее других и толще (рис. 2, 7). Два скребка более плоские, типа обычного для енисейского палеолита (рис. 2, 4, 5). Одно орудие из кремнистой породы, покрытое светлосерой патиной, представляет собой небольшой отщеп ($3.7 \times 2.9 \times 0.4$ см), у которого на одной стороне сохранилась корка гальки. Короткий полукруглый край превращен в лезвие скребка — обработан со спинки превосходной ретушью (рис. 2, 8). Боковой извилистый край со стороны гладкого брюшка имеет сегментовидную выемку. Вогнутость ее достигнута подправкой края отщепа — отделением мелких чешуек камня. Нуклеусов-скребков найдено три (рис. 2, 10 и 12). На боковой утолщенной части орудия находятся узкие параллельные фасетки. Дугообразно изогнутый край имеет следы подправки — мелкие сколы и иногда ретушь с заломами. Основание круто стесано. Размеры: длина 3—2.8 см, ширина 2.8—2.9 см, наибольшая толщина 0.9—1.2 см.

К срединным резцам можно причислить экземпляр, изображенный на рис. 2, 13; один конец его образован двумя сходящимися гранями. В этом месте орудия с обеих сторон заметны выщерблины, ниже — продольные, небольшие фасетки. Основание и боковая часть предмета утолщены и удобны для захвата рукой.

Заслуживает внимания орудие типа *pièce écaillée*, изготовленное из куска валунного кремня ($4.5 \times 2.3 \times 0.5$ см). Имеет фасетки от сколов на обеих поверхностях, желобчатую вогнутость и характерные заломы на противоположных краях одной стороны (рис. 2, 11).

Ножевидные пластинки представлены в коллекции экземплярами призматического типа (рис. 2, 6) с параллельным ограничением и экземплярами, суживающимися к одному концу, трехугольным в поперечном сечении (рис. 2, 3). Брюшко у всех пластинок гладкое. Имеются более крупные и мелкие экземпляры (рис. 2, 1). Обращает на себя внимание трехгранная пластинка, у которой по продольному краю — мелкая ретушь. Один конец обломан (рис. 1, 2).

Следует еще упомянуть об орудии ($7.8 \times 3.2 \times 0.9$ см) из темно-серого кварцита в виде клинка ножа с ретушью по острому лезвию. Брюшко гладкое (рис. 1, 6).

На одном отщепе по тонкому краю заметна ретушь от работы.

Своеобразной формы краевые сколы (со скребка или нуклеуса-скребка), трехгранные, слегка изогнутые (рис. 2, 9). По выпуклому краю — с одной стороны остатки фасеток, располагавшихся на спинке первоначального орудия; противоположная сторона — гладкая (брюшко). Верхняя грань имеет вогнутость (плоскость откола от орудия).

Костяные изделия на стоянке найдены не были. Следует лишь отметить ребро оленя с обломанными концами; по краям поперечные на-

сечки (рис. 1, 1). По одному краю они видны на протяжении 6 см (около 15 нарезок), по другому на 7 см, где их насчитывается 16. Глубина насечек около 1 мм. Некоторые из них располагаются на противоположных краях ребра оленя, друг против друга. Между отдельными нарезками одной линии имеются интервалы в 1—4 мм. Края ребра оленя от этих насечек имеют зазубренный вид, в некоторых местах видна стертость зубцов.

Среди расколотых костей, собранных на палеолитической стоянке, В. И. Громовым определены остатки следующих животных: северного оленя, песца, зайца и лошади. Наибольшее количество костей принадлежит северному оленю.

Комплекс находок с первой стоянки по р. Каче имеет аналогии в инвентаре других палеолитических местонахождений окрестностей г. Красноярска. Наряду с крупными скреблами мустьерского облика здесь были найдены мелкие призматические пластинки, резец, нуклеидные орудия и небольшие скребочки, указывающие на верхнепалеолитический возраст памятника (Мадлен).

Интересно отметить наличие орудия со вторичной обработкой не только спинки, но частично и брюшка (рис. 1, 4). Обращает также внимание весьма совершенная форма скребел из кремня и яшмы.

Небольшая коллекция предметов каменного инвентаря стоянки Кача I весьма типична и показывает, в каком направлении развивалась техника обработки камня в бассейне р. Енисея.

IV

Вторая палеолитическая стоянка находится на правом берегу р. Качи, у кирпичного завода, в $\frac{3}{4}$ км ниже впадения р. Бугач.

Здесь р. Кача течет в ю.-з. направлении. По левому берегу ее долина ограничена возвышенностью с крутыми склонами, одетыми лессовым чехлом. По правому берегу, выше поймы, видна надлуговая терраса (около 12—16 м). Вверху она сложена лессовидными суглинками (толщ. 5—10 м), а ниже песками и галечником. Лессовидные суглинки разрабатываются кирпичным заводом на выделку кирпичей. Здесь терраса прислоняется к коренному склону возвышенности, составляющему водораздел между р. Качею и ее притоком Бугач. К реке она понижается и достигает 10 м высоты.

Палеолитическая стоянка была расположена на древнем мысе, омываемом водами р. Качи, имевшей тогда более высокий уровень.

Около этого мыса, огибая его, теперь проходит дорога в д. Солонцы. Край террасы в рассматриваемом месте срезан выемкой, образовавшейся вследствие добычи глины местным населением.

Эта выемка имела длину 18.90 м, ширину 10.80 м и глубину свыше 4 м. У ее левого борта проходит временная дорога к карьерам кирпичного завода. В нескольких десятках метров выше по склону поверхность террасы частично распахана и засажена картофелем. К западу от выемки нижние забои кирпичного завода ограничивают этот участок террасы; эти карьеры по добыче глины прорезывают террасу до основания.

В августе 1940 г., при осмотре мною вышеупомянутой выемки, на глубине 3.5 м от поверхности в светлокорицеватом суглинке был обнаружен уголек.

Дальнейшая подчистка отвесной стенки выемки показала, что здесь находится слой, содержащий культурные остатки палеолита. Он имеет горизонтальное протяжение.

Культурный слой местами окрашен в серый цвет от присутствия золы; содержит вкрапления угольков, включения извести, расколотые кости животных и каменные осколки.

На стенке выемки серая окраска слоя, толщиной 2—3 см, была прослежена на 40 см в длину.

Иногда культурный горизонт палеолитического времени был замечен только по вкраплениям угольков, наличию обломков костей и каменных осколков и ясно выраженной окраски не имел. На стенке выемки хорошо видны отложения, слагающие террасу. Хотя при понижении склона террасы к реке, слои выклиниваются, но их литологические особенности и порядок напластования все же достаточно отчетливо прослеживаются. Геологическое строение террасы в этом месте следующее (сверху вниз):

1. Почвенный слой черного цвета	0.5 м
2. Коричневато-розовая пористая супесь, откалывается вертикальными стенками	0.55 м
3. Стоистые лессовидные супеси (песчано-глинистый переслой). Полоски серого глинистого песка толщиной до 7 см, мучнистые на ощупь, чередуются с переслойками более плотного розового суглинка	1.40—1.50 м
4. Светлокоричневый суглинок, с ржавыми пятнами. В нем культурный горизонт палеолита на 35 см. выше нижней границы слоя	1.30 м
5. Красно-бурый суглинок, более плотный и глинистый, чем слой 4. Имеет ржавые разводы. Попадают мелкие округлые камешки (величиной с горошину), включения извести, а также примазки угля ¹	1.15 м
6. Переслой:	
а) песка с мелкой галькой	0.15 м
б) чистого мелкозернистого песка	0.20 м
7. Речной галечник (прослежен в шурфе на глубину 0.55 м). Его бровка на 5 м выше современного уровня р. Качи.	

В дополнение к сделанному описанию напластований террасы, следует отметить находку в слое 5 (на 15 см ниже его верхней границы) небольшого обломка кости животного.

Для выяснения границ стоянки и характера группировки культурных остатков нами около борта выемки, где проходит временная дорога, было обнажено 3 кв. м площади культурного слоя. Этот разведочный раскол показал, что под полотном дороги и по обе стороны от нее залегают палеолитические остатки. Названная дорога при спуске с террасы местами проходит по культурному слою; верхние напластования здесь смыты и разрушены.

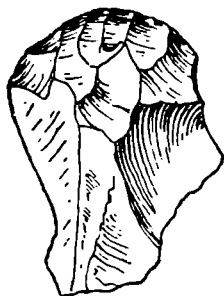

Рис. 3. Скребок со стоянки Кача II. Нат. вел.

На расчищенной площади культурного слоя было найдено около 230 каменных отщепов, нуклеидные куски галек, один скребочек с полукруглым краем (рис. 3), мелкие ножевидные пластинки и пр. Среди остатков фауны обращают на себя внимание обломки трубчатых костей мамонта с характерными искусственными расколами, пластинки от бивня этого животного и несколько фрагментов рогов косули. Был найден также обломок зуба носорога (по определению В. И. Громова).

Собрано большое число угольков, которые местами попадались целыми скоплениями и давали соответствующую окраску слою, содержа-

¹ Угольки из этого пласта отличаются рыхлостью, они более влажные и распадаются при прикосновении к ним.

этому культурные остатки. В выемке нами был прослежен только один край стоянки; культурные отложения, повидимому, будут обнаружены при шурфовке выше по склону (на площади, где картофель) и рядом.

Возможно, что западная часть стоянки разрушена нижним забоем кирпичного завода.¹

В 1940 г. при осмотре выемки этого карьера, который в этом году не разрабатывался, на дне его нами были обнаружены обломки костей мамонта, рога северного оленя и других животных, некоторые со следами искусственного раскола. На глубине 6 м от поверхности вырыта лопатка первобытного быка, торчавшая в одной из стенок забоя. Здесь береговой уступ повышается и мощность слоев, слагающих террасу, увеличивается.

На глубине 10 м от поверхности, в основании террасы, в сероватом илистом прослое² *in situ* найдена бедренная кость мамонта и некоторые другие части его скелета.³

V

Изучение геологических условий залегания двух описанных выше палеолитических стоянок в долине р. Качи позволяет сопоставить их друг с другом и сравнить с соседними памятниками этого времени в окрестностях г. Красноярска.

Обнаруженные нами палеолитические стоянки приурочены к различным уровням одной и той же террасы (III надпойменной, 16—20 м). Культурные остатки первой стоянки (Кача I) залегают выше переслоя глинистых песков с суглинком — в лессе типа «В» Афонтовой горы, покрывающем верх террасы. Другая стоянка (Кача II) была обнаружена под названным песчано-глинистым переслоем (слоистыми лессовидными супесями) на 1.85 м выше галечника, т. е. в нижней части террасы.

Нижняя (II) качинская стоянка по своему стратиграфическому положению относится к началу формирования уступа террасы (после накопления галечников), когда она представляла собой пойму. В ее культурном слое найдены остатки мамонта и носорога. Верхняя же стоянка (Кача I) свидетельствует уже о завершении аккумуляции террасы и отложения на ней покровных суглинков. Она может быть синхронизирована с верхним культурным горизонтом стоянок Афонтовой горы II и III.

Данные фауны и каменного инвентаря этому не противоречат.

Верхние стоянки Афонтовой горы до последнего времени относили к заключительной фазе енисейского палеолита (III группа стоянок по классификации В. И. Громова 1928 г.),⁴ к сухой послеледниковой эпохе, когда окончательно исчезли мамонты, отодвинулись к северу песцы и получили преобладание типично степные животные (дикие быки, лошади). Однако детальное изучение стратиграфии Афонтовой горы показывает, что ее культурные напластования нужно связывать не с 15—18-метровой террасой, а с 30—40-метровым уступом (В. И. Громов, 1939).

Новые данные, полученные мною при полевых работах в 1940 г., позволяют стоянки верхнего горизонта Афонтовой горы считать более древними, чем стоянки II группы (типа Переселенческий пункт), приуроченные ко 2-й надпойменной террасе (9—12 м).

¹ В 1939 г. на дне его находил расколотые кости четвертичных животных И. Г. Пидопличка, но предметов каменного инвентаря в этом месте соорано не было.

² Подстилает красновато-бурый глинистый слой с ржавыми разводами; ниже илистого прослоя — галечник.

³ Кости не имеют следов воздействия на них человека.

⁴ В. И. Громов. К вопросу о возрасте сибирского палеолита. Доклады АН СССР, № 10, 1928.

Следует вспомнить, что кости мамонта были найдены в слоях В₁ — В₂ на участке № 2 Афонтовой горы II, в верхнем культурном горизонте Афонтовой III (уч. № 7—14) и в обнажениях лесса по ключу Гремячему.¹

Лесс, содержащий эти остатки, покрывает рыхлую толщу 100-метровой террасы и спускается по склону в долину р. Качи и Енисея.

На стоянке Кача I найден характерный спутник мамонта — песок. Оба эти животные в верхних культурных слоях Афонтовой горы II и III встречаются реже, чем в нижних.

Палеолитические стоянки типа верхнего горизонта Афонтовой горы по характеру культурных отложений заметно отличаются от более древних. На их площади нет значительных скоплений кухонных остатков и предметов каменного инвентаря.

Каменные орудия, отщепы и расколотые кости животных группируются около небольших очагов. Остатки этих пепелищ, их расположение свидетельствуют о кратковременности стойбищ, состоявших, по видимому, из легких надземных жилищ (типа шалашей). На позднепалеолитических стоянках долины р. Енисея переход охотничьих групп к более подвижному образу жизни прослеживается еще отчетливее.²

Первобытные обитатели края охотились не только на берегах р. Енисея, но заходили и в глубь его долины. Следы их пребывания, вероятно, будут обнаружены еще выше по течению р. Качи, где имеются отложения лессовидных наносов и встречается четвертичная фауна (у д. Солонцы, д. Дроминой и д. Крутой). Геологи и археологи должны продолжить изучение палеолита в районе г. Красноярска.

С. Н. ЗАМЯТНИН

МИНИАТЮРНЫЕ КРЕМНЕВЫЕ СКУЛЬПТУРЫ В
НЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Любопытная группа древних памятников, являющаяся предметом настоящей публикации, стала известна с конца семидесятых годов прошлого столетия, когда были развернуты подготовительные работы по устройству знаменитой Антропологической выставки 1879 г., сыгравшей такую крупную роль в изучении первобытного прошлого нашей страны. Именно в связи с этими подготовительными мероприятиями были поставлены у нас, по существу—впервые, широкие и систематические исследования неолитических местонахождений и сборы коллекционного материала на них.

И уже первые же работы в этом направлении ознакомили нас с наличием в кремневом инвентаре неолитических стоянок северной половины Европейской России своеобразных фигурных изделий из кремня.

Н. К. Зенгер, посетивший в июне 1877 г. по поручению Комитета по устройству выставки селение Зимнюю Золотицу на берегу Белого моря, в числе неолитических коллекций, собранных там, вывез известное кремневое изображение тюленя, и поныне являющееся одним из лучших памятников этого рода.¹

Хранителю Зоологического музея Казанского университета Э. Д. Пельцаму, занимавшемуся по поручению Комитета собиранием коллекций для выставки, удалось приобрести две сходного характера кремневые фигуры с одной из неолитических стоянок в окрестностях Казани.² Наконец целая серия подобного рода изображений была собрана на обширной Волосовской стоянке близ Муромы энергичным местным исследователем П. П. Кудрявцевым.³

Все эти находки были экспонированы в Москве в 1879 г.,⁴ и с ними могли ознакомиться как русские исследователи, так и ряд присутствовавших на выставке иностранных гостей, в числе которых были Г. де Мортилье, Э. Шантр, Г. Ванкель, И. Р. Аспелин и др.

Несколько позднее большая часть из этих находок была воспроизведена в капитальной работе А. С. Уварова, получившей широкое распространение.⁵ Однако, в дальнейшем интерес, а в известной мере и доверие к фигурным поделкам были подорваны в связи с развернувшейся с середины восьмидесятых годов полемикой по поводу пресловутых кремней Бреонио

¹ Известия ОЛЕАЭ, т. XXVII, М., 1878, стр. 232.

² Известия ОЛЕАЭ, т. XXXV, ч. 1, М., 1879, стр. 78.

³ Там же, стр. 389.

⁴ Известия ОЛЕАЭ, т. XXXV, ч. 2, М., 1880. Описание предметов выставки. Отдел доисторических древностей (стр. 1—30). В каждом отделе каталога—особая пагинация.

⁵ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период. М., 1881, т. I, стр. 323—324, т. II, табл. 14 и 16.

В рецензии на посвященную веронским находкам публикацию Л. Пигорини, в которой последний сослался, как на единственную более или менее близкую аналогию к издаваемым материалам, на опубликованные в атласе Уварова наши фигурные кремни, де Мортилье категорически заявил, что цитированные Пигорини русские находки поддельны и что хотя А. С. Уваров и воспроизвел их в своем труде, но воздержался от экспозиции их в Историческом музее.¹ (Последнее утверждение основано на очевидном недоразумении). Полгода спустя Мортилье, в статье, специально посвященной обзору фальсификаций археологических памятников, повторил в столь же категоричной и столь же общей и голословной форме утверждение о поддельности «опубликованных Уваровым вещей»,² причем в статье, между прочим, была воспроизведена по Уварову фигурка, доставленная Пельцамом из Казани. Столь решительные, хотя и необоснованные высказывания крупнейшего авторитета того времени не могли не оказать своего влияния. Правда, знакомство с условиями нахождения первых ставших известными кремневых скульптур, упомянутых выше (почти одновременные открытия в пунктах, разделенных огромными пространствами; находки не только случайные, но и сделанные лично Кудрявцевым, и т. д.), устраняло поводы для каких-либо сомнений,³ но внимание к ним значительно падает. Со времени издания первых беломорских, волосовских и казанских кремневых изображений очень незначительное число новых находок фигурных кремней было введено в научное обращение. Нередко в дальнейшем находки подобного рода остаются неописанными и невоспроизведенными или лишь упоминаются попутно в отчетах исследователей. Постепенно, однако, накапливались все новые и новые кремневые скульптуры, расширялись сведения об области их распространения. Отпадают и последние сомнения в их подлинности у западных авторов.⁴ Фигурные кремневые поделки становятся привычной находкой и рассматриваются как «одна из важных руководящих форм нашей северно-русской неолитической культуры»⁵ и как таковые находят свое место и краткое упоминание в общих характеристиках неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

Но до настоящего времени эти интереснейшие и теперь уже достаточно многочисленные памятники прошлого не были предметами специального изучения, хотя безусловно того заслуживают.

¹ Les objets russes cités sont malheureusement des faux, qui sont représentés, c'est vrai, dans l'ouvrage d'Ouvaroff, mais que le célèbre archéologue russe n'a pas introduit dans le Musée de Moscou. L'Homme, journal illustré des sciences anthropologiques, 2-me année, № 5, 10/III, 1885, стр. 154.

² G. de Mortillet. Faux paléoethnologiques. Там же, № 17, 10/IX, 1885, стр. 513—526.

³ Сомнений в подлинности наших фигурных кремней, и в эти дни атаки на них со стороны Мортилье, никто из русских исследователей, насколько мне известно, в печати не высказывал. Можно лишь упомянуть о протесте П. П. Кудрявцева против устно выраженного И. С. Поляковым (возможно, под давлением авторитета Мортилье) сомнения и против того, что, публикуя материалы по Волосовской стоянке, Поляков фигурные кремни обошел молчанием. См. П. П. Кудрявцев. К материалам о доисторическом человеке каменного века в. Оки. Тр. СПб. О-ва естествоиспытателей, т. XIV, вып. 1, СПб., 1883, стр. 219—233.

⁴ Роберт Мурро в монографии, посвященной вопросу о подделке древностей (R. Munro. Archaeology and False Antiquities. Лондон, 1905), останавливаясь специально на Волосовской стоянке (стр. 73—80), подтверждает подлинность происходящих из нее кремневых скульптур и приводит ставшие известными в его время аналогии. Многие западноевропейские авторы, частью цитируемые ниже, приводят в своих работах наши кремневые фигурки, главным образом Волосовские и Золотичские.

⁵ П. П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и в Новгородской губ... РАЖ, 1916, кн. 37/38, стр. 75.

Как и разделявшие с ними до недавнего времени печальную участь полузабвения наскальные изображения Карелии, неолитические кремневые скульптуры могут внести не один яркий штрих в изучаемую картину далекого прошлого нашей страны.

Уже простой просмотр более или менее широкой серии кремневых изображений заставляет более внимательно отнестись к этим любопытнейшим памятникам нашего северного неолита, по-новому оценить значение, которое они могут иметь для изучения верований и искусства неолитического населения северо-восточной Европы, для прослеживания культурных связей и преемственности и т. д.

Однако даже беглое ознакомление с репертуаром известных кремневых изображений значительно затруднено благодаря разбросанности отдельных изображений по множеству отдельных публикаций, различного масштабу и разной технике репродукции, к тому же, подчас, весьма неудовлетворительной, а иной раз и вообще отсутствию какого-либо рисунка.

Еще труднее ознакомиться с кремневыми скульптурками по оригиналам, ибо они разбросаны в единичных экземплярах по целому ряду как столичных, так и провинциальных музеев, а частью попали даже и за границу. Безусловно, эта труднодоступность материала является также одной из причин недостаточного внимания к нашим кремневым фигуркам.

Заинтересовавшись кремневыми изображениями, я довольно давно начал подбирать попадавшиеся о них сведения, однако вовсе не имея в виду какой-либо публикации. Но постепенно накопившийся материал оказался настолько любопытным и выразительным, что издание его представляется мне вполне своевременным, хотя бы для того, чтобы привлечь к этим памятникам внимание, которое они полностью заслуживают.

Должен, однако, с самого начала оговориться, что накопленный материал далеко не равноценен по качеству. Ознакомиться *de visu* (хотя бы и бегло) я мог далеко не со всеми изображениями, а лишь с меньшей их частью, в основном же должен был пользоваться как опубликованным иллюстративным материалом, так и сообщаемыми мне зарисовками и фотографиями, понятно, весьма различными по выразительности и даже точности.

Прилагаемые к этой работе схематические рисунки выполнены, для облегчения сравнения в одной технике и, по возможности, в одном масштабе. Однако следует помнить, что в основе их лежит неодинаковый материал — от оригинального кремня до не вполне четких фотографий или рисунка.

Затем два слова относительно объема привлекаемого материала. В следующем ниже обзоре регистрируются, в основном, кремни изобразительного характера в узком смысле этого слова, т. е. воспроизводящие фигуры человека, животных, птиц, рыб, пресмыкающихся, и лишь в самом ограниченном числе привлекаются изображения геометрических очертаний, преимущественно такие, изобразительный и символический характер которых не вызывает сомнения.

Кремневый инвентарь неолита с ямочно-гребенчатой керамикой вообще изучен и описан в совершенно недостаточной мере. Недостаточно четким является и распространенное определение «фигурные кремневые годелки», в число которых отдельными исследователями включаются весьма различные по характеру кремни.

С одной стороны, в это понятие входят изобразительные кремневые скульптуры, о которых у нас идет речь, с другой — все изделия свое-

образных очертаний, представленные не сериями, а единичными экземплярами, функциональное значение которых не поддается определению, в том числе явные орудия.¹

Понятно, что в этих условиях грозит опасность включить в рассмотрение совершенно различные категории изделий и запутать разрешение вопроса об их значении.

Поэтому, относясь значительно строже к включению в обзор кремневых фигурок символического характера, я, весьма вероятно, опустил целый ряд вещей, которые в дальнейшем придется рассматривать, как имеющие изобразительный характер.

Однако при настоящем состоянии наших знаний это пока неизбежно.²

Наконец, приходится также отметить и то, что полнота приводимых мною сведений заставляет желать большего.³ Не сомневаюсь, что в собраниях провинциальных музеев, конечно, хранится не одна еще неопубликованная находка подобного рода. Сказывается и неравномерная изученность отдельных территорий, что легко обнаруживается при первом же взгляде на карту распространения кремневых изображений.

Нами могут быть указаны около тридцати неолитических местонахождений, доставивших находки кремневых скульптур, причем с некоторых стоянок происходит не одно, а несколько изображений.

Область их распространения охватывает всю северную половину Европейской части СССР, от побережья Белого моря и Большеземельской тундры на севере, до Волги в широтной части ее течения (от верховьев до Казани) и среднего течения Оки и Суры и от Валдайской возвышенности до Камы.

Находки располагаются неравномерно на этом обширном пространстве и, естественно, более многочисленны в лучше изученных районах (рис. 1).

В настоящее время я располагаю сведениями о следующих находках кремневых изображений:

1. Село Зимняя Золотица, Архангельской обл. Известная и неоднократно исследованная стоянка на Зимнем берегу Белого моря, близ устья одноименной селу реки. Отсюда происходит семь кремневых изображений из разновременных сборов Н. К. Зенгера в 1877 г., А. В. Маркова в 1901 г. и шведского исследователя Гальштрема в 1910 г.

а) Изображение тюленя, великолепно обработанное двусторонней отжимной ретвутью, длина 11 см. Один ласт слегка обломан. Контуры изображения мягкие, характер его весьма реалистичный. Эта, первая ставшая известной, фигурка и поныне остается одним из лучших образцов подобного рода изделий.

Сборы Н. К. Зенгера в июне 1877 г.⁴ Гос. Исторический музей в Москве, коллекция 209, № 70. (Рис. 4, 11).

¹ Так, например, в эту же категорию иногда включаются достаточно распространенные небольшие серповидные орудия, обработанные двусторонней тщательной отжимной ретвутью и на одном конце имеющие признаки укрепления в рукоятке. Техническое назначение изделий не вызывает сомнения. Область распространения этих орудий также не вполне совпадает с областью кремневых изображений и имеет более широкие границы.

² Не исключена, конечно, и обратная возможность попадания в обзор единичных кремневых изделий технического значения, но она, по крайней мере, гораздо менее вероятна.

³ Некоторые из имевшихся у меня сведений и рисунков, утраченных за годы блокады Ленинграда, я не смог восстановить, а данные, сохранившиеся в памяти, — недостаточны, чтобы ими манипулировать в печати.

⁴ Н. К. Зенгер. Отчет о поездке на север России. Изв. ОЛЕАЭ, т. XXVII, М., 1878, стр. 232.

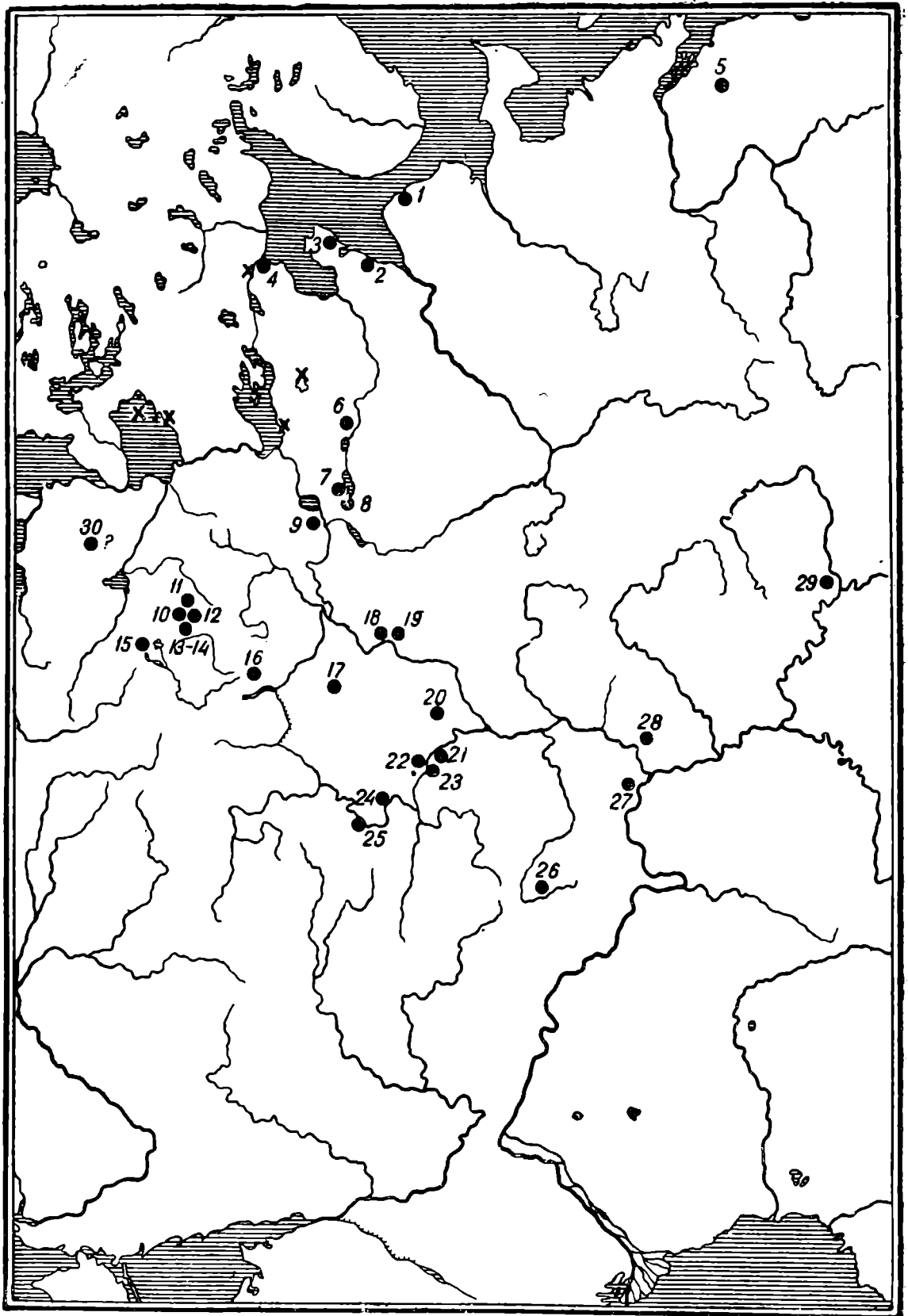

Рис. 1. Карта распространения неолитических кремневых скульптур.

1 — Зимняя Золотипа; 2 — Красная Гора; 3 — Усть-Ярanga; 4 — Вып-Остров; 5 — Колва-Виз; 6 — Кубенино; 7 — Мо-лона; 8 — Чиронда; 9 — Ферапонтово; 10 — Мстисло; 11 — Пирс; 12 — Болгое; 13 — Алексеевское; 14 — Вышний Волочек; 15 — Иззедово; 16 — Дуденцево; 17 — Уница; 18 — Борань; 19 — Станок; 20 — Хламовиха; 21 — Волосо; 22 — Панфилово; 23 — Плеханов бор; 24 — Аберду; 25 — Корнеец; 25 — Пелза; 27 — Сюкеево; 28 — Казань; 29 — Курья; 30 — Луга (?). Знаком X отмечены местонахождения наскальных изображений.

б) Изображение хищного животного, тяжелая крупная морда, опущенная вниз, выпуклый лоб, передает, повидимому, медведя; дл. 10 см. Той же техники и манеры исполнения, что и предыдущее, но в отличие от первого, передающего животное в фас (или, как бы, в плане), это изображение строго профильное. Сборы А. В. Маркова 1901 г.¹ Гос. Исторический музей, колл. 209, № 69. (Рис. 4, 3).

с) Такое же профильное изображение хищника, но с небольшой головой, острой, направленной вперед мордой, торчащими ушами; хвост короткий, четко намечен. По В. И. Смирнову — изображение песца. Не решаюсь категорично подтвердить это определение, скорее это — белый медведь, как полагает Гальштрем.² Сборы Г Гальштрема; размер точно не известен. Оригиналы, как этой, так и описываемых ниже находок из Зимней Золотицы, находятся в Стокгольме. В Архангельском музее хранится альбом фотографий с предметов коллекции Гальштрема, вывезенной за границу. По этому альбому изображения животных из Золотицкой стоянки в собрании Гальштрема были не так давно воспроизведены в статье В. И. Смирнова.³ (Рис. 4, 2).

д) Профильное изображение лося. Несмотря на схематичность фигурки, превосходно переданы характерные очертания головы животного. Точный размер неизвестен. Собрание Гальштрема; Стокгольм.⁴ (Рис. 4, 5, видимо меньше нат. вел.).

е) Фигурка лежащего моржа. Изображение профильное, схематичное. Намечены характерные клыки животного (может быть, на оригинале несколько обломаны?). Собрание Гальштрема; Стокгольм.⁵ (Рис. 4, 14).

Кроме трех указанных изображений в собрании Гальштрема, А. А. Спицыным⁶ отмечены в схематичных зарисовках еще два кремня геометрических очертаний.

ф) Кремень довольно сложных очертаний, весьма вероятно изобразительного характера, серповидно-изогнутый с двумя выступами на вогнутой стороне.

г) Видимо, фрагмент (нижняя часть) поделки, сходной с предыдущей.

2. Село Красная гора, Архангельской области, на Летнем берегу Белого моря. Также неоднократно подвергавшаяся исследованию стоянка, в 2 км от села, близ устья р. Чукчи. С нее имеется лишь один, довольно невыразительный «фигурный кремень» на удлиненной пластинке с рядом выемок и выступов. Известен мне лишь по схематическому рисунку в картотеке А. А. Спицына.⁷

3. Село Усть-Яренга, Архангельской области, Летний берег Белого моря. В коллекции К. П. Рево, собранной на этом местонахождении и хранящейся в Гос. Историческом музее в Москве, имеется великолепная по технике, не уступающая золотницким, фигурка медведя (в плане), недавно воспроизведенная в работе В. И. Смирнова.⁸ (Рис. 4, 7). Гос. Исторический музей, Москва.

¹ Краткий путеводитель по [Гос. Историч.] Музею. 2-е изд., М., 1921, стр. 47.

² Г Гальштрем. Исследование каменного века у Белого моря и Онежского озера в 1910 г. Изв. XV АС в Новгороде, М., 1911, стр. 72.

³ В. И. Смирнов. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области. СА, IV, стр. 171 (рис. 1). К сожалению, фотография издательством была грубо и неумело ретуширована и фактура предметов — неузнаваемо искажена.

⁴ Там же, рис. 2.

⁵ Там же, рис. 5.

⁶ Картотека А. А. Спицына. Папка 280. Архив ИИМК, Ленинград.

⁷ Там же.

⁸ В. И. Смирнов, ук. соч., стр. 198 и рис. 4.

4. Село Выг-Остров, в Карело-Финской ССР, близ устья р. Выг. При раскопках в 1929 г. А. Я. Брюсовым небольшой стоянки, расположенной на острове Шойрукшин, на котором находятся известные наскальные изображения «Бесовы следки», в нижней части культурных отложений была найдена небольшая кремневая фигурка четвероногого животного, которое автор находки объясняет как изображение ящерицы. Фигурка тщательно обработана двусторонней отжимной ретушью. Длина ее 4,8 см.¹ Гос. Исторический музей, Москва. Одна из немногих фигурок, добытых раскопками из культурного слоя, а не поднятая на песчаных выдувах.

Весьма интересно совпадение места находки с месторасположением наскальных изображений. (Рис. 5, 16).

5. Река Колва-Вис (приток р. Колвы) в Большеземельской тундре. Ненецкий национальный округ, Архангельской области.

На одном из многочисленных местонахождений неолитического времени, открытых в 1939 г. в Большеземельской тундре геологом Г. А. Черновым, наряду с другими находками была обнаружена поломанная кремневая скульптурка (верхняя часть), представляющая фигуру человека.² Существенно важная находка, значительно расширяющая область распространения находок кремневых изображений в нашем северном неолите.

6. Стоянка в уроч. Кубенино близ Каргополя, Архангельская область. Среди обильных материалов, собранных раскопками М. Е. Фосс на этой стоянке в 1928—31 гг., наряду с серией костяных и глиняных скульптур, указывается и одна кремневая, к сожалению, сохранившаяся в очень фрагментарном состоянии, не позволяющем составить достаточное суждение о ее первоначальном виде.³ Вполне возможно и техническое назначение этого кремня. (Рис. 5, 12).

7. Река Модлона. На известном неолитическом местонахождении, на котором в 1938 г. А. Я. Брюсовым были обнаружены остатки свайного сооружения,⁴ в 1945 г. тем же исследователем была найдена великолепная кремневая скульптурка, изображающая водоплавающую птицу (повидимому, утку). Длина фигурки 8 см; обработана по всей поверхности отжимной ретушью. (Рис. 5, 4).

8. Село Чаронда, Чарондского р-на, Вологодской области. На стоянке на берегу Чарондского (Воже) озера, в 1½ км от села, в урочище «Три сосны», раскапывавшемся в 1929 г. М. Е. Арсаковой, в культурном слое была найдена кремневая скульптурка, изображающая человеческую фигуру. Высота ее 5,5 см; обработана отжимной ретушью. Крупная круглая голова, длинная шея, руки показаны в виде небольших полукруглых выступов; ноги слегка обломаны. Череповецкий краеведческий музей, инв. № 290. (Рис. 2, 20)⁵ Отсюда же в музее имеется еще один фрагмент человеческого изображения, происходящий из случайной находки.

¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Тр. ГИМ, вып. IX, М., 1940, стр. 280; ср. ESA, X.

² Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека из рр. Колва, Колва-Вис и Сандибей-ю, в Большеземельской тундре. КСИИМК, вып. IX, Л., 1941, стр. 106 и рис. 25, 8.

³ М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, V, Л., 1940, стр. 47 и табл. VII, рис. 19.

⁴ А. Я. Брюсов. Отчет о раскопках 1938—1939 гг. Свайное поселение на р. Модлоне. Тр. ГИМ, вып. XII, М., 1941, стр. 5—20. Упомянутой фигурке тем же автором посвящена специальная статья в «Кратких сообщениях ИИМК», пока мне недоступная. Приводимый рисунок выполнен по карандашному наброску, любезно сообщенному мне М. Е. Фосс.

⁵ Сведениями об этой и следующей находке, а также приводимыми здесь рисунками я обязан любезности заведующей фондами Череповецкого музея Н. А. Бухариной.

9. Село Ферапонтово, Кирилловского р-на, Вологодской области. На огороде в одной из усадеб, расположенных близ б. Ферапонтова монастыря, в 1929 г. была случайно найдена фигурка белого кремня, также представляющая человека. Обработка по всей поверхности отжимной ретушью. Высота 5.5 см. Пропорции частей тела более соразмерные, чем в предыдущем изображении. Небольшая овальная голова; подчеркнут сильно выпуклый живот. Одна нога слегка обломана. (Рис. 2, 9). Череповецкий краеведческий музей, инв. № 316.

Целый ряд находок кремневых изображений доставили стоянки на озерах Валдайской возвышенности:

10. Озеро Мстино близ г. Вышнего Волочка. Раскопки и сборы Н. К. Рериха, летом 1905 г., доставили ему отсюда четыре кремневых фигурки.¹ Согласно указанию исследователя, три из них найдены были им лично.

а) Схематичная человеческая фигурка (рис. 2, 3) желтоватого кремня, приготовленная из удлиненной ножевидной пластинки. Одна поверхность полностью обработана тонкой отжимной ретушью, обратная — гладкая.

Прямолинейные очертания тела, возможно, зависят от исходного материала, но, возможно, что передают длинную, просторную одежду. Высота 6.3 см. (Эрмитаж?).

б) Сходное изображение, обработанное также лишь с одной стороны, из серого кремня, несколько меньшего размера. Высота 4.4 см. Голова слегка обломана. Как и у предыдущей — длинная шея, слабо намеченные короткими выступами руки и ноги. (Рис. 2, 4).

в) Фигурка из серого кремня, весьма близкая по характеру к двум предыдущим (рис. 2, 5), отличная от них присутствием ниже пары выступов, обозначающих руки, другой пары таких же выступов, видимо передающих груди, и таким образом подчеркивающих, что изображена женщина, на что обратил внимание А. А. Спицын (ук. соч., стр. 234). Высота 5.2 см. Нижняя сторона, как и на предыдущих экземплярах, без вторичной обработки.

д) Своеобразное изображение из бурого кремня, в форме дугообразной узкой пластинки, от внешней стороны которой отходят пять приостренных выступов (рис. 6, 5), расположенных не вполне симметрично; один из выступов обломан. Высота 4 см. Поверхность сплошь обработана отжимом. А. А. Спицын, сравнивавший фигурку по форме с рогом оленя, склонен был все же приписать ей техническое назначение. Объяснение этого изображения, не являющегося единичным и среди кремневых поделок, надоискать в группе сходных начертаний карельских петроглифов.

е) Кроме этих четырех кремневых изображений (а, б, в и д), следует упомянуть наличный в коллекции (хотя и не отнесенный к данной группе) единичный экземпляр наконечника стрелы, на острие которой, по выражению Л. Капитана, как бы насажен меньший, треугольный наконечник.² С подобными поделками еще придется встретиться в других местонахождениях.

¹ Сведения о работах Н. К. Рериха см.: P. A. Pou ti a t i n. *Présentation de nombreux objets préhistoriques, provenant de fouilles exécutées en Russie. Congrès Préhistorique de France, C.-g. de la I Sess. Périgueux — 1905.* Париж, 1905, стр. 145—150 (напечатано письмо Н. К. Рериха). Фотографии с находок и описание их приведены в статье А. А. Спицына: Из собрания Н. К. Рериха. ЗОРСА, т. VII, вып. 2, стр. 233—234. А. М. Талльгрэн (*Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ost-Russland*, стр. 73) ошибочно относит кремневые фигурки из Мстино к известной стоянке Коломцы близ Новгорода.

² П у т я т и н, ук. соч., стр. 148.

11. Озеро Пирос. Здесь Н. К. Рерих начал исследования в 1904 г. Из его сборов в 1905 г. мы имеем:

а) находку одного небольшого человеческого изображения из серого кремня. Как и находки с оз. Мстино, эта фигурка с верхней стороны сплошь обработана отжимом, с нижней же — плоской оставлена без вторичной обработки. Высота фигурки 3.8 см. Одна нога и одна рука наполовину обломаны. (Рис. 9, 21).¹

б) Другая, весьма интересная фигурка происходит из сборов, производившихся здесь в 1911 г. в студенческие годы П. П. Ефименко. Изображение передает, видимо, сложный, мифологический образ получеловека-полурыбы (рыбий хвост, плавник на спине и круглая голова, как она воспроизводится на человеческих изображениях; отпадает предположение о тюлене, поскольку они на Валдайской возвышенности не водятся). (Рис. 3, 4.). Длина фигурки 5.7 см. Кремль светлокоричневого (табачного) цвета, с серовато-зелеными пятнами. Изображение изготовлено из пластинки; ретушь лишь по контурам; на голове сохранился участок корки желвака кремня; нижняя сторона гладкая. Эрмитаж, колл. 280, № 411.

12. Озеро Бологое.

а) Из старых раскопок П. А. Путятин в Эрмитаже имеется небольшое изображение, изготовленное из пластинки табачно-желтого кремня. Очертания фигурки довольно сложные и неопределенные (рис. 3, 5); от интерпретации ее воздерживаюсь до подыскания аналогий в иконографическом материале нашего северного неолита. Можно, пожалуй, в ней видеть схематическое изображение человеческого тела с головой животного (?) или птицы (?). (Рис. 3, 5). Ретушь только по контуру, но частью и с нижней, плоской стороны. Длина 2.8 см. Эрмитаж, колл. 119, № 411.

б) Другая фигурка на Бологом была найдена в 1936 г., во время экскурсии студентов Гос. Ленинградского университета под руководством П. Н. Третьякова.

Изображение представляет весьма схематичную человеческую фигуру, с круглой головой, прямолинейным туловищем и слабо намеченными ногами; руки совсем не обозначены. Кремль розовато-серый.

Длина ок. 4 см.; изображение изготовлено из пластинки, ретушь только по контуру. Археологический кабинет, Исторический факультет Ленинградского Гос. университета.

13. Село Алексеевское. Обильные сборы учителя школы в с. Алексеевском, Вышневолоцкого р-на, Н. И. Гумилевского, хранящиеся в школьном музее, происходят с ряда стоянок в окрестностях села, главным образом, по берегам оз. Тубос, Пудоро и Мошевичское.²

Среди этих материалов имеются и кремневые изображения, в том числе:

а) крупная поделка в виде диска с зубчатыми выступами. Поперечник 5 см. (Рис. 6, 19).

б) Человеческая фигурка, обычной трактовки, высота 4.2 см. (Рис. 2, 13).

с) Другое, более крупное человеческое изображение, несколько фрагментированное (обломаны верхняя часть головы и ноги). Высота (в современном виде) 4 см. (Рис. 2, 25).

д) Также фрагментированное изображение, несколько более сложное; возможно — женское изображение, подобное фигурке с из Мстино. (Рис. 7, 6). Высота 3 см.

¹ А. А. Спицын, ук. соч.

² П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, вып. 106, Л., 1933. На стр. 105 — карта стоянок.

е) Кроме четырех перечисленных, в собрании Гумилевского находится еще пять менее выразительных фигурных кремней, возможно лишь только частью имеющих изобразительный характер.¹

14. Видимо, с одного из озер в районе Вышнего Волочка происходят две кремневые фигурки из собрания Н. К. Рериха, хранящиеся ныне в Эрмитаже (колл. 1488):

а) Небольшое изображение утки или какой-либо другой водоплавающей птицы, из темного слегка просвечивающего кремня, без патины, обработанное тонкой отжимной ретушью с обеих сторон.

б) Изображение не вполне ясное, возможно передающее какое-либо растение. Изготовлено из пластинки. Ретушь лишь по краю, хотя и с обеих сторон. Длина 5 см. (Рис. 7, 3).

15. Село Извезово, Осташковского района, Калининской области. Старая находка, впервые отмеченная в печати Ю. Айлио² и позже воспроизведенная им же в схематическом рисунке.³ Скульптурка изображает ящерицу, на тщательно выделанных лапках намечены когти; голова и хвост, к сожалению, обломаны. Обработка отжимной ретушью по всей поверхности. Длина 7,3 см. (Рис. 5, 13). Калининский областной краеведческий музей.

16. Дер. Дуденево, Калининской обл. Во время раскопок, проводившихся в 1939 г., на левом берегу Волги в 20 км от Калинина студентами Калининского педагогического института, под руководством А. Н. Вершинского, в полуразрушенной землянке (видимо при сооружении разрушившей более древние культурные отложения), вместе с более поздними фрагментами тонкостенной лепной неорнаментированной керамики, обнаружено кремневое изображение животного, видимо медведя, у которого на спине помещена дополнительная фигура в виде полумесяца, обращенного концами вверх. Размеры фигурки 6 × 5 см. Фигурка изготовлена из широкого тонкого отщепа; ретушь преимущественно по контуру и лишь частично заходит на поверхность. Калининский обл. краеведческий музей. (Рис. 6, 21).

17. Уница — пригородная слобода г. Ростова, Ярославской обл. Стоянка на берегу оз. Неро, раскапывавшаяся в 1923—1924 гг. Д. Н. Эдинггом, доставила превосходно сделанную человеческую фигурку, выс. 4,7 см, тщательно обработанную отжимом по всей поверхности. Одна рука и одна нога слегка обломаны. Свообразны очертания головы с двумя полукруглыми выступами (уши звериной маски?; форма головного убора?). Ростовский краеведческий музей (Рис. 3, 7).⁴

18. Урочище «Борань», на р. Касти, близ озера Великого, за дер. Вежи, Костромского уезда — В. И. Смирнов упоминает мельком о находке кремневой фигурки.⁵

В картотеках А. А. Спицына имеется зарисовка боранской фигуры, напоминающей листовидную стрелку, на острие которой посажен меньший наконечник ромбической формы. Нижняя часть, видимо, обломана.⁶ Поделка, сходная с отмеченной Л. Капитаном в коллекциях Рериха с оз. Мстино (см. выше).

¹ С материалами из собрания Н. И. Гумилевского я знаком по фотографиям, предоставленным мне В. В. Федоровым, научным сотрудником Музея этнографии АН СССР.

² J. Ajlio. Journal de la Soc. Finno-Ougrienne, т. XXIII, стр. 4, Хельсинки, 1906.

³ J. Ajlio. Fragen der russischen Steinzeit. Хельсинки, 1922, стр. 109.

⁴ Приводимый рисунок сделан по фотографии, любезно предоставленной Д. Н. Эдинггом.

⁵ В. И. Смирнов, ук. соч., стр. 202. — Он же. Население Костромского края в прошлом и настоящем. Кострома, 1926.

⁶ Картотека А. А. Спицына. Папка 285. Архив ИИМК, Ленинград.

19. Стоянка «Станок» в окрестностях Костромы также упоминается В. И. Смирновым, как доставившая кремневую фигурку.¹

20. Стоянка в уроч. «Халамониха», близ дер. Липовская-усадьба, Вязниковского р-на, Ивановской обл. Раскопки О. Н. Бадера в 1927 г., доставившие обильные находки, залегавшие в мощном культурном слое, и среди них:

а) Небольшую (выс. 3 см) схематичную человеческую фигурку из серого кремня, имеющую обработку ретушью лишь по контуру изображения (рис. 2, 15).

б) Превосходно сделанную двусторонней отжимной ретушью небольшую лунницу, один конец которой слегка обломан. (Рис. 6, 9). Кремень серый, как и в предыдущем изображении. Длина сохранившейся ее части — 4 см.

Обе хранятся в Эрмитаже. Коллекция № 70, №№ 200 и 201.

(Следует отметить, что в числе находок культурного слоя Халамо-ники имелось медное шило).

21. Село Волосово, Муромского р-на, Горьковской обл. Известнейшая стоянка, доставившая в течение ряда лет значительную серию кремневых изображений.

В распоряжении неутомимого собирателя П. П. Кудрявцева уже в начале восьмидесятых годов прошлого столетия было до 15 экземпляров кремневых изображений.² Благодаря хорошим рисункам, опубликованным Кудрявцевым в отчетах состоявшегося в 1892 г. в Москве Международного конгресса доисторической археологии и антропологии,³ волосовские фигурки стали наиболее популярными из всех памятников этого рода, наиболее часто цитируемыми в специальной литературе.

Кудрявцевым не были описаны и воспроизведены полностью имевшиеся у него кремневые фигурки. Некоторые из них были воспроизведены в атласе А. С. Уварова.⁴ Другие и до наших дней ни разу не воспроизводились, хотя частью и упоминались в печати.

В дальнейшем систематически ряд лет собирал коллекции находок из Волосова В. М. Иверсен, опубликовавший лучшие вещи своего собрания, в том числе и ряд кремневых фигурок.⁵

Отдельные вещи, в том числе и кремневые фигурки, имелись и в других собраниях, напр. у Н. К. Рериха.⁶

Собрание П. П. Кудрявцева еще при его жизни расплылось; в настоящее время вещи из его сборов имеются в Антропологическом музее Московского университета, в Государственном Историческом музее, в Геологическом кабинете Ленинградского университета и др. (упоминаю лишь собрания, в которых имеются кремневые фигурки; в этих же собраниях есть и волосовские вещи других собирателей). Ряд волосовских кремневых фигурок имеется в Гос. Эрмитаже, главным образом из собрания В. Н. Иверсена. Несколько кремневых фигурок, главным

¹ В. И. Смирнов, уч. соч., стр. 202.

² П. П. Кудрявцев. К материалам о доисторическом человеке каменного века реки Оки. Тр. СПб. общ. естествоисп., т. XIV, вып. I, СПб., 1883, стр. 219—233, особенно стр. 226 и 227.

³ P. Koudriavtzev. Les vestiges de l'homme préhistorique de l'âge de la pierre près du village Volosova. Congrès Internat. d'arch. et d'anthrop. préhist. à Moscou. С.-г., т. II, стр. 233—262.

⁴ Ук. соч., табл. 14 и 16.

⁵ В. М. Иверсен. Заметки о Волосовской стоянке доисторического человека. Вестник археологии и истории, издаваемый С. Петербургским археологическим институтом, вып. XII, СПб., 1899, стр. 68—72, с фототипической таблицей. — Он же. Новые вещи Волосовской стоянки доисторического человека. ЗОРСА, т. V, вып. I, СПб., 1903, стр. 235—239, с 1 фототипической табл.

⁶ А. А. Спицын, ук. соч., стр. 233, рис. 6.

образом из более поздних находок, имеется в Муромском краеведческом музее. Мне известно местонахождение не всех опубликованных ранее волосовских фигурок, находившихся в частных собраниях. Некоторая часть их так и не попала в наши музейные собрания.

Со времени сборов П. П. Кудрявцева количество кремневых изображений из Волосова более чем удвоилось; мне удалось учесть 37 волосовских кремневых изображений, не считая примерно десятка кремней, изобразительный характер которых является проблематичным. Таким образом, Волосово доставило свыше трети всех наличных в настоящее время находок кремневых скульптур нашего северного неолита.

Репертуар изображений разнообразен и охватывает все известные виды последних (человек, животные, птицы, рыбы, символические фигуры). Различна и техника отдельных изображений, видимо не одновременных.

Собственно, под Волосовым имеется несколько различных неолитических местонахождений и, если у П. П. Кудрявцева¹ они различались достаточно отчетливо, то у других собирателей это могло и не отмечаться. В литературе, к сожалению, нет никаких указаний на то, сделаны ли все упомянутые разрозненные и разновременные находки в одном месте, или, может быть, на разных местонахождениях ближайших окрестностей г. Мурома. Во всяком случае, последняя возможность не исключена.

Не останавливаясь здесь на подробном рассмотрении каждого волосовского изображения в отдельности, так как большая часть известных мне фигурок приводится ниже в рисунках и отмечается при рассмотрении по сюжетам отдельных групп изображений.²

22. Село Панфилово, Муромского р-на, Горьковской обл., расположенное в ближайших окрестностях Мурома, недалеко от Волосова, возможно являлось объектом внимания старых собирателей. Раскопки, произведенные в 1924 г. В. А. Городцовым,³ вскрывшие остатки землянки и доставившие в числе находок, между прочим, медное тесло, дали и ряд кремневых фигурок:

а) фигурку сложных очертаний, полулунной формы с рядом выступов-шипов (рис. 6, 3). В. А. Городцов рассматривает ее как изображение четвероногого животного, но она ближе стоит к некоторым поделкам символического характера (Мстино, Халамониha, Волосово) и скорее должна быть отнесена к последней группе. Ретушь лишь по контуру; ширина—4.5 см.

б) Грубое изображение змеи, с трехугольной головой, обработанное по всей поверхности отжимной ретушью; длина 7.7 см. (Рис. 5, 15).

в) Очень схематическое изображение человеческой фигуры (?). Ретушь не захватывает полностью пластинки, из которой изготовлено изображение, и идет довольно широкой полосой по краю. Выс. 5.2 см. (Рис. 3, 11).

Кроме этих трех изображений, отмеченных автором, сюда же несомненно надо отнести:

а) Небольшое схематическое изображение четвероногого животного (рис. 4, 10), воспроизведенное в фас (в плане). В. А. Городцов описывает его как «четырёхшипную черешковую стрелу», но сам тут же отмечает исключительность ее формы, не только среди 56 экземпляров

¹ Изв. ОЛЕАЭ, т. XXXV, ч. 2, стр. 25.

² Волосовские кремни приведены ниже на рис. 2, 1, 2, 7, 11, 12, 19, 24; рис. 3, 1, 9, 10, 12, 13; рис. 4, 4; рис. 5, 2, 6, 7, 9, 19, 20, 21, 22; рис. 6, 1, 4, 6, 10, 11, 12, 15, 17.

³ В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Труды Владимирского областного музея, вып. 2, Владимир, 1926, стр. 1—20 + табл. 1—11.

стрел, найденных им в Панфилове, но указывает, что стрелка эта является «совершенно оригинальной» и «ранее неизвестного в России типа».

Сравнение этой поделки хотя бы с фигурками из Казани (рис. 4, 9), Изведова (рис. 5, 13), Усть-Яренги (рис. 4, 7) и др. не оставляет сомнений в ее значении.

Обработка поверхности — сплошным отжимом. Длина 3.3 см.

b) Видимо, изобразительный характер имеет и поделка, описанная В. А. Городцовым как асимметричный наконечник копья с двумя выемками или как жерлица. Выемки по характеру сходны с выемками на изображениях птиц и лунницы из Волосова. Обработка поверхности сплошная (рис. 5, 18). Дл. 6.4 см. Следует обратить внимание на более схематичный, чем в других местонахождениях, характер панфиловских изображений, отмечаемый и В. А. Городцовым.¹ Объяснение этому надо искать, видимо, в хронологических различиях.

Кроме перечисленных изображений из Панфилова, происходящих из раскопок, в собрании Муромского музея имеется происходящая из случайных находок фигурка человека обычного характера (рис. 2, 16). Длина 5.6 см. Обработка поверхности сплошная. Сборы И. П. Богатова, 1939 г.

23. Село Плеханов бор, Муромского р-на, Горьковской обл. В атласе А. С. Уварова воспроизведена² имевшаяся в его собрании поделка из темносерого кремня, весьма близкая по характеру к ряду изображений символического характера из Волосовской стоянки (рис. 6, 18). Обработка поверхности сплошная. Выс. 2.8 см.

24. Село Ибердус, на правом берегу Оки, к западу от Касимова. В раскопках, производившихся здесь в 1927 г. Б. А. Куфтиным, на стоянке, относящейся к эпохе бронзы и доставившей культурные остатки поздняковского типа, обнаружена, между прочим, миниатюрная, но очень тщательно сделанная кремневая фигурка человека, высотой всего 3 см (рис. 2, 14).³

25. Село Коренец, Рязанской области. В Гос. Историческом музее в Москве имеется коллекция с песчаных выдувов у этого села, происходящая из сборов У. Монастырева и В. Леонова в начале нынешнего столетия. В состав ее входит несколько поделок своеобразных очертаний, возможно, частью изобразительного характера.

26. Пенза. На восток от города, на дюнах в пойме р. Суры находятся на выдувах следы обширной стоянки (вернее целого ряда разновременных, эпохи неолита и бронзы, поселений).

Многолетние систематические сборы здесь производила изучавшая это местонахождение Н. И. Спрыгина.⁴

Среди фотографий с ее коллекций, хранящихся в ИИМК (фотоархив, II, 2248), имеется снимок схематичного изображения животного (рис. 4, 12) из темного кремня, частично покрытого белой патиной. Фигурка обработана отжимной ретушью по всей поверхности. Длина ее 4.8 см.

27. Село Сюкеево, Татарская АССР.

В старой казанской коллекции Заусайлова, ныне находящейся в Хельсинки, имелась кремневая фигурка из Сюкеева, повидимому приобретенная покупкой от крестьян, как и большая часть его коллекции. Воспроизведение сюкеевской фигурки имеется в представляющих

¹ Ук. соч., стр. 17.

² Уваров, ук. соч., т. II, табл. 23, № 4159.

³ Воспроизводится по зарисовке М. В. Воеводского.

⁴ Н. И. Спрыгина. Стоянки первобытного человека в долине р. Суры близ г. Пензы. Труды Пензенск. общ. любителей естествознания, вып. V, Пенза, 1923.

7 Советская археология, X.

большую редкость полных экземплярах не вышедшего в свет атласа В. И. Заусайлова «Древние каменные орудия, собранные в пределах Казанской губернии», на табл. LXII, рис. 436.¹

По сюжету сюкеевское изображение (рис. 3, 3) повторяет фигурку *b* с оз. Пирос, отличаясь лишь несколько более крупными размерами. Нижняя часть скульптурки обломана. Длина сохранившейся части 5.5 см.

28. Татарская АССР (без более точного приурочения).

На антропологическую выставку 1879 г. Э. Д. Пельцамом из Казани были доставлены наряду с многочисленными каменными орудиями, между прочим, два кремневых изображения.²

а) Первая фигурка, черного кремня, представляющая четвероногое животное, с крупной круглой головой и длинным хвостом, определялась предположительно собирателем как изображение выдры. Длина изображения 8.3 см. Поделка массивная, обработана сплошной двусторонней ретушью (рис. 4, 9).³

б) Вторая фигурка (рис. 3, 8), той же техники, изображает человека, видимо в широкой одежде (что-то вроде малицы), левая рука слегка обломана. Выс. 7.6 см. Обе скульптуры хранятся в Антропологическом кабинете Московского университета.

29. Село Курья, Молотовской области. В 1939 или 1940 г. покойный Н. А. Прокошев сообщил мне о находке на исследованной им неолитической стоянке у с. Курья, близ устья Чусовой, кремневой фигурки; находка эта представляет чрезвычайно большой интерес по своему географическому положению, но, к сожалению, я ныне не располагаю сделанными в свое время записями и рисунками.

30. Из числа сведений, имевшихся в утраченных мною записях, мне хочется упомянуть еще об одной находке, сохранившейся отчетливо в памяти. При сборах по неолиту, производившихся в 1939 или 1940 гг. на одном из озер в окрестностях Луги, в Ленинградской области, в числе других материалов, было обнаружено изображение, насколько помню, человеческое. (Сборы геолога Козакова?).

Таким образом, в настоящее время мы располагаем сведениями приблизительно о ста фигурных кремневых изделиях в неолитических местонахождениях северо-восточной Европы, причем изобразительный характер, по крайней мере восьмидесяти из них, не подлежит сомнению.

Известные ныне находки относятся к 30 с лишним различным пунктам, расположенным весьма неравномерно. Большинство местонахождений, доставивших кремневые скульптуры, расположено в центральных областях, на Валдайской возвышенности и по течению Волги от верховьев до Казани, в местах наиболее доступных и чаще посещавшихся исследователями; ряд находок дает побережье Белого моря, хотя и не столь легко доступное, но с давних пор привлекавшее исследователей нашего северного неолита.

¹ Вышел в свет только 1-й выпуск, посвященный Казанскому уезду (Казань, 1884), содержащий 65 рисунков, на 10 таблицах. В наиболее полном из известных мне экземпляров содержится на 69 таблицах 473 рисунка.

² Э. Д. Пельца м. О предметах, приобретенных для выставки. Изв. ОЛЕАЭ, т. XXXV, часть I, стр. 78—79. — См. также: Изв. ОЛЕАЭ, т. XXXV, часть II, стр. 28. Большую часть личных сборов Э. Д. Пельца м проводил в Спасском уезде, в окрестностях с. Успенского, с. Денисовки и разных сел Каймарской волости, а также в окрестностях с. Горные Морквашы, Свяжского уезда. Однако часть его материалов происходит и из покупок. Пельцамом подготавливалось описание собранной им коллекции и, возможно, в будущем удастся обнаружить какие-либо материалы, позволяющие точнее паспорттировать обе находки.

³ Эта фигурка в работе Ailio «Fragen der russische Steinzeit» (стр. 109) ошибочно отнесена к Волосовской стоянке.

Большой интерес представляют относительно небольшие находки на Колва-Вис, в Большеземельской тундре и у с. Курья на Чусовой; они не только значительно расширяют наши сведения об области распространения кремневых скульптур, но и с несомненностью показывают, что отсутствие подобных же находок в долинах Камы, Вятки и, тем более, Сухоны, Вычегды, Северной Двины и Мезени, зависит лишь от уровня наших знаний, от степени изученности перечисленных территорий.

Напротив, отсутствие, несмотря на многочисленность проводившихся исследований и сборов, интересующих нас находок в бассейне Днепра и Оки, в Смоленской, Московской, Тульской и Орловской областях, говорит за то, что картированными выше находками более или менее намечается реально существовавшая южная граница распространения кремневых изображений, а следовательно, и форм культа, с которыми они были связаны.

В задачи настоящей работы не входит определение уточненной датировки рассматриваемых памятников, к тому же нередко происходящих из случайных находок и подъемного материала на дюнных выдувах. Вопрос об их хронологии является вопросом о хронологии неолита с ямочно-гребенчатой керамикой в целом, вообще недостаточно у нас разработанной и лишь в исследованиях последних лет начинающей приобретать некоторую ясность и убедительность. Для моих целей достаточно отметить неоднократно констатированные на тех же местонахождениях, которые доставили находки кремневых изображений, также и находки отдельных предметов из меди и даже бронзы (напр., Красная Гора, Усть-Ярэнга, Халамониха, Панфилово). Последнее местонахождение, относимое ее исследователем В. А. Городцовым уже к эпохе металла, дает, между прочим, преимущественно плоскодонные формы сосудов, хотя и украшенные попрежнему вдавленными гребенчатого штампа и ямками. И, наконец, одна из наиболее южных находок, на стоянке у с. Ибердус, происходит из комплекса находок типа поздняяковской культуры бронзового века, с характерной керамикой хвалынского типа. (Относительно других южных находок, Коренца и Пензы, сведения недостаточно ясны.)

Понятно, что рассматриваемые кремневые изображения далеко не одновременны и бытование их охватывает внушительный отрезок времени. Эта разновременность перечисленных кремневых изображений может быть констатирована не только на основании анализа комплекса находок в стоянках, из которых они происходят, но может быть иногда выведена из внимательного рассмотрения самих фигурок.

Так, например, В. А. Городцов¹ отмечает большую условность и схематичность панфиловских кремневых скульптур, по сравнению с волосовскими, как явление несомненно связанное с датами этих находок.

В целом рассматриваемая группа кремневых скульптур вряд ли значительно выходит за хронологические рамки второго тысячелетия до н. э.² Это время, — когда в более южных смежных областях восточно-европейской равнины существует уже развитая культура бронзы.

¹ Ук. соч., стр. 17.

² А. Я. Брюсов (История древней Карелии, стр. 92) склонен считать, что кремневые изображения относятся ко второй половине III тысячелетия до н. э. и позже, во II тысячелетии, сменяются фигурными каменными молотами и глиняными скульптурами. Однако, предлагая подобную датировку, он берет случайно, на выборку, несколько изображений, оставляя в стороне явно более поздние (напр. Панфилово). Кроме того, чтобы сделать правдоподобным это натянутое построение, надо объяснить, как и почему кремневые изображения заменяются в ритуале глиняными скульптурами и фигурными молотами, чего автор и не пытается сделать.

То же имеет место и на западе, например, на юге Скандинавского полуострова.

Возвращаясь к нашим скульптуркам, следует обратить внимание на технику изготовления изображений. В большинстве случаев обработка их весьма тщательная, тонкая, и кремневые изображения обычно являются наиболее совершенными образцами обработки кремня, доставляемыми тем или иным местонахождением. Наблюдаются два способа их изготовления. В одном случае — в качестве заготовки для изображения используется тонкая ножевидная пластинка, сколотая с призматического нуклеуса, или отщеп, сохраняющие почти полностью и в законченном изделии нижнюю гладкую поверхность и значительные участки верхней выпуклой стороны, с гранями — следами предшествующих сколов с нуклеуса; ретушь располагается лишь по контуру изображения и бывает даже не отжимная, а крутая, иногда притупливающая. В другом, более распространенном случае, кремневые фигурки изготавливаются из массивного отщепа или куска кремня путем предварительной оббивки и затем обработки тщательной отжимной ретушью по всей поверхности, на нижней и верхней плоскостях.

Трудно сказать, проявляются ли в этих двух приемах хронологические или региональные различия, скорее — последнее. Так, первый из двух отмеченных технических приемов чаще выступает в находках с озер Валдайской возвышенности. Второй явно преобладает в Волокове и на беломорских стоянках.

Следует отметить то обстоятельство, что подавляющее большинство кремневых изображений не только по технике изображения, но и по размерам приближаются к наконечникам стрел, а в некоторых случаях можно допустить, что последние являлись исходным материалом, заготовкой для выполнения фигурок.

Обращаясь теперь к назначению занимающих нас кремневых скульптур, можно констатировать, что разногласий по этому поводу у подавляющего большинства авторов, так или иначе касавшихся этого вопроса, не имеется и культовый характер этих изображений признается более или менее единодушно.

Если откинуть упоминавшееся выше необоснованно скептическое отношение Г. де Мортилье и наивные объяснения, относящиеся ко времени первых находок, вроде мнения Н. К. Зенгера, видевшего в своей находке свидетельство «существования вольного художества у производителей каменных стрел», занимавшего часы их досуга,¹ или мнения А. С. Уварова, характеризовавшего кремневые фигурки как «первые попытки в ваянии и первые опыты человека, копирующего с природы»,² то надо будет остановиться еще лишь на одной точке зрения.

Марселен Буль, рецензируя доклад Кудрявцева на московском конгрессе 1892 г., замечает по поводу волововских кремневых изображений, опубликованных последним: «может быть лучше считать их орудиями особой формы, приспособленными для целей, которых мы не знаем».³

¹ Изв. ОЛЕАЭ, т. XXVII, М., 1878, стр. 282.

² А. С. У в а р о в, ук. соч., т. I, стр. 324. От времени до времени, однако, подобные объяснения повторялись и позднее. Напр., В. А. Городцов допускал, что кремневые скульптуры «были предметами простой роскоши, вызванной к жизни стремлением к деятельности даровитых мастеров». (Археология, т. I, Каменный период, М. 1923, стр. 364). Однако и он более склонялся к объяснению наших фигурок как «фетишей» (там же и «Панфиловская палеометаллическая стоянка», стр. 17).

³ L Anthropologie, т. V, Париж, 1894, стр. 195.

Сходного характера объяснение, но уже как одно из нескольких возможных, дает А. А. Спицын, допуская использование кремневых фигурок как хирургических или каких-либо других инструментов.¹

В частности, для своеобразной поделки с оз. Мстино (рис. 6, 5) А. А. Спицын даже описывает возможный способ ее держания в руке во время работы.

Подобного рода колебания были вполне закономерны при малом количестве опубликованных материалов. Их приходится испытывать еще и поныне. Не исключено, например, что в дальнейшем некоторые из упоминавшихся выше серповидных поделок, оставленных пока мною в стороне, придется включить в группу изображений. На затруднения этого рода я уже указывал. С другой стороны, представляется не случайной близость многих несомненных изображений по технике, размерам и общим очертаниям с кремневыми наконечниками стрел, на чем еще придется остановиться.

Принимаемое, как я уже указывал, большинством исследователей культовое значение кремневых изображений, однако, у затрагивавших этот вопрос не вызывает дальнейших попыток раскрыть сколько-нибудь полно их смысловое содержание, наметить значение, какое они имели в ритуале.

Попытки объяснить появление кремневых скульптур и их значение чаще всего сводились к поискам источника, из которого могли быть заимствованы как сами фигурки, так и представления, с ними связанные. Так, А. М. Талльгрену представляется несомненным, что наши кремневые изображения являются плодом западного балтийского влияния и копируют распространенные там изделия из янтаря и металла.² В этом он следует построениям Г. Коссины³ и более ранним высказываниям М. Гернеса,⁴ Тишлера и Клебса, отрицающих наличие южных влияний в неолите.

Напротив, именно на юге указывает аналогии кремневым фигуркам Л. Капитан, сравнивая находки на оз. Мстино «с грубыми идолами Трояды и румынских стоянок».⁵

Также, в кругу южных, трипольских памятников, ищет прототипы для кремневых скульптур северного неолита Ю. Айлио,⁶ считая возможным видеть, лишь затемненный местными мифологическими представлениями, образ женского божества плодородия даже в изображении тюленя из Зимней Золотицы.

Я не буду задерживаться на анализе этих беглых сопоставлений, мало что могущих объяснить.

Было бы неверно, конечно, отрицать значение культурных связей, возможности воздействия со стороны более продвинувшихся по пути технического, хозяйственного и общественного развития племен на неолитическое население северо-востока Европы. Однако простая ссылка на заимствование (будь то только предметов культа, или же ритуала, или, наконец, системы представлений) в такой консерватив-

¹ ЗОРСА, VII, 2, СПб, 1907, стр. 233—234.

² А. М. Tallgren. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ost-Russland. SMYA, XXV, Хельсинки, 1911, стр. 75.

³ G. Kossina. Der Ursprung der Urindogermanen und ihre Ausbreitung nach dem Osten. Mannus, I, 1909, стр. 37.

⁴ М. Hoernes. Urgeschichte der bildenen Kunst in Europa... Вена, 1898, стр. 255 (у него же ссылки на более ранние работы).

⁵ L. Capitan [в рецензии на доклад П. А. Путьятина, сделанный на конгрессе в Перягэ], Revue d'École d'Anthropologie de Paris, 1905.

⁶ J. Ajlio. Fragen der russischen Steinzeit. SMYA, XXIX, I, Хельсинки, 1922, стр. 108—109.

ной и традиционной области, как религиозные представления, равно ничего не может объяснить.

Если бы даже какое-либо из приведенных мнений можно было обосновать солидными доказательствами, а не только поверхностными сравнениями, то и тогда возможность подобных изменений требовала бы, в свою очередь, объяснения, анализа сдвигов и перемен в среде, для которой заимствование становится исторически необходимым, или хотя бы возможным.

Поэтому единственным правильным путем для выяснения значения наших фигурок остается, в первую очередь, детальное рассмотрение самих памятников на фоне той обстановки, в которой они возникли, и, лишь затем, привлечение необходимого сравнительного материала.

При рассмотрении всей группы кремневых скульптур, известных сегодня, в первую очередь бросается в глаза поразительное совпадение их репертуара с сюжетами Онежских и Беломорских петроглифов, ставших теперь доступными для изучения благодаря целой серии посвященных им работ и в первую очередь капитальной публикации В. И. Равдоникаса «Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря».¹

Понятно, что более многочисленные петроглифы дают и более разнообразные сюжеты, но, в свою очередь, достаточно разнообразные кремневые скульптуры, как правило, имеют параллели в репертуаре наскальных изображений.

Среди кремневых фигурок мы имеем не только изображения человека, млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб, но также и группу символических изображений, подобных таким же изображениям на петроглифах. Истолкование последних являлось не так давно предметом довольно горячей полемики, и привлечение кремневых скульптур может послужить хорошим аргументом в окончательном решении спора.

1. Человеческие изображения (рис. 2) являются наиболее многочисленной группой кремневых скульптур. Это всегда фронтальные, обычно схематичные изображения, размерами от 7,5 до 3 см, симметричные, с тщательно показанной головой, округлой или вытянутой, и слабо выраженными конечностями. Лучше, обыкновенно, намечаются ноги, руки же иной раз показываются еле намеченными выступами, а иной раз и совсем опускаются (рис. 2, 11, 16, 24). Фронтальные человеческие фигурки весьма обыкновенны и в наскальных изображениях Онежского озера, хотя, видимо, на последних большое значение придается жестике, повторяющей несколько устойчивых схем.

Однако и в петроглифах имеются изображения без рук, напр., Пери-нос IV — 9, Карецкий нос — 10, Бесов нос — 3 и др. (рис. 2, 10, 17 и 18). Схематичность в передаче рук на кремневых фигурках, безусловно, до известной степени определяется и хрупкостью материала.

Любопытна группа фигурок, имеющих не одну, а две пары выступов по бокам, одна пара передает руки, другая груди, подчеркивая, что мы имеем дело с женским изображением. Подобные изображения значительно реже. Это фигурка с оз. Мстино (рис. 2, 5), отмеченная А. А. Спицыным, и две волосовских фигурки (рис. 2, 12 и 19), одна из них из собрания Иверсена, другая Рериха, и, наконец, может быть, фигурка из Ферапонтова (рис. 2, 9). На петроглифах с ними может быть сопоставлено изображение № 13 с Карецкого носа (рис. 2, 6).

Из более или менее однотипной серии человеческих изображений выделяется небольшая фигурка с оз. Пирос (рис. 2, 21), тонкая по вы-

¹ Том I, Л., 1936; том II, Л., 1938. В дальнейшем отдельные изображения цитируются с указанием группы и номера рисунка по этому изданию.

делке, с реалистически переданными пропорциями тела и находящая близкие аналогии в изображениях на Бесовых следках (№№ 188 и 189;

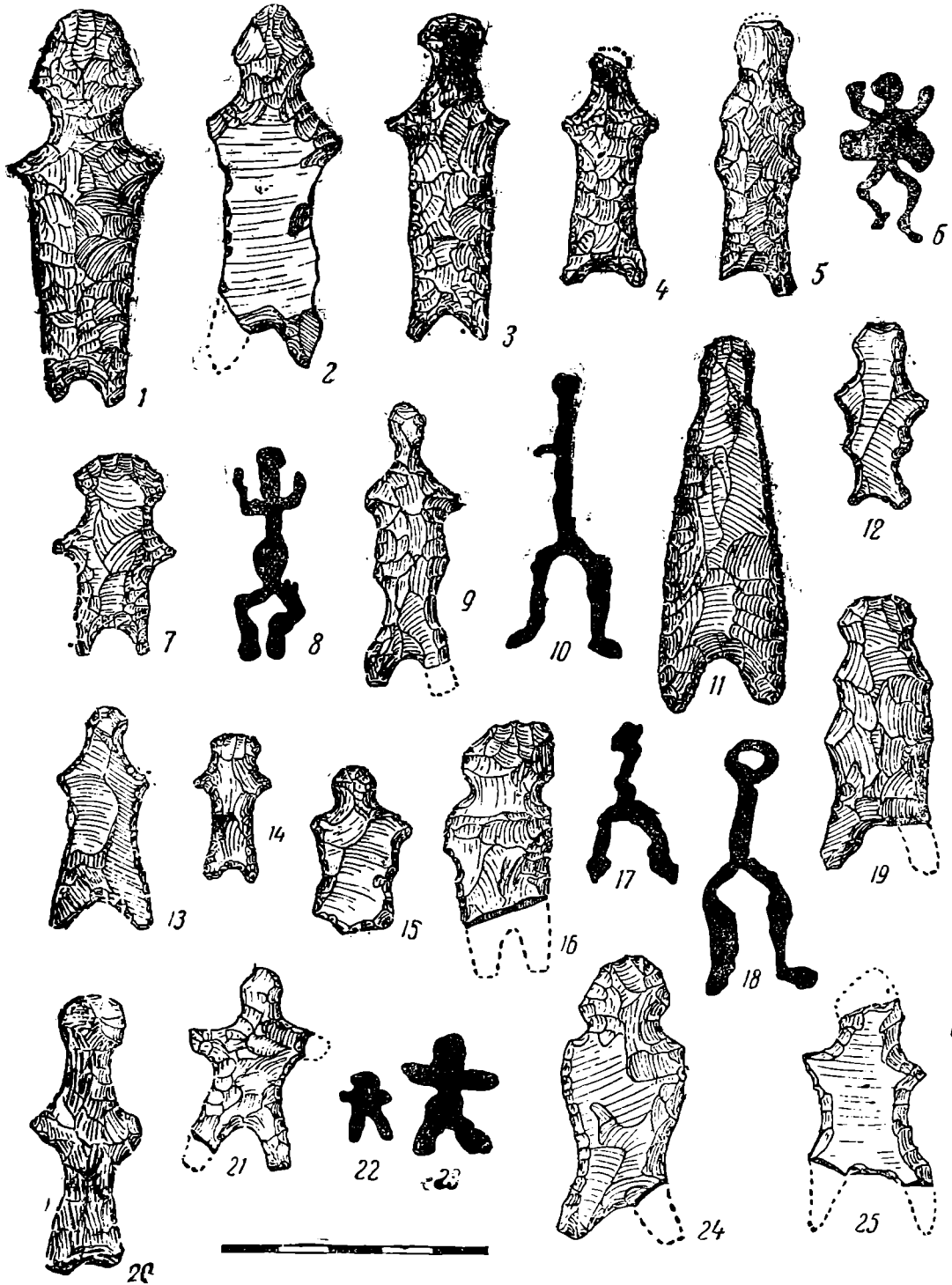

Рис. 2. Человеческие изображения.

1, 2, 7, 11, 12, 19, 24 — Волосово; 3, 4, 5 — Мстино; 9 — Феропонтов; 13, 25 — Алексеевское; 14 — Ибердус; 15 — Холомониха; 16 — Панфилово; 20 — Чаронда; 21 — Пирос. То же на петроглифах; 5, 17 — Карельский нос; 18 — Бесов нос; 22, 23 — Бесовы следки. Масштаб на этом и последующих рисунках относится только к кремню.

они же на рис. 2, 22 и 23) и отступающая от схематического канона основной массы изображений.

Совершенно отсутствуют в репертуаре кремневых скульптурок профильные изображения человеческих фигур, столь обычные в карельской петроглифике.

II. Мифологические персонажи. Если уже в отношении первой рассмотренной группы изображений, исходя из их назначения, естественнее допустить, что они воспроизводят образ не реальных людей, а каких-либо мифологических существ, то такое толкование все же нельзя непосредственно вывести из самих изображений.

Но в отношении небольшой группы изображений, тесно примыкающей к первой, такая интерпретация напрашивается сама собой.

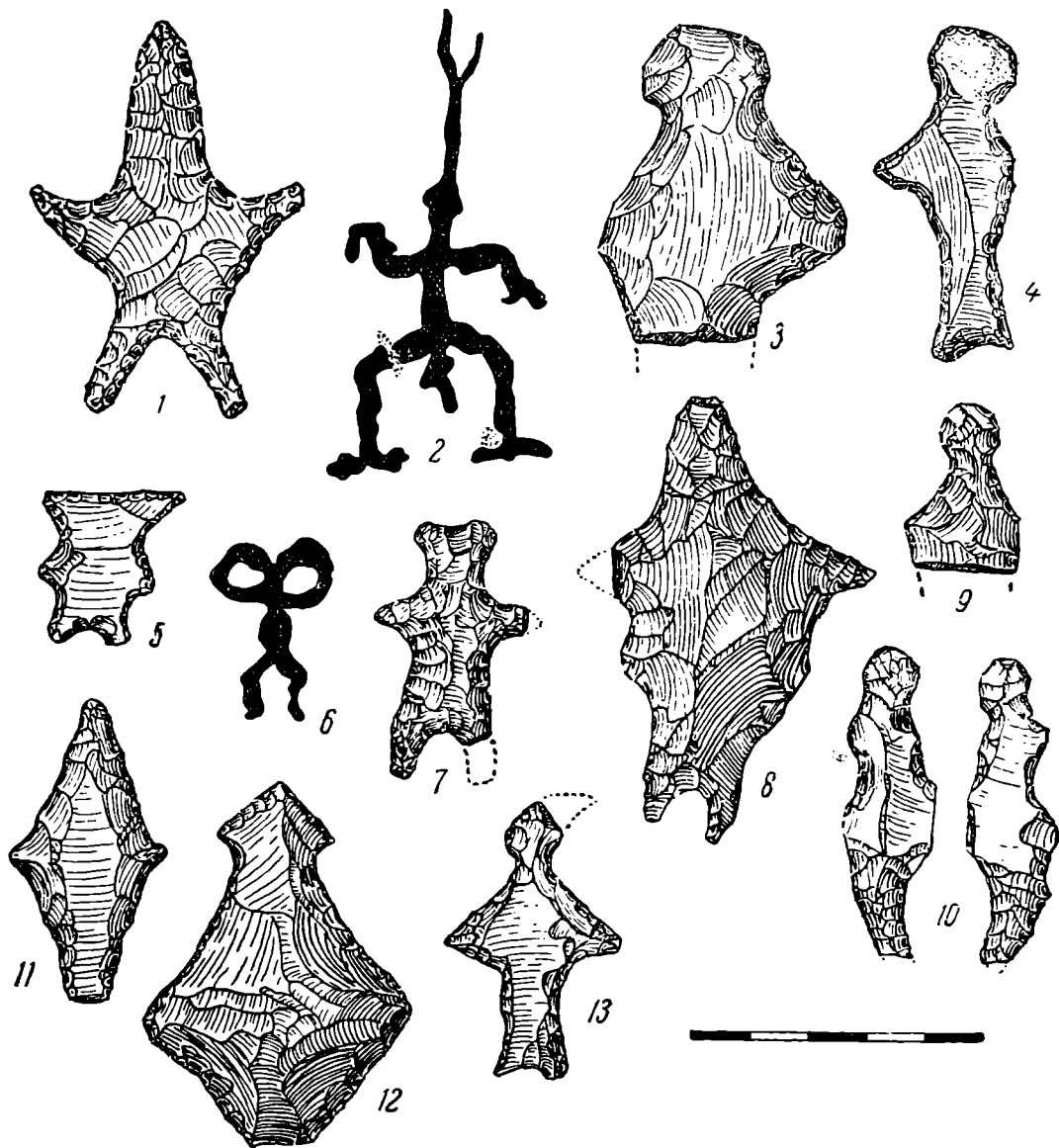

Рис. 3 Изображения мифологических существ.

1, 9, 10, 12, 13 — Волосово; 3 — Сюкеево; 4 — Пирог; 5 — Белогое; 7 — Уница; 8 — Казань; 11 — Панфилово. То же на петроглифах: 2, 6 — Пери-нос.

Прежде всего здесь надо отметить своеобразную фигурку из Волосова (рис. 3, 1), происходящую из сборов Б. С. Жукова и впервые опубликованную им в 1936 г.¹ Поднятые руки, необычайной формы вытянутая и приостренная голова резко отличают эту фигурку от рассмотренной группы изображений. По приостренной голове, удлинненной еще сложным головным убором, возможно украшенным лунным символом, с этой фигуркой сближается изображение № 117 с Пери-носа III (рис. 3, 2), явно передающее мифологический образ (см. ступни ног!).

¹ Б. С. Жуков. Происхождение человека. 5-е издание, М., 1931, стр. 141, рис. 66.

Возможно, что тот же персонаж передает и близкая по трактовке к предыдущей фигурка из старых приобретений Пельцама в Казанской губернии (рис. 3, 8), а также, может быть, панфиловская находка В. А. Городцова (рис. 3, 11), правда, настолько схематичная, что изобразительный характер ее становится не вполне очевидным. Небольшая фигурка желтого кремня из Бологого, при обычной трактовке туловища и конечностей, имеет необыкновенной формы и размеров голове, передающую звериную маску (рис. 3, 5). Очень любопытно изображение, найденное Д. Н. Эдинггом в Унице. Весьма тщательно сделанная и достаточно крупная фигурка имеет своеобразные очертания головы с двумя полукруглыми выступами (рис. 3, 7). Возможно, что ту же деталь пытался передать мастер на фигурке из с. Ибердус путем двух тонких удлиненных чешуек, удаленных отжимом (рис. 2, 14).

Сходную трактовку головы, в виде двух полукруглых лопастей, мы находим опять-таки в наскальных изображениях, явно воспроизводящих какое-то фантастическое существо в фигуре № 119 с Пери-носа III (рис. 3, 6). На голове обозначены большие глаза; руки отсутствуют. Совершенно сходную голову имеет и другое изображение на Пери-носу III, № 48, на этот раз переданное с поднятыми руками, но без ног.¹

Явно мифологическое существо изображает фигурка с озера Пирос (рис. 3, 4), имеющая круглую голову, обычную для человеческих изображений, и рыбий хвост; асимметрично выступающая левая верхняя конечность также скорее должна изображать плавник или ласт.

Поскольку, в силу географического положения места находки, возможные попытки реалистического толкования (тюлень) отпадают, остается рассматривать фигурку как изображение комбинированного существа, получеловека-полурыбы, подобного позднейшим изображениям русалки, сирены и т. д. В репертуаре наскальных изображений Карелии этот образ пока неизвестен, но среди кремневых фигурок имеются два экземпляра из Сюкеева, Татарской АССР (рис. 3, 3) и Волосова (рис. 3 и 9, собр. Иверсена), оба, к сожалению, фрагментированные, с несохранившейся нижней частью, но явно становящиеся в одну серию с фигуркой с оз. Пирос по характерной асимметричности верхней половины туловища — выступу с одного края и ровной закругленной линии с другого. Возможно, что к ним надо причислить и фигурку из Панфилова в собрании Муромского музея (рис. 2, 16).

Подобное же комбинированное существо с получеловеческими, полуживотными чертами, но несколько отличное от предыдущих (хвост!), видимо, дает фигурка из Волосова в собрании Эрмитажа (рис. 3, 10).

Волосовская фигурка, из сборов П. П. Кудрявцева, в собрании Геологического кабинета Ленинградского университета (рис. 3, 13), рисунок которой был издан Ю. Айлио,² толкуется последним как несомненно человеческое изображение. Однако эта фигурка резко отличается от человеческих изображений первой группы. Нижняя половина туловища скорее передает хвост, а не ноги, верхние конечности трактованы совершенно иначе, чем руки на фигурках первой группы, и, наконец, необычные очертания головы, — все это не позволяет отнести данное изображение к человеческим. В нем надо видеть также фантастическое существо, значение которого можно расшифровать, опираясь на серию изображений, повидимому, символического характера, вроде представленной на рисунке 3, 12 фигурке из Волосова в собрании

¹ А. Я. Брюсов, ук. соч., стр. 112, рис. 27. В атласе В. И. Равдоникаса это изображение зафиксировано несколько иначе (ср. табл. IX и X). А. Я. Брюсов толкует изображение как связанное с лунным мифом.

² J. Ajlio. Fragen der russischen Steinzeit, стр. 109, рис. 35, d.

Исторического музея, и сходных с нею по сюжету фигурок из Борани и с оз. Мстино.

Возможно и другое, может быть более простое, толкование этого изображения. При внимательном рассмотрении фигурки нетрудно заметить, что голова ее с правой стороны оформлена мелкими фасетками тонкой ретуши, тогда как справа, вверху имеется несомненный

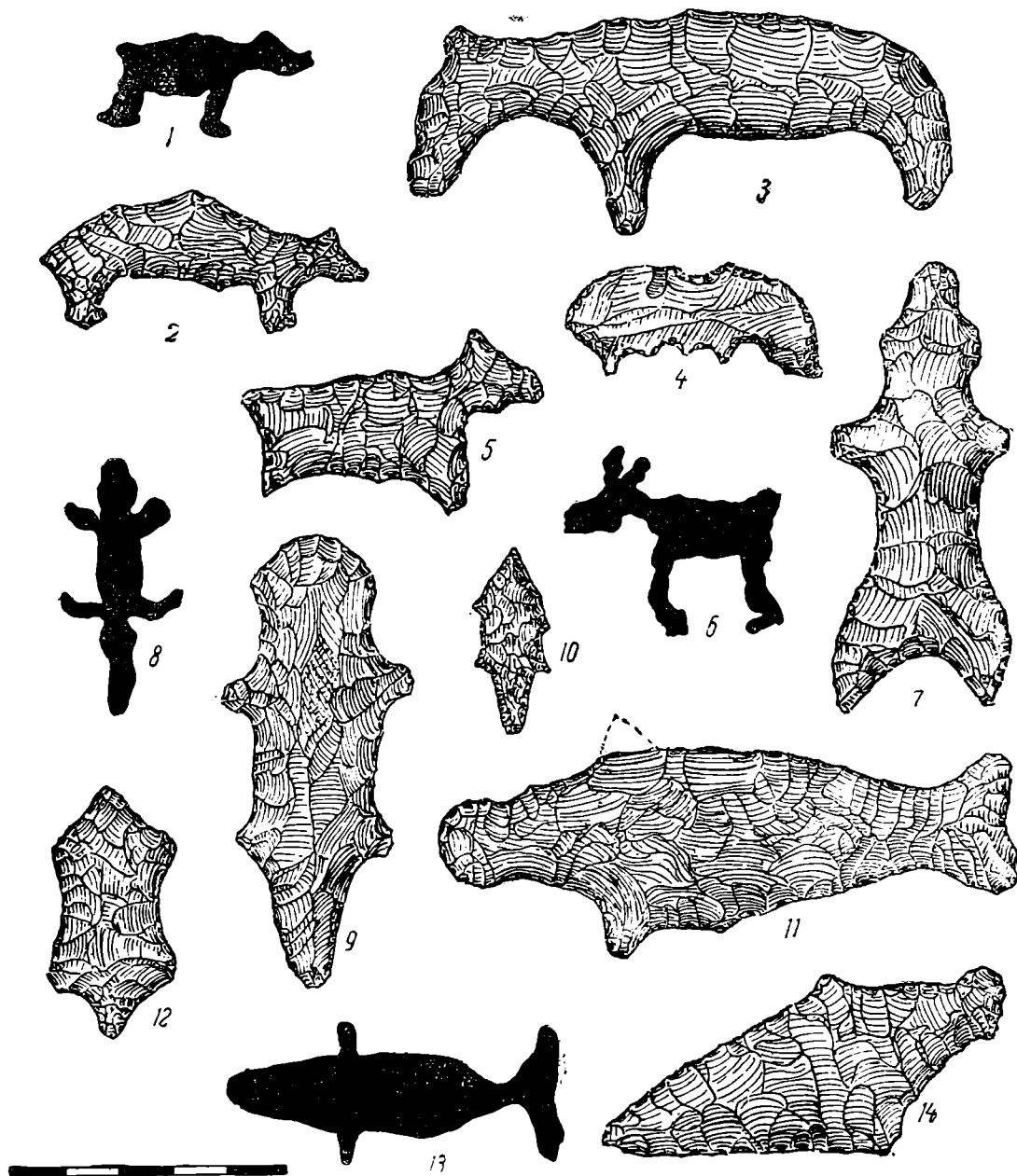

Рис. 4. Изображения млекопитающих.

2, 3, 5, 11, 14 — Зимняя Золотница; 4 — Волосово; 7 — Усть-Ярнга; 9 — Кавань; 10 — Панфилово; 12 — Пенза. То же на петроглифах: 1 — Бесовы следки; 6, 8 — Пери-нос; 13 — Бесоз нос.

излом. Поверхность излома старая, одинаковой фактуры с остальной поверхностью фигурки и поэтому трудно сказать, не существовал ли этот излом на пластинке уже в момент изготовления изображения. Если же это результат последующего изменения, то, восстанавливая недостающее, естественнее всего видеть в нашей фигурке изображение птицы в полете, с распростертыми крыльями, вроде фигурки из Чадобца на Енисее (см. ниже, рис. 10, 1).

Хотя изображения птиц в кремневой пластике и петроглифах обычно профильные, изображения в фас, как бы в плане, животных не представляют исключения (напр., Изведово, Казань, Пенза, Усть-Яренга).

III. Изображения млекопитающих (рис. 4) — относительно немногочисленны. Больше всего их доставила известная Золотницкая стоянка на Белом море, и притом наилучшие экземпляры. Это, прежде всего, великолепная крупная фигурка медведя¹ из собрания Маркова в Историческом музее (рис. 4, 3), другое изображение медведя же, из собрания Гальштрема (по мнению владельца — белого) (рис. 4, 2), фигурка лося, из того же собрания (рис. 4, 5), знаменитое изображение тюленя, доставленное Н. К. Зенгером (рис. 4, 11) и фигурка моржа из коллекции Гальштрема (рис. 4, 14).

Если добавить к этому изображение медведя в фас (рис. 4, 7) из Усть-Яренги, также на беломорском побережье, то это составит большую часть, и притом наиболее выразительных, реалистически трактованных изображений животных. Вне находок на беломорских стоянках известно только одно профильное изображение, видимо медведя (по Кудрявцеву барсука), из Волосова (рис. 4, 4), гораздо более схематичное. Изображение выдры или бобра представляет тщательно сделанная фигурка из Татарской АССР, в собрании Антропологического музея МГУ (рис. 4, 9), повторяющая некоторые начертания с Онежского озера, напр., Пери-Нос III, № 106 (рис. 4, 8), Бесов нос С, № 4. и др. Сходные изображения, но более схематичные и относящиеся к более позднему времени, — панфиловская фигурка (рис. 4, 10) и пензенская (рис. 4, 12).

IV. Изображения птиц (рис. 5, 1—12) — весьма близки к наскальным изображениям. Это профильные изображения водоплавающих птиц, столь обычных и на петроглифах. Большая часть известных пока фигурок происходит из Волосова.

Одна из лучших среди них, изданная еще П. П. Кудрявцевым (рис. 5, 9), имеет на туловище две небольших выемки для привязывания и, видимо, подвешивалась в ходе ритуального действия. Другая, не менее тщательно изготовленная фигурка (рис. 5, 2), к сожалению, с отломанной головой, также имеет эти выемки для привязывания.

Великолепное, наиболее крупное из ныне известных, изображение найдено совсем недавно на Мадлонской стоянке А. Я. Брюсовым. Не совсем понятен выступ на спине этого в высшей степени тщательно изготовленного изображения (рис. 5, 4). Вряд ли возможно толковать его как изображение поднятого крыла, что резко противоречило бы реалистической манере передачи самого изображения.

Весьма схематичное изображение, несмотря на тонкую отжимную ретушь, которой оно обработано, дает находящаяся в собрании Эрмитажа фигурка из коллекции Н. К. Рериха, происходящая из Новгородской губернии (рис. 5, 10).

Но и в этой манере изображения птиц на петроглифах достаточно распространены. Ср. например, изображение 12-е с Бесова носа (рис. 5, 11).

Возможно, фрагментом подобной же схематической фигурки является поделка из Кубенино, изданная М. Е. Фосс, отмечающей ее изобразительный характер.

V Изображения пресмыкающихся и рыб (рис. 5, 12—23) — немногочисленны. Если оставить в стороне любопытнейшее изображение ящерицы из Изведова (рис. 5, 13) с тщательно показанными трехпалыми лапами, близко напоминающее крупные фигуры

¹ По Брюсову «волк или лось».

ящериц с Бесова носа (рис. 5, 14), остальные скульптуры этой группы весьма схематичны. Возможно, также изображением ящерицы, но уже профильным, является фигурка из Выг-Острова, хотя в наскальных рисунках подобные изображения не могут быть указаны. (Не исклю-

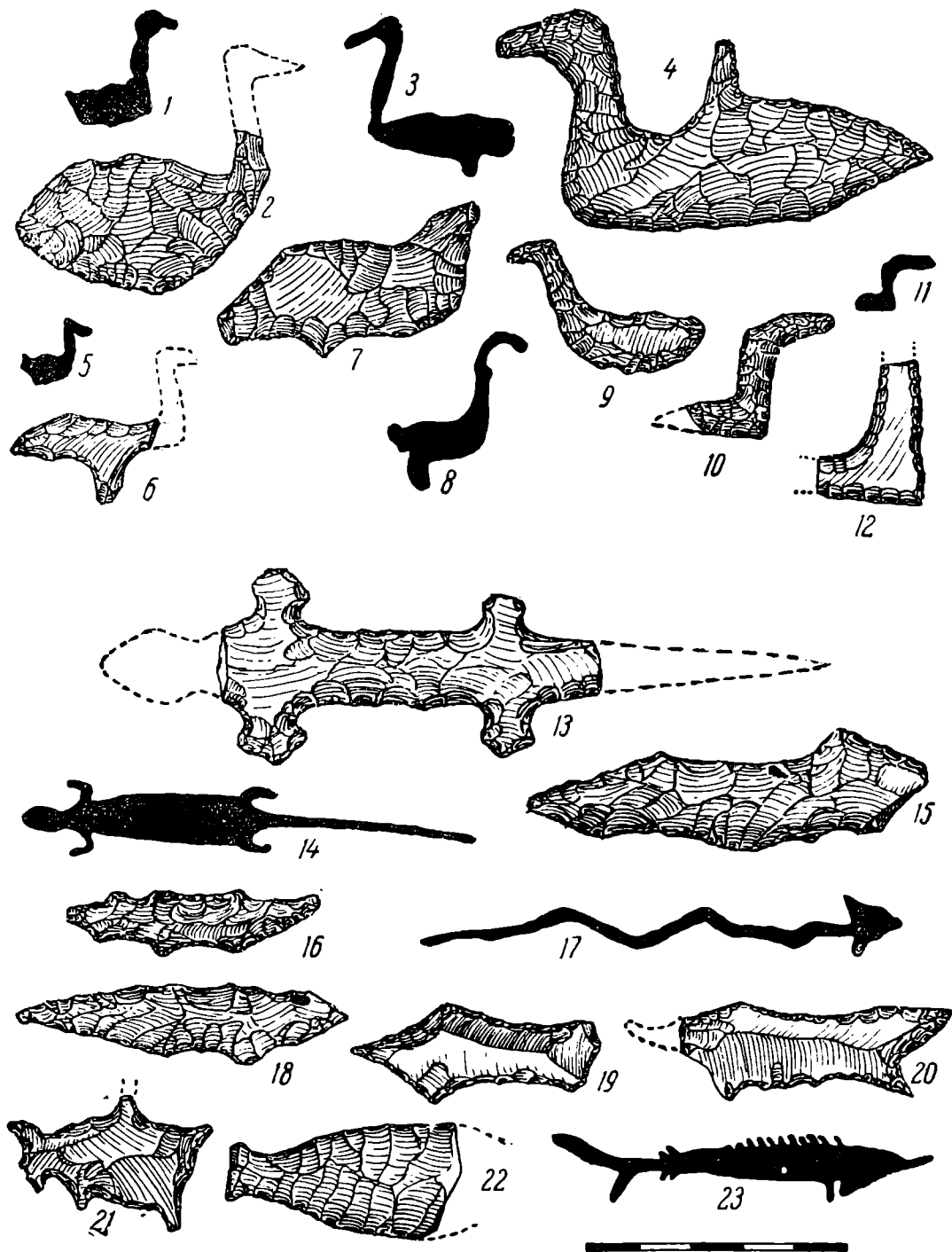

Рис. 5. Изображения птиц, пресмыкающихся и рыб.

2, 6, 9, 19, 20, 21, 22 — Волосово; 4 — Малдона; 10 — Новгородская губ. (собр. Н. К. Рериха); 12 — Кубе-нино; 13 — Изведово; 15, 18 — Панфилово; 16 — Выг-Остров (Бесовы следки). То же на петроглифах 1, 8, 17 — Пери-нос; 3, 11, 14, 23 — Бесов нос.

чено, однако, что эту фигурку надо будет отнести к третьей из на-меченных мною групп).

Повторяет образы петроглифов панфиловское изображение змеи, несмотря на схематизм, сохраняющее характерные треугольные очер-тания головы (рис. 5, 15).

Благодаря изображению с Бесова носа (рис. 5, 23), волосовская фигурка из коллекции Иверсена (рис. 5, 20) расшифровывается именно как изображение стерляди (или какой-либо другой из ганоидных рыб)

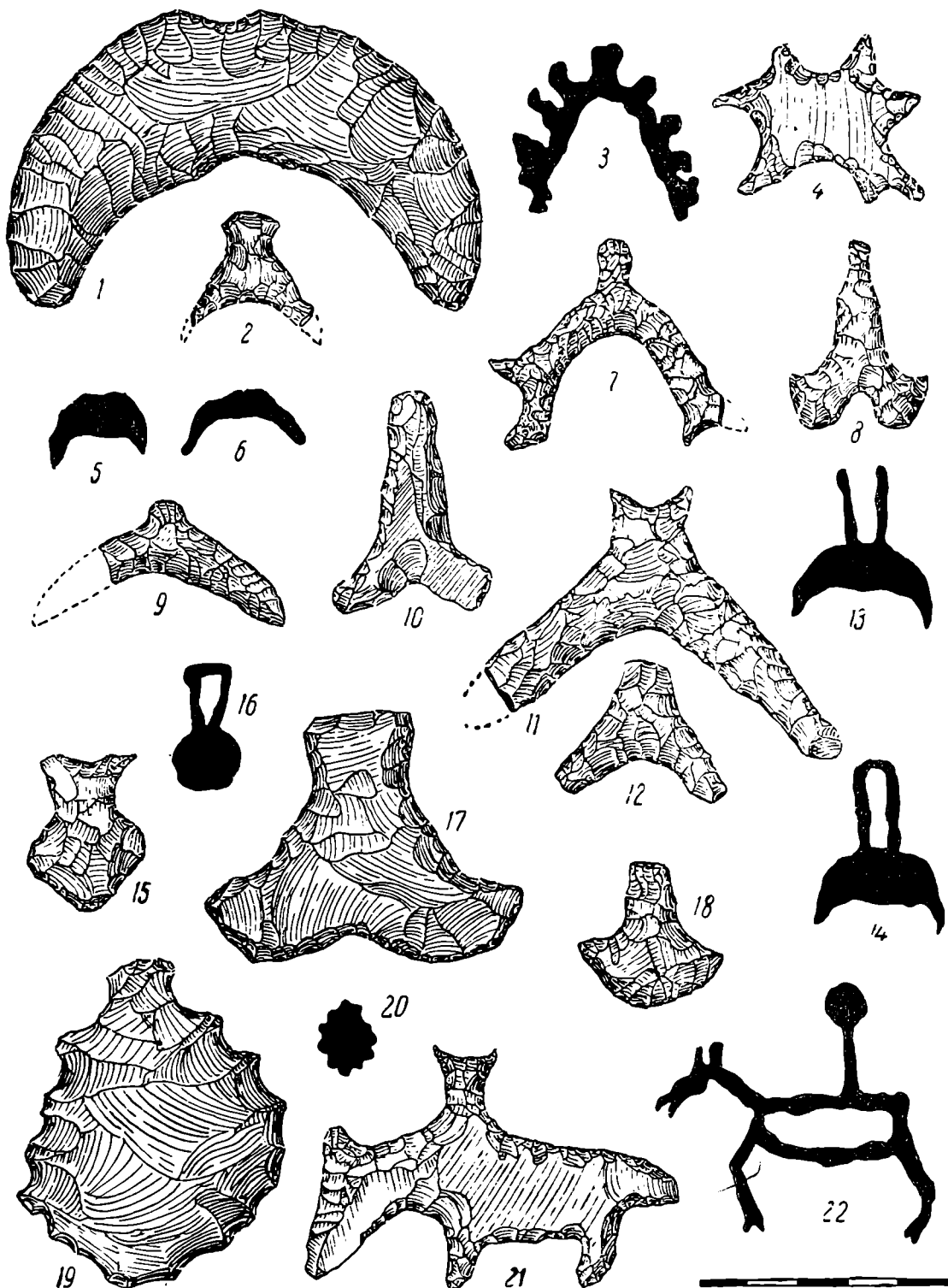

Рис. 6. Символические изображения.

1, 4, 6, 10, 11, 12, 15, 17 — Волосово; 3 — Панфилово; 5 — Мстино; 9 — Холомониха; 18 — Плеханов бор; 19 — Алексеевское; 21 — Дуденево. То же на петроглифах: 2, 8, 13, 14, 16, 22 — Пери-нос; 7 — Бесов нос; 20 — Бесовы следки.

с ее характерным удлинением верхнего хвостового пера и узкой вытянутой головкой.

В другом случае (рис. 5, 22) мы имеем несомненно изображение какой-либо из костистых рыб.

С большим сомнением отношу к этой группе, происходящую из Волосова же, интересную фигурку в собрании Муромского музея (рис. 5, 21). Фигурка эта знакома мне лишь по рисунку и довольно нечеткой фотографии. В письме, при котором были присланы эти материалы, хранитель музея И. П. Богатов указывает, что, повидимому, изображение несколько обломано. Чтобы говорить о ней с уверенностью, необходимо изучение подлинника.

VI. Символические изображения (рис. 6), наряду с человеческими изображениями, составляют одну из наиболее многочисленных групп кремневых изображений.

В то же время эта группа дает наиболее яркие параллели с карельскими петроглифами, в особенности Онежского озера, где изображения этого рода составляют также весьма заметную численно группу. Знаки эти, по объяснению В. И. Равдоникаса, являющиеся солнечными и лунными символами, достаточно разнообразны по начертанию и представляют то простые круги и серповидные знаки, то осложнены добавлением одного или нескольких лучевидных придатков, зубцов, петель (некоторые примеры их см. на рис. 5, 3, 5, 6, 13, 14, 16, 20). Замечательно, что кремневые изображения повторяют все основные варианты этих начертаний.

Как на образцы неосложненных, основных вариантов этих изображений можно указать на великолепную лунницу из Волосова в собрании Исторического музея (рис. 6, 1), на краях которой сделаны легкие выемки, подобно тому как это сделано на описанных выше изображениях птиц, для подвешивания этого изображения, и на овальную зубчатую поделку из Алексеевского (рис. 6, 19), находящую полное повторение на одном из начертаний «Бесовых следков» (рис. 6, 20). Более сложны — лунница с одним выступом из Халамонихи (рис. 6, 9) или с двумя из Волосова (рис. 6, 11), воспроизводящая наиболее распространенный вариант подобных начертаний (рис. 6, 13). Еще сложнее — фигурки с оз. Мстино (рис. 6, 7) и из Панфилова (рис. 6, 4), опять-таки находящие соответствие в изображении № 69 с VI мыса Периноса (рис. 6, 3).

Наконец, среди кремневых скульптур мы находим комбинированное изображение, сочетание символического и животного изображения, подобно тому как это имеет место в петроглифах.

Кремневая фигурка из Дуденовой (рис. 6, 21), по характерному контуру и положению головы легко позволяющая опознать изображение медведя, усложнена добавлением к ней обращенной вверх рогами лунницы на спине.

Совершенно таким же образом солнечный круг соединен чертой со спиной самки оленя на изображении № 48 с VI мыса Периноса (рис. 6, 22).

Подобного характера комбинированные изображения, как в кремневой скульптуре, так и в наскальных изображениях, особенно ценны тем, что раскрывают смысловое содержание и изолированных изображений животных (оленя, лебедя, медведя), для данной эпохи имеющих уже сложное осмысление, как образы связанных с небом духов или божеств.¹

¹ Выяснению значения этой группы комбинированных и символических изображений в карельских петроглифах отведено достаточно места в статье В. И. Равдоникаса — «Элементы космических представлений в образах наскальных изображений» (СА, IV). Не думаю, чтобы требовалась дальнейшая аргументация для опровержения наивно рационалистического толкования символических знаков как изображений капкана. Подобное толкование могло бы быть приемлемо лишь при истолковании наскальных изображений как имеющих не культовое, а меморативное значение, что отчасти допускает А. М. Линеvский. Ссылка же А. Я. Брюсова (История древней

Некоторые из этой группы символических изображений не находят полного соответствия в известных наскальных изображениях, например, группа фигурок из Волосова, имеющих устойчивую форму, несколько напоминающую очертания рыбьего хвоста или якоря (рис. 6, 8 и 17, а также сходная фигурка в собрании геологического кабинета Ленинградского университета). Близость этих фигурок, по общим очертаниям и тщательности работы, к рассмотренным выше лунницам, их установившаяся форма — все это не оставляет сомнений в принадлежности к той же группе символических изображений.

VII. Изображения неопределенные (рис. 7). В эту группу мною выделено некоторое количество кремневых скульптурок, которые не могут быть сейчас с уверенностью расшифрованы, хотя изобразительный характер их безусловен. Некоторые из них могут изображать растения (рис. 7, 2 и 3), что встречается и в наскальных изображениях (рис. 7, 1), другие ближе напоминают рог оленя (рис. 7, 7 и 8).

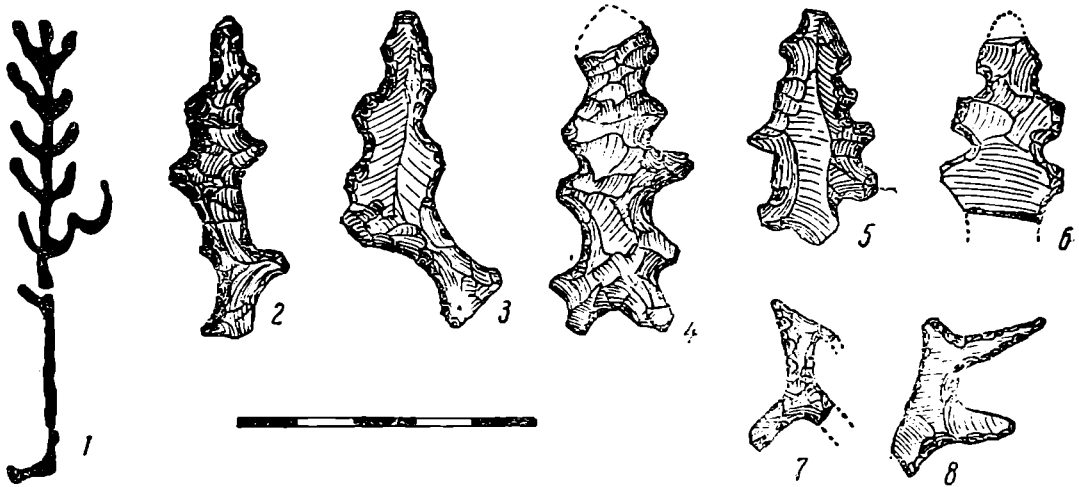

Рис. 7. Изображения неопределенного характера.

2, 4, 5, 7, 8 — Волосово; 3 — Новгородская губ. (собр. Н. К. Рериха); 6 — Алексеевское; 1 — изображение растения с Бесова носа.

Наконец, некоторые фигурки чрезвычайно близки к человеческим изображениям (рис. 7, 4, 5, 6), отличаясь от последних лишь тем, что, помимо обычно условно обозначенных рук и иногда груди, на них имеется ряд добавочных выступов, придающих фигурке сложные очертания, не поддающиеся пока интерпретации.

Надо надеяться, что все изображения этой группы в дальнейшем найдут свое истолкование в свете других памятников изобразительной деятельности эпохи неолита.

Приведенное выше подробное рассмотрение по сюжетам отдельных групп кремневых изображений, мне думается, с достаточной убедительностью подтверждает выдвинутое выше положение, что из всех памятников изобразительной деятельности нашего северного неолита,

Карелии, стр. 165, прим. 179) на обилие в любой мифологии рассказов «о неудачных похождениях божеств, которых зачастую можно обмануть или поймать», ничего не доказывает. От подобных рассказов, стадияльно, обычно весьма поздних, до первостепенного значения, какое имеют эти изображения «капкана» в ритуале и культе северного неолита, как говорится «дистанция огромного размера». Попытаться же обосновать культовое и ритуальное значение капкана у поздне-неолитического населения северо-восточной Европы — будет предприятием явно безнадежным.

именно с петроглифами эти миниатюрные скульптуры обнаруживают наиболее тесную связь. И эта связь, конечно, не случайна.

Близко связаны с этими двумя видами памятников также изображения, нанесенные гребенчатым штампом на глиняных сосудах, происходящих из того же круга памятников, и, наконец, деревянная скульптура Урала. И гораздо менее выразительно эта связь выступает в других изобразительных памятниках неолита и энеолита интересующей нас территории (костяные изделия, фигурные каменные молоты, глиняные скульптурки).

В изображениях на глиняных сосудах имеются и многочисленные фигуры водоплавающих птиц,¹ иногда, как и на петроглифах, сопровождаемых солнечными знаками,² оленей³ и, наконец, фантастического человекоподобного существа с рогами или длинными ушами на голове и женскими грудями.⁴

Те же изображения водяных птиц, лосей, человекоподобных идолов, и, наконец, змеи имеются в деревянной скульптуре Горбуновского и Шигирского торфяников на Урале.⁵

Сюжетная близость изображений на глиняных сосудах и деревянной скульптуры к кремневым фигуркам и петроглифам объясняется не только тем, что памятники эти возникли в одну эпоху, в однородной культурной среде и на почве одних и тех же представлений, но еще более тем, что все эти группы памятников связаны с одним и тем же циклом обрядов, отправлением племенных культов, видимо, выражавшихся в празднествах календарного характера.

Естественно, что глиняные и деревянные сосуды, связанные, очевидно, с приготовлением и приношением жертвенной пищи, занимали иное место в ритуале, нежели кремневые скульптуры и наскальные изображения. Две последние категории памятников, как выше указывалось, имеющие весьма тесную связь, занимали иное, но также одно из центральных мест в этой обрядности.

В задачи настоящей статьи не входит ни анализ верований или искусства северо-восточного неолита в целом (эта большая задача требует привлечения более широкого материала, и, в значительной мере, в ином плане, нежели это приходится делать здесь), ни реконструкция конкретного содержания обрядности, с которой связаны наши памятники.⁶

Отмечу здесь только, что не случайным является само обстоятельство изготовления изображений именно из кремня (равно, как и выбивание их на камне). Было бы, конечно, упрощением объяснять возникновение кремневых скульптурок только мастерством в обработке кремня, достигнутым в эту эпоху.⁷

¹ В. И. Смирнов. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе. СА. VI, 1940, стр. 281—292 (рис. 2 и 3). — Он же. Орнаментальный фриз на сосуде из стоянки Кубенино. КСИИМК, X, 1941, стр. 137—138 и рис. 47. — Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля. Тр. ГИМ, вып. 10, М., 1940, стр. 69—72, рис. 65—70 (Горбуново — береговая стоянка и торфяник: Шигирское городище). Н. Н. Гурина. Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера. КСИИМК, VII, стр. 28—36 и рис. 7.

² В. С. Передольский. Eine bildliche Darstellung des Menschen... Archiv für Anthropologie, т. III, вып. 4, стр. 289 сл., Берлин, 1905 (из Коломцов).

³ О. Е. Клер. Предварительная заметка об открытии изображений животных на сосуде неолитической эпохи на Урале. ЗУОЛЕ, т. XXII, Екатеринбург, 1901, стр. 224—227, I табл.

⁴ В. С. Передольский, ук. соч.

⁵ Д. Н. Эдинг, ук. соч., рис. 25, 27, 61, 63, табл. при стр. 44 и др.

⁶ Опыт в этом последнем направлении я делаю в другом месте, анализируя легенду, связанную с наскальными изображениями Бесова носа.

⁷ Достаточным для изготовления изображений из кремня мастерством владел уже и верхне-палеолитический человек, однако это не вызвало их массового появления.

Напротив, большее значение имело именно то обстоятельство, что кремнь в эту эпоху все более теряет свою исключительную роль, как основной материал для изготовления орудий. Время бытования наших кремневых скульптурок, время поздне-неолитических культур в лесной полосе Восточной Европы как раз характерно широчайшим распространением новых способов обработки камня, полирования, сверления, пиления, благодаря чему, как материал для орудий, начинают использоваться все новые породы, неприменяемые прежде, при использовании старой техники. В то же время на юге и юго-востоке, на границах леса и степи происходит все большее внедрение медных и затем бронзовых изделий, постепенное ознакомление с технологией обработки металла.

Даже далеко на северо-западе, в Карелии, в это время кремневый материал составляет незначительную долю в инвентаре каменных орудий, и не потому, что его здесь нет, или почти нет,¹ а потому что развитие техники делает употребительными другие, более доступные и легче обрабатываемые материалы.

И только в области культа кремнь, сохраняясь как пережиток, прочно удерживает свое значение. Закреплением в религиозной практике этого значения и вызвано к жизни появление кремневых скульптур. Время их появления — это время появления и развития культа камня, в различных его проявлениях. Одним из этих проявлений являются также и наскальные изображения Карелии.

В этом смысле мы можем рассматривать кремневые скульптуры, как функциональный аналог наскальных изображений.

Что это так, подтверждается и распространением обоих видов памятников. Лишь в одном случае (Выг-Остров) мы имеем совпадение в одном пункте находки кремневой фигурки и петроглифов.

Области распространения этих двух видов памятников соприкасаются, но не перекрывают друг друга, и это понятно, ибо в области распространения кремневых скульптур, как правило, отсутствуют элементы ландшафта, делающие возможным осуществление наскальных изображений и отношение к камню, как сакральному предмету, проявлялось здесь иначе.

Принимая изложенное объяснение возникновения кремневых изображений, вместе с тем, мы должны принять и автохтонное их происхождение. Нет никакой необходимости пытаться объяснить их, во чтобы ни стало, подражанием янтарным и костяным изделиям Прибалтики или глиняной пластике Триполья. Наоборот, насколько можно судить по количеству и характеру находок, известных сейчас, обрядность, с которой были связаны кремневые скульптурки, сложившаяся относительно поздно, на юге (Рязань, Пенза) существовала более короткое время и прекратила свое существование именно под воздействием более развитых, обладающих бронзой, степных культур.

Интересную кремневую фигурку медведя, происходящую из нижних (ранне-мадленских) очагов пещеры Сар-Влапс, издал Ж. Буиссонн, сравнивающий ее с костяными «гравюрами с обрезанными контурами». Во всем верхне-палеолитическом кремневом материале автор смог подобрать к ней одну мало выразительную аналогию. См. J. Bouissonne. Une pierre-figure préhistorique. Institut Internat. d'Anthropologie. C.-g. de la III-e Session à Amsterdam (1927), Париж, 1928, стр. 313—315.

¹ Обмен в развитом неолите достигает уже значительных размеров и в ряде мест кремнь и обсидиан перевозятся, как известно, на значительные расстояния и во внушительном количестве. Кремневые разработки Спиенн и Гран-Пресиньи обслуживали, пожалуй, в большей мере обмен, нежели собственные потребности.

Напротив, на севере, в лесной зоне, сложившиеся здесь формы культа, многовековой традицией привязанные к определенным местам, удерживаются чрезвычайно долго, в почти неизменном (по основному содержанию) виде и в последующее время. Неолитические корни могут быть документально прослежены во многих более поздних памятниках.¹ Но это уже особая тема.

Чтобы отдать себе лучший отчет в значении наших кремневых изображений, следует, хотя бы бегло, проследить однородные находки вне круга северо-восточной Европы.

Из следующего ниже обзора, отнюдь не претендующего на исчерпывающую полноту, можно легко убедиться, что изображения подобного рода, вызвавшие такое удивление и даже недоверие при первых наход-

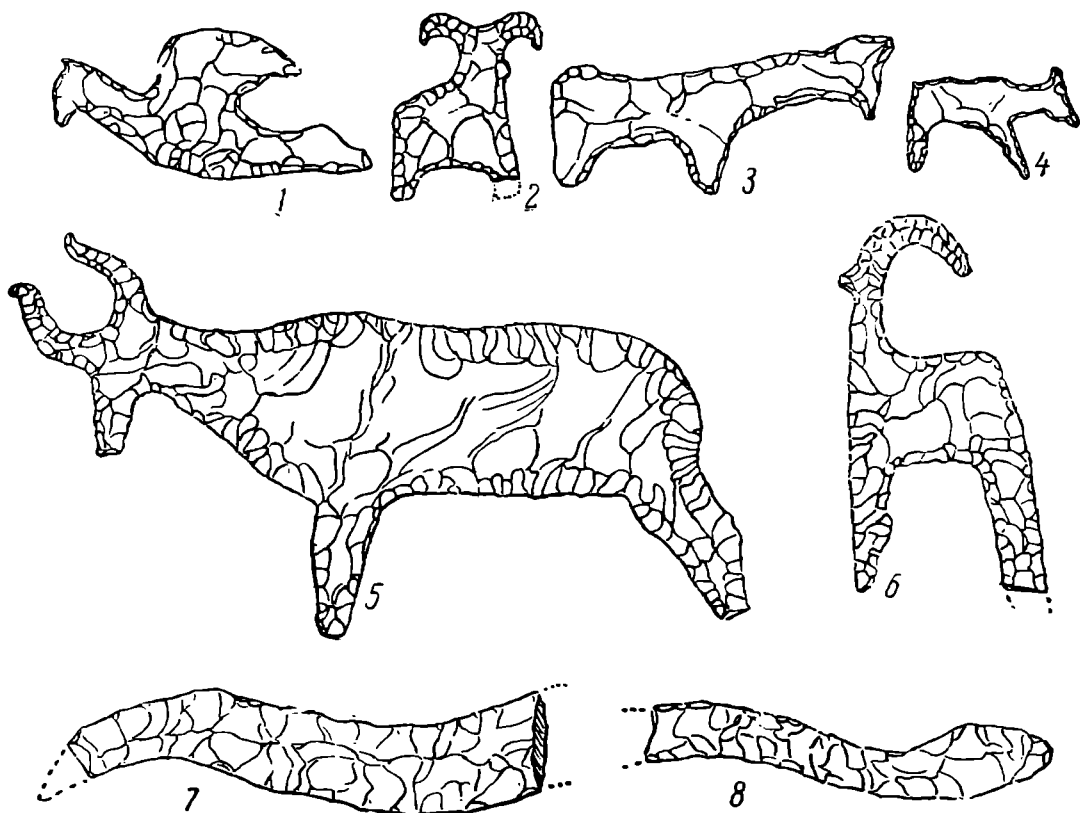

Рис. 8. Кремневые изображения из Египта.

ках, вовсе не представляют чего-либо исключительного и имеют широкое, почти универсальное распространение.

Наиболее ранними хронологически являются великолепные кремневые скульптуры додинастического Египта. Первое изображение этого рода стало известно в девяностых годах прошлого века.² В настоящее время известен целый ряд этого рода изображений, относящихся к эпохе, примерно, на два тысячелетия предшествующей бытованию наших северных неолитических скульптур. Среди египетских кремневых

¹ А. А. Спицын на карточке с зарисовками золотицких кремней Гальштрема сделал для себя пометку: «Все это оставляет впечатление позднего; что-то вроде костеносных городищ» (Архив ИИМК, Картотека А. А. Спицына, папка 280). Конечно, в данном случае речь может быть не о полном хронологическом соответствии, но о непрерывной культурной преемственности, которую А. А. Спицын, великолепный знаток памятников, совершенно правильно уловил в этом беглом предварительном замечании. Золотица или же Волосово, с его десятками кремневых фигурок, и Гляденовское костыше — это звенья одной цепи.

² W. M. Flinders Petrie. Ten years digging in Egypt 1881—1891. Лондон, 1893, стр. 127, рис. 95.

фигурок имеются изображения гиппопотама, быка, разных видов антилоп, ястреба, крокодила и змей (рис. 8).

Изображения эти, как и наши северные, видимо, не совсем одновременны, и тогда как одни из них сделаны довольно грубо и схематично, другие поражают реалистичностью изображения и виртуозно тонкой и точной техникой обработки кремня. Вместе с известными кремневыми ножами, видимо ритуального назначения (и иногда снабженными богато украшенной рукоятью из слоновой кости или золота), эти изделия додинастического периода представляют одни из наиболее изумительных вещей, когда-либо приготовленных древним человеком из кремня. Репертуар животных, представленных в изображениях, несомненно связан с египетским пантеоном последующего династического периода.¹

Находки кремневых изображений на Африканском материке, видимо, не ограничиваются одним Египтом. Так, например, А. Брейль публикует среди поздне-неолитических или энеолитических кремней, происходящих из сборов лейтенанта Сэзара в окрестностях Табелбала (северо-западная Сахара), серию наконечников стрел причудливо-вычурных очертаний, в некоторых случаях имеющих, несомненно, изобразительный характер и передающих то человеческую фигуру, то птицу в полете, с распростертыми крыльями.²

Он же отмечает влияние некоторых форм додинастического Египта (не прямое и протекающее со значительным запозданием во времени) далеко на юг, вплоть до бельгийского Конго и даже Южной Африки.³

Последнее обстоятельство позволяет думать, что дальнейшие исследования в Африке принесут новые данные и по занимающему нас теперь вопросу.

Я намеренно оставляю в стороне Западную Европу, где поле исследования засорено многочисленными и несомненными подделками.⁴

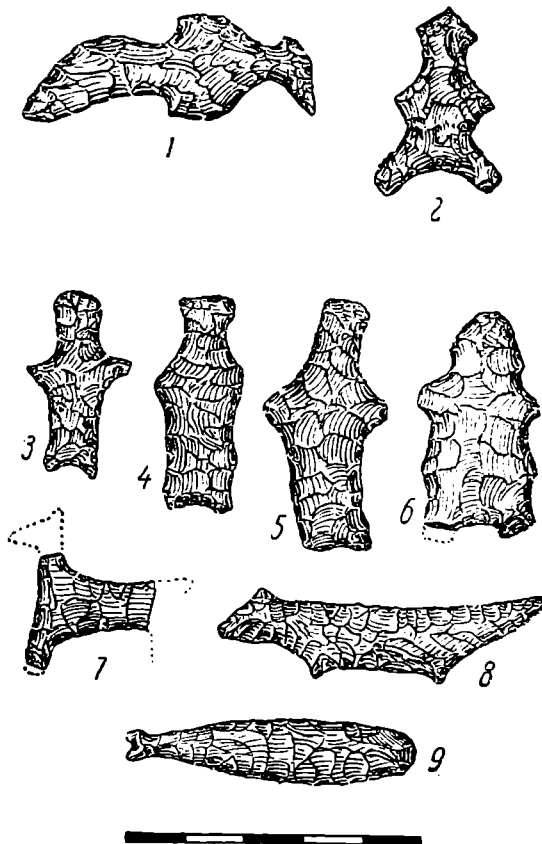

Рис. 9. Кремневые изображения из Сибири и с Камчатки.

1 — Чадобец; 2 — Тунка; 3, 4, 5, 6, 8, 9 — Тарьинская бухта; 7 — северное побережье Авачинской губы.

¹ W. M. Flinders Petrie and A. E. Weigall. Abydos. ч. 1. XXII, Memoir of the Egypt Exploration Fund. Лондон, 1902, XXVI, табл. XIV, XXVI. — G. Schweinfurth. Figures d'animaux fabriquées en silex. Revue d'Ecole d'Anthropologie de Paris, т. IX, 1903, стр. 397, рис. 87—89. — W. M. Flinders Petrie. Prehistoric Egypt (British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research Account, twenty-third year, 1917). Лондон, 1920, стр. 10—13, табл. VII, рис. 2—10. — См. также J. Garart. Les débuts de l'art en Egypte. Брюссель, 1904, рис. 148—149.

² L. Frobenius. H. Breuil. L'Afrique. Editions «Cahiers d'art». Париж, 1931, стр. 87, рис. 69.

³ Ук. соч., стр. 94.

⁴ Интересующихся длящейся свыше полувека полемикой о поддельных кремнях из Бреонии отсылаю к цитированной выше книге R. Munro и капитальному труду A. Vayson de Pradenne «Les fraudes en archéologie préhistorique» (Paris, 1932), в котором можно найти обширную литературу вопроса, а также сведения о ряде

Обращаясь к находкам кремневых изображений в Азии, прежде всего необходимо указать на известную находку И. Т. Савенкова в сел. Чадобец на Енисее, близ Красноярска (рис. 9, 1).

Небольшая (5 см) фигурка, схематично представляющая птицу в полете, по времени и культурной среде, в которой она бытовала, чрезвычайно близка к нашим североазиатским находкам и не исключена возможность, что в дальнейшем свяжется с ними непрерывной цепью местонахождений.¹

Далее, на востоке можно указать схематичную человеческую фигурку, происходящую из старых сборов И. С. Полякова в Тункинской котловине (рис. 9, 2), видимо, являющуюся специальной формой наконечника стрелы.²

Наконец, целая серия подобного рода изображений известна на северо-восточной окраине Азии, на Камчатке, в окрестностях Петропавловска (рис. 9, 3—9). Первые находки были здесь сделаны шведской экспедицией, орудовавшей на Камчатке во время гражданской войны (1920 и 1922), на берегу Тарьинской бухты, находящейся в южной части Авачинской губы, и еще в одном пункте на северном берегу губы, близ Петропавловска. Здесь при раскопках древних землянок, среди примерно сотни изделий из обсидиана, была, между прочим, собрана и пара изделий изобразительного характера.³

Одна из фигурок, с северного побережья Авачинской губы сильно фрагментирована и, видимо, представляла какое-то четвероногое животное; фигурка из Тарьинской бухты изображает человека.

Работы шведов, повидимому, имели весьма поспешный характер и велись небрежно, так как на месте их работ в отвалах перекопанной земли капитаном рыболовного траулера Н. А. Гурьевым была собрана довольно внушительная коллекция (43 предмета) каменных орудий и среди них три человеческих фигурки

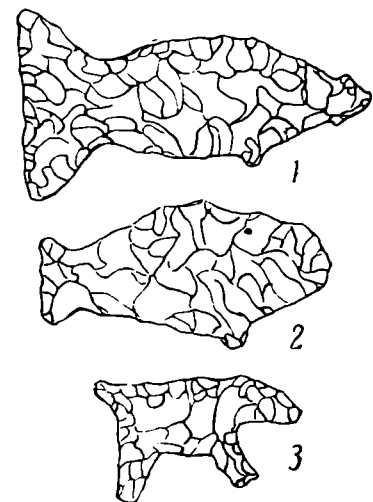

Рис. 10. Изображения с мыса Барроу на Аляске.

1 — из стекла (1), остальные из кремня.

из обсидиана. Коллекция эта была впоследствии, в 1934 г., передана им в Музей этнографии АН СССР.⁴

Другая коллекция, тоже из Тарьинской бухты и также состоящая из подъемного материала, имеется во Владивостокском музее.

других подделок аналогичного характера. Ответом на книгу де Праденна является статья Р. Ducati «Per le selci di Breonio» (Bulletino di Paletnologia Italiana, anno LIII, 1933, стр. 123—125), в которой, между прочим, опубликован один фигурный кремль, найденный Эльзой Баумгартель в раскопках на одной из стоянок в окрестностях Гаргано, т. е. далеко к югу от Вероны. Последнее заставляет (даже теперь, когда известно имя автора веронских подделок) допустить, что может быть немногие аутентичные *forma strana* были найдены в ранних раскопках в Бреонио, вызвав к жизни подражающие им бесконечные фальсификации, среди которых первые совершенно затерялись. — Поздне-неолитический возраст итальянских местонахождений, с которыми связаны эти вещи, также говорит в пользу последнего допущения.

¹ Хранится в археологическом отделе Музея этнографии АН СССР в Ленинграде. Колл. № 282—130.

² А. С. Уваров, ук. соч., т. II, табл. 1, 7.

³ J. Schnell. Prehistoric Finds from the Island World of the Far East. The Museum of Far Eastern Antiquities [Ostasiatiska Samiingarna]. Bulletin, n° 4, Стокгольм, 1932, стр. 15—104, табл. I—XVII. (О Камчатке стр. 59—65).

⁴ Коллекция № 5180. Вещи этой коллекции опубликованы в работе проф. С. И. Руденко. Культура доисторического населения Камчатки. Сов. Этнография, 1948 (печатается).

Во владивостокской коллекции также имеются две скульптурки: одна, изображающая лисицу или песца, другая — повидимому кита.¹

Хотя комплекс вещей, в составе которых найдены камчатские обсидиановые фигурки, имеет всецело неолитический облик, но они много моложе подобных памятников, рассматривавшихся выше. Точную дату

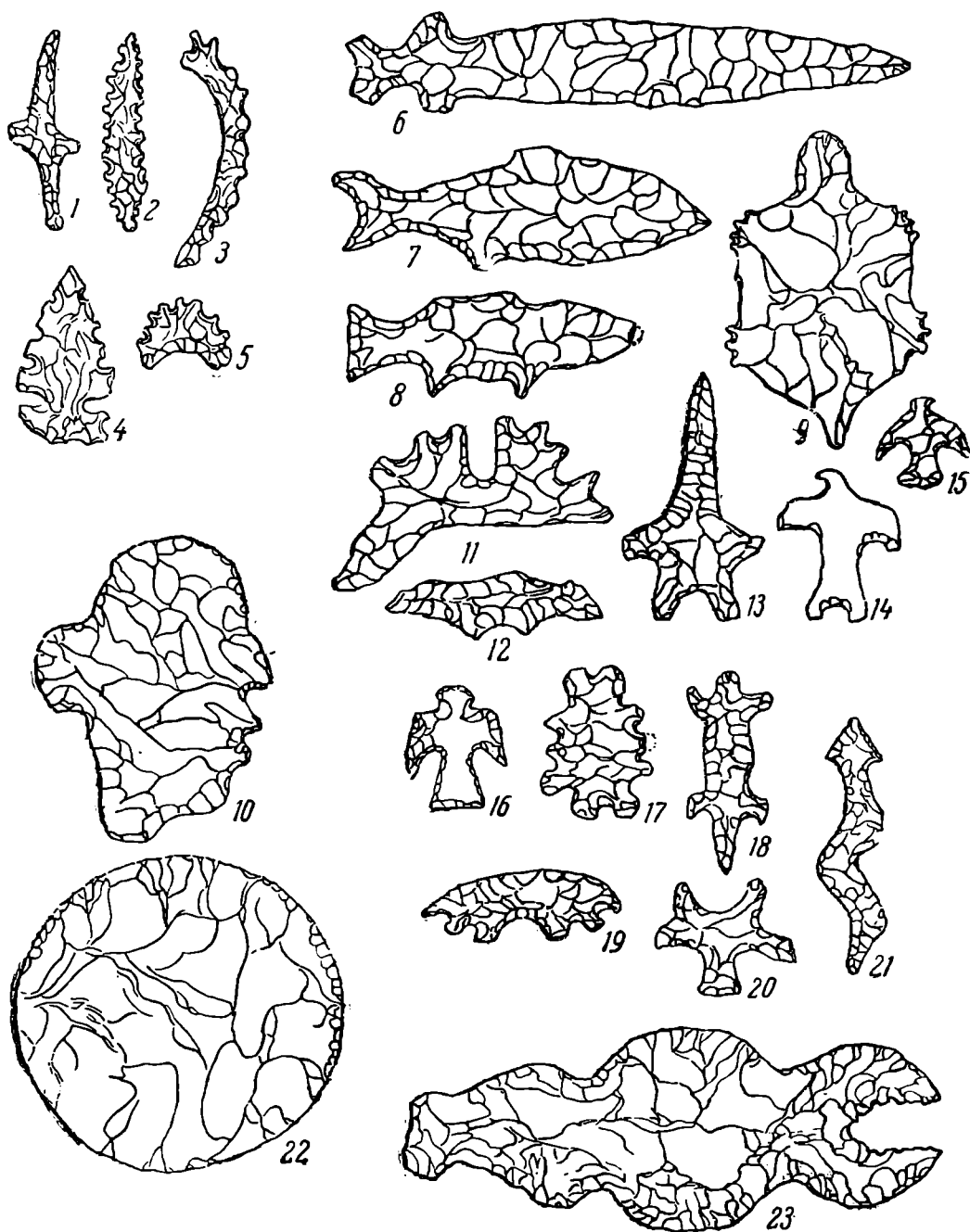

Рис. 11. Кремневые изображения из Канады и Соединенных Штатов.

указать пока затруднительно, но она может и не превосходить всего нескольких столетий.

На материках обеих Америк интересующие нас скульптурные изображения распространены широко, от Аляски до Патагонии.

Полярной экспедицией 1881—1882 гг. изготовленные из кремня, яшмы, обсидиана и обыкновенного стекла фигурки животных наблю-

¹ Владивостокский музей, коллекция № 2276. С фотографиями этих вещей любезно познакомил меня проф. С. И. Руденко.

дались в живом быту у эскимосов селения Utkiavwin, на мысе Барроу (арктическое побережье Аляски).¹

Из шести вывезенных оттуда фигурок, пять являются изображениями кита и одна представляет медведя. На рис. 10 приводится это изображение медведя, сделанное из темносерого кремня, дл. 3 см, и две фигурки кита, одна (№ 2) из массивного куска бесцветного стекла, видимо осколка корабельного иллюминатора, дл. 8.5 см, и другая (№ 3) из красной яшмы, дл. 5 см.

В отношении изображений кита J. Murdoch отмечает, что последние пользуются широким распространением как амулеты, прикрепляются к лодке, охотничьему оружию и носятся на шее, на шнурке, под одеждой, в частности, во время охоты на кита, капитаном лодки и гарпунщиком.

В области расселения индейских племен находки изображений из кремня и обсидиана многочисленнее и разнообразнее.

Из Северной Америки они известны как с западного, тихоокеанского побережья (Литтон в Британской Колумбии, рис. 11, 1—5; ряд находок в штате Орегон; находки на острове Сан-Мигуэль у берегов Калифорнии), так и атлантического (кьеккенмеддинги в Эдмонде, штат Мэн, находки в Ньюарке, штат Нью Джерси).

То обстоятельство, что большинство находок сосредоточено, главным образом, в восточных штатах, в бассейне Миссисипи (штаты Тенесси, Иллинойс, Миссури, Огайо, Зап. Виргиния, Кентукки), может объясняться их большей изученностью.

На рис. 11 мною приводятся образцы кремневых скульптур Северной Америки. Изображения млекопитающих (13, 19) редки и схематичны; чаще и выразительнее изображения рыб (6, 7, 8), пресмыкающихся (9, 18, 21) и особенно птиц (13—16), причем из четырех приведенных на рисунке изображений 13-е дает самый многочисленный тип, распространенный повсеместно, в разных вариантах, и несомненно является особой формой наконечника стрелы (причем надо, однако, заметить, что по отношению к другим, обычным формам наконечников стрел — количество этого рода стрел все же крайне незначительно). Многочисленны и разнообразны по очертаниям схематичные, геометризированные изображения, имеющие, видимо, символическое значение (17, 20). Чрезвычайно любопытны и своеобразны крупные (до 18—20 см) тонкие правильные диски (22) и профильные изображения человеческой головы (10), встреченные неоднократно.²

Время всех этих американских находок указать точно — затруднительно. В большинстве случаев они недостаточно документированы (по крайней мере, в публикациях). Кроме того, они, повидимому, и не одновременны. Основная масса их относится к доколумбовскому времени, но надо думать, все же, к текущему тысячелетию, но некоторая часть восходит, видимо, к первому тысячелетию нашей эры, сближаясь по времени с центрально-американскими находками, о которых речь будет ниже.

Упомянувшиеся уже кремни Патагонии, собранные на берегах озера Colhue Huapi, принадлежат к той группе специальной формы на-

¹ J. Murdoch. Ethnological results of the Point Barrow Expedition. IX annual report of the Bureau of Ethnology. Вашингтон, 1892, стр. 434—436.

² Harlan J. Smith. Archaeology of Lytton. British Columbia. Memoirs of the American Museum of Natural History, т. II, Нью-Йорк, 1899, стр. 136—Т. Wilson. Prehistoric Art. Annual Report of the Smithsonian Institution for the year ending 30/VI 1896. Вашингтон, 1898, стр. 436—439 и табл. 29. — Warren K. Moorehead. The stone age in North America, т. I, Бостон и Нью-Йорк, 1910. (В последней работе — большой иллюстративный материал, много снимков с вещей из частных собраний).

конечников стрел, имеющих очертания птицы в полете, распространенность которых отмечалась для Северной Америки, и относятся ко времени, несколько предшествующему появлению европейцев.¹ Некоторые образцы их приведены на рис. 12.

Особо надо остановиться на интереснейших кремневых изображениях Центральной Америки.

Отдельные случайные находки из сопредельных частей Британского Гондураса, Гватемалы и Мексики были известны давно, но не привлекали особого внимания. В дальнейшем накопились более точные сведения как об их распространении, так и условиях находки.

Специальную публикацию посвятил этим кремням, Т. А. Джойс,² один из крупнейших специалистов по археологии Центральной Америки и руководитель ведущих там Британским музеем раскопок. Все известные сейчас местонахождения кремневых скульптур в Центральной Америке расположены в южной части полуострова Юкатана, т. е.

приурочены к территории древней цивилизации Майя. Репертуар изображений несколько отличается от северо-американского. Выделяются многочисленные изображения скорпиона, единичные, тщательно выполненные человеческие фигурки, но основную роль играют изображения сложных геометрических очертаний, несомненно символического характера. Привожу для примера несколько образцов (рис. 13), отсылая

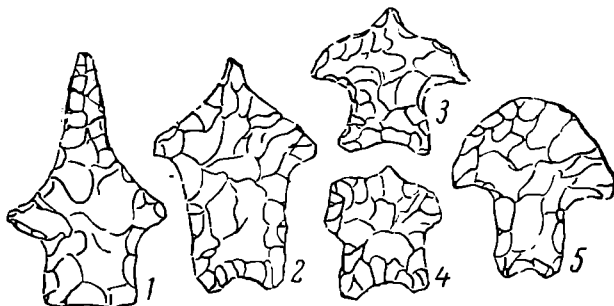

Рис. 12. Кремневые изображения из Патagonии (2/3 н. в.).

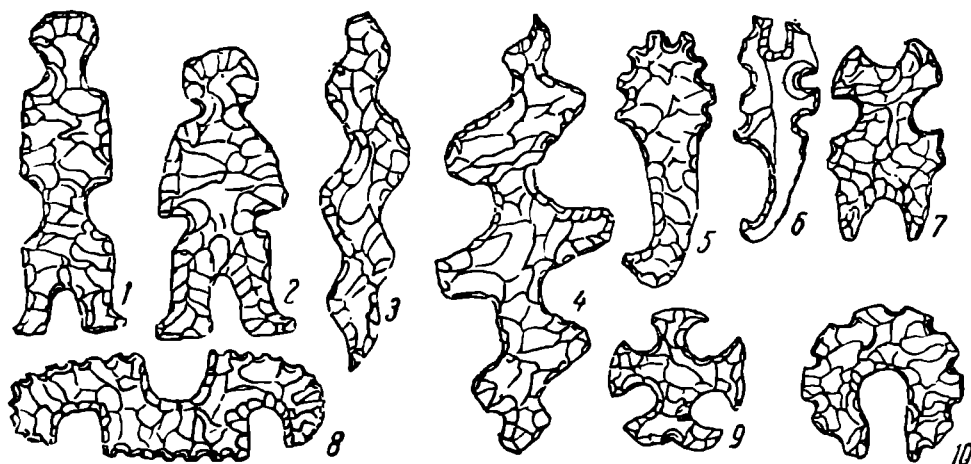

Рис. 13. Кремневые изображения из Мексики и Британского Гондураса.

интересующихся к многочисленным воспроизведениям, приложенным к статье Т. А. Джойса. Чрезвычайно любопытно, что, по данным раскопок, эти кремневые фигурки встречаются, обычно, значительными сериями в одном пункте (Benque Viejo, Tical, Pusilhá), причем в развалинах

¹ O. C. Elvins. Stone implements from Patagonia. *Man*, т. XXXVI (1936), 76. J. H. Braunnholtz. Note on the stone implements from Patagonia, там же, 77.

² T. A. Joyce. The «Eccentric Flint» of Central America. (Presidential Address.), *Journal of the R. Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, т. LXII, 1932, стр. XVII—XXVI + табл. I—VIII.

Пусильха они были обнаружены под скульптурными стелами ритуального назначения, точно датирующимися по календарю Майя. Так, под стелой Е из раскопок 1928 г. было обнаружено до ста подобных изображений. Стела датируется 202 годом н. э. (по хронологии, принимаемой английскими исследователями; принятая у американских специалистов расшифровка дат снижает их на три столетия).

Совершенно неожиданная и исключительно интересная находка была сделана в руинах Тикаля. Здесь, в одном скоплении, наряду с кремневыми скульптурками обычного характера, была встречена значительная серия удлиненных ножевидных пластинок и отщепов обсидиана, без вторичной обработки ретушью, но с награвированными на них изображениями.¹ Пластинки эти, совершенно очевидно имевшие то же значение, что и кремневые скульптурки, несут на себе изображения различных божеств пантеона Майя, хорошо поддающиеся определению, благодаря устойчивой их иконографии и большому количеству дошедших до нас изображений как в древних манускриптах майев, так и вещественных памятниках. Хотя иероглифическое письмо майев и не читается до сих пор,² но близость их пантеона к более позднему, ацтекскому, позволяет совершенно точно расшифровать значение каждого изображения. На рис. 14 мною приводятся по Т. А. Джойсу несколько гравированных обсидианов из Тикаля и соответствующие им изображения отдельных божеств по древней календарно-магической рукописи майев, известной под названием «Дрезденского кодекса». Так 1, 2 и 15 изображают божество маиса (бог Е), с развевающимися листьями этого растения на головном уборе; на рис. 14, 3, 4 и 16 воспроизводится бог К — божество ветра, с его характерным хоботообразным носом, поднятым кверху; на рис. 14, 5 и 17 — бог В, бог дождя и грома (Тлалок ацтеков); на рис. 14, 6 и 18 — бог Д, бог неба (ацт. Тецкатлипока). Изображение 7 Джойс не определяет, но возможно, что и оно передает изображение божества Д.

Уже этот состав изображений на обсидиане раскрывает значение функционально равнозначных им символических кремневых изображений. Мне хотелось бы только обратить внимание еще на одну деталь, не отмеченную Джойсом, но весьма существенную для окончательного подтверждения значения геометризованных фигурок как символов тех же божеств, олицетворяющих отдельные стихии и явления природы.

На рис. 14, 6 — изображение божества неба обрамлено картушем в виде круга с четырьмя выступами (близкое по характеру обрамление и на рис. 14, 7). Рисунки этих обрамлений отнюдь не случайны, а связаны с основным персонажем изображения. В то же время эти же самые фигуры, в виде круга или кольца с четырьмя и более выступами, встречаются и как самостоятельные изображения среди геометризованных символических фигурок из кремня. Примеры некоторых из них я привожу на этом же рисунке (9—14). Крестообразная фигура с четырьмя выступами, указывающими на четыре страны света, являющаяся символом бога неба, достаточно известна и приводила в свое время в недоумение первых европейских миссионеров.

Объяснение этих крестообразных фигурок из кремня как символа бога Д (Тецкатлипока) может быть с уверенностью принято.

¹ Т. А. Joyses, ук. соч., стр. XXIII и табл. VIII.

² Именные иероглифы отдельных божеств точно установлены, но произношение их неизвестно и поэтому принято отдельные божества обозначать условно буквами латинского алфавита.

Наконец не только символы, но и изображения отдельных божеств в кремневой скульптуре могут быть опознаны. На рис. 14, 8 мною вос-

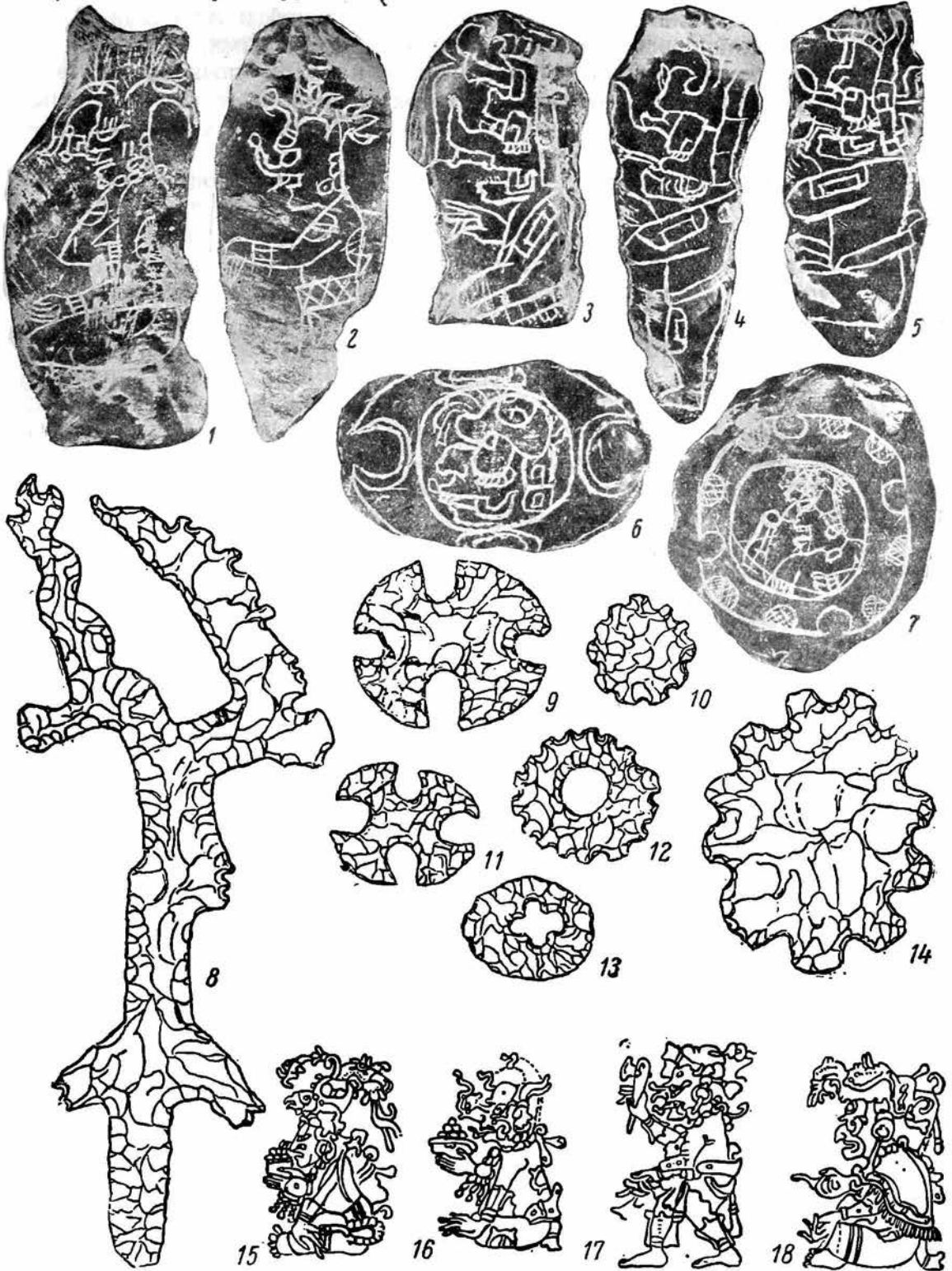

Рис. 14. Изображения божеств пантеона Млйя и их символов на гравированных обсидианах (1—7), кремневых изображениях (8—14) и в Дрезденском кодексе (15—18).

1, 2, 8 и 15 — божество маиса (бог Е); 3, 4, 16 — божество ветра (бог К); 5 и 17 — божество дождя, громовик (бог В=ацт. Тлалок); 6 и 18 — божество неба (бог Д=ацт. Тецкатлипока); 9, 11 и 13 — символ бога Д=знак четырех стран света; 10, 12 и 14 — символ бога, изображенного на № 7.

производится великолепная крупная (30 см) скульптурка, происходящая из Квиригуа, также изданная Джойсом, но оставленная им без интерпретации.

Как мне думается, можно с достаточной определенностью утверждать, что и здесь мы имеем изображение божества маиса (бог Е) в характерном головном уборе, украшенном маской и листьями.¹

Можно ограничиться приведенными сравнительными материалами. Даже и этот беглый обзор внеевропейских находок позволяет значительно шире поставить оценку находок северо-восточной Европы. Отчетливо видно, что появление в ритуале кремневых скульптур — явление стадияльное.

Мы наблюдаем их и в IV тысячелетии до н. э. в додинастическом Египте, и III в. н. э. у майев, и во II тысячел. до н. э. в лесах и тундрах Восточной Европы, и у современных нам эскимосов Аляски.

Но всегда и везде, независимо от хронологии и территории, время бытования кремневых скульптур — это время позднего или переходного неолита и энеолита, первого появления и постепенного внедрения металла, это время далеко зашедшего разрушения территориальной целостности отдельных родов и сложения крупных племенных образований, в отдельных случаях (Египет, Юкатан) стоящих на грани возникновения классового общества. В этих условиях, на основе слияния и переработки старых родовых культов, возникают новые сложные космогонии, постепенно слагаются пантеоны, божества которых олицетворяют отдельные стихии и явления природы.

Как я указывал выше, именно к этой ступени надо приурочить и возникновение универсально распространенных представлений о божестве-громовике и его каменных стрелах-перунах (или каменном же молоте, позднее). Последнее обстоятельство надо иметь в виду, подходя к объяснению того факта, что очень значительная часть кремневых изображений (и не только нашего восточно-европейского неолита, но и других мест), и по общим очертаниям и по размерам, приближается к наконечникам стрел. При свойственном эпохе анимистическом восприятию окружающей действительности, наделении индивидуальными качествами даже неодушевленных предметов, в том числе орудий и оружия, а с другой стороны, несомненном ритуальном характере кремневых скульптур, и связи их с обрядностью, в которой жертвоприношение занимало центральное место, — эту группу кремневых изображений можно объяснить как наконечники обрядовых стрел, служивших для умерщвления жертвенных животных. Одновременно они являлись персонификацией божества, которому жертва приносилась.²

Предложенное объяснение не исключает, в отдельных случаях, возможности последующего сохранения этих фигурок, использования их как амулетов.

Я должен ограничиться здесь этими беглыми замечаниями. Многие вопросы, связанные с нашими кремневыми скульптурками, я мог затронуть только вскользь, или опустил совсем. К некоторым из них я рассчитываю вернуться в другом месте.

Задача настоящей публикации будет полностью выполнена, если, в результате ее, будет привлечено более пристальное внимание к рассмотренной любопытнейшей группе памятников нашего северного неолита.

¹ Но мелкие зазубрины на боковых выступах надо, конечно, рассматривать не как фрагменты масок, согласно Т. А. Джойсу, а просто как пальцы рук (ср. рис. 5, 13, рис. 11, 9).

² Подобное же обрядовое назначение представляется мне наиболее вероятным в отношении фигурных каменных молотов с изображениями голов лося, медведя и т. д., а также сменяющих их в анафинское время бронзовых секир того же характера.

В заключение я хотел бы принести мою глубокую благодарность всем, чьей помощью я пользовался в собирании этого чрезвычайно расплывчатого материала. Неизменное благожелательное внимание и товарищеская помощь были теми условиями, без которых эта работа не могла бы увидеть свет.

За время печатания этой статьи я получил некоторые дополнительные сведения о находках кремневых скульптур.

Из новых местонахождений, не отмеченных в моей сводке, и более эффектных находок на старых следует указать:

1. «Мартышкин Остров» на оз. Осташевском, Вашкинского р-на, Вологодской области (близ Белоозера). На неолитической стоянке, имеющейся здесь и обследованной В. В. Горновским, собрана коллекция, хранящаяся в Боровичском музее. В состав коллекции входит, между прочим, великолепная небольшая лунница серого кремня, подковообразной формы, тщательно обработанная двусторонней отжимной ретушью. (Вещи со стоянки показаны мне 30/1 1947 г. директором Боровичского музея С. Н. Поршняковым).

2. Дер. Буньково, Ногинского р-на, Московской обл. В 1946 г. отсюда поступила, в составе других неолитических материалов, фрагментированная кремневая фигурка (голова) животного, возможно, медведя.

3. В собрании А. Х. Репман (Вышний Волочек), составленном примерно в тех же местах, где проводили сборы Рерих и Гумилевский, имеется кремневая фигурка животного, трудно определяемая ближе (знакома мне по рисунку).

4. При продолжении А. Я. Брюсовым работ на Мадлонской стоянке, в 1946 г., в верхнем слое (над остатками свайной постройки) найдена фигурка из светлосерого кремня, символического характера, близкая по очертаниям к моему рис. 6, 8. Ретушь тонкая, двусторонняя, по всей поверхности (ГИМ 477/1359).

Относительно описанного отсюда изображения лебедя, которое я раньше знал лишь по рисунку, следует добавить, что приготовлено оно из великолепного по окраске кремня — серовато-белого, с равномерно рассеянными правильными крапинками темнокрасного цвета. Эта эффектная окраска кремня, несомненно, побудила древнего мадлонца изготовить из него предмет культового характера.

5. На Панфиловской стоянке, во время раскопок, производившихся в 1946 г. Е. И. Горюновой, была, между прочим обнаружена интересная кремневая фигурка, передающая несомненно женщину, с подчеркнуто выпуклыми бедрами. Кремень красивый с желтыми пятнами. Фигурка сделана из тонкой пластинки. Ретушь только по контуру. Высота фигурки — 5 см. (Полевая опись № 978).

Из заграничных публикаций, ставших мне доступными в последнее время, хочется отметить статью F. E. Clements and A. Reed. *Eccentric flints of Oklahoma* (*American Antiquity*, т. V, № 1 (1939), стр. 27—30), где опубликован ряд интересных кремней, к сожалению недостаточно документированных.

Н. Н. ГУРИНА

КАМЕННЫЕ ЛАБИРИНТЫ БЕЛОМОРЬЯ

Памятники, носящие название каменных лабиринтов, представляют собой наземные сооружения, сложенные из небольших (до 30 см) диких камней, образующих прихотливо извивающиеся линии, которые в целом составляют фигуру овала или круга, достигающего размером до нескольких саженей в диаметре. Между каменными рядами располагаются узкие ходы — дорожки, извилистым путем ведущие к центру или тупику, из которого необходимо возвращаться назад.

Распространение каменных лабиринтов охватывает страны северо-западной Европы и совпадает, чаще всего, с местами богатыми эрратическими наносами. Так, лабиринты известны в Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии и на северо-западе СССР. Особенно много лабиринтов в Финляндии, где их насчитывается свыше 5 десятков. Аспелин, исследовавший эти памятники в 1887 г., отмечает, что все они расположены здесь на берегу Ботнического и Финского заливов и на островах от реки Торнео до Выборга. «В наибольшем количестве они обнаружены в южной Финляндии между Нюстадом и Выборгом. в глубине страны лабиринты найдены в Пеутюэ (Сатакунда)».¹

Нордстрем², исследовавший норвежские и шведские лабиринты в 1877 г., также указывает, что почти все они расположены в южных провинциях и на острове Готланде. Таким образом, каменные лабиринты упомянутых стран в основном находятся в близком соседстве с морем.

В СССР каменные лабиринты известны в его северо-западной части, по побережью Белого моря и, по имеющимся сведениям, на Мурманском берегу. К настоящему времени их насчитывается около двух десятков.

Первым указал на наличие лабиринтов в Лапландии Бер,³ обративший в 1842 г. внимание на финские лабиринты. Он отметил нахождение лабиринтов в бухте Виловатой и у устья реки Поной, впадающей в Белое море. Следующее описание их было сделано в 1877 г. Кельсиевым для антропологической выставки, которое, однако, бесследно исчезло. В 1883 г. краткие сведения о лабиринтах Лапландии печатает Елисеев,⁴ указавший на наличие лабиринтов вблизи озера Энаро и по дороге между Колою и Кандалакшей. Он отмечает также, что, по слухам, они встречаются по всему Мурманскому побережью. В 1900 г. Понойские лабиринты были осмотрены Рево, обнаружившим здесь два лабиринта и следы трех, к тому времени уже исчезнувших.

Однако до 1904 г. все сведения о лапландских лабиринтах носили

¹ I. R. Aspelin. Latulinarhat Suomen rautamailla. Finska fornminnesför. Tidskrift, т II, 1877, стр. 155.

² Nordström. Svenska fornminnesför. Tidskrift, т III, вып. 3.

³ E. Baer. Ueber labyrinthförmige Steinsetzungen im Russischen Norden. Bullet. de l'Acad. de St.-Petersb., т I, 1844.

⁴ А. В. Елисеев. О так называемых вавилонах на севере России. Изв. Географ. общества, т XIX, 1883.

отрывочный характер, пока не были сведены в одно целое А. А. Сплицыным. В статье «Северные лабиринты», напечатанной в 6-м выпуске ИАК, автор не только дает полный обзор известных к тому времени лабиринтов, но делает попытку дать их истолкование и поставить в определенные хронологические рамки. Данная работа не утратила своей ценности, и в настоящее время цитируется всеми, кто в той или иной мере интересуется вопросом каменных лабиринтов.

В 1913 г. появляется в печати статья Дурьлина,¹ дающая общее описание Кандалакшского лабиринта. В 1927 г. выходят две работы Н. Н. Виноградова, посвященные подробному исследованию лабиринтов и сопровождающих их каменных кладок на островах Соловецкого архипелага.

Как было уже указано выше, большинство каменных лабиринтов располагается в местах, богатых эрратическими наносами. Это в особенно большой мере относится к группе Беломорских лабиринтов. Почти все они выложены на каменистом грунте, лежащем довольно мощным слоем. «Здесь везде камень и камень без конца. Не в один или два ряда, а в несколько, во много рядов. Тут же на склоне горы кто-то попробовал пробиться в гору, очевидно желая посмотреть, далеко ли вглубь идет камень, на целую сажень в толщу гранитных валунов выбрана яма, но камню не видно конца»,² — так описывает Н. Н. Виноградов место расположения лабиринтов Большого Заяцкого острова. Именно этими почвенными условиями и объясняется тот факт, что до наших дней лабиринты дошли как наземные сооружения, лишь изредка покрытые легкой растительностью в виде ягодника. «Целые тысячелетия не могли создать здесь такого тонкого слоя перегноя, который был бы достаточным хотя бы для таких неприхотливых растений, приготовляющих сами себе почву, как вересковые, вороника (*Empetrum nigrum*), брусника (*Vaccinium vitae-idaea* L.), черника (*Vaccinium iliginosum* L.) и др. Лишь понемногу, по миллиметрам и сантиметрам, вползает растительность на гряду камней, отвоевывая себе вершок за вершком каменистое пространство».³ В такой же полной мере это описание относится к Кандалакшскому и другим лабиринтам Соловецкого архипелага.

Подобно финским, лапландские лабиринты расположены вблизи моря на островах и полуостровах, или в устьях рек. К настоящему времени известны следующие пункты: 1) около с. Умбы, на южном берегу Кольского полуострова — 1; 2) устье реки Поной, разрезающей восточную оконечность полуострова — 2; 3) у устья р. Харловки — 1; 4) Кемский лабиринт — 1; 5) Кандалакшский — 1; 6) близ города Колы — 1; 7) близ станов. Захребетное (бухта Вящина) — 1; 8) Соловецкий архипелаг — 17 (Соловецкий остров — 3; Большой Заяцкий остров — 11; остров Анзор — 3).

По характеру беломорские лабиринты можно разделить на два вида: групповые и одиночные. К последним относятся лабиринты Кеми, Кандалакши и значительная часть расположенных на Кольском полуострове. Соловецкие лабиринты образуют численно большие группы. Помимо количественной разницы, наблюдаются также и очень значительные вариации в их форме — от простейших спиралей до очень сложных фигур. В ряде случаев лабиринты сопровождаются расположенными по соседству с ними каменными кладками; таковы, например, лабиринты Соловецких островов.

¹ С. Дурьлин. За полуденным солнцем. 1913.

² Н. Виноградов. Соловецкие лабиринты. Изд. Соловецкого общ. краеведения. 1927, стр. 59.

³ Там же, стр. 57—58.

Для того чтобы яснее представить себе характер и устройство рассматриваемых нами памятников, мы остановимся наиболее подробно на одном из них, относящемся к типу широко распространенных и являющемся достаточно типичным для каменных беломорских лабиринтов.

Кандалакшский лабиринт впервые был описан и зарисован Дурьлиным, посетившим его в 1913 г.¹ Исследование лабиринта, продолженное нами (в 1934 и 1944 гг.), позволило внести существенные поправки в чертеж лабиринта и правильно понять характер его структуры. Кроме зарисовок и фотографирования, была произведена пробная шурфовка территории, примыкающей к памятнику.

Лабиринт, или по местному названию «вавилон», находится в 3 км от Кандалакши по берегу моря на небольшом мыске, называемом

Рис. 1. Общий вид Кандалакшского лабиринта.

«Хохолок», вблизи которого расположен остров Большой Березовый. Во время морского прилива вода покрывает узенькую перемычку из камней, соединяющую его с материком, и лабиринт оказывается находящимся на островке. Во время полного отлива из-под воды освобождается ряд валунов, соединяющих этот мысок с материком и островом Большой Березовый.

К южной части мыса примыкает небольшой заливчик Питькуля, где летом рыбаки Кандалакши ловят неводом сельдь, а женщины удят тресковую молодь. Полуостровок имеет довольно ровную каменистую площадку, слегка затянутую стелющейся растительностью, скрепляющей камни лабиринта. Древесная растительность на мыске отсутствует.

Лабиринт имеет овальную форму, его размеры с востока на запад — 6 м, с юга на север — 8,5 м. Очертания слегка напоминают форму куриного яйца с тупым и острым концами. Вход в лабиринт с востока, т. е. со стороны материка (рис. 1).

¹ С. Дурьлин, ук. соч.

Материал, из которого сложен лабиринт, — местный валун от 15 до 35 см. ширины, собранный безусловно здесь же на месте. Камни располагаются в один ряд, обычно соприкасаясь краями один с другим, составляя сложную фигуру лабиринта. Промежутки между рядами камней образуют дорожки или ходы лабиринта. Какой-либо искусственной обработки камней не наблюдается. Пространство между рядами камней или ширина дорожек неравномерны — иногда они достигают полуметра, чаще же — уже. Наблюдается некоторая диспропорция между отдельными частями лабиринта. Концы всех линий утолщены вторым рядом валунов или кладкой из более крупных камней (рис. 2).

Рис. 2. Чертеж-план Кандалакшского лабиринта.

Создатели Кандалакшского лабиринта составили остроумную задачу — в немногих рядах сооружения заставить вошедшего кружиться внутри лабиринта. Секрет заключается в том, что если идущий будет придерживаться левой стороны прохода, то он выйдет из лабиринта. Придерживаясь правой стороны, он обречен на вечное кружение внутри лабиринта вдоль замкнутой дуги, составляющей весь секрет конструкции. Кандалакшский лабиринт дает 8 вариантов кружения. Концы двух незаконченных линий, которые выводят из лабиринта, начинаются несколько в стороне и выявляют расчет строителей этого памятника. Если идущий по лабиринту, построенному в округлых, плавных очертаниях, не догадается в нужную минуту круто свернуть в сторону, а по инерции пойдет дальше, то станет кружиться вдоль дуги, замаскированной внутри одним рядом валунов. Во время хождения дуга не кажется замкнутой и производит вид обычной спирали лабиринта.

Благодаря составлению на месте правильного чертежа, нам удалось расшифровать структуру Кандалакшского лабиринта и выявить систему его постройки (рис. 3). Очевидно, в начале был выложен дугообразный ряд, который затем был обложен таким же рядом камней, концы которых соединены между собой. Получилась замкнутая дуга с двумя ходами внутри, по которым никогда не ступает нога человека. Затем началось строительство двух новых рядов (линия 3 и 4, рис. 3). Линия

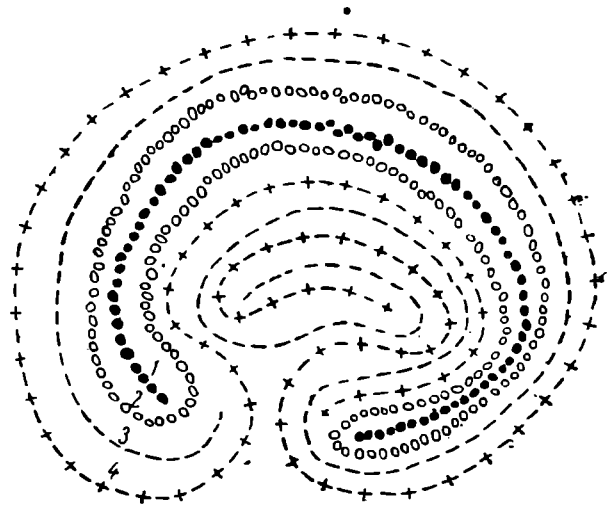

Рис. 3. Схема кладки Кандалакшского лабиринта.

ведется вдоль края дуги. Прокладывая две линии, одну параллельно другой, строители закончили их внутри центра лабиринта небольшой грудой камней.

Расшифровка конструкции лабиринта свидетельствует о том, что создатели его обладали высоко развитым мышлением и прекрасно учли значение замкнутой дуги. Поместив ее в линии двух незамкнутых рядов, они создали по существу очень простую структуру, в то же время прекрасно замаскированную.

По своей конструкции и размерам Кандалакшский лабиринт имеет сходство с большим Соловецким № 1.

Несомненно, что, будучи многочисленными, беломорские лабиринты варьируют по форме, сохраняя в основном общие черты, свидетельствующие об одинаковом их назначении.

Изучение каменных беломорских лабиринтов за истекшее время не ограничилось только их описанием. В ряде пунктов были произведены небольшие пробные раскопки, носившие, правда, разведочный характер. Первым, кто произвел раскопки Большого Панойского лабиринта, был Г. Рево, который «выбрал землю между кругами и в центре, но нигде не обнаружил ни вещей, ни погребений. Раскопка показала, что между камнями от времени вырос слой земли до полуаршина».¹ Разведочные шурфы непосредственно у Кандалакшского лабиринта были, как уже указывалось, заложены нами. Они показали, что здесь так же, как и на месте расположения Соловецких, весь полуостровок сложен из камней и почти лишен почвы. Культурного слоя не обнаружено. Более детальное обследование лабиринтов путем раскопок было произведено А. Я. Брюсовым на Соловецких островах летом 1930 г. Разобран ряд каменных кладок с исследованием почвы под ними и снят лабиринт, на месте которого был заложен раскоп. На 3 м. в глубину шел каменистый грунт без каких бы то ни было признаков культурного слоя. Тот же результат дали и раскопки прилегающих к лабиринту территорий.

Таким образом, все произведенные исследования беломорских лабиринтов с помощью раскопок не обнаружили ни остатков вещей, ни наличия культурного слоя, ни каких-либо намеков на погребение. Несмотря, однако, на отрицательные результаты, данные работы сыграли несомненно положительную роль в деле изучения каменных лабиринтов, позволяя более правильно решить один из интересных вопросов — о их назначении.

Нет сомнений, что лабиринты создавались для каких-то немаловажных целей, иначе они не охватывали бы такого широкого пространства на территории целого ряда стран.

Пытаясь разгадать цель создания лабиринтов, исследователи обращаются за помощью к народным преданиям, связанным с этими памятниками. Однако здесь они не находят достаточно твердой основы для построения гипотез, прежде всего, в силу крайней их разноречивости.

Аспелин отмечает различные местные названия лабиринтов на территории Финляндии. «Забор или Дорога Великанов», «Игра святого Петра», «Девичьи пляски», «Ограда монахинь», «Троя», «Гибель Иерусалима», «Ниневия» и т. д. Иными словами, в 30 местонахождениях лабиринтов существует 11 названий, причем необходимо помнить, что территория распространения лабиринтов не так широка (от Нюстада до Выборга). Кроме того, названия поражают своим разнообразием.

¹ А. А. Спицын, ИАК, вып. 6, стр. 109, 1904.

⁹ Советская археология, X.

На территории Беломорья население, живущее по соседству с лабиринтами, пытается тоже дать объяснение этим странным и загадочным памятникам. Обычно оно связывает их с именами людей чем-либо замечательных, но известных в гораздо более позднее время. Так, создание Кольского и Варенгского лабиринтов приписывается королю Валиту.

Создание соловецких лабиринтов связывают с именем Петра I. Об этом говорится в историческом описании Соловецкого монастыря, сделанным архимандритом Мелетием, приводящим слова Досифея. Позже уже создание всех известных многочисленных лабиринтов Соловецкого архипелага стали относить на долю Петра. «Как будто этот царь во время своего четырехдневного пребывания на Соловках только тем и занимался, что строил лабиринты», — справедливо замечает Виноградов.¹ У населения Кандалакши о создании соседнего с ними лабиринта существуют различные мнения. Некоторые относят его ко времени Пугачева: «А почему же здесь у вас вавилон (лабиринт)?» «А вот для примера, чтобы видно было... Положили, когда Пугач еще был, до воли, — бежали сюда разные люди, после, как Пугача поймали, они и выклали».²

Трудно увязать это предание с другим, существующим у того же населения Кандалакши и являющимся на наш взгляд наиболее любопытным. Местность, где находится лабиринт, связывается русским населением с легендой о лешем. В этом месте к морю идут две борозды или, по местному, «щельи» (привожу предание в записи Дурылина. Нам оно было рассказано примерно в тех же словах). «Щельи то видишь? То леший катился на лыжах. Лыжищи огромные. Раскатился на все море... В карбасе старуха сидела, треску ловила, заорала: «Как хвачу веслишем по голенищам» — «Ах, ты, старая карга!» — крикнул леший. Старуха как была, так и окаменела. Вон остров-то. А след от лешевых лыж остался, вишь, щелья-то какие».³

Таким образом и в отношении беломорских лабиринтов, так же как и финляндских, у местного населения существуют самые разноречивые легенды и предания и разнообразные названия. Исходя из этого, нельзя не согласиться с выводами Виноградова, анализирующего местные названия лабиринтов: «такое разнообразие в названиях необходимо появилось уже после того, как понятия о первоначальном назначении лабиринтов было основательно забыто или даже, возможно, было совсем неизвестно народности, в настоящее время заселяющей территории, на которых разбросаны лабиринты. Они получили наименование по внешнему формальному сходству или же по внутреннему символическому; таким образом назначение лабиринтов ни в коем случае не может быть определено их разнообразными названиями».⁴

Выяснение значения лабиринтов вообще, и в частности беломорских, относится к кругу тех вопросов, которые до сего времени не получили еще достаточного разрешения. Благодаря сложности и загадочности своих форм лабиринты вызывают создание целого ряда гипотез, подчас исключаящих друг друга. Исследователи этих интересных памятников пытаются каждый по-своему объяснить их назначение.

Так, Н. Н. Виноградов видит в них религиозные сооружения, посвященные культу предков. Извилистые ходы лабиринтов и каменные стенки служили для запутывания душ умерших и воспрепятствования их возвращению к живым. А. Я. Брюсов считает их местами погре-

¹ Н. Виноградов, ук. соч., стр. 116.

² С. Дурылин, ук. соч., стр. 47.

³ Там же, стр. 47.

⁴ Н. Виноградов, ук. соч., стр. 121.

бений. Наконец, С. Дурылин высказывает предположение, что цель их создания — ограждение человека от несчастья и испытание — годен ли он к предстоящему путешествию.

А. А. Спицын, в неоднократно уже цитированной работе, подводя итоги высказываниям о смысле и датировке лабиринтов и в частности о связи их с лабиринтами церковными, замечает: «пока вопрос о ближайшем отношении между каменными, церковными и рукописными лабиринтами не будет решен вполне надежно и в положительном смысле, до тех пор имеет право на существование и третье мнение, что северные лабиринты, по крайней мере древнейшие или некоторые из них, могли иметь и местное происхождение, совершенно независимо от церковного и книжного мира».¹

Это мнение об особом значении северных лабиринтов, в частности Беломорских, мы считаем наиболее правильным и делаем попытку в этой статье его обосновать.

Как бы ни были разноречивы высказывания исследователей в вопросе о назначении лабиринтов, все они, однако, сходятся на том, что данный памятник есть продукт деятельности людей, живших задолго до нас, и связан с их религиозными представлениями.

При рассмотрении вопроса территориального распространения каменных лабиринтов наше внимание останавливается на том, что все они обнаружены в странах, прилегающих к северным морям — Балтийскому, Белому и Баренцову. Кроме того, Аспелин, исследовавший лабиринты Финляндии, отмечает и более точное их расположение — именно южную Финляндию между Нюстадом и Выборгом, т. е. по берегу Ботнического и Финского заливов. Шведские лабиринты в количестве 4 расположены на острове и один в Варенгском фиорде на берегу моря. К сожалению, факту связи лабиринтов с морем предшествующие исследователи не придавали особенного значения, в силу чего в их описаниях мы далеко не всегда можем найти интересующие нас подробности. Но даже тех указаний, которыми мы располагаем, достаточно для бесспорного утверждения о существовании этой связи.

Так, Аспелин указывает в Финляндии 31 местонахождение лабиринтов, из которых 23 находятся на островах, полуостровах и в бухтах. Относительно остальных нет, к сожалению, более точных данных. Однако необходимо отметить, что все лабиринты расположены близ моря. Только в отношении одного лабиринта (Сатакунта) указано, что он вдали от морского берега. Последний факт, повидимому, настолько необычен, что исследователь считает необходимым его отметить.

Как было уже указано выше, все шведские лабиринты находятся или на островах или на берегу моря.

Что касается лабиринтов Кольского п-ва, то здесь мы располагаем как будто более точными сведениями. Статистика их показывает следующее: 1 лабиринт в бухте Вяшина, 5 лабиринтов в устье реки Понсой у моря, 1 близ устья реки Кеми на берегу Белого моря, 1 в Кандалакшском заливе на берегу моря, 16 на Соловецком архипелаге на берегу моря, 1 близ города Колы на берегу моря, 1 близ станов. Харловка на берегу моря, 1 близ с. Умба на берегу моря.

Таким образом на основании всех данных, которыми мы располагаем в вопросе топографии каменных лабиринтов, можно сделать вывод о несомненной связи их с морем.

¹ А. А. Спицын, *ук. соч.*, стр. III.

Более детальное знакомство с местонахождением лабиринтов Кольского п-ва приводит нас к следующему выводу: лабиринты располагаются в особой части берега моря — именно в местах наибольшего скопления рыбы — на тонях. Известно, что у рыбы есть излюбленные места, куда из года в год в определенное время она устремляется метать икру. Эти места, носящие названия тоней, являются пунктами съезда рыбаков на время хода рыбы (путины). Таких путин в году несколько. В течение не одной сотни лет население ловит рыбу на этих местах. Именно вблизи тоней и располагаются лабиринты.

При описании местонахождения Кандалакшского лабиринта мы отмечали, что полуостров расположен непосредственно у тони Питькуля, куда рыбаки Кандалакши ежегодно приезжают на время путины. Берега Соловецких островов издавна известны как места очень богатые рыбой. О громадном скоплении рыбы, в частности сельди, в Сорожской губе говорят еще путешественники XVIII в.: «В Сорокскую губу испокон веков является один род сельди — голодь. Она приходит в Сороку обыкновенно в осенние месяцы, начиная с сентября и кончая серединой ноября. В Сорокскую губу заходит такое количество сельдей, что, по словам туземцев, вода густеет. Сие стадо окружается со всех сторон макрелями, сойдой, пикшуями, треской, семгой, палтусами и многими другими плотоядными. Оных окружают звери водоземные: нерпы, серки, тюлени и др. А сих стесняют звери рыбоводные — белухи, акулы, касатки, кашелоты и других видов киты».¹ То же самое мы имеем и в отношении губы Кемской. Сорокская и Кемская губа — два центра, где сосредотачиваются рыбаки во время массового хода рыбы.

Понойские лабиринты расположены на реке Поной, впадающей в горло Белого моря, вблизи порога. Это место известно у помор как центр семужьего промысла.

Таким образом, все известные местонахождения лабиринтов Кольского п-ва связаны не только с морем вообще, но и с определенными его участками, наиболее богатыми рыбой. Последнее положение на наш взгляд должно свидетельствовать о принадлежности этого типа памятников населению, занимавшемуся рыболовством. Археологическими раскопками, равно как и историческим изучением последующих эпох на территории Карелии и Кольского п-ва, доказано, что одной из важнейших, а в некоторых местах и самой важной формой хозяйства было рыболовство. Об этом свидетельствует и громадное количество рыболовного инвентаря из раскопок и исторические документы.

Несколько затруднительно установить сейчас точную датировку лабиринтов. Этот вопрос может быть решен впоследствии, когда, например, будет найдено по соседству с ними поселение, материал которого даст указания на связь с лабиринтами. К сожалению, мы еще очень мало знаем о севере и отнюдь не можем считать произведенные археологические работы здесь достаточными. Систематического исследования Беломорья организовано не было.² Однако, учитывая ряд фактов, мы можем притти к выводу о большом возрасте лабиринтов.

Прежде всего, об этом может свидетельствовать совершенно забытое местным населением назначение лабиринтов, проявляющееся, как было уже указано выше, в их крайне многочисленных названиях. Существенным фактом в разрешении этого вопроса может явиться на наш взгляд и результат произведенных археологических раскопок

¹ С. Максимов. Год на севере. Цитирую по А. Линевскому. Хрестоматия по истории Карелии, 1939, стр. 30.

² Наиболее тщательные работы были поставлены здесь А. Я. Брюсовым (раскопки у Выг-Острова). Севернее же Сороки раскопки носили лишь разведочный характер (Г. Горещкий, Б. Земляков, Н. Гурина).

этих сооружений. Так Ревю, разобравший один из понойских лабиринтов, обнаружил между камнями наростий от времени слой земли до полуаршина. Приблизительно такой же глубины слой почвы был выбран и при раскопках лабиринтов на Соловецких островах. Если мы вспомним, что лабиринты выкладывались на каменистом грунте, в местах, не покрытых растительностью, в силу трудности образования здесь почвы, то мы должны будем признать, что для нарастания этого полуаршинного слоя земли между камнями лабиринта потребовалось не одно тысячелетие. Об этом совершенно точно свидетельствует стратиграфия неолитических поселений Карелии. На всех теперь уже многочисленных раскопанных стоянках культурный слой залегает не глубже 20—30 см от поверхности и сам никогда не превышает в среднем толщины 60 см. Те же стоянки, которые расположены на открытых местах с каменистым грунтом, как, например, озовые, имеют еще менее мощный культурный слой, выходящий почти на поверхность. А ведь ряд этих неолитических поселений Карелии насчитывает давность до 5000 лет! Следовательно для образования почвенного слоя между камнями лабиринтов потребовался не меньший срок. Вследствие этого мы можем предполагать возраст лабиринтов не моложе начала железа в Карелии.

Эта ступень развития общества на указанной территории и прилегающего к ней Беломорья характеризуется как родовой строй с охотничье-рыболовческой формой хозяйства и магическими представлениями людей. Сооружение каменных лабиринтов мы склонны считать продуктом магических верований, связанных с рыболовством. Об этом свидетельствует ряд фактов, устанавливающих сходство структуры лабиринтов с некоторыми рыболовными сооружениями.

При изучении орудий рыболовства северных народностей в их более древних формах встречаются такие, которые, как нам кажется, имеют близкое сходство с конструкцией наших лабиринтов. К ним относятся прежде всего различной формы загородки, устроенные на берегах морей, заливаемых во время прилива и освобождающихся от воды в момент отлива. Смысл устройства их сводится к тому, чтобы задержать в расставленных ловушках заходящую во время прилива рыбу, стремящуюся возвратиться в глубину моря в момент отлива. Достигается это следующим образом: в небольшом морском заливе, там, где вдоль берега моря идет лишь незначительный скат, устраивается забор, чаще всего плетеный из прутьев или ельника, имеющий промежутки, в которые вставляются верши или морды, направленные отверстием в сторону, противоположную морю. Рыба, зашедшая за загородку во время прилива и при спаде воды стремящаяся вернуться в море, попадает в ловушки, обращенные в сторону входа, и не имеет возможности из нее выбраться.

Отголосок ловли рыбы подобным притимивным способом сохранился до нашего времени у ряда рыболовческих народностей. Наибольший интерес с этой точки зрения представляет для нас ловля рыбы с помощью «убега». Способ ловли «убегами» описывается следующим образом: «Одним из распространенных видов осеннего рыболовного промысла на навагу в южных губах Сорокского района (от Вирмы до Нюхчи) считались «убеги», не отжившие свой век и по сей день в таких рыбацких селах, как Колежма и Нюхча. «Убег», собственно говоря, это приспособление примитивной конструкции забора для ловли наваги на отмелях около морского берега губы. Обыкновенно здесь рыбаки под прямым углом к берегу устраивают из хвой или березовых веток, втыкаемых в грунт дна, стену-часток высотой до 2-х метров. В устроенной таким образом стене на расстоянии друг от друга в 20—30 м делаются ворота, в которых устраиваются небольшие мережки

или перми-убежицы». ¹ Самая маленькая убежица состоит из 6—8 обручей, как бы вписанных один в другой. Лов «убегами» начинается в сентябре и оканчивается в ноябре, с отходом рыбы от берега в глубь моря.

Изготовив «убеги», рыбаки-убежники уезжали на промысел из дома на долгое время и жили безвыездно в рыбацких избушках на морском берегу до конца сезона промысла. «Еще с осени до заморозков по талым водам, в карбасе завозился рыбак со всем промысловым скарбом и ловушками на «убеги» и брал продуктов с собой с таким расчетом, чтобы их хватило до «Веденьего» дня, т. е. до первого выезда домой на праздник». ²

Осмотр «убегов» производился «через воду», т. е. через 6 часов, во время отлива. Убежники жили в избушках близ своих «убегов» иногда до глубокой осени, а изредка (если рыба долго держалась у берега) и до декабря месяца.

Обычно «убегами» промышляли на севере лишь маломощные рыбаки — бедняки, которым не под силу был более эффективный способ лова, вследствие отсутствия у них соответствующих орудий. Несомненно, что простота устройства подобного рода сооружений была очень ценна для первобытного человека и, как мы увидим дальше, по археологическим данным, в достаточной мере им использовалась.

Каменные лабиринты, слагавшиеся на берегах морей, в местах наиболее богатых рыбой, выявляют, как указывалось, сходство с этими простейшими сооружениями и, вероятнее всего, символизируют именно их. О сходстве говорят следующие факты.

При рассмотрении вопроса расположения лабиринтов исследователи отмечают, несколько недоуменно, отсутствие определенной ориентировки входов лабиринтов по странам света. Действительно, наблюдается самое разнообразное их направление: юг — север — восток — запад с различными углами отклонения. Однако между всеми ими имеется один общий принцип, не замеченный исследователями, — направление входов лабиринтов в сторону материка. Это мы наблюдали при знакомстве с Кандалакшским лабиринтом, который своим входом обращен на восток. Виноградов так описывает соловецкие лабиринты.

Лабиринт № 1: «Вход в лабиринт выложен с севера, т. е. со стороны острова, а не со стороны моря».

Лабиринт № 2: «Вход в этот лабиринт так же, как и в предыдущий, находился (до настоящего времени он не сохранился — эта часть разрушена) на северной стороне лабиринта со стороны материка, на противоположной от моря стороне».

Лабиринт № 3: «Вход в лабиринт № 3, как и в остальные два лабиринта, находится в его северной части, со стороны острова, в противоположном направлении от моря».

То же самое мы видим на примере лабиринтов Большого Заяцкого острова.

Лабиринт № 1: «Вход в лабиринт расположен с южной стороны, от моря, от пролива, между Большим и Малым Заяцкими островами... Входное отверстие лабиринта обращено в сторону виднеющегося вдаль в хорошую погоду материка (мыс Орлов Нос)». Таким образом этот островной лабиринт повернут своим входом к близлежащему Малому Заяцкому острову и виднеющемуся вдаль матерiku.

Лабиринт № 2: «Вход в лабиринт устроен с юга от моря, от пролива, разделяющего Большой и Малый Заяцкий острова. В прямом

¹ Дуров. Быт рыбаков в обычаях и предрассудках. Рукопись Карело-Финского научно-иссл. инст.

² Там же.

направлении к юго-западу находится материк, видимый с Заяцких островов».

Лабиринт № 3: «Вход на дорожку, ведущую к центральному сооружению, находится на южной стороне, обращенной в сторону моря к проливу между двумя островами Б. и М. Заяцким, где идет фарватер, по прямому направлению от входа в лабиринт лежит и материк (Орлов нос)».¹

Вход в лабиринт № 4 расположен с запада со стороны пролива, разделяющего Большой и Малый Заяцкие острова и обращен к матерiku.

Лабиринты острова Анзер тоже расположены так, что против их входа виднеется материк.

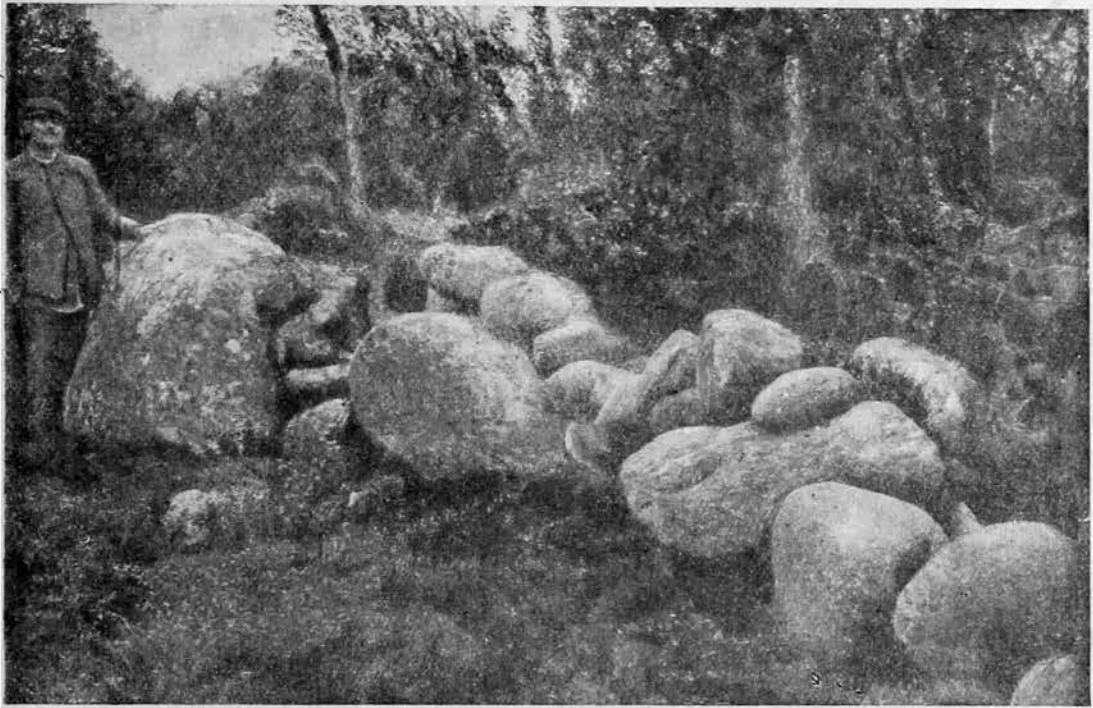

Рис. 4. Каменная гряда, соединяющая два лабиринта на Соловецких островах.

Таким образом все известные лабиринты имеют входные отверстия, обращенные к матерiku, что сближает их с «убежищами», расположенными точно так же.

Интересным моментом, подтверждающим нашу мысль о сходстве, является сопровождающая лабиринты № 2 и № 3 на Большом Заяцком острове каменная гряда, как бы соединяющая их друг с другом. «От подковообразного лабиринта № 2 к следующему за ним лабиринту № 3 идут три параллельные между собой прямые линии, выложенные из валунов. Они как бы соединяют собой эти два сооружения»² (рис. 4).

Указанные каменные гряды очень сильно напоминают нам стену или закол «убежищ». Этот случай не является единственным. Не менее любопытным фактом служит и каменная перемычка, отделяющая полуостровок с лабиринтами от основной части острова Анзер. О ней Виноградов пишет следующее: «В том самом месте, где западная сторона мыса переходит в островок, а восточная сторона продолжает еще

¹ Н. Виноградов, ук. соч., стр. 37, 41, 44, 60, 62, 72.

² Там же, стр. 65.

тянуться в северо-восточном направлении, поперек всего мыса идет каменная перемышка, определяющая подошву мыса... За искусственное происхождение перемышки говорит правильность ее очертаний, чрезвычайно ровная, как будто по нивелиру выложенная поверхность, однородность по размеру, цвету и форме употребленных в дело валунов и их укладка более плоской стороной вверх, отсутствие каких бы то ни было пустых промежутков в полотне мостовой, оставшихся без покрытия камнями». ¹

Эта перемышка отделяет от материка мысок, на котором выложены лабиринты, и тоже близко напоминает нам стену-частокол, между которой вставляются «убежицы».

Количество сооружений, сопровождающих лабиринты Соловецкого архипелага, не ограничивается двумя указанными. Наибольший интерес представляет для нас третий тип сооружений, которым Виноградов, далекий от мысли связать лабиринты с магическими представлениями рыбаков, дает название одного из рыболовных снарядов — «вентерь».

На Соловецком острове, наряду с выкладками лабиринтов и указанными каменными грядами, соединяющими их, наше внимание привлекает одно сооружение, которое Виноградов рисует следующим образом: «Описываемая нами здесь фигура представляет собой яйцеобразный, слегка растянутый в длину овал. Широкий конец этого овала не сомкнут. Ряды камней, образующие широкий конец, постепенно закругляясь, поворачивают внутрь овала и, приблизительно на трети его окружности, примыкают к стенкам, образуя, в свою очередь, два малых овала внутри большого, примкнутых к обеим стенкам в нижней трети, один против другого. Эти два малых овала образуют собою проход или входное отверстие, расширенное снаружи и постепенно суживающееся, по мере направления внутрь фигуры. В общем эта выложенная из валунов фигура по своему рисунку сильно напоминает рыболовный снаряд, известный в настоящее время под именем «вентеря» или «морды». И далее замечает: «не думаю, чтобы было слишком смелым предполагать изображение рыболовного снаряда, хотя бы и выложенного камнями, там, где рыболовство и ловля морских зверей является почти единственным средством к существованию обитателей острова». Так исследователь соловецких лабиринтов, считавший их памятниками культа мертвых, подходя объективно, не мог не видеть в данной фигуре поразительного сходства с «вентерем» или «мордой».

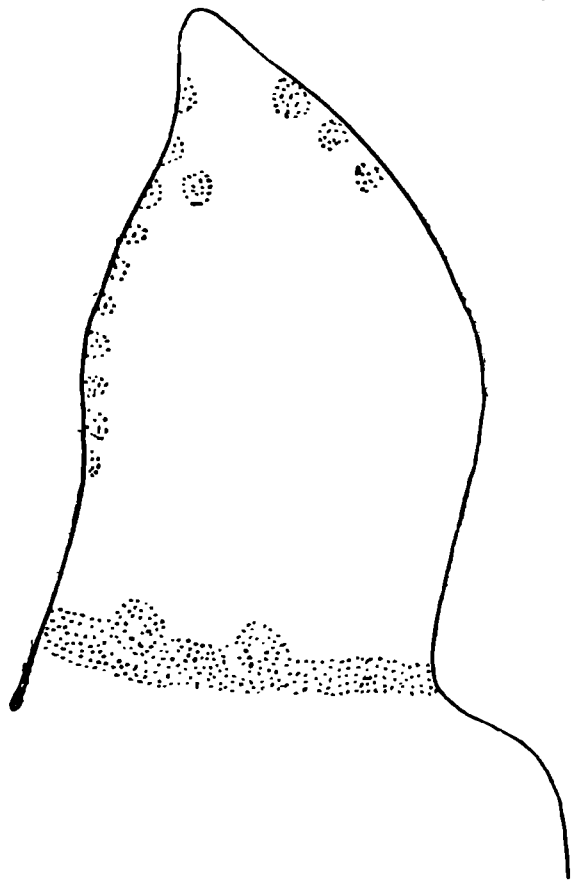

Рис. 5. План мыса на Соловецком острове с лабиринтами.

пленно суживающееся, по мере направления внутрь фигуры. В общем эта выложенная из валунов фигура по своему рисунку сильно напоминает рыболовный снаряд, известный в настоящее время под именем «вентеря» или «морды». И далее замечает: «не думаю, чтобы было слишком смелым предполагать изображение рыболовного снаряда, хотя бы и выложенного камнями, там, где рыболовство и ловля морских зверей является почти единственным средством к существованию обитателей острова». Так исследователь соловецких лабиринтов, считавший их памятниками культа мертвых, подходя объективно, не мог не видеть в данной фигуре поразительного сходства с «вентерем» или «мордой».

¹ Н. Виноградов, ук. соч., стр. 80.

Если мы присмотримся к топографии лабиринтов, наиболее полно описанных, то мы увидим, что все они располагаются на мысах, небольших полуостровах и нигде в глубине материка. Это видно хорошо из местоположения лабиринтов Соловецкого острова (рис. 5), которые находятся на мыске, выступающем в море в виде языка, суженного у основания, т. е. в месте присоединения его к материку. Ту же самую форму полуостровка имеет и лабиринтовый мысок Анзерского острова (рис. 6) и «Хохолок» Кандалакши. Последнее обстоятельство нам не кажется случайным. Сама форма полуостровов несколько напоминает эти же самые «морды», обращенные входными отверстиями к материку, так же как они бывают обращены и в действительности.

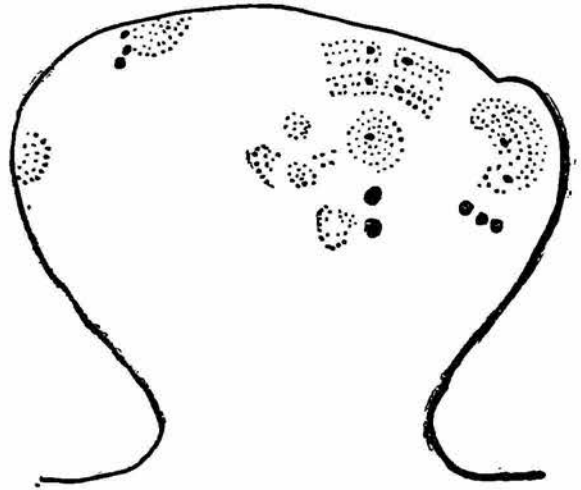

Рис. 6. План мыса лабиринтов на острове Анзер.

Наконец последнее, на что необходимо обратить внимание, — форма центрального сооружения лабиринтов. У большинства беломорских лабиринтов отмечается наличие центрального сооружения, сложеного из камней. В тех местах, где последние не подвергались разрушению

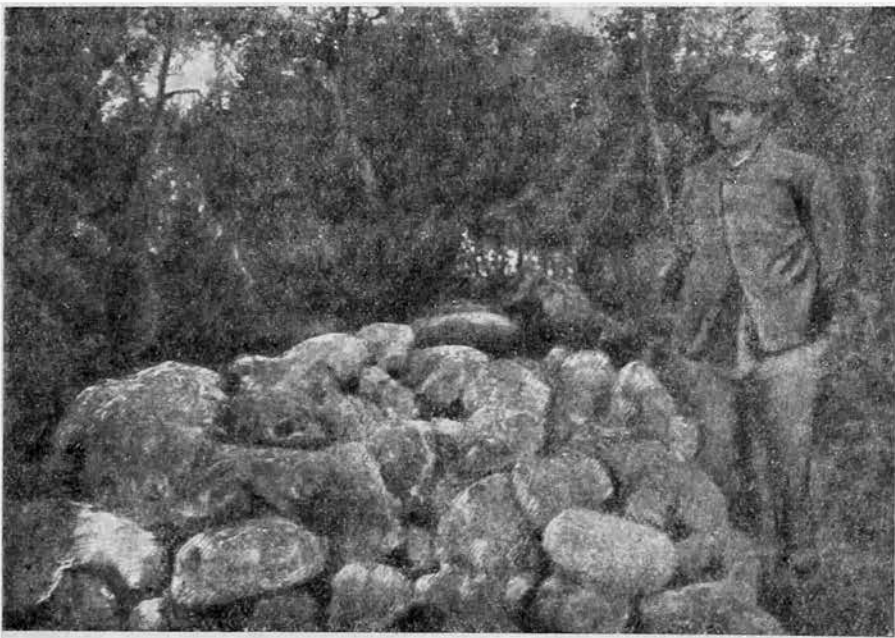

Рис. 7. Форма центрального сооружения одного из лабиринтов Соловецкого архипелага.

и сохранили свою первоначальную форму, они имеют вид треугольника, обращенного своим основанием к входу в лабиринт. Так, лабиринт № 1 Заяцкого острова имеет центральное сооружение, находящееся прямо против входа. «Оно представляет собою грудку камней треугольной формы, с закругленными углами и слегка выгнутым основанием (вроде сетки для ловли бабочек). Своим основанием (широкой

стороной) это сооружение обращено в сторону входа (к югу), а вершиной в сторону, противоположную входу» (рис. 7).¹

Такая форма центральных сооружений, повторяющаяся во всех сохранившихся лабиринтах, наводит на мысль о сходстве их с рыболовными снарядами, помещенными в середину «убега».

Выше мы постарались показать в ряде случаев сходство в конструкции и положении рассматриваемого нами памятника с рыболовными сооружениями, близкими к той древней форме, которая на севере применялась до последнего времени и именовалась «убегами». Этот способ ловли рыбы имеет ряд вариаций, обусловленных местными особенностями. В том же Беломорье исследователи отмечают как одну из древнейших форм рыболовства — «заборы», близкие по конструкции к «убегам», но применяемые при ловле рыбы (особенно семги) в устьях рек. Эта простота устройства сооружений послужила причиной того, что данные способы лова широко охватили различные территории, населенные рыболовами. Так, в северной Азии известны рыболовные сооружения, носящие названия «котец», именуемые в средней России «катезами» и «заборами». Все эти сооружения — одного характера с очень незначительными изменениями.

Выдвигаемое нами положение, что каменные лабиринты севера имели теснейшую связь с рыболовством и символизировали применявшиеся тогда орудия лова, находит неопровержимое доказательство в археологическом материале.

Территориально наиболее близкой к нашим памятникам является находка остатков рыболовного сооружения на неолитическом поселении Кирколетта (западное побережье Ладожского озера), служившая частью древнего закола, перегораживающего существовавший тогда проток. Находки «представляли сооружение из вбитых в дно существующего протока стволов деревьев с особым спиральной формы (разрядка наша, — Н. Г.) приспособлением для ловли». ² Весь облик находок на соседнем поселении показывает, что население, оставившее эти памятники, было преимущественно рыболовами.

Вторая находка была сделана Поляковым у стоянки Плеханов Бор в долине реки Оки. Так же, как у Кирколетты, она представляла собой остатки рыболовной загородки из кольев, обработанных человеком и вбитых в землю. «Рыболовный снаряд представлял собою как бы корзину из палок, воткнутых вертикально в дно большого водоема. Палки носили следы обработки руками человека. Они были воткнуты в землю, как бы образуя круг. В центре найденного сооружения сохранились остатки костей рыб». ³ Поляков, основываясь на аналогии с современными орудиями рыболовства, определил его как ловушку для рыбы. Ближе всего к своей находке автор считает «катезы» — загородки или заборы, устраиваемые из широких палок, вбитых в землю в форме червонного туза. В. В. Федоров в своей работе «Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины реки Оки» приводит материал, показывающий почти полное тождество по форме рыболовных снарядов с нашими каменными лабиринтами. Так, основываясь на работе Ф. К. Волкова, он дает описание ловушки из Добруджи, где она называется «китцы» или «котці», состоящей из двух соединенных замкнутых загородок, из которых одна имеет в плане форму червонного туза, а другая — круга (рис. 8, 1), и делается из вертикально воткнутых кольев.

¹ Н. Виноградов, ук. соч., стр. 60.

² В. И. Равдоникас. Неолитические поселения западного Приладожья. Сб. памяти Богораза, 1937, стр. 269.

³ В. В. Федоров. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки. СА, II, 1937, стр. 61.

Обе части ловушки соединены между собою узким проходом. Наружный вход в такую ловушку, как указано на рис. 8, 1 устанавливается там, где передняя часть ловушки имеет вдающийся угол. Против этого входа идет перпендикулярно ему загородка из кольев, направляющая рыбу в ловушку. Рыба сталкивается с загородкой и, идя вдоль нее, заходит в ловушку. Из первой части ловушки рыба попадает во вторую, где и остается. Обратные выходы запирают два деревянных кола. Благодаря округлой форме стенок отделений ловушки, а также кольев у входа, рыба ходит по окружности, вдоль стенок, но выйти не может.¹

Близкие по типу к этим сооружениям имеются в северной Азии (рис. 8, 2), где они называются «котец». Последний также состоит из изгороди, сплетенной из дранки или прутьев, перевязанных между

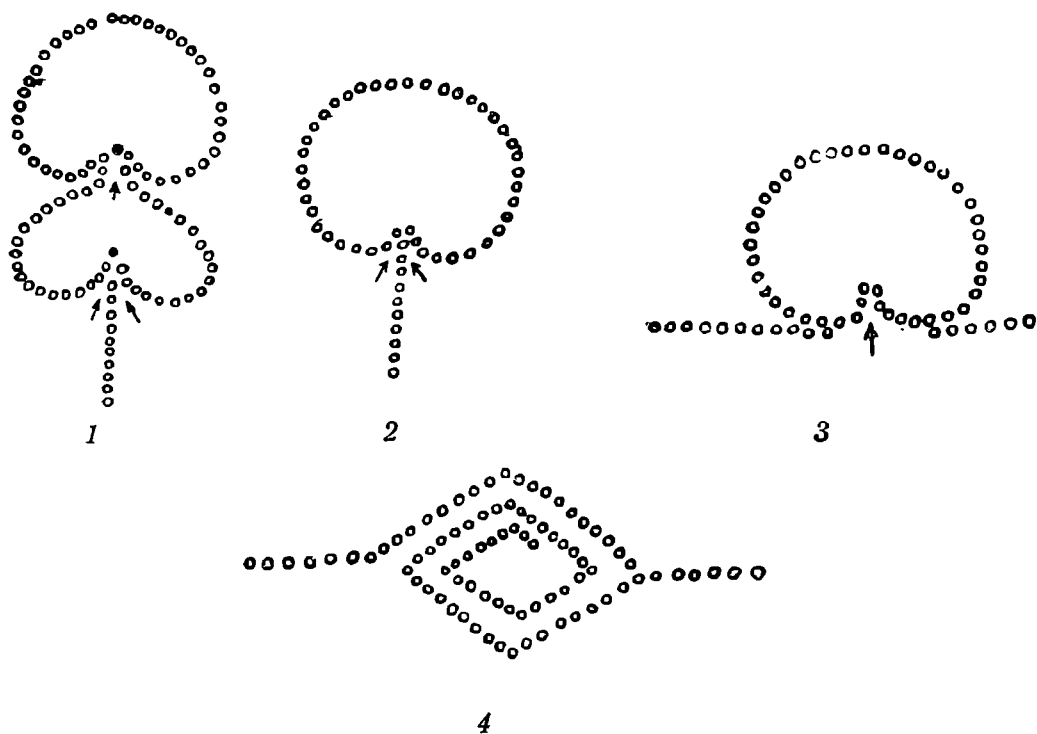

Рис. 8. Ловушки для рыбы.

1 — план ловушки для рыбы из Добруджи; 2 — план ловушки из Северной Азии; 3 — план ловушки из Финляндии; 4 — план ловушки, описанной Л. П. Сабанеевым.

собой. Нижний конец их втыкается в дно протока, а верхняя часть поднимается над водой. Изгородь имеет форму круга, концы которого почти сомкнуты и оставляют лишь небольшое отверстие — проход. Вдоль этого прохода перпендикулярно окружности изгороди идет стенка-открылок, делящая проход как бы на две части и оставляющая очень незначительные входы внутрь круга. Проток перегораживается изгородью, которая заставляет рыбу искать выхода. Натыкаясь на открылок, рыба движется вдоль него, подходит к отверстию и попадает в ловушку.

Почти такие же сооружения описаны Пономаревым на Днестре, Буге и Дунае. Там они делаются из камыша и тоже имеют вид почти замкнутого круга.

Очень ценно для нас описание рыболовных сооружений Финляндии (рис. 8, 3), сделанное Сирелиусом. Это тоже изгородь из палок, представляющая по форме в плане окружность с несомкнутыми и загнутыми внутрь, в виде полукругов, концами. Рыба попадает в узкое

отверстие между ними. От этого центрального сооруже́ния в обе стороны к берегам протока отходит сделанная из прутьев изгородь (рис. 9).

Наконец особый интерес представляет для нас описанное Л. П. Сабанеевым¹ орудие рыболовства, называемое тоже «котец» и «представляющее лабиринт из дранок, где зашедшая рыба не может повернуться и выйти обратно» (рис. 8, 4).

Приведенные примеры несомненно можно было бы умножить, но уже и этих достаточно для того, чтобы показать полное сходство, а подчас и тождество с нашими каменными лабиринтами. Это сходство выступает с поразительной ясностью при изображении ловушек в плане. Стены лабиринтов, выложенные из камней на берегу моря в местах, богатых рыбой, должны были представлять стенки ловушки, изображенной в плане, где камни, слагавшие стену, соответствовали кольям, вбитым в дно моря. Это сходство подчеркивают и входы, совершенно одинаковые в ловушках и лабиринтах. Несомненно, что конструкция большинства каменных лабиринтов значительно сложнее, нежели устройство рассмотренных нами рыболовных снарядов. Но это понятно, поскольку мы имеем здесь дело с идеологическими представлениями, где лабиринты являются лишь символами. Именно поэтому его ходы более запутаны и сложны.

Из сходства запутанного плана лабиринтов с рыболовными сооружениями мы делаем вывод, что данные памятники слагались древними рыбаками с целью обеспечения удачи на промысле.

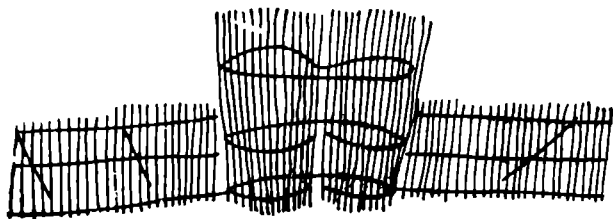

Рис. 9. Рыболовная ловушка из Финляндии.

Как совершались эти магические обряды, мы не знаем. Можно высказывать предположение о применении изображения рыбы (встречаемое в археологических находках) или человека, одетого в соответствующий костюм,двигающегося по запутанным ходам лабиринта в поисках выхода и почти всегда приходящего к центру. Эти магические движения должны были обеспечить заход рыбы в ловушки, расставленные тут же на море вблизи берега. Центральное сооружение, сложенное из камней и напоминающее собою «вентерь», находящееся в центре лабиринта, возможно, символизировало скопление зашедшей уже рыбы.

Вероятно древние рыболовы приезжали на тони из ближайших мест поселений на сезон хода рыбы и жили здесь, пока не кончался промысел.

Осмотр ловушек, так же как и «убегов», производился, повидимому, «через воду». Времени между осмотрами было вполне достаточно для того, чтобы группа первобытных рыбаков могла выложить самые затейливые ходы лабиринтов, точно так же как в наше время «досужие», по словам Елисеева, рыбаки, сидя на берегу, коротают время в разборе этих памятников, потерявших для них всякий смысл.

Среди поморов Беломорья, успех работы которых находился в сильной зависимости от случайности, до последнего времени сохранилось большое количество различных верований и предрассудков и своеобразных магических действий.

Так, лов рыбы с помощью «убегов» сопровождался целым рядом запретов и примет.

Рыбак-убежник никогда не начинал сооружать свои «убеги» в «черный день». Эти дни считались у него «бесщастными». Выезжая на

¹ Л. П. Сабанеев. Рыбы России. М., 1911, стр. 716.

промысел, убежник рассчитывал, чтобы днем его отъезда обязательно был «красный день» — вторник или четверг. Избегали выезда на промысел и в день празднования православной церковью памяти какого-либо святого мученика — в промысле будет неудача: «все время промучаешься в беспромыслице на лову». Выход из дома сопровождался целым рядом действий. Чтобы удачнее ловилась рыба, перед тем как опустить впервые в воду ловушку-убежицу, произносилось особое заклинание-заговор. Первая добыча, какой бы ни была в ней рыба, шла целиком на уху. Сваренная из нее уха съедалась полностью, а рыба — лишь у головы и то в небольшом количестве. Все объедки хранились в котелке до следующего осмотра ловушек, с тем чтобы привлечь в «убеги» больше крупной рыбы. После каждой съеденной ухи котелок ополаскивался и наливался водой, для того чтобы не переводилась в доме рыба, исходя из правила — «рыба по суху не ходит».¹

Учитывая обилие пережитков у рыбацкого населения Беломорья, сохранившихся до наших дней и связанных непосредственно с их промысловой деятельностью, мы можем себе представить, как были они многочисленны в те далекие времена, от которых дошли до нас каменные лабиринты.

Таким образом, суммируя все изложенное выше, мы должны будем сделать следующие выводы:

1. Беломорские каменные лабиринты являются древнейшими памятниками, возраст которых насчитывает не одну тысячу лет. Об этом свидетельствует позабытое местным населением их назначение и довольно мощный слой земли, выросший от времени между камнями.

2. Все каменные лабиринты побережья Белого и Баренцова морей и севера вообще (о которых мы имеем достаточно сведений), расположены в непосредственном соседстве с морем, на островах и полуостровах. Нахождение лабиринтов внутри страны является чрезвычайно редким исключением.

3. Места расположения лабиринтов обычно совпадают с рыбными тонями, т. е. участками вблизи морского берега, особенно богатыми рыбой.

4. Археологические раскопки лабиринтов и прилегающих к ним территорий не обнаружили ни погребений, ни остатков культурного слоя.

5. При изучении конструкции данных памятников невольно обращает на себя внимание их сходство с древнейшими рыболовными сооружениями, применяемыми в Беломорье и называемыми «убегами». Вариации последних в средней части СССР и северной Азии именуются «котезы» или «котцы».

В некоторых случаях каменные лабиринты по конструкции совершенно тождественны рыболовным сооружениям, изображенным в плане.

О сходстве лабиринтов с рыболовными снарядами свидетельствуют следующие факты:

а) Входы в лабиринты во всех известных нам случаях, так же как и «убежиц» или ловушек, обращены в сторону материка.

б) В некоторых случаях лабиринты сопровождаются каменными кладками, в виде гряд, отгораживающих полуостровок с лабиринтами, или соединяющих два лабиринта, сильно напоминающими стены-частоколы или заборы, перегораживающие реку, между которыми вставляются ловушки.

¹ Данные взяты из рукописи Дурова «Быт рыбаков в обычаях и предрассудках». Рукопись Карело-Финского научно-иссл. инст.

в) Помимо каменных кладок, сопровождающих лабиринты, в непосредственном соседстве с ними расположена фигура, поражающая своим сходством с рыболовной ловушкой «вентерь».

г) Сама форма полуостровков, на которых расположены лабиринты, также напоминает нам рыболовные снаряды.

д) У большинства лабиринтов наблюдается центральное сооружение, в виде груды камней треугольных очертаний, обращенное основанием ко входу и напоминающее рыболовный снаряд.

е) Археологические находки как на территории Западного Приладожья, так и в средней полосе СССР, свидетельствуют о том, что населению неолитической эпохи было известно устройство рыболовных сооружений типа «убегов» или «заборов» и оно довольно широко ими пользовалось.

6. Неразрывная связь каменных лабиринтов с берегом моря и то-нями, с одной стороны, и их сходство с рыболовными сооружениями — с другой, дает право видеть в лабиринтах символы этих сооружений и объяснять их создание магическими представлениями людей, стремившихся обеспечить себе успех рыболовного промысла.

И. В. СИНИЦЫН

ПАМЯТНИКИ ПРЕДСКИФСКОЙ ЭПОХИ В СТЕПЯХ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

А. А. Спицын был одним из первых археологов старого поколения, живо интересовавшихся изучением древних памятников Нижнего Поволжья. Его раскопки по р. Иловле, произведенные в 1895 г.,¹ и раскопки на Ахматовском городище (1912 г.) положили начало научному изучению археологических памятников на юге Поволжья. Позже А. А. Спицын, в своих многочисленных письмах на имя Саратовской ученой Архивной комиссии и ее отдельных членов, неоднократно и настойчиво указывал на необходимость проведения археологических исследований в Поволжье и на возможность открытия в его пределах разновременных памятников. Его предположения подтвердились работами последних лет.

Рис. 1. Группа курганов „Три брата“ до начала раскопок.

В настоящей статье, посвященной А. А. Спицыну, мы публикуем предварительные данные о курганных погребениях поздне-бронзовой — предскифской — эпохи, обнаруженных в степях Нижнего Поволжья.

В течение пяти лет (1933—1937 гг.) систематическими раскопками, произведенными Саратовским областным музеем в 15—20 км к ЮЗ от г. Элисты, в урочище «Три брата» и близ местности Цаган-Эльсин и Бичкин-Булак, было вскрыто 92 кургана, в которых обнаружены многочисленные погребения, начиная от ранней бронзы и до погребений поздних кочевников XV в.

Среди открытых памятников особого внимания заслуживают погребения предскифской эпохи, однотипные по устройству могил и инвентарю. Всего в указанном районе, в 20 курганах, вскрыто около 40 таких погребений.

¹ ОАК за 1895 г.; Тр. ОРСА, т. I, стр. 141—145.

Погребальный ритуал всех могил отличается большим сходством: грунтовые могильные ямы, как правило, имели прямоугольную форму, сверху покрывались плахами или досками и циновками из камыша. В некоторых случаях вокруг могильной ямы устроено кольцообразное ограждение из камней известняковой породы (рис. 2, 3). Реже могилы устроены в насыпи кургана. Могилы обычно покрыты земляной насыпью до 1 м выс. и до 20—30 м в диаметре. Среди раскопанных курганов некоторые имели насыпь на 7 м выс. и до 60 м в диаметре

Рис. 2. Курган 25, погр. 1, группа «Три брата».
Раск. 1936 г. Каменная ограда вокруг могилы.

(кург. №№ 9, 25, группа «Три брата») (рис. 1). В процессе раскопок установлено, что эти курганы насыпались последовательно — не менее чем в три приема. Расположение погребений в курганах позволило установить последовательность их захоронений.

Костяки лежали большей частью на спине, с согнутыми и поднятыми вверх или наклоненными в одну сторону коленями. В некоторых погребениях ноги костяка распались в разные стороны, образуя ромб (рис. 4). Такое положение скелетов позволяет предполагать, что погребенные имели сидячее или полусидячее положение. Однако в детских могилах и в некоторых женских (основное погребение № 8 большого кургана № 25, группы «Три брата», раскопки 1936 г.) скелеты лежали на спине с вытянутыми конечностями, головой чаще на В или на ЮВ, реже на ЮЗ. В некоторых могилах погребенные положены на досках,

окрашенных в красный цвет. В других могилах отмечены остатки подстилки, состоящей из травы. Дно могилы и костяки (чаще череп и ступни ног) покрыты красной краской. В одной могиле (кург. № 6, Бичкин-Булак, раскопки 1937 г.) оказалось двойное погребение — мужчины и женщины.

Инвентарь этих погребений небогат, а в некоторых могилах совершенно отсутствует. Характерными являются спиральные височные подвески из бронзы или серебра (рис. 5). В некоторых могилах найдены костяные трубочки с поперечно-рубчатой поверхностью и кольца, вырезанные из трубчатой кости (рис. 12). Бронзовые предметы встречаются редко. Среди них отметим: булава (курган № 17, погр. № 3, группа «Три брата», рис. 6), нож и проколки (рис. 18), проушный топор (рис. 7, кург. № 6, Бичкин-Булак). Для определения времени погребения

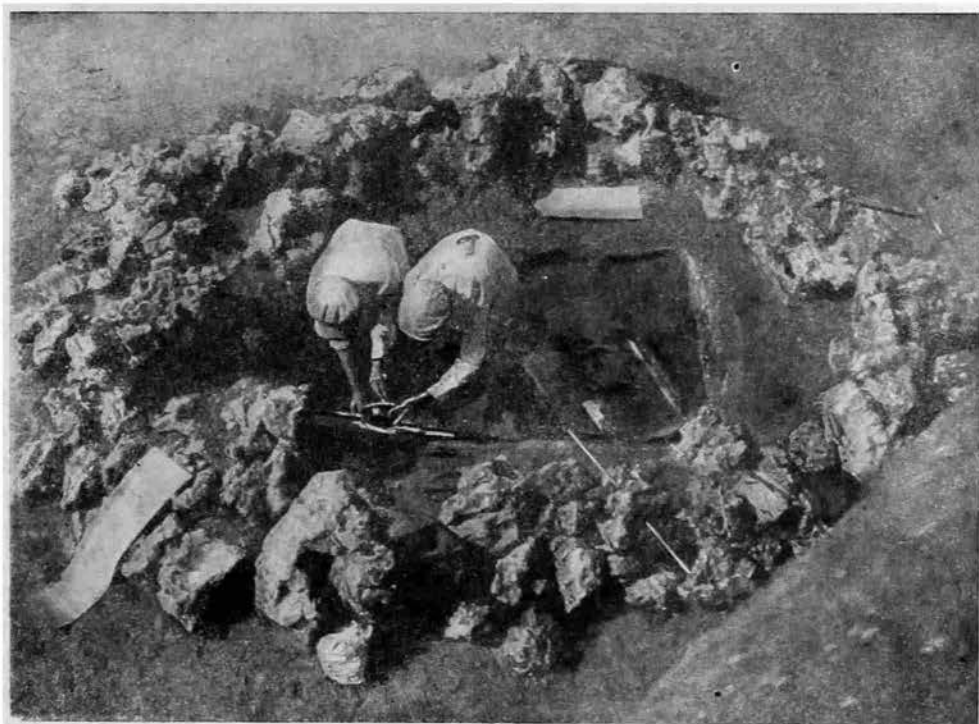

Рис. 3. Курган 25, группа «Три брата». Раск. 1936 г. Каменная ограда вокруг могилы. Разборка могилы.

ний особенно интересным является находка железного копья (рис. 8, кург. № 6, Бичкин-Булак).

Особое место в инвентаре погребений занимает глиняная посуда: своеобразные большие горшки ручной лепки, обычно без всякого орнамента (рис. 10), имеющие плоское дно, иногда выпуклые или почти прямые бока, высокие прямые стенки горла; другой тип составляют маленькие сосудики с шаровидным туловом, орнаментированным шнуровым узором (рис. 19) или чашеобразный сосудик типа курильницы, на высокой круглой ножке (рис. 20). Стенки и дно чаши сплошь орнаментированы веревочкой, образуя узор в виде углов и параллельных линий. Орнамент имеет большое сходство по мотивам и технике с орнаментацией посуды катакомбных погребений этого же района.

Бедность могильного инвентаря, как уже отмечалось, — характерная черта всех погребений. Даже основные погребения больших курганов, отличаясь пышным погребальным ритуалом, содержат бедный могильный инвентарь. В этом отношении особенно характерной является центральная могила одного из больших курганов группы «Три брата»

(мог № 8, кург. № 9). Погребение сопровождалось интересным ритуалом с жертвенными животными, тремя погребальными катафалками-колесницами (двухколесные арбы) и большим надмогильным жертвен-

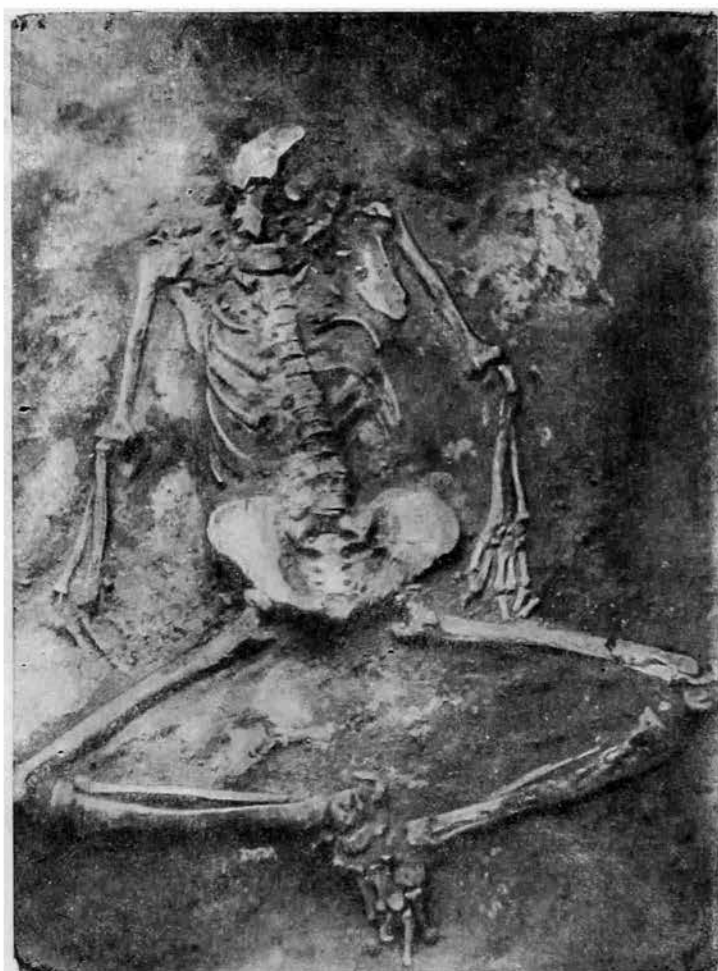

Рис. 4. Бичкин-Будук. Кург. 13, раск. 1937 г.

Рис. 5. Бронзовые височные подвески.

1 — кург. 28, погр. 2, 1-я группа „Три брата“ 2 — кург. 6. Бичкин-Будук.

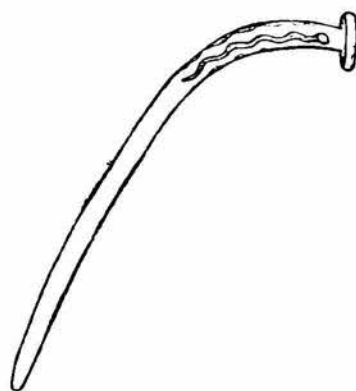

Рис. 6. Бронзовая булавка-застежка. Кург. 17, погр. 5, группа „Три брата“.

ником. Могильный же инвентарь, при всей пышности погребального ритуала, отличается бедностью как по количеству, так и по содержанию положенных предметов. Раскопки кургана позволили вместе с тем провести ряд важнейших наблюдений как в направлении восстановления ритуала и хозяйственного быта, так и уточнения хронологической по-

следовательности отдельных погребений. Предваряя полную публикацию раскопок, привожу данные, относящиеся только к центральной могиле большого кургана.

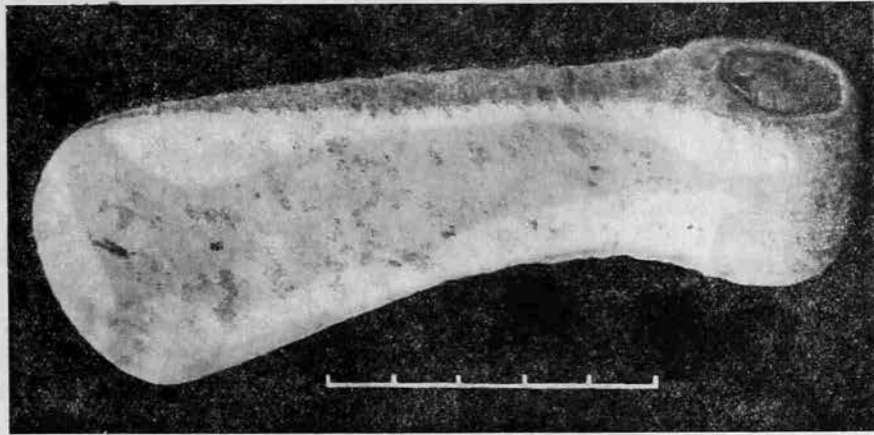

Рис. 7. Бронзовый топор. Кург. 6. Бичкин-Бурук, раск. 1937 г.

Курган № 9 по размерам является одним из мощных в группе курганов «Три брата». Высота его — 7 м. поперечник по линии ВЗ — 62 м, и по линии ЮС — до 70 м. В процессе раскопок установлено, что насыпь перекрывала два меньших кургана. Основная могила была расположена под центральной частью насыпи. На вершине кургана, в центральной его части, на глубине 80 см обнаружены остатки большого кострища, тянувшиеся полосой до 6 м, при ширине 60 см по линии ЗВ. Кострище состояло из темного слоя золы, угля и местами обожженной земли, общей мощностью до 40—50 см. Ниже кострища, на глубине 1—1.20 м от вершины кургана находилось жертвенное сооружение (рис. 9). В момент расчистки оно представляло следующее: под каменной плитой размером 80×70 см, при толщине до 14 см, лежали кости животных: три черепа и кости ног трех особей коровы и такое же количество костей свцы. По костным остаткам видно, что ноги всех этих животных обрубались по коленному суставу. Вместе с костями животных под плитой стояло два глиняных горшка. Один из них (рис. 10) имел прямую высокую шейку и выпуклые бока. Высота его 28 см, диаметр по верхнему краю 21 см, диаметр дна 12 см. По шейке и плечикам — темные мазки (возможно следы крови). Второй горшок — с одной ручкой (рис. 11), прямой высокой шейкой и несколько выпуклыми боками. По шейке и плечикам нанесены орнамент из параллель-

Рис. 8. Железное копье. Кург. 6. Бичкин-Бурук.

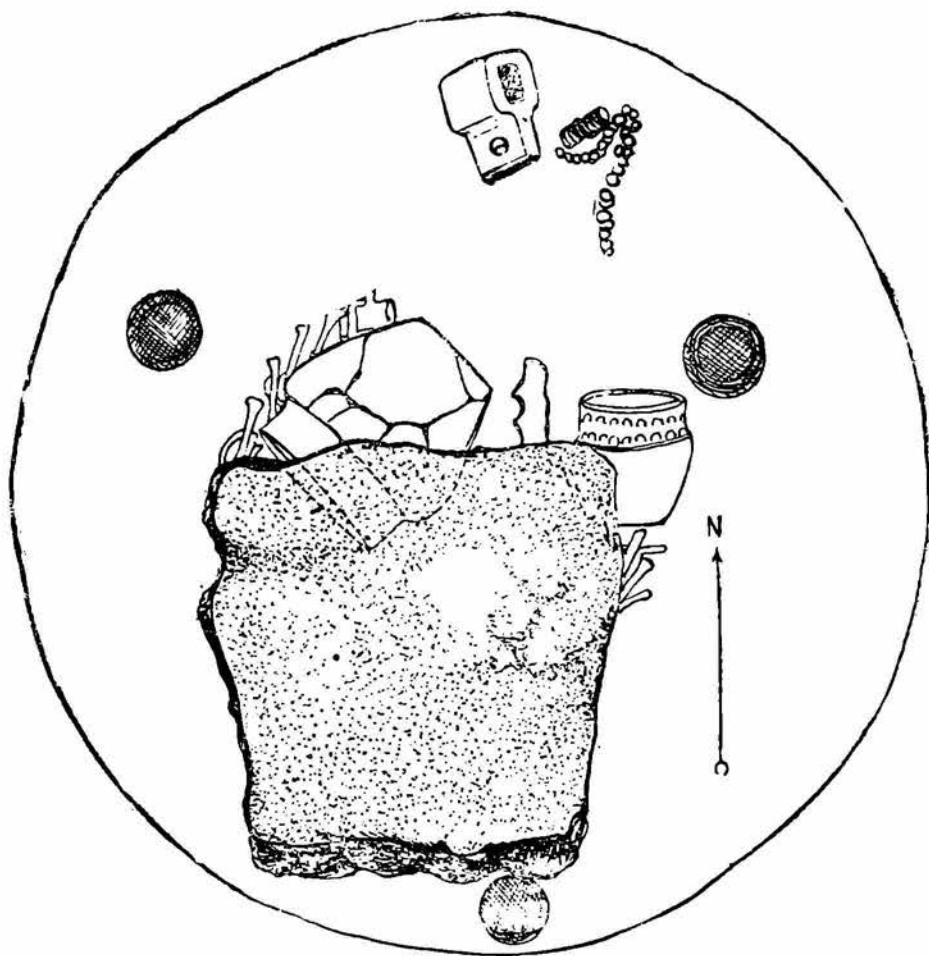

Рис. 9. Жертвенное место. Кург. 9, группа „Три брата“.

Рис. 10. Глиняный горшок. Жертвенное место, кург. 9, группа „Три брата“.

ных линий, оттиснутых посредством перевитой веревочки. Между краем сосуда и плечиками расположены в два ряда подковообразные вдавления, сделанные той же веревочкой. Высота горшка 20 см, диаметр по верхнему краю 17 см, диаметр дна 11 см. Около сосудов с северной стороны, на расстоянии 40 см, лежали кольца (в количестве 32 штук), нарезанные из трубчатой кости овцы (?), и две костяные трубочки с поперечно-рубчатой поверхностью (рис. 12). Расположение колец и трубочек показывает, что они были нанизаны на ремешок или веревочку. На отдельных кольцах заметны следы красной краски. Около колец лежал маленький обломок кварцитовой пластинки. Здесь же лежала глиняная (рис. 13) модель повозки или, вернее, двухколесной арбы, видимо, votivного значения (рис. 14 а и б). Внутри кузова находился маленький прозрачный камень беловатого цвета.

Рис. 11. Глиняный горшок. Жертвенное место кург. 9, группа „Три брата“. $\frac{1}{8}$ натур. вел.

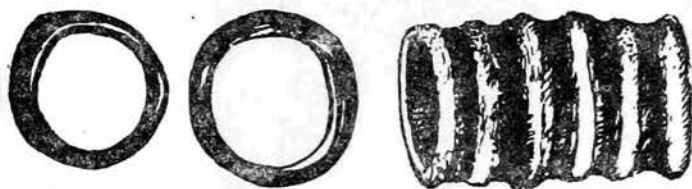

Рис. 12. Костяные трубочки и кольца. Жертвенное место, кург. 9.

длина по верху 13.5 м, ширина 13 см, высота

Повозочка сделана из темносерой глины и состоит из продолговатого, пологого внутри кузова с округлыми боками и четырехугольным основанием с круглым отверстием для оси. Общая высота ее 17 см, высота кузова 10 см., высота основания 7 см, длина

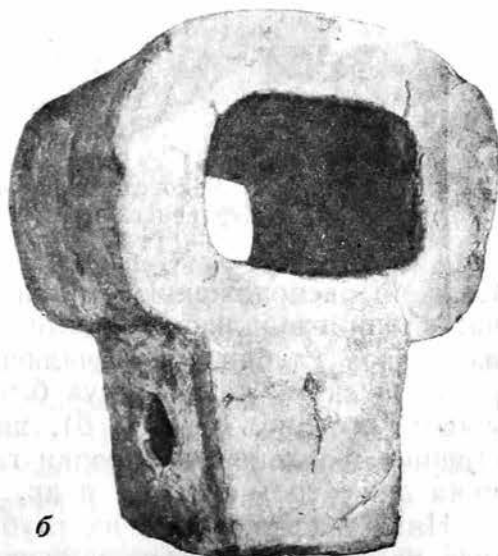

Рис. 13. Глиняная повозка. Жертвенное место, кург. 9, группа „Три брата“. а — вид передней левой стороны; б — вид передней правой стороны.

10 см, ширина 6 см (в нижней части), диаметр отверстия для оси — 2,5 см. С задней стороны край отверстия кузова орнаментирован пояском из мелких точечных вдавлений. В передней стенке основания повозки имеется небольшая дырочка, куда, очевидно, вставлялось дышло.

Над описанным жертвенником находилось, повидимому, какое-то деревянное сооружение, от которого сохранились остатки трех столбиков, врытых в насыпь с небольшим наклоном в сторону жертвенника.

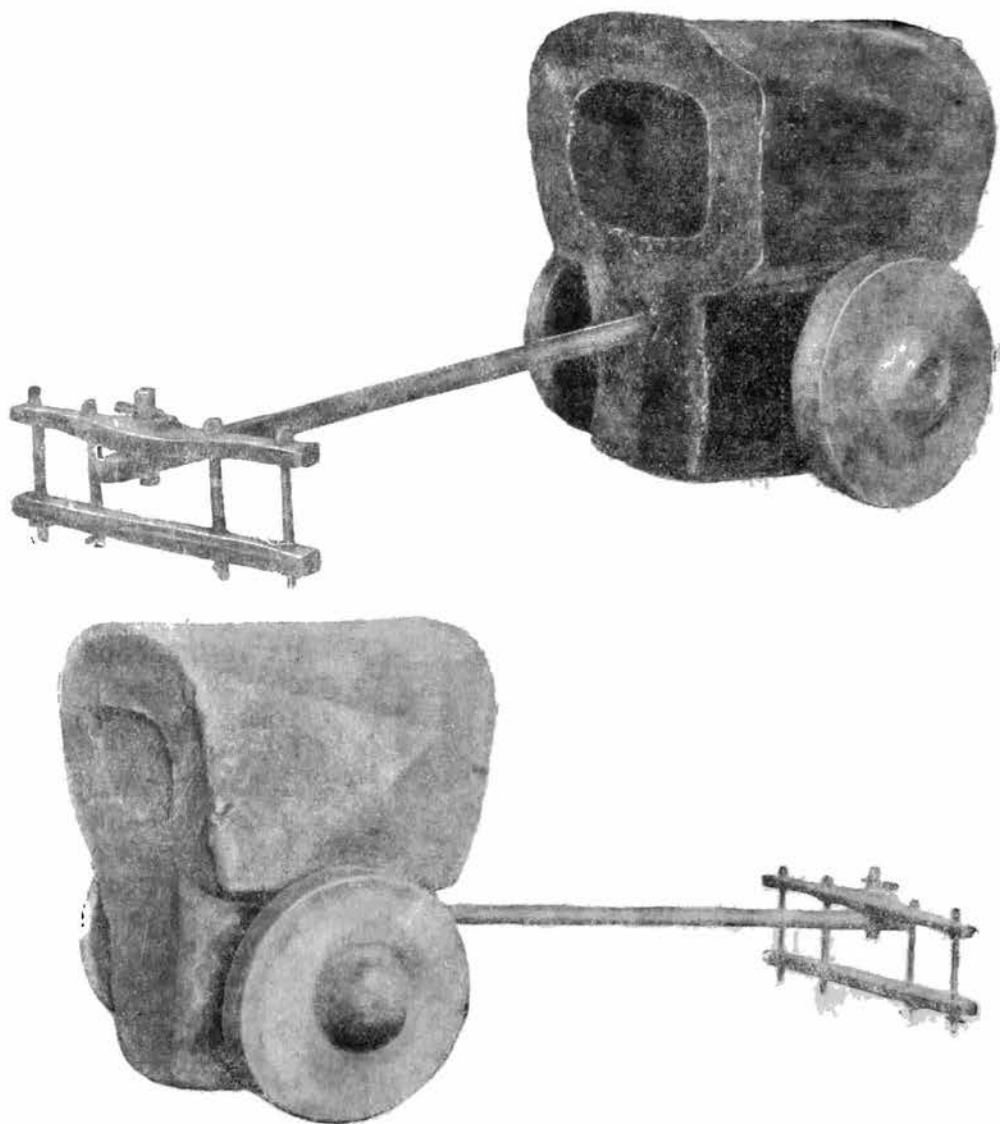

Рис. 14. Реконструкция колеса и дышла глиняной повозки. Жертвенное место. Кург. 9, группа „Три брата“.

Судя по расположению столбиков, можно предполагать, что в верхней части они сходились концами. Ниже жертвенника, в насыпи кургана, на разной глубине, встречались отдельные кости крупного и мелкого рогатого скота, черепа двух быков, лежавшие на костях ног тех же животных (рис. 15, а и б), хвостовые позвонки, положенные в естественном сочленении, черепки глиняной посуды, шары-боласы из песчаника диаметром до 6 см и др.

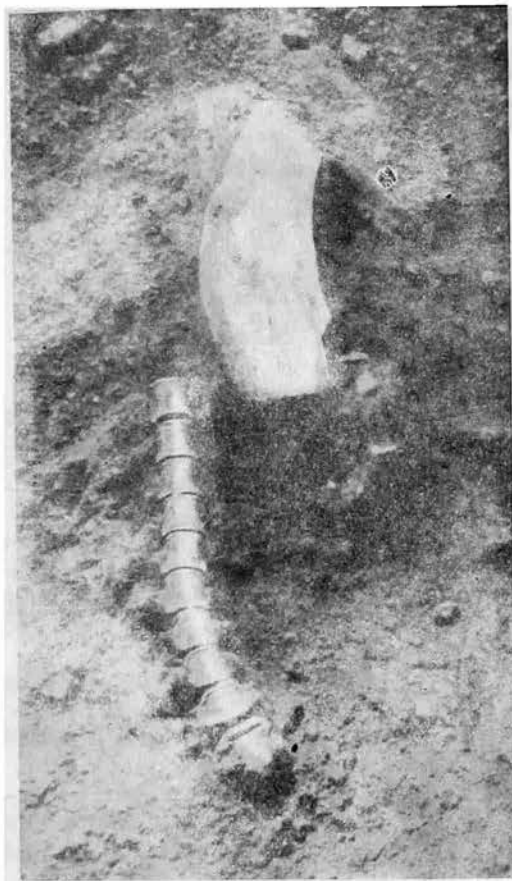
Ниже жертвенника, на глубине 7 м от поверхности кургана, в самом центре, была расположена большая могила (рис. 16). Над могилой, начиная с 2 м глубины, было заметно прогибание слоев земли.

С глубины 3—4 м прогибание слоев земли было весьма резким, а провалившаяся насыпь над могилой приняла вид воронки.

Могила имела квадратную форму размером 2.50×2.50 м и глубину 2 м. Дно ямы несколько меньших размеров. Могила ориентирована сторонами по линии С—Ю, с отклонением к ЮЗ—СВ. Сверху могильная яма имела перекрытие из тонких досок и жердей, положенных поперек могилы. Доски и жерди были покрыты тканью коврового типа и цыновкою. По краям могильной ямы уложены камни, в виде каменной ограды. С западной стороны ямы камней не было, но здесь особенно отчетливо прослежены остатки и отпечатки досок, жердей, цыно-

а

б

Рис. 15. Кости, обнаруженные ниже жертвенника, в насыпи кургана.

а — череп и кости ног быка; б — позвонки хвоста быка.

вок и ткани. Вся юго-западная сторона могилы и большое пространство около нее было покрыто сплошным ковром. Судя по отпечаткам на сырой глине, ковер имел геометрический узор из параллельных полос, зигзагообразных линий и линий, образующих узор в виде ромба (рис. 16).¹ Сверху ковер был покрыт камышевою цыновкою. Отпечатки цыновки также прекрасно сохранились, что позволило иметь о ней полное представление. Цыновка и ткань проходили и под камнями. Это показывает, что камни были уложены вокруг могилы после того, как могила была покрыта ковром и цыновкою. По углам, на краю могильной ямы, сверх камней и цыновки, положено по одному колесу. В западном углу колесо лежало на расстоянии 1 м от края могилы.

¹ Образцы отпечатков ткани взяты (монолитом) и доставлены в музей г. Элисты в Саратовский областной музей.

Колеса сделаны из сплошного дерева (без спиц) и имели одинаковые размеры — 70 см в диаметре и до 10 см толщины. Каждое колесо состоит из трех досок, соединенных внутренними шипами. Ширина

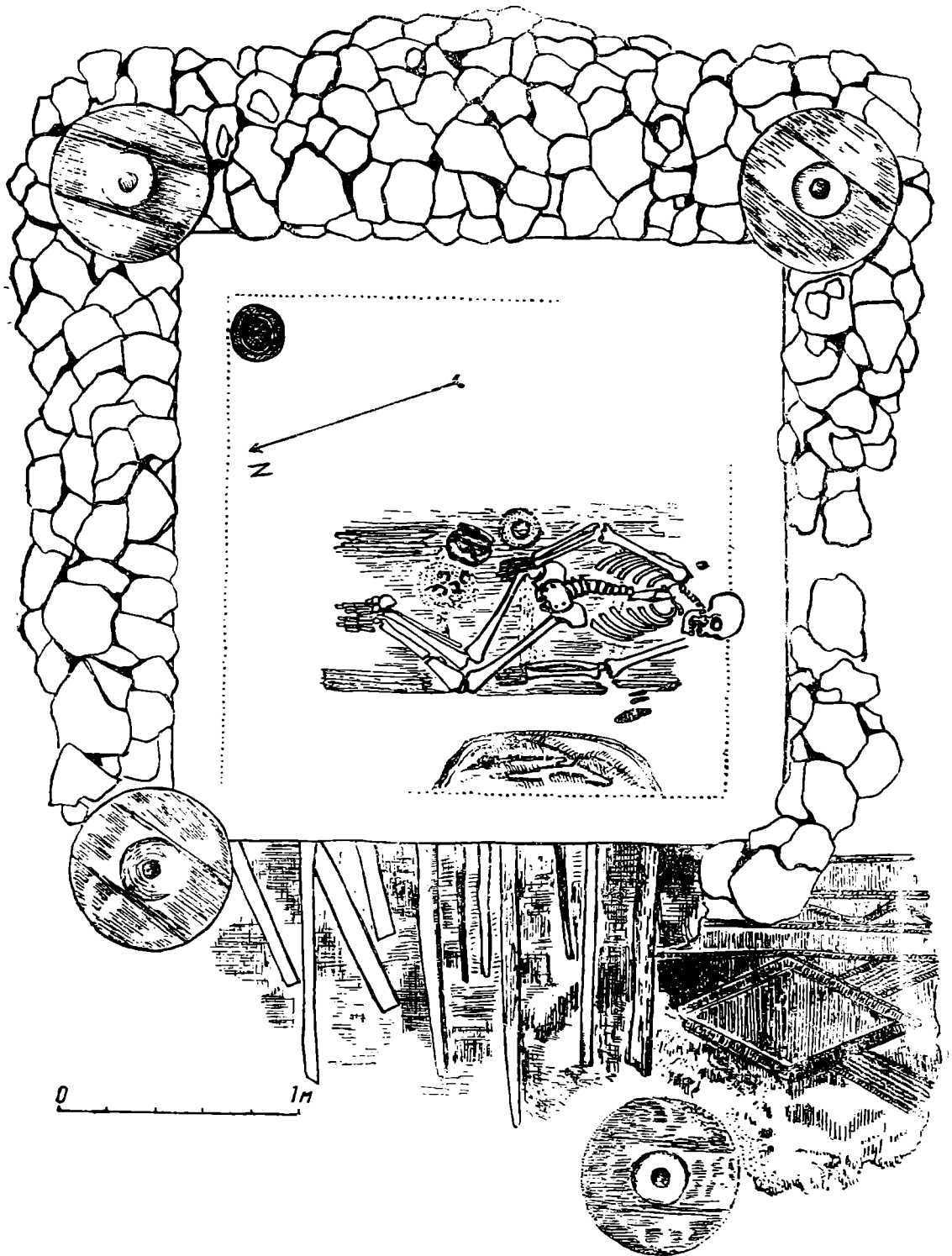

Рис. 16. Центральная могила. Кург. 9 из группы „Три брата“.

средней доски 25 см, ширина крайних сегментов до 22 см. Ступа вырезана в средней доске и хорошо обработана, возможно путем применения обточка дерева (рис. 21). Диаметр ступы 23 см, диаметр втулка — 7 см.

В могильной засыпке на глубине 40 см, в северо-восточном углу обнаружено пятое колесо, которое стояло вертикально. Ниже, около северо-западной стенки, сохранились остатки шестого колеса. В могильной же засыпке на разной глубине обнаружено несколько камней, упавших с южного края могилы (рис. 17). Судя по остаткам гнилушек и отпечатков досок и слег, находимых в могильной засыпке, можно предполагать, что помимо колес на перекрытие были положены в разобранном виде и повозки. Это тем более вероятно и потому, что на юго-восточной стенке могильной ямы хорошо сохранился отпечаток упавшего ярма, длиной 1.60 см.

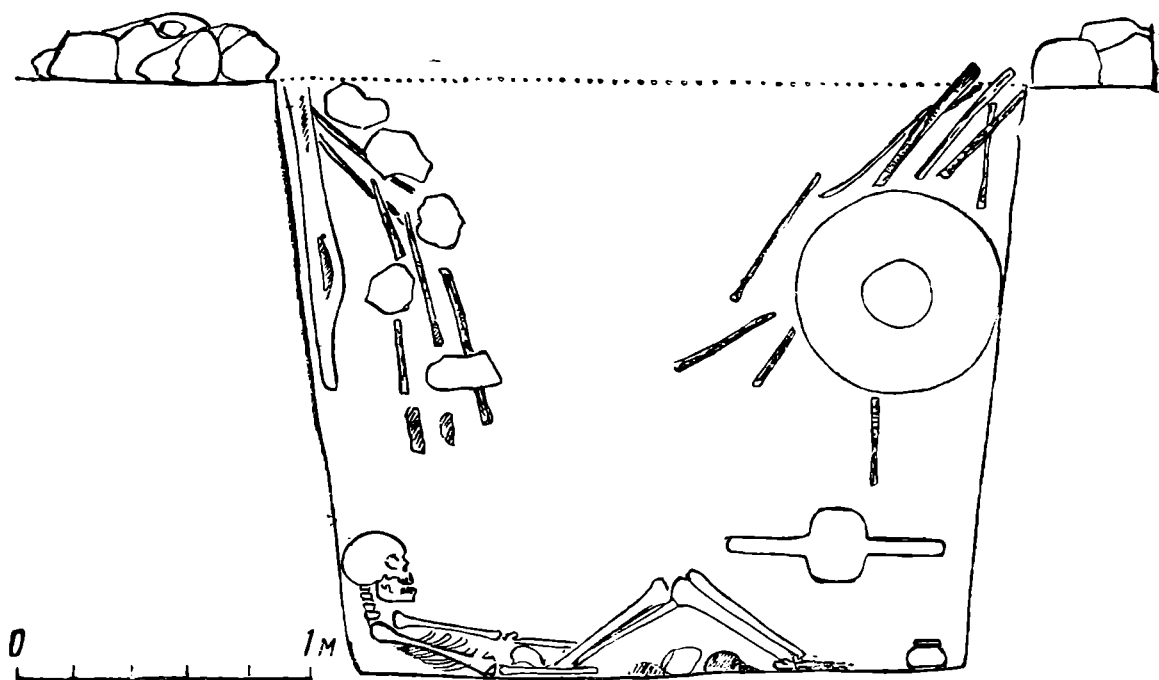

Рис. 17. Разрез центральной могилы. Кург. 9, группа „Три брата“.

На дне могилы лежал скелет мужчины, на спине, головой к юго-западу. Череп скелета упирался в стенку так, что шейные позвонки и грудная часть лежали значительно выше тазовых костей. Ноги были согнуты коленями вверх и позже упали на левую сторону. Руки вытянуты вдоль туловища — правая положена на тазовую кость. Такое положение скелета позволяет заключить, что покойник был помещен в могилу в сидячем положении. Кости скелета (череп и ноги до колен) покрыты красной краской. Под скелетом находились доски, или носилки из досок, на которых он был помещен в могилу. Вокруг скелета и под ним большой слой темнокоричневого глина от подстилок и травы. В могиле обнаружены следующие вещи: с левой стороны около плеча — два бронзовых, четырехгранных шильца 3 и 5 см длины (рис. 18). Здесь же лежал бронзовый, копьевидный нож длиной 10 см (рис. 18). Вдоль северо-западной стенки ямы на плотно-глинистой массе лежали скелеты 2 больших змей.¹ С правой стороны около кости руки находились остатки деревянного сосуда шаровидной формы с широким горлом (глина, заполнявшая сосуд, отчетливо сохранила его форму). Здесь же стоял глиняный горшок с округлыми боками, низким горлом и плоским дном (рис. 19). Поверхность горшка красновато-серого

¹ Определение сделано зав. кафедр. зоологии Саратов. Гос. ун-в. Б. К. Февюк.

цвета и покрыта орнаментом в виде параллельных линий по бокам и у дна. Между этими линиями нанесен узор, состоящий из треугольников и полукольцевых вдавлений, оттиснутых посредством веревочки.

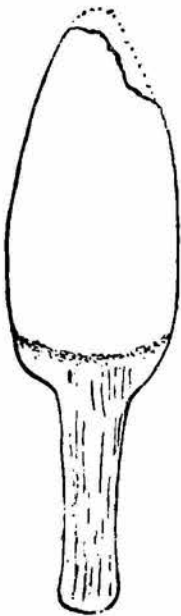

Рис. 18. Бронзовые копьевидный плоский нож и шильца. Кург. 9, погр. 8, группа „Три брата“.

Рис. 19. Глиняный горшок. Кург. 9, погр. 8, группа „Три брата“.

Высота горшка 11 см, диаметр горла 12 см, дно 6.5 см. Рядом с горшком находились остатки деревянного предмета, от которого сохранились гнилушки и четыре бронзовых пластинки — скрепы. Наконеч в северо-восточном углу ямы стояла вверх дном небольшая глиняная

Рис. 20. Глиняная чаша. Кург. 9, погр. 8, группа „Три брата“.

чаша, с высоким поддоном (рис. 20). Высота ее 8 см, диаметр по верхнему краю 14 см, диаметр дна — 8 см. Поверхность чаши сплошь покрыта шнуровым орнаментом, состоящим из прямых линий, опускающихся сверху вниз по три и по четыре в ряд. Между ними расположены полукруглые вдавления той же веревочки. Поддон орнаментирован

пояском из семи параллельных линий, оттиснутых веревочкой. Таким же шнуровым узором, состоящим из параллельных линий и крестов, орнаментировано дно чаши. У северо-восточной стенки лежал небольшой кремневый отщеп и выше, на уровне руки, обломок бронзового предмета в виде проколки. Кости скелета очень плохой сохранности. Кстати отметим, что плохая сохранность костей наблюдается во всех погребениях этого типа. Весьма вероятно, что перекрытие могилы, длительное время предохраняя скелет от завала землей, влияло на процесс разложения костей.

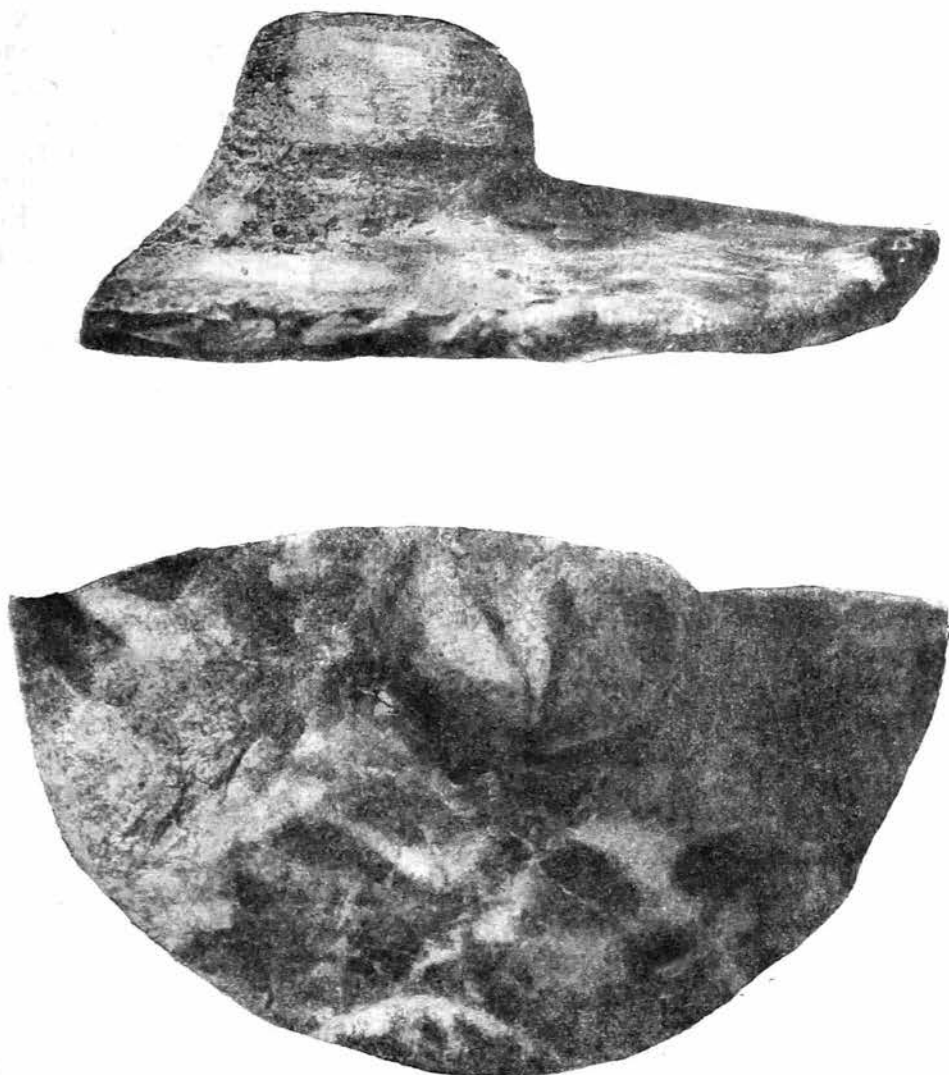

Рис. 21. Гипсовый односторонний отлив колеса из центральной могилы кургана 9, группа „Три брата“.

Судя по резким отпечаткам в глине деревянных предметов, цыновки, веревок, ткани, можно полагать, что описанное погребение было совершено в осеннее время или ранней весной, когда почва была весьма влажной. Вследствие этого образовались отпечатки, которые при заполнении их гипсом давали точное воспроизведение предмета. Таким способом нами были получены — гипсовый односторонний отлив колеса (рис. 21), ярма, значительной части цыновки и других предметов.

Описанное погребение является наиболее характерным, отличаясь лишь пышностью похоронного обряда. Целый ряд погребений этого типа воспроизводит тот же ритуал и могильный инвентарь, только

беднее по своему содержанию. Это погребение выделяется из числа рядовых тем, что здесь было похоронено лицо, псевдимоу, занимавшее особое положение в обществе.

Социальное положение захороненных в таких могилах определяется не только пышным ритуалом, большой насыпью кургана, но и захоронением вместе с ними подчиненных — женщины и раба. Этот момент особенно хорошо установлен в другом кургане, раскопанном нами в 1937 г. в группе Бичкин-Булук, расположенном в 5—6 км от группы «Три брата».

Добытые материалы и наблюдения в процессе раскопок как больших, так и рядовых курганов позволяют получить более определенные представления о материальной культуре насельников степей юга Поволжья конца бронзовой эпохи. Прежде всего, важнейшие находки колес, ярма, модели глиняной повозки позволяют установить средства передвижения того времени. Можно с полной определенностью признать, что для транспорта служила двухколесная арба. Колеса, как отмечалось выше, сделаны из сплошного дерева без спиц при свободном вращении на неподвижных осях. Реконструировать остальную часть арбы очень трудно, но, судя по глиняной повозке, найденной в числе жертвенных предметов, такая арба имела кузов, покрытый цыновками, грубой тканью коврового типа или кошмой. находка ярма вместе с тем показывает, что в такую двухколесную арбу впрягалась пара быков, используемых также в качестве средств передвижения.

Способ запряжки в такую арбу можно представить не только по известным изображениям, но и на основе этнографических данных. Такие двухколесные арбы с сплошным колесом и парной запряжкой до сих пор являются распространенным типом арбы в Синде, а о древнем его типе можно судить по глиняной модели, найденной в знаменитых раскопках Мохенджо-Даро.

Древняя форма арбы с колесами из сплошного дерева без спиц в раскопках Поволжья обнаружена впервые и мы не имеем параллелей, чтоб указать материал для сравнения. Арбы из ранне-сарматских погребений III — I в. до н. э., хорошо выявленные раскопками последних лет на нагорной стороне Волги и в Заволжье, показывают существование четырехколесного и двухколесного типа, на колесах со спицами.¹ В более позднее время, как известно, двухколесные повозки имели широкое распространение в поволжских, северокавказских и среднеазиатских степях, являясь одновременно и средством передвижения и жилищем.²

При изучении вопроса, связанного с выяснением форм колес и типа повозок, нельзя не указать на наиболее близкие по типу колеса деревянной колесницы из Триалетских курганов, исследованных Б. А. Куфтиным.³ Наиболее интересной аналогией в этом отношении является находка в одном кургане (курган XXIX) деревянной колесницы с совершенно такими же сплошными колесами без спиц, составленными из трех кусков дерева и такими же выступающими ступицами.⁴ Эта находка в комплексе с могильным инвентарем и погребальным ритуалом заставляет нас искать непосредственных предшественников

¹ И. В. С и н и ц ы н. Древние памятники Нижнего Поволжья. (В печати).

² В. В. Бартольд. О колесном и верховом движении в Средней Азии. ЗИВАН, IV, 1937.

³ Б. А. Куф т и н. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КС ИИМК, VIII, 1940. — Он же. Археологические раскопки в Триалети, т. I. Тбилиси, 1941, стр. 95 и сл.

⁴ Б. А. Куф т и н. Археологические раскопки в Триалети, стр. 95 и сл., табл. CVII.

наших памятников и близких соответствий в пределах распространения Триалетских курганов эпохи бронзы.

Вместе с тем, указанные Б. А. Куфтиным аналогии триалетским колесам — глиняные колеса миниатюрных повозочек, обнаруженных на Кавказе, в энеолитическом холме Шреш-Блур в Армении, колесница из богатого погребения, обнаруженного Лалаяном около озера Севан,¹ — в такой же степени являются однотипными с поволжскими и указывают на их сравнительную хронологическую близость.

Рис. 22. Изделия из кости коровы. Кург. 9, погр. 2, группа „Три брата“.

Во всяком случае ряд данных позволяет более определенно говорить о близости степных культур юга Поволжья с Кавказом и переднеазиатской цивилизацией. Что касается глиняной модели — повозки, то для сопоставления формы и типа отметим известную находку Везеловским в Ульском кургане,² а также керченскую крытую повозку,³ сильно напоминающих кузов нашей повозки.

Не менее интересным представляется материал, свидетельствующий о широком применении в быту цыновки, шерстяной ткани, шкуры и кожи скота. Среди могильного инвентаря нельзя не отметить предметы быто-

¹ Е. Лалаян. Раскопки курганов в Советской Армении. Ереван. 1931. (На арм. яз.).

² ОАК за 1909—1910 гг., стр. 154, рис. 228.

³ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. 1914, стр. 49, рис. 10, 11.

вого характера из кости и глины. Отметим два предмета из метатарзальной кости коровы с прорезанным отверстием на конце (рис. 22). Они найдены над могилой ребенка (мальчика) — погр. № 2, кург. № 9, группа «Три брата». Назначение предметов не совсем ясно, но весьма вероятно, что они выполняли роль сумака, имевшего, как известно, широкое распространение не только у ранних кочевников Средней Азии,¹ но и в более позднее время.

На основе добытого материала выясняются интересные детали религиозного ритуала. Прежде всего, новым для юга Поволжья являются кольцеобразные ограждения из камня, расположенные вокруг могилы. К ритуальным памятникам относятся и каменные круги с жертвенными животными, а также сооружение в виде дугообразной каменной кладки (рис. 23).

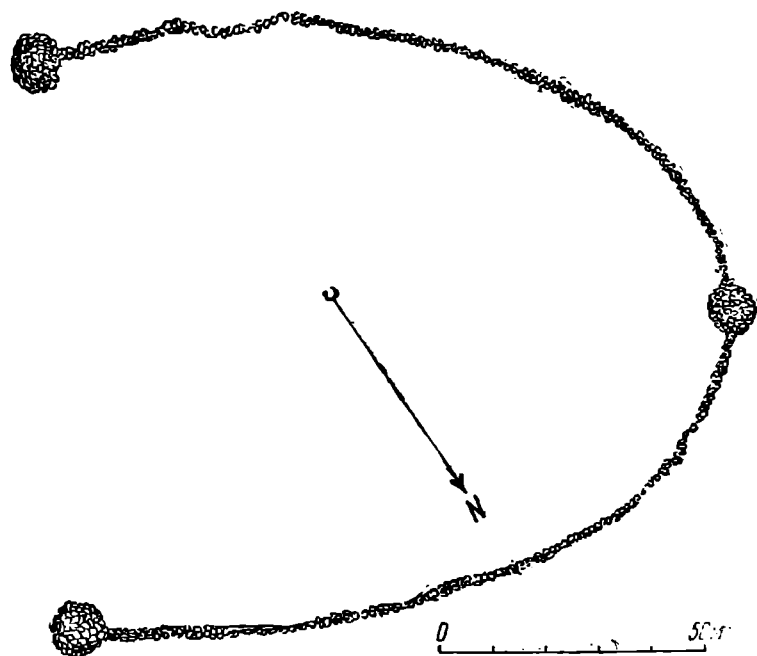

Рис. 23. Фигурная кладка из камней.

Один каменный круг без признаков курганной насыпи был вскрыт раскопками 1934 г., в группе курганов «Три брата».² Раскопками 1936 г. окончательно исследована каменная дуга, неполностью описанная в дневнике раскопок за 1934 г.³ Как оказалось в действительности, это каменное сооружение представляет собой каменную кладку дугообразной формы, длиною в 290 м, при ширине кладки камней от 1 до 2 м в один слой (рис. 23). В центре дуги и по ее концам кладка камней расширяется, превращаясь в каменные плоские круги, имеющие в диаметре до 8 м. Эти памятники, относящиеся к рассматриваемым погребениям, имели ритуальный характер. Вместе с тем, материал погребений позволяет заключить, что в религиозной идеологии, видимо, был распространен культ быка (отдельное захоронение черепов быков) и змеи. Культ змеи, как защитницы мертвых, имевший широкое распространение в религии Древнего Востока,⁴ находит

¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. II, 1940, стр. 20, табл. XXI.

² П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг.

³ Там же, стр. 115—116.

⁴ М. Э. Матье. Мифы древнего Египта. Л., 1940.

отражение в материалах исследованных нами памятников. Подтверждение этому мы видим в интересной находке в центральной могиле большого кургана остатков двух змей, дающих возможность рассматривать их как защитников погребенного. Примечательно также изображение змей на бронзовой булавке-застежке из кургана № 17, погр. № 3, группы «Три брата» (рис. 6).

Открытые памятники содержат в себе ряд характерных данных, позволяющих определить время существования в южных степях Поволжья новых, неизвестных до сих пор племенных групп, оставивших большое количество курганов, с хорошо выраженным обликом кочевнических погребений.

Культура, которой принадлежат курганные погребения, открытые в районе Хамура и других пунктах калмыцких степей, может быть отнесена к концу бронзовой и началу железной эпохи — конец II и начало I тысячелетия до н. э. В настоящее время трудно еще указать более точные хронологические рамки для этих погребений, но бесспорно они предшествуют скифским и являются началом скифской стадии в степях юго-востока. С этим хорошо согласуются не только комплекс похоронного ритуала, отдельные предметы в виде железного копья (рис. 7, кург. № 6, Бичкин-Булук), но и впускные скифские погребения, обнаруженные в насыпях этих курганов. Так, например, в насыпи большого кургана (кург. № 25, раск. 1936 г.) было открыто впускное скифское погребение VII—VI вв. (погр. № 2). Могила, имевшая в длину 3 м, в ширину 2 м и в глубину 2 м, оказалась заваленной не землей, а камнями, взятыми с вершины кургана, которая была окружена кольцом из камней.

Во всяком случае, эта группа погребений является предшествующей скифским памятникам и синхронична поздне-катакомбной культуре степей юга Поволжья.

Вместе с тем считаю существенным отметить, что к этой группе памятников относятся погребения, обнаруженные около г. Элисты. Мы имеем в виду так наз. тип погребений в «шалашах» и с «заплечками», которые, ввиду их малочисленности и новизны, были неправильно поняты и без достаточного основания определены как древнейшие ямные.¹

Ограничиваясь краткой характеристикой открытых памятников, отметим, что детальное изучение всего комплекса погребений позволяет уточнить их положение среди других памятников как в отношении времени существования, так и в отношении взаимных связей с Предкавказьем и Закавказьем. Вместе с тем, в материальной культуре открытых памятников намечаются начальные этапы ранне-скифской стадии степной полосы юго-востока. В этом смысле изучение добытого материала и дальнейшее исследование этого района имеет большое значение. М. И. Артамонов, в одной из отчетных работ об археологических раскопках на Маныче, совершенно справедливо указывал, что исследования памятников этого района могут дать весьма важный материал, значение которого не ограничивается историей местного края. «Можно рассчитывать именно здесь получить данные для решения важнейшего вопроса о процессе заселения степей, а также о начальной истории

¹ П. С. Рыков. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты. Изв. Саратовского института краеведения им. М. Горького, т. VII, 1936. — Он же. Погребения в шалашах. Сборник в честь Н. Я. Марра. ИГАИМК, вып. 100, М.—Л., 1933, стр. 203.

кочевничества. Здесь же, в курганах, скрывается богатый материал для более близкого ознакомления с плохо известною предскифскою эпохой на юго-востоке европейских степей и для ее увязки с скифско-сарматским периодом».¹

Это предположение полностью подтвердилось археологическими раскопками в степях Нижнего Поволжья.

¹ М. И. Артамонов. Работы на строительстве Маньчского канала. (Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., ИГАИМК, вып. 109), стр. 210.

М. И. АРТАМОНОВ

ТРЕТИЙ РАЗМЕННЫЙ КУРГАН У ст. КОСТРОМСКОЙ

Пятьдесят лет тому назад, в 1897 г., Н. И. Веселовский в числе других курганов раскопал пять насыпей из группы курганов, носящих название «Разменных» и находящихся на возвышенности в районе станции Костромской, в 12 верстах от последней (в 35 км от Майкопа). Этот год был одним из самых удачных в полевой деятельности знаменитого русского археолога: тогда им был исследован замечательнейший курган в г. Майкопе, а в группе «Разменных» курганов обнаружено древне-скифское погребение с массивной золотой нащитной фигурой оленя, представляющей самое совершенное и характерное из всех доныне известных произведений скифского искусства («костромской олень»). Из других курганов той же группы особого внимания заслуживает крайний, восточный, описанный в печатном отчете вторым (без №), а в рукописном, в соответствии с порядком раскопок, третьим.¹

Уже в печатном отчете обращено внимание на близкое родство погребения в этом кургане с Майкопским, с одной стороны, и отмечен мотив, сближающий его с первым Разменным, или Костромским, курганом, — с другой. Таким образом, III Разменный курган в первой же публикации был совершенно правильно поставлен между двумя характернейшими памятниками юга нашей страны, представляющими две культуры и, вместе с тем, две эпохи ее истории: медно-бронзовый век и скифский период.

Однако это чрезвычайно важное положение III Разменного кургана в ряду археологических памятников в дальнейших исследованиях, посвященных как проблеме медно-бронзового века в России, так и скифской культуре, осталось совершенно неучтенным; указание отчета игнорировали и ученые, занимавшиеся так наз. майкопскою культурою, и скифологи, что не могло не отразиться на решениях основных исследовательских проблем у тех и других. Причину недостаточного внимания к III Разменному кургану и недоучета его научного значения, как мне кажется, следует в первую очередь считать неполноту его публикации. При издании этого памятника не были воспроизведены и с достаточной отчетливостью описаны существеннейшие части его комплекса. К тому же, часть этого комплекса, переданного Археологической комиссией в Московский исторический музей, а именно керамика, оказалась утраченной, а следовательно недоступной для исследования *de visu*.

В Архиве Археологической комиссии сохранились некоторые данные, относящиеся к III Разменному кургану, не вошедшие в печатный отчет и остающиеся не известными большинству исследователей. Введение их в научный оборот и составляет главную цель данной статьи.

¹ ОАК, 1897, стр. 15—16. Дело АК 1896/204, лл. 59 об., 60.

Интересующий нас курган в рукописном отчете Н. И. Веселовского описан следующим образом: «Восточный, выс. 2 $\frac{1}{2}$ саж. В центре его находилась гробница, покрытая необделанными плитами, которые представляли свод: плиты от основания, заложенного в материке, были наложены одна на другую так, что края мало-помалу выступали вперед, образуя шатер. Сверху была положена большая плита (до 1 $\frac{3}{4}$ арш. дл. и 1 $\frac{1}{4}$ арш. шир.), другие были меньше. От тяжести насыпи свод обвалился, и гробница наполнилась землею. Самая могила была мало впущена в материк, всего с $\frac{1}{2}$ арш., и выложена бревнами, которые сильно сгнили. Могила имела 4-угольную, почти квадратную форму и расположена неправильно по отношению к странам света, с ЮВ на СЗ. Размеры ее в длину 3 ар. 12 в., в ширину 3 ар. 8 вер. Дно вымощено мелким булыжником и местами залито красной краской.

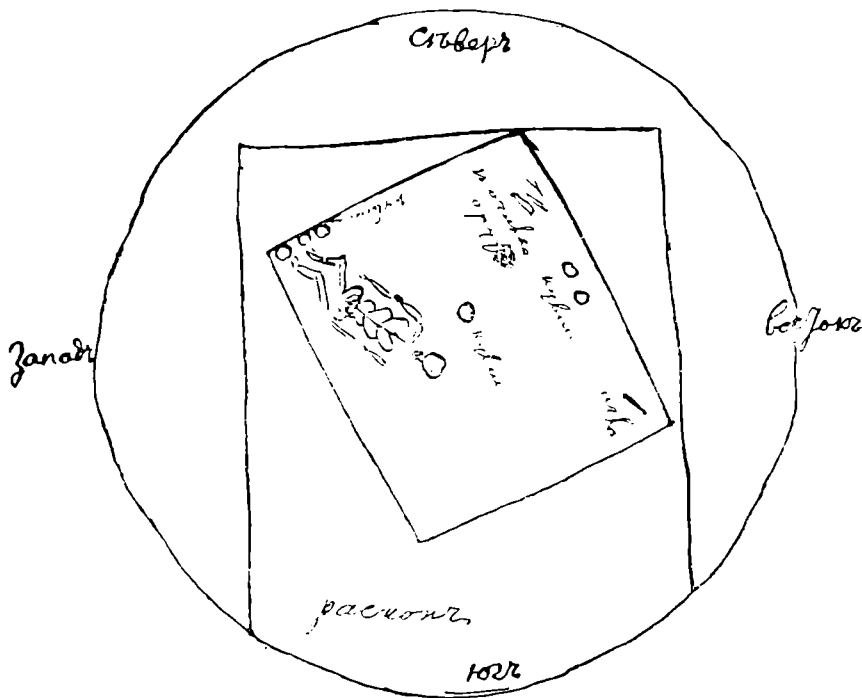

Рис. 1. План погребенія в III Разменном кургане (набросок Н. И. Веселовского).

Скелет лежал в согнутом положении в СЗ части могилы. У него на шее или на груди находились: белые бусы (№ 12)¹ и у плеча одна золотая спиральная серьга или застежка (№ 13). В ногах 3 глиняных горшка, раздавленные на мелкие части (№ 13-б, 13-в). У головы также находился один глиняный горшок (№ 13-г). В ЮВ углу медный стержень в виде иглы (№ 14), далее, у станы, еще два разбитых глиняных кувшина (14-а, 14-б), а в СВ углу находились 2 каменные точилки (№ 15), 2 медные копья (№ 16), медный топор (№ 17), пальстава (№ 18), кремневые стрелки (№ 19). В кургане находился перегнивший предмет, оказавшийся деревом». ² Кроме того добавлено, что «в насыпи этого кургана встретилось несколько человеческих костяков, без вещей и один был погребен в могиле, выложенной голышами, как в Майкопском кургане». Отчет сопровождается двумя рисунками пером: один представляет схему перекрытия могилы каменными плитами, а другой — план кургана с погребением (рис. 1).

¹ № по описи, приложенной к отчету.

² Дело 1896/204, л. 59 об.

Печатный отчет¹ кроме редакционно-стилистических изменений содержит некоторые весьма существенные дополнения, внесенные самим Н. И. Веселовским или же, возможно, с его слов А. А. Спицыным. Каменный свод, перекрывающий могилу, в печатном отчете назван «шатром»; добавлено, что плиты были небольшие и довольно тонкие, из местного известняка. Вместо краткого и невразумительного указания рукописного отчета на то, что могила была выложена бревнами, которые сильно сгнили, в печатном отчете с полной категоричностью говорится, что «стенки могилы были обложены деревом в виде сруба». Далее, здесь отмечаются остатки какой-то «деревянной перестилки», назначение которой определить не удалось. Судя по ссылке на Майкопский курган, где также были найдены следы «перестилки», речь, очевидно, идет о деревянном перекрытии могилы или «помосте».² В печатном отчете также добавлено, что цвет дерева в срубе был совершенно иной, чем у остатков перестилки, а именно «беловатый, а не темнокоричневый». Далее, в нем указано, что костяк лежал головой на ЮВ, чего нет в отчете рукописном, а также говорится, что костяк «густо был залит красною краскою», о чем в рукописном отчете также не упомянуто. В последнем значится, что дно могилы, выложенное мелким булыжником, местами было залито красной краской.

В печатном отчете настойчиво и планомерно проводится мысль о близости и сходстве III Разменного кургана с Майкопским: «разница заключается только в меньшем богатстве описываемого погребения».³ Но особенно важным является включенное в печатный отчет добавление, касающееся одного из сосудов, а именно глиняного горшка, найденного у головы скелета (№ 13-г). «Близ головы, — говорится в печатном отчете, — стоял большой сосуд (рис. 53),⁴ на котором заметны следы какого-то изображения, сделанного желтою краскою крупными точками. Ясно различался еще олень, с стилизованными рогами, лежавшими на его спине, как в золотом олене первого кургана (см. выше, стр. 13),⁵ возле него сильно пострадавший рисунок, напоминающий человеческую фигуру».⁶

В деле Археологической комиссии, но не в том, где вшит отчет Н. И. Веселовского о раскопках в районе ст. Костромской, а в другом, содержащем материалы о работах Веселовского на Кубани в 1898 г.,⁷ имеется акварельный рисунок представляющий вышеописанное изображение (рис. 2). По всей вероятности, оно было обнаружено при реставрации сосуда, найденного в черепках, и, судя по характеру рисунка, точно скопировано. Вот это-то изображение и является тем важнейшим, но до сих пор остававшимся не опубликованным и не привлечшим к себе внимания исследователей явлением, которое представляет в совершенно новом свете не только III Разменный курган, но и всю группу так наз. «больших курганов» Кубани, а в их числе и курган Майкопский, на сходство с которым III Разменного кургана столь настойчиво обращал внимание еще автор печатного отчета.

Принадлежность III Разменного кургана к группе памятников типа Майкоп — Царская, так наз. «больших кубанских курганов», является общепринятым положением археологической науки, не вызывавшим

¹ ОАК, 1897, стр. 15—18.

² ОАК, 1897, стр. 3.

³ ОАК, 1897, стр. 15.

⁴ Ссылка на рис. в ОАК, 1897.

⁵ Ссылка на ОАК, 1897.

⁶ ОАК, 1897, стр. 15—16.

⁷ АК, дело 1898/60.

никогда и ни с чьей стороны даже попыток к ревизии. Первый опыт периодизации медно-бронзового века Предкавказья, как известно, принадлежит перу А. В. Шмидта. Выделенная им «ранне-кубанская культура», наряду с курганами в Майкопе, Царской, Псебайской, Воздвиженской, Андриюковской и Келермесской, включает и III Разменный курган (Костромской).¹ Остается он в числе памятников «первого этапа металлургии», совпадающего в основном с «ранне-кубанской культурой» Шмидта и у А. А. Иессена,² и входит в число древнейших «княжеских могил» в последнем по времени издании венского археолога Ганчара.³

Отправным пунктом при датировке группы «больших кубанских курганов» всегда и для всех исследователей служили богатейшие погребения Майкопа и Царской, причем при всех попытках хронологического расчленения ее на подгруппы III Разменный курган оказывался вместе с Майкопским. А. В. Шмидт считал Царскую более ранним памятником, чем Майкоп; А. А. Иессен ставит эти памятники в прямо обратном хронологическом порядке.

По вопросу об абсолютной хронологии Майкопа и относящихся к его группе памятников существуют весьма различные мнения, хотя подавляющее большинство современных исследователей единодушно ставит его в самое начало медно-бронзового века на Северном Кавказе. В первой посвященной этому вопросу и солидно аргументированной сопоставлениями с памятниками Западной Европы, Средиземноморья и Передней Азии работе финского археолога А. М. Тальгрена дата «больших курганов» Предкавказья определяется временем около 2000 г до н. э.⁴ В дальнейшем А. М. Тальгрэн неоднократно возвращался к вопросу о датировке «больших курганов», причем, видимо под влиянием заметной тенденции к снижению дат в европейской археологии, в конце концов сбавляет древность Майкопа ровно на полутысячелетие, относя его к 1500 г до н. э.⁵ К тому же времени относил Майкоп Б. В. Фармаковский, основываясь на стилистическом анализе найденных в этом кургане изображений и возводя их к хеттской культуре.⁶ Огромную роль в углублении даты Майкопа сыграла статья М. И. Ростовцева, привлечшего для сопоставления с «большими курганами» древнейшие памятники Египта и Месопотамии и, в конце концов, определившего принадлежность Майкопа к III тыс. до н. э.⁷ Еще дальше в глубь времен, к IV тысячелетию, отнес Майкоп

¹ А. В. Schmidt. Die Kurganen der Staniza Konstantinovskava. ESA. IV 1929, стр. 21.

² А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120.

³ F. Hantke. Urgeschichte Kaukasiens von den Anfängen seiner Besiedlung bis in die Zeit seiner frühen Metallurgie. Wien-Leipzig, 1937. — Alaç-Höyük. Wiener Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte Asiens, XII, 1938, стр. 25—38.

⁴ А. М. Tallgren. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. SMYA, Helsingfors, 1911, стр. 88—90 и 200—210.

⁵ А. М. Tallgren. Zur frühen Metallkultur Südrussland. Studien zur vorgeschichtliche Archäologie. Götzes Festschrift. Leipzig, 1925, стр. 16—20. — La Pontide précythique, ESA. II. 1926. — Zur Chronologie der osteuropäischen Bronzezeit. Mitt. der Arth-top Ges. In Wien., LXI, 1931, стр. 94—96. — Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental. ESA, IX, 1934, стр. 20—37.

⁶ Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. II, Майкоп. МАР, XXXIV, СПб., 1914, стр. 50—76. Датировка Б. В. Фармаковского основана на сопоставлениях с памятниками Зенжирли, которые в его время относились к X в. до н. э., а ныне относятся только к VIII. См., напр.: Захаров. Хетты и хеттская культура. М.—Л., 1924, стр. 84.

⁷ M. Rostovzev. L'âge du cuivre au Caucase du Nord et les cultures de Sumer et de l'Égypte préhistorique. Revue archéologique, 1920, XII, стр. 1—37.

Г. Чайльд, а вслед за ним и ряд других западноевропейских археологов, со времени блестящих открытий в Месопотамии (в Уре), получивших новые отправные точки для установления хронологии памятников Северного Кавказа.¹ К раннему времени (3000—2500 лет до н. э.) отнес свою «ранне-кубанскую культуру» А. В. Шмидт (ук. соч.). А. А. Иессен с своей датировкой Майкопа концом III тысячелетия до н. э. занимает промежуточное положение между взглядами на этот вопрос Чайльда — Ростовцева — Шмидта, с одной стороны, и Тальгрена — Фармаковского, с другой.² Того же мнения придерживается Ганчар.³ Таким образом, в современной науке дата Майкопа и связывающихся с ним памятников ни в коем случае не может считаться прочно установленной и, как показано выше, колеблется на протяжении по крайней мере 2½ тысяч лет (от IV тысячелетия до середины II тысячелетия).

Нельзя не отметить, что при первом своем появлении в научном обороте Майкоп отнюдь не представлялся столь древним памятником, каким его определили археологи в последующее время; так, например, Я. И. Смирнов в кратком тексте к таблицам «Восточного серебра» писал: «В ожидании заключений занимающихся этим вопросом лиц, мы отнесли бы майкопские сосуды к VIII в. до Р. Х.».⁴ Примерно то же он повторяет и в другой своей посмертно изданной работе.⁵ В наши дни горячим сторонником пересмотра чрезмерно высокой даты Майкопа и вообще культуры «больших курганов» выступил безвременно скончавшийся во время блокады Ленинграда Б. Е. Деген-Ковалевский.⁶ По его убеждению, основанному на детальной проработке огромного материала, «культура больших курганов» не может быть отнесена ни к IV, ни к III, ни даже к середине II тысячелетия до н. э. Она никоим образом не представляет начальную, или хотя бы раннюю ступень северокавказского энеолита. Наоборот, по всем своим признакам эта культура характеризует «наивысшее развитие его социальных и материальных форм, вместе с широким развертыванием обменных и культурных связей», следовательно естественно, по мнению этого исследователя, рассматривать культуру «больших кубанских курганов» как завершающий этап северокавказского энеолита, подходящий к грани освоения бронзы и железа.⁷ Соответственно этому заключению и абсолютная дата «больших курганов» определяется им рубежом II и I тысячелетий до н. э. с возможностью разделения крайних памятников группы значительным промежутком времени.⁸

Цитируемая работа Б. Е. Деген-Ковалевского представляет собою краткое резюме доклада и не содержит развернутой аргументации выставленных им весьма ответственных положений. Большое исследование этого ученого, посвященное Майкопскому кургану и примыкающим к нему памятникам, остается неизданным. Ввиду этого весьма

¹ V. G. Childe. The Dawn of European Civilisation. Лондон, 1927, стр. 149. — С. Contenau. Les tombes royales d'Our et les découvertes dans le Caucase. Manuel d'Archéologie Orientale, III, Париж, 1931, стр. 156—75. — S. Przeworsky. Zagadnienie wplywon bliskiego wschodu. Swiatowit. т. XV, 1933, стр. 45—55. — Н. Frankfort. Archeology and the Sumerian Problem. Studies of oriental Civilisations, № 4, Чикаго, 1933, стр. 52.

² А. А. Иессен, ук. соч., а также Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. Иранское искусство и археология. Лгр., 1938, стр. 94.

³ Urgeschichte Kaukasien, стр. 415. — Alača-Höyük, стр. 25—38.

⁴ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, стр. 7.

⁵ Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934, стр. 5.

⁶ Б. Е. Деген-Ковалевский. Проблема датировки «больших кубанских курганов». КС ИИМК, II, 1939, стр. 14—17.

⁷ Там же, стр. 16.

⁸ Там же, стр. 17.

трудно оценить степень обоснованности предложенной автором датировки конкретными аналогиями с более или менее датированными памятниками других культур и областей, а не только общими представлениями о ходе исторического процесса. Со всей отчетливостью об этом сказано в рецензии С. В. Киселева.¹ Впрочем, некоторые «конкретные» аналогии суммарно указаны Б. Е. Деген-Ковалевским даже в отмеченном выше резюме. В числе их значатся и «глиняные сосуды грушевидной формы», один из которых (курган № 3 у ст. Костромской) был украшен изображением оленя вполне «скифского» стиля.²

С. В. Киселев не может допустить, чтобы «такие специалисты по скифским памятникам, как Ростовцев и Фармаковский (не говоря уже о других), не подметили скифских черт в Майкопе».³ Действительно, ни тот, ни другой никаких элементов скифской культуры в Майкопе не находили, но зато «другие» прибавлены к их числу совершенно напрасно, огулом. Выше уже было указано, что крупнейший русский ученый, по своей эрудиции, тонкости наблюдения и исторической интуиции нисколько не уступавший ни Ростовцеву, ни Фармаковскому, а скорее даже превосходивший их во многих отношениях, Я. И. Смирнов, датировал Майкоп VIII веком до н. э., т. е., если не скифской, то непосредственно предшествующей ей эпохой. Другой замечательнейший русский археолог, основоположник целого ряда разделов нашей науки, немало сделавший в области скифологии и во всяком случае лучший знаток русских археологических материалов, А. А. Спицын, прямо указывал на то же самое сходство изображения оленя на сосуде из III Костромского (Разменного) кургана с оленем из скифского погребения в I Костромском кургане, которое несомненно имел в виду и Б. Е. Деген-Ковалевский в приведенном выше месте своей работы. По всей видимости переработка рукописного отчета Н. И. Веселовского о раскопках в Кубанской обл. для напечатания его в «Отчетах АК» была произведена А. А. Спицыным, а следовательно и добавления, отличающие печатный отчет от рукописного, которые были отмечены выше в отношении III Разменного (Костромского) кургана, принадлежат А. А. Спицыну, в том числе и замечание о сходстве изображения на сосуде из этого кургана с золотой фигурой оленя из I Костромского кургана. Но даже если автором этого замечания был не А. А. Спицын, а сам Н. И. Веселовский, указание С. В. Киселева на «других» под-
лежит существенному ограничению.

Сходство изображения на сосуде из III Разменного кургана, единодушно всеми специалистами по медно-бронзовому веку причисляемого к майкопскому кругу памятников, со скифскими произведениями искусства в самом деле «разительное». Невероятным это сходство могло представляться только вследствие того, что это изображение до сих пор оставалось неопубликованным, т. е. не известным подавляющему большинству археологов. Те же, кто знал о его существовании, были настолько подавлены авторитетом Ростовцева-Фармаковского и прочих высоких специалистов, что и помыслить не могли восстать против их определений, а следовательно, как говорит С. В. Киселев, выставить их «невеждами».⁴ Заслуга Б. Е. Деген-Ковалевского заключается в том, что он не побоялся это сделать. Моя задача в данном случае сводится к тому, чтобы подтвердить, что он имел для этого достаточные основания.

¹ ВДИ, 1940, № 2, стр. 136.

² Ук. соч., стр. 16.

³ ВДИ, вк. соч., стр. 136.

⁴ Ук. соч., стр. 136.

Кто и когда обнаружил изображения на одном из сосудов, найденных в III Разменном кургане у ст. Костромской, из дела Археологической комиссии не видно. В рукописном отчете Веселовского о них не говорится ни слова. По всей вероятности, «следы какого-то изображения, сделанного желтой краской» были замечены только по доставке черепков в Петербург, в Археологической комиссии, где добытые раскопками памятники поступали в опытные и бережные руки А. А. Спицына. После реставрации сосуда на нем оказалось возможным ясно различить оленя со стилизованными рогами и еще какую-то фигуру, которую автор печатного отчета принял за человеческую. Сосуд с изображениями, как и вся вообще керамика из III Разменного кургана, в настоящее время утрачен. На изданной в «Отчете» фотографии с реставрированного сосуда с изображением (рис. 53) никаких следов последнего не заметно. Таким образом, единственным документом, свидетельствующим о существовании изображения, является вышеуказанный акварельный рисунок, хранящийся в деле Археологической комиссии (1898/60). По всем признакам этот рисунок сделан рукою опытного рисовальщика и довольно точно передает уцелевшие на сосуде части изображения. Рисунок, видимо, снят при помощи кальки в натуральную величину и раскрашен в соответствии с оригиналом.

Сохранность изображения к моменту копирования была плохая. Фигуры уцелели лишь частично вследствие либо осыпания краски, либо образования пятен солей на поверхности сосуда, а возможно и благодаря утрате части черепков. Вследствие порчи изображение, действительно, на первый взгляд кажется сделанным «желтой краской крупными точками», как об этом говорится в «Отчете». На самом деле изображения были выполнены довольно широкими линиями, которые местами прослеживаются еще с полной отчетливостью, тогда как в других превратились в отдельные, не связывающиеся между собой пятна или точки.

Изображение состоит из двух обращенных одна к другой профильных фигур, причем правая от зрителя несомненно представляет оленя с большими откинутыми назад стилизованными рогами. От оленя сохранился контур большей части туловища, несколько поднимающегося по направлению к крупу, нижнее очертание шеи и части головы, расположенных почти по одной линии и притом резко поднятых вверх почти перпендикулярно к туловищу. Далее, уцелели контуры верхней части (бедро) одной из передних ног, очевидно, левой, отходящей назад и образующей продолжение вниз линии, по которой построены шея и голова животного. О том, что это животное представляет оленя, с полной наглядностью свидетельствуют остатки изображения его рогов, собственно говоря одного рога, находящиеся сзади головы и довольно высоко над спиной. Сохранились контуры трех стилизованных в виде завитков отростков, расположенных вдоль передней части рога; имеются следы других таких же отростков, а также первого от головы отростка, направленного вперед. Внутри контуров туловища и на месте шеи беспорядочно разбросаны пятна краски разной величины, которые, к сожалению, не дают представления о системе заполнения фигуры, но, поскольку контуры четко отделяются от заполнения, ясно, что оно не было сплошной закраской.

Вторая фигура, которая автору «Отчета» напомнила человека, несомненно представляет также животное, поставленное напротив первого, притом в строго симметричном по отношению к нему построении. Вполне определенно распознаются шея, крыло и передние ноги, особенно правая, несколько отставленная назад и заканчивающаяся когтями. Правая нога или лапа и шея этой фигуры так же, как и у оленя,

построены по одной линии. Указанные внутренние линии построения передней части каждой из фигур образуют стороны равнобедренного треугольника, в вершине которого соприкасались, к сожалению, не сохранившиеся головы животных; внутренность же треугольника заполнена их выставленными вперед конечностями, сохранившимися не одинаково. Лучше, чем направленная вперед правая нога оленя, прослеживается левая нога другого животного: ясно различимы несколько выступающее бедро и вытянутая почти горизонтально лапа, соприкасающаяся со следами нижней части ноги оленя. Эта последняя также была согнута в колене, но от туловища здесь выступало бедро, голень же почти вертикально опускалась от колена книзу как раз посередине треугольника, образованного передними контурами фигур животных, не доходя до его основания. Рогам оленя соответствуют у левой фигуры довольно ясные следы крыла, начинающегося у бедра правой лапы и крутым изгибом поднимающегося вверх над туловищем. Заполнение фигуры и здесь сохранилось плохо, однако, в основании шеи можно различить ряды перекрещивающихся в виде решетки линий, видимо передающих чешуйчатое покрытие этой части туловища (оперение). Крыло в сочетании с лапой хищника свидетельствует, что здесь мы имеем дело с изображением не человека и не реального, а фантастического животного типа грифона. Судя по характеру изгиба левой лапы, можно было бы полагать, что крылатая фигура представляла собою хищную птицу, но этому противоречат другие детали изображения (очертания правой лапы), а в особенности общий характер построения композиции, требующей слева такого же рода фигуры с длинным туловищем, какая находится справа.

Композиция в целом представляет сцену борьбы зверей или точнее терзания одного животного другим, столь хорошо известную в скифском, переднеазиатском и греко-ионийском искусстве. В целом виде (рис. 3) она изображала крылатого, с когтистыми передними лапами четвероногого хищника, грифона, впившегося клювом в морду оленя, а левой лапой вцепившегося в ногу последнего. Олень с высоко поднятой головой был изображен упавшим на колено левой передней ноги, с другой передней ногой, охваченной лапой хищника. Такое положение оленя определяется, между прочим, из учета основания композиции, которое дано местоположением правой стоящей лапы грифона. При строгости построения композиции в целом невозможно допустить, что левая, направленная книзу, нога оленя опускалась за линию основания, а так как расстояние между туловищем оленя и основанием слишком узко, чтобы в нем могла поместиться вытянутая во всю длину нога этого животного, то необходимо признать, что она была согнута в колене. Задние части туловищ обоих животных не сохранились, но, судя по поднимающемуся к крупу туловищу оленя и по строгой симметричности построения уцелевших частей композиции, надо полагать, что задние ноги обеих фигур были представлены во всю их длину, должно быть, как это встречается в других сходных изображениях, в положении шага.

В «корочках» А. А. Спицына¹ имеется схематический рисунок сосуда с росписью из III Разменного кургана. Изображения на нем показаны в верхней конусовидной части сосуда (на горле), там же, где расположены резные изображения на сходном сосуде из Нальчика, о котором речь будет ниже.² Размеры окружности горла у сосуда из III Разменного кургана точно неизвестны, но, исходя из данных о его высоте

¹ А. К. 5/309, л. 81.

² Ср. А. А. Иессен. Северо-кавказские сосуды с изображением оленя. СГАИМК, 1931, № 2, стр. 16 и 17.

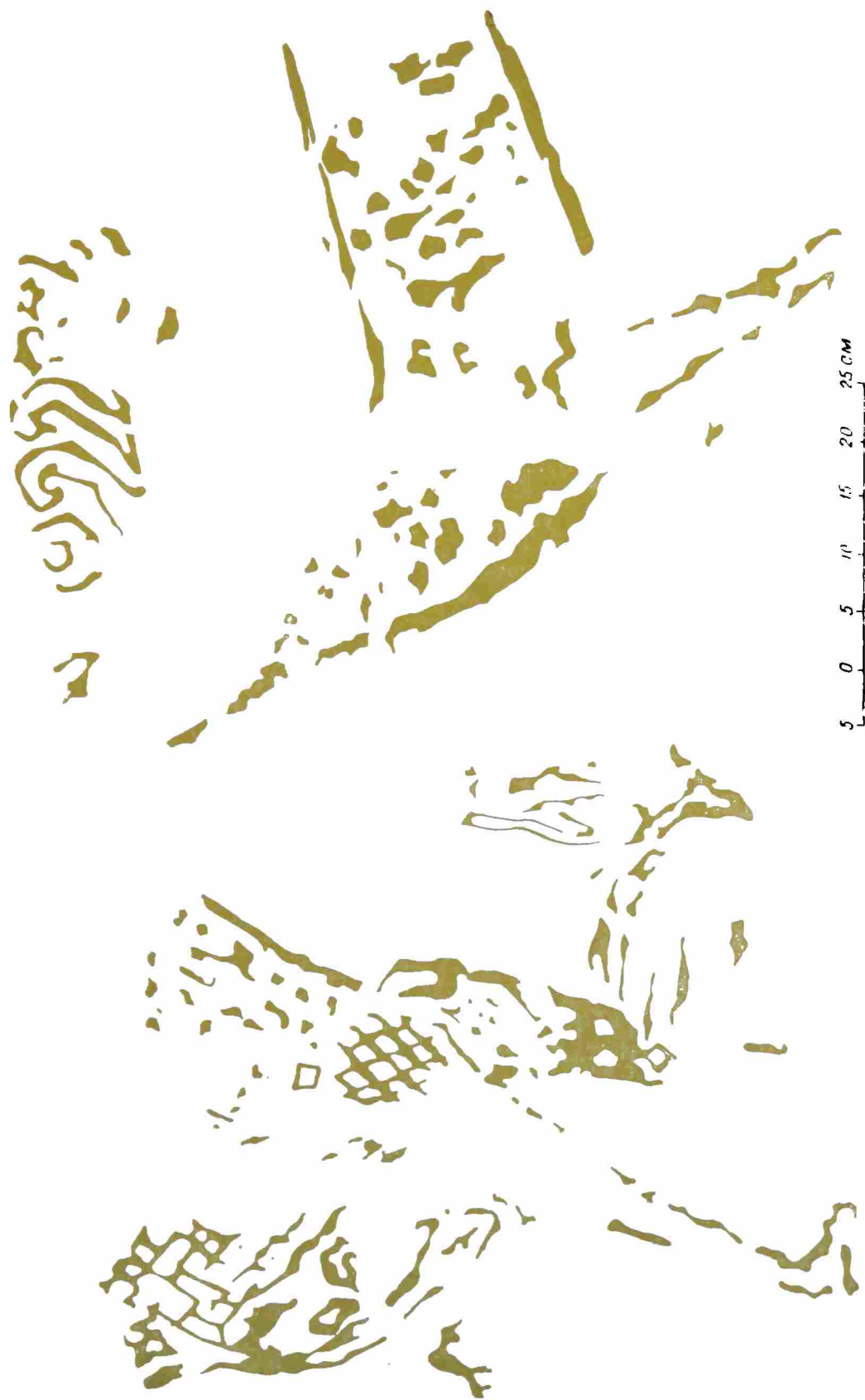

Рис. 2. Акварельная копия рисунка на сосуде из III Разменного кургана.

Рис. 3. Сцена тврзання на сосуде из III Разменного кургана (реконструкция автора).

и ширине в целом, сохранившихся в «корочках» А. А. Спицына, и из масштаба, указанного при воспроизведении его в Отчете АК, можно вычислить, что окружность середины верхней конусообразной части этого сосуда равнялась приблизительно 0.76—0.77 м. Определяя ширину вышеописанной композиции из двух животных в полном виде в 0.35 м, следует заключить, что она не могла занять всей окружности даже этой, наиболее узкой части сосуда. Здесь могло поместиться две таких композиции. Сколько их было в действительности, остается неизвестным, как не известно и то: повторялась ли она в остающейся части фриза или эта часть была занята другими изображениями. Как бы то ни было, мы несомненно имеем дело не с случайным, примитивным рисунком на горшке, а с выработанной «вазовой живописью», характеризующейся строгими по построению композициями так наз. «звериного стиля».

Композиция на сосуде из III Разменного кургана без сомнения представляет не жанровую «охотничью» сценку, а религиозно-культурный образ с большой смысловой нагрузкой. Мы в данном случае не будем останавливаться на раскрытии его содержания, тем более, что несколько весьма существенных замечаний по этому вопросу было уже высказано И. И. Мещаниновым.¹ Ясное дело, что в таком образе не может быть места случайности: все, начиная от строгого, подчиненного принципу симметричного равновесия и поэтому иератически неподвижного построения сцены, до мельчайших деталей, характеризующих то или другое животное, обусловлено долгой традицией. Это не реалистический набросок с натуры, не импрессионистическая передача живого впечатления действительности, а отвлеченный образ, закованный в крепкую, обязательную для художника схему. Уже одно это исключает возможность появления рассматриваемой композиции *ad hoc*.

В скифских памятниках Причерноморья и Сибири сцены борьбы зверей известны в довольно большом количестве. Древнейшая композиция этого рода помещена среди фигур отдельных животных на стенке золотой чаши из Келермеса,² но она существеннейшим образом отличается от рассматриваемой. Там мы имеем настоящую «охотничью» реалистическую сцену, представляющую льва, впившегося в холку настигнутого им и прижатого к земле козла. Сходная сцена имеется в одном из секторов келермесского зеркала, где изображен также лев, но повергающий уже не козла, а быка и притом набросившийся на последнего не сзади, а спереди.³ Подобного рода композиции известны в греко-ионийском искусстве,⁴ а также встречаются и в современных с ним и более ранних памятниках древнего Востока. В качестве примера можно указать персепольский рельеф, представляющий льва, нападающего на быка, и на ассирийские печати с изображением льва же, нападающего на газель или даже на оленя,⁵ являющиеся непосредственными предшественниками и образцами греческих и греко-персидских изображений. Наряду с этими жанровыми или переходящими в жанр сценами в древневосточном искусстве известны композиции с борьбой или точнее терзанием зверей, культовое значение которых более очевидно. Это в первую очередь композиции с Мардуком, Гильгамешем или другим богом или героем, поражающим злое начало в виде

¹ И. И. Мещанинов. О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников. СГАИМК, 1932, № 1—2, стр. 6—12.

² Восточное серебро, табл. CXI, 278.

³ Г. И. Боровка. Бронзовый олень из Ульского кургана. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 201, рис. 9.

⁴ Г. И. Боровка, ук. соч.

⁵ Sarre. Die Kunst des Alten Persien. Берлин, 1923, табл. 21. — O. Weber. Altorientalische Siegelbilder, т. 2. Лейпциг, 1920, №№ 356, 357.

реального или фантастического животного, и сцены борьбы зверей, являющиеся дериватами таких композиций. Среди них мне не известно ни одной, которая бы по формальным признакам совпадала с изображением на сосуде из III Разменного кургана, но по общему характеру и по отдельным элементам она явно примыкает к памятникам религиозного искусства древнего Востока.

На золотой пластинке из Ульского кургана, датированного черно-фигурной вазой первой половиной VI в., представлена сцена терзания поверженной лани двумя грифонами. Позади одного из грифонов (справа) изображен бегущий олень.¹ Это произведение со всеми его признаками грубого, неумелого исполнения, ближе всех других образцов ранне-скифского искусства стоит к изображению на сосуде из Разменного кургана. Строго симметричное построение композиции терзания, положение жертвы, позы хищников — все это напоминает изображение на сосуде, хотя в подробностях между сравниваемыми произведениями, конечно, много различий. В данной связи оно для нас важно как доказательство наличия в ранне-скифском искусстве не только «охотничьих сцен», но и иератических композиций того же рода, как и представленная на сосуде Разменного кургана.

Образ фантастического крылатого животного, грифона, безусловно восточного происхождения. Хотя фигура крылатого хищника в изображении на сосуде сохранилась весьма плохо, тем не менее едва ли можно сомневаться, что она представляет именно грифона — четвероногое животное с крыльями и с орлиной головой на длинной шее — такого же, как на пластинке из Ульского кургана. Образ такого фантастического зверя встречается уже на печати знаменитого «царя» Лагаша Гудеа² и потом в ряде вариантов неоднократно повторяется на других переднеазиатских печатях. В таком виде изображалась Тиамат, воплощение хаоса и тьмы в вавилонской космогонии (на рельефе из Нимруда).³ В вавилонском сказании о мироздании говорится, что, решившись на борьбу с богами, Тиамат создала чудовищ: змей, драконов, псов, человеко-скорпионов, рыбо-людей, которые должны были помогать ей⁴ и которых, видимо, представляют некоторые фантастические образы переднеазиатского искусства. Отсюда образы фантастических существ, в том числе и грифона, перешли в греческое искусство, а также и в искусство скифов.

Б. Б. Пиотровский с большой убедительностью показал, что источником восточного влияния в Северном Причерноморье было Урартское царство, владения которого распространялись на часть Закавказья. Ряд находок свидетельствует о давних связях с Закавказьем даже далекого от него Приднепровья. В числе их в первую очередь надо, конечно, назвать типичный закавказский бронзовый пояс, найденный в Подгорцах близ Киева.⁵ Но наиболее яркие доказательства связей Скифии и Урарту представляют вещи Келермесского и Мельгуновского курганов, в особенности найденные в том и другом роскошные, обложенные золотом мечи, весьма близко сходные между собой, несмотря на большое расстояние, разделяющее обе эти находки.⁶ «Было бы неверным считать эти золотые ножны урартскими изделиями, случайно попавшими в Скифию, — замечает Б. Б. Пиотровский. — На

¹ ОАК. 1898, стр. 30, р. 42.

² Bruno Weisser. Grundzüge der altbabylonischen Plastik. Лейпциг. 1915, рис. 69.

³ Contenau. Manuel d'Archéologie Orientale. т. I. Париж. 1927, стр. 185, рис. 111.

⁴ Тураев. История древнего Востока, т. II. ОГИЗ, 1935, стр. 124.

⁵ Петров. Альбом достопримечательностей, вып. IV—V, табл. II.

⁶ Б. Б. Пиотровский. Урарту, древнейшее государство Закавказья. Л., 1939, табл. 33, 34. — Придик. Мельгуновский клад. МАР, № 31, табл. III—IV.

них наряду с изображениями явно древневосточного характера имеются декоративные элементы несомненно скифского стиля (фигура оленя и орнамент из сильно стилизованных птичьих голов на боковом выступе, представляющем тот же золотой лист, что покрывает и самые ножны)». ¹ Поэтому цитируемый автор считает эти мечи с их обложенными золотом ножнами или сделанными скифами под влиянием образцов урартского происхождения или же изготовленными для скифов в кавказских районах, где урартская культура была еще жива. ²

Однако в ранних скифских памятниках, наряду с древневосточными, прослеживаются и греко-ионийские влияния. Г. И. Боровка отметил близкое родство некоторых мотивов и форм в скифских памятниках с греко-ионийским искусством и, принимая во внимание их переплетение с туземными, скифскими формами, пришел к заключению, что хотя они и изготовлялись греческими мастерами, но в скифской среде, как он полагал, в Фанагории. ³ Б. Б. Пиотровский также не отрицает греческого происхождения таких предметов, как, например, зеркало из Келермеса, но считает, что они попадали на Северный Кавказ через Закавказье, так как Урарту было тесно связано с Ионией. ⁴

Таким образом, оба исследователя полагают, что наиболее прекрасные скифские памятники являются произведениями не туземных, а иностранных мастеров, хотя и работавших с учетом потребностей своих заказчиков и с использованием мотивов собственно скифского искусства.

Вопрос о смешении в скифском искусстве мотивов и форм местного и иноземного происхождения нас здесь интересует только в связи с изображениями на сосуде из III Разменного кургана. Бесспорно, что грифон на этом сосуде не местное изобретение. Он ведет свое родословие с Востока. Но когда и каким образом он попал в туземную северокавказскую среду? Среди памятников урартского искусства нет аналогий ни для фигуры грифона, ни для композиции в целом, как она дана на рассматриваемом сосуде. К тому же и стилистические признаки плохо сохранившегося и примитивного по исполнению изображения на сосуде III Разменного кургана не настолько ясно выражены, чтобы его можно было признать памятником урартского или греческого влияния. Форма крыла грифона, которая в этом отношении, а особенно для определения хронологии изображения, могла бы сыграть решающую роль, в очень важных своих подробностях остается, к сожалению, неизвестной.

Для архаического греческого искусства (VII — VI вв.) характерно крыло с загибающимся вперед верхним концом. Такими крыльями снабжены все крылатые персонажи келермесского зеркала. На ульской пластине со сценой терзания крыло грифона иной формы, более соответствующей древневосточным примерам этого мотива. Судя по расположению сохранившихся частей крыла грифона на сосуде Разменного кургана, оно ближе соответствовало крылу ульского изображения, чем греко-ионийским образцам, т. е. по своему построению было более архаичным.

Обратимся теперь ко второму члену композиции на сосуде — к оленю. Олень является одним из распространеннейших и характернейших мотивов скифского искусства. Чаще всего встречается изображение лежащего оленя с вытянутой вперед головой, блестящий образец которого представляет нащитная бляха I Костромского кургана:

¹ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 54.

² Там же.

³ ИРАИМК, т. II, стр. 202—203.

⁴ Ук. соч., стр. 55.

Имеется целый ряд вариантов того же самого мотива: лежащий олень с поднятой или, наоборот, с опущенной головой, олень с головой повернутой назад, наконец, стоящий олень также иногда с повернутой назад головой. Олень в положении, близком к тому, в каком он представлен на сосуде из Разменного кургана, встречается редко. Лучший и древнейший образец такого рода положения дает бронзовый штамп для изготовления украшений звериного стиля, найденный в Гарчиново в Северной Болгарии на землях древней Фракии. В числе других изображений здесь имеется павший на переднюю ногу олень с повернутой назад головой, увенчанной большими рогами.¹ В том же положении представлен олень, найденный в Zöldhalompusztá в Венгрии.² Нет сомнения, что изображения этого рода, хотя и одиночные, восходят к композиции, в которой олень составлял часть сцены вроде той, какую мы видим на сосуде из Разменного кургана или в несравненно более живых и реалистических формах в памятниках греко-скифского искусства, например, на браслете из Куль-Обы или на Чертомлыцкой вазе.³

Наиболее своеобразным и неповторимым признаком многих скифских изображений оленя является трактовка его рогов в виде ряда S-видных завитков. Орнаментально стилизованные рога появляются во вполне выработанном виде уже у древнейших оленей в скифском искусстве, таких, как олень Костромского кургана или многочисленные изображения оленей в Келермесе. Вне скифского искусства такая стилизация рогов нигде не известна; по этому признаку олень на сосуде Разменного кургана крепко, неразрывно связывается именно со скифским искусством и никаким другим.

Древний Восток знал оленя, и в сценах терзания он встречается уже на древнейших образцах шумерского искусства, как, например, на вазе Энтемены, но нигде, ни в одном случае в древневосточных изображениях этого животного нет рогов, стилизованных хотя бы с отдаленным сходством со скифскими памятниками. Нет такой стилизации и в произведениях греческой архаики, не говоря уже о более позднем греческом искусстве. Олень, терзаемый пантерой на известной вазе Франсуа,⁴ представленный в позе, весьма близкой к изображению на сосуде из Разменного кургана, увенчан парой рогов, стилизация которых не имеет ничего общего со скифской.

Скифское искусство декоративное, связанное с вещью определенного назначения и формы и поэтому ограниченное в отношении пространства и свободы композиции. Отсюда его изумительная изобретательность в использовании пространства. Но, что особенно важно для уяснения его характера, так это то, что оно широко пользовалось деревом. В погребениях Алтая, в условиях вечной мерзлоты, хорошо сохранились резные деревянные украшения. На некоторых из них уцелела позолота. В других случаях, не столь благоприятствующих сохранению дерева, находят тонкие золотые пластинки, покрывавшие деревянную основу. Все это доказывает, что в скифском обществе наряду с массивными изделиями, литыми из золота или бронзы, были в ходу украшения из позолоченного дерева, чем и объясняется, что приемы резьбы по дереву легли в основу стилизации, проникли в чисто металлические изделия и в значительной степени определили стилистические особенности скифского искусства. Именно в резьбе по дереву мог выработаться тот тип стилизации рогов, какой мы находим и у сохранившегося все признаки своего деревянного образца литого из золота

¹ *Archeologia Hungarica*, XV.

² *Archeologia Hungarica*, III.

³ Русские древности. II, рис. 72, 116.

⁴ *Furtwängler-Reichhold, Griechische Vasenmalerei*. I. T. 3.

оленья из I Костромского кургана и у исполненного росписью оленя на сосуде из III Раздольного кургана у ст. Костромской. Следовательно, ко времени создания последнего скифское искусство в его характерных стилистических признаках уже существовало и формы свойственной ему стилизации определяли произведения любой изобразительной техники, в том числе и живописной.

Можно пойти еще дальше, а именно признать, что главным мотивом туземного изобразительного искусства, по крайней мере в северном Предкавказье, в ранне-скифскую эпоху был именно олень. За это говорит тот факт, что в таких произведениях, как обкладки мечей из Келермеса и Мельгуновского клада, где олень сочетается с другими персонажами так наз. звериного стиля, именно он сохраняет признаки скифской стилизации, тогда как многие другие изображения не только по своему содержанию, но и по стилю связываются с памятниками древневосточного и специально урартского искусства. Признаки скифской стилизации даже в таких произведениях, как зеркало или чаша с изображениями животных из Келермеса, свидетельствуют о местном производстве древнейших памятников скифской культуры, причем в распоряжении мастеров при этом был богатый ассортимент форм не только местного, но и восточного и даже греко-ионийского происхождения. Но раньше, чем последние стали проникать в скифскую среду, искусство Северного Предкавказья, надо думать, слагалось только из двух компонентов, т. е. древневосточного и туземного.

В ранних скифских памятниках Северного Кавказа изредка встречаются изображения оленей, рога которых не имеют той характерной стилизации, о которой речь шла выше. Так, например, на круглой золотой пластине из Келермеса, где фигура оленя повторена 4 раза, рога у него ветвистые с острыми отростками, более реалистические, чем у вышеуказанных экземпляров. Это, конечно, тоже стилизация, но стилизация иного рода. Тот же тип рогов представлен изображениями оленей на северо-кавказской инкрустированной керамике.

В предвоенные годы на Северном Кавказе выявилась группа архаическо-скифской керамики, а в ее составе оказались сосуды с врезанными изображениями оленей.¹ А. А. Иессен, рассматривая эти изображения, уже отметил «характерную трактовку бедра в виде резко отграниченного от туловища полукруга, снабженного в середине кружком» и то «что эта черта, неизвестная в многочисленных изображениях оленей Кобанской и Закавказской культур примерно той же эпохи, связывает наши изображения с т. н. скифо-сибирским звериным стилем, где бедро постоянно выделяется резкой гранью. Также и рога находят аналогичную трактовку не в искусстве Кавказа, а в скифо-сибирском». ² Вместе с тем А. А. Иессен не обошел одной замечательной особенностью изображений оленей на сосуде из Нальчика, в общем представляющих те же стилистические черты, а именно «стилизации морды животного, изображенной с широко-раскрытыми и отогнутыми губами», чрезвычайно часто «применяемой как в кругу Кобанской культуры, так и в Закавказье». ³ Следует, однако, заметить, что в действительности особенность стилизации не ограничивается только широко раскрытыми губами. Здесь мы имеем также черту, уже отмеченную А. А. Миллером в изображениях собак на прорезных пластин-

¹ А. А. Иессен. Северо-кавказские сосуды с изображением оленя. СГАИМК, 1931, № 2, стр. 14—18. — Он же. Моздокский могильник в ряду памятников Сев. Кавказа. Археол. экспедиции Гос. Эрмитажа, вып. I, Моздокский могильник, Л., 1940, стр. 31—44.

² Ук. соч., СГАИМК, 1931, № 2, стр. 16.

³ Там же, стр. 17.

ках Казбекского клада и на одной из ажурных бронзовых закавказских пряжек.¹ Речь идет о «некотором угловатом расширении» или выступе, которым заканчивается морда внизу к шее. Количество примеров этого рода стилизации, приведенное А. А. Миллером, можно увеличить. В Казбекском клада она имеется не только у фигур на прорезных пластинках, но и у большой бронзовой привески в виде оленя с ветвистыми рогами.² Далее, такое же расширение внизу морды встречается не только у собак, но и у оленей в закавказских ажурных бляхах³ и, наконец, оно характерно для пряжек в виде лежащих оленей из погребений в колодцах Кобанского могильника.⁴ Особенно любопытны последние, и по другим признакам находящиеся в ближайшем стилистическом родстве с гравированными оленями северокавказской керамики. По контуру кобанских оленей протянут псевдошнуровой пояс, который нельзя не сопоставить с шнуровыми линиями вдоль шеи оленя на обломке сосуда из Моздока и с системой заполнения фигур оленя на сосуде из Ставрополя.⁵ Шнуровые пояски, встречающиеся в разделке некоторых скифских изображений, напр. в особенно яркой форме у оленя из Tarioszent-Márton'a в Венгрии,⁶ возможно, следует возводить к технике матерчатой аппликации, а следовательно надо учитывать возможность воздействия на формы изображений, на скифский стиль и с этой стороны. Ажурные плоские кобанские и казбекские бляхи в виде оленей или собак, живо напоминающие ажурные же бляхи из скифского кургана в Елизаветинской станице на Кубани,⁷ как будто подтверждают такую возможность и вместе с тем свидетельствуют о тесной связи скифского искусства с искусством горного Кавказа. Во всяком случае, нет сомнения, что произведения звериного стиля изготовлялись не только из металла, но и из более дешевых и распространенных материалов: дерева, войлока, кожи и т. п., которые сохраняются только в исключительных случаях, причем, как мы видели, именно в этих наиболее широко распространенных материалах вырабатывались основные признаки «скифского» звериного стиля. Отсюда следует, что время появления металлических произведений скифского искусства еще не определяет даты его возникновения. Раньше, чем был изготовлен золотой олень из Костромского кургана, скифское искусство могло и должно было пройти долгий путь, на котором и определились его характерные признаки, столь ярко воплощенные в этом замечательном памятнике. Роспись на сосуде из III Разменного кургана убедительно свидетельствует, что начало этого процесса восходит еще к медно-бронзовому веку, ибо в принадлежности этого кургана именно к этой категории археологической периодизации едва ли могут быть сомнения.

Значит ли это, что III Разменный курган вместе с другими «большими курганами» Прикубанья следует относить к IV, III или по меньшей мере к середине II тысячелетия до н. э., как это принято в современной археологической науке? Ни в коем случае. Роспись на сосуде Разменного кургана представляет скифский звериный стиль уже во вполне оформившемся виде, в том самом, в каком он известен по типичнейшим памятникам скифского искусства. Уже по одному этому хронологическое расстояние между Келермесом и I Костромским кур-

¹ А. А. Миллер. Изображение собаки в древностях Кавказа. ИРАИМК, т. II, стр. 303—34, рис. 12, табл. XXIX, 2.

² МАК, VIII, табл. LXIX, 1.

³ МАК, VIII, рис. 276 и табл. СXXXIV, 3. 4.

⁴ Там же, табл. XVIII, 4—5.

⁵ Моздокский могильник, табл. XII, 1. — СГАИМК, ук. соч., рис. на стр. 15.

⁶ Fettich. Arch. Ertes. 1927.

⁷ G. Boroffka. Kunstgewerbe der Skythen, стр. 137, рис. 3—5.

ганами, с одной стороны, и III Разменным, с другой, не может быть очень значительным. Если названные скифские курганы датируются VI веком до н. э., то Разменный курган, принимая во внимание общую длительность скифской культуры и известные нам темпы и главные линии развития скифского искусства, невозможно относить глубже VII, может быть VIII столетия до н. э. Это заключение подтверждается и сопоставлением керамики.

Сосуд из III Разменного кургана, на котором были обнаружены вышерассмотренные изображения, принадлежит к типу большой «корчаги», характерной для керамики ранне-скифского периода не только на Северном Кавказе, но и в Поднепровье. Прекрасный образец сосуда этого типа был найден в кургане № 1 Моздокского могильника. Здесь в большой яме находились скелеты лошади и человека. Последний лежал в скорченном положении. В головах его помещались два сосуда — один большой, черный, интересующего нас типа, а другой в виде чашки с резным орнаментом, заполненной белой массой.¹ Сходные сосуды обнаружены в том же могильнике в кургане № 2² и в погребении № 1 на месте карьера.³ Моздокские сосуды имеют пропорции, весьма близкие к корчаге из Разменного кургана, — такое же раздутое брюшко, причем наибольшая ширина у некоторых из этих сосудов, как и у корчаги, приходится на нижнюю половину высоты, тогда как у других поднимается к середине. Соответственно с этим у первого варианта моздокских сосудов верхняя часть, как и у сосуда из Разменного кургана, высокая, конусовидная, заметно отчлененная от выпуклости брюшка и заканчивается наверху узким, сильно отогнутым воронковидным венчиком. В отличие от характерного угловатого отгиба венчика у сосуда из Разменного кургана отгиб венчика у моздокских сосудов более плавный, закругленный, зато брюшко, наоборот, у некоторых экземпляров приобретает угловатые очертания, а у того же типа сосуда из Ставрополя даже особо выделено и обработано орнаментальными мотивами.⁴ Типологическое сопоставление сосудов из Моздокского могильника и примыкающих к ним других этого рода находок в Северном Кавказе (включая сюда и сосуды с гравированными изображениями оленей) с корчагой из III Разменного кургана не оставляет места сомнению в их генетической связи, причем последняя форма явно становится на первое место эволюционного ряда (рис. 4). Очевидно, что число посредствующих звеньев между разменным и моздокскими сосудами не могло быть велико, ибо, по сути дела, в сосуде Разменного кургана налицо все основные признаки ранне-скифской корчаги, как она выступает в находках из Моздока. Следовательно, не мог быть значительным и хронологический промежуток, разделяющий эти разновидности одного и того же типа сосудов. А. А. Иессен вполне обоснованно датирует скифские погребения Моздокского могильника VI в.,⁵ что, как мне кажется, подтверждает возможность указанной выше даты III Разменного кургана.

Рассмотрение керамики приводит и еще к одному важному заключению, а именно, что при всей бесспорности принадлежности Разменного кургана к Майкопской группе, между ним и Майкопским курганом должна существовать значительная хронологическая разница. В самом деле, сходный по назначению большой глиняный «пифос» Майкопского кургана еще не представляет, подобно корчаге из Разменного

¹ Моздокский могильник, стр. 11—13, рис. 4, табл. VII и VI, 3.

² Там же, табл. III, 2.

³ Там же, табл. III, 1.

⁴ СГАИМК, 1931, № 2, стр. 15.

⁵ Моздокский могильник, стр. 49.

кургана, признаков, характерных для скифской керамики. Он нерасчлененной овальной формы со слегка отогнутым низким венчиком.¹ Тем не менее, именно эту форму естественнее всего поставить в начале того эволюционно-типологического ряда, звеньями которого являются корчаги Разменного и Моздокского курганов, причем незаполненный промежуток между майкопским пифосом и корчагой из Разменного кургана явно больше, чем между последней и сосудами из Моздока (рис. 4). Другим доводом в пользу значительного хронологического промежутка между Майкопом и Разменным курганом может служить тот факт, что изображения зверей на серебряных сосудах из Майкопа не имеют ничего общего со скифским «звериным стилем», который в Разменном кургане, как уже отмечалось, выступает во вполне выработанном виде. Само собой разумеется, что хронологический промежуток, о котором идет речь, измеряется не тысячелетиями и Майкоп нельзя относить не только в IV, но даже в III тысячелетие до н. э. Этот памятник, как и Разменный курган, характеризует «предскифскую» эпоху на Северном Кавказе, которую вполне уместно

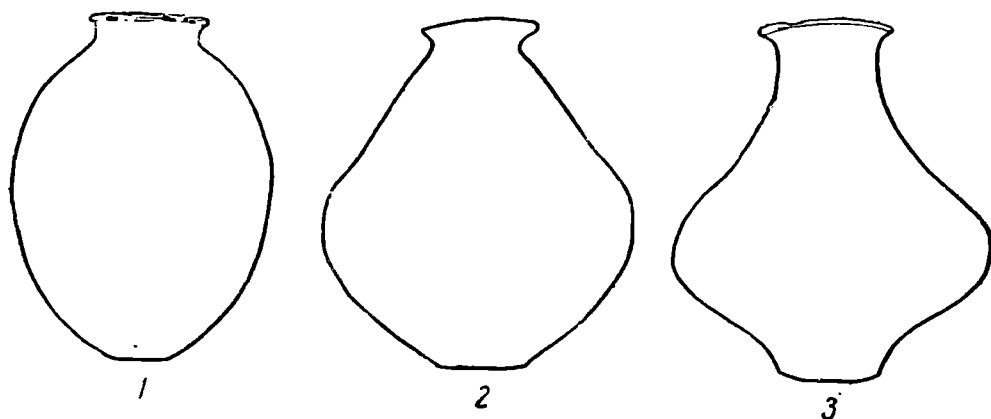

Рис. 4. Эволюция скифской «корчаги».

1 — пифос из Майкопского кургана; 2 — сосуд с росписью из III Разменного кургана; 3 — корчага из I Моздокского кургана.

было бы назвать «Киммерийской» и не только потому, что античная литературная традиция указывает киммерийцев в качестве непосредственных предшественников скифов в Северном Причерноморье, а ввиду того, что Прикубанье, где сосредоточены «большие курганы», было вероятно центром исторических киммерийцев, память о которых долго жила на берегах тесно связанного с Кубанью и географически и исторически нынешнего Керченского пролива, где древние греки могли столкнуться с ними при своих первоначальных торгово-разбойничьих экспедициях в Черное море.

Нам остается рассмотреть остальную инвентарь погребения с росписным сосудом в III Разменном кургане, чтобы убедиться, что в его составе нет ничего, что опровергало бы или даже только противоречило вышеизложенным заключениям.

Прежде всего несколько слов о керамике. Как сказано, сосуды, склеенные из собранных в могиле черепков и воспроизведенные в «Отчете», до нас не дошли. В документах Археологической комиссии они значатся переданными Историческому музею в Москве, но в коллекциях этого музея они не обнаружены. Поэтому к данным печатного отчета я могу здесь добавить только немногие сведения об этих сосудах, имеющиеся в известных «корочках»² А. А. Спицына, который, как

¹ ОАК, 1897, стр. 11, рис. 41.

² Корочка № 309.

известно, тщательно регистрировал для себя весь археологический материал, проходивший через его руки. Относительно сосуда с изображением, находившегося в головах скелета, здесь имеется отметка, что глина у него темносерая, поверхность гладкая, высота 52 см, диаметр 43 см, диаметр горла 18 см. В описи в деле Археологической комиссии он значится под № 13 г, а в «Отчете» издан на рис. 53.

Сосуд, представленный в «Отчете» на рис. 54, по словам А. А. Спицына, из красной глины, «покрытый черной краской». Высота 37 см, диаметр 48 см, диаметр венчика 22.5 см. Сосуд толстостенный, широкий, но с относительно узким отверстием. Наибольшая ширина брюшка в верхней половине. Дно слабо выражено; отчетливо выраженная шейка и резко отогнутый венчик. В картотеке Спицына имеются два наброска этого сосуда, причем он представлен с орнаментальным поясом из заштрихованных в разные стороны треугольников. На фотографии следов орнамента не заметно, а в «Отчете» о всех сосудах, найденных в ногах скелета, следовательно и об этом, сказано, что они «вовсе не имеют орнамента». В рукописном отчете говорится о трех сосудах, найденных в ногах скелета, но в описи значатся только два (13-б, 13-в); в печатном отчете глухо указаны «другие сосуда, стоявшие в ногах», со ссылкой на рис. 54 и 55. Однако сосуд, представленный на рис. 55, явно попал сюда по ошибке. Это сосуд, найденный в Майкопском кургане и, как мне любезно указал А. А. Иессен, до сих пор сохранивший этикетку о своем происхождении.

В ю.-в. углу могилы найдено два сосуда. Один из них, изображенный на рис. 56, — горшок с широким отверстием без плечиков. Тесто грязно-палевого цвета, грубое и хрупкое, поверхность плохой сохранности. Высота около 30 см, диаметр 32 см. Вместе с ним был сосуд (рис. 57), широкий с резко выраженными плечиками, относительно высоким прямым горлом и горизонтально отогнутым узким венчиком. Тесто грубое и хрупкое, буроватого цвета. Поверхность со следами лощения. Высота около 25 см, диаметр 31 см.

По форме и технике все эти сосуды сильно отличаются от керамики Майкопского кургана,¹ что лишней раз указывает на невероятность тесной хронологической близости Майкопского и III Разменного погребений.

В области шеи и груди скелета было собрано множество (около 5000) «белых костяных», а в действительности пастовых мелких бус (рис. 5, 1, 2). В «Отчете» они не воспроизведены. По форме бусы представляют кружки или цилиндрики диаметром от 2.5 до 4.5 мм при толщине в 1—2 мм. Такие мелкие белые бусы нередко встречались в ранне-скифских погребениях: в лошадином уборе обоих Келермесских курганов, раскопанных Веселовским, в I Костромском кургане, в Моздокском могильнике, в ранне-скифских погребениях Кашкатау, Заюково и др. На основании этих находок их можно признать характерными для архаическо-скифских погребений Северного Кавказа.

В одном из погребений (курган 27, погр. 4), исследованных В. А. Гордцовым на берегах р. Калмиуса и выделенных им в особую группу поздних ямных могил, «взято ожерелье из белых, желтых бусин, какие ни в древних ямных погребениях, ни в других изюмско-бахмутских погребениях со скорченными костяками ни разу не встречались; но они найдены в большом количестве Н. И. Веселовским в одном из курганов станицы Костромской Майкопского у. Кубанской области» (т. е. в III Разменном кургане). «Весьма возможно, — заключает по этому

¹ См. ОАК, 1897, стр. 10 р. 36—40.

пэводу В. А. Городцов», — что обе культуры [т. е. культура, представленная поздне-ямными погребениями р. Калмиуса и III Разменным кур-

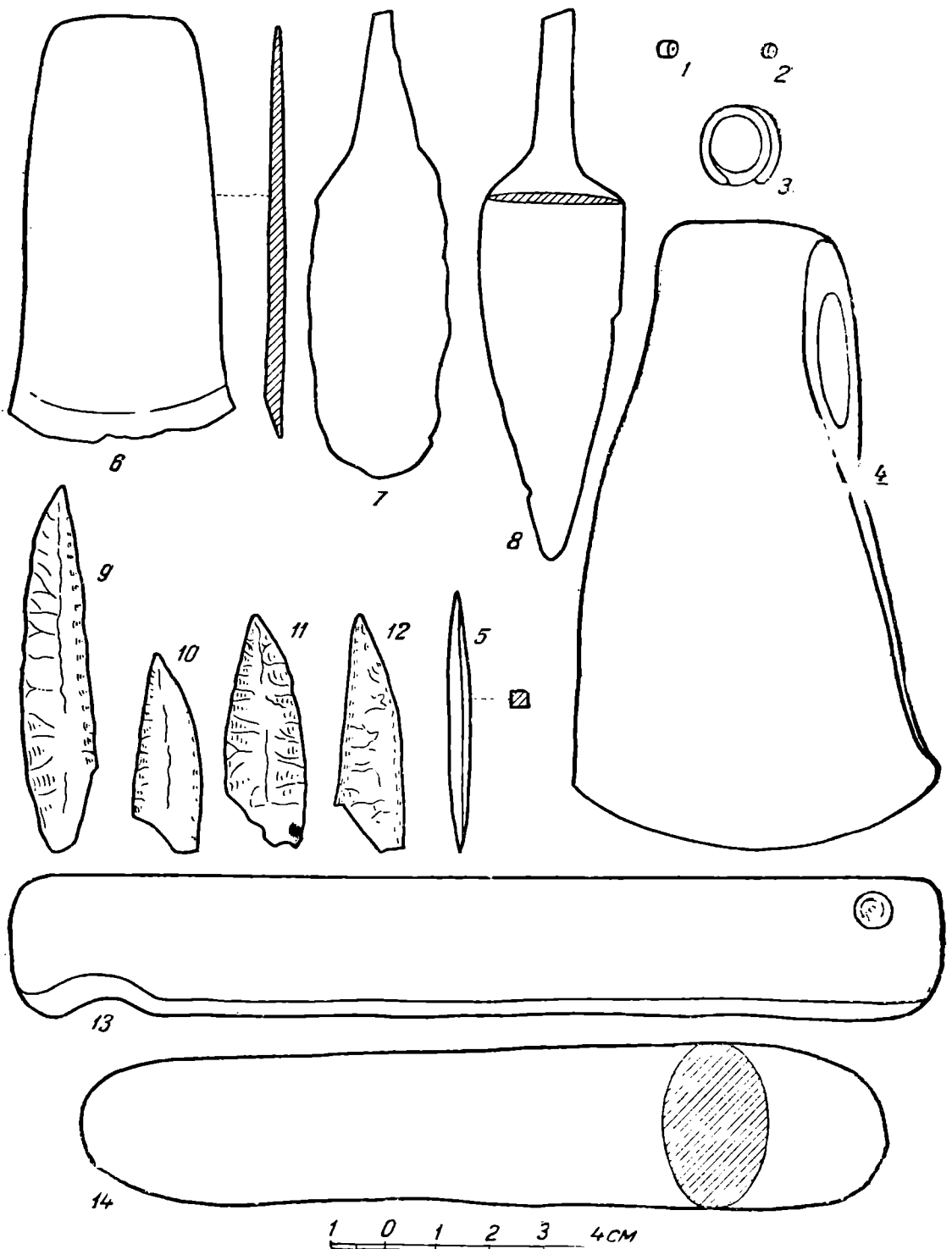

Рис. 5. Инвентарь погребения в III Разменном кургане.

гачом. — М. А.] синхроничны и одинаково относятся к концу бронзовой эпохи». ¹ Нам остается только присоединиться к этому заключению.

Довольно многочисленный металлический инвентарь рассматриваемого погребения состоит из: 1) золотого (бледного золота или электра)

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. Тр. XII АС, т. I, стр. 240.

височного кольца, свернутого из проволоки так, что концы его далеко заходят друг за друга (рис. 5, 3). Диаметр 1.5—1.3 см. Толщина проволоки ок. 1.5 мм; 2) медного четырехгранного шила (в «Отчете» «стержень в виде иглы») с заостренным насадом; длина 5 см, толщина 0.3 см (рис. 5, 5); 3—4) двух медных же клинков (по «Отчету» копий) (рис. 5, 7, 8). Один листовидный с круглыми плечиками и плоским заостренным черенком; сечение чечевицеобразное, односторонне-выпуклое. Длина 10.4 см, длина черенка 3 см, ширина в плечиках 2.7 см, толщина до 0.2 см. Другой — с нижней отломанной частью, с плохо выраженными плечиками и треугольным черенком. Длина сохранившейся части 8.7 см, ширина в плечиках 2.3 см; 5) плоского топора или тесла (по «Отчету» «пальстав») с округленно расширенным лезвием и односторонне отбивкою; обушек заострен (рис. 5, 6). Длина 7.9 см, ширина лезвия 4.2 см, ширина обушка 3 см, толщина до 0.3 см. И, наконец, 6) массивного медного проушного топора с расширенным и округлым лезвием с выступающим в одну сторону концом (рис. 5, 4). Длина 11.2 см, ширина лезвия 6.9 см, ширина у проуха 3 см.

Большинство этих предметов, обычных в погребениях медно-бронзового века, в настоящее время еще не поддается точной датировке. Попытку А. В. Шмидта проследить развитие формы листовидных клинков (по его терминологии, копий) нельзя признать убедительной уже по одному тому, что она построена на незначительном количестве экземпляров и не охватывает всего известного материала.¹ Клинки различных, установленных им типов встречаются вместе в одном и том же погребении (напр. в VI Андрюковском кургане). Соотношение длины черенка к длине всего предмета, которое А. В. Шмидт положил в основу своей классификации, — признак совершенно ненадежный. Еще менее определенными в хронологическом отношении являются шилья и плоские топоры. Во всяком случае несомненно, что они, как и вышеотмеченные клинки, бытуют до самого конца медно-бронзового века и не могут служить доводом против предложенной выше датировки III Разменного кургана.

Остается проушный топор. Такие топоры, кроме III Разменного кургана, найдены в дольменах ст. Царской (3 экземпляра в I дольмене и один во II-м), в VI Андрюковском кургане (2 экземпляра), в I Псебайском, в курганах Саратовской, Махашевской, Каменноостской станиц. Кроме того, известно значительное количество случайных находок такого рода топоров, особенно в бассейне р. Кубани от Нальчикского района до Таманского полуострова. Встречены они также в низовьях Дона и в несколько ином виде в Поволжье. На запад топоры сходного типа тянутся в Поднепровье и в Подунавье смыкаются с бронзовыми колунами венгерского типа. Массивные проушные топоры являются характерной принадлежностью «больших кубанских курганов» и не известны мне на Северном Кавказе ни в одном комплексе другого рода. Глубокая датировка больших курганов основывается между прочим и на сопоставлениях этих топоров с переднеазиатскими и крипто-минойскими параллелями. Нет сомнения, что сходные формы топоров на Востоке употреблялись с раннего времени, но аналогичных нашим там нет, и Е. Dullo совершенно правильно связывает наши топоры только с венгерскими (трансильванскими) формами и датирует не раньше XVII в. до н. э.² На Северном Кавказе они могли жить очень долго. Очень важен с этой точки зрения топор, найденный вместе с листовидным, но уже не медным, а железным клинком

¹ ESA, IV, стр. 17.

² E. Dullo. Die kaukasischen Axte der Bronzezeit. Prähist. Zeitschr., XXVII, вып. 1/2, 1936, стр. 67, сл.

в одном из погребений в Бичкин-Булак (Астраханская обл.),¹ которое нельзя датировать старше начального этапа скифской эпохи, когда железо входит в употребление в Восточной Европе. Правда, топор, скорее даже секира, из Бичкин-Булука по типу отличается от топоров «больших курганов», но ведь и эти последние весьма существенно различаются между собой. Вместе с тем он представляет хорошее звено, связывающее медные клиновидные проушные топоры с такими же, но железными топорами-секирами, хорошо известными среди скифских памятников.²

Из каменных предметов в III Разменном кургане найдены: два оселка и четыре кремневых наконечника стрел. Один оселок, длинный призматический с закругленной выемкой на одной из боковых граней у нижнего конца; на противоположном конце с двух сторон незаконченные и несовпадающие центрами конические сверлины (рис. 5, 13). Длина оселка 17.4 см, ширина 2.3 см, диаметр сверлины 0.7 см. Второй оселок овального сечения, с закругленными концами (рис. 5, 14). Длина 15 см, ширина 3.1 см, толщина 1.9 см. Оселки нередки в больших курганах, но еще более они характерны для скифских погребений.

Кремневые наконечники стрел, обработанные с обеих сторон широкими сколами, а затем тонкой отжимной ретушью, отличаются асимметричной формой: один край более выгнутый, чем другой (рис. 5, 9—12). Длина одного наконечника 6.9 см, двух 4.4 и одного 3.8 см, ширина 1.5—1.3 см.

Сходные асимметричные наконечники в количестве 6 экземпляров найдены в передней камере I дольмена ст. Царской, причем здесь края их обработаны в виде мелких зубчиков. В других погребальных комплексах мне такие наконечники не известны. Вместе с тем нельзя не отметить их близкое, по крайней мере, функциональное сходство со скифскими бородчатыми стрелами, у которых один опущенный и заостренный нижний конец пера играл ту же роль, что и необычный у кремневых наконечников выступ с одной стороны пластины.

Итак, инвентарь погребения в целом, тесно связывающий III Разменный курган с группой «больших курганов» Прикубанья типа Майкопа, вместе с тем не содержит ничего, что заставляло бы отказаться от вышеизложенных положений о хронологической близости этого памятника со скифской культурой. В качестве указания на эту близость нельзя не отметить также и перекрытия могилы в виде каменного ложного свода, живо напоминающего каменные склепы боспорских курганов. Но само собой разумеется, что эта близость еще не дает окончательного решения вопроса о хронологическом месте «больших кубанских курганов» в целом.

Проблема «датировки больших кубанских курганов», столь остро поставленная безвременно погибшим Б. Е. Деген-Ковалевским, может быть решена путем исследования их отношения не только к скифским памятникам, но и между собой и к тем погребениям, которые с легкой руки А. В. Шмидта обычно объединяются в «средне-кубанскую» группу и датируются позже ранне-кубанских, или иначе «больших» курганов. Между тем, как я надеюсь показать в другой своей работе, группа «больших кубанских курганов» хронологически не однородна. Она охватывает весь медно-бронзовый век Северного Кавказа, и такие памятники, как Майкоп, Царская и III Разменный являются наиболее яркими представителями последовательных этапов его развития.

¹ См. выше статью И. В. Сяницына, стр. 147, рис. 7 и 8.

² См. напр., Бобринский, Смела, II, табл. XXV.—Ханенко. Древности Приднестровья, вып. II, табл. III, 1929, а особенно секиру из Келермеса.

«Средне кубанская» группа не представляет собою особого периода этого развития, а в значительной мере является локальным вариантом культуры второй половины медно-бронзового века на Северном Кавказе, современным с более поздними «большими кубанскими курганами». Самым же поздним из последних был III Разменный курган у ст. Костромской.¹

¹ Наименование «Разменный» вводится мною во избежание путаницы с первым курганом той же группы, известным под названием «Костромской».

Н. А. ПРОКОШЕВ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ АНАНЬИНСКОЙ
ЭПОХИ В ПРИКАМЬЕ

В числе многих научных заслуг Александра Андреевича Спицына в области археологии Прикамья и Урала одной из самых крупных, несомненно, является впервые им сформулированное положение об общности культуры ранних костеносных городищ и культуры Ананьинского могильника. Анализ собранных им обширных материалов с городищ в сравнении с материалами могильника позволил ему впервые в науке высказать эту мысль, весьма смелую по тому времени.¹

Тем самым окончательно отпали все полуфантастические гипотезы, вроде высказанной Эйхвальдом, о зашедшем далеко на север скифском племени, оставившем в Прикамье «Ананьинский курган». Ананьинский звериный стиль, отвлекший других исследователей далеко в область скифской проблематики, А. А. Спицын сумел использовать как одно из неопровержимых доказательств принадлежности костеносных поселений и ананьинских могильников единой культуре.²

В работах по Прикамью, опубликованных за последнее время, встречаются утверждения, что число ананьинских памятников во всем бассейне Камы исчерпывается, примерно, двадцатью пятью, а вместе с «недостаточно исследованными» — тридцатью пятью пунктами.³ Основываясь на этом и учитывая сравнительно большее число широко известных памятников I тысячелетия н. э., другие авторы делают вывод об изменении форм земледельческого хозяйства, требовавших, якобы, частой смены мест поселений.

Согласиться полностью с этим мнением нельзя, так как древнее ананьинское население, базировавшееся на более примитивных формах хозяйства, конечно, было несравненно более малочисленным, чем население последующих — пьяноборской, харинской и ломоватовской — эпох. Поэтому и число ананьинских поселений было меньше. Таким образом, количественное различие само по себе еще не является достаточным аргументом в пользу большей подвижности после-ананьинского населения Прикамья.⁴

Нельзя согласиться и с явно заниженной цифрой ананьинских памятников. Многие из них еще не учтены, а значительное их число остается

¹ А. А. Спицын. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАВГР, вып. 1, М., 1893, стр. 36—40.

² А. А. Спицын, ук. соч., стр. 39. — Он же. Ананьинский могильник и костеносные городища. ВГВ, № 64, 1888. См. также: Волжский вестник, № 165, 1888.

³ А. В. Збруева. Происхождение ананьинской культуры. КСИИМК, IX, 1941, стр. 37.

⁴ М. В. Талицкий. К этногенезу коми. КСИИМК, IX, стр. 47. Мало обоснована и мысль автора о слабой насыщенности культурных слоев ломоватовских поселений.

неизвестным из-за отсутствия публикаций материалов, добытых центральными и местными учреждениями за последние годы.

Настоящая статья имеет целью ввести в научный оборот ряд известных нам ананьинских памятников, в большинстве своем находящихся на территории Молотовской области. Наряду с этим, постараемся осветить вопрос о начавшейся в ананьинскую эпоху дифференциации типов поселения. В этом отношении приводимые нами материалы по поименным ананьинским селищам имеют специальный интерес, так как этот вид ананьинских поселений до сего времени остается мало изученным и малоизвестным.

Материалы, приводимые ниже, в большинстве добыты автором статьи во время работы Камской экспедиции ГАИМК — ИИМК 1932—1937 гг. Начнем их описание с более подробно обследованного в 1934 г. Устьсылвинского городища, расположенного близ с. Ляды в устье р. Сылвы, притока Чусовой.

Устьсылвинское городище у цементного завода было известно И. Г. Георги.¹ Он описывает городище так: «Последняя гора, по левой стороне, имеет следы старого укрепления. Западная часть городища с обрывистым пологим по верху хребтом, покрыта крупными липами и другой лесной растительностью. Через городище проходит ров до 3 сажен (Klafter) шириной и протяжением до 60 сажен».²

Вторично городище зарегистрировал А. В. Шмидт при своем обследовании реки Сылвы, указывая, что: «К концу бронзового века, т. е. к эпохе приблизительно от 600 г. до 200 г. до Р. Х. принадлежит, как оказалось, защищенное насыпным валом поселение («городище») около ст. Ляды (на р. Сылве). Такую датировку доказывает находка черепков глиняной посуды, с характерным уступом между горлышком и брюшком сосуда. Городище около Лядов является одним из древнейших мест поселения края, укрепленных валом. Лишь Галкино городище на устье р. Чусовой одновременно ему».³ А. В. Шмидт не опубликовал более подробных данных и описания городища, которые совершенно необходимы ввиду важности памятника. Городище расположено на высоком лесистом мысу, образованном правым высоким берегом поймы р. Сылвы и левым берегом р. Чусовой. На противоположном берегу р. Сылвы расположено с. Ляды, оно же Усть-Сылва. На самой площадке городища лес сведен, но склоны еще покрыты некрупным лесом. При приближении по течению Чусовой к городищу хорошо заметен ров, размываемый атмосферными осадками и превращающийся в овраг, который уже уничтожил конец вала, выходящий на Чусовую. С западной стороны городища производились разработки камня, частично повредившие памятник. Площадка городища зимою служит лесной биржей для скатки бревен в Чусовую. Городище ранее распахивалось, но сейчас на нем расположены лишь небольшие огороды. Размеры городища: от края мыса с С на Ю до вала — 70 м, по линии СЗ—ЮЗ—94,5. Ширина вала в средней части — 10 м. Высота вала там же, со стороны площадки — 1,20 м, глубина рва в средней части — 2,50 м. Ширина рва там же — 7 м (рис. 1). В средней части вала имеется пролом, служащий современным въездом на городище. Концы рва, выходящего в сторону Сылвы, так же как и рва со стороны Чусовой, образовали значительные овраги. Как будто есть остатки дополнитель-

¹ I. G. Georgi. Bemerkungen einer Reise im russischen Reiche im Jahre 1772, т. II, стр. 617, 1775.

² Там же, стр. 618.

³ А. В. Шмидт. Пермский округ в доисторическом прошлом. Пермь, Экономика, № 10, 1925.

ных земляных укреплений в виде небольшого рва и вала, проходивших на половине склона по мысу и по краю рва-оврага со стороны Сылвы. С городища открывается вид на всю широкую пойменную долину устья р. Сылвы, на песчаные чувовские острова и высокие, заросшие хвойными лесами берега Чусовой. На городище был заложен ряд пробных раскопов, имевших целью выяснить мощность и характер распространения культурных наслоений и получить материал для датировки городища.

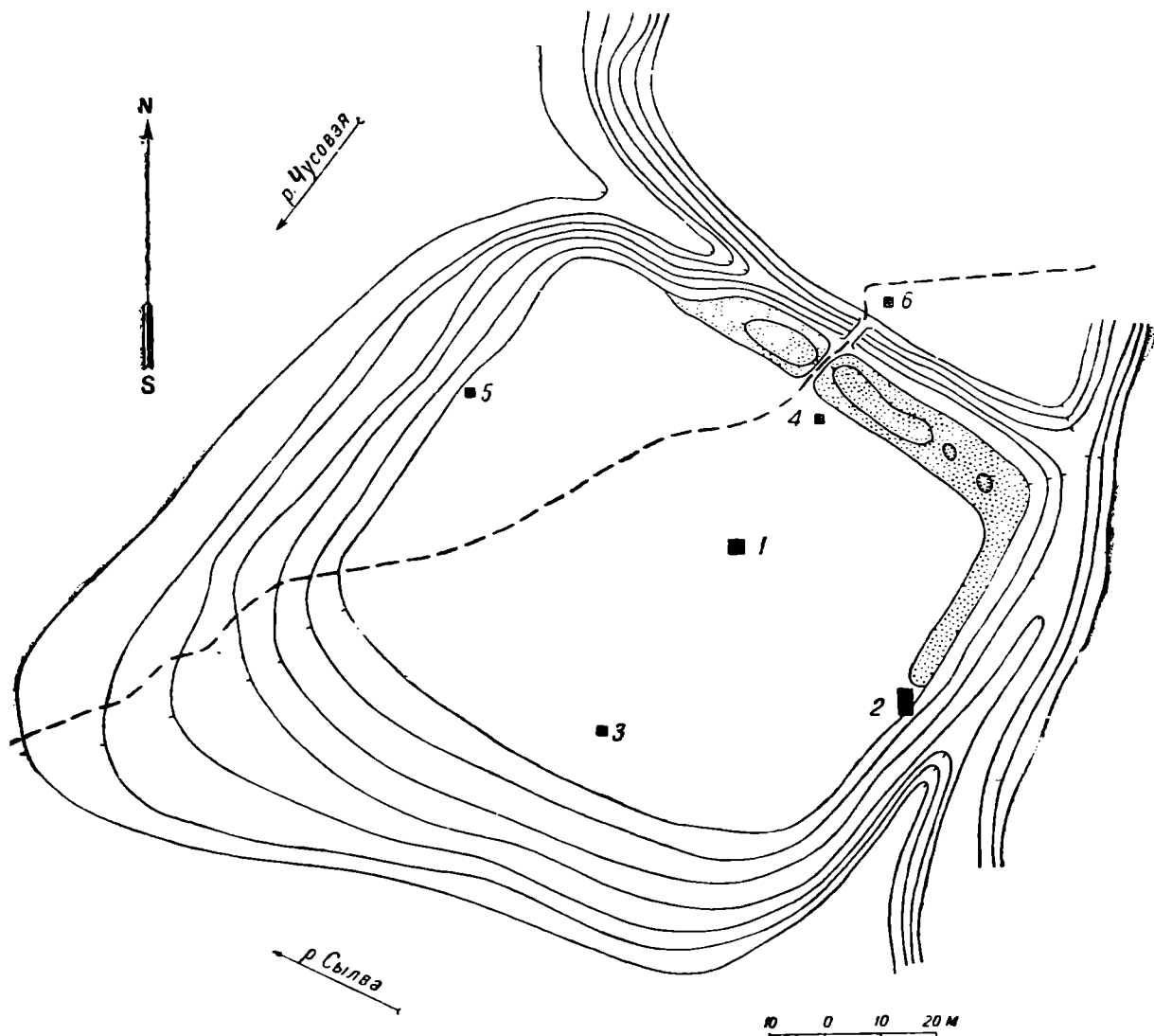

Рис. 1. Устьсылвинское городище. Схематический план.

Раскоп № 1, размером 2×2 м, заложенный в центре площадки городища и ориентированный по странам света (рис. 2) вскрыл следующие наслоения:

1. Растительный слой	. . . 0.08 м
2. Культурный слой	. . . 0.25—0.30 м
3. Слой плотной желтой глины	. . . 0.65 м и глубже.

Культурный слой — темноватый, мелкоструктурный, рассыпающийся суглинок — до глубины 0.15—0.20 м имеет признаки пахотного слоя. В культурном слое найдено 3 отщепа кремня, причем 1 отщеп имеет следы ретуши, или использования, другой является обломком нуклеуса (рис. 3). В слое встречено несколько костей животных, 4 мелких куска сбитой глины (от очагов) и 54 некрупных фрагмента керамики.

не менее чем от 11 различных сосудов. Желтый глинистый слой находок не содержит.

Раскоп № 2, размером 2×4 м, был заложен в восточной стороне городища (см рис. 1, 2). Раскоп вскрыл следующие наслоения:

1. Растительный слой	0.03—0.05 м
2. Культурный слой	0.03—0.65 м
3. Слой плотной желтой глины	0.70 м и далее вглубь.

Раскоп выяснил, что здесь, ближе к склону городища, культурный слой достигает большей мощности, чем в центре городища. Повидимому, здесь он менее пострадал от пахоты. Утолщения культурного слоя к краям городища — явление обычное, тем более, что здесь культурным слоем заплывают естественные неровности склона. Характер залегания культурного слоя см. на рис. 2. Раскоп разделен на 2 участка размером 2×2 каждый. На участке 1 найдены: точильная плитка из рыхлого песчаника, 0.10×0.98 м, толщ. 0.015 м, железный черешковый трехперый наконечник стрелы с отверстиями в лопастях (найден на глуб. 0.10 м) (рис. 3, 12), обломанное костяное оружие, быть может кочедык, и 2 обломка других костяных орудий неопределенной формы. На глубине 0.25 м найден обгорелый и обломанный костяной трехгранный наконечник стрелы (см. рис. 3, 13). На участке встречены в большом количестве кости животных. Керамики найдено 140 фрагментов, не менее чем от 20 сосудов — судя по разнообра-

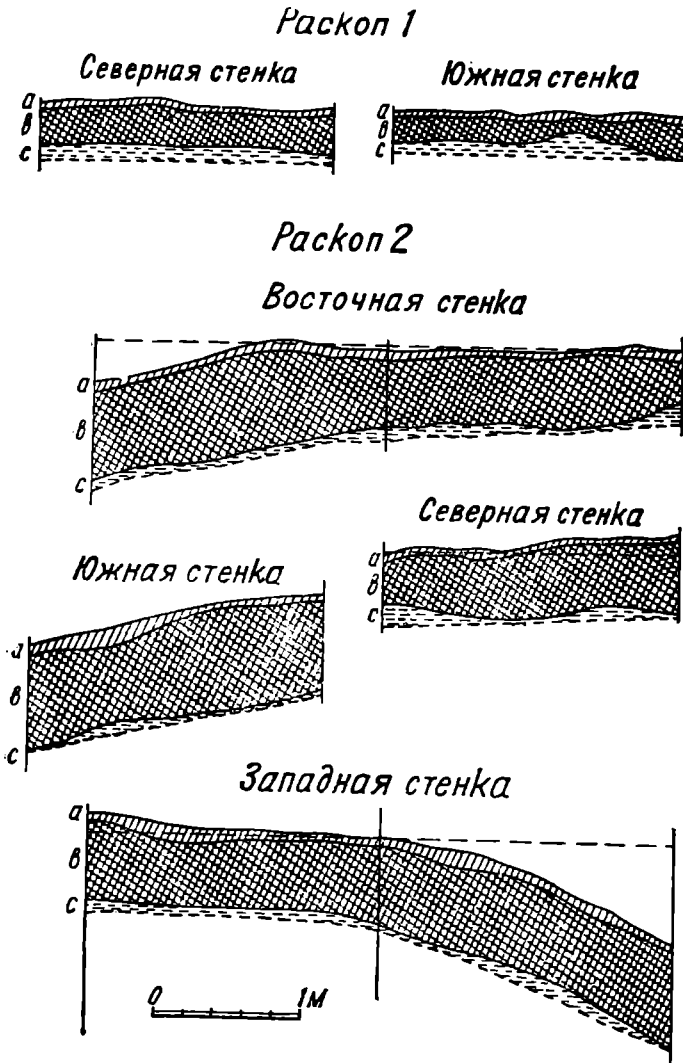

Рис. 2. Устьсылвинское городище. Профили 1-го и 2-го раскопов.

a — дерн; *b* — культурный слой; *c* — глина.

зю фрагментов от краев, толщине и орнаментировке фрагментов. На участке 2 найдены: обломок точильной плитки, обломок костяного кочедыка, 2 глиняных поделки-грузика (рис. 4, 22, 23), 3 небольших куска «печины» — обожженной глины, повидимому от очагов, 3 осколка кремня и 170 фрагментов керамики, не менее чем от 32 сосудов. Встречено также значительное количество костей животных.

Раскоп № 3, размером 1 кв. м, был заложен в южной части городища, ближе к склону, и выяснил, что культурные наслоения здесь есть, но весьма слабы (смыты). Встречено 2 осколка кремня и 2 фрагмента керамики.

Раскоп № 4, размером 1 кв. м, в северной части городища, близ пролома в валу, выяснил, что культурные наслоения здесь аналогичны раскопу № 1. Найдены 47 фрагментов керамики и кости животных.

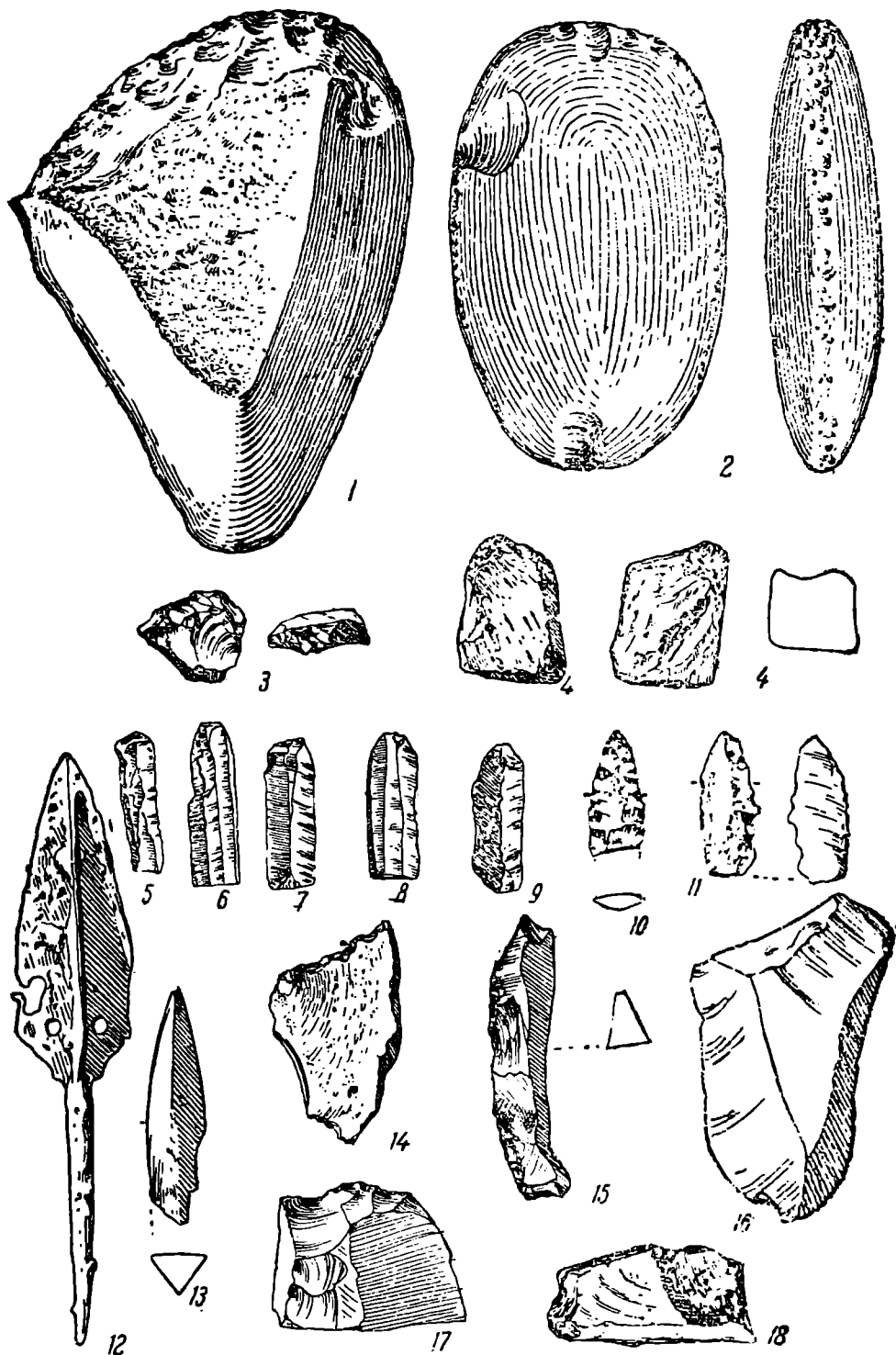

Рис. 3. Каменные, костяной и железный предметы с ананьинских поселений.
1—2 — селища у южного конца оз. Грязного; 3—11 — Конецгорское селище; 12—18 — Устьсывинское городище; 12 — железо; 13 — кость.

Раскоп № 5, размером 1 кв. м, был заложен близ западного склона (к Чусовой) городища. Культурные наслоения незначительны. Найдены 10 фрагментов керамики, из них 1 с примесью талька, и кости животных.

Раскоп № 6, размером 1 кв. м, заложенный за рвом, вне городища, культурных наслоений и находок не дал. Вслед за растительным слоем в раскопе сразу встречена желтая плотная глина.

Из костей животных, найденных в раскопках в количестве 87, ввиду фрагментности, оказалось возможным определить лишь 18 номеров. Определены следующие домашние животные: домашний бык (*Bos taurus*) весьма мелкой породы и лошадь (*Equus caballus*), овца (*Ovis aries*), свинья (*Sus scrofa ferus*), коза (*Capra hircus*), и из диких определены кости бобра (*Castor fiber*). Кости из раскопок Устьсылвинского городища, так же как и все остальные остеологические материалы Камской

Рис. 4. Устьсылвинское городище. Фрагменты глиняных сосудов и поделки из глины.

экспедиции 1934 г., обработаны В. И. Громовой в Зоологическом институте АН СССР.

Среди материалов, добытых раскопками, преобладают фрагменты керамики, в общем однородной, поэтому даем общее описание ее для всех пробных раскопов. Керамика состоит из фрагментов не менее чем 65—70 сосудов. По обжигу, цвету, составу глины и орнаментике керамика весьма близка посуде Галкинского городища. В орнаментике есть некоторые отличия, могущие представлять как местные, так и хронологические варианты, но отличия эти незначительны. Диаметр сосудов от 0.06—0.08 м до 0.40—0.44 м, причем группа средних и мелких сосудиков занимает значительное место. Кроме отпечатков вере-

вочки и разнообразных композиций гребенчатого штампа, для керамики с городища характерен уступ или «воротничок» по горлышку сосуда, что уже было замечено А. В. Шмидтом (рис. 5). Но как будто бы на городище имеются остатки и более поздние, чем памятники эпохи Галкинского городища. Об этом свидетельствует железный трехперый черешковый наконечник стрелы с дырочками в лопастях. На это, пожалуй, указывает и некоторое количество фрагментов керамики, в частности фрагменты небольших неорнаментированных круглодонных чашек с прямым или несколько вогнутым внутрь краем, сбывчных

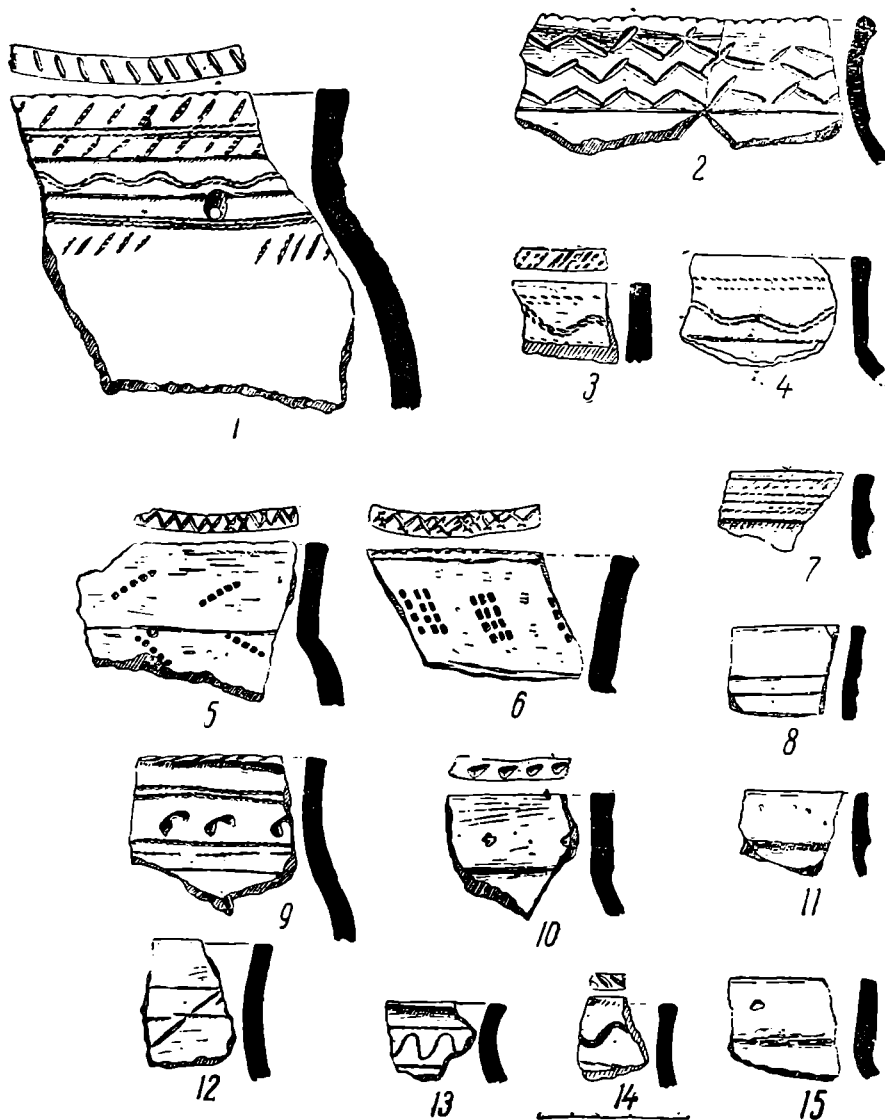

Рис. 5. Устьсылвинское городище. Орнаментика и профили венчиков сосудов.

в следующую за Галкинским городищем эпоху Гляденовского костыща (рис. 4, 1). Все отщепы и осколки кремня (рис. 3, 4—8), основная масса керамики, особенно фрагменты с «воротничком» и имеющие также фрагменты с примесью талька, говорят об одновременности городища с Галкинским. О том же говорит и состав домашних животных. Но конечная дата городища заходит далее и определяется первыми веками уже нашей эры. Памятник, несмотря на сравнительно небольшую мощность культурного слоя и поврежденность его пахотой, несомненно, нуждается в дальнейшем исследовании, так как памятников указанного времени известно на территории этого района Ураль-

ского Прикамья пока всего лишь несколько. Большой интерес представит изучение оборонительных сооружений — рва и вала, в общем вполне удовлетворительно сохранившихся. Тогда, быть может, удастся выяснить характер и происхождение двух круглых ям в восточной стороне вала.

Мы не будем здесь приводить данных об ананьинских и пьяноборских памятниках, также обследованных Камской экспедицией, но уже получивших подробное освещение в научной литературе. К таковым относится Галкинское городище,¹ Концгорское и Турбинское селища.² Эти два селища по их расположению — на мысах высоких берегов Камы и Чусовой — почти не отличаются от ананьинских городищ. Но кроме таких поселений известны еще ананьинские селища в пойме.

Принято думать, что с появлением укрепленных поселений человек совершенно оставил пойму как место обитания, переселившись на высокие мысы берегов. В отношении Прикамья, в том числе района устья р. Чусовой, это далеко не так. Многочисленные селища, расположенные в пойме, противоречат такому утверждению.

Некрупных селищ ананьинской эпохи в районе устья Чусовой насчитывается до пятнадцати. Интересно, что число их почти совпадает с числом имеющих здесь же поселений эпохи энеолита и бронзы. Все эти памятники расположены на невысоких песчаных веретях, представляющих собой

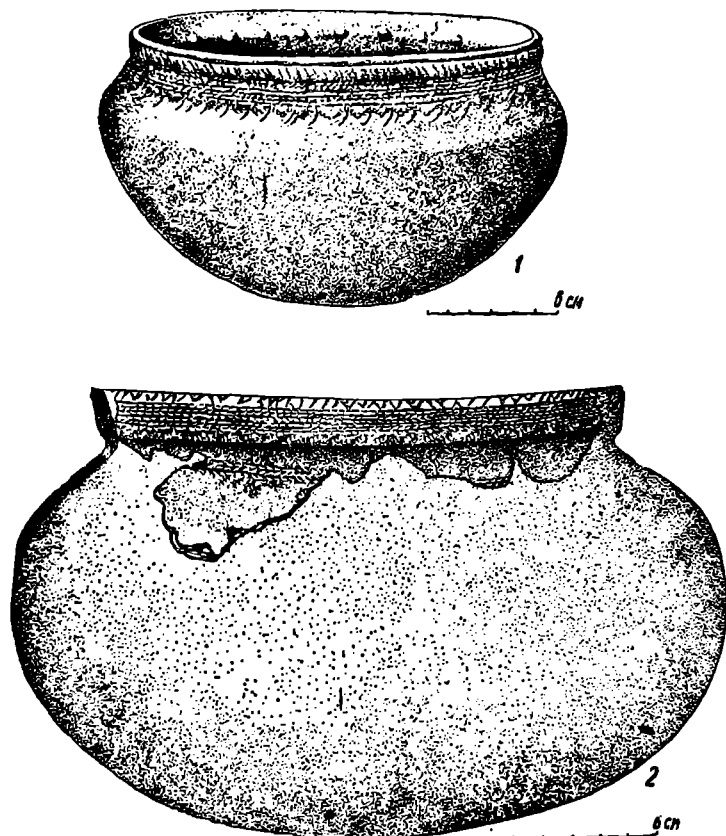

Рис. 6.

1 — сосуд с селища у хут. Астраханцева; 2 — сосуд (реконструкция) с поселения у Гремячего Ручья.

островки второй луговой террасы, переформированной рекой и, отчасти, ветром. В одном случае (селище у водокачки) памятник расположен на первой луговой террасе и заливадается вешними водами. Все остальные обычно не заливаются, если не считать особо высоких паводков.

На дюнообразных песчаных холмах, близ железнодорожной станции Левшино, где расположены деревни Медведевка и Пески, было собрано до двухсот фрагментов керамики, принадлежащих не менее чем 15—20 сосудам. Сосуды сделаны из темной пористой глины, имеют мелкие шерстинки по поверхности. Дно округло, стенки тонкие, край слегка отогнут и по венчику встречаются отпечатки тонкой веревочки. В нескольких случаях в тесте замечена примесь мелко растолченной раковины. Других находок, кроме керамики, сделать не удалось.

¹ А. В. Збруева. Галкинское городище. МИА. I, 1940.

² Н. А. Прокошев. Турбинское селище. МИА. I, 1940.

Селище у кордона Гремячего расположено на правом берегу Камы в месте впадения Гремячего Ручья, на невысоком береговом мыске. Здесь обнаружена очажная линза слоя и очаг, сложенный из кусков известняка. Вокруг очага найдено значительное количество фрагментов от нескольких глиняных сосудов. Один из сосудов удалось частично восстановить. Размеры его: диаметр по венчику 22 см, высота не менее 15 см, толщина стенок 0.4 см. Обжиг хороший. В тесте примесей не заметно. Цвет желто-песчаный. Край сосуда характерно отогнут и снабжен также характерным ананьинским «воротничком». Орнамент нанесен по верхней части сосуда и состоит из отпечатков шести рядов веревочки и мелкого штампа из трех зубчиков (рис. 6, 2). Размер

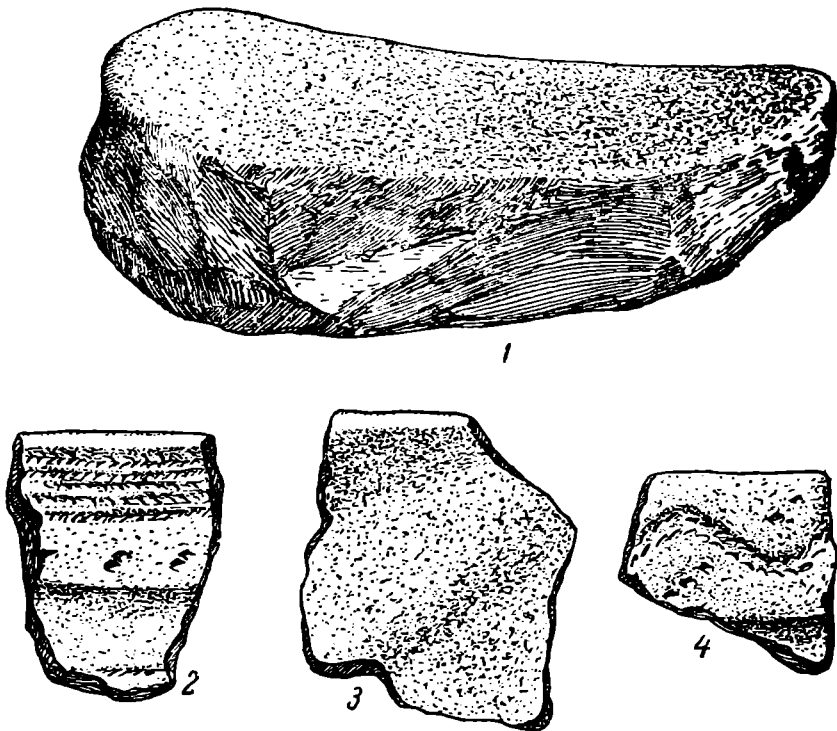

Рис. 7.

1 — каменная зернотерка с селища у оз. Грязного; 2—4 — селище Балашиха.

очага — 1 кв. м, толщина слоя, залегавшего на глубине 0.1 м — 0.15 м, не превышала 0.2 м.

Одно из селищ зарегистрировано у д. Демидковой, против с. Хохловки, на левом берегу р. Камы, в 10 км от устья Чусовой, в 2 км от ананьинского городища Чумкосна. Здесь, на значительном пространстве невысокой песчаной береговой гряды залегает культурный слой мощностью до 0.15 м. Обнаружены обломки плит зернотерок и керамика того же облика, что и описанная выше.

Вверх по Чусовой керамика ананьинского облика была собрана на дюне у д. Н. Адищевой и на высоких глинистых мысах правого берега Чусовой, у д. Борок (Боровка), В. Адищевой и Н. Гари (рис. 8).

В 1939 г. личный осмотр и наблюдения убедили, что культурный слой тянется здесь по высокому правому берегу Чусовой на протяжении многих сотен метров. Он особо выделяется на некоторых «жилых» мысах выше д. Остров и против д. Гляденовой, очевидно в местах расположения самих жилищ. Почти все мысы, или по местному «слуды», уже давно распахиваются. На пашне замечено большое число

фрагментов ананьинской керамики, обломков зернотерок и каменных пестов. Вниз по р. Каме, в 16 км от устья Чусовой, на левом берегу реки, на окраине г. Молотова, близ поселка Балашихи, имеются остатки еще одного ананьинского селища. Оно расположилось на невысоком в этом месте берегу Камы. Отсюда происходит небольшая коллекция керамики совершенно того же облика, что и с вышеописанных селищ (рис. 7, 2—4).¹

Целый ряд селищ расположен на невысокой песчаной террасе, тянувшейся вдоль озера Грязного и далее на ЮВ.² У северного конца оз. Грязного на поверхности пашни и в верхнем слое почвы, на глубине от 0.1 до 0.2 м, встречено некоторое количество фрагментов сосудов (рис. 9, 5—8). Орнамент и фактура черепков весьма близки керамике Галкинского городища (рис. 9, 1—4). Здесь же найдено до десятка пестов (камень-терочников). Несколько далее к югу, на расстоянии 250 м, близ хут. В. Астраханцева находится двухслойный памятник:

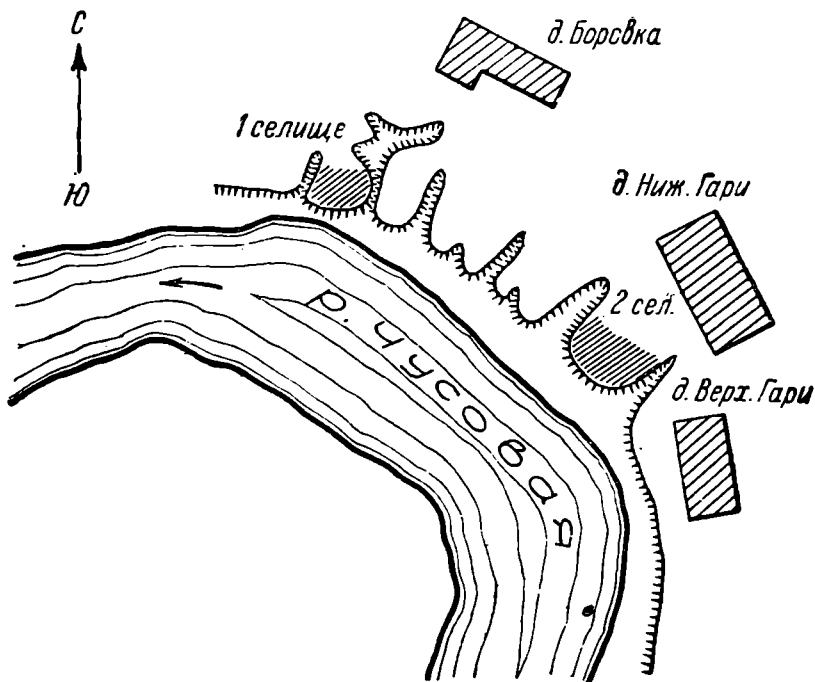

Рис. 8. План селищ у д. Боровки.

слоя селища VI—VIII вв. и слой эпохи бронзы. Среди поздней керамики имеется ряд фрагментов, возможно, от более ранних сосудов; отсюда же происходит сосуд, изображенный на рис. 6, 1. Он был найден в самом верху слоя, заполнявшего жилище, относящееся к нижнему культурному горизонту, — землянку № 3. Очевидно здесь имел место и третий — промежуточный культурный слой ананьинского времени. Сосуд, изображенный на рис. 6, 1, носит типичные ананьинские черты как по форме, так и по орнаментации. Его размеры: диаметр по венчику — 0.185 м, высота 0.11 м. Несколько необычны очень тонкие стенки — до 0.002 м. Цвет желто-песочный. Обжиг средний.

У южного конца оз. Грязного, в 1.5 км от описанного выше пункта, на песчаной гряде, в обрезах ям для выжигания угля была открыта

¹ См. коллекции Гос. Эрмитажа, Отдел первобытной культуры и искусства, по Сев.-вост. секции, № 681.

² Оз. Грязное находится в пойме левого берега р. Камы, в 1.5 км к ЮЗ от ст. Левшино.

линза культурного слоя, обломки плит-зернотерок, фрагменты ананьинской керамики и мелкие кальцинированные косточки. Начиная с этого пункта и далее к Ю и ЮВ, вдоль края той же песчаной гряды,

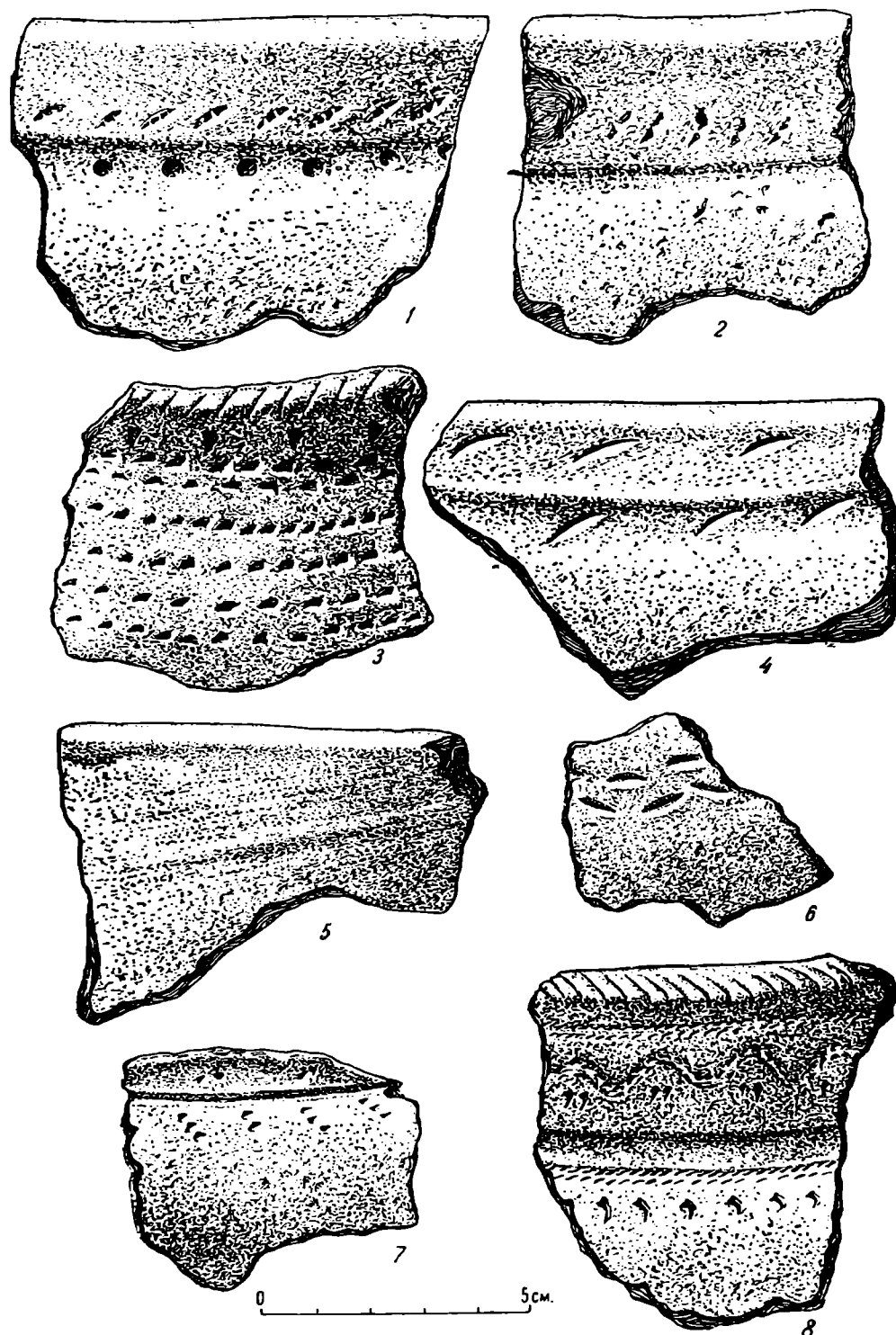

Рис. 9. Фрагменты керамики.

1—4 — Галкинское городище; 5—8 — селище у северного конца оз. Грязного.

на протяжении свыше километра тянется хорошо заметный культурный слой, утолщающийся в некоторых местах вокруг очажных линз. В одном из таких утолщений был найден великолепный экземпляр плиты-зернотерки (рис. 7, 1). Ее размеры: в длину 0.6 м, в ширину 0.4 м. Плита

хорошо выработана, имеет ровную, слегка вогнутую поверхность, насеченную мелкими выщербинками. Один конец зернотерки сделан более узким, очевидно, для удобства обхвата ее ногами, при растирании зерна.¹

Особенно значительное скопление культурных остатков было обнаружено у оз. Грязного, в обрезах почвы, на месте работы экскаваторов. Во всех пунктах собрано большое число каменных пестов-терочников

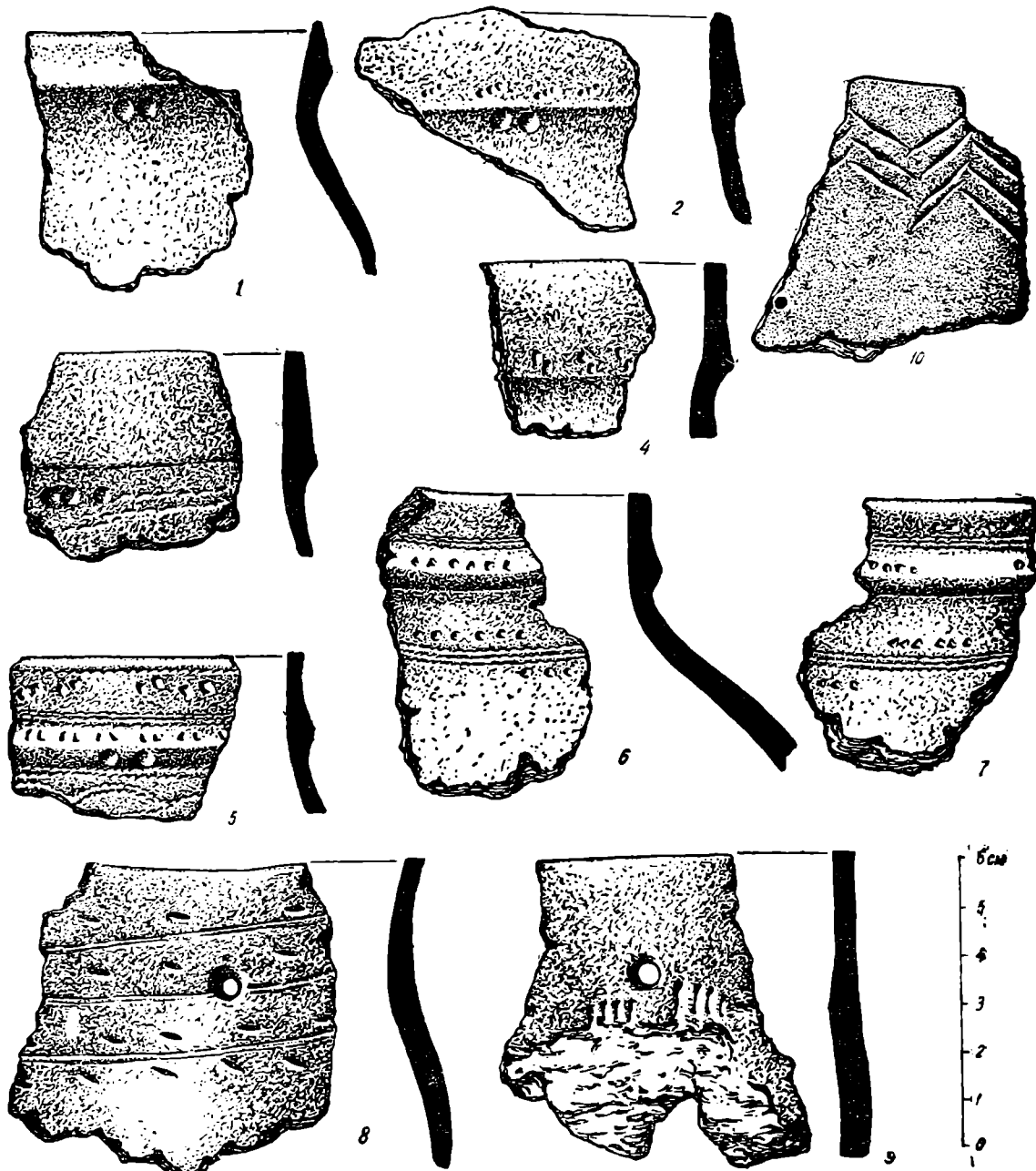

Рис. 10. Фрагменты керамики.

1-10— селшца у оз. Грязного.

«галкинского» типа, особых плоских галек с оббитыми краями (рис. 3, 2), несколько кремневых отщепов, ножевидные пластинки и крупное скребло, грубо сделанное из кварцитового отщепа (рис. 3, 1). Эти каменные орудия можно сопоставить с находками таких же орудий на Конецгорском

¹ Плита выставлена в экспозиции Отдела истории первобытной культуры и искусства в Гос. Эрмитаже. См. витрину Анаьинско-пьяноборского этапа.

селище и Галкинском городище. Здесь же найдены фрагменты небольших глиняных тиглей, сильно ошлакованных, с каплями металла, застывшего среди шлака. Как и зернотерки, эти находки свидетельствуют о сравнительно длительном обитании на селищах у оз. Грязного.

Наконец в районе оз. Грязного имеется еще одно селище, расположенное на луговой террасе, близко к берегу Камы. Здесь, в темно-суглинистой пойменной почве, обнаружена значительная линза слоя, богато насыщенная фрагментами ананьинской керамики (рис. 10, 1—10), угольками и другими культурными остатками.

Суммируя приведенные данные, необходимо начать с датировки памятников. Для керамики дата может быть определена лишь приближенно. Относящаяся, несомненно, к ананьинской эпохе часть селищ может быть приурочена и к самому началу этой эпохи, ко времени возникновения городищ. Другая часть одновременна Галкинскому городищу и крупным селищам, вроде Конецгорского и Турбинского. Эти селища свидетельствуют о продолжавшемся в ананьинскую и пьяноборскую эпохи использовании поймы. Здесь, в наиболее удобных для жительства местах — сухих веретях и мысках, — устраивались своего рода хозяйственные заимки. Хозяйственные занятия охотой, рыболовством, скотоводством и, отчасти, собирательством делали удобным поселение именно в пойме, особенно в летний сезон. Обнаруженные здесь же кости домашних животных, зернотерки и песты-терочники указывают на то, что население здесь занималось земледелием и скотоводством. Очевидно в ананьинскую эпоху кроме коллективов, обитавших постоянно в укрепленных поселениях, имелось население, жившее на крупных и мелких селищах и скрывавшееся в укрепления лишь в минуту опасности.

Несколько странным и пока не совсем ясным фактом является то, что в районе устья Чусовой, обильном ранними археологическими памятниками, нет ни одного более позднего городища. Очевидно, после пьяноборско-гляденовской эпохи население ушло отсюда, быть может потому, что берега большой реки Камы, в месте ее соединения с другой значительной водной дорогой — Чусовой, стали небезопасными для жилья. По Каме, по направлению к г. Молотову, памятников после-пьяноборского времени также нет, если не считать указаний на находки, быть может связанные с костыщем, существовавшим на «Вышке» у Молотовского завода. Небольшое число фрагментов керамики с веревочной орнаментацией и отогнутым краем были найдены на площадке Левшинской стоянки или вблизи ее. Эти фрагменты А. В. Шмидт склонен датировать второй половиной первого тысячелетия н. э.¹ Единственным бесспорным и хорошо сохранившимся поздним селищем в районе устья Чусовой является упомянутое выше селище VI—VIII вв. у хут. Астраханцева на оз. Грязном.

Крайне слабо изучены типы и устройство ананьинского жилища. По аналогии с волго-окскими памятниками А. П. Смирнов, например, предполагает, что в ананьинскую эпоху в Прикамье основным типом жилища были землянки.² Единственным, подтверждающим это фактом, являются Котловские землянки, исследованные Ф. Д. Нефедовым.³ Между тем ясно, что на территории Котловского могильника имелось по меньшей мере три совершенно различных памятника. Там находилось несомненно более древнее, чем ананьинский могильник, место захоронения, на-

¹ А. В. Шмидт. Стоянка у ст. Левшино, СА, V, 1940.

² А. П. Смирнов. История Прикамья в I тыс. н. э. Тр. ГИМ, вып. VIII, 1939.

³ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье. МАВГР, вып. III.

чальная дата которого относится, вероятно, к VIII - VII вв. до н. э. Там же встречены поздние захоронения, относящиеся уже к совсем другой эпохе — концу первого тысячелетия н. э. Небольшие землянки, раскопанные здесь же, не увязываются сколько-нибудь точно с материалами ни ранних, ни поздних Котловских могил. Но все же больше данных за то, что все эти жилища принадлежали тому населению, к которому относятся поздние погребения. На поздних городищах Прикамья сейчас хорошо изучены жилища конца первого тысячелетия н. э. Некоторые типы этих поздних небольших жилищ полностью совпадают с Котловскими землянками. На ананьинских городищах и селищах, в том числе на селищах у д. Конец-Гор и д. Турбино, на городище Кара-Абызском, Чудаковском и Гроханьском встречены отчетливые

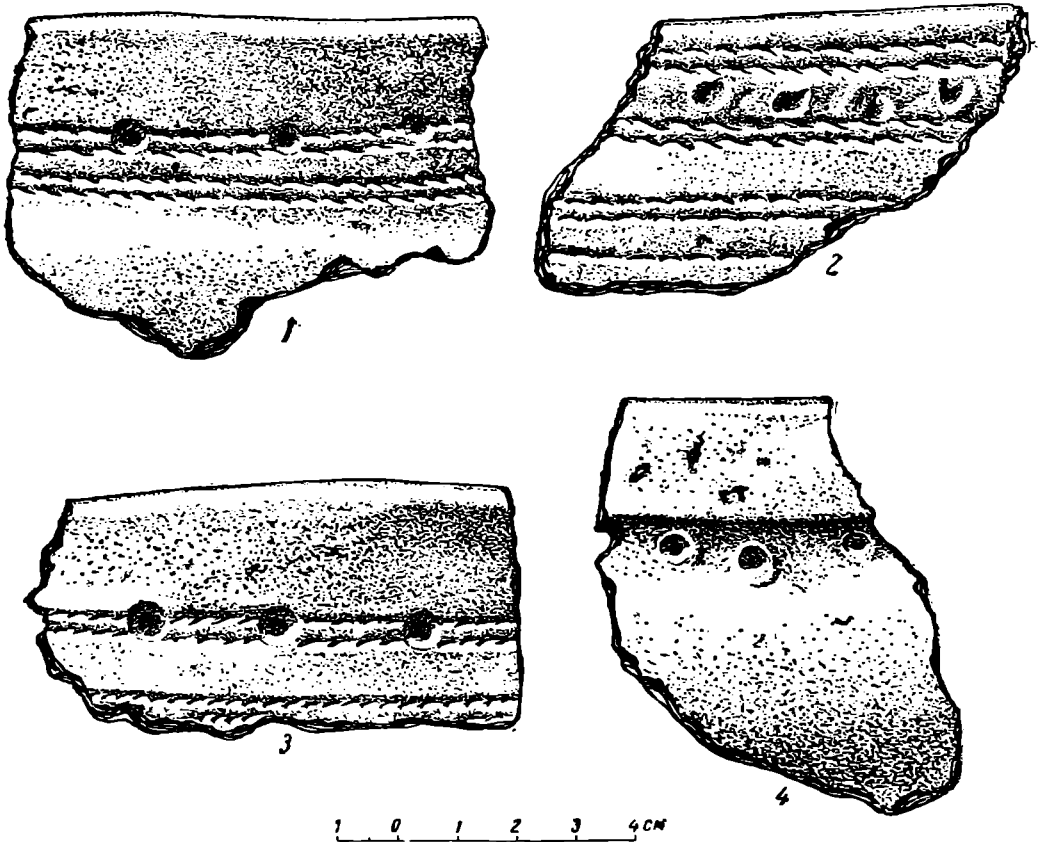

Рис. 11. Селище у д. Сетькова.

1—4 — фрагменты керамики.

следы не земляных, а наземных жилищ, очевидно, рубленых из бревен,¹ углубленных в землю от современной им поверхности всего на 0.3—0.4 м. В жилищах были очаги, сложенные из камней или крупной гальки. Особенно показательно уже получившее известность Конецгорское жилище.² Оно представляло собой длинный и узкий многоочажный дом, очевидно разделенный на отдельные секции.

Пойменные ананьинские селища известны и из других районов Прикамья. К числу их относится опубликованное «Селище Отарка», на нижней Каме. Также из районов нижней Камы происходит описываемая ниже Сетьковская находка, вне сомнений указывающая на интересное ананьинское поселение.

¹ На городище Чудаки, так же как и на некоторых других, вероятны жилища с плетевыми стенами, обмазанными глиной. — К. В. Сальников. Городище «Чудаки» у с. Горохова, СА, IX, стр. 221—238.

² А. В. Збруева. Коллективное жилище в Прикамье. ВДИ, 1940, № 2, стр. 200.

В конце 1940 г. в ИИМК были доставлены из Института Галургии, через геолога В. В. Викторова, несколько фрагментов древней керамики и зарисовка выхода культурного слоя, из которого керамика и была извлечена. На основании сведений, сообщенных находчиком, выявлено, что это местонахождение находится у д. Сетяково в Бондюжском районе Татарской АССР. На карте А. В. Збруевой поблизости отмечено Тихогорское городище, известное А. А. Спицыну.¹

Зарисовка слоя заинтересовала специалистов, так как характер залегания остатков явно указывает на жилую впадину. Глубина залегания нижнего горизонта слоя с находками достигает 2 м от современной поверхности. Мощность культурного слоя, в центре впадины, судя по чертежу, достигает 1.5 м. Слой прослежен на протяжении всего обнажения его, до 50 м длиной.

Обратившись к фрагментам посуды (рис. 11, 1—4), мы убедились, что перед нами типичная ананьинская керамика с веревочным орнаментом, пояском ямочных вдавлений и характернейшим для эпохи уступчиком, или «воротничком», идущим по шейке сосуда.

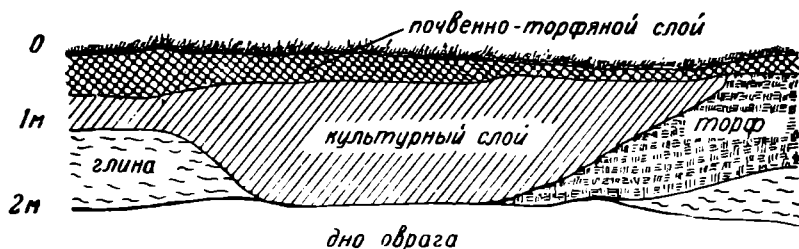

Рис. 12. Селище у д. Сетякова. Разрез слоя. Зарисовка выхода культурного слоя по стенке оврага.

Ананьинских поселений с таким мощным слоем известно не много, что определяет важность находки. Особый интерес вызывает «ладьевидный» профиль слоя в зачистке обнажения. Окружающие слой торфяно-почвенные наслоения, частично подстилающие и перекрывающие слой с находками (рис. 12), особенно в правой части зачистки, подсказывают мысль о возможности лучшей сохранности таких культурных остатков, которые в обычных условиях сохраняются плохо (дерево, кость и прочие органические остатки).

Из ананьинских жилищ известны уже упомянутые Концевгорское и Чудаковское. Но первое из них — в районе устья р. Чусовой. Второе же дает тип жилища для зауральского варианта Ананьино. Таким образом, для нижней Камы (где расположено сетяковское местонахождение) ни ананьинские, ни пьяноборские жилища пока совершенно не изучены.

По сообщению доставившего в ИИМК находку В. В. Викторова, месторасположение выхода слоя имеет следующую геологическую и топографическую ситуацию. Выход слоя обнаружен близ пойменной террасы правого берега р. Камы, в обрете размываемого древнего оврага, в месте выхода оврага в пойму.

¹ А. А. Спицын. Приуральский Край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАВГР, вып. 1, стр. 47—48. Памятник описывается так: «Тихогорское городище находится в 3-х верстах от с. Тихие Горы в поле дер. Бондюжской, на самом изгибе проходящей здесь огромной излучины Камы, близ дороги, идущей по берегу в д. Сетяки». Далее упоминается осыпь зольного культурного слоя, настолько мощная, что она заслуживает специального изучения. Не с осыпью ли встретились и геологи? Сетяково и Сетяки, очевидно, — один и тот же населенный пункт.

Без дополнительного археологического обследования невозможно решить, является ли слой смытым с расположенных близ находки мысов, т. е. с коренного камского берега, или мы действительно имеем дело с неизвестным еще поселением, устроенным в свое время в долинке старого оврага. Во всяком случае, место нуждается в обследовании, тем более, что слой, по сообщениям геологов, сильно разрушается. Фрагменты керамики при сравнении их с датированными ананьинскими комплексами дают основание предварительно определить местонахождение ранним ананьинским временем.

Среди археологов еще не полностью исчезло неправильное представление, что ананьинскую культуру сменила последующая пьяноборская культура не только стадильно, но и этнически. Сторонники другой, правильной, точки зрения на пьяноборский этап как на прямое развитие ананьинской культуры обычно апеллируют к формально-сравнительному методу, выводя, например, пьяноборскую эполетообразную застежку из ананьинских прототипов. В данном случае морфологический анализ вещей правилен и несомненен, но значительно непреложнее будут доказательства, исходящие из анализа стратиграфии поселений. Пьяноборские же городища как раз изучены далеко недостаточно. В этом отношении памятники Молотовской области — районов верхнего Прикамья и начала среднего течения этой реки — могут дать исчерпывающий материал. Напомним, что в этих районах широко известны пьяноборские жертвенные места — пермские костыща, одно из которых — Гляденовское костыще — дало право называть верхне-камские пьяноборские памятники Гляденовскими, в отличие от «чисто» пьяноборских, известных главным образом по могильникам средней и нижней Камы и Вятки.

Установление фактов различия, оправдывающих присвоение особого наименования, достаточно убедительно возможно произвести лишь путем изучения поселений. В этом отношении может дать ценные сведения приведенное в начале статьи Устьсылвинское городище.

Как показали в 1937 г. наши специальные разведки раскопанного Н. Н. Новокрещенных Гляденовского жертвенного места, богатое ананьинско-пьяноборское городище, на окраине которого и располагалось Гляденовское костыще, остается нетронутым и пригодным для изучения. Поверхность этого огромного поселения, защищенного двумя валами, почти вся распахивается, и на поверхности пахоты повсюду видны фрагменты керамики, кости животных, каменные песты и обломки зернотерок. Бассейн речки Нижней Мулянки — небольшого левого притока Камы, в устье которого находится этот памятник, — очень насыщен древними поселениями. Не единственным является и Гляденовское костыще, хотя, быть может, и самым богатым. В 15 км к западу от него, близ д. Митрохиной Заболотского с/с. имеется насыщенный культурный слой, возможно указывающий на костыще. Памятник этот в науке пока не известен. По речке Верхней Мулянке — другом небольшом левом притоке Камы — краеведом М. В. Шваревым обследованы два древних городища. Оба они расположены на правом берегу В. Мулянки на расстоянии 0,5 км одно от другого (рис. 13). Первое городище с запада и с востока защищено валами. Высота одного из валов достигает до 2 м, высота другого — до 1,5 м, при длине ок. 150 м. Площадь городища ок. 2 гектар. Поверхность покрыта пнями срубленного леса. На корнях вывороченных пней замечены и собраны черепки посуды (рис. 14, 1—6), осколки и отщепы кремня, кости животных и пережженные гальки от очагов. Судя по представленному М. В. Шваревым схематическому плану, обследованное им городище, по общей конфигурации и расположению валов, близко Гляденовскому городищу-костыщу.

Второе городище (рис. 13), обследованное М. В. Шваревым, расположено на возвышенности между двумя оврагами. С восточной стороны насыпан вал, 3—4 м высотой, длиной 75 м, сопровождаемый рвом, глубиной 1 м. Площадка городища, около 1.5 га, покрыта хвойным лесом. При пробных раскопках найдены орнаментированные черепки глянцовой посуды, кости животных и шлаки, повидимому, железные. Кроме первого упомянутого выше вала, в 200 м от него идет второй вал, длиной 150 м, частично спланированный распашкой. Культурный слой достигает 0.75 м мощности и используется под огороды и парники. На территории городища недавно выстроена колхозная ферма. Среди фрагментов керамики, собранных на этом городище, имеются

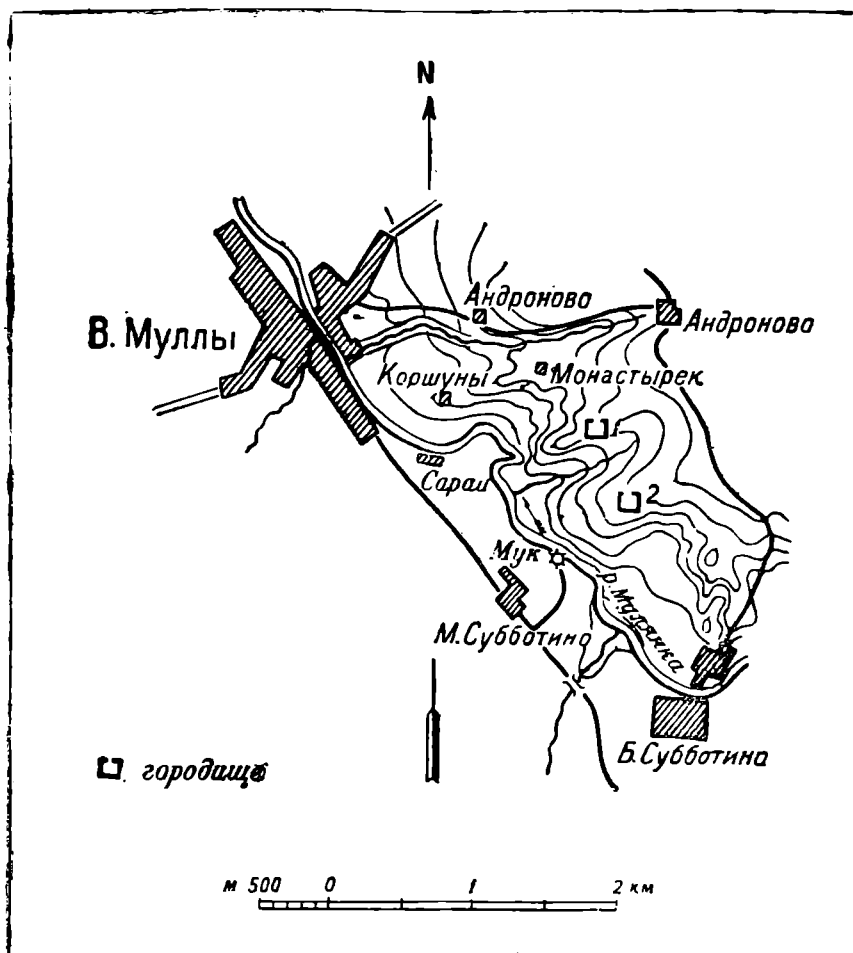

Рис. 13. План местоположения городищ на р. Верхней Муляке.

как ананьинские (по орнаменту и форме), так и более поздние. При изучении этого памятника может быть выявлена стратиграфическая преемственная связь между ананьинской и пьяноборско-гляденовской культурами.

Совершенно недостаточно обоснованы высказанные некоторыми авторами гипотезы о выделении в Прикамье двух групп племен в ананьинскую и пьяноборскую эпохи: нижне- и средне-камской и верхне-камской. Основным аргументом, которым оперируют эти авторы, является несовпадение территории пермских костящих с территорией исследованных ананьино-пьяноборских могильников. Однако вопрос может идти о неизученности древних ананьинских и пьяноборских могильников в Верхнем Прикамье и о сравнительно лучшей известности костящих. Это может быть объяснено и чисто случайными обстоятельствами, например тем, что костяща, имея поверхностное залегание

находок, в первую очередь обнаруживались при распахивании, затем разрабатывались для добычи кости на удобрения и привлекали местных археологов — любителей древностей — своими обильными и интересными материалами. Могильников же, в том числе и более поздних, не

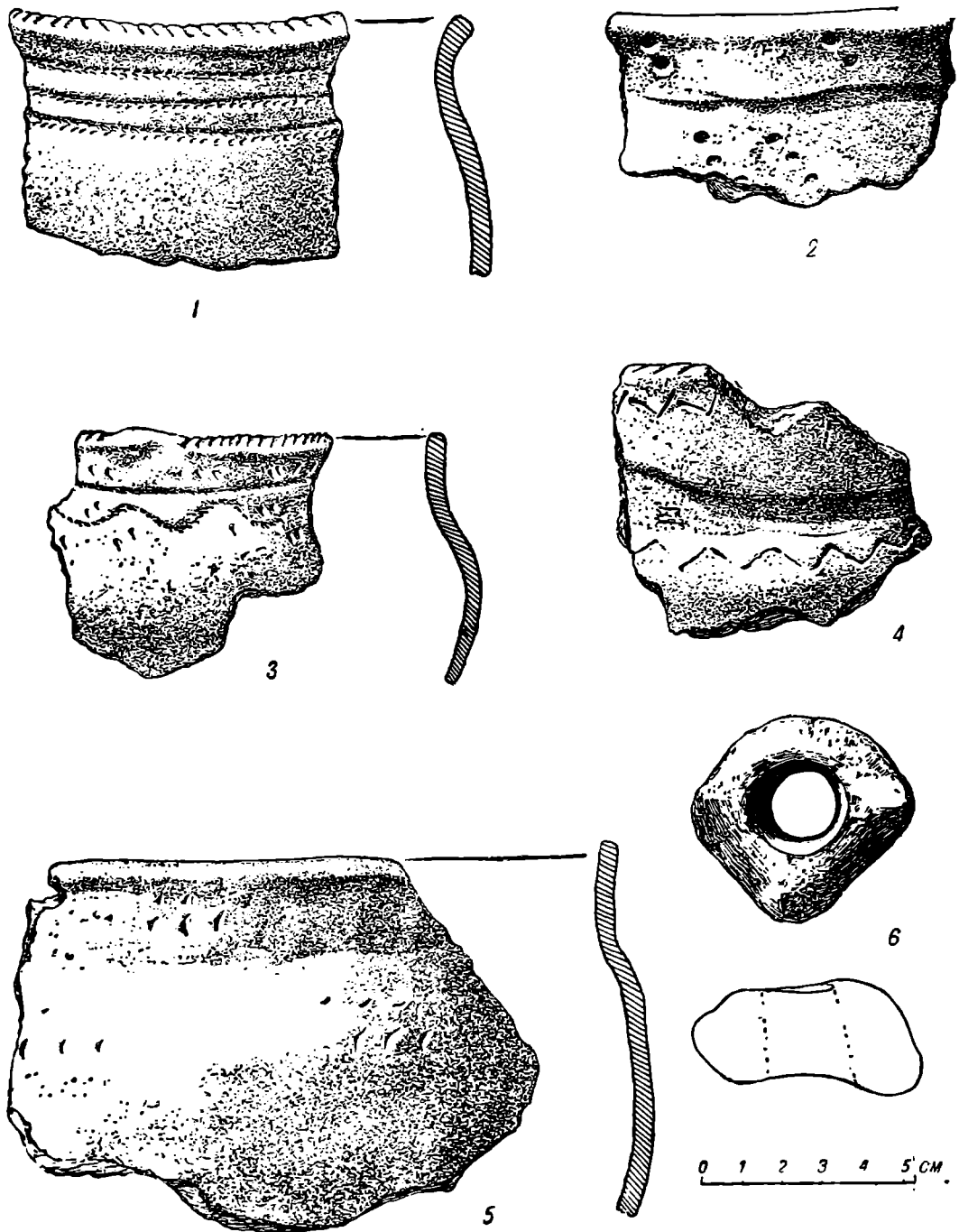

Рис. 14. Городище на Мулянке. Фрагменты керамики и поделка из рога.

было исследовано (например всеми тремя поколениями Теплоуховых) ни одного. Значит ли это, что на территории Верхнего Прикамья могильников нет? В отношении более поздних могильников вопрос ясен: во всех районах, где есть городища, есть и могильники. Ананьинских же и пьяноборского времени могильников известно действительно мало, но все же они известны. В коллекции Теплоуховых имеются ананьинские бронзовые орудия из Добрянского района Молотовской

области. Здесь предполагался могильник. И действительно, в 1936 г. сотрудницей Камской экспедиции А. В. Збруевой в д. Большой Скородум, на огороде гр. Нифонтовой был зарегистрирован могильник ананьинского времени и от хозяйки огорода получены 2 бронзовых кельта и бронзовое копье. Условия находки не оставляют сомнений

Рис. 15. Предметы из ананьинских и пьяноборских находок в Верхнем Прикамье.

1 — бронзовый наконечник копья с р. Черной. 1/2 нат. вел.; 2 — культовое медное изображение, из находок в дер. Конец-Гор. 9/10 нат. вел.; 3 — бронзовая бляха, из находок в дер. Турбино. Нат. вел.; 4 — 5 — бронзовые кувалды „скифо-сибирского“ типа, из находок в Соликамском районе (4 — высота с ручками 0,75 м; 5 — высота с ручками 0,90 м); 1, 4, 5 — Молотовский музей; 2 — Гос. Эрмитаж; 3 — Музей антропологии и этнографии АН СССР.

в характере и времени памятника. Несомненно, что если здесь существовал ананьинский могильник, то здесь же может оказаться и группа погребений пьяноборского времени. Также из районов уже верхнего течения Камы в коллекции Теплоуховых имеется ряд находок по типу ананьинских, а по условиям находки связанных с могильниками. Например, в Висимской лесной даче, при рытье ямы, на глубине 1,5 м

были обнаружены бронзовое типичное ананьинское копьё и железный поздне-ананьинский или пьяноборский кинжал с навершием, украшенным двумя фигурками зверей.¹ Много бронзовых ананьинских и пьяноборских орудий известно из Оханского района Молотовской области, в том числе из д. Першиной.²

Пьяноборские и ананьинские предметы из случайных находок в Верхнем Прикамье продолжают поступать в музеи (рис. 15). Например, в 1931 г. в Молотовский областной музей поступил великолепный экземпляр бронзового наконечника копья. Находка его в данном пункте, в обресе берега Черной речки (приток Сылвы), не единична и не оставляет сомнений, что там имеется могильник (рис. 15, 1). Древние ананьинские и пьяноборские могильники в Верхнем Прикамье имеются несомненно; факт отсутствия специального их исследования еще не позволяет делать вывод о глубоких племенных различиях населения Средней и Верхней Камы.

Выскажем мнение, что в ананьинскую и пьяноборскую эпоху не было очень крупных племенных различий на территории всего Прикамья.³ Во всяком случае, имеющиеся у нас данные пока недостаточны, чтобы эти различия утверждать. Огромное сходство типов в инвентаре костищ и могильников говорит само за себя. Родовые особенности в оформлении, например, культовых обрядов были слишком незначительны, чтобы по ним устанавливать две или более группы племен. Эти черты своеобразия были ощутимы на территории Среднего Урала и Зауралья, где развитие шло несколько особым путем по сравнению с Прикамьем.

¹ А. А. Спицын. Древности Камской Чуди. МАР, № 26, табл. XXVII, рис. 8—9.

² Там же, табл. XXXV, рис. 20, 24, 26. Ср. также рис. 17, 25, 27.

³ Во всяком случае, столь крупных как, например, между населением районов Прикамья, Волги и Оки. Особые, хотя и родственные ананьинским, племена жили в верхнем течении р. Белой, на р. Ветлуге и в южном Приуралье.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ДРЕВНИЕ ШАМАНСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИЗ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Более сорока лет тому назад в своей известной работе о древних «шаманских изображениях» или, как их иногда называли, «чудских образках» А. А. Спицын писал: «Район распространения шаманских изображений — огромный бассейн р. Оби с Иртышом и бассейн Камы с прилегающими частями бассейнов Вычегды и Печоры. Это район урало-алтайских народностей. Шаманских поделок нет уже на Енисее; сюда они заходят лишь со стороны Чулыма, притока Оби (Ачинский округ)». ¹ На Енисее же и дальше, по указанию А. А. Спицына, были известны только единичные находки некоторых антропоморфных изображений, «предположительно религиозного значения».

Эти вещи во многих отношениях резко отличались от камских и западносибирских шаманских изображений, хотя в общем обнаруживали какую-то странную близость к ним, какое-то неуловимое взаимное сходство. Именно поэтому, должно быть, некоторые немногочисленные предметы из Восточной Сибири и были включены Спицыным в сводку древних «шаманских изображений», куда, впрочем, попали и фигуры с шаманского костюма, хранившегося в музее Казанского университета. Что они представляли собой, А. А. Спицын не знал. «Имеют ли они близкое отношение к подобным изображениям Урало-алтайским, — писал он, — невозможно сказать». В принадлежности этих оригинальных изделий «тунгузам» А. А. Спицын уверен не был. Нельзя было уверенно судить и о их возрасте. ² С тех пор никто больше специально уже не обращался к этим загадочным изображениям из лесной полосы Восточной Сибири

Накопившийся, после выхода в свет сводки Спицына, новый материал позволяет снова вернуться к этой теме.

В нашем распоряжении сейчас имеются сведения о некоторых очень выразительных изображениях, которые происходят из областей Сибири, расположенных к востоку от Енисея, и дают целостное представление о действительно оригинальной, по всем данным очень древней, группе памятников искусства местных лесных племен, а также и о их верованиях. Изображения эти действительно можно назвать шаманскими — в прямом смысле слова.

Первое из них (на таблице с общим перечнем находок значится под № I, ср. рис. 1) найдено было на Ангаре в б. Кежемской волости «в брошенной тунгузской юрте», на расстоянии «1000 верст от г. Енисейска», т. е. где-то выше Невона. Вещь эта осталась тогда в руках ее владельца, А. Русанова. ³

¹ А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗРАО, VIII, вып. I, 1906, стр. 29.

² Там же.

³ Там же, стр. 43, рис. 495. Подлинный набросок, сделанный А. А. Спицыным, хранится в архиве Института истории материальной культуры АН СССР, «Картотека А. С. Спицына», № 408.

Судя по наброску, опубликованному Спицыным, это было плоское овальное изображение головы человека, увенчанное в виде короны тремя двурогими выступами, причем серповидно загнутые рога расходятся из одного корня в противоположные стороны и заканчиваются остриями.

Один, самый большой, выступ завершает верхушку головы. Другие два выступа размещены по бокам, над линией бровей, чуть выше того места, где полагается быть ушам. Пониже этих выступов, по бокам изображения, имеются большие полулунные ушки, одно из них дефектное и, судя по асимметрии его половинок, было неудачно отлито. Лицо трактовано в очень своеобразной и стилистически-характерной манере. Шлемовидный лоб, увенчанный выступами-рогами, отделен резкой прямой чертой бровей от лица, брови образованы, повидимому, выпуклым валиком. Линия бровей спускается вниз и обрисовывает прямой длинный и узкий нос. По сторонам носа симметрично размещены глаза, имеющие вид вписанных друг в друга трех миндалевидно-суженных овалов. Также трактован и рот, более крупный по размеру, чем глаза. Низ лица окаймлен зигзагообразной линией, образующей острые зубчики, за-

Рис. 1. Изображение с Ангары, из б. Кежемской волости. Рис. 2. Изображение из окрестностей г. Илимска.

канчивающиеся около ушек, т. е. в нижней трети изображения. Размер изображения (на рисунке) в длину равен 12 см, а в ширину 11,8 см. Материал, повидимому, — бронза, техника — литье.

Второе изображение (№ II, рис. 2) происходит с р. Илима — левобережного притока Ангары, самого крупного в ее низовьях, кроме р. Тасеевой и Оки. Найдено оно у г. Илимска.

Изображение представляет обычный литой плоский диск — лицо, увенчанное короной и дополненное сбоку двумя хорошо выраженными, но асимметричными по форме, ушками в нижней трети. Внизу имеется ручка — шея. Лицо отделено от шлемовидного лба уступом бровей, подчеркнутым кроме того сверху кривыми вдавленными (гравированными) линиями. Брови имеют вид косых широких дуг. Нос прямой, широкий у переносицы, сужен в середине и прямо срезан на конце. Рот маленький, выпуклый и миндалевидный, сильно стерт, но сохраняет следы впадины внутри. Глаза чуть скошены и асимметричны. Они имеют вид выпуклых миндалевидных овалов, внутри которых двумя врезанными дугами окаймлен второй овал. Корона имеет форму неправильного полукруга, охватывающего голову сверху от бровей узкой полоской. Внутри она расчленена одной широкой полосой посредине и двумя более узкими по бокам. Ручка — шея, широкая и плоская. Материал — золотистая бронза, покрытая плотной темнозеленой патинной. Снаружи изделие было отшлифовано, на оборотной стороне остались шероховатости литья. Ручка обрамлена по краям полосками металла, оставшегося от литья. Длина изображения 19 см.¹

¹ Хранится в Иркутском музее (№ 6110/17—1). Было доставлено в музей С. Ф. Михалевич в 1905 г., обнаружено «близ Илимска».

Третье (№ III, рис. 3) изображение, происходящее с верхней Лены, найдено у Киренска.¹

Оно имеет форму овального диска, увенчанного короной, снабженного на уровне глаз двумя боковыми ушками и заканчивается внизу короткой ручкой. Корона состоит из пяти прямых, параллельных стержней, сверху заостренных. Средний стержень выше и шире, чем другие. Крайние, с боков, стержни наверху имеют развилки. Все они вверху прохвачены и соединены одной сплошной переключиной — поперечной перемычкой, и располагаются ступенчато — по скату головы. Лицо отделено от острого лба выпуклыми линиями бровей, сходящимися в середине. Нос, прямой и длинный, имеет вид узкого валика. Глаза симметричные, миндалевидные, отмечены тонкими

Рис. 3. Изображение из окрестностей г. Киренска.

Рис. 4. Изображение из окрестностей г. Нижне-Илимска.

выпуклыми валиками, внутри которых помещены короткие поперечные валики. Рот трактован так же, как глаза, но несколько больше их размером. Нижняя часть лица обрамлена короткими, заостренными на конце зубчиками. По бокам головы, как

¹ Изображение хранится в Иркутском музее (№ 1395/1). Доставлено священником Тетериным в 1892 г. Согласно замечанию в Известиях Археологической комиссии (Прибавления к выпуску 48, стр. 150), выборщик от г. Киренска, киренский дьякон, сообщил, что на Лене в Кривой Луке (35 в. от Киренска) были найдены бронзовый меч и костяной лук, «а лет за 30—35 были найдены там и доставлены в Иркутский музей два медных изображения с лучами вокруг головы, одно доставил священник Тетерин». Нет сомнения, что здесь имелось в виду описываемое изображение, которое, судя по всему, и доставил священник Тетерин из Кривой Луки. Второе изображение из фондов Иркутского музея, повидимому, отмечено ошибочно как происходящее из Киренска. Оно должно происходить с Илима (см. выше описание изображения № 2). Ср.: М. П. Овчинников. Оюн Қэрэкэн Мохсоху (якутское предание). Сибирский архив, 1912, № 3, Иркутск, 1911, стр. 193.

сказано, имеется пара ушек, причем в одном из них отверстие узкое, возможно незаконченное и неотделанное. Длина 27 см.

Четвертое (№ IV, рис. 4) и самое замечательное изображение найдено на Илеме. Оно было выпаяно в окрестностях Нижне-Илимска, на той же стороне реки, выше села по течению Илима и хранилось в Нижне-Илимском районном музее.

Изображение имеет форму широкого уплощенного диска с черенком, слегка расширенного книзу и чуть суженного кверху, с рельефно обозначенными на нем глазами, носом и ртом. Глаза и рот миндалевидные, узкие. Они образованы выпуклыми тонкими валиками, внутри которых находится такое же выпуклое возвышение, повторяющее по форме миндалевидные очертания внешних контуров. Рот по своему размеру больше глаз.

Глаза посажены низко, почти на середине носа, размещены широко и довольно симметрично по отношению друг к другу. Они резко скошены по отношению к горизонтали.

Брови и нос — сделаны из таких же валиков, соединенных друг с другом. Брови широкие и длинные, сильно выгнутые. Концы их круто спускаются вниз. Нос на нижнем конце расширен, усечен и разделен полукруглой выемкой ноздрей.

Лицо снизу обрамлено рельефными зубчиками — «бородой», снабжено широкими ушками по бокам и заканчивается внизу плоской рукоятью, изображающей шею.

Сверху голова изображения увенчана ветвистой короной из трех широких вертикальных полос — одной в центре и двух по бокам, вырастающих прямо из дугообразно-выпуклого темени. Боковые полосы имеют по два кривых, загнутых вниз, отростка и по одному отростку, загнутому вверх, помещающемуся на верхнем конце. Средняя полоса заканчивается двумя направленными в противоположные стороны отростками. Все три вертикальные полосы короны перехвачены сверху поперечной полосой.

Корона кажется выпуклой, так как боковые полосы ее поставлены наискось по отношению к плоскости лица, а их зубцы слегка загнуты назад, к обратной стороне изображения. Соответственно выгнута и широкая поперечная полоса. Длина изображения неизвестна, так как предмет описывается по фотографии.

Пятое (№ V, рис. 5) изображение было обнаружено Н. В. Тюменцовым в ящике одного из столов кабинета физической географии Иркутского Государственного университета и, судя по всем данным, происходит из пределов Иркутской области.¹

Оно также представляет собой плоское дискообразное широкое человеческое лицо, на котором рельефными валиками переданы широкие дугообразные брови, сросшиеся вместе, т. е. «союзные». От бровей отходит вертикально спускающийся вниз короткий валик — нос, резко подчеркнутый снизу уступом.

Таким же валиком обозначены миндалевидные глаза, а рот имеет вид выпуклости с легким углублением в середине. По бокам лица, в нижней его части, симметрично расположены широкие и крупные уши подтреугольной формы. Имелась и ручка — шея, которая была позже обломана. На голове пять коротких выступов, в схематическом виде изображающие корону. Один выступ находится в середине и снабжен развилкой вверх, а по бокам его на равном расстоянии друг от друга располагаются заостренные и искривленные выступы, шипы, по два на каждой стороне. Материал — медь (меди 97.68%, железа 0.97%). Техника литья плохая, поверхность изделия шершавая, раковистая. Пatina ржавая, коричневатобурая. Длина 8.5 см, ширина 8.2 см (наибольшая).

Шестое (№ VI, рис. 6) изображение, чрезвычайно близкое к первому, происходит с Ангары, с Чадобца.²

Лицо на нем овальное и широкое. Брови даны в виде двух сходящихся вместе коротких кривых линий, обращенных выпуклостью вверх. От седловины, в которой сходятся дуги бровей, спускается вниз по прямой линии нос, суженный в середине и прямо срезанный на конце. По сторонам носа симметрично размещены глаза той же формы, что и у описанного выше изображения, в виде концентрических овалов, совер-

¹ Хранится в Гос. Эрмитаже (Отдел Сибири доклассового сектора).

² В. М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии, ч. II, вып. I, Томск, 1896, стр. 288, рис. 83. — Он же. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888, стр. 53 (№ 1077; по словам Флоринского, найдено в 1887 г. на пашне у с. Чадобец).

шенно так же передан и рот. В нижней части лица проходит кайма из треугольных зубчиков, обрывающаяся пониже ушек.

Данное изображение, так же как и первое, снабжено было двумя боковыми ушками, расположенными в начале нижней трети головы, причем одно из них поломано. Ушки небольшие. Внизу имеется узкая плоская ручка, вероятно одновременно изображавшая шею. Короны нет. Отсутствие короны, очевидно случайно, так как неровные зубчатые края диска и поломанное ушко свидетельствуют о том, что изображение сильно пострадало и должно было прежде обладать короной. Длина диска 12 см, ширина 9 см, длина шеи 3 см.

Описанные антропоморфные изображения в частности довольно сильно отличаются друг от друга, но в основном обнаруживают такие стилистические черты, которые прочно связывают их и объединяют в единую группу.

Рис. 5. Изображение из Иркутской области.

Рис. 6. Изображение с Ангары, из Чандобца.

В техническом отношении их объединяет прежде всего то, что это плоские предметы, вылитые в простейших формах одностороннего типа. Формы могли быть как глиняными, так, в некоторых случаях, и земляными. Об этом свидетельствует шероховатая поверхность некоторых не зашлифованных изображений.

В глиняных формах линии носа, бровей, рта и глаз вырезались, очевидно, острием ножа в виде неглубоких и узких желобков. В соответствии с этим черты лица, выраженные тонкими, рельефными валиками, приобретали своеобразный условно-орнаментализованный облик, столь типичный для описываемых изображений и составляющий их вторую и постоянную стилистическую особенность.

Третья, и самая характерная, их особенность: наличие выступов на голове или оригинального головного убора в виде короны в разных ее вариациях.

Четвертая устойчивая особенность: ушки по бокам головы, чаще всего в нижней трети лица.

Пятая особенность — наличие рукояти, очевидно, изображающей в условной форме шею.

Шестая особенность, встречающаяся относительно редко, но вместе с тем и очень броская — обыкновение передавать «бороду» рубчиками или зигзагами.

Седьмая их черта: трактовка глаз и рта в одинаковой форме в виде миндалевидных или овальных углублений, окруженных рельефными валиками. Таковы общие черты этих изображений.

Из распространения этих изделий ясно, что они действительно образуют довольно узко локализованную в пространстве группу, соответствующую особому местному художественному стилю. Область рас-

Рис. 7. Изображение с р. Малый Кас, притока Кети, на Обь-Енисейском канале.

Рис. 9. Изображение из окрестностей с. Атамановского, на Енисее.

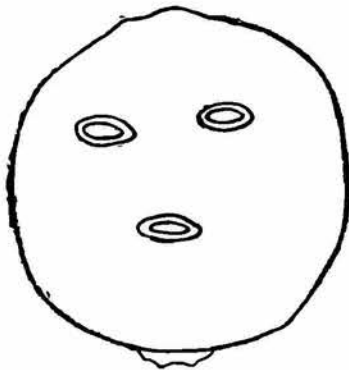

Рис. 8. Изображение найдено близ дер. Скрипуновой, б. Самаровской вол., Тобольского окр.

пространения их лежит, в основном, к востоку от Енисея и потому может быть названа восточной, а центром ее является, всего вероятнее, Илимский таежный район, с прилегающими к нему верховьями Лены у Киренска и нижней частью Ангарской долины от Братска до Чадобца.

А. А. Спицын был, следовательно, прав, суммарно отделяя немногочисленные восточносибирские находки от «урало-алтайских», встречающихся к западу от Енисея.

При всем том, как и всякие случайные находки, не связанные ни с поселениями, ни с могильниками или кладами, эти предметы, взятые сами по себе, еще не находят определенного места среди других археологических памятников.

Определить их место, а следовательно и датировать их, можно лишь путем сравнения с другими, близкими к ним по характеру, но более многочисленными и лучше изученными находками.

С этой стороны существенно, что и из областей, лежащих к западу от Енисея, имеются предметы не только сходные в общем, но совпадающие и в деталях с описанными выше.

Все эти изображения описаны ниже в общих порядковых номерах с ангаро-ленскими. Их материал также бронза, а техника — литье.

Одно изображение (№ VII, рис. 7) было найдено в 1885 г. на р. Малый Кас, притоке Кети, на Обь-Енисейском канале «в местности не населенной».¹

Оно представляет уже знакомый нам плоский диск, на котором схематически переданы глаза и рот в виде выпуклых колец. Нос и брови, в отличие от восточно-сибирских изделий, отсутствуют совершенно. Нет и короны. Но зато имеются ушки, расположенные ассиметрично и необычно высоко, выше глаз. Вся голова, не исключая шеи, окаймлена выпуклым валиком и отходящими от него сплошными зубцами, напоминающими короткие лучи. Диаметр диска — 7 см, длина изображения 10 см.

Другое изображение (№ VIII, рис. 8) найдено было вблизи д. Скрипуновой б. Самаровской волости Тобольского округа. Трактуют его еще более условно и просто, чем описанное выше.

Лицо также представляет собой широкий плоский диск, на котором брови и нос отсутствуют, а глаза и рот переданы в виде миндалевидных овалов. Внизу имеются следы обломанной шеи (ручки). Длина изделия 12 см.²

Следующее (№ IX, рис. 9) изделие, происходящее из окрестностей с. Атамановского, на Енисее (хранится в Красноярском музее), во многом резко отличается от остальных, но вместе с тем обладает и чертами общности с ними.

Это фигурка человека с телом в виде сплошного плоского и узкого стержня. Ног нет, руки даны в виде кривых, опущенных вниз полосок. Одна из них обломана, а другая сохранила пять распростертых пальцев. Голова изображения имеет вид плоского правильного диска, увенчанного короной в виде трех, расходящихся из общего основания плоских стержней, соединенных сверху перекладиной. Голова снаружи окаймлена торчащими во все стороны зубчиками. Она имеет по сторонам большие широкие ушки. Лицо трактуется, в основном, как и у описанных выше. Прямые уступы «бровей» отделяют лоб от лица. Нос прямой, выпуклый. Глаза и рот оформлены в виде круглых выпуклостей.³

Одно очень оригинальное изображение (№ X, рис. 10) известно по рисунку из труда Страленберга. Оно происходило из Сибири.

Форма его необычайна: нижняя часть изделия, повидимому, изображает тело. Голова имеет вид овала, на котором крупными линиями, повидимому, рельефно, валиками, обозначены черты лица. По бокам лица имеются ушки, из которых свешиваются вниз цепочки, поддерживающие бубенчик. На верхушке головы имеется раздвоенный выступ, вероятно — стилизованное изображение короны. Вниз от головы отходит стреловидный выступ, вероятно изображающий сердце.⁴

¹ В. М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии, ч. II, вып. 1, Томск, 1896, стр. 287, рис. 82. — А. А. Спицын. Шаманские изображения, стр. 143, рис. 492.

² А. А. Спицын. Шаманские изображения, стр. 143, рис. 490.

³ A. Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. Париж, 1933, табл. XLIV, 4. Фрагменты подобных фигурок имеются в коллекции Еракова, собранной в Восточной Сибири (главным образом на Енисее) и находящейся сейчас в Иркутском музее.

⁴ В. В. Радлов. Сибирские древности, МАР, вып. 5. — А. А. Спицын, ук. соч., стр. 143, рис. 489.

Кроме этих четырех изображений, так или иначе обнаруживающих очень близкое сходство с восточносибирскими, известен ряд других, менее близких к последним, но все же имеющих некоторые общие черты с ними.

Одно из этих изображений (№ XI, рис. 11) было найдено крестьянином деревни Колпашево б. Кетской волости на Оби в 100 км ниже города Нарыма, около Колуяновых юрт, при земляных работах, на глубине 0.5 м и доставлено в 1882 г. в Археологический музей Томского университета.¹

Изображение это представляет собой овал, пересеченный поперек двумя параллельными дугообразными линиями сросшихся бровей, от которых вверх отходят короткие зубчики. Лоб украшают вертикальные полоски — пять в середине, три на левой и два на правой стороне. От бровей спускается вниз узкий, прямой и длинный

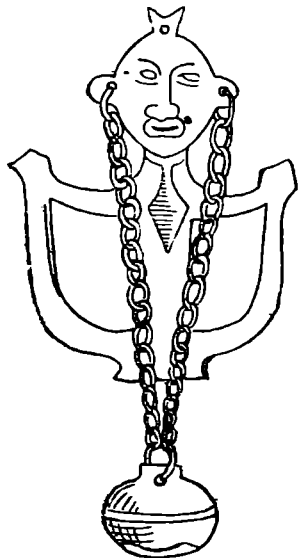

Рис. 10. Изображение происходит из Сибири, опубликовано Страленбергом.

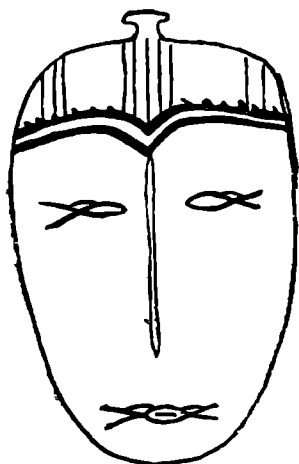

Рис. 11. Изображение с Оби, близ Колуяновых юрт.

Рис. 12. Изображение из колл. Археологического музея при Томском университете.

нос. Глаза и рот трактованы затейливо, в виде овалов, к которым примыкают вильчатые разветвления и сегменты.

На голове изображения имеется выступ, грибообразно расширенный сверху. Длина изображения 0.8 см, ширина 4.5 см.

С восточносибирскими это изображение сближается своим плоскостным характером, трактовкой бровей и носа и, в особенности, выступом на голове, представляющим очевидно упрощенный головной убор типа короны.

Второе изображение (№ XII, рис. 12) из коллекций Археологического музея при Томском университете очень близко к описанному, хотя в деталях и отличается от него.

Оно тоже плоскостное, но заканчивается почти прямым, слегка выпуклым, срезом и прямоугольным выступом сверху. Брови даны в виде поперечных полосок, переходящих в длинный и узкий прямой нос. Глаза и рот имеют вид выпуклых миндалевидных овалов с углублениями в середине. Над бровями показаны волосы или головной убор в виде параллельно расположенных прямых вертикальных линий, между которыми имеются две полоски простейшего меандроподобного узора.

Самая замечательная деталь изображения — шея, отсутствующая у предшествующего изделия. Длина изображения 9.9 см, ширина 3.1 см.²

¹ В. М. Флоринский. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888, стр. 70 (127*). Пользуюсь случаем выразить благодарность М. П. Грязнову, предоставившему мне зарисовки изображений №№ XI и XII.

² Музей Томского университета, № 5959.

Следует отметить также и еще одно изображение (№ XIII, рис. 13), по всем признакам ближайшим образом связанное с двумя описанными выше, в особенности с последним. Оно найдено около д. Ишимки Ачинского у., в северной части последнего, на левой стороне р. Чулыма. Особенностью его является наличие зигзагообразных полосок в верхней части «головного убора» и пунктирных дуг над глазами. У подбородка остался след обломанного черенка — шеи. Длина (без черешка) 11,5 см.¹

И. М. Мягковым описаны антропоморфные изделия с горы Кулайки, отчасти сближающиеся с ангарскими и ленскими.²

Первое из них (рис. 14) имеет вид удлиненной пластинки с длинным прямым носом и круглыми глазами, выполненными в виде валиков, и бровями тоже в виде валика, пересекающего лицо поперек, от края до края. На голове имеется выступ, соответствующий, видимо, редуцированной короне.

Возможно, что изображение является лишь частью антропоморфной фигурки с телом.³

Второе изображение (№ XV, рис. 15) тоже плоское, с овальными глазами и ртом и прямым носом. Вверху имеется поперечная прямая линия, а над ней зигзаг, —

Рис. 13. Изображение найдено близ дер. Ишимки, Ачинского у.

Рис. 14. Изображение с горы Кулайки Нарымского края.

Рис. 15. Изображение с горы Кулайки Нарымского края.

Рис. 16. Изображение с горы Кулайки Нарымского края.

очевидно они соответствуют бровям и головному убору или волосам, как это имеет место на ишимском изображении. Выступ над головой означает, возможно, корону.⁴

Третье изображение (№ XVI, рис. 16) с трактованными совершенно так же чертами лица имеет острую шлемовидную голову и обладает длинной ручкой, еще больше сближаясь этим с ангаро-ленскими изображениями.⁵

Сюда следует причислить еще три изображения (№№ XVII, XVIII, XIX, рис. 17—19) из Нарымского края, обладающие, в отличие от описанных выше, схематически трактованным туловищем и головным убором в виде самостоятельных головок животных.⁶ С ангаро-ленскими их сближают, кроме общей техники плоского литья, передача деталей лица валиками и оформление глаз и рта в виде овалов.

Количество таких примеров можно было бы значительно увеличить за счет «шаманских» изображений, встречающихся еще далее на за-

¹ А. Ермолаев. Ишимская коллекция. Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический, вып. 1, Красноярск, 1914, стр. 11, табл. VI, 7.

² И. М. Мягков. Древности Нарымского края (в собрании Томского краевого музея). Труды Томского краевого музея, т. II, 1929, стр. 67, табл. II, 18.

³ Ср. там же, табл. III, 2.

⁴ Там же, табл. III, 5.

⁵ Там же, табл. III, 6.

⁶ Там же, табл. III, 1, 2, 4.

пад, например из числа опубликованных А. А. Спицыным в его сводке антропоморфных изображений с «лучами» на голове. Таковы, например, №№ 422, 424, 425, 429, 432 из альбома А. А. Спицына.¹ Совершенно таково же изображение, публикуемое здесь по гипсовому слепку из фондов археологического кабинета ЛГУ (№ XX, рис. 20).²

Для того чтобы определить место ангаро-ленских изображений среди памятников древнего искусства сибирских племен, а следовательно и приблизиться к определению их возраста, вполне достаточно приведенного выше материала.

Рассматривая все описанные художественные изделия в целом, следует прежде всего отметить, что они имеют очень много общего как в основном типе, в технике изготовления, так и в существенных деталях.

Рис. 17. Изображение из Нарымского края.

Рис. 18. Изображение из Нарымского края.

Рис. 19. Изображение из Нарымского края.

Рис. 20. Гипсовый слепок из фондов археологического кабинета ЛГУ.

Основными общими для них чертами являются:

- 1) одинаковая техника плоского литья в односторонних формах;
- 2) передача деталей рельефными линиями-валиками;
- 3) наличие таких характерных стилистических особенностей, как сросшиеся брови, овальные глаза и рот, часто концентрические или с «палочкой» внутри.

Отсюда ясно, что шесть ангаро-ленских дисковидных идолов с коронами, известные нам в настоящее время, не одиноки и не изолированы. Они входят в определенную группу памятников древнего искусства лесных племен Сибири, характеризуют вместе с ними отчетливо выраженный и очень своеобразный художественный стиль.

Но этого мало. Не менее резко, чем признаки сходства, сказываются в рассмотренных изделиях многообразные частные различия, особенно ценные тем, что позволяют уточнить их взаимоотношения и связи.

Как и во всяком другом случае, такие различия могут быть, прежде всего, объяснены постепенными изменениями формы и стиля в ходе их естественной эволюции с течением времени. Автохтонная эволюция

¹ А. А. Спицын. Шаманские изображения, стр. 135—136. Изображения эти происходят из бассейна реки Печоры (д. Усть-Соплеса).

² Оригинал хранится в археологическом отделе Музея этнографии АН СССР и значится происходящим из села Конькова, Чердынского уезда, Пермской губ. (ныне — Молотовской области). Коллекция 1300—II—84. Собрание Малахова. Сообщением данной справки я обязан любезности С. Н. Замятнина.

художественных форм может идти или по линии обогащения их новыми чертами и усложнения первоначального типа или, напротив, в сторону упрощения, схематизации, когда в связи с забвением и распадом прежних представлений исчезают соответствующие детали и художественные черты.

Наш материал позволяет считать вероятным для ангаро-ленских изображений не первый, а именно второй путь.

Классическим образцом среди ангаро-ленских находок в стилистическом отношении и наиболее близким, по моему мнению, к исходному типу является ниже-илимское изображение (рис. 4), с ветвистой короной. Все черты, характерные для стиля описываемых изображений, представлены в нем наиболее полно и отчетливо. На всех остальных заметны различные отклонения в сторону упрощения, схематизации.

Яснее всего это видно на таких специфических деталях, как короны.

Если на нижеилимском изображении корона трактована вполне реалистически и снабжена разветвлениями, то на киренском (криво-луцком) изображении (рис. 3) корона приобретает уже иной, более простой, вид. Она состоит из одних только прямых стреловидных острий. Только лишь на крайних боковых стержнях ее сохранились развилки, представляющие предельно редуцированные разветвления рогов.

На втором же илимском изображении (рис. 2) всякие следы зубцов исчезают, а поперечная перекладина, схватывающая стержни короны, превращается в замыкающий их сверху полукруглый обруч. В результате этого всякое подобие рогатого головного убора исчезает, образуется нечто совершенно новое — настоящая корона. Так же выглядит корона на атамановском идоле (рис. 9), еще более упрощенная. В дальнейшем эта корона может превратиться в простой выступ, сначала еще расширенный вверху, как на первом изображении из собрания Томского университета (рис. 11), а затем и в широкий стерженек (рис. 12).

На других изображениях прослеживается схематизация рогатого головного убора в ином направлении. Поперечный обруч исчезает. Рога превращаются в простые развилки, как на идоле из Невона (рис. 1) или изображении № 5. Крайним пределом такой стилизации является изображение из труда Страленберга, где сохранился только один срединный стержень с развилкой (рис. 10).

Но на изображении № 5 обнаруживается, вместе с тем, и еще одна новая черта: боковые стержни не исчезают, а редуцируются, превращаясь в шипы — «волосы». Отсюда недалеко уже и до оригинальной каймы из зубчиков, как на атамановском идоле и на изображении с р. Каса (рис. 7). Почему зубчатая кайма оказалась здесь и внизу, охватывая как ореолом всю голову, понять нетрудно. Внизу была раньше борода, стилизованная в виде зубчиков. Таковы вероятные общие линии эволюции мотива «короны» в сторону его упрощения и схематизации. Черты различия между отдельными изображениями, однако, во многом резко выходят за пределы чисто эволюционных вариаций внутри одной и той же группы.

Характерно, что на восточносибирских предметах (№№ 1—4) специфические для данной группы изделий стилевые черты представлены наиболее полно в комплексном, концентрированном виде. Они представляют собой очень выдержанное единообразное целое, без примеси каких-либо резко выделяющихся, чуждых по характеру, стилистических элементов.

В других же изображениях, происходящих из западных районов, черты типические для восточной группы даны только в рассеянном виде и разрозненно, сплошных, неразрывных линий общности признаков в них не видно.

Ясное представление обо всем этом может дать прилагаемая таблица.

Кроме того, к западу от Енисея черты, общие с восточными изображениями, обыкновенно бывают искажены и редуцированы значительно сильнее. Таковы, например, «короны», имеющие вид простых выступов и совершенно непохожие уже на рогатый головной убор, лежащий в их первооснове.

Ушки оказываются не в середине головы и не в нижней части, а на самом верху, около макушки, они, следовательно, в действительности не изображают ушей.

Одновременно здесь появляются совершенно новые детали, не известные на восточносибирских изображениях, в самой основе чуждые их стилю (см. таблицу). Прежде всего это относится к орнаментике, которая целиком отсутствует на восточносибирских, но относительно богато представлена на трех западных изображениях, отмеченных выше, что связывает их с пьяноборским искусством Урала, с замечательными находками в Салехарде на Оби.

На изображении из с. Атамановского, очень близком к восточным, выступ шеи превращается в длинный стержень, снабженный руками, и дисковидная голова оказывается, таким образом, посаженной на туловище. В двух случаях все лицо изображений окаймлено наружными зубчиками, тогда как на восточных наблюдается только полоса рельефных зубцов внизу, изображающая бороду. Различные уклонения от основного типа, наблюдающиеся в антропоморфных изображениях из Восточной Сибири, как уже говорилось выше, вероятно, объясняются естественной эволюцией их формы, последовательной стилизацией в течение длительного времени. Особенности же близких к ним изделий из западных районов объясняются, очевидно, еще и другими причинами.

Рассмотренные выше изображения, сочетающие обычные для востока элементы с новыми, неизвестными на Ангаре и Лене — у Киренска, показывают, что по мере продвижения на запад от Енисея происходила переработка основного, наиболее отчетливо выраженного на востоке типа и заимствованных оттуда образцов в какой-то новой среде, имело место скрещение различных по характеру стилей и художественных приемов, а также, конечно, образов и типов, верований и религиозных представлений. В результате такого скрещения и должны были возникнуть «гибридные» по своему характеру изображения, вроде атамановского, или найденного у Колуяновых юрт.

Многочисленные находки, сделанные в пределах Западной Сибири, действительно, свидетельствуют, что там существовало другое в основе искусство, бытовал иной художественный стиль.

Вслед за А. А. Спицыным об этом вновь писал И. М. Мягков. Касаясь металлических изделий, найденных на горе Кулайке, он справедливо указывал, что «находки подобного типа тяготеют определенно к бассейну р. Оби, за Енисеем мы не находим их совсем».¹

Отличия восточносибирских находок от западных наиболее отчетливо проявляются при сравнении описанных коронованных идолов с встречающимися на западе от Енисея антропоморфными изображениями, особенно если взять последние не в «гибридных», а в чистых образцах.

На западе преобладают изображения целой человеческой фигуры, на востоке же одной только головы. На западе лицо обыкновенно изо-

¹ И. М. Мягков. Находка на горе Кулайке. Труды Томского краевого музея, т. I, 1927, стр. 66.

бражается овальным или заканчивается плоским срезом, на востоке оно широкое и имеет вид диска.

«Головной убор» на западе обыкновенно состоит из особых, вполне самостоятельно трактованных головок зверей или, реже, орнаментальной ленты, заполненной вертикальными линиями. На востоке он имеет вид ветвистой или рогатой короны.

На западе брови и нос бывают обыкновенно изображены в виде одной поперечной прямой линии и спускающейся от нее такой же вертикальной линии. На востоке мы чаще наблюдаем кривые дугообразные брови.

На западе резко сказывается тяготение к орнаментальной трактовке объекта, ажурность, обилие деталей (в частности «ребер», «сердца»); на востоке этого нет совсем.

Стиль западного литья, в общем, более условный и как бы окостенелый. Восточный проще в деталях, в частности, но вместе с тем и реалистичнее в целом.

Рассматривая имеющиеся материалы, можно констатировать далее, что тут имело место взаимодействие не только двух локальных стилей, восточного и западного, а по крайней мере, четырех.

В настоящее время для эпохи наших антропоморфных идолов определяются, вообще, следующие четыре области, где существовало, по видимому, в одних и тех же хронологических рамках различное и самобытное в основе для каждой искусство.

I. Степная область, где обитали кочевые племена, носители культуры скифо-сарматского типа и своеобразного поздне-скифского звериного стиля, распространенного от Ордоса до Венгрии.¹

II. Таежная, к востоку от Енисея (ангаро-ленская), где бытовали описываемые изображения с рогатым головным убором.

III. Таежная, к западу от Енисея, где были широко распространены характерные художественные поделки, образцы плоского ажурного литья.²

IV. Камско-Уральская (Пермская) область, где в классической форме представлен был «чудской» звериный стиль пьяноборского и ломоватовского времени.³

При этом отчетливо проявляется острое различие между искусством степных племен — с одной стороны, лесных — с другой, на что уже указывал А. В. Шмидт.

Вместе с тем обращает на себя внимание и другое обстоятельство. Особые группы изображений в лесной полосе в отличие от памятников искусства степных племен размещаются в очень тесных границах. Так, по данным А. В. Шмидта, одна изучавшаяся им группа изображений имела в своем распространении следующие пределы: лесная область восточных отрогов Урала на севере и на юге от Свердловска, около Тагила на севере и Киштыма на юге. Самое восточное местонахождение их отмечалось у Алапаевска. На ЮВ граница их распространения переходит в лесостепь, но не заходит далее 40—120 км от Свердловска (оз. Адукуль, Маян). На западе границей является

¹ G. Bogovka. Scythian Art. Лондон, 1929. — Der Skythische Tierstil. Jahrbuch d. deutschen Arch. Inst., т. XIII, вып. 3/4. — J. J. Andersson. Der Weg über die Steppen. Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, I, 1929.

² И. М. Мягков. Древности Нарымского края. Труды Томского краевого музея, т. II, 1929. — Он же. Находка на горе Кулайке. Труды Томского Краевого музея, т. I, 1927. — В. Н. Червцов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, IX, М.—Л., 1941, стр. 23—27. — А. М. Tallgren. Sammlungen in Finland. ESA, III.

³ А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сборник Музея антропологии и этнографии, VI, Л., 1927, стр. 125—165.

Уральский хребет. Эйкумена таких изображений, следовательно, охватывает не более, чем 250×100 км.¹

Столь же резко локализируются в определенных границах и наши восточносибирские антропоморфные изображения с коронами: область их распространения в основном совпадает с сравнительно ограниченным по площади участком Ангаро-Ленского междуречья.

Своеобразие местных вариантов и узкая локализация отдельных очагов искусства лесных племен находят свое объяснение, с одной стороны, в их прочной связи с определенной территорией и, с другой — в разобщенности лесными пространствами, изолировавшими одну группу племен от другой.

Значительное же сходство образцов искусства различных степных племен, рассеянных на колоссальных степных территориях от Венгрии до Северного Китая, в значительной мере объясняется условиями их быта: подвижным образом жизни, постоянными, иногда огромными по масштабу, передвижениями и тесными взаимными связями степных племен.

Тем не менее, лесные племена, хотя и не в такой степени, как степняки, все же общались друг с другом. Это нашло свое отражение в уже отмечавшейся «гибридной», скрещенной, форме некоторых изображений (напр., найденного у с. Атамановского, у Колуяновых юрт и других). Очень интересна с этой стороны также антропоморфная фигурка с р. Чаи в Нарымском Крае, по всем чертам типичная для предметов из группы ажурного литья, но обладающая превосходно выраженной особенностью восточных идолов — дугообразными ушками (рис. 1).

Отмеченные факты очень важны, так как они не только свидетельствуют о культурных связях, но и позволяют приблизиться к более точной датировке многих случайных находок, в том числе и наших «коронованных идолов».

Самые крайние в западном направлении пункты, где встречаются изображения, сходные с восточными, расположены в северно-западной Сибири, в бассейне Оби и в связывающей его с бассейном Енисея долине Кети.

В этих местах, особенно в Нарымском крае, широко распространены ажурные художественные изделия местного стиля. С запада же, из Камско-Уральских районов, сюда проникают многочисленные изделия пьяноборского и ломоватовского типа.

Именно в этих областях издавна происходило интенсивное скрещивание местной аборигенной, повидимому, культуры с культурами лесного Запада и таежного Востока. Кроме того, сюда достигало и влияние степных кочевых племен, как об этом наглядно свидетельствуют находки на жертвенном месте у д. Кулайка.

Исключительно интересны также и находки, сделанные южнее, около д. Ишимки, б. Ачинского уезда, на левой стороне р. Чулыма. Здесь на таком же древнем жертвенном месте, как у д. Кулайки, вместе с ажурными вещами были найдены китайские бронзовые зеркала ханьского времени,² проникшие сюда, несомненно, через посредство гуннских племен, а также вещи, происходящие из степных областей, например, пряжки с изображением хищника, повидимому барса,³ и, наконец, различные, типично пьяноборские, бронзовые изделия.⁴

¹ A. W. Schmidt. Einige Motive der prähistorischen Kunst Transuraliens, II, *Artibus Asiae*, XXXII, 1929, стр. 234.

² А. Ермолаев. Ишимская коллекция, табл. III, 2, 6, 7, 9, 11.

³ Там же, табл. V, 2; табл. IV, 4.

⁴ Там же, табл. IV, 1—3, 5—15; табл. V, 1, 3; табл. VI, 1—6, 8—10; табл. VIII. О датировке этих находок см.: В. А. Городцов. Подчеремский клад. СА, № 2, 1937, стр. 126—127, 140—141.

В число изделий, наиболее близких к пьяноборским по стилю, но местных по происхождению, входит и отмеченное выше антропоморфное изображение из «Ишимского клада», сочетающее, вместе с пьяноборскими, черты, близкие к восточносибирским идолам с рогатым головным убором.

Кулайские находки датируются И. М. Мягковым также пьяноборским временем.

Приведенные примеры наглядно показывают, что восточносибирские изделия находят себе место среди других хорошо датированных вещей из западной Сибири.

Естественно, поэтому, сделать общий вывод о хронологической близости сходных по стилю западных и восточных изделий в пределах пьяноборского времени и, отчасти, ломоватовского.

Вполне вероятно также, что некоторые ангаро-ленские, восточные, изображения не только близки по времени к находкам на горе Кулайке и около деревни Ишимки, но и определенно старше последних. От том, что самые древние восточные изображения могут восходить к довольно раннему времени можно заключить хотя бы по частичному совпадению с идолами из клада у д. Сапоговой. Сапоговские идолы имеют совершенно так же трактованную бороду в виде каймы из рельефных треугольников, обращенных вершиной ко рту.¹

Особого внимания в связи с вопросом о датировке ангаро-ленских изображений заслуживает также и сходство их со скифскими навершиями III — II в. до н. э. Самая необычная деталь ангаро-ленских изображений — ветвистая или стилизованная корона — тоже не может служить препятствием для датировки их относительно ранним временем, а наоборот, подтверждает ее.

В кургане № 2 у ст. Шипово была, например, найдена металлическая диадема с выступом-развилкой вверху.²

К несколько более позднему времени восходит замечательная варварская корона Новочеркасского клада, прототипы которой, однако, следует искать в предшествующее время. В древних корейских могилах ханьского времени также найдены драгоценные золотые короны в виде обручей с размещенными по сторонам их ветвистыми стержнями — «рогами» и «крыльями» внутри.³

В наличии самого характерного для нашей группы изображений элемента — короны, следовательно, нет ничего странного, и признаком более поздней даты, чем время около начала н. э., она служить не может.

После всего сказанного ясно, что считать поздними тунгусскими, чуть ли не XVIII — XIX вв., все эти изделия нельзя. А. А. Спицын указывал, правда, на находку такого изображения в старой тунгусской

¹ В. Толмачев. Древности Восточного Урала. ЗУОЛЕ, т. 2, 1913. А. В. Шмидт датирует эти сапоговские фигуры временем около IV—II вв. до н. э. — A. Schmidt. Einige Motive der prähistorischen Kunst Transuraliens, II.

² Т. М. Миняева. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo. ESA, IV, Хельсинки, 1929, стр. 195—196, рис. 2.

³ Ogawa Keikichi. Ryo-san fufu-zuka to sono ibutsu. Могила мужа и жены в Ryo-san и сохранившиеся в ней вещи. Special report of the Service of Antiquities. Chosen. 1927—1928, т. I — таблицы и т. II — текст. — Kosaku Hamada and Sueji Umehara. A Royal Tomb «Kinkan-Tsuka» or the Gold Crown tomb at Keishu and its Treasures. Special reports of the Service of Antiquities Chosen, 1924—1927. — C. Hentze. Schamanenkronen zur Han-Zeit in Korea. Ostasiatische Zeitschrift, 1933, тетр. 5, стр. 156—163. Ближайшую аналогию древним коронам из Кореи представляют, однако, не кетские, как думает С. Hentze, а маньчжурские шаманские короны с изображениями мирового дерева и птицы (ср., например, облачение маньчжурского шамана, хранящееся в Музее антропологии и этнографии АН СССР, колл. II—197, 2327—1).

юрте. Но вывода о позднем возрасте его он отсюда не делал и поступал правильно. Известно, каким почитанием у всех сибирских племен пользуются случайно найденные старинные вещи, в особенности же те, которые так или иначе могли быть связаны с религией, с шаманским культом. По технике, стилю и характеру эти изображения, в свою очередь, совершенно несходны с образцами искусства сибирских племен нашего времени. Напротив, как показано выше, они входят в группу древних изделий, обнаруживающих ближайшее отношение к образцам искусства лесных племен около начала н. э.

Тем интереснее не только стилистические, но и сюжетные особенности, отличающие ангаро-ленские изделия от образцов искусства других областей.

Для степного искусства этого времени изображения человека вообще не типичны. Его обычными сюжетами являются сцены борьбы зверей или изображения животных в геральдическом противопоставлении друг другу.

Не типичны они и для Камско-Уральской области, где преобладают птицевидные идолы, нередко с человеческим лицом на груди, а если и встречаются антропоморфные идолы, то с резко выраженными и самостоятельными зооморфными деталями, например, в виде целых головок лосей.

В северо-западной Сибири на первом плане стоят характерно трактованные ажурные изображения диких животных, в первую очередь лосей — сохатых, а также птиц.

Только к востоку от Енисея человек является единственным, пока, известным нам сюжетом на древних металлических изображениях.

Но человек этот не простой, не рядовой смертный, на что указывает его оригинальный головной убор — рогатая корона. Изучая находки в Корее, С. Hentze в отмеченной выше работе высказал смелую догадку, что золотые короны из могил ханьского времени принадлежали не князьям, а жрецам-шаманам. В качестве близкой параллели к ним он привел обычные для сибирских шаманов головные уборы в виде короны, с ветвистыми рогами, конкретно — корону кетского шамана. Если такое предположение весьма вероятно для корон из Кореи, то тем больше оснований имеется для того, чтобы считать настоящими головными уборами шаманов «короны» ангаро-ленских изображений.

Наиболее отчетливо устройство короны выражено в нижне-илимском изображении. Здесь она в основных чертах очень близка современным шаманским коронам эвенков, бурят и многих других народностей Сибири, завершенным железными рогами, похожими на рога изюбра.¹ Отличие ее, так же как и древних корейских корон, от современных заключается, повидимому, только в том, что рога, схваченные вверху поперечным поясом, торчали вертикально от самого лба. Современные же короны шаманов представляют собой шапку, на вершине которой торчат рога. Зато изображение, найденное около Невона, по общей своей шлемовидной форме, а также по наличию рогов на верхушке, наиболее близко напоминает именно современные шаманские короны.

Ангаро-ленские дисковидные фигуры изображают, следовательно, шаманов и являются «шаманскими изображениями» в буквальном смысле этого слова.

¹ У тунгусов (эвенков) отмечают, например, два вида шаманских костюмов — птица и изюбр. Костюм, изображающий изюбра, делали из его шкуры, шапка имела рога, сначала натуральные, потом из железа. Подвески символизировали «скелет» изюбра. — С. М. Широкогоров. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Ученые записки Историко-филологического факультета. Владивосток, 1919, стр. 33.

В этом отношении они вовсе не являются исключением, а, наоборот, находят ближайшую аналогию в многочисленных наскальных изображениях таежных районов на той же территории к востоку от Енисея, в центре которых часто стоят шаманы в своих рогатых головных уборах и характерном культовом облачении.¹ И это понятно. В прошлом у лесных племен Сибири шаманы занимали исключительное положение как посредники между миром духов и людьми, как обладатели могущественной власти и защитники своего рода. От их деятельности зависело не только благополучие, но и само существование лесных людей.

Согласно бурятским легендам, в древности шаманы руководили даже политической жизнью родов и племен, возглавляли боевые дружины и лично участвовали в войнах. Так было и у других племен.

Мифы енисейцев (кетов) полны рассказов о делах древних шаманов, в особенности же величайшего из них — Doh'a, играющего в их эпосе роль культурного героя.

В. И. Анучин сообщает, что енисейцы рассказывали ему, будто Doh создал самую землю, научил людей высекать огонь из камня. Ему приписывается создание енисейского обычного права, правил философской и житейской мудрости. Во всех случаях, когда речь заходит о них, шаманы неизменно ссылаются на авторитет Doh'a.

«Тон Doh даскэнсiһа! — Так Doh говорил».² Великий шаман Doh не только культурный герой, но и защитник своего народа. На шаманских нагрудниках его изображают поднявшимся до солнца и обзирающим землю, что он делал при жизни на земле, оберегая кетов от их врагов. В случае нападения вражеских сил он руководил войском. Рассказывают, что однажды сражение длилось целый день и вечером на одну руку Doh'a светило солнце, а на другую месяц.³

Но и теперь великий шаман продолжает заботиться о кетах. Когда с севера приближаются покрытые «черной тучей, как медвежьей шкурой» злые духи, он поражает их громом и молнией.⁴ Учитывая характер оригинального головного убора древних антропоморфных изображений из бронзы и фигур на писаницах, с одной стороны, и особое значение шаманов в религии и жизни лесных племен — с другой, следует таким образом признать, что они являются изображениями именно этих обожествленных шаманов — предков, вождей, культурных героев и могучих защитников своего рода.

Это могли быть, притом, изображения даже не конкретного земного шамана, а его духовного или небесного двойника, который часто мыслится в зооморфном или наполовину зверином облике, в виде человека с рогами оленя или лося, или просто зверя. Таковы «иньэкыыл», т. е. «мать-звери» якутских шаманов, «хавоки» тунгусских шаманов.

¹ Н. Н. Агапитов. Прибайкальские древности. Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, т. XII, № 4—5, 1881, Иркутск, 1882. — А. В. Адрианов. Писаницы на р. Мане. ЗРАО, IX, рис. 11, 19. — А. П. Окладников. Археология и древняя история Якутии. КСИИМК, IX, 1941, стр. 77, рис. 10. Не исключено, что шаманским является также изображение человека в головном уборе с «тремя лучами» на одном из скальных рисунков Тургайской области, опубликованном В. А. Городцовым. Этот головной убор, всего вероятнее, означает корону, но не в виде рогов оленя, а из перьев, как на шапках монгольских, алтайских и карагасских шаманов. В. А. Городцов справедливо сравнивает описываемую фигуру с «чуждскими образками», в том числе с невоинским идиолом. См.: В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской области. Тр. ГИМ, вып. 1, М., 1926, стр. 47—48, рис. 8, 10—16.

² В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. II, вып. 2, 1914, стр. 7—8, 14.

³ Там же, стр. 40—41.

⁴ Там же, стр. 8.

Но, впрочем, шаман и сам, надевая рогатую корону, превращается в такое полузооморфное существо сверхъестественного порядка.

Нельзя поэтому пройти мимо некоторых характерных деталей бронзовых шаманских изображений и, прежде всего, черенка с ушками, указывающих на способ употребления, на их функции и вместе с тем отличающих их от бронзовых изделий, типичных для Обского района.

Ажурные фигурки из северо-западной Сибири отливались целыми сериями и специально служили для каких-то культово-магических действий. На Иртыше, например, были найдены изображения волков, спины которых оказались намеренно переломанными.¹

Совсем другим было назначение восточных антропоморфных фигур. Они выделывались тщательно и не для одного какого-либо обрядового акта, а на долгий срок. Их, повидимому, носили прикрепленными на древках, ушки же были предназначены для закрепления каких-то свешивающихся вниз принадлежностей, судя по замечательному изображению из труда Страленберга, — бубенчиков и погремушек.

Подобных изделий в остальных таежных районах Сибири вообще нет. Ангаро-ленские антропоморфные изображения, увенчанные рогатыми коронами и снабженные черенком и ушками для бубенчиков, находят ближайшую аналогию не в образцах литейного искусства соседних лесных районов северо-западной Сибири, а, как уже было сказано выше, в так называемых скифских навершиях.

Как известно, такие навершия обыкновенно сопровождали погребения в курганах скифского периода в Причерноморье, начиная с самого раннего времени. Их находят группами, чаще всего по четыре, но встречаются и одиночные навершия. Они имеют обычно форму полых прорезных бубенцов с металлическими шариками внутри, увенчанных изображениями птиц или животных.²

Совершенно такие же, но меньшие по размеру, навершия встречаются и в сибирских степных памятниках скифского времени. На них обыкновенно бывает изображен горный козел и реже олень.³

Замечательные навершия этой эпохи, близкие по типу к сибирским, встречаются также дальше на востоке, в степных областях Ордоса и соседних с ним районах Монголии. Они представляют собой, обыкновенно, скульптурные фигуры горных козлов, иногда парных.⁴

Наиболее сходны с ангаро-ленскими идолами навершия, найденные в скифском Александропольском кургане (первой половины III в. до н. э.). Птицы на «трезубце» из этого кургана держат в клювах изящные колокольчики, а штандарт с грифоном, заключенным в четырехугольную рамку, имеет внизу колечки с двумя крупными бубенчиками. Любопытно также, что некоторые из подобных изделий Александропольского кургана совершенно сходны с ветвистыми стержнями корейских корон ханьской эпохи и точно также покрыты шумящими подвесками-кружками.⁵

В южнорусских степях встречаются также плоские, как наши восточно-сибирские, навершия с ажурной фигурой реального или фанта-

¹ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, IX, 1941, стр. 26.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 331, 335, 441. Его же. Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914, стр. 511.

³ См., например: В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3, стр. 126.

⁴ G. J. Andersson. Hunting Magic in the Animal Style. Bulletin of the Museum of Far-Eastern Antiquities, № 4, 1932, рис. 2. — Он же. Selected Ordos Bronzes. Там же, № 5, 1935, табл. X, XI, XII, XV.

⁵ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 2. Древности скифо-сарматские, СПб., 1889, стр. 92—94, рис. 75, 76, 78, 79; Древности Геродотовой Скифии, стр. 1—25, табл. I—XV. — М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 428—432.

стического зверя. Плоские навершия такого рода сменяют собою более древние в виде бубенчиков, увенчанных фигурой птиц или животного.¹

Позднее, в эллинистическое время, навершия вообще исчезают. Их нет совсем, например, в кубанских погребениях от II в. до н. э. по II в. н. э.²

Нам не известны все посредствующие территориальные звенья, которые могли бы связать степные памятники юга с таежными. Но общая картина ясна: в степях от Ордоса до Черного моря обитали племена, имевшие сходный бытовой уклад и находившиеся в связи друг с другом. Выражением общности их культуры и доказательством межплеменных связей для степных племен скифо-сарматской эпохи являются, в частности, навершия, прототипы которых, в свою очередь, известны на Древнем Востоке. Навершия же лесной полосы Сибири являются своеобразным ответвлением последних на севере и возникли одновременно с ними, под прямым влиянием скифской степи, всего вероятнее в III — II в. до н. э.

Как предполагает Ростовцев, древки с навершиями из скифских курганов служили основой для погребального катафалка, некоторые же навершия, особенно богатые и монументальные, по его мнению, могли служить увенчанием особых знамен или хоругвей, обвешанных колокольцами, может быть также шнурами и кистями.³

Знаменами считал скифские навершия также и Лаппо-Данилевский, ссылавшийся на засвидетельствованный Аррианом факт употребления римлянами знамен, заимствованных ими от скифов.

Лаппо-Данилевский полагал, что скифские знамена-хоругви имели священное религиозное значение, а «присутствие их в гробнице царской, — по его словам, — также вполне естественно. Царь, как верховный предводитель войска, хоронился со своими знаменами».⁴ От скифских знамен, вероятно, происходят и зооморфные знамена древних тюрков, увенчанные золотой головой волка, легенда о происхождении которых гласила, что Ашина, легендарный предок тугю, «над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головой — в воспоминание своего происхождения» (от волчицы).⁵

В один ряд с римскими значками, скифскими навершиями и тюркскими знаменами мы должны, очевидно, поставить, по их назначению, и таежные антропоморфные изображения в рогатых коронах.⁶

Об этом свидетельствуют имеющиеся на них черенки для насаживания на древко и ушки, на которых висели, вероятно, бубенчики или украшения, закреплявшиеся при посредстве ремешков (последние были найдены, например, в углах втулок Краснокутского кургана).⁷ Что касается значения всех этих знамен, то в данном случае можно с полным правом вспомнить слова Н. Я. Марра, который писал, что суще-

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 432.

² Там же, стр. 577.

³ Там же, стр. 330—331.

⁴ А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. ЗОРСА. т. IV. 1887, стр. 446.

⁵ Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, отд. VI, стр. 257.

⁶ Эту мысль по отношению к двум имевшимся в то время в Иркутском музее изображениям (№ II и № III) впервые высказал в 1912 г. М. П. Овчинников. По его словам, оба изображения принадлежат к памятникам бронзовой культуры тайги и служили военными знаменами, причем их носили «впереди войска, подобно нашим хоругвям». — М. П. Овчинников. Оюн кэрэкэн Мохсоху (Якутское предание). Сибирский Архив, 1912, № 3, стр. 198.

⁷ А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности, стр. 446.

ствует связь между знаменами (штандартом, военным значком) и тотемическими идеями. По указанию Н. Я. Марра: «Тотем, — позднее „бог“, всегда „знамение“, „сбраз“, „знак“». ¹

Как скифские навершия-штандарты, так и наши таежные антропоморфные идолы были, очевидно, именно такими «тотемными знаками», отличительными эмблемами родовых объединений, как выражается Н. Я. Марр, «межплеменно и интернационально признанными знаменами».

Вместе с тем, как реальные образы тотема и носители его могущественной силы они служили «знаками охраны от неведомых сил и защиты прав владения». ² С таким именно значением бытовали знаменатуги у древних монголов.

По данным Б. Я. Владимирцева, «старинное монгольское слово сулдэ значит собственно «душа, одна из душ»; сулдэ великого человека становится гением — хранителем своего рода, племени, народа. Сулдэ является гением войска, воплощаясь в знамя — туг, почему слово сулдэ и туг бывают синонимами, подобно тому как у римлян *genius* и *signum*». ³ Этим объясняется то выдающееся значение в общественно-политической жизни и, в частности, на войне, какое у древних монголов имело знамя, пользовавшееся величайшим религиозным почитанием и окруженное страхом.

Аналогичное значение должны были иметь знамена в виде золотой волчьей головы — тотема у предшественников монголов, древних тюрков, и, следовательно, у других народов, предшествовавших им, вплоть до тех племен, от которых остались в степях монументальные курганы скифской эпохи.

Так же, конечно, обстояло дело и в тайге, с той разницей, что знамена имели здесь антропоморфную, а не звериную форму и были увенчаны рогатой короной, означая, тем самым, образы могучих шаманов, героев и защитников своего рода-племени, будучи их вещественным воплощением.

В настоящее время у сибирских племен уже не сохранилось подобных знамен-штандартов. Но нельзя не обратить внимания на своеобразную религиозно-культурную роль шаманских жезлов, в особенности же у кетов, о которых уже говорилось выше в связи с почитанием великого шамана Doh'a.

Шаманский жезл у кетов имеет вид стержня с перекладинами и трезубцем сверху. Он символизирует мировое дерево и бывает «украшен» изображениями птиц, а также колокольчиками. Иногда же загнутым вверх концом перекладины придается вид человеческой головы. По смерти шамана жезл разрушается, перекладины его становятся талисманами, а верхняя часть поступает в распоряжение старшего в роде, который делает из нее флюгер для своей большой лодки.

Значение флюгера было настолько велико, что, несмотря на требования миссионеров, кеты, во всем остальном покорные требованиям светских и духовных властей, упорно и даже демонстративно отстаи-

¹ Н. Я. Марр. Язык и письмо, стр. 16. — Он же. Происхождение терминов «книга» и «письмо» в освещении яфетической теории. «Книга о книге», Л., 1927, стр. 81.

² Н. Я. Марр. Происхождение терминов «книга» и «письмо» в освещении яфетической теории. «Книга о книге», Л., 1927, стр. 81. — Ср.: В. В. Гольмстен. Из области культа древней Сибири (предварительные соображения). ИГАИМК, вып. 100, М.—Л., 1933, стр. 100—123.

³ Б. Я. Владимирцев. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Сборник «Северная Монголия», II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1927, стр. 23, примеч. 2.

вали свои флюгера: «На русской церкви крест, — говорили они, — а на мачте енисейца шаманский жезл».¹

Шаманский жезл пользовался таким почитанием, несомненно, потому, что он был носителем духовной силы шамана — чудотворца и защитника своего рода, т. е. имел такое значение в жизни рода, как сулдэ-туг, у древних монголов. И не случайно, очевидно, он был снабжен колокольчиками, как древние наверхия, а также имел изображение человеческих лиц. В отмеченных внешних особенностях шаманских жезлов енисейцев-кетов проявляются, быть может, последние черты конкретного сходства с древними штандартами, увенчанными рогой шаманской личиной и снабженными звенящими подвесками.

По внутреннему же смыслу и назначению жезлы-флюгера кетских шаманов и теперь еще совершенно идентичны с монгольскими знаменами-сулдэ, со скифскими штандартами и наверхиями древних лесных племен заенисейской тайги, в которых можно видеть древнейшую и поистине исходную форму знамени как такового.

Тотемные штандарты у кочевых племен в дальнейшем превратились, повидимому, в настоящие знамена-туги, а у лесных жителей стали шаманскими «жезлами» или совсем исчезли. Интересно, однако, что изображения шаманских двойников так наз. «хавоки», в виде металлических антропоморфных «масок», еще сохраняются до нашего времени, например, у эвенков.

Изложенные данные значительно расширяют имеющиеся скудные сведения о жизни и культуре населения восточносибирской тайги в наиболее темный период его исторического прошлого — между энеолитом и моментом первого появления русских. Из них вытекают три общих исторических вывода, три существенных положения. Становится очевидной, во-первых, глубокая древность шаманизма, т. е. наличие в глубоком прошлом шаманов, шаманистических верований и культа в достаточно определенных и очень близких к современным формам.

Этим подкрепляются наблюдения над более древними, энеолитическими памятниками, среди которых имеются захоронения шаманов и шаманок. Вместе с тем, следует признать, что А. А. Спицын и некоторые другие исследователи, напр. Д. Н. Анучин, предполагавшие глубокую древность сибирского шаманизма, были в основном правы.²

Бесспорно далее, что уже две тысячи лет с лишком тому назад у лесных племен Сибири важную роль в религии имели изображения мужских антропоморфных существ, всего вероятнее шаманов-предков.³

Это интересно в связи с тем, что русские в XVII в. застали у эвенков, например, отцовский род в совершенно развитом и зрелом состоянии, а зачатки его прослеживаются еще в конце каменного века в глазковской стадии, т. е. во втором тысячелетии до н. э.

¹ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 60—65, рис. 59—64.

² Вполне вероятно, что и далеко к западу от Енисея в древности существовало шаманство, сходное с сибирским. Изображение шамана или шаманки в рогатом головном уборе имеется на известном сосуде, найденном в 1901 г. на северо-западном берегу оз. Ильменя. Не исключено, что вопреки мнению Тальгрена об их переднеазиатских корнях, знаменитые галичские идолы со своими своеобразными головными уборами имеют аналогичный шаманский характер и автохтонное происхождение — от неолитических изображений. См.: А. А. Спицын. Галичский клад. ЗОРСА, т. V, вып. I. — А. М. Tallgren. The Copper Idols from Galich and their Relatives. «Studia orientalia fennica», I, стр. 192, рис. 26. — Он же. Zur Genealogie der permischen bronzenen Idolen. Suomen Museo, XXXV, 1928 (Ср. ESA, II, 1928).

³ По словам А. В. Шмидта, сапоговские идолы также изображают мужчин в позах ритуальной пляски (Schmidt. Einige Motive, II, 8, 16).

В памятниках поздней бронзы и раннего железа мы обнаруживаем, таким образом, еще одно и вполне определенное связующее звено между двумя столь отдаленными друг от друга этапами.

Наконец, для времени около начала нашей эры констатируются не только самобытные черты лесной культуры, но и разнообразные связи ее носителей как с соседними племенами западносибирских лесов, так и с населением степных областей Азии.

Историческая обстановка того времени была очень своеобразной. Это было время, когда на колоссальных степных территориях распространялась единообразная в основе культура скифо-сарматского типа, сочетавшая с аборигенными чертами влияния Передней Азии и греко-римского мира. В свою очередь, и в культуре таежных племен на аборигенной основе отложились следы прямого воздействия скифской степи, взаимодействия с ее обитателями-кочевниками.

Нельзя, следовательно, преувеличивать первобытность и примитивность лесных племен. Их культура, действительно, во многом очень архаична, но в целом вовсе не так первобытна, как можно было бы подумать, доверившись первым впечатлениям и традиционным представлениям об историческом прошлом населения тайги.

На самом деле за плечами лесных племен лежит, хотя и забытая, но длительная и богатая событиями история.

М. В. ТАЛИЦКИЙ

КЕРАМИКА ПРОТОПОПОВСКОГО ГОРОДИЩА

Александр Андреевич Спицын справедливо указывал на высокий научный интерес городищ Дьякова типа.¹ Призывая исследователей к изучению этих городищ, он наметил основные проблемы дальнейшей работы, среди которых важное место занимает точное выяснение хронологии памятников и отношение их к более ранним эпохам. Позднейшие исследования, в особенности в послереволюционные годы, значительно продвинули вперед многие из поставленных Александром Андреевичем вопросов, в том числе и вопрос о хронологии.

Но после того, как была выяснена общая датировка городищ, назрела необходимость расчленить материал по более дробным ком

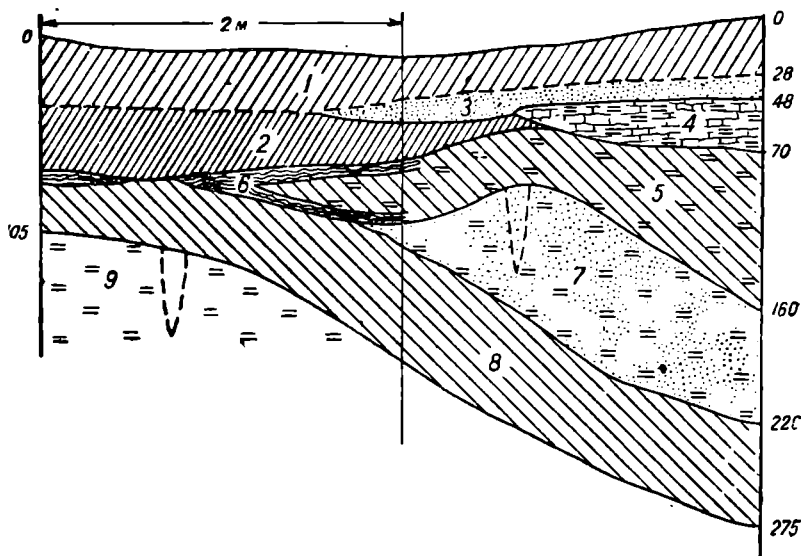

Рис. 1. Последовательность слоев Протопоповского городища.

1 — серый культурный слой; 2 — серый культурный слой с золой; 3 — зола; 4 — прожженная глина комками; 5 — глинистый культурный слой (много угля); 6 — сгнившее дерево; 7 — очень плотный суглинок; 8 — культурный слой (много угля); 9 — желтая глина.

плексам. В особенности важно было проделать эту работу для керамического материала, поскольку он представляет главную массу находок всякого поселения. Датированные типы керамики дали бы возможность установить время того или иного комплекса, не прибегая к помощи металлических и костяных вещей, встречающихся на горо-

¹ А. А. Спицын. Городища Дьякова типа. ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1933, стр. 114.

дишах Дьякова типа сравнительно не часто. Датировка по керамике в особенности важна была бы на таких памятниках, где встречено большое количество остатков жилищ. При многослойности памятника и большом количестве жилищ не может быть уверенности, что эти последние существовали одновременно. Поэтому разбивка керамического материала на последовательные хронологические комплексы имеет особо важное значение для изучения городищ Дьякова типа.

При обследовании, проведенном мной в Коломенском районе Московской области в сентябре 1936 г., на одном из памятников района были встречены весьма благоприятные условия для выделения нескольких керамических комплексов, разновременность которых устанавливалась очень точно.

Речь идет о городище в с. Протопопове, расположенном на левом берегу р. Оки близ г. Коломны. Несмотря на незначительную величину заложенного здесь раскопа (4 × 2 м), он дал чрезвычайно интересный керамический материал. Сложная стратиграфия в раскопе оказалась связанной с несколькими горизонтами полов жилищ. Благодаря этому была возможность четко выделить отдельные комплексы керамики.

На рис. 1 показан разрез северной стенки раскопа. Из рисунка ясно видно, что слой (8) соответствует древнему полу землянки. По краю этой жилой ямы обнаружены следы ряда вбитых толстых кольев, наличие которых связано, вероятно, с кровлей. На профиле разрез одного из них спроецирован на стенку. На дне землянки и за ее пределами отложился культурный слой, глубиной в среднем 50 см с большим содержанием угля. Затем жилище было, видимо, подновлено на более узкой площади засыпкой дна слоем суглинка (7), в настоящее время настолько плотно слежавшегося или утоптанного еще в древности, что он с большим трудом пробивался ломом. По гребню этой насыпки также обнаружены следы сгнивших кольев. На новом полу землянки снова отложился культурный слой также с большим количеством угля и жженых косточек. Со стороны периферии ямы он подостлан и перекрыт рыхлой прослойкой коричневатого цвета, видимо, являющейся следами сгнившего дерева. Непосредственно на слое (5) лежит пласт прожженной глины, распавшийся на отдельные комья. Он занимал в раскопе северо-восточный угол. Над ним и на уровне его в остальной части участка залегал слой чистой рыхлой золы. На другом участке на этом же уровне — более плотный культурный слой, но также с большой примесью золы. Наконец, все это перекрыто нивелирующим слоем. Верхние горизонты золы довольно трудно было отделить от верхнего слоя, так как и первый и последний были увлажнены и приобрели благодаря этому темный цвет и большую плотность, в то время как нижний горизонт зольного слоя имел светлую окраску и очень рыхлую структуру.

В слое (8) собрано большое количество керамики. Особенно много ее было в зольном слое и сравнительно мало в 1, 2 и 5.

Керамика слоя (1) очень разнообразна. Так как на городище находится кладбище, то материал из нижних слоев попадал в этот верхний слой при копании могил. Кроме того, сюда же попала часть материала из 3 зольного слоя при раскопках. В результате в слое (1) сравнительно небольшой процент поздне-дьяковской керамики. Разобранная по сосудам керамика этого слоя дает такой состав (см. табл. I).

Кроме этих типов из верхнего слоя имеется один сосуд курганного типа (рис. 2, 13), а также четыре сосуда, попавших сюда, вероятно:

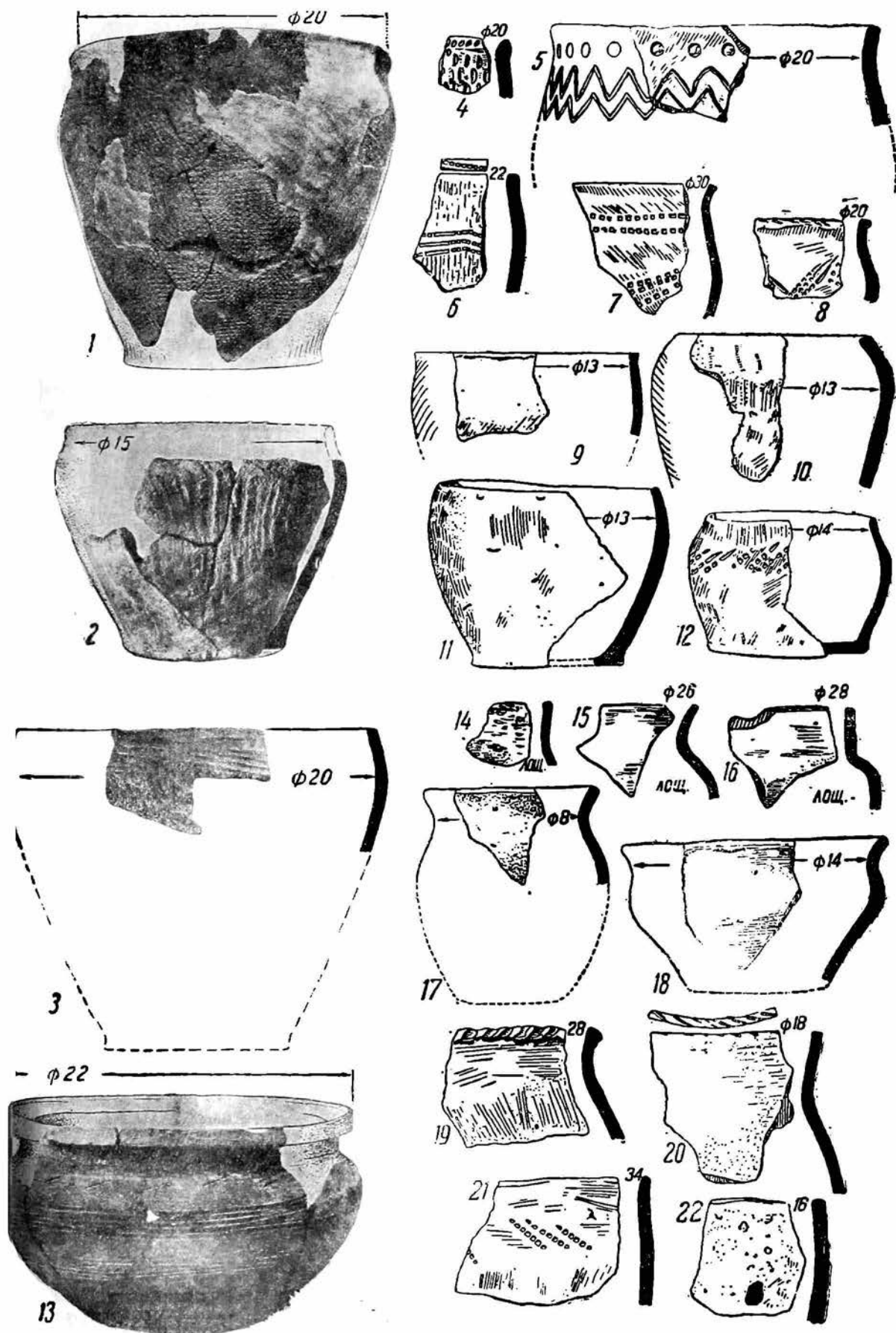

Рис. 2. Керамика Протопоповского городища.

1, 2, 11, 12 — из зачистки обнажения; из слоя, связанного с нижним (8-м); 3—10 — из нижнего (8-го) слоя; 13, 16, 22 — из верхнего (1-го) слоя; 14, 15, 17—21 — подъемный материал.

при копании могил из нижнего слоя. Поздние формы 1 и 2 представлены, таким образом, незначительным количеством сосудов. Типы 3 и 4 вполне соответствуют керамике зольного слоя (3). В последнем отсутствуют лишь лощеные сосуды этого профиля. Таблица составлена по венчикам сосудов, так как стенки не дают представления о форме. Но не лишне привести по ним цифры количества обломков: 11—круговой ранней керамики курганного типа, 60—гладких поздне-дьяковской, 10—лощенных, 71—с отпечатками ткани.

Материал слоя 2 за его незначительностью я не привожу.

Если в верхнем слое состав керамики довольно разнообразен, то зольный слой (3) дает совершенно иную картину (см. табл. II). Формы сосудов здесь поразительно стандартны, так как представлены почти исключительно сосудами с отогнутыми наружу шейками (рис. 3).

Типы ткани на отпечатках не связаны с определенными формами сосудов, но все же можно отметить, что только на сосудах из 3 и 1 слоя встречаются отпечатки ткани с широко расставленными нитями. Ткань (?), дающая отпечатки параллельно идущих нитей на сосуде обычно снизу вверх и несколько наискось, встречена только в верхнем слое.

Слой 5 содержал сравнительно небольшое количество керамики, по которой нельзя провести статистической обработки. Здесь можно выделить по венчикам 6 сосудов. Пять сосудов имеют профиль первого типа из нижнего слоя. На четырех из них имеются отпечатки плотной ткани из толстых нитей. На одном их нет, но возможно, что ниже на стенке сосуда они также были. На некоторых обломках по венчику имеются неясные насечки. Диаметр четырех сосудов—24—40 см и одного—14 см. Шестой сосуд—диаметром 40 см с прямой шейкой. На некоторых обломках от стенок есть ямочный (плоская ямка) орнамент и гребенчатый, а также заглаживание гребенчатым ножом. По составу глины, по присутствию гребенчатого заглаживания, поверхность керамики этого слоя как будто мало отличается от нижнего слоя. Здесь лишь больше сосудов с отпечатком ткани.

Сосуды из нижнего (8) слоя можно свести к следующим типам (табл. III).

Четыре сосуда из числа включенных в эту сводку (рис. 2, 1, 2, 11, 12) найдены при зачистке обнажения в слое, стратиграфически увязываемым с нижним слоем. Керамика 8-го слоя может быть разделена на два типа, очень близкие один к другому. Это банки с выпуклыми стенками. У первого типа шейка лишь немного более отогнута наружу. Из 24 сосудов два имеют отпечатки ткани. На одном они очень неясные, на другом (рис. 2, 1)—это отпечатки очень плотной, значительно более тонкой ткани, чем на всех других сосудах из верхних слоев. Керамика в целом характеризуется применением гребенчатого ножа для заглаживания поверхности сосуда и для нанесения орнамента и примешиванием к глине, наряду с дресвой, большого количества песка.

Таким образом, мы имеем керамические комплексы, лежащие один над другим. Два из них выделяются очень ясно. Промежуточный и поздний менее ясны, но не следует упускать из вида, что это зависит от местной особенности стратиграфии.

Особенно существенным результатом является возможность с большей или меньшей точностью датировать выделенные формы.

Для керамики нижнего слоя в литературе почти нет сравнительного материала, полученного с дьяковских городищ. Лишь В. А. Городцовым в описании керамики Старшего Каширского городища упоминается, что «наблюдаются узоры в виде зигзаговых линий, нанесен-

ных зубчатым чеканом, резных линий, иногда располагаемых в ромб. . .»

Среди незначительного количества керамического материала с Каширского городища, хранящегося в Историческом музее (около 20 обломков), действительно имеется несколько обломков с гребенча-

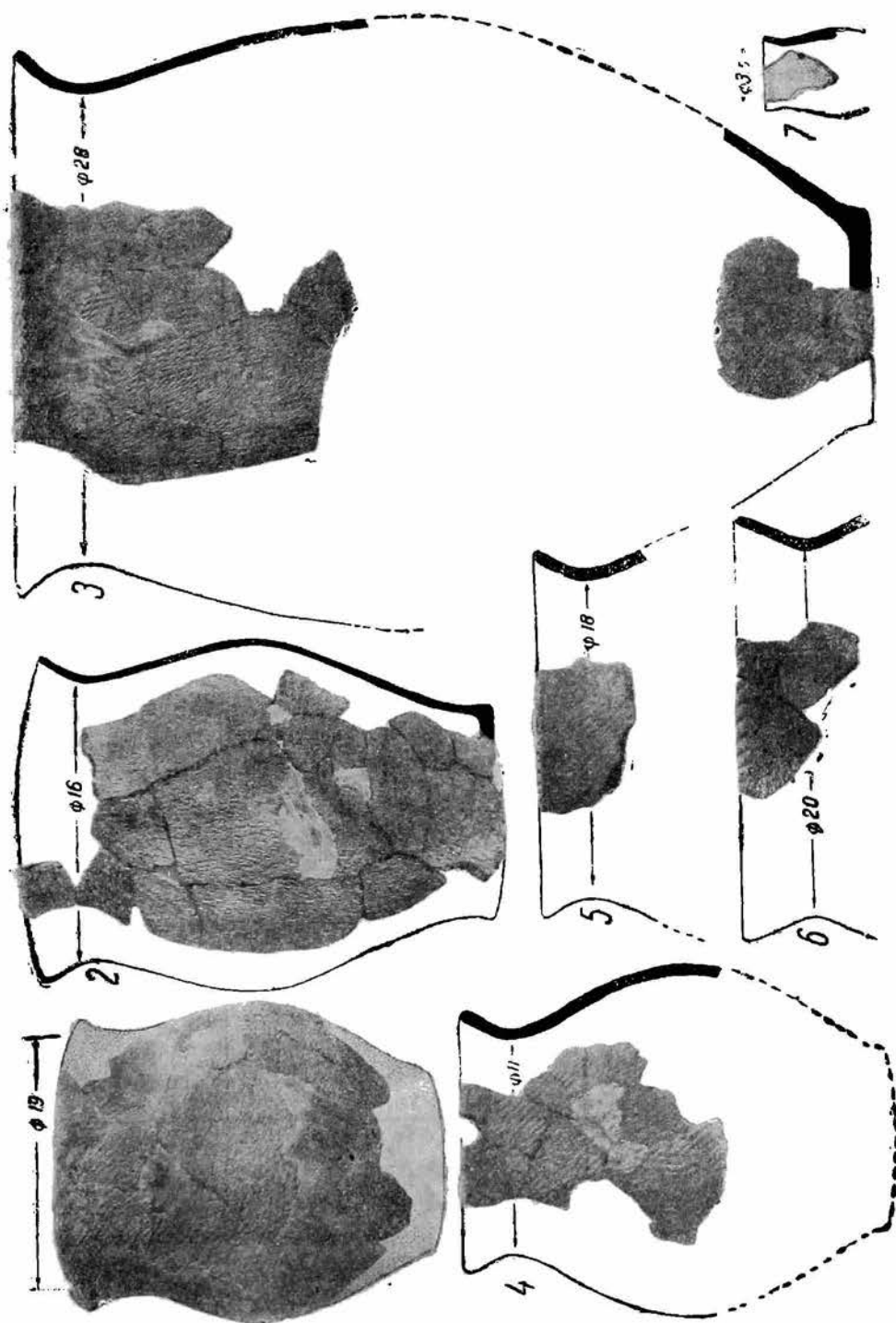

Рис. 3. Керамика Протопоповского городища.
1—7 — из золыного (3-го) слоя.

тым заглаживанием и орнаментами, близкими к сосудам нижнего слоя нашего городища, но детальных сведений относительно их залегания в слое нет.

Керамика нижнего слоя стоит в наиболее тесной связи с сосудами окских стоянок поздняяковского типа. Сравнение ее с керамикой стоянки

Керамика 1-го слоя

Форма	Диаметр в см	Количество сосудов с отпечатками ткани		Количество сосудов без отпечатков	Количество лощенных сосудов	Орнамент
		с верев. ¹ отпечатком	с отпечатками			
Баночная с почти прямыми стенками	Меньше 10 16	1 с верев. ¹ отпечатком	1	1	—	—
Баночная с немного отогнутым краем	около 15	1 с верев. ¹ отпечатком	—	—	—	—
С отогнутым прямым венчиком (рис. 3, б)	14—18 20—30	4 1	1 1	—	3	Один из них с косою насечкой по краю.
С отогнутым округлым венчиком (рис. 3, 1—5)	9—20 9—20 ок. 30	— — 1	— — —	4 — —	— 2 1	2 с насечкой по краю —

Таблица II

Керамика 3-го слоя

Форма	Диаметр	Количество сосудов с отпечатками ткани		Количество сосудов без отпечатков	Орнамент
		с отпечатками	с отпечатками		
Отогнутый прямой венчик (рис. 3, б)	18—20 20	3 2	—	—	Все с косою насечкой по краям
Отогнутый округлый венчик (рис. 3, 1—5)	4 ? 11 16—19 20—30 30—40	— — 1 2 4 2	— — — — — —	1 1 — — — —	Без орнамента

Таблица III

Керамика 8-го слоя

Форма	Диаметр	Количество сосудов с заглаживанием поверхности		Количество сосудов с отпечатками ткани	Орнамент
		гребенчатым ножом	Тряпкой		
С немного отогнутой шейкой (рис. 2, 5, 8)	10—20 26—40	4 8	3 2	1 —	Гребенчатый и линейный орнамент углами и треугольниками. Насечка по краю, линейная или гребенчатая
Баночная с выпуклыми стенками (рис. 2, 9, 11)	12—20	5	—	1	На одном насечка по краю

¹ Отпечатки довольно толстых крученых веревок, идущие параллельно один другому в диагональном направлении. Промежутки между отпечатками иногда доходят до 1 см.

Малый Бор, раскопанной О. Н. Бадером, проведенное в Музее антропологии, убедило меня в полной преемственности первой от последней во всех элементах. Та и другая керамика имеет аналогичный тип сетки. Так же, как и на протопоповских сосудах, сетка заглажена гребенчатым ножом, частично до плечиков сосудов или полностью по всей поверхности. Композиция орнамента нередко совершенно аналогична. Наиболее обычным сочетанием элементов орнамента малоборской керамики является ломаная линия под рядом ямок с плоским дном, почти в точности повторяющая узор сосуда, изображенного на рис. 2, 5 (с той лишь разницей, что на керамике стоянки обычно имеется только один ряд ломаной линии). Нередким узором являются такие же ломаные линии из гребенчатого штампа. Лишь профили сосудов несколько отличаются от городищенской керамики. Сосуды со стоянки обычно более выпуклы, а венчики более отогнуты.

Более далекое сходство находим также в немного более древней, чем Малый Бор, Липкинской¹ стоянке и вообще в стоянках срубного типа.

Непосредственная связь керамики нижнего слоя городища с малоборским керамическим комплексом показывает, что первая представляет наиболее древние слои городищ, вероятнее всего соответствующие древнейшему вещевому комплексу Каширского городища, т. е. VII—VI вв. до н. э.

Еще убедительнее датируется 3-й слой. Как мы видели из описания керамики зольного и верхнего слоев, форма большей части лощеных сосудов совпадает с формами сетчатой из 1-го и 3-го слоев, на одном из лощеных сосудов найдены даже заглаженные отпечатки ткани (рис. 2, 14).

Сравнительно небольшой процент лощеных сосудов позволяет предполагать, что они, будучи сосудами какого-то специального назначения, существовали, по крайней мере частично, одновременно с подобными же формами сетчатой и заглаженной керамики. В основном же сосуды типа рис. 3, видимо, непосредственно предшествуют лощеной керамике.

На аналогичность лощеной керамики сосудам из курганов у д. Шаньково, Почепок и Дубровка на р. Пополоте, раскопанных Н. И. Булычевым,² уже давно обратил внимание В. А. Городцов. Такая же керамика им была обнаружена на Троице-Пеленицком³ и Огубском⁴ городищах. Интересно, что в упомянутых курганах она также сопровождается нелощеными сосудами аналогичных форм. В. А. Городцов датирует упомянутые курганы и Мощинский клад с подобными же вещами временем не позднее IV в н. э., связывая вещи с готами. Более общепринятой датировкой является V век. Если керамика, сопутствующая этим вещам, датируется IV, V, возможно даже VI вв., то указанные типы 3-го слоя, т. е. те же формы с сильно отогнутой шейкой и отпечатками ткани (рис. 3), следует датировать ближайшим предшествующим временем, т. е. первыми веками н. э. Частично такая керамика, вероятно, существовала и одновременно с лощеной.

Баночные сосуды позднейяковского типа и такие же формы с отпечатками ткани, оставляющей следы в виде веревок, обнаруженные в верхнем слое Протопоповского городища, очевидно

¹ А. В. Збрујева. Der Wohnplatz von Lipki im Gouv. Vladimir. ESA, IV.

² Н. И. Булычев. Журнал раскопок на водоразделах Волги и Днепра. М., 1899.

³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмента в 1926 г. Рязань, 1930.

⁴ О н ж е. Огубское городище. Труды ГИМ, вып. I, М., 1926.

можно считать более поздними и трудно согласиться с В. А. Городцовым, что лощеные сосуды дают наиболее позднюю дату существования городищ.

Правда, поздних сосудов в верхнем слое очень мало, но, как уже выше сказано, это является следствием местных особенностей стратиграфии. Подъемный же материал дал 1/5 часть поздних форм (рис. 2, 19, 20 и др.).

М. К. КАРГЕР

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КИЕВА

I

Вопрос о том, когда и кем был основан Киев, дебатировался в русской исторической науке с первых дней ее существования. Глубокий интерес к этому вопросу понятен. Проблема возникновения Киева — неотделимая составная часть древнейшей истории русского государства. «Предание о трех братьях Кие, Щеке и Хориве, — писал Д. И. Иловайский,¹ — есть ничто иное, как попытка ответить на вопрос: откуда пошло Русское государство».

Историки XVIII — нач. XIX вв. в решении этой проблемы могли опираться исключительно на легендарный рассказ о трех братьях — основателях Киева, занесенный в древнейший летописный свод. На необходимость серьезного отношения к легендарным рассказам русских летописей об основателях городов обращал внимание еще незабвенный М. В. Ломоносов. «Владетели и здатели городов в пределах Российских, — писал он почти два века тому назад, — известны по Нестору в Полянах Кий, Щёк и Хорев; Славян новгородских по летописцу Славен и Рус. И хотя в оном летописце с начала много есть известий невероятных, однако же его откинуть невозможно».²

Комментирование этого рассказа вело старых историков к весьма несхожим, часто взаимно исключаящим выводам.

В. Н. Татищев недоверчиво относился к историческому содержанию легенды о трех братьях. Самое имя — Киев, или Кивы (что значит — горы) он считал сарматским.³

М. Щербатов находил имена братьев-основателей арабскими и персидскими и почему-то на этом основании считал, что Киев построен не славянами, а гуннами;⁴ ему решительно возражал Н. М. Карамзин, остроумно отметив, что «гунны разрушали города, а не строили их и говорили без сомнения не арабским и не персидским языком».⁵

Рейнегс⁶ утверждал, что Киев основан готами, ибо имя его есть финико-арабское и значит «место любимое, радостное».

И. Н. Болтин признавал строителей Киева аварами, утверждал, что Киев — слово венгерское и значит — веселый. Так же толковал Бол-

¹ Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. Изд. 2-е. М., 1882—1886, стр. 52 и 65.

² М. В. Ломоносов. Краткий Российский летописец с родословием. 1760, § 6.

³ В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен. Кн. II. М., 1773, стр. 354—355.

⁴ М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1794, стр. 116—121.

⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского, I, примеч. 71.

⁶ Reineggs. Beschreibung des Kaukasus, II, стр. 200.

тин и имена других братьев Кия и его сестры. Хорив, по его мнению, — венгерское слово — Горог, что значит кривой, Щек (Сег) — кормило, а Лебедь — (Лебегс) — трепетание. Итак Кий, Щек и Хорив и Лебедь были, по Болтину, авары и говорили одним языком с венграми.

Байер, принимая сказание о трех братьях за историческое, отождествлял нашего Кия с готским королем Книве, воевавшим в Панонии с римским императором Децием.

Наконец, Г. Ф. Миллер, не находя в византийских летописях никаких известий о походе Кия на Царьград, пытался примирить летописный рассказ с византийскими летописями, считая, что Кий служил в войсках тех гуннов, которые при Феодосии II разорвали Империю.

Все эти представители докарамзинского периода нашей историографии в своих толкованиях летописной легенды, столь не сходных между собой, сходились почти все лишь в одном: они не хотели верить летописному рассказу в том, что Кий с братьями были не гунны, и не готы, и не авары, а славяне. Решительно возражал против этих толкований Н. М. Карамзин. «Не видим мы нужды, — писал он, — отвергать сказание Нестора, который приписывает строение Киева славянским полянам. Имена древние не всегда могут быть изъяснены языком новейшим, из чего не следует, что они произошли от иного языка». ¹ «Что-нибудь одно, — говорил Н. М. Карамзин, возражая Байеру, — или верить в сем случае Нестору, или не верить; если верить, то Кий был славянский князь, а не готский». ² Возражал Карамзин и против того, что, «оставив достоверного Нестора», некоторые историки склонны были больше доверять автору Киевского Синописа, выписанного по большей части из польских историков — Длугоша, Стрыйковского и др. ³ Стрыйковский, утверждавший, что Киев был основан в 430 г. по Р. Х., еще Шлецером ⁴ был назван за это бессовестным.

Местное народное предание о Киеве, занесенное в XI в. в летописные своды, наряду с церковной легендой о путешествии ап. Андрея, предрекавшей и закреплявшей великое политическое и церковное значение Киева в истории древнерусского государства, свидетельствовали о том, что в эпоху, когда обе эти легенды были литературно оформлены, Киеву принадлежала виднейшая роль в политической жизни страны.

Но голос народного предания говорил и о большем. Легенда закрепляла мысль о том, что Киев был славным городом задолго до того времени, когда он во второй половине X в. стал признанной столицей Руси. Может быть, эта мысль и составляет наиболее реальную историческую основу древней народной легенды.

II

В 1850—1852 гг. Копенгагенское королевское общество северных антиквариев, при материальном содействии русского правительства, издало два тома «Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves». В этих двух фолиантах были опубликованы целиком и в отрывках скандинавские и исландские саги, имеющие отношение к русской истории, а также отрывки из скандинавских и исландских песен.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, I, примеч. 71.

² Там же, т. I, прим. 71. Мы не останавливаемся на неоднократных более поздних попытках связать возникновение Киева с скандинавами, венграми, литовцами, аланами, хазарами и даже финнами. См. об этом: Г Ильинский, *Защита* Константина Багрянородного. Юбилейный збірник на пошану М. С. Грушевського, II, Київ, 1928, стр. 166—167 и А. И. Ляшенко. Киев и *Защита* у Константина Багрянородного. ДАН СССР, 1930, № 4, стр. 66—72.

³ Там же, т. I, примеч. 71.

⁴ А. Шлецер. Нестор, т. I. СПб., 1809, стр. 184.

Северный фольклор еще задолго до этого привлекал внимание исследователей древней русской истории, начиная с историков XVIII в. — Байера и Миллера.

В 30-х гг. XIX в., после статьи О. Сенковского,¹ посвященной скандинавским сагам, имеющим отношение к русской истории и в частности Эймундовой саге, скандинавский фольклор вошел в состав источников русской историографии. Правда, о значении памятников северного фольклора в качестве исторического источника высказывались различные взгляды. Если упомянутый Сенковский доказывал важное историческое значение саг, то член Археографической комиссии Беренников, в докладе по поводу ходатайства Копенгагенского общества северных антиквариетов об оказании пособия на упомянутое издание, высказался крайне скептически об историческом значении саг. Ссылаясь на авторитет Шлецера, Лейбница, Ире, Гебгарда, Каченовского, Беренников писал: «Саги, которые будут заключаться в этом издании, пользуются в ученом мире весьма сомнительным авторитетом. Как основанные исключительно на поэтических преданиях грубых Скандинавов, саги не могут достоверным образом развить нашу древнюю историю, потому что, во-первых, сущность саг решительно баснословна, во-вторых, они не применяются ни к какой хронологии; в-третьих, хотя некоторые исторические очерки и имена, упоминаемые в наших летописях, изредка встречаются в сагах, но это вовсе ничего не прибавляет к тому, что уже известно из наших хроник, или по сомнительному происхождению и характеру саг не может исторически утвердить или пояснить никакого факта, даже и в тех случаях, когда саги разнятся с нашими летописями, или говорят о том, чего нет в них; и в-четвертых, саги... суть позднейшего происхождения».²

Как правильно было указано Н. П. Дашкевичем, скептики, развенчавшие саги как исторический источник, «не обращали должного внимания на то, что в таких памятниках, как саги, можно искать особой вероятности, относясь к ним, как к памятникам поэтическим, можно требовать правды внутренней и находить верные отдельные подробности».³

Мы позволили себе с несколько излишними, может быть, подробностями остановиться на вопросе о роли скандинавского эпоса как источника древнерусской истории, — потому что в связи именно с этим источником возникло вскоре после выхода в свет копенгагенских фолиантов и в известной мере продолжает жить до наших дней печальное заблуждение в вопросе о древнейших судьбах Киева.

В числе других памятников, опубликованных в «Antiquités Russes», была известная «Hervarasaga». В этой саге выступает Hlödr, внебрачный сын короля Гейдрека, который царствовал в Рейдготии (Reidhgotaland), простиравшейся до Harvad-hafjöll (хорватских, или карпатских гор), а столицей имел Danpstadir (Днепровский город). По смерти Гейдрека Hlödr требует от его сына и преемника, чтобы тот отдал ему половину страны, а именно «половину того великого леса, что зовется Myrkvidhr (темный лес), ту святую могилу, что лежит на пути, ту чудную скалу в Днепровских местах, половину замков, что имел Гейдрек». В предисловии к саге издатели отметили, между прочим,

¹ О. Сенковский. Скандинавские саги. «Библиотека для чтения», т. I, Отд. III, стр. 1—77.

² Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840 гг., вып. I, СПб., 1885, стр. 205—207.

³ Н. П. Дашкевич. Приднепровье по некоторым памятникам древне-северной литературы. Унив. изв., Киев, 1886, № 11, стр. 224.

следующее: «Имя Danpstadir, которое появляется также в Atlakvida, как название места, расположенного в царстве Atla, царя гуннов, и которое Я. Гримм (Deutsche Mythologie, стр. 1211) остроумно сопоставил с Tanfa, Tanfana, может также напомнить название Danparis или Днепр». ¹

А. А. Куник, приняв это толкование, высказал предположение, что за время странствования готов к Понту «Днепровский город некоторое время был столицей Готского королевства». ² Это мнение было повторено А. Н. Пыпиным ³ и несколько подробнее развито вновь А. А. Куником в заметке «Русский источник о походе 1043 года», помещенной в «Каспии» Дорна. ⁴ В этой заметке А. А. Куник, между прочим, писал: «По словам этой саги, во времена гуннов, Danpstadir, Danparstadis, Danprstadir (= от Danaper, Днепровский град, Киев?) был главным городом (höfudborg) Reidhgotaland'a или Gotinjôdh'a. ». Брун, ссылаясь на это место у Куника, писал: «Днепровский город занимал вероятно то место, где затем был построен Киев». ⁵

Известно, что «Hervarasaga» — сказание довольно позднего происхождения, датируется в основном XII—XIII в., хотя имеет различные варианты, более древние и более поздние части. Время ее возникновения неизвестно, но поздний характер ее не вызывал сомнений. ⁶

Попытка найти те же названия в более древних скандинавских источниках была сделана известным знатоком древнесеверного фольклора, исландцем Г. Вигфуссоном. ⁷ Вигфуссон, изучая место действия эддической Hamdis-mal, обратил внимание на один не совсем понятный стих этой песни, которую он считает одной из древнейших песен Эдды. Стих этот читался обычно так: «Holl sá þeir Gotha oc hlíd — skialfar djúra». ⁸ Последнее слово («глубокий») Вигфуссон считал ошибкой переписчика. Исправляя это слово по аналогии с другими песнями Эдды, Вигфуссон ставит вместо djúra — Danpar. При этом исправлении текст получает такой смысл: «Они увидели палату готов и скаты берегов Днепра».

В древней песне об Аттиле (Atla-Kvida) действительно встречается подобное же выражение — Danpar: «. . . Днепровские места, знаменитый лес, который мужи зовут Темной дубравой» («. . . stadi Danpar, hris pat id maega, es meðr Myrkvid kalla»). ⁹

В песне о Hlod и Angantheow также говорится, что Heidric'у принадлежали: «тот знаменитый лес, который зовется Темной дубравой, та священная могила, которая стоит в земле готов, та знаменитая скала, которая стоит в Днепровских местах». ¹⁰

Дальнейшее толкование исправленного стиха Hamdis-mal приводит к тому, что в этой песне — одной из древнейших песен Эдды, — идет речь о столице готов в каком-то месте Восточной Европы над «Danpar», который естественно отождествить с «Danper» Иордана, т. е. с позднейшим Днепром.

¹ Antiquités Russes, т. I, Копенгаген, 1850, стр. 112.

² Mélanges russes tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, т. IV, кн. 5 (1869), стр. 520.

³ Вестник Европы, 1875, № 11, стр. 127.

⁴ Стр. 55.

⁵ Черноморье, ч. II, Одесса, 1880, стр. 289.

⁶ См. в частности: М. Грушевский, Исторія України-Руси. I. Киев, 1913, стр. 149.

⁷ G. Vigfusson. Sigfred-Arminius and other papers. Grimm Centenary. Оксфорд, Лондон, 1886.

⁸ Corpus poeticum boreale, т. I, Оксфорд, 1833.

⁹ Там же, I, стр. 45.

¹⁰ Там же, I, стр. 350.

Отыскивая место на берегу Днепра, которое могло быть ареной действия героев Hamdis-mal, Вигфуссон считает, что Danparstadir — древний центральный город на Днепре — безусловно Киев. Здесь гора, занимаемая Лаврой, могла быть издавна знаменитым и священным местом погребения. На ней могла быть расположена столица Гиферика и Эрманарика. Здесь берег возвышается над рекой террасами — настоящими «hlid-skialfar». Этот город — один из пунктов Европы, который самым своим расположением был как бы предопределен стать центром исторического тяготения. Особое положение делало Киев удобным торговым рынком, святилищем, крепостью. В особенности он годился, по мнению Вигфуссона, быть центром таких конгломератов царств, как тот, которым правил Эрманарик. Здесь в Киеве Вигфуссон видит центральный пункт готской империи и столицу Эрманарика. В состав этой первой тевтонской империи входили, по мнению Вигфуссона, чудь (эсты и др.), славяне, скифы и готы. Этот второй Александр правил над черноземной полосой России, начиная от песчаных, усеянных озерами, берегов Балтийского моря до дельт Черноморья и от Карпат до восточных степей. Средоточием этой империи по Вигфуссону было среднее течение Днепра и Киев.

По мнению Вигфуссона, Hamdis-mal представляет лишь отголосок той готской поэзии, которая была вызвана подвигами Эрманарика, но достаточно и того, что уцелело, чтобы понять, что вдохновенный поэт — автор песни — находился не вне «палат готов» в Днепровском городе. Знакомясь с этой поэмой, по мнению Вигфуссона, можно представить себе великолепие, пышность обстановки и силу власти готского василевса на Днепре.¹

Может быть, не было бы необходимости столь подробно останавливаться на концепции Вигфуссона и его русских предшественников — умеренных представителей «готской теории», если бы призрак мифического Danparstadir в различных модификациях не появлялся вновь и вновь в трудах русских и украинских ученых до самого недавнего времени, хотя обстоятельной критике теория Вигфуссона подвергалась вскоре после выхода его труда.

Скептическое отношение ко всем основным положениям Вигфуссона высказал проф. Киевского университета Н. П. Дашкевич в рецензии на книгу Вигфуссона, напечатанную в том же 1886 г.²

Н. П. Дашкевич прежде всего справедливо не находил возможным согласиться с тем возвеличением Эрманарика, к которому вслед за некоторыми древними историками, сравнивавшими Эрманарика с Александром Великим, пришел Вигфуссон. Дашкевич указывал, что уже Вильгельм Гримм признавал баснословным повествование Иордана об Эрманарике. Многие немецкие историки также отмечали значительные преувеличения в сказаниях об обширной державе Эрманарика и признавали в рассказе Иордана отголосок поэтической саги, героем которой был Эрманарик. Небывалое могущество, приписываемое Эрманарику, и самый перечень народов, подвластных Эрманарику, уже давно вызывали сомнения у критически настроенных историков, в том числе и немецких. Во всяком случае, подтвердить историческими фактами приурочение столицы Эрманарика к Днепру трудно. Более того, невозможно решить даже и более общий вопрос — было ли вообще Среднее Поднепровье в числе обширных пространств, принадлежавших Эрманарику.

Обращаясь к вопросу о достоверности предания о «Днепровском городе», сохранившегося в эддических песнях, Н. П. Дашкевич указы-

¹ G. Vigfusson, ук. соч.

² Н. П. Дашкевич. Приднепровье по некоторым памятникам древне-северной литературы. Унив. изв., Киев, 1886, № 11, стр. 220—241.

вал, что песня о Hlod и Angantheow, заключающая самое подробное упоминание, говорящая и о «священной могиле» и о «знаменитой скале», должна быть сразу устранена из доказательств древности предания о «Днепровском городе», потому что заимствована, по мнению самого Вигфуссона, из «Hervarasaga» не раньше XI в.

Остаются, следовательно, два упоминания — о Днепровском нагорном берегу и о «Днепровских местах». Но из них одно (в Hamdis-mal), как мы помним, взято из другой песни по догадке. Весь стих, в который оно введено, испорчен и является результатом остроумных реконструкций исследователя. Таким образом, вполне бесспорным остается лишь упоминание «Днепровских мест» в песни об Аттиле (Atla-kvida).

Но самое главное возражение Н. П. Дашкевича состояло не в этом. Считая, что рассматриваемые песни в том виде, как они дошли до нас, — не старше IX в., Дашкевич выдвигал мысль, не следует ли считать упоминания о Днепре и Днепровском городе в песнях Эдды позднейшей локализацией столицы Эрманарика, которая могла произойти под влиянием рассказов скандинавов, бывавших в этом городе в IX и следующих веках, ходивших по пути «из Варяг в Греки», или слышавших тогда о Киеве.

Все сказанное приводило Дашкевича к выводу, что в словах Эдды о Днепровском городе едва ли возможно признать отголосок древнейшего предания об Эрманарике, восходящего ко времени этого последнего.

Отрезвляющая критика Дашкевича, однако, не парализовала распространение теории Вигфуссона. Если, как говорит древняя поговорка, — книги имеют свою судьбу, — то не менее интересную судьбу, оказывается, имеют и рецензии на книги. обстоятельная рецензия Дашкевича, изложившая все основное содержание книги, против которой она была направлена, послужила больше к пропаганде идей Вигфуссона, чем к их опровержению. В течение десятков лет приверженцы теории Днепровской столицы готовы ссылаются не столько на подлинный малодоступный труд Вигфуссона, сколько на рецензию Дашкевича, причем нередко считают последнего проводником и сторонником этой теории.

Так, автор капитального сводного труда об исторической топографии Киева Н. И. Петров, ссылаясь на Дашкевича, писал: «Самый Киев в это время принадлежал готам, а затем гуннам и в IV в. был центром Готской империи и столицей Эрманарика».¹

В. Б. Антонович² не только полностью следовал за Вигфуссоном, считая Киев столицей готов, но и утверждал, что соображения Вигфуссона были проверены проф. Дашкевичем, который нашел, что его предположение очень вероятно. Со своей стороны, Антонович пытался подтвердить факт существования готского Киева археологической документацией, привлекая для этого два клада римских монет III — IV вв. н. э., найденных на Подоле и на Печерске.

Со ссылкой на Вигфуссона и Н. П. Дашкевича признавал существование готской столицы на Днепре и Ю. Кулаковский,³ полагавший, что Киев существовал еще во времена Птолемея и значится на карте последнего под именем Метрополь. Когда готы тронулись на юг к пределам Римской империи, под их напором исчезли с лица земли старые

¹ Н. И. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, стр. 3.

² В. Антонович. Публичные лекции по геологии и истории Киева. Киев, 1897, стр. 36—37.

³ Ю. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899, стр. 31. Н. Закревский (Описание Киева. М., 1868², т. I, стр. 6) считал, что Птолемею Азагерим, слышавший у окрестных жителей под именем Загорья, был нечто иное, как Киев.

культурные центры Тира, Ольвия, Танаис, но «среди этого переворота уцелел, повидимому, и даже, может быть, был призван к новой жизни Метрополь — Киев», который и выступает при готах, как *Danprag-stadir* — столица Эрманарика.

Признавали существование днепровской готской столицы на территории Киева Ф. Браун,¹ В. С. Иконников,² С. Рожнецкий,³ А. Погодин,⁴ И. Стеллецкий.⁵ К. Шероцкий, автор солидного научного путеводителя по Киеву, напечатанного в 1917 г., не только поддержал теорию Вигфуссона, но и считал, что она «подтверждается археологическими данными».⁶

Итак, если изучение древнерусской народной легенды об основателях Киева привело к признанию наиболее реальной исторической основы этой легенды в том, что она в поэтической форме закрепляла мысль о славном прошлом великого города, задолго до того времени, как он стал признанной столицей Руси, то изучение северных легенд о «Днепровском городе», наоборот, приводит к выводу о перенесении на мнимую готскую столицу Эрманарика черт более позднего исторически-реального русского Киева.

Общей для обоих источников особенностью является, однако, легендарный поэтический характер их. Забывая об этом и превращая русскую легенду или северные песни в исторические документы, в собственном, узком смысле этого слова, исследователи нередко обольщали себя иллюзорной исторической реальностью тех фактов, которые на самом деле имели подлинную ценность лишь как поэтический образ, требующий специфических средств раскрытия.

III

История Киева, как и история других крупнейших городов древней Руси, уходит своими корнями в далекое историческое прошлое нашей Родины.

Когда в середине XI в. и особенно в начале XII в. в Киеве, как и в ряде других крупных городов, появляется регулярное летописание, составители древнерусских летописей, естественно, пожелали внести в свои своды сведения о тех периодах истории своего города, которые уже и для них были более или менее далеким историческим прошлым. Осмысляя это далекое прошлое пересказом народных легенд и сказаний, летописцы надолго обеспечили последующей историографии легендарный туман, скрывающий первые страницы истории города, сквозь который лишь с большим трудом удастся проследить отдельные исторические события и их участников.

Изучение древнейшего периода истории Киева, периода вовсе не отраженного собственной письменностью и весьма мало и сомнительно письменностью других народов, возможно лишь при условии максимального внимания к источникам, отмеченным — в противоположность тем, о которых шла речь выше — наибольшей исторической реальностью, к источникам археологическим.

¹ Ф. Браун. Разыскания в области гого-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V в. СПб., 1899, стр. 8.

² В. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. I. Киев, 1908, стр. 116—117.

³ С. Рожнецкий. Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе. Изв. ОРЯС, 1911, т. XVI, кн. 1, стр. 72.

⁴ А. Погодин. Киевский Вышгород и Гардарики. Изв. ОРЯС, 1914, т. XIX, кн. 1, стр. 31.

⁵ И. Стеллецкий. Летописные варяжские пещеры и клад. Сб. статей в честь Уваровой. М., 1916, стр. 262.

⁶ К. Шероцкий. Киев. Путеводитель. Киев, 1917, стр. 2.

Археологическое изучение Киева началось более 100 лет тому назад. С 20-х гг. XIX в. ежегодно происходили открытия различных памятников, относившихся к различным периодам истории города. Благодаря рано начавшимся археологическим раскопкам — с одной стороны, и интенсивным строительным и планировочным работам — с другой, к началу нашего века было известно уже огромное количество отдельных случайных находок, кладов, погребений, жилищ, развалин древних храмов, дворцов и т. п.

Особое внимание среди этих открытий и находок привлекали многочисленные разнообразные по характеру памятники, начиная с конца X и до середины XIII в.

Древнейшим ядром города, топографически ясно очерченным, считался до недавней поры город Владимира, т. е. город в тех границах, которые сложились лишь к самому концу X в.

Только исследованиями последних лет, позволившими в свете новейших археологических открытий пересмотреть и переоценить многие ранее известные, но неправильно истолкованные факты, удалось в известной мере реконструировать облик Киева VIII—X вв. Несколько одновременно сосуществовавших небольших городищ VIII—X вв. с огромными некрополями возле них, расположенные на территории современного Киева, стянувшиеся лишь позже в один крупный городской центр, были предшественниками города Владимира.¹

Однако историк, изучающий древний Киев в свете археологических источников, не вправе остановиться на достигнутых нижних границах исторической стратиграфии города. Городища VIII—X вв. не были древнейшими поселениями на территории Киева.

Растущие из года в год новые серии источников, нам кажется, делают своевременной попытку реконструировать еще одну стадию в историческом развитии города, значительно более древнюю, чем те городища, о которых была речь выше. Мы говорим о поселениях первых веков н. э., о поселениях римского времени.

Почти сто лет тому назад, в 1841 г., при производстве земляных работ на Александровской улице (против средней части Царского сада) были найдены две серебряные римские монеты Фаустины Младшей (жены имп. М. Аврелия, ум. 175 г.) и императора Коммода (180—192 гг.), т. е. обе II в. н. э.²

Пять лет спустя, в августе 1846 г. при постройке жандармских казарм на Печерске, был найден клад римских монет, состоявший из 80 бронзовых и 2 серебряных монет. Дальнейшая судьба этого клада нам неизвестна. Краткое известие о находке клада опубликовал в 1852 г. Б. В. Кене.³ Однако бронзовые монеты вовсе не привлекли его внимания и только два денария были им кратко описаны. Один из

¹ М. К. Каргер. Дофеодалный период истории Киева по археологическим данным. КСИМК АН СССР, I, 1939, стр. 9—10. — Он же. Погребение киевского дружинника X в. Там же, V, 1940, стр. 79—82. — Он же. Раскопки древнего Киева. Наука и жизнь. Изд. АН СССР, 1940, № 2, стр. 38—40. — Он же. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. КСИМК АН СССР, VI, 1940, стр. 61—67.

² А. Пискарев. Хронологическое обозрение пятидесяти подземных археологических находок в России с 1820 по 1850 г. ЗРАО, 1851, III. Переч. засед. за 1850 г., стр. 85. — Н. Беляшевский. Монетные клады Киевской губ. Киев, 1889, стр. 9. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 41. — В. Ляскоронский. Римські монети, які знайдено на території м. Київ. Український музей, Зб. I, Київ, 1927, стр. 29.

³ Б. В. Кене. Описание европейских монет X, XI и XII вв., найденных в России. ЗРАО, 1852. IV, стр. 3. — См. также: Н. Беляшевский. Монетные клады, стр. 10. — В. Б. Антонович. Арх. карта..., стр. 40. — В. Ляскоронский. Римські монети..., стр. 29.

них относился ко времени Октавиана Августа (44 г. до н. э. — 14 г. н. э.), второй — Септимия Геты (211—212 гг.).

Еще 30 лет спустя, в 1876 г., в Плоской части Киева, являющейся непосредственным продолжением Киево-Подола, в усадьбе Магурина, расположенной вблизи так называемой «Канавы», т. е. нижнего течения Глубочицкого ручья, в районе, носящем название Оболонь (летописное «Болонье») при земляных работах рабочими был найден большой клад, состоявший из 200 с лишним бронзовых монет. Рабочие, нашедшие клад, состоявший из довольно невзрачных на вид бронзовых монет, не обратили на него особого внимания, монеты частью были выброшены, частью разошлись по рукам. Позже из этого большого клада удалось приобрести для Мюнц-кабинета Киевского университета 25 экз. монет, которые были определены и обстоятельно описаны В. Б. Антоновичем в 1878 г.¹ Впоследствии он собрал еще 32 монеты этого клада. Две монеты из того же клада были приобретены киевским коллекционером К. В. Болсуновским.²

Монеты Оболонского клада разделяются на две группы, из которых первую (45 экз.) составляют римские колониальные монеты, чеканенные в Антиохии (в Писидии) во время царствования императоров Филиппа Старшего (244—249 гг.), Траяна Деция (249—251 гг.), Волюзиана (251—254 гг.) и Галлиена (259—268 гг.).³

Вторую группу (14 экз.) составляют немного более поздние монеты — римской средней и малой бронзы, времен императоров Максимиана II Даза (307—313 гг.), Константина Великого (306—323 гг.), Констанция II (323—361 гг.), Проккопия (365—366 гг.).⁴

Таким образом, Оболонский клад состоял, повидимому, из монет, близких между собой как по времени, так и по типам. По составу монет он относится ко второй половине III и первой половине IV в. Все монеты римского чекана, большинство из них принадлежит к разряду римских колониальных монет (колония Антиохия в Писидии).

Еще В. Б. Антонович,⁵ опубликовавший первые сведения о кладе 1876 г., высоко оценил его историческое значение. По его мнению Оболонский клад представляет «древнейшее из известных поныне письменных свидетельств, относящихся к истории города Киева». Основываясь на монетах Оболонского клада, В. Б. Антонович считал, что на месте нынешнего Киево-Подола уже в IV в. существовало поселение, и что торговые сношения этого поселения связывали его жителей по меньшей мере с побережьем Черного моря, может быть и с Византией. Это поселение В. Б. Антонович образно называл — «будущей матерью городов Русских».⁶

В повторной публикации клада В. Б. Антонович, отмечая значительный интерес Оболонского клада для истории города Киева, называл клад «древнейшим датированным вещественным памятником, свиде-

¹ В. Б. Антонович. Описание киевского клада, содержащего римские монеты III и IV столетия. ДТМАО, VII, 1878, стр. 241—244.

² Подробное описание состава клада сделано Н. Ф. Беляшевским. Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889, стр. 26—34. См. также: В. Данилевич. Монетные клады, принадлежащие Мюнц-кабинету университета св. Владимира. Унив. изв., Киев, 1892 и отд. Киев, 1892, стр. 14—17. — В. Б. Антонович. Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом музее Университета св. Владимира, вып. I, Монеты древнего мира. Унив. изв., Киев, 1896 и отд. Киев, 1896, приложение II, стр. 252—256. — В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 29.

³ Н. Беляшевский, ук. соч., стр. 27—32.

⁴ Там же, стр. 32—34.

⁵ В. Б. Антонович. Описание Киевского клада... ДТМАО, VII, 1878, стр. 244.

⁶ Там же, стр. 244.

тельствующим о существовании города и торговых его сношениях в IV ст. по Р. Х.».¹

В 1887 г. около Кирилловского монастыря при закладке фундамента под постройку был вновь найден клад римских монет, содержащий около 350 экз. Однако, когда в 1892 г. остатки этого клада были куплены коллекционером Н. Леопардовым, он состоял уже всего из 25 монет. Впоследствии Леопардов пожертвовал клад в Музей Киевской духовной академии. Судя по описанию монет, попавших в это собрание, в составе клада находились монеты Веспасиана (69—79 гг.) — 1 экз., Домициана (81—96 гг.) — 1 экз., Траяна (98—117 гг.) — 1 экз., Адриана (117—138 гг.) — 1 экз., Сабины (жены имп. Адриана, ум. 136 г.) — 1 экз., Антонина Пия (138—161 гг.) — 4 экз., Фаустины Старшей (жены Антонина Пия, ум. 141 г.) — 2 экз., Марка Аврелия (161—180 гг.) — 7 экз., Люциллы (жены имп. Люция Вера, ум. 183 г.) — 3 экз., Коммода (176—192 гг.) — 4 экз.²

В 90-х годах прошлого столетия при прокладке канализационных труб в городе рабочими были вновь найдены несколько экземпляров бронзовых римских монет; часть из них попала в руки В. В. Хвойки, у которого их видел В. Ляскоронский.³ По словам последнего, среди этих находок были монеты императора Константина Великого (306—323 гг.) и его преемников, а также монеты значительно более раннего времени. Одна из этих монет, найденная на Воздвиженской улице, представляла денарий Корнелии Салонины, жены императора Галлиена (259—268 гг.), с греко-римской надписью. Римские монеты в честь жен императоров известны и по другим находкам на территории Украины, например в Триполье и его окрестностях.⁴

Одна римская монета и бронзовый грубо орнаментированный сосуд, найденные при прокладке канализационных труб в 1890 г., были переданы в Государственный Эрмитаж.⁵

В 1893 г., также при прокладке канализационных труб, были найдены древнегреческие монеты (Faventum) и римская монета императора Филиппа Старшего (отца).⁶ При подобных же работах на Подоле являли монету императора Константина Великого.⁷ На Подоле же при рытье так называемой «Канавы», представляющей расширение известного по древним письменным источникам ручья Глубочица, на берегу которого был открыт в 1876 г. знаменитый Оболонский клад, была найдена римская монета императора Константина Великого.⁸

В том же районе, на участке Кирпичного завода был найден клад, состоявший из 40 экз. римских монет III—IV вв. императоров Гордиана, Валериана и Константина Великого.⁹

Вообще на Подоле в конце XIX в. часто находили отдельные римские монеты, но большая часть их бесследно пропала и не была даже зарегистрирована.

Киевский коллекционер конца XIX в. Н. Леопардов, скупавший у населения случайные находки различных эпох, утверждал, что ему «неодно-

¹ В. Б. Антонович. Описание монет и медалей... Киев. 1896. стр. 252.

² См. Описание монет, пожертвованных Н. Леопардовым в Музей К. Духовной Академии. Первое печатное известие об этом кладе опубликовано В. Г. Ляскоронским. Римські монети..., стр. 29—30.

³ В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 30.

⁴ В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 30.

⁵ Там же. См. также ОАК за 1890 г. СПб. 1892, стр. 136—139.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ В. Б. Антонович. Чтения в Историческом обществе Нестора Летоп. Кн. III стр. 16—17.

кратно были предлагаемы в разное время, разными продавцами римские денарии I—II вв., каждый раз небольшими количествами, даже неочищенные от напыла и осадков ржавчины, с объяснением, что они были найдены на Подоле, или при возделывании огородных грядок или при рытье канав для фундаментов при постройках и пр.»¹

В. Ляскоронский также сообщал о том, что ему несколько раз приходилось видеть серебряные и медные римские монеты, которые доставали ученики гимназии от рабочих землекопов, или же покупали там же на Подоле в маленьких лавчонках, куда эти монеты попадали с территории самого Киева или его окрестностей.²

IV

До недавнего времени было распространено мнение о том, что находки римских монет и особенно кладов связаны исключительно с Киево-Подолом и отчасти с Печерском. Находки римских монет, и тем более кладов, на территории верхнего Киева долгое время были неизвестны.

Однако самый крупный, а может быть и наиболее древний по своему составу клад римских монет, был найден именно на территории верхнего Киева в границах города Ярослава.

Судьба этого клада очень любопытна. Он был найден еще в первой половине 70-х годов прошлого века, т. е. раньше, чем известный Оболонский клад. Но в то время как последний сразу же обратил на себя внимание ученых, был неоднократно подробно описан, Старокиевский клад остался совершенно незамеченным. Печальная история этого клада стала известна в печати спустя более чем полвека после его находки. Историю находки и гибели этого замечательного клада опубликовал в 1927 г. В. Г. Ляскоронский.³

Летом 1874 или 1875 г. во время постройки бань на Сенном базаре, при закладке фундамента, рабочие нашли большой сосуд, имевший вид ведра, наполненный римскими серебряными и медными монетами. Огромный клад весил не менее пуда. Монеты были разного размера: большие — по описанию очевидцев — вроде наших старых пятак, из светлого металла — бронзы, с хорошо сохранившимся изображением головы того или иного императора и легко читавшимися латинскими надписями; другие монеты — серебряные, небольшого размера, подобные нашим 15- или 20-копеечным серебряным монетам, тоже с очень хорошо сохранившимися изображениями и надписями вокруг них.

Рабочие-землекопы быстро разобрали монеты и начали продавать их медникам и серебряных дел мастерам. Часть монет из этого клада попала в руки лавочника, который жил по соседству со строившимися банями и имел тут же небольшую лавчонку. Узнав о находке клада, он поспешил на место работ, осмотрел монеты и купил у рабочих 10 или 15 монет. Осенью того же года к лавочнику зашел возвратившийся с летних вакаций студент-математик IV курса Киевского университета М. Н. Пантелеев. Отпуская товар, лавочник похвастал студенту, любителю старины, своей покупкой и рассказал ему историю находки клада. М. Н. Пантелеев заинтересовался находкой, подробно расспросил об обстоятельствах находки и приобрел у лавочника 4 или 5 серебряных монет из клада. Много лет спустя М. Н. Пантелеев, познакомившись с В. Г. Ляскоронским и узнав о том, что последний интере-

¹ Н. Леопардов. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Серия вторая, вып. 1, Киев, 1893, стр. 28.

² В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 31.

³ Там же, стр. 31—33.

суется монетными находками, рассказал ему историю находки клада на Сенном базаре и показал купленные у лавочника монеты. Выяснилось, что это были римские серебряные денарии II в. н. э. — императоров Антонина Пия, Марка Аврелия и Адриана. Все монеты были из высококачественного серебра и отличной сохранности. Однако печальная история клада не окончилась на этом. В. Г. Ляскоронокий, сделав подробное описание монет, отправил свою заметку в редакцию одной киевской газеты, но печатание ее задержалось из-за болезни редактора, который к довершению всех бед вскоре умер, а статья затерялась в дебрях редакционных портфелей. Черновик статьи также исчез при переезде Ляскоронокского из Киева в Нежин.

Изложенная нами история клада была восстановлена В. Г. Ляскоронокским по памяти в неоднократно цитированной выше статье.

М. Н. Пантелеев рассказывал, что из числа виденных им у лавочника монет ему хорошо запомнились большие медные, или бронзовые: светлого вида монеты, или медальоны, на которых хорошо были видны изображения голов римских императоров с латинскими надписями вокруг. Только одна монета этого замечательного клада дошла до нас, сохраненная дочерью Пантелеева (О. М. Пантелеевой). Монета эта (рис. 1) представляет серебряный римский денарий императора Адриана (117—138 гг.). На Av — голова императора в лавровом венке, вокруг головы надпись: *Imp. Caesar Traian Hadrianus Aug.*, на Rv — сидящая

Рис. 1. Денарий имп. Адриана, найденный в Киеве.

фигура богини Победы (Victoria) со статуей Ники (Победы), с венком в протянутой правой руке; левой рукой богиня опирается на копьё. Около фигуры надпись: *P(ontifex) M(aximus) TR(ibunitia) P(otestate) COS III.* Монета отличной сохранности.

Повидимому, некоторые из монет интересующего нас клада фигурировали на выставке IX Археологического съезда в Вильне в 1893 г. В Каталоге вещей названной выставки после описания двух римских монет, найденных в Киеве в усадьбе Магурина на Подоле (Оболонский клад 1876 г.), указаны еще три бронзовые монеты из клада, найденного весной 1876 г. в усадьбе Догматырского, полученные от г. Пантелеева (монеты еще не определены).¹ В том же Каталоге упомянуты еще 2 римские монеты, найденные в Киеве: серебряная — Антонина Пия (138—161 гг.) и бронзовая — Коммода (180—192 гг.). Место их находки в Каталоге не уточнено.

Второй, не менее замечательный, клад римского времени был найден также в северо-западной части Старого Киева, недалеко от места находки первого клада.²

В 1911 или 1912 г. на купленном гр. Соловьевым участке земли по Некрасовской улице при закладке фундамента нового большого дома (ныне № 16 по Некрасовской ул.) рабочими был найден клад в глиняном сосуде, размер и форму которого выяснить не удалось. Клад не был чисто монетным. Помимо золотых и серебряных монет, в нем находились и какие-то другие древние вещи. Подрядчик, производивший работы, забрал весь клад и вскоре продал золотые монеты, получив

¹ Каталог предметов, выставленных на Археологической выставке во время Археологического съезда в Вильне в 1893 г., прилож., стр. 25. Усадьба Догматырского указана, повидимому, ошибочно. Бани на Сенном базаре стоят напротив усадьбы Догматырского.

² В. Г. Ляскоронокский, ук. соч., стр. 34—38.

за них, как сам он утверждал, большие деньги. Четыре серебряные монеты, соединенные между собой небольшими парными колечками, он отдал в качестве игрушки своему сыну, а тот, разломав колечки, подарил одну (крайнюю) монету своей учительнице Н. Г. Ротмистровой. Последняя видела и всю низку монет, когда они были еще соединены между собой. По словам Ротмистровой, монеты были серебряные, изображения на них отличной сохранности. Одна из этих монет была больше остальных, напоминая старый екатерининский или елизаветинский рубль, две другие были несколько меньшего размера, а четвертая еще меньше, но вместе с тем значительно толще остальных. Соединенные колечками в одну линию, монеты представляли как бы ожерелье, на одном конце которого была наибольшая монета, на другом — наименьшая. По словам Ротмистровой, только на больших монетах были изображены головы римских императоров с надписями вокруг. На самой малой монете было какое-то другое изображение, определить которое она не могла.

Рис. 2. Медальон имп. Люция Вера, найденный в Киеве.

Счастливо сохранившаяся у Н. Г. Ротмистровой самая крупная монета оказалась на самом деле исключительно интересным медальоном времени императора Люция Вера (161—169 гг.) (рис. 2). На Av этого медальона отлично сохранившееся погрудное изображение императора в лавровом венке. Вокруг изображения надпись: L. Verus Aug. Ar. Parth. Max. Tr. P. VIII. На Rv медальона изображена колесница, запряженная четверкой коней, скачущих влево; наездник, управляющий квадригой, имеет на голове круглую шапочку. Над конями летящая фигура крылатой Победы, протягивающая венок к голове наездника. Внизу, под изображением, надпись: COS II, а ниже — SC (senatus consulto). В верхней части медальона, над головой императора, видны следы припайки двух колец, которыми он был связан с другим медальоном. При детальном ознакомлении было выяснено, что медальон не серебряный, а медный, но хорошо высеребрен. Сделан он из двух бляшек, на каждой из которых штампом выбиты изображения, а потом бляшки спаяны вместе.

В нумизматической литературе давно и обстоятельно выяснена двойная роль, которую играли римские медальоны. Это были, с одной стороны, монеты, кратные единицам обычных хотовых монет, с другой — мемориальные медали. Медальоны выбивались обычно в небольшом количестве, по случаю побед, триумфов, больших общественных игр, жертвоприношений и т. п. Выбивали их из золота, серебра или бронзы. Известны медальоны, выбитые в честь знаменитых игрищ в амфитеатрах, в цирках, связанные с императорскими охотами, с импе-

раторскими выездами. Существуют медальоны с новогодними поздравлениями императору от сената и римского народа, медальоны в честь дня рождения императора, или его наследника, в честь вступления на престол и т. п.¹ Надписи на медальонах, а также характер их эмблем дают указания на назначение медальонов. Лицевая сторона медальонов, по словам Шерцля,² посвящалась портретам императоров, императриц или наследников престола (цезарей), тогда как сюжет оборотной стороны заимствовался из мифологии и истории государства, или из частной жизни императора (возница с квадригой, атлет, борьба с диким животным и проч.). В отличие от греческих медальонов, эмиссия которых производилась по наказу местных властей, римские мемориальные медальоны выбивались по распоряжению императора или по инициативе сената; в последнем случае на медальонах (как, в частности, на нашем медальоне) читаются литеры SC (senatus consulto, т. е. по наказу сената). Известно, что медальоны, как и обычные монеты, часто использовали в качестве украшений, вставляя их в перстни, диадемы, носили в составе ожерелий, инкрустировали в стенки посуды и пр.³

В нашу задачу не входит выяснение назначения ожерелья из четырех монет Киевского клада. В. Г. Ляскоронский высказывал предположение, что оно служило украшением войскового значка римских легионов.⁴ Вместе с другими, не дошедшими до нас вещами клада это ожерелье свидетельствует о том, что клад, найденный на Некрасовской улице, был, повидимому, вещевым кладом, хотя в нем были и монеты.

Рис. 3. Античная гемма, найденная в Киеве.

К числу вещевых находок римского происхождения, нам кажется, нужно отнести еще одну случайную находку Д. В. Милеева при раскопках развалин древней церкви в саду Митрополичьей усадьбы (ныне Софийский заповедник). Обстоятельства этой находки, к сожалению, неизвестны. В докладе о раскопках церкви на IV съезде зодчих в 1911 г. Д. В. Милеев демонстрировал фотографию камеи, найденной в районе развалин церкви.⁵

Камея представляет собой овальный медальон с резным изображением Венеры перед зеркалом (рис. 3). По сторонам крылатые купидоны. Изображение довольно грубое, выполнено в натуралистических формах. Д. В. Милеев датировал камею IV в. н. э.

При раскопках около Десятинной церкви был найден серебряный денарий императора Адриана (117—138 гг.). Монета эта каким-то образом попала к учителю гимназии Д. Щербаненко, где ее и видел В. Г. Ляскоронский.⁶ Монета из хорошего серебра, отличной сохранности.

Известны находки отдельных римских монет и на горе Киселевке, с чем сообщал В. В. Хвойка.⁷

¹ E. Babelon. *Traité des monnaies grecques et romaines*, т. I, Париж, 1901, стр. 662.

² Шерцль. *Римское монетное дело*. Харьков, 1898, стр. 83—88.

³ E. Babelon, *ук. соч.*, стр. 662; В. Г. Ляскоронский, *ук. соч.*, стр. 35—36, 37.

⁴ В. Г. Ляскоронский, *ук. соч.*, стр. 39.

⁵ Д. В. Милеев. *Вновь открытая церковь XI века в Киеве и положение исследований в связи с новыми застройками города*. Труды IV Съезда русских зодчих, СПб., 1911, стр. 121.

⁶ В. Г. Ляскоронский, *ук. соч.*, стр. 31.

⁷ Там же, стр. 31.

Нам остается перечислить ряд находок отдельных римских монет и нескольких кладов за последнее 25-летие. В середине 20-х годов XX в. в усадьбе № 34 по Караваевской улице в саду был найден небольшой клад, состоявший из римских денариев. Две монеты этого клада были определены В. Г. Ляскоронским. Одна чеканена имп. Адрианом (117—138 гг.), другая имп. Коммодом (180—192 гг.).¹

В 1928 г. при прокладке новой улицы на Лукьяновке был найден клад, состоявший из 20 римских монет III в. н. э.²

За последние 25 лет зарегистрировано до девяти случаев находок отдельных римских монет II—IV вв. в различных районах города,³ в частности в 1927 г. около Выдубицкого монастыря дети нашли медную монету императора Константа, сына Константина Великого. Монета отличной сохранности; передана в Киевский Исторический музей.⁴

V

Клады и случайные находки римского времени не являются единственными памятниками этого времени на территории Киева. Еще раскопками В. В. Хвойки на усадьбе Петровского было установлено суще-

Рис. 4. Глиняный сосуд из погребения (Киев).

ствование погребений, относившихся к эпохе «полей погребений». Найденный им небольшой глиняный сосуд с лощеной поверхностью В. В. Хвойка считал вполне сходным с погребальными сосудами могильников латенского типа (с сожжением) с Зарубинцы, Каневского у., м. Межиречье, Черкасского у. и м. Ржищева, Киевского у., Киевской

¹ В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 39.

² И. М. Самойловский. Археологічні дослідження на території м. Київ з 1917 по 1937 рік. Рукопись. Архив Института археологии АН УССР.

³ И. М. Самойловский, ук. соч.

⁴ В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 39.

губ.¹ В тех же раскопках была найдена бронзовая фибула римского провинциального типа.²

Исключительное значение для интересующего нас вопроса о поселениях первых веков на территории Киева имеют два погребения, открытые раскопками Института археологии Академии Наук УССР в 1937 г. на усадьбе Художественной школы (быв. ус. Петровского). Первое погребение (№ 4/1937 г.) было вскрыто на глубине 2.10 м от уровня современной поверхности земли. Погребальная яма была вкопана на

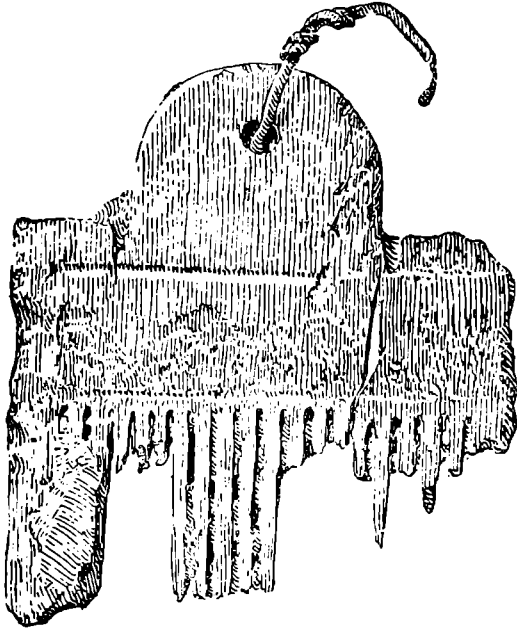

Рис. 5. Гребень из погребения (Киев).

0.5 м в лессовый материк. Найденный костяк взрослой женщины лежал головой на запад, с руками, вытянутыми вдоль линии скелета. Никаких следов гробовища обнаружено не было. Около правой руки скелета стоял глиняный сосуд банкообразной формы, сделанный на гончарном круге из хорошо отмученной глины (рис. 4). Сосуд имел довольно узкое горло и венчик. По плечикам сосуда тянутся два рельефных концентрических выступа, между которыми тисненый орнамент в форме ломаной линии. На донце сосуда два концентричных выступа. Высота сосуда — 0.16 м, диаметр 0.48 м, диаметр донца — 0.07 м, диаметр венчика — 0.08 м. Цвет сосуда желтовато-серый.

Около черепа скелета был найден костяной гребень с полукруглым верхом, в котором было небольшое отверстие с продетым сквозь него медным колечком (рис. 5). Около левого плеча скелета лежала бронзовая фибула с высоко выгнутой дужкой и ромбовидным щитком у конца дужки (рис. 6). Фибула относится к типу так называемых римских провинциальных фибул.³ Инвентарь и характер погребения не оставляют сомнений в том, что перед нами погребальный комплекс типа так наз. «полей погребений».

Вблизи от описанного погребения (в 0.5 м к западу) было раскопано еще одно погребение (№ 1/1937 г.) с детским скелетом, ориентированным также головой на запад. Погребение было, как и первое, вкопано в лессовый грунт на глубину 2.17 м от современной поверхности земли. При погребении (у плечевых костей) найдены два медных колечка (диам. 0.08 и 0.019 м), две сердечкообразных бусины, из которых одна продолговатая, четырехугольная, с ромбовидными выступами с двух сторон, другая круглая, несколько приплюснутой формы, две

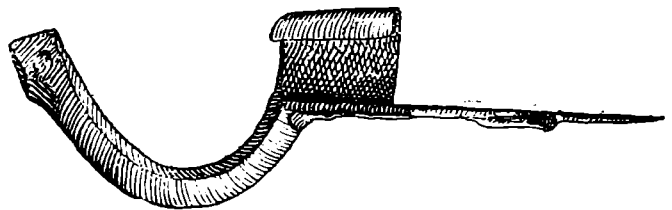

Рис. 6. Фибула из того же погребения.

¹ В. В. Хвойка. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 65.

² Там же, стр. 65.

³ Отчет о раскопках 1936—1937 гг. Рукопись (Архив Института археологии АН УССР), стр. 51—53.

небольшие стеклянные бусины и одна пастовая, бочкообразная, с белой орнаментальной ломаной линией на поверхности. Длина пастовой бусины 0.014 м, диаметр 0.013 (рис. 7).

Поблизости от описанных погребений была найдена небольшая круглая бронзовая пластинка с рельефным изображением головы Горгоны (рис. 8).

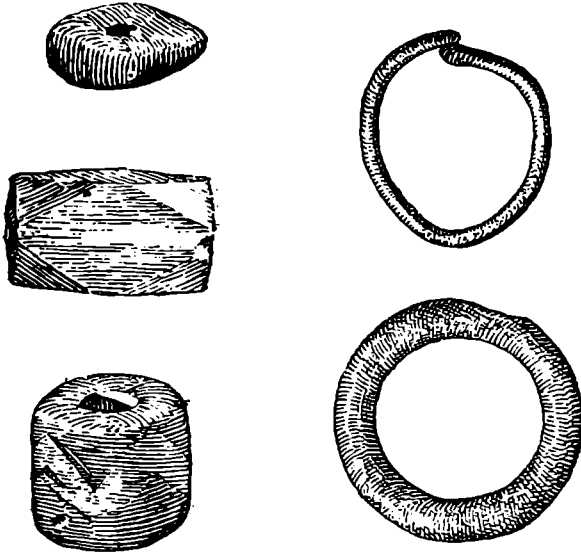

Рис. 7. Колечки и бусы из погребения (Киев).

Рис. 8. Бронзовая пластинка с изображением головы Горгоны.

VI

Перечисленные серии памятников, относящихся к первым векам н. э., число которых неуклонно растет из года в год, свидетельствуют о том, как далек был от истины покойный А. А. Спицын,¹ утверждая в 1899 г., что в многочисленных киевских коллекциях древностей можно отметить только два предмета, относящиеся ко времени II—IV в., да и тех местное происхождение сомнительно. Найденные в Киеве римские монеты, по мнению Спицына, тоже не доказывали существования здесь современного им значительного поселения. Начало Киева как города Спицын относил к IX в. Между тем находки кладов и случайных вещей в таком значительном количестве, как показано выше, едва ли могут быть объяснены иначе, чем существованием в течение первых веков н. э. на территории Киева значительного поселения; находки же *in situ* нескольких погребений той же эпохи способны рассеять последние сомнения в этом вопросе.

Не приходится удивляться, что до сих пор не обнаружено пока других признаков длительно существовавшего оседлого населения, в частности жилищ. Ведь никто не заподозрил факта существования Киева в VIII—X в., однако только в 1939 г. впервые нам удалось найти единственную пока землянку этого времени. Бурное строительство города XI—XIII вв., развившегося на той же территории, которая была заселена и в предшествующие периоды, в значительной мере стерло с лица земли следы городищ непосредственно предшествующего периода. Что же говорить о поселении более раннего времени! Но,

¹ Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. XXI, Киевская губ., ЗРАО, 1899, т. XI, вып. 1—2, стр. 268—289.

кроме того, необходимо отметить и другое. Систематическим раскопкам подверглись лишь незначительные по отношению к общей площади города участки в районе вокруг Десятинной церкви (ус. Петровского, ус. Трубецкого, ус. Слюсаревского, ус. Десятинной церкви), в районе Михайло-Златоверхого монастыря, в районе горы Киселевки и некоторые другие. Вся остальная огромная территория города, по существу, совершенно не изучена. В частности, те районы города, где были найдены наиболее значительные клады римских монет и вещей, совершенно не подвергались археологическим исследованиям.

Необходимо остановиться еще на одном важном вопросе. Выше было сказано о том, что находки римских монет долгое время связывались исключительно с Подолом и отчасти с Печерском. В верхнем Киеве находки этого типа долгое время были вовсе не известны. Отсюда возникла мысль о том, что поселение первых веков н. э. было расположено в Подольской части Киева, в устье Почайны.¹ Этот же район Киева имел в виду В. Б. Антонович, когда писал о «многолюдном, торговом центре, находившемся в северном углу города в IX — X ст.».²

Топография известных ныне кладов, случайных находок и погребений существенно меняет наши представления о древнейшем центре или центрах на территории Киева. Находки римского времени встречены в самых различных районах Киева, весьма удаленных один от другого. Мы считаем необходимым решительно предостеречь от того пути в трактовке этих находок, по которому пошел В. Г. Ляскоронский. Находки тех или иных кладов первых веков н. э. он пытался связывать с топографией позднейшего великокняжеского Киева, рассматривая, тем самым, поселение первых веков н. э. не только как единый крупнейший по размерам город, но к тому же и как город, топография которого предопределила в основном топографию города Ярослава середины XI в.

Так, по поводу находки клада римских монет на Сенном базаре, В. Г. Ляскоронский писал: «Ця знахідка римських монет дуже цікава тому, що скарб був заритий біля стародавньої межі Київської великокнязівської фортеці, недалеко від так званих Жидівських або Львівських воріт, — значить біля того району, який з давніх часів був відомий своїм інтенсивним комерційним життям» (при этом ссылка на летописное известие 1113 г. о том, что по смерти кн. Святополка II, «Кияне разграбиша двор Путятинъ тысячьского, идоша на жида и разграбиша я». Ип. Лет.).³

Клад, состоящий из монет II в., связывается с топографией «Ярославовой фортеці», возникшей в 30-х гг. XI в. на месте, где только что было «поле вне града». Более того, номенклатура ворот Ярославова города соблазнила Ляскоронского связать найденный клад с интенсивной коммерческой жизнью района.

С этим же районом крепостных валов Ярославова города связывал Ляскоронский и замечательный клад, найденный на Некрасовской улице, вновь повторяя, что эти оба клада наибольшие и наиболее ценные, найдены, «біля давньої кріпостної межі міста Київа, а саме — тієї частини міста, яку оселяв торговельно-промисловий люд і яку з давніх часів звали «жидівським городом», або «Жидове», як свідчать наші літописи» (Ип. Лет., стр. 198, 296 и пр.).

¹ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 165.

² В. Б. Антонович. О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве. Тр. IV АС. — Он же. Археол. находки и раскопки в Киеве и в Киевской губ. в течение 1876 г. Чт. в Ист. общ. Нестора Лет., кн. I, стр. 250, сл.

³ В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 33.

«Крім того, їх знаходили по схилах, або боках того яру, який давав доступ до так званих „Жидівських або Львівських“ воріт, ще відігравали, як відомо, велику роллю в воєно-стратегічному відношенні, де виїмали величезні криваві суглики між оборонцями Києва та ворогами, що чинили на нього напад».¹

Клад римських монет, знайдений на Печерське околиці Арсенала, Ляскоронський також намагався зв'язати з топографією великокняжеского Києва, вважаючи, що він виявлений на дорозі, яка з'єднувала давній Київський кремль з Великою церквою Печерської Лаври, проходившою через важливі в історії Києва «Льтські Ворота», де був один з важливих підступів до Старого Києва.²

Найдену на Караваєвській вулиці Ляскоронський також зв'язував з лінією підходів до Старого Києва з заходу від р. Либеди в напрямку на Золоті Ворота.³ Нарешті, і Оболонський клад, за думкою Ляскоронського, знайдений в тій частині Подола, де були з давніх часів ворота, які вели на Подол.⁴

Загальний висновок Ляскоронського про те, що більша частина кладів римських монет знайдена на лініях давніх шляхів, що вели до давнього Києва з півночі-заходу, південно-сходу і заходу, безумовно відкинути, бо в основі цього висновку лежить помилкове перенесення топографії Ярославагорода XI в. в перші століття н. е.

Якщо Ляскоронському ще не були відомі наші висновки про існування на території Києва в VIII—X вв. декількох нез'язаних між собою поселень на Горі, на Подолі, на Киселевці і інших, то факт існування в кінці X в. міста Володимира, значно меншого за площею, ніж місто Ярослава 30-х років XI в., встановлений істориками і археологами Києва вже давно і був відомий Ляскоронському.

Нам здається, що в цих спробах зв'язати розкидані по величезній території Києва кладів римських монет перших століть н. е. не можна не побачити відголоска теорії про існування великого Дніпровського міста, тісно пов'язаного торговими і культурно-політичними зв'язками з Римом, хоча сам Ляскоронський ні разу не назвав це місто ні *Danparstadir*, ні столицею Ерманарика.

Нам представляється історично значно більш реальною інша трактування. Клади, випадкові знахідки і поховання локалізуються в основному в трьох районах Києва, дуже віддалених один від одного.

В верхньому пагорбному Києві, в північному кутку міста Ярослава, в районі Львівських воріт, знайдені кладів, найбільш давніх і найбільш багатих за складом. Там же, але декілька кілометрів на схід (в межах міста Володимира) виявлено некрополь типу «полів поховань». Ряд кладів і випадкових знахідок знайдено в північному кутку Києва, на Подолі біля впадіння р. Почайни. Дата їх трохи пізніше (III—IV вв.). Клад і декілька випадкових знахідок знайдені на Печерське і на шляху до нього. Декілька випадкових знахідок римських монет пов'язано з територією пагорба Киселевки.

Топографія знахідок перших століть н. е., пов'язаних з вказаними районами Києва, змушує, на наш погляд, згадати, що і пам'ятники VIII—X вв., знайдені на території Києва, також локалізовані в декількох розкинутих між собою районах, деякі з яких збігаються з районами знахідок перших століть н. е.

¹ В. Г. Ляскоронський, ук. соч., стр. 41.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Изучая некрополи и городища VIII — X вв. на территории Киева, мы предложили трактовать эти памятники не как части единого грандиозного города, а как остатки нескольких самостоятельных поселений, предшественников будущего Киева.¹ Нам представляется, что и в первые века н. э. на территории будущего Киева существовало несколько небольших поселений, число которых определить точно пока еще невозможно.

Находки монетных кладов, случайных предметов и монет, и даже немногочисленных погребений не дают пока возможности раскрыть с желаемой полнотой этнический и социальный характер поселений, существовавших в первые века н. э. на территории Киева.

¹ М. К. Каргер. Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным. КСИИМК АН СССР, I, 1939, стр. 9—10.

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ
ИТИЛЯ И БОЛГАР В IX И X ВЕКАХ

В торговых и культурных сношениях Поволжья и Древней Руси с Средней Азией в IX—X вв. играли большую роль Итиль и Болгар в Восточной Европе, Ургенч и Бухара в Средней Азии. Кроме того, огромное влияние на эту торговлю оказывали рынки Дербенда на Кавказе и Гургена и Абескуна в северном Иране.

До настоящего времени ни в русской, ни в западноевропейской историографии не было сделано попытки охарактеризовать историческую топографию Итиля с той полнотой, как это позволяют источники, хотя в редком труде по истории Восточной Европы IX—X вв. не имеется хотя бы нескольких слов об этом примечательном городе. Наиболее полно отражены (для своего времени, конечно), сведения об Итиле в работах: 1) Д. А. Хвольсона «Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах... Ибн Даста»,¹ 2) J. Marquart «Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge», 3) В. Минорского «Hudud al-Alem», стр. 450—460 и 4) В. Минорского «Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi», 1942, стр. 109 и сл. Не ставим и мы себе задачи дать полную характеристику Итиля. Нам необходимо лишь вскрыть те стороны и черты хазарской столицы, которые помогут нам лучше понять роль Итиля в торговых и культурных сношениях с Средней Азией и остальной Восточной Европой IX—X вв.

Наиболее раннее известие о столице хазар на Волге мы имеем у Ибн Русте. «Городом их (хазар) является Сарашен (ساراشن). Имеется другой город по имени Хабнелла **حب نلع** или **حب نلع**. В зимнее время население живет в двух этих городах, когда же наступает весна (все) выезжают в степь и не перестают там пребывать до зимы. В этих двух городах население — мусульмане, они имеют мечети, имамов, муэззинов, низшие школы». ² В этом сообщении Ибн Русте имеется прямое указание, что столица хазар состояла из двух городов, однако приводимые названия последних не имеют ничего общего с теми именами, под которыми они нам известны в X в.

Что касается второго имени, то следует принять за более правильное — второе чтение термина, а именно **حب نلع**, что дает нам даже при беглом взгляде основание расшифровать его как **حب نلع** — Ханбалыг. Последнее слово значит «ханский город». ³ К тому же первоисточнику, что и Ибн Русте, восходят известия о хазарской столице у Гардизи, автора «Зейн-ал-ахбар», составленной около 1050 г. По словам Гардизи, «У них (хазар, — А. Я.) два больших города Саргыш (سارغش) и

¹ СПб., 1869, комментарий, примеч. 9, стр. 58—61.

² BGA, VII, 139—140. — Д. А. Хвольсон, ук. соч., стр. 17.

³ Д. А. Хвольсон, ук. соч., стр. 58, 59, 61.

Хылыг (حیلغ); в этих двух городах они живут зимой. Когда наступает весна, они выходят в степь и не возвращаются в город до наступления зимы. В обоих городах живет некоторое число мусульман; у них есть мечети, имамы, муэззины и школы; хазары ежегодно взимают налог с тех мусульман, сообразно имуществу каждого». ¹ Достаточно даже беглого сравнения текста Ибн Русте с текстом Гардизи о хазарской столице, чтобы сделать заключение о зависимости обоих от одного первоисточника. У Ибн Русте один город, вернее одна часть города, именуемая سارغش (Хвольсон читает как Сарашен), у Гардизи سارغش (Бартольд читает как Саргыш). Из сравнения написания этого имени у обоих авторов ясно, что имя, приведенное у Гардизи, есть искажение имени, приведенного у Ибн Русте, или оба имени представляют искажение имени города, как оно имелось в первоисточнике. Ясно также, что حیلغ Гардизи есть искажение имени Ханбалыг, которое имелось в первоисточнике и уже было искажено у Ибн Русте. Из приведенных выше текстов Ибн Русте и Гардизи видно, что в административной терминологии хазарского царства большое место занимали тюркские слова. Не только хазарский царь носил титул хакана, но и та часть столицы, которая была местопребыванием последнего, называлась Ханбалыг.

Также к одному с Ибн Русте и Гардизи первоисточнику относятся и известия арабского автора XI в., точнее второй половины XI в., ал-Бекри. Вот его слова о хазарах и их столице: «ал-Хазар есть имя этой страны, а главный город их состоит из двух частей: на восточном и западном берегах реки Итиля. Из этих двух городов один называется Бариш (بارعیش), а другой Хтслг (حتلغ). Большой из них западный. И окружает оба города стена и они имеют четверо ворот. Они (жители) имеют бани, рынки, мечети, имамов (настоятелей при молитве) и муэззинов (призывающих к молитве). Большинство хазар мусульмане и христиане. И есть между ними идолопоклонники и самый немногочисленный класс у них евреи. Царь их исповедует еврейскую религию. Жилище его дворец, ² далеко от реки». ³

Одна из двух частей хазарской столицы названа Бариш (вместо Сарашен у Ибн Русте). Повидимому, в том или другом случае, а может быть в обоих, имеется искажение переписчика. Если мы остановимся на имени второй части города, то едва ли можно сомневаться, что слово حتلغ «Хатслаг» есть искажение слова «Ханбалыг». ⁴

Недавно изданное В. Минорским сочинение арабоязычного автора первой половины XII в. Шарафа аз-Замана Тахира Марвази (арабский текст и английский перевод) в части сведений о Восточной Европе также восходит к одному первоисточнику с Ибн Русте и другими вышеотмеченными авторами. «Город их (хазар, — А. Я.) سارغش — Сарас — у них имеется другой город, называют его حیلغ. Живут они (хазары) в двух этих городах зимой. При наступлении весны они выступают в степь и проводят там все лето».

Марвази содержит то же описание хазарской столицы, что у Ибн Русте, Гардизи, ал-Бекри. Не подлежит сомнению, что имя второй части города حیلغ есть не что иное, как знакомый нам Ханбалыг.

¹ Перевод В. В. Бартольда. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг., стр. 120.

² Употреблен термин «касп».

³ Ал-Бекри. Известия. ., часть I, стр. 60—61, перев. В. Р. Розена.

⁴ Проф. С. П. Толстов, ознакомившись с моей точкой зрения на имя столицы хазар, высказал предположение, что حیلغ следует читать не как حیلغ, т. е. Ханбалыг, а как حتلغ, т. е. Хатунбалыг. Свое мнение С. П. Толстов обосновывал тем обстоятельством, что термин «хан» в IX в. не встречается, он появляется позже. Отсюда стремление прочесть указанные выше варианты как Хатунбалыг — город Хатуни, которая и жила в западной половине столицы.

Подводя некоторые итоги тому, что известно о хазарской столице из источников, восходящих к первой половине IX в., мы можем сказать: 1) Столица состоит из двух частей, расположенных по берегам реки, точнее рукавов Волги. 2) Западная часть города — большая, она — местопребывание царя, потому и называется «ханбалыг». 3) Вся столица окружена стеной и имеет четверо ворот. 4) Имя восточной части столицы пока точно не может быть установлено, ввиду сильного искажения имени переписчиками. Едва ли можно принять мнение, что *سارعشبن* следует читать, как Сарыгшахр (мнение Маркварта). Может быть прав В. Минорский, который склонен видеть в этом имени первоначальное наименование позднейшего Саксина (*سقسین*).¹ 5) Жилище царя — дворец (каср), расположенный вдали от реки; как место дворца автор, конечно, предполагает западную часть города (ханбалыг). 6) В столице много построек, связанных с мусульманской частью населения. Хотя автор не указывает точно, в какой части города они помещались, однако читатель имеет все основания предполагать, что в восточной половине. Как общий вывод из сопоставления с последующими сведениями о столице хазар, необходимо отметить следующий факт. Восточная часть города, хотя и была торговой, однако по размерам и населению уступала западной. Ханбалыг — ханская половина столицы, точнее хаканской ставки, играла и по размерам и по удельному весу большую роль.

Более подробные сведения оставили о хазарской столице источники X в. Наиболее раннее известие о ней — слова Ибн Фадлана, который, повидимому, был на обратном пути в ней и, во всяком случае, встречал людей, ее хорошо знавших.

В 20-х годах X в. хазарская столица по Ибн Фадлану представляла следующее. «У царя хазар (есть) огромный город на реке Атиль. Он состоит из двух частей (сторон, «концов»), — в одной из этих двух частей (живут) мусульмане, а в другой части — царь и его приближенные... У мусульман в этом городе (есть) соборная мечеть, в которой они совершают молитвы и присутствуют в ней в дни пятниц. При ней (есть) высокий минарет и несколько муэззинов».²

В описании Ибн Фадлана новым, по сравнению с предшествующими сведениями, являются указания на соборную мечеть и высокий минарет, которые, повидимому, выстроены были уже после того, как записал свои данные первоисточник Ибн Русте. Имеется у Ибн Фадлана и уточнение по вопросу о распределении населения. Мусульмане живут в другой части города, чем царь и его приближенные. Однако, что это часть восточная, читатель может только предположить, так как Ибн Фадлан сам этого не уточняет. У Ибн Фадлана имеются известия, что минарет по распоряжению царя хазар был разрушен в 310 г. (= 922 — 923), т. е. во время пребывания его в Поволжье. Факт этот чрезвычайно характерен. Он невозможен был бы во второй половине X в. и указывает, что мусульманская община в столице хазар не имела того авторитета, который был у нее впоследствии. Однако, пожалуй, самым примечательным фактом в рассказе Ибн Фадлана является то обстоятельство, что автор нигде не упоминает, как именуется столица хазар. Термин Итиль (Атиль) упоминается несколько раз и только в отношении к реке. Правда, имеется одно сомнительное в этом отношении место (л. 20б), однако и здесь это имя скорее всего прила-

¹ В. Минорский. Худуд ал-Алем. Перевод и комментарий, стр. 453.

² Ибн Фадлан, перев. А. П. Ковалевского, стр. 85.

гается к району реки Итиля и никак не к столице хазар. Произошла ли к этому времени, т. е. к 20-м годам X в., смена имен, — сказать трудно.

Новые, более подробные сведения, о столице хазар открывает ал-Истахри. «Хазар — имя народа, что же касается города, то столица у них называется Итиль, название по имени реки».

Так как описание хазарской столицы ал-Истахри повторено с некоторыми дополнениями у Ибн Хаукаля, то приведем только слова последнего.

«Итиль состоит из двух частей. Одна на западной стороне реки, называемой Итиль, она большая из них (по величине); другая часть (лежит) на восточной стороне реки. Царь живет в западной части. Западная часть (города) называется Итиль, а восточная — Хазаран.² Называется царь их на их языке бек и называется также „бак“. Обе части (столицы) по величине в длину равны приблизительно фарсах. Обе части столицы окружает стена... Строения (в городе) подобны шатрам из ветвей и шатрам из войлока³ и только небольшое число из глины. У них (жителей Итиля) имеются рынки и общественные бани. В городе имеются жители мусульмане, говорят, что мусульман больше 10 000 человек, у них около 30 мечетей. Замок царя далеко отстоит от Итиля, я имею в виду реку; дворец (выстроен) из жженого кирпича; нет (в городе) ни у одного человека строений из жженого кирпича, кроме него (царя), не разрешает царь этого никому кроме себя. В стене города четверо ворот: одни ворота выходят к реке, другие — в степь, что позади этого города.⁴ Царь их (хазар) иудей. Говорят, что у него (личных) слуг (ал-хашиа) около 4 000 человек. У хазарского царя имеется постоянное войско, наемное, в числе 12 000 человек. Когда кто-нибудь из воинов умирает, его место занимает другой...»⁵

Несколькими страницами ниже Ибн Хаукаль говорит о столице хазар следующее: «Хазаран — восточная половина города, известного под именем Итиль; большинство жителей там купцы и мусульмане, там (находятся) товары. Западная половина (города) принадлежит почти целиком царю, его придворным и его войску».⁶

Весьма характерно, что ал-Истахри еще не приводит имени восточной половины хазарской столицы. Названия «Хазаран» мы у него не встречаем. Впервые это имя встречается у Ибн Хаукаля.

Следующее по времени после ал-Истахри описание Итиля дано у ал-Масуди в его сочинении «Мурудж-аз-Захаб» («Золотые луга»), законченном в 947 г. на склоне жизни автора.

«Итиль, в котором в наше время живет хазарский царь, — пишет ал-Масуди, — разделяется на три части большой рекой, текущей из высоколежащей страны тюрок... Этот город лежит на двух берегах (реки). В середине этой реки — остров, на нем (находится) дворец

¹ BGA, I, 10.

² В 1939 г. Крамерс в серии «Bibliotheca geographorum arabicorum» выпустил второе, более полное издание текста Ибн Хаукаля. Здесь на стр. 389—390 приводится иная огласовка наименования столицы хазарского царства, не Итиль, а Атуль — اٲٲل. Кроме того говорится, что западная сторона, в которой живет царь, называется Хазаран, восточная же носит имя Атуль, причем последняя по величине больше первой. Впрочем, в примечании Крамерс указывает, что в некоторых рукописях западная половина называется Атуль (или Атиль, Итиль), а восточная — Хазаран. Ввиду того, что другие источники Итилем, Атилем называют западную половину города, мы и будем придерживаться в этой части текста Ибн Хаукаля в изд. де Гойе.

³ В изд. Крамерса говорится несколько иначе: «строения (в городе) подобны шатрам из ветвей, покрыты они войлоком».

⁴ BGA, II, стр. 278.

⁵ Ук. соч., стр. 279.

⁶ Ук. соч., стр. 281.

царя (касп). Замок царя (расположен) на краю этого острова. На острове имеется мост (на судах), перекинутый на один из берегов реки. В этом городе (Итиле) население (состоит) из мусульман, христиан, иудеев и язычников. Что касается иудеев, то к этой категории принадлежат царь, его слуги и хазары». ¹

В другом месте ал-Масуди пишет: «Господствующая часть (жителей) в том городе мусульмане, так как они войско царя. Они в этом городе называются ал-Ларсия (ал-Арсия). Они происходят из страны Хорезма». ²

Еще ниже ал-Масуди говорит: «У них (хазар в городе) соборная мечеть и минарет, который возвышается над замком царя. У них (также) другие мечети, в них (помещаются) школы (ал-макатиб), где дети обучаются корану». ³

Интересное описание столицы хазарского царства имеется и в ответном письме хазарского царя Йосифа, относящееся к началу 60-х годов X в. Приведем его в краткой, повидимому более надежной, редакции. «Я еще сообщу тебе, что живу я у этой реки ⁴ с помощью всемогущего, и у меня есть в моем царстве три города. В одном из них живет царица со своими прислужницами и евнухами. Длина и ширина его, с пригородами и примыкающими к нему деревнями, составляет 50 на 50 фарсахов, и живут иудеи, исмаильтяне и христиане; проживают в нем также и другие народы из других племен. Второй город со своими пригородами занимает в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я со своими князьями, рабами и всеми приближенными служителями. Он невелик и занимает в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между стенами его тянется (в ту и другую сторону) река. Мы живем всю зиму в городе, а в месяце Нисане ⁵ выходим из города и идем каждый к своему полю и саду и к своей (полевой) работе». ⁶ Вышеприведенное описание Итиля повторено и в пространной редакции, с той лишь разницей, что слова «и живут в нем иудеи, исмаильтяне и христиане» относятся не к первому, но второму городу. ⁷

К 80-м годам X в. относятся два известия о хазарской столице — одно ал-Мукаддаси, другое неизвестного автора «Худуд-ал-Алем» («Области мира»). Оба известия составлены в то время, когда Итиля уже не существовало. Весьма интересно известие ал-Мукаддаси. По его словам, «Итиль — город (балад), обладающий стеной, которая тянется вокруг него; стена подобна Джурджанской, или больше ее. Строения их (жителей города, — А. Я.) — шатры, а также из дерева, войлока и ветвей, за исключением немногих, которые из глины. Дворец ас-султана из жженого кирпича. У него (города) четверо ворот, одни из них выходят к реке (Итилю, — А. Я.), переходят ее на судах, другие ворота (обращены) в сторону степи, а она высохшая, нет там скота, нет плодов, хлеб их редкий, постоянная пища их — рыба. ». Кончает свое описание Итиля ал-Мукаддаси упоминанием Хазарана, который у него именуется Хазар. ⁸ Согласно ал-Мукаддаси он по площади больше, чем западная половина города.

¹ Masoudi. Les prairies d'or, II, 7—8.

² Ук. соч., 10. Издатель и переводчик в примечании к стр. 10 замечает, что имеются разночтения: *الارسية* и *الارسية*.

³ Ук. соч., 12.

⁴ Выше сказано «Я (сам) живу у входа в реку». LXII, стр. 83.

⁵ Приблизительно апрель.

⁶ ЕХП, 84—85.

⁷ Ук. соч., 102.

⁸ BGA, III, 361.

Перейдем теперь к «Худуд ал-Алем». По словам его автора — «Итиль разделен рекой на две половины. Он (Итиль) столица хазар и местопребывание царя, который называется тархан-хакан, является одним из потомков Анса.¹ Он живет со всем своим войском в западной половине города, который окружен стеной. В другой половине живут мусульмане и идолопоклонники».²

Таковы основные сведения о хазарской столице, касающиеся главным образом вопросов исторической топографии города. Несмотря на некоторые неясности, общий облик города выступает достаточно выразительно. Характерно, что хазарская столица впервые именуется Итилем у ал-Истахри. Имя Хазаран в применении к восточной половине хазарской столицы встречается впервые только у Ибн Хаукаля. Весьма интересно также, что восточная половина города, как это видно из приведенных источников, не играла в IX в. той большой роли в политической жизни хазарского царства, которая для нее так характерна была в X в. вплоть до разгрома Итиля и Хазарского царства Святославом в 965 г.

Не лишено интереса, что имена хазарской столицы (ее двух частей — западной и восточной), Итиль и Хазаран, бытовали, судя по данным арабской географической литературы, очень недолго, всего несколько десятилетий.

Согласно ал-Истахри — Ибн Хаукалю, Итиль растянулся в длину на фарсах, т. е. на 6—7 км. Царь Хазар Иосиф приводит на первый взгляд какие-то фантастические цифры площадей городов — концов, составляющих совокупно хазарскую столицу. Едва ли это гипербола самого Иосифа, как думает П. К. Коковцев.³ Мы глубоко убеждены, что это не гипербола, не фантазия автора, а более или менее точное отображение действительности и порядков того времени. Во всяком случае Иосиф о первом городе, т. е. Итиле, говорит: «Длина и ширина его, с пригородами и примыкающими к нему деревнями составляет 50 на 50 фарсахов».⁴ О втором городе, т. е. Хазаране, он пишет: «второй город со своими пригородами занимает в длину и ширину 8 на 8 фарсахов».⁵ Обе приведенные цитаты указывают, что речь у Иосифа идет не собственно о городе, а о городе с приписанными к нему пригородами и деревнями, т. е. целыми областями. Этот факт весьма характерен для административной практики того времени почти всюду на средневековом Востоке, да и не только Востоке. Практика эта сводилась к тому, что город в административном и фискальном отношении нельзя было оторвать от его округи или области. Каждая из половин Итиля и имела приписанные к себе области. Последние получали оттуда свою администрацию и доставляли туда свои дани и другие виды доходов (подати и повинности). Согласно данным Ибн Фадлана, ал-Истахри, Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси, город состоял из двух частей — западной с собственным именем Итиль, где жил царь и двор, и восточной, называвшейся Хазаран, где была сосредоточена вся торговля и ремесленная жизнь, где действовал оживленный рынок. Согласно письму царя Иосифа и описанию ал-Масуди, хазарская столица состояла из трех частей. Помимо двух упомянутых выше частей, лежащих на двух берегах реки, точнее одного из рукавов Волги, город занимал еще и остров, где и находился дворец хазарского кагана со всеми прилегающими к нему усадьбами. Согласно ал-Масуди,

¹ Здесь искажение турецкого титула, который у Ибн Русте передан термином *ایشا* (иша).

² Худуд ал-Алем. л. 38 б.

³ ЕХП, стр. 111.

⁴ ЕХП, стр. 84—85.

⁵ Там же.

остров был соединен с двумя берегами реки мостом. Ал-Мукаддася, который об острове не говорит ничего, описывает дворец царя, как стоящий на берегу реки. По его словам, к дворцу со стороны реки подъезжают на судах.¹ Согласно арабским источникам, жилища хазарской столицы по большей части состоят из деревянных построек, войлочных шатров, палаток и только немного имеется строений из глины. Выше мы видели, что постройки из жженого кирпича разрешены только кагану. Город Итиль в целом был окружен стеной; о материале, из которого сложены были стены, в источниках не говорится совсем. Ал-Мукаддася говорит: «Вокруг него (Итиля) стена, она тянется вокруг (города), (по величине) она подобна (стене) Джурджана или больше ее».²

По словам того же автора, в самом городе и в его ближайших окрестностях много деревьев.³

Наиболее подробно описана в источниках восточная часть Итиля, носящая имя Хазарана. Это торговая и наиболее оживленная «сторона». Здесь жили ремесленники, которых хазарский каган облагал податями (вазаифа), купцы и масса чернорабочего люда. По словам ал-Масуди, купцы и ремесленники, не говоря уже об ал-Арсия, пришли в страну хазарского царя по причине его справедливости и безопасности.⁴

По составу своего населения Хазаран был весьма пестрый город, каким и должен быть огромный рынок, куда стекались товары из Восточной Европы от русских, славян, буртасов, хорезмийцев и других народов Средней Азии, Китая, Ирана и Закавказья.

Среди купцов более всего было мусульман: по словам Ибн Хаукаля, их здесь было больше 10 000 человек, не считая наемной гвардии из хорезмийцев. Уже Ибн Фадлан и ал-Масуди говорят о соборной мечети и о высоком минарете при ней, который возвышается над замком самого хазарского царя.⁵ Ал-Истахри и Ибн Хаукаль рассказывают о том, что в Хазаране около 30 мечетей, подразумевая, конечно, квартальные мечети, которых было много в любом мусульманском городе. Почти все арабские источники указывают на наличие среди населения хазарской столицы христиан, иудеев и язычников. Согласно ал-Масуди, в одной из половин Итиля (он, конечно, имеет в виду Хазаран), жили славяне и русы, которые, судя по ряду деталей описания, представляли народ с одним языком, одними обычаями и верованиями.⁶

По словам ал-Масуди, наряду с «хорезмийцами», в войсках хазарского царя служили русы и славяне.⁷ Основное ядро гвардии хазарского царя составлялось, однако, из «хорезмийцев».⁸ Согласно Ибн Хаукалю, гвардия была наемной и состояла из 12 000 человек.⁹ Сведения о царском войске имеются и у авторов, восходящих к упомянутому первоисточнику первой половины IX в. Так, по словам Ибн Русте, «конное царское войско состоит из 10 000 всадников как обязанных постоянной службой, находящихся на жаловании у царя, так выставляемых (как сказано) людьми богатыми в виде повинности».¹⁰ Гар-

¹ BGA, III, 361. — У Ибн Хаукаля говорится, однако, что дворец царя отстоит далеко от реки (BGA, II, 278).

² BGA, III, 361.

³ Ук. соч., 361.

⁴ Maçoudî, II, 12.

⁵ Минарет этот заново выстроен или перестроен на месте старого уже после Ибн Фадлана, т. е. после 922 г.

⁶ Ал-Масуди, II, 9.

⁷ Ук. соч., стр. 12.

⁸ Ук. соч., стр. 10.

⁹ BGA, II, 279.

¹⁰ Д. А. Хвольсон. Известия... Ибн Даста, стр. 18. Этот текст с очень небольшим разночтением издан BGA, VII, стр. 140.

дизи, приводя свои сведения о войске хазарского царя из того же первоисточника, что и Ибн Русте, также обращает внимание на то, что часть войска царя находится на жаловании, другая поставляется знатными людьми и имеет при себе собственное вооружение. Итак, войско хазарского царя состояло из двух частей личной царской гвардии и общего государственного ополчения на основе привода воинов отдельными вельможами. Кто же были эти «хорезмийцы», составлявшие основу гвардии хазарского царя? Самое слово мы поставили в кавычки, так как у ал-Масуди сказано, что они появились из окрестностей Хорезма.¹ Едва ли можно сомневаться, что гвардия хазарского царя комплектовалась из тех же тюрок-гузов, что и гвардия саманидских эмиров. Это те же гулямы, наемное и вместе с тем привилегированное, хотя и рабское войско, которое нам хорошо известно из истории Аббасидского халифата IX в. и Саманидского государства конца IX—X вв. Согласно ал-Масуди, называлась эта гвардия ал-Арсия или ал-Ларсия. Несколько слов о самом имени ал-Арсия (мы принимаем за неискаженное именно это написание). Не исключена возможность, что в этом имени отражено имя «аорсы», т. е. аланы, которые когда-то служили на Северном Кавказе в гвардии хазарского царя еще в до-итильский период истории хазар. Не лишен интереса вопрос, как этот термин ал-Арсия перешел на соседних с хорезмийцами тюрок-гузов. В этом нет ничего необычайного, поскольку аланы-аорсы были вытеснены в степях по соседству с Хорезмом тюрками-гузами, в состав которых они частично же и вошли.² Наряду с гвардией ал-Арсия, большое значение в жизни хазарского царства имело ополчение. Ополчение, как известно, отражает в своей организации по существу основные черты общества, которое его комплектует. Хазарское общество даже в период своего развития в X в. имело лишь небольшие районы земледельческого хозяйства. Хазары в подавляющей своей массе были жителями степей и кочевниками, что отражено в известной мере и в постройках восточной половины столицы — в Хазаране (вспомним шатры из войлока и ветвей). Хотя о характере ополчения в источниках имеются лишь намеки, однако и по ним мы можем себе представить войско, состоящее из правого и левого крыла, центра и авангарда. Гардизи определенно говорит об авангарде, — точнее о разведочном отряде. Небезинтересна одна деталь из боевого охранения этого войска. Каждый воин всегда с собой возит колья и три толстых веревки. Когда войско останавливается в опасном месте на ночлег, воины со всех сторон лагеря вбивают эти колья в землю и привязывают к ним щиты,³ повидимому не ручные, а специально окопные.⁴ В результате лагерь получает на ночь надежное охранение. Марвази, из того же первоисточника, что и Гардизи, приводит несколько новых деталей. Каждый всадник из войска царя возит с собой 20 кольев в два зира длиной. Когда они располагаются лагерем, то втыкают колья в землю и прислоняют к ним свои щиты. В результате, менее чем в час, вырастает вокруг лагеря крепкая стена.⁵

Насколько мусульмане, в большинстве своем хорезмийцы, были крупной военной силой в Итиле, видно из следующего факта. Когда русы после своего грабительского похода на берега Каспийского моря в 912/13 г. вернулись на Волгу и остановились в столице хазарского царя, чтобы сдать последнему полагающуюся ему по договору долю

¹ من نحو بلاد خوارزم

² Известно, что в состав туркмен, кроме тюрок-огузов (гузов), вошли и жившие по соседству с Хорезмом в древности аланы (аорсы).

³ Употреблен термин сапар-чапар.

⁴ Гардизи, см.: В. В. Бартольд. Отчет..., перс. текст, стр. 96.

⁵ В. Минорский. Marvazi, арабский текст, стр. 21.

добычи, на них напали ал-Арсия и другие мусульмане. По словам ал-Масуди, мусульман на конях и с вооружением было 15 000 человек, причем они разбили в трехдневном сражении войско русов по численности большее в два с чем-то раза.¹ Характерно, что, по словам того же арабского автора, победе этой радовалось множество христиан, живших в то время в Итиле. В полном соответствии с военной и экономической силой, которая была в руках у мусульман в Итиле, находилось и их политическое влияние на дела хазарского каганата. Это видно не только из отмеченного выше поражения русов, но и того факта, что в первой половине X в. хорезмийцы жили, согласно ал-Масуди, в Хазаране по договору на определенных условиях. Хорезмийцы выговорили себе право свободы исповедания ислама, построения мечетей, провозглашения азана, везират при царе и другое,² что мною уже было отмечено в моей статье «Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.»³

Во времена ал-Масуди везиром в Итиле был хорезмиец Ахмед ибн Кувайя.⁴ Ал-Масуди особо отмечает, что если бы мусульмане и христиане сговорились между собой, хазарский царь ни в чем не смог бы им противостоять.⁵

Мусульманская колония в Хазаране была настолько мощной, что имела и свою юрисдикцию. По словам Ибн Фадлана, «Над мусульманами (начальствует) муж из числа отроков царя, который называется «хаз». Он мусульманин и судебная юрисдикция над мусульманами, живущими в стране хазар и (временно) приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена этому отроку мусульманину, так что никто не рассматривает их дел и не производит суда между ними, кроме него».⁶

В арабской географической литературе также говорится о самостоятельной юрисдикции мусульман. Ал-Масуди указывает на семь судей в Итиле — двое для хазар, разбирающих дела на основании Торы, двое для мусульман, судящих на основании их закона, двое для христиан, разбирающих дела, согласно Евангелию, и один судья, судящий язычников — славян, русов и других на основе разума. Наибольший авторитет имели судьи-мусульмане, которые выносили окончательное решение для спорных дел, не получивших авторитетного разрешения у других судей.⁷ Ибн Хаукаль рассказывает, что между указанными семью судьями и хазарским царем имелся посредник, задачей которого было согласовать решение судей со взглядами царя.⁸

О семи судьях говорит также и автор «Худуд ал-Алем». Он же указывает, что судьи держат контакт с царем, или спрашивают у него решения, или сообщают о своем решении.⁹ Такова в общих чертах восточная часть хазарской столицы — Хазаран. Это типичный рынок, ведущий большие торговые обороты с купцами разных стран. Рынок этот не является показателем степени общественного развития хазарского каганата, ибо оживление его торговых операций зависело главным образом от того места, где стоял город. Это был в полном смысле перекресток древних путей из Восточной Европы в культурные оазисы и степи Средней Азии, а также торговые города Ирана и Кавказа.

¹ Ал-Масуди, II, 22—23. Мусульманский автор явно преувеличивает войско русов.

² Ук. соч., II, 10.

³ Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. Материалы по истории Узб., Тадж. и Туркм. ССР, ч. I, стр. 13.

⁴ Ал-Масуди, II, 10.

⁵ Ук. соч., II, 12.

⁶ Ибн Фадлан, 85.

⁷ Ал-Масуди, II, 11—12.

⁸ BGA, II, 279.

⁹ Худуд ал-Алем, л. 38 б.

Совершенно иную картину представляла собой западная половина города. Это был административный и дворцовый центр столицы. Нам представляется, что более всего мы должны доверять сведениям хазарского царя Иосифа и подтверждающего его ал-Масуди, говорящих об острове, как третьей части города, где и находился дворец кагана.

Вспомним слова Иосифа об этом острове. «В третьем городе живу я, — пишет он, — со своими князьями, рабами и всеми приближенными служителями». ¹ Иосиф отмечает далее, что этот «третий город» (остров) невелик, однако принять эти слова надо соотносительно с величиной восточной и западной сторон столицы. Ведь Ибн Хаукаль говорит, что придворных и слуг у хазарского царя было около 4000 человек. ² Что касается западной половины города, то здесь, повидимому, жил фактический глава хазарского кагана — «хакан-бех» ³ со своими помощниками и целым штатом чиновников. Кроме того, по словам Иосифа, здесь «живет царица со своими прислужницами и евнухами». ⁴ Здесь же, согласно Ибн Хаукалю, помещалась и гвардия кагана, так наз. ал-Арсия. ⁵ Здесь же помещает войско хазарского кагана и неизвестный автор «Худуд ал-Алем». ⁶ Оба эти автора делят, однако, столицу хазарского царства только на две части и ничего не говорят об острове, т. е. «третьем городе» Иосифа.

Сказанного достаточно, чтобы стало ясно, как сильно изменилось, соотносительно с IX веком, положение восточной половины Итиля, известной специально под именем Хазарана, по сравнению с западной частью хазарской столицы. Роли настолько изменились, что в конце 50-х и начале 60-х годов, незадолго до разгрома Хазарского царства и полного упадка Итиля, т. е. до 965 г., восточная половина и ее руководящее мусульманское население, если и не были полными хозяевами в хазарской столице, то во всяком случае были в ней весьма влиятельны.

II

Большую роль в сношениях Восточной Европы с Средней Азией в X в. играл город Болгар.

Арабские авторы — Ибн Русте, Гардизи, ал-Бекри и другие, восходящие к своему первоисточнику первой половины IX в., ничего не говорят о городе Болгаре, они его и не вспоминают, как будто этого города не было совсем. Термин «Болгар» у них служит лишь для обозначения страны или народа, ее населяющего. Характерно, что Ибн Фадлан, бывший в ставке болгарского царя Алмуша в 922 г., только два раза упоминает термин «Болгар», причем оба раза в смысле «царь Болгара» ⁷ или «эмир Болгара», понимая под ним правителя страны или народа. ⁸

Говоря о стране Болгар, которых он почти всюду ⁹ называет славянами, Ибн Фадлан нигде не упоминает города в том смысле, как это принято было на современном Ибн Фадлану мусульманском Востоке. Прежде всего обратим внимание на терминологию, которую применяет Ибн Фадлан в отношении к городу, когда он говорит о столице государства.

¹ ЕХП, 85.

² ВГА, II, 278.

³ Ибн Фадлан, 84.

⁴ ЕХП, 84.

⁵ ВГА, II, 281.

⁶ Худуд ал-Алем, л. 38 б.

⁷ Ибн Фадлан, л. 204 а (перевод 68).

⁸ Ук. соч., л. 204 б (перевод, 69).

⁹ Говорим «почти всюду», так как «эмир Болгара» и «царь Болгара» может обозначать не только страну, но и население.

Мы имеем в виду его описание столицы Хазар — Атиля, или Итиля. Здесь Ибн Фадлан употребляет термин «медина», каковой и не вызывает никаких сомнений. Термин «медина» Ибн Фадлан не применяет ни разу к стране Болгар, куда он и приехал и которую подробно описал.

Однако в записке Ибн Фадлана мы встречаем 22 раза термин «балад» (بلد). Толкование этого термина ставило всегда переводчиков Ибн Фадлана в затруднительное положение, так как в арабской историографической литературе этот термин употреблялся как в смысле «страна», так и в смысле «город». ¹

Оказался в весьма затруднительном положении и последний переводчик Ибн Фадлана А. П. Ковалевский, что отражено не только в самом переводе, но и в комментариях. ² Переводчик толкует этот термин всегда в связи со смыслом контекста и раскрывает его то как «страну», то как «поселение» и только в двух случаях как бесспорно «город». Остановимся на этих двух случаях. На л. 197а Ибн Фадлан рассказывает о письме болгарского царя ал-Хасана ибн Балтазара к халифу ал-Муктадиру. В письме болгарский царь просит прислать: 1) проповедников, которые наставили бы в исламе; 2) мастеров, которые построили бы мечеть, воздвигнули бы минбар и 3) построили бы крепость. Говоря о минбаре, Ибн Фадлан поясняет, «чтобы совершалась по ним молитва за него (царя)» جميع مملكة. А. П. Ковалевский переводит это место «в его городе и во всем его государстве». Таким образом, здесь слово بلد им понято как «город». Френ в свое время давал другой перевод и толковал в данном контексте этот термин, как «страну» (in seinem ganzen Lande). ³

Нам представляется, что толкование Френа более правильно, так как в контексте Ибн Фадлана нет никаких оснований толковать термин этот как «город». Второй раз А. П. Ковалевский термин بلد толкует как «город» при переводе следующего места. На л. 206а Ибн Фадлан рассказывает о коротком дне и длинной ночи в районе Атиля (реки, а не города). Здесь Ибн Фадлан два раза употребляет термин بلد (балад). В первом случае Ковалевский переводит «поселение». Во втором — «город». Однако для этого у автора нет прочного основания. «Жители этого поселения сообщили мне». ⁴ Почему «поселения», а не «страны»? Ведь ни о каком поселении выше не было речи. Труднее истолковать второе место у Ибн Фадлана. А. П. Ковалевский переводит: «И мы не покидаем города, пока ночь длинна а день короток». ⁵ Здесь البلد (ал-балад) переведен «город». Почему? Ни выше, ни ниже Ибн Фадлан не говорит о городе. Да и вообще весь этот отрывок труден для понимания, так как почти невозможно понять, где здесь говорит болгарский царь, а где сам Ибн Фадлан.

Посмотрим теперь, где и при каких обстоятельствах, в каком материальном окружении происходили у Ибн Фадлана встречи с «царем Болгар». Первая встреча Ибн Фадлана с болгарским царем произошла вне его ставки. Царь лично встретил караван и приказал расставить для себя и гостей палатки. Повидимому, палатки (قِيَاب) были не войлочные, а кожаные, что весьма характерно для начала X в., как у кочевников Средней Азии, так и в Поволжье. В последующие разы встречи Ибн Фадлана с болгарским царем происходили в ставке

¹ Якут, в изд. Wüstenfeld'a, II, 439. Якут, описывая столицу хазар, применяет термин «касаба».

² См. все его примечания к термину (بلد) (балад).

³ Об этом упоминает и переводчик в своем комментарии под № 10.

⁴ Ибн Фадлан, стр. 71.

⁵ Уж. соч., стр. 72.

последнего. «Все они живут, пишет Ибн Фадлан, в юртах¹ (палатках — А. Я.), с той только разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ, устланная в большей части армянскими коврами. У него (царя) в середине ее стоит трон, покрытый византийской парчой».²

Нам представляется, что Ибн Фадлан не рассматривал эту ставку, как город, иначе он не только бы употребил термин для обозначения города, но и привел бы его имя. Между прочим, Ибн Фадлан упоминает несколько выше «базар».³ Повидимому, этот базар надлежит связать с царской ставкой. Ничего необычного в этом нет, так как в раннее средневековье на Востоке султанские и ханские ставки всегда имели рядом с собой временный базар, где можно было купить все, в чем нуждались люди, входящие в круг царского двора (как гражданские, так и военные).

В XIV томе «Исторических записок», вышедших в 1945 г., в весьма интересной статье «Волжские болгары в IX—X веках», акад. Б. Д. Греков пришел к правильному заключению, что ставка болгарского царя не являлась городом. Вместе с тем Б. Д. Греков считает, что в стране Болгар во времена Ибн Фадлана город существовал. Однако город этот Б. Д. Греков помещает в том месте, где приставали на своих судах хазары.

«Весьма вероятно, — пишет Б. Д. Греков, — что хазарский корабль, о котором упоминает Ибн Фадлан, именно тут и приставал. Здесь, очевидно, и стоял город».⁴ Посмотрим, какое место в записке Ибн Фадлана убедило Б. Д. Грекова в этом. «И когда прибывает корабль из страны (города) хазар в страну (город) славян, то царь выезжает верхом и пересчитывает то, что в нем (имеется) и берет из всего этого десятую часть».⁵ Переводчик колеблется здесь в толковании термина «балад» — «страна» или «город»?

Б. Д. Греков предлагает не колебаться и читать «город». В чем же аргументы автора? В том, что в месте причала хазарского судна находилась болгарская таможня (и рынок). Однако этого еще для определения места, как города, мало. Ибн Фадлан, употребляя тот или иной термин для обозначения города или какого-нибудь другого вида человеческого поселения, не мог не исходить из привычных для его времени и его общества представлений о городе. На мусульманском Востоке в раннее средневековье под городом понимали такое поселение, которое не только являлось ремесленно-торговым центром, но и центром административным, хотя бы для небольшого района, не говоря уже о том, что поселение это обязательно имело укрепленные стены. Признаков этих у упоминаемого Б. Д. Грековым поселения не имеется.⁶

Для решения вопроса, существовал ли город Болгар во времена Ибн Фадлана, весьма ценным является нумизматический материал. Если Болгар как город существовал при Ибн Фадлане, то он конечно был столицей. Известно, что болгарские цари еще до путешествия Ибн Фадлана чеканили у себя свои монеты. Естественно было бы ожидать, что чеканка происходила в столичном городе. Посмотрим, однако, как фактически обстояло дело. В нумизматической литературе можно считать установленным, что определенная группа так называемых варвар-

¹ Употреблен тот же термин.

² Ибн Фадлан, стр. 73.

³ Там же.

⁴ Б. Д. Греков. Волжские Болгары в IX—X веках. Истор. зап., XIV, 1945; стр. 21.

⁵ Ибн Фадлан, стр. 78.

⁶ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 78.

ских подражаний саманидским дирхемам является монетами, чеканенными болгарскими царями в стране Болгар. Дирхемы с именем Микаила ибн Джафара, самаркандского чекана 306 г. (= 918—919), шашского чекана 308 г. (= 920—921), балхского чекана 306 г. (= 918—919), нишапурского чекана 308 г. (= 920—921) являются болгарскими монетами, — варварскими подражаниями саманидским дирхемам. Характерной чертой этой группы варварских подражаний является то, что их штемпеля сделаны по конкретным саманидским дирхемам с сохранением места чекана и даты, причем изменено только имя правителя. Вместо соответствующего правителя Саманида, выбито имя Микаила ибн Джафара — болгарского царя, вступившего на престол позже, чем значится на монетах с его именем. Кто такой Микаил ибн Джафар? Определить этого царя можно, лишь уяснив себе личность его отца. Уже Р. Р. Фасмер в своей работе «О монетах волжских болгар X века» высказал вполне обоснованное предположение, что Микаил этот являлся сыном болгарского царя Джафара.¹ Ибн Фадлан (л. 204б) рассказывает, что болгарский царь Алмуш ибн Шилки прозвал себя в честь повелителя правоверных (Джафара имама аль-Муктадира-биллаха) Джафаром, а отца своего, т. е. Шилку, Абдаллахом. Вернемся, однако, к болгарским дирхемам с именем Микаила ибн Джафара — подражаниям саманидским монетам. Болгарский царь Микаил, таким образом, есть сын того самого болгарского царя Алмуша сына Шилки (Джафара ибн Абдаллаха),² к которому ездил Ибн Фадлан. Характерно, что подавляющее большинство этих монет не упоминает г. Болгара. Однако одна подобная монета с именем Микаила ибн Джафара в качестве места чекана приводит г. Болгар. К сожалению, дата на монете не обозначена. Это первое упоминание г. Болгара на монетах. В дальнейшем мы имеем болгарскую чеканку как в г. Суваре, так и в г. Болгаре. Болгарские цари — Талиб ибн Ахмед чеканил в Суваре в 337 г. (= 948—949), в 338 г. (= 949—950), в 341 г. (= 952—953), в 347 г. (958—959); Мумин ибн Ахмед в Болгаре или Суваре в 366 г. (= 976—977); Мумин ибн Хасан в Болгаре в 366 г. (= 976—977) и в Болгаре в 1370-х годах. Как видно из перечня, имя г. Болгара, начиная с 366 г. (= 976—977), систематически встречается на монетах. 366 год хиджры нельзя, однако, считать наиболее ранним годом для г. Болгара, так как уже до Талиба ибн Хасана, т. е. до 337 г. (= 948—949), как выше сказано, мы встречаем г. Болгар на монете с именем Микаила ибн Джафара.

При сопоставлении всего вышеизложенного с данными болгарской нумизматики, приходим, как нам представляется, к прочному выводу, что при Ибн Фадлане г. Болгара еще не существовало. Не собирался ли болгарский царь Алмуш, сын Шилки (он же Джафар ибн Абдаллах), строить город, когда обратился к аббасидскому халифу Муктадиру (908—932) с просьбой помочь ему в постройке крепости, «чтобы он укрепился в ней от царей, своих противников».³

Ибн Фадлан приводит следующие слова Алмуша, сына Шилки, сказанные ему лично. «Действительно, приходили вы все вместе, и то,

¹ Р. Р. Фасмер. О монетах волжских болгар X века. Оттиск из «Известий Общ. археологии, истории и этнографии», XXXIII, вып. 1, Казань, 1926.

² Ук. соч., стр. 33 и сл. Имеется несколько монет, чеканенных при халифе Муктадире, т. е. до 932 г., на которых болгарский царь носит титул эмира и именуется **بارمان** (Барман) или **تارمان** (Тарман). В. В. Бартольд высказал предположение, что это и есть настоящее имя того болгарского царя, к которому прибыл караван Ибн Фадлана. Что же касается имени Алмуша, то оно было вставлено одним из переписчиков вместо настоящего имени — Барман (В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. Советское востоковедение, т. 1, стр. 43).

³ Ибн Фадлан, стр. 55.

что на Вас истратил мой господин, он истратил для доставки этих денег, чтобы я построил на них крепость, которая бы защитила меня от иудеев,¹ которые поработили мир. .»² Деньги, о которых здесь говорится, 4000 золотых динара, были подарены халифом Муктадиром болгарскому царю Алмушу, но не были ему доставлены посольством. Динары эти специально предназначались на постройку крепости. Не явилась ли постройка этой крепости вместе с тем и началом Болгара — города? Нельзя не сопоставить всех этих фактов с тем, что в письменных источниках имя Болгара — города появляется лишь после путешествия Ибн Фадлана.

Выше говорилось, что Шараф аз-Заман Тахир Марвази стоит, как источник, в одном ряду с Ибн Русте, Гардизи и ал-Бекри, поскольку все вместе восходят к одному общему первоисточнику первой половины IX в. Везде, или почти везде, их сведения о юго-восточной Европе совпадают, причем все они дополняют друг друга деталями, так как каждый из них, беря из первоисточника основное, выписывал только те детали, которые лично ему нравились. Таков, как мы уже видели, и рассказ Марвази о хазарах. Нет сомнения, что он взят из того же первоисточника, что и рассказ Ибн Русте, Гардизи, ал-Бекри. Иное совершенно место занимает рассказ Марвази о болгарах. Он дает новые данные не в деталях, а в существенном. Вот его слова: «У них (болгар) два города, один из них называется Сувар, другой называется Болгар и между двумя (этими) городами два дня пути по берегу реки среди густых зарослей».³ Этот рассказ Марвази о Болгарах, если сравнить его с аналогичными рассказами Ибн Русте, Гардизи, ал-Бекри, сильно от них отличается и не имеет с ними общего первоисточника. Не случайно, что он не включен самим Марвази в IX главу, где говорится о тюрках и где помещены описания Поволжья, а также славян и русов.

Рассказ Марвази о болгарах помещен в XV главе «О жителях отдаленных областей и островов». Повидимому рассказ о Болгарах заимствован у Абу Абдаллаха Мухаммеда ибн Ахмеда Джайхани, из не дошедшего до нас его географического сочинения, составленного, повидимому, в первой половине 20-х годов, вскоре после путешествия Ибн Фадлана в страну Болгар. Нам представляется, что это первое упоминание города Болгар в письменных источниках, совпадающее, или почти совпадающее, по времени с первым упоминанием города Болгар на монете с именем Микаила ибн Джафара.

Все вышеизложенное, как нам представляется, приводит к необходимости сделать вывод, что город Болгар заложен был, в качестве города, вскоре после появления в стране Болгар Ибн Фадлана и его каравана, т. е. в 922—923 или в 924 г. У Марвази имеется наряду с Болгаром упоминание города Суvara. Однако это упоминание, повидимому, не является первым. У Ибн Фадлана говорится о людях Саван (سوان),⁴ или Суван; здесь явная ошибка переписчика: легко было принять سوان, за конечное س و вместо Суvara получилось Суван, или Саван. Правда, Ибн Фадлан не применяет здесь термина город (балад или медина), что вполне понятно, ибо он говорит не о самом городе, а о людях, т. е. жителях Савана (Суvara).

Согласно Марвази, оба города — Болгар и Сувар — находились на берегу реки, надо понимать на одном берегу реки, в двух днях пути друг от друга, причем дорога шла через густые лесные заросли.

¹ Т. е. хазар.

² Ибн Фадлан, стр. 69.

³ В. Минорский. *Marvazi*, стр. 44.

⁴ Ибн Фадлан, л. 208 б, русск. перевод, стр. 76.

Следующее по времени известие о городе Болгаре — описание ал-Истахри, составленное последним, как и все его географическое сочинение, около 930—933 гг. Ввиду того, что в науке до сих пор точно не установлено, какие части написаны самим автором, а какие взяты им у его знаменитого предшественника среднеазиатца ал-Балхи, мы будем упоминать только имя ал-Истахри. По словам ал-Истахри, «Болгар» имя города, «они (жители Болгара) мусульмане. Там имеется соборная мечеть. Вблизи города (Болгара) другой город по имени Сувар, в нем также имеется соборная мечеть. Рассказал мне человек, который проповедывал там, что число жителей в этих двух городах около 10 000 человек. Дома у них деревянные, живут в них зимой, а летом располагаются в шатрах».¹

Ибн Хаукаль повторяет эти слова ал-Истахри без каких-либо добавлений.² Еще более, чем у ал-Истахри, короткое описание Болгара дано у ал-Мукаддаси. «Болгар расположен на двух берегах (реки). Строения их из дерева и тростника (веток), ночь там короткая, мечеть (ал-джами) среди рынков».³

Не лишено интереса описание города у автора «Худуд ал-алем». «Болгар — город с небольшой областью, расположенный на берегу Итиля. В нем все (жители) мусульмане; из него выходит до 20 000 всадников. Со всяким войском кафиров, сколько бы его ни было, они сражаются и побеждают. Это место крепкое, богатое. Сувар — город вблизи Болгара: в нем борцы за веру, так же как в Болгаре».⁴ Город Болгар возник в весьма благоприятный период истории болгарской страны. Общество, в основной своей массе перешедшее уже на земледельческий, оседлый труд, приняло оживленное участие в торговле со своими соседями — русами, славянами, буртасами, хазарами и особенно Хорезмом и другими областями Средней Азии. В связи с ростом страны рос и город — столица Болгар. Ал-Истахри уже отмечает в городе соборную мечеть. Однако в 30-х годах город еще не велик: вместе с Суваром он имел всего 10 000 человек населения. Лесной характер окрестностей г. Болгара сказался и на характере построек — дома в городе почти сплошь деревянные. Несмотря на большой удельный вес земледелия, жители города все еще не могут порвать с привычками скотоводов и летом бросают деревянные дома и переселяются в шатры.

В 80-х годах ал-Мукаддаси отмечает уже в Болгаре рынки, а его современник, неизвестный автор «Худуд ал-Алем», отмечает, что все жители города стали уже мусульманами, причем из их среды выходит немалое количество борцов за веру. Город Болгар со своей округой поставляет уже 20 000 всадников, чрезвычайно боеспособных.

Болгары не в меньшей мере, чем хазары, были культурно связаны с Хорезмом и всей Средней Азией. Отсюда пришли к болгарам многие виды ремесла, в том числе и техника чекана восточных мусульманских монет — вспомним прежде всего подражания саманидским дирхемам.

Из Средней Азии пришел в Поволжье и ислам.

О частом посещении Болгара мусульманами, в частности хорезмийскими купцами, мы имеем много сведений в арабской географической литературе. Характерно, что когда Ибн Фадлан появился в этой стране, он уже застал здесь ислам, хотя посольству и было поручено среди прочих задач распространение ислама.

Вот, что он говорит по этому поводу: «Мы видели у них домочадцев одного „дома“ в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже

¹ BGA, I, 225.

² BGA, II, 285.

³ BGA, III, 361.

⁴ Худуд ал-Алем, л. 38 б (текст приведен в переводе В. В. Бартольда, стр. 32).

всех принявших ислам, которые известны под именем аль Баранджар. ¹ Для них построили мечеть из дерева, чтобы они молились в ней».

Здесь определенно говорится о принятии ислама целым родом Баранджар.

О распространении ислама среди болгар до прибытия к ним Ибн Фадлана, т. е. 922 г., говорит и Ибн Русте, географ, сведения которого о Восточной Европе относятся ко времени до 845 г. Ибн Русте определенно указывает на то, что большая часть болгар исповедует ислам, что у них есть мечети, начальные мусульманские школы и муэззины. ² У Гардизи имеется небезинтересная деталь. Болгары при встрече со знакомым мусульманином падают ниц. ³ Повидимому Ибн Русте значительно преувеличивал распространение здесь ислама. Некоторые исследователи считают, что Ибн Русте свои сведения об исламе у болгар взял из какого-то дополнительного источника, скорее всего у Ибн Фадлана. В своем этом убеждении они исходят из слов ал-Масуди, который определенно говорит, что болгарский царь принял ислам после 310 г. хиджры в дни халифа Муктадира. ⁴ Так как начало 310 г. хиджры приходится на 1 мая 922 г., то отсюда делается вывод, что принятие ислама произошло после прибытия посольства, с которым приехал Ибн Фадлан. Со всем этим можно было бы согласиться, если бы не слова самого Ибн Фадлана, видевшего целый болгарский род в 5000 человек, принявший ислам до его приезда.

Ибн Фадлан застал среди болгар некоторые особенности в исполнении ислама. Там провозглашали икаму ⁵ удвоенную, что, по правильному предположению переводчика Ибн Фадлана, характерно более всего для Средней Азии, откуда и шло распространение ислама среди болгар.

Ислам после Ибн Фадлана настолько прочно внедрился в стране Болгар, что там, по словам ал-Масуди, мог иметь место следующий факт. Сын болгарского царя, повидимому Алмуша ибн Шилки (Джафара ибн Абдаллаха), так как это было после 310 г. (= 922—923) и до 332 г. (= 943—944), отправился в хаджж, проехал через Багдад, где представился халифу и сделал ему богатые подарки, в том числе черные меха. ⁶

Характерно, что болгарского царя никогда не именовали каганом. Арабские источники применяли к нему титул мелика, сахиба, эмира, или невыясненного окончательно Балтазара, и никогда кагана.

Повидимому, болгары не успели еще в VI в., когда они жили на Северном Кавказе, подвергнуться влиянию тюркского каганата. Если в религиозном и отчасти культурном отношении болгары подверглись влиянию Средней Азии (ислам и связанные с ним обычаи), то в политическом отношении на них сильное влияние оказали их западные соседи — русские славяне. Не случайно на Востоке их смешивали со славянами. Все-таки остается поразительным фактом, что самый надежный источник X в. о Поволжье — Ибн Фадлан, записки которого являются продуктом внимательного наблюдения над повседневной жизнью болгар, почти во всех случаях именуется их «сакалиба».

1945 г.

¹ Об этом слове имеются весьма интересные соображения у проф. Б. Н. Заходера, высказанные им на одном из докладов по историографии изучения Поволжья.

² BGA, VII, 141.

³ Гардизи у В. В. Бартольда, 121.

⁴ Ал-Масуди, II, 16.

⁵ Икама — второй призыв к молитве.

⁶ Ал-Масуди, II, 16.

А. Е. АЛИХОВА

КУЛИКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Обширная территория, заселенная в настоящее время мордвой, была почти совершенно не изучена вплоть до 90-х годов прошлого столетия. Однако несколько обнаруженных здесь ранее могильников свидетельствовали об очень интересной и своеобразной культуре, что побудило А. А. Спицына и проф. Казанского университета И. И. Смирнова совершить поездку в 1892 г. в Мордовский край по р. Мокше и Цне с целью систематического изучения этого района. В результате их обследования был вскрыт ряд могильников от VII до XVII вв., позволивший наметить определенные хронологические вехи, правильность которых не опровергнута и сейчас, а для ранее вскрытых памятников установить их племенную принадлежность и уточнить их хронологические рамки.

Одним из интереснейших памятников, привлекавших внимание А. А. Спицына, был Ефаевский могильник. Это был единственный памятник, заполнявший пробел между Ляданским могильником и многочисленными могильниками XIV в.

За советское время были произведены большие археологические работы по истории мордвы, вскрыто много новых памятников, но синхроничных Ефаевскому могильнику найдено не было. Только в 1938 г. экспедиция Мордовского научно-исследовательского института обнаружила аналогичный могильник в с. Куликове у р. Виндрей. Небольшие раскопки были произведены здесь под руководством автора статьи.

Куликовский могильник расположен в центре Куликова (Торбеевского района, Мордовской АССР), на площади между церковью и школьным садом (рис. 1). Это место представляет собой слабо возвышенный берег р. Виндрей, протекающей в расстоянии, примерно, $\frac{1}{3}$ км от могильника. На месте могильника в настоящее время находится большая слабо застроенная площадь с сараем для овощехранилища. Во время его постройки в 1938 г. при рытье котлована был обнаружен могильник, вещи из которого собрал местный учитель, а о могильнике сообщил Мордовскому научно-исследовательскому институту.

Тогда же была произведена разведка, а затем в 4 местах заложены раскопы, выявившие плохую сохранность могильника. Начиная с поверхности попадались отдельные предметы и человеческие кости, часто сильно разрушенные. Сохранившиеся 14 погребений были также наполовину разрушены. Это объясняется тем, что на месте могильника некогда были крестьянские постройки и огороды. Кроме того, как показывает анализ материала, часть погребений была разрушена при рытье могил для более поздних погребений. Погребения могильника позволяют установить следующие черты ритуала. Покойников хоронили головой на ЮВ в неглубокой могиле, преимущественно на глубине 65 см в слое чернозема и крайне редко в плотной глине, на глубине, не превышающей 80 см.

Достоверно женских погребений было раскопано четыре, одно из них было наполовину разрушено. В женских погребениях костяк лежал на правом боку со слегка согнутыми ногами и руками, повидимому, расположенными у лица. Мужские костяки, обычно, лежали на спине в вытянутом положении.

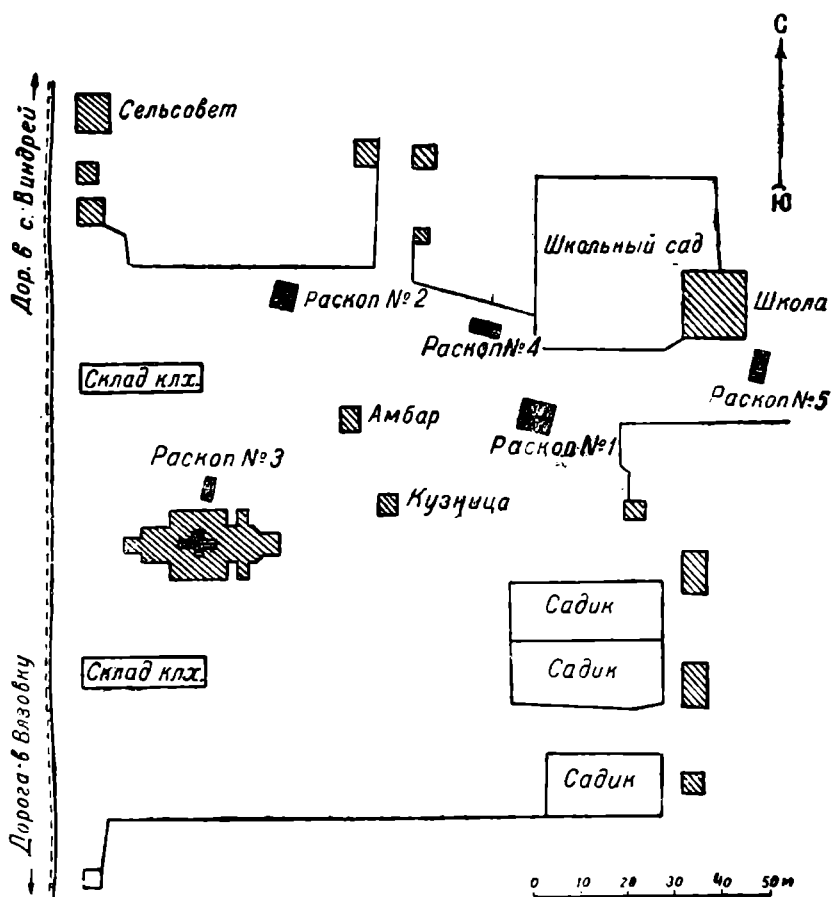

Рис. 1. План могильника.

Подобно тому, как это неоднократно наблюдалось в других могильниках, покойников, очевидно, хоронили на деревянной подстилке или носилках, о чем свидетельствуют сохранившиеся в одном погребении куски дерева. Погребения отличаются сравнительно малым количеством сопровождающего инвентаря.

Женские погребения

Начиная, примерно, с XI в., широко распространенным женским украшением у мордвы-мокши были трубчатые наkosники, в более позднее время называемые пулокерь. В нашем могильнике из трех не нарушенных погребений наkosник был в двух. Это своеобразное украшение представляет собой следующее. Обычно брали небольшую прядь волос от косы, к ней прикладывали круглую палочку, затем все это обматывали кожаным ремешком шириной примерно в 1 см и шнуром и заключали в лубяной футляр в виде конической трубки длиной 30—40 см. Сверху этот футляр плотно обматывался виток к витку либо бронзовой полоской около 2 мм шириной (рис. 2, б), либо ремешком, обвитым в свою очередь тоненькой бронзовой проволокой.

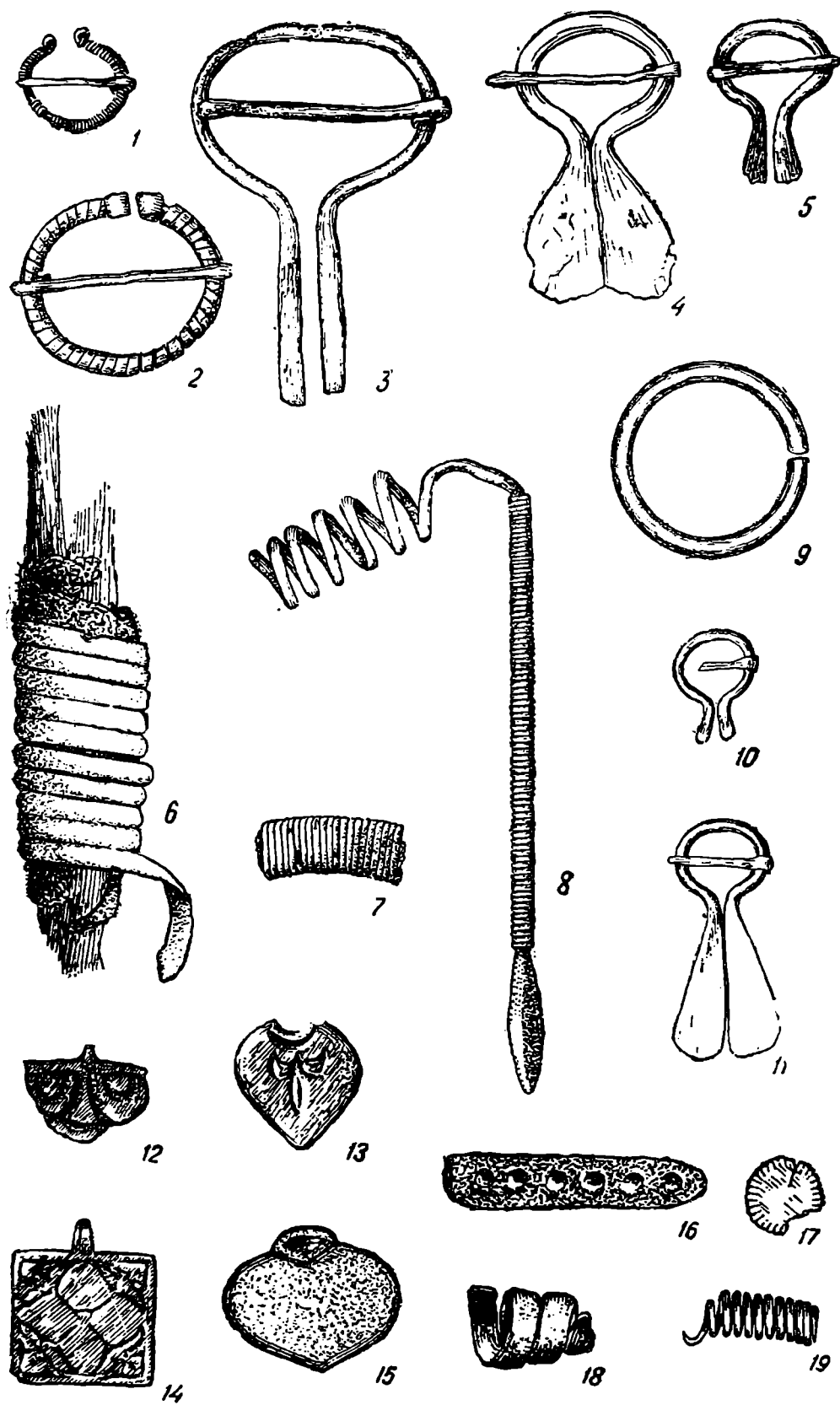

Рис. 2.

1-2 — застёжки кольцевые (раскоп I); 3, 5, 10 — сьюльгама узколопастные (раскоп I); 4 — сьюльгама с расширенными лопастями (погр. 2); 6 — наконик, обвитый сверху бронзовой полаской (раскоп I), 7 — часть витка от наконника — ремешок, обвитый проволокой (раскоп I); 8 — спиральная височная привеска (раскоп I); 9 — височное кольцо — серьга (погр. 9); 11 — сьюльгама с расширенными подтреугольными лопастями (погр. 7); 12, 13 — бляшки (раскоп II); 14 — бляшка (раскоп I); 15 — бляшка (раскоп IV); 16 — бляшка (погр. 10); 17 — бляшка (погр. 8); 18, 19 — обломки спиралек (раскоп I).

(рис. 2, 7). При этом в более ранних могильниках, например, в Лядинском,¹ отчасти в Ефаевском,² ремешок сравнительно широк (рис. 2, 7) и витки проволоки, обвивающей его, не так плотно прилегают друг к другу. Последний тип накосяника с неплотной обмоткой так же древен, как и с обмоткой из бронзовой полоски, и характерен только для XI—XII вв. и отчасти, может быть, для XIII в. В описываемом могильнике в ненарушенных погребениях были накосяники с обмоткой из бронзовой полоски. Этот тип накосяника, судя по материалам Муранского могильника³ и отчасти Старосотенского, в XIV в. уже не встречается. Однако все три описанных типа накосяника были встречены в нашем могильнике среди единичных находок в виде отдельных обрывков. В единственном погребении, не имевшем накосяника, в области черепа лежало височное кольцо (типа рис. 2, 9), сделанное из толстой проволоки с разомкнутыми концами. Такое же кольцо было и в детском погребении. Это широко распространенное украшение, судя по единичным находкам, было обычным украшением женщин, погребенных в Куликовском могильнике.

Браслеты, найденные в двух погребениях (женском и детском), были железные пластинчатые, сравнительно часто встречающиеся у мокши в XIV в., и в одном погребении бронзовый, витой тройной, имеющий ажурный вид, вследствие слабого витья.

Перстень найден один — широкосрединный с нарезным орнаментом (рис. 3, 9).

Обычной, но необязательной принадлежностью одежды были сюльгамы, которые носили на груди. В ненарушенных погребениях сюльгамы были преимущественно узколопастные (типа рис. 2, 5) и незначительное количество с расширенными подтреугольными лопастями (рис. 2, 11). Эти типы сюльгам являются сравнительно ранними и в XIV в. уже не встречаются. Кроме сюльгам в детском погребении были кольцевые застёжки малого и среднего размера, одна из них была обвита узкой бронзовой полоской (типа рис. 2, 2). Размер застёжек у мордвы может отчасти иметь датирующее значение. Найденные в погребении застёжки могут быть отнесены к XIII в.

Бусы, судя по тому, что они были найдены только в детском погребении, среди взрослого женского населения были мало распространены. В детском погребении на груди были два бубенчика (типа рис. 3, 11) и большое количество бус (около 80 шт.), которые, вероятно, представляли сложное украшение, лишь частью сохранившееся. Удалось проследить, что среди беспорядочно лежавших бус один бубенчик был окружен бусинами средних размеров. Из найденных бус выделяется большая овальная с ромбическим сечением (рыбовидная) из синего стекла (типа рис. 4, 13), встречающаяся обычно в XIII—XIV вв. Кроме того, была одна синяя винтообразная. Примерно половина общего количества бус сделана из черного стекла. Форма всех встреченных бус различная; это преимущественно кольцеобразные, в форме сплюснутого с боков шара и шарообразные. Помимо детского погребения, на груди у одного женского костяка был также найден бубенчик (рис. 3, 11), который скорее всего служил оберегом от злых духов.

Из производственного и бытового инвентаря в женских могилах находили глиняные и шиферные пряслица кольцеобразной и битрапе-

¹ В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовск. губ. МАР, № 10.

² Раскопки Ефаевского могильника Е. И. Горюновой — см.: В. М. Терехин. Ефаевский могильник. Изв. Общ. археол., ист. и этн. при Казанск. унив., т. XIV, вып. 1. Казань, 1897 (материал в коллекциях ГИМ).

³ А. А. Сплицын. Ефаевский могильник. ЗРАО, т. X, вып. I—II, Новая серия СПб., 1898.

широкой (чаще называемой биконической) формы (рис. 4, 23). Как известно, шиферные, вырабатываемые на Волини пряслица позже XIII в. у славянских племен не встречаются.

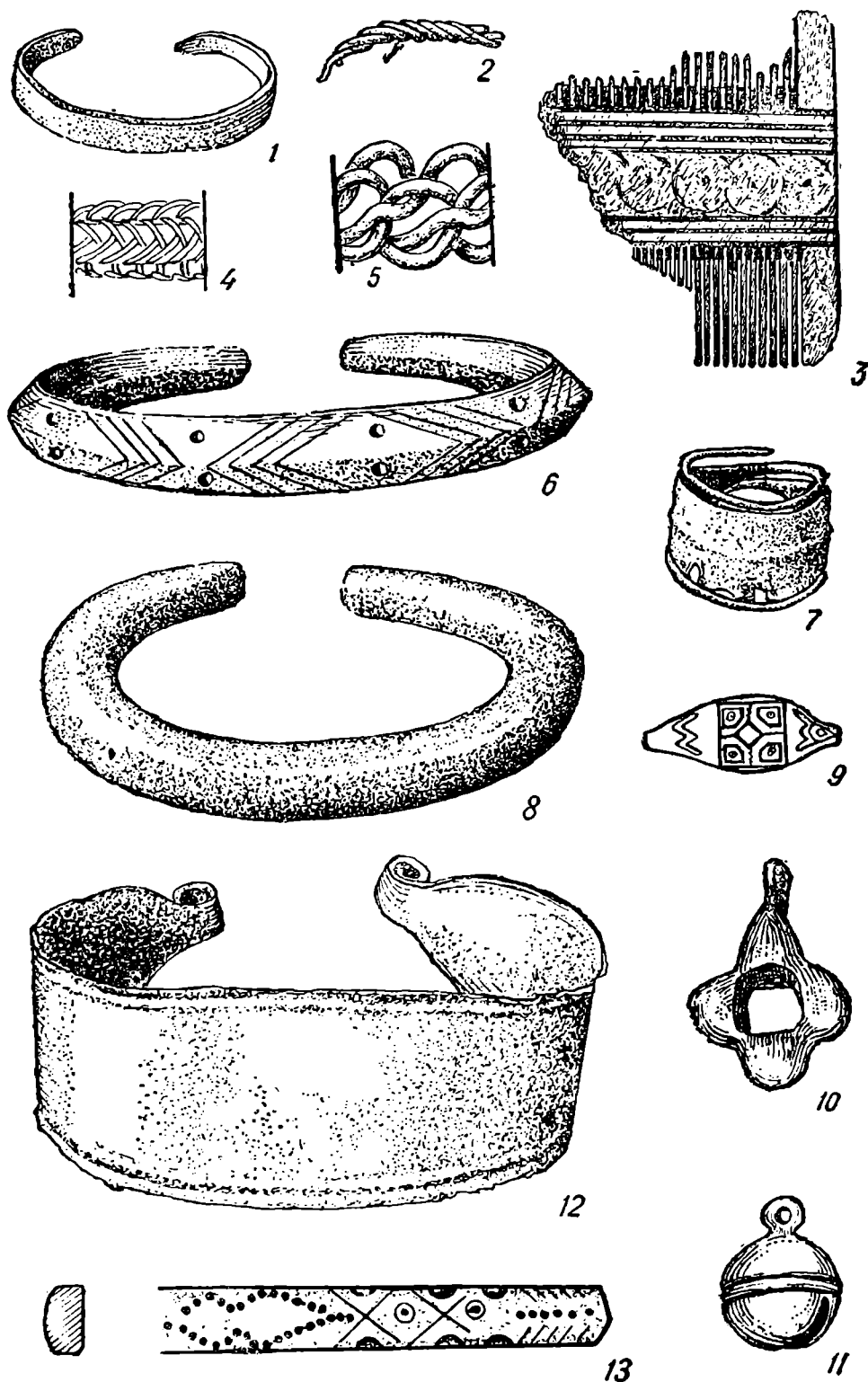

Рис. 3.

1, 6, 8, 12 — браслеты (раскоп I); 2 — обломок витого браслета (раскоп II); 3 — гребень (раскоп II); 4 — браслет плетеный (подъемный материал); 5 — браслет плетеный (п. гр. 7); 7 — перстень „усатый“ (раскоп I); 9 — перстень (ш. гр. 1); 10 — привеска (раскоп I); 11 — бубенчик (ш. гр. 1); 13 — браслет (подъемный материал).

В одном случае у головы погребенного был положен нож, в другом в ноги поставлен горшок.

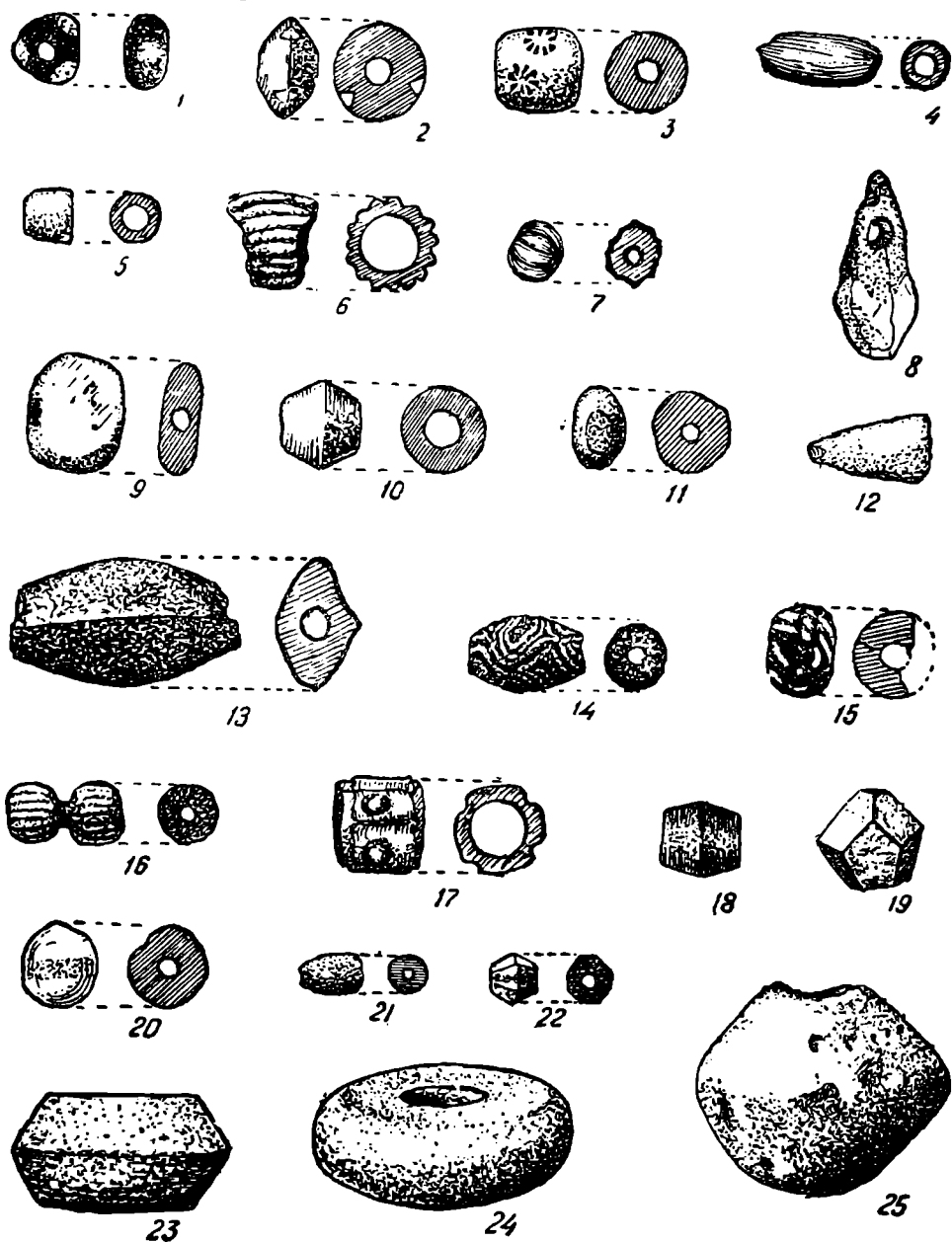

Рис. 4.

1—6, 9—11, 13, 16—18, 20—22 — бусины из раскопа I; 7 — бусина из раскопа II; 8 — просверленный зуб животного; 12 — вставка синяя стеклянная (раскоп I); 14 — бусина (раскоп IV); 15 — бусина (подъёмный материал); 19 — бусина (раскоп III); 23 — пряслице (погр. 9); 24, 25 — пряслице (раскоп I).

Мужские погребения

Вскрыты шесть мужских погребений, за исключением одного (без вещей), были отчасти разрушены, и кости сохранились плохо. Сопровождающий же инвентарь очень индивидуален, поэтому обобщения невозможны. Большой интерес представляют два сильно разрушенных погребения, относящиеся к более раннему времени, именно к X—XI вв. В одном из них был найден у голени покойника нож и топор-молот (рис. 5, 10), в другом у бедра узколезвийный топор с щековицами. Топор этого же типа, характерного для IX—X вв., был найден в Старосотенском могильнике в единственном экземпляре (среди 120 могил) с маленькой узколопастной сьюльгамой. Очевидно, в единичных слу-

чаях он доживает до XII — и может быть, как исключение, до XIII в.

Эти два погребения являются подтверждением длительного существования Куликовского могильника.

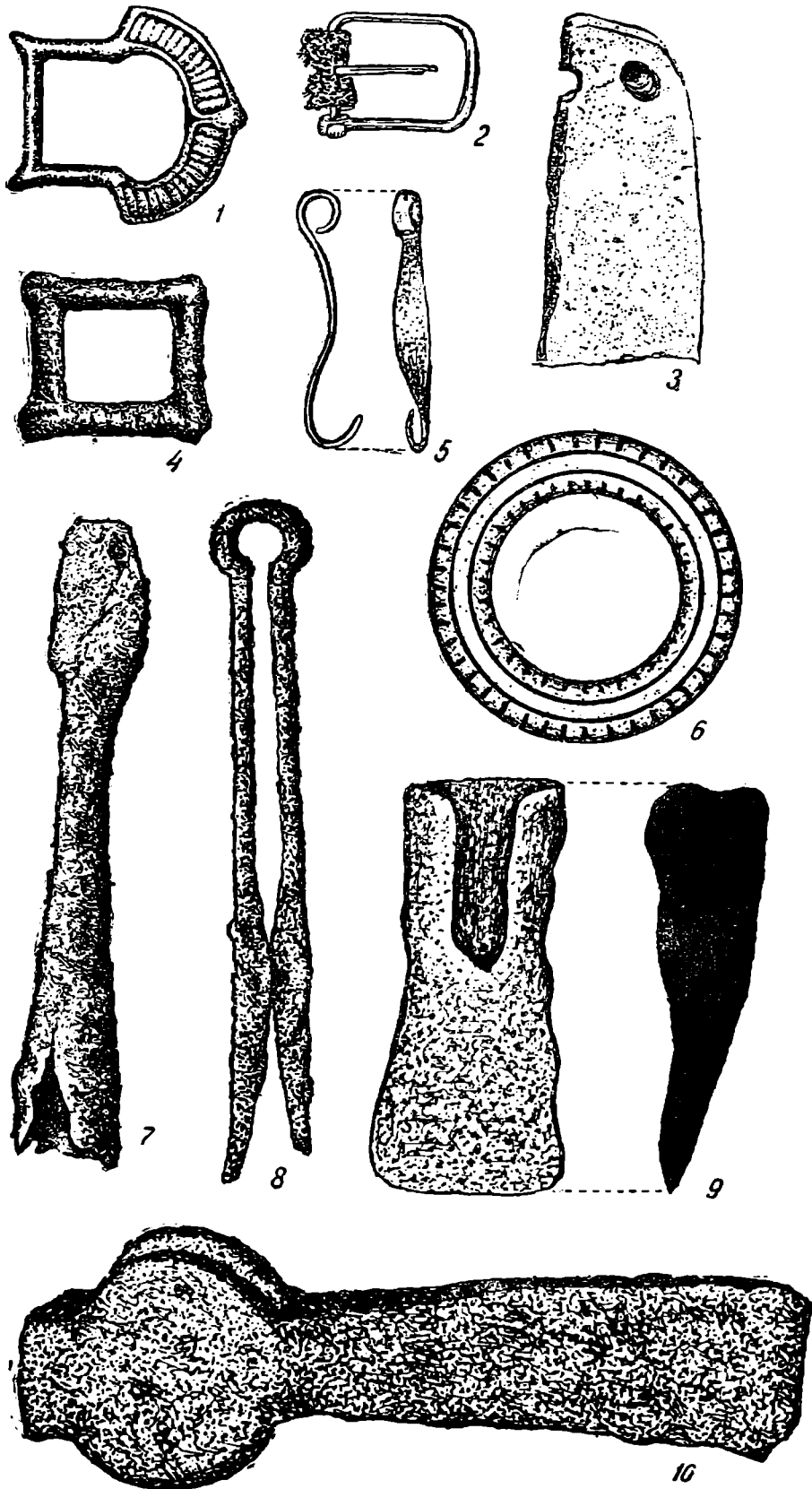

Рис. 5.

1, 2, 4.— пряжки поясные (раскоп I); 3 — оседок (раскоп I); 5 — крючок (раскоп I); 6 — кольцо поясное (подъемный материал); 7 — наконечник копья (погребение II); 8 — ножны иды (раскоп IV); 9 — мотыга (раскоп IV); 10 — топор-молот (раскоп IV)

К описанным следует присоединить погребение 11-е. В нем было только копье (рис. 5, 7). Так как в известных нам мокшанских могильниках XIV в. подобного рода оружие встречается так же редко, как и топоры с щековицами, то погребение очевидно можно отнести к более раннему времени. Интересно отметить, что здесь, как и в Старосотенском могильнике, в погребении, имеющем копье, производственный инвентарь отсутствовал.

К несколько более позднему времени относятся два других захоронения. В погребении № 10 у покойника в области груди лежали вместе две стрелы, ниже (примерно, в области живота) — группа бусин, от которых к ногам вдоль средней линии шли отдельные бусины. Возможно они служили в качестве пуговиц или их положила в могилу жена умершего. За последнее говорит найденная среди бус оловянная бляшка овальной формы с рядом отверстий посередине (рис. 2, 16). Тождественные бляшки были обнаружены А. Л. Ивановским в нескольких женских погребениях б. Петербургской губ.¹ А. А. Спицын датирует бляшку XIII—XIV вв. Присутствие же бочкообразных позолоченных и посеребренных бусин (типа рис. 4, 18), распространенных у северных славянских племен, по А. А. Спицыну, в XI—XIII в. и у вятичей, по А. В. Арциховскому,² в XII в., — позволяют датировать это погребение не позже XIII в. И, наконец, в последнем погребении, наиболее типичном для XIII—XIV вв., к сожалению, наполовину разрушенном, у пояса покойника были найдены: небольшое овальное огниво, железное кольцо, железная поясная пряжка и в области колен — нож. Верхняя часть этого погребения разрушена.

Таким образом рассмотренные погребения указывают на длительное существование могильника. Наиболее ранними захоронениями являются два мужских погребения с узколезвийными топорами. Погребения, возможно, относятся к XI в. Что в это время уже существовал могильник, можно судить по сравнительно большому количеству единичных находок, датируемых этим временем.

Поздние погребения, очевидно, относятся к XIII в. За это говорит преобладание наконечников, обмотанных бронзовой полоской и узколопастных сюльгам. Отсутствие же характерных для XIV в. сюльгам с широкими треугольными, массивными трехгранными и подпрямоугольными лопастями является также доказательством более раннего существования этого могильника.

Несмотря на то, что погребения дали очень небольшой и к тому же фрагментарный материал, они представляют значительный интерес, так как относятся к малоизученному для мокши периоду XI—XIII вв. Надо надеяться, что дальнейшие исследования этого могильника обнаружат менее потревоженные участки. В наших же раскопках главную массу составляли единичные находки разрушенных погребений, заполнявшие всю толщу чернозема.

Для большего удобства изучения материал нами распределен по следующим группам: украшения, оружие, производственный и бытовой материал.

Украшения

Наконечники. В большом количестве в раскопках встречались обрывки наконечников всех описанных выше типов. Из них значительно чаще были находимы остатки от наконечников, обвитых бронзовой полос-

¹ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. МАР № 20. СПб., 1896, табл. XVI, 9.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

кой (рис. 2, 6), появившихся впервые, судя по материалам Лядинского могильника,¹ в X—XI вв. и широко распространенных в течение XII и XIII вв., например в Ефаевском могильнике² и в Старосотенском³ могильнике (комплекс А).

Наряду с этим типом накосника, но значительно реже, встречались обрывки накосника, обвитого сравнительно широким плоским ремешком, неплотно обвитым бронзовой проволокой (рис. 2, 7).

Височные кольца (рис. 2, 9) сделаны из бронзового, а чаще серебряного прута с тупыми разомкнутыми концами. Размер височных колец — 1.7 см (4 кольца) и ок. 3 см (4 кольца). Следует сказать, что этот тип височных колец бытовал широко и длительно. Так, например, на востоке он известен из могильника VIII в., расположенного около г. Томска,⁴ на западе — в Гнездовском могильнике^{5, 6} (X в.). На севере они встречены в б. Тверском уезде,⁷ на юге — в б. Екатеринославской губ. в погребении XII в. и на Кавказе — в могильниках XIV в.

Спиральная височная привеска (рис. 2, 8), состоящая из спирали в 6—7 оборотов и отходящего от нее под прямым углом стержня и оканчивающаяся бипирамидальным утолщением. Стержень обмотан узкой серебряной полоской. Подобные височные привески являются типичнейшим мордовским украшением, известным начиная со времени Армеевского могильника,⁸ т. е. с V—VII вв., и существовавшим вплоть до XI в. В XII в. они являются редкостью. Скорее всего к XII в. относятся эти привески и в Куликовском могильнике, где было найдено всего две подобных привески, притом одна в виде обломка.

Браслеты встречены следующих типов: пластинчатые, массивные круглые, четырехгранные, плосковыпуклые и витые.

а) Пластинчатые браслеты. Простейший из них детский. Он сделан из узкой, суженной к концам пластины с тупыми концами (рис. 3, 1). Этот широко распространенный тип тупоконечных браслетов, встречающийся также у вятичей, А. В. Арциховский относит к XII в. Другой браслет несколько уже и более заострен к концам. Поверхность украшена кружковым орнаментом. Кроме того, найден широкий пластинчатый браслет (рис. 3, 12) с свернутыми в трубочки сильно суженными концами. Подобный браслет имеется в Муранском могильнике.

б) Массивный круглый браслет. Сюда относится один браслет толстый, круглый в сечении с тупыми концами (рис. 3, 8). Подобный тип браслета был нами встречен в мордовском Кужендеевском могильнике.⁹

в) Плосковыпуклые браслеты, неширокие, выпуклые с наружной стороны и плоские с внутренней; некоторые из них в поперечном сечении приближаются к прямоугольнику. Концы браслета притуплены. Один браслет этого типа был без орнамента, два других украшены нарезками, точками, ямками и кружками (рис. 3, 13). По орнаменту эти браслеты приближаются к найденным в Гагинском могильнике,¹⁰

¹ В. Н. Ястребов, ук. соч.

² Раскопки Ефаевского могильника Е. И. Горюновой. — В. М. Терехин, ук. соч.

³ А. Е. Алихова, ук. соч.

⁴ Мат. по доист. археол. России, т. II, стр. 316—323, рис. 18; ЗРАО, т. XI, вып. I, II, новая серия, Тр. Отд. слав. и русск. археол., СПб., 1899.

⁵ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. МАР, № 28, СПб., 1902. — Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15.

⁶ А. А. Спицын. Раскопки близ д. Дудневой, Тверского у.

⁷ ИАК, вып. 6, СПб., 1904.

⁸ П. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930.

⁹ Бывш. Нижегородской губ., Ардатовского у., с. Кужендеево. Разведка А. Е. Алиховой в 1928 г. Материал находится в Горьковском обл. музее.

¹⁰ Гагинский могильник. ОАК за 1894 г., СПб., 1896.

а по форме — к браслетам из Гдовских курганов.¹ А. А. Спицын их датирует XI в. Вероятно к этому же времени следует отнести и найденные нами браслеты.

г) Браслеты с ромбическим сечением. Сюда относится один браслет (рис. 3, 6) с нарезным орнаментом.

д) Витой браслет — найден всего один обломок тройного витого из тонкой проволоки браслета (рис. 3, 2).

Перстни. Найдено всего три перстня. Два из них спиральные широкосрединные, по терминологии А. В. Арциховского «усатые»² (рис. 3, 7) и один круглопроволочный с подпрямоугольным щитком. Спиральные широкосрединные перстни были широко распространены и встречаются почти в каждом мокшанском могильнике XII — XIII вв., например, в Ефаевском могильнике³ и более раннем комплексе Старосотенского могильника (комплекс А).⁴ Однако появились они значительно раньше: они известны у мордвы Лядинского могильника, а на западе из одновременного Люцинского могильника.⁵ На востоке эти перстни имеются среди камских древностей⁶ и также часто встречаются у соседей мордвы — славян.

Сюльгамы являются типично мокшанским украшением, бытующим вплоть до настоящего времени. Все найденные в Куликовском могильнике сюльгамы, за исключением двух типичных для XVII — XVIII вв., относятся к более ранним типам.

Сюльгамы генетически связаны с застежками с усами, появившимися впервые в окских могильниках. На материале Лядинского могильника можно проследить, как усы постепенно превращались в лопасти. Путь развития формы был следующий: у более древних форм усы представляют трубочки с сильно удлинненными и расплюснутыми концами. Позже усы стали делать литыми, причем постепенно начал уменьшаться верхний отдел, выступающий внутрь дужки. С потерей этого выступа и уплощением усов получается уже сюльгама с узкими лопастями, по размерам совпадающая с застежками с усами. Подобные сюльгамы с большой дужкой и лопастями в виде узких плоских прутиков встречены в Лядинском и Куликовском могильниках (рис. 2, 3). Позже в XII в. форма сюльгам резко меняется. Они приобретают карликовый размер и лопасти начинают расширяться книзу. Подобные сюльгамы известны по материалам Ефаевского могильника, Куликовского (рис. 2, 5 и 10) и отчасти Старосотенского. Дальнейшая эволюция идет по линии увеличения размера и расширения лопастей. Последние к XIV в. получают правильные треугольные очертания. В XIV же веке появляются два новых типа менее долговечных — с утолщенными узкими лопастями (трехгранными в поперечном сечении) и плоско-выпуклыми подпрямоугольными лопастями. Эти формы, хорошо датированные монетами, типичны для Муранского могильника, Старосотенского, комплекса В, и других могильников XIV в.

Значительная часть встреченных в Куликовском могильнике сюльгам имеет узкие, часто короткие поломанные лопасти (рис. 2, 5 и 10) и лишь незначительная часть — слегка расширенные подтреугольные (рис. 2, 11) и плоские подпрямоугольные лопасти. Размеры сюльгам

¹ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, СПб., 1903.

² А. В. Арциховский, ук. соч.

³ Раскопки Ефаевского могильника Е. И. Горюновой.

⁴ А. Е. Алихова, ук. соч.

⁵ Древности сев.-зап. края, т. I, вып. 2. Люцинский могильник. МАР, № 14, СПб., 1893.

⁶ А. А. Спицын. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоухова. МАР, № 26, СПб., 1902.

различны: их длина колеблется от 2 до 6 см. Но часто определить полную длину сьюльгам невозможно, так как у многих тонкие узкие лопасти отломаны. Поэтому для классификации принят в расчет другой показатель, именно ширина дужки. Поскольку материал однороден и всюду имеется более или менее одна и та же пропорциональность частей, этот показатель в данном случае достаточно характерен.

СЮЛЬГАМЫ КУЛИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Колич. сьюльгам	Ширина дужки (в см)	Длина сьюльгам (в см)	Характеристика
2	1	1.5—2	Узкие тонкие лопасти; в одном случае, повидимому, сломанные (рис. 2, 10)
19	1—1.5	2—2.5	Узкие слегка расширенные поломанные лопасти (рис. 2, 5)
14	1.6—2	2—3	Узкие слегка расширенные лопасти, в большинстве случаев поломанные
4	2.1—2.5	2—3.5	С узкими лопастями, у большинства поломанными
4	2.5	3.7—5	С узкими лопастями (ранний тип)
1	3	4	С узкими лопастями (ранний тип)
5	3.5	5	С узкими лопастями (рис. 2, 3)

Поздние типы сьюльгам

3	1.7	2.5—3	С расширенными подтреугольными лопастями (поломанными)
3	2.5	3.5—4.5	То же (рис. 2, 4)
2	3—3.5	5.5—6.2	С подпрямоугольными плоскими лопастями
1	1.5	3.5	С треугольными лопастями (XIII—XIV вв.)
2	2—3	5—5.5	XVII—XVIII вв. (рис. 2, 9)

Застежки кольцевые, типичные для окских могильников первых веков н. э.,¹ также были известны мордве, оставившей Армеевский могильник.² Позже они исчезают из употребления, их заменяют застежки с усами. Вновь они появляются только в XII в. Судя по материалам Ефаевского могильника, они, как и сьюльгамы, имеют в это время карликовые размеры, часто не превышающие 1.5 см. Дальнейшая эволюция застежек идет по линии увеличения размера.

Обнаруженные в описываемом могильнике застежки в количестве 13 экз., за исключением одного, также малы. Размер следующий: от 1 см до 1.5 см (6 застежек), от 1.5 см до 2 см (3 застежки), 2.3 см (1 застежка). Две застежки (размером 1.3 см) обмотаны бронзовой проволокой (рис. 2, 1), одна более поздняя — XIII—XIV вв. (размером 2.7 см) — обмотана бронзовой ленточкой (рис. 2, 2).

Гривна. Найден обломок железной крученой гривны, сильно разрушенный. Гривны в мордовских могильниках обычно позже X в. не встречаются.

Бусы. Придерживаясь принятой А. В. Арциховским типологической классификации, разработанной им для вятичей,³ рассмотрим более четко выраженную группу ранних бус, датируемых XI—XII вв. Большинство из них относится к отделу круглых, т. е. имеющих в поперечном сечении круг. Из них в первую очередь следует остановиться:

¹ В. Н. Ястребов, ук. соч.; Раскопки Ефаевского могильника Е. И. Горюновой; В. М. Терехин, ук. соч.

² П. Рыков, ук. соч.

³ А. В. Арциховский, ук. соч.

на посеребренных и позолоченных бусах. Они относятся к двум разным типам: бочкообразным и цилиндрическим. Бочкообразные бусы (рис. 4, 18) сравнительно коротки, имеют широкие бока со слегка намеченной гранью посреди. По определению А. А. Спицына,¹ подобные бусы являются более древними и датируются XI в. К тем же выводам приходит и А. В. Арциховский.²

К XI же веку относится одна посеребренная бусина другого типа: она имеет рельефный орнамент в виде четырех продольных борозд и кружков, в поперечном сечении дает подквадратную форму (рис. 4, 17).³ К несколько более позднему времени, а именно к XII—XIII в., А. А. Спицын относит посеребренные цилиндрические бусы, встреченные также в описываемом могильнике.

Кроме того, к XI—XII вв. относится желтая мозаичная бусина бочкообразной формы (рис. 4, 3), с черными глазками в виде розетки.⁴ Битрапецеидная.⁵ синяя с вставками в виде белых треугольников (рис. 4, 2). Подобная бусина известна из раскопок Л. Ю. Лазаревича-Шепелевича в д. Ровнушино б. Витебской губ.⁶ К этому же времени относится также коричневая бусина с желтыми бугорками (рис. 4, 1).⁷

К немного более раннему времени следует отнести парную бусину сероватого цвета с черными полосками (рис. 4, 16). Подобные бусины известны в Лядинском могильнике.⁸

К XIII—XIV вв. следует отнести фарфоровые ребристые бочкообразные бусы голубого цвета (рис. 4, 6), бусы из горного хрусталя шарообразной формы (рис. 4, 20), четырехгранную рыбовидную бусину из синего стекла (рис. 4, 13). Временем не позднее XIII в. могут быть датированы две черных мозаичных бусины (рис. 4, 14, 15), относящиеся к типу эллипсоидных и зонных.

Помимо перечисленных, были найдены бусы, не имеющие четкой даты. Сюда относятся две черные бусины — одна кольцообразной, другая эллипсоидной формы (рис. 4, 4), а также две плоских монетообразных сравнительно крупных синего (рис. 4, 9) и зеленого цвета, две синих битрапецеидных (рис. 4, 10), одна темносиняя зонная, одна белая, одна стеклянная многогранная (рис. 4, 19), одна из темно-красного камня с зашлифованными в трех местах боками (рис. 4, 11).

К более поздним относятся две многогранные бусинки из яркожелтого и синего прозрачного стекла (рис. 4, 22) и голубая шарообразная, украшенная четырьмя ямками, со следами шва от литья.

Привески. В числе найденных пяти привесок были два бубенчика, одна просверленная косточка и две собственно привески.

Бубенчики (рис. 3, 11) небольшого размера с одной прорезью, опоясанные двумя бороздками. Подобные бубенчики известны по находкам в курганах б. Петербургской губ.⁹ Они довольно часты в кур-

¹ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29. СПб., 1903.

² А. В. Арциховский, ук. соч.

³ Подобная бусина имеется среди материалов Гдовских курганов. МАР, № 29. т. XXII, рис. 72.

⁴ Ср. МАР, № 29, табл. XXII, 45.

⁵ Битрапецеидная, т. е. имеющая в продольном сечении форму двух, сложенных основаниями трапеций.

⁶ Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич. Извлечение из отчета об исследов. и раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губ. ИАК, вып. 6. 1905, табл. II, рис. 3.

⁷ Подобные известны среди Гдовского материала. (МАР, № 29, табл. XXII, 55).

⁸ В. Н. Ястребов, ук. соч., табл. XII, 11. В продольном сечении буса представляет часть круга, ограниченную двумя параллельными хордами.

⁹ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896.

ганах вятичей XIII — XIV вв. У мордвы этого времени бубенчики встречаются крайне редко.

Крестообразная привеска (рис. 3, 10) с отверстием в центре и ушком для подвешивания. Аналогичная подвеска известна из Лядинского могильника.¹

Квадратная привеска с петлей для подвешивания, украшенная рельефным орнаментом в виде четырехлопастной розетки в центре. Свободные углы заполнены растительным орнаментом (рис. 2, 14). Близкие по орнаменту привески известны из Гнездовского могильника (X в.).

Бляшки были вплоть до XI в. обычным украшением кожаных поясов. Подобные пояса в этот период широко распространены не только у мордвы, но по всей Европейской части СССР, причем некоторые типы бляшек были одинаково характерны для всей этой территории. Например, найденные в Куликовском могильнике бляшки в виде пальметок с рельефным орнаментом (рис. 2, 12) и свободно висящим кольцом известны среди салтовских² и камских древностей,³ а также у муромы в Подболотьевском могильнике.⁴ У мордвы они встречены в Перемчалкинском⁵ и Лядинском могильниках IX—X вв.⁶ Следует отметить, что у мордвы эти бляшки бытовали вплоть до XIV в., но при этом они становились более грубыми, размер самих бляшек увеличился почти вдвое, в то время как величина колечка сильно уменьшилась. Такого вида бляшки известны в Ефаевском,⁷ Сарлейском⁸ и Гагинском могильниках XII—XIV вв.

К широко распространенному типу относится также сердцевидная бляшка с криноидным орнаментом (рис. 2, 13). Близкие по форме бляшки имеются в Лядинском и Гнездовском могильниках.⁹ Три следующих бляшки овально-сердцевидные. Они характерны тем, что вместо сердцеобразного выреза, выраженного здесь только орнаментом, имеют выступ с рельефным орнаментом (рис. 2, 15). Происхождение двух последних типов бляшек обычно связывают с востоком К мало распространенному типу относятся маленькие круглые бляшки диам. в 1 см с насечками по краю (рис. 2, 17) и штифтом с обратной стороны.

Рассмотренные бляшки, имеющие параллели среди материала Лядинского могильника и других одновременных, могут быть датированы X и может быть XI в.

Пряжки поясные. Целых пряжек найдено пять, 3 из них бронзовые и 2 железные. Бронзовые пряжки следующие: 1) лировидная без язычка (рис. 5, 1). Этот тип широко распространен среди славянских древностей. Совершенно тождественные встречены в петербургских курганах,¹⁰ в смоленских, киевских, а также среди камских древ-

¹ В. Н. Ястребов, *ук. соч.*, табл. VII, 14.

² А. М. Псковский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I.

³ А. А. Спицын. Древности Камской чуди по коллекции Теплоухова. МАР, № 26, СПб., 1902.

⁴ В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности. ТМАО, XXIV, М., 1914.

⁵ Раскопки Б. С. Жукова в 1926 г. в с. Перемчалки б. Нижегородской губ., Лукояновского у.

⁶ В. Н. Ястребов, *ук. соч.*

⁷ Раскопки Ефаевского могильника. — В. М. Терехин, *ук. соч.*

⁸ Раскопки Ефаевского могильника.

⁹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. МАР, № 28, СПб., 1962. — Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, ИАК, вып. 15

¹⁰ А. А. Спицын. Курганы С. Петербургской губ. в раскопках Л. К. Иваньковского. МАР, № 20, СПб., 1896, табл. XV, 21.

ностей.¹ Этот тип застежек А. А. Спицын датирует XI в., а Л. Нидерле — XII в.

Следующий тип пряжек — это прямоугольные без язычка, круглые в поперечном сечении, украшенные насечками (рис. 5, 4). Они также известны среди материалов Л. К. Ивановского из курганов б. Петербургской губ.² и датируются теми же XI—XII вв.

Третья пряжка подпрямоугольной формы, тонкая, небольшая, найдена с остатками ремня (рис. 5, 2); сходная пряжка известна из Мордовского могильника VIII—IX вв. у колхоза «Красный Восток» (II Казбекский могильник).³ Подобная бляшка опубликована у Л. Нидерле и может быть датирована временем не позже XI в.

Кроме бронзовых пряжек, в Куликовском могильнике найдены две железных: одна небольшая подпрямоугольной формы и одна круглая. Подобные пряжки часто встречаются среди материала XIII—XIV вв.

Поясные кольца. Найдено 7 колец, из них только одно было бронзовое. Железные кольца были диаметром 3—4,5 см, причем преобладали малые размеры. Бронзовое кольцо, имевшее в диаметре 4 см, было выпуклым с наружной стороны и соответственно этому вогнутым изнутри. Снаружи оно украшено двумя продольными желобками и поперечными насечками по обоим краям (рис. 5, 6).

О р у ж и е

Кроме уже описанных при рассмотрении инвентаря могил копья и стрел, была найдена одна плоская ромбическая стрела (рис. 6, 2).

Производственный и бытовой инвентарь

Топор (1 экз.) с широким полукруглым лезвием, выемкой по заднему краю и большими щековицами на узком обухе. Эти топоры у мордвы в XI—XII вв. сменили узколезвийные и являлись, наряду с другими, господствующей формой в течение XII—XIII в.

Гесло или маленькая мотыга (рис. 5, 9). В мордовских могильниках XII—XIV вв. этот тип не встречается.

Огнива найдены преимущественно в виде обломков. Из них одно было калачевидной формы, остальные овальной. Сохранившийся экземпляр — длиной в 10 см, суженный к концам, имеет обычный для XII—XIV вв. вид.

Нож и найдены, главным образом, в виде бесформенных обломков. Насколько можно судить по двум сохранившимся экземплярам, это были сравнительно небольшие и неширокие ножи длиной 11—13 см. Среди них выделялся один, повидимому поздний, дл. 9,5 см и шир. 1,8 см с коротким (в 1 см), выступающим со стороны лезвия черенком и выемкой с противоположной, т. е. тыльной стороны. В черенке было отверстие для крепления с рукоятью.

Оселок (рис. 5, 3) разломанный, со следами незаконченной сверлины.

Ножницы (рис. 5, 8) пружинные, широко распространенного типа. Сходные ножницы, найденные во владимирских курганах, А. А. Спицын датирует X в.

Льячки (рис. 6, 8). Обнаружено всего 4 льячка, 2 из них полломаны. Для этих льячек характерен узкий черпак с ясно выраженным

¹ А. А. Спицын. Древности Камской чуди по коллекции Теплохова. МАР, № 26. СПб., 1902.

² А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского.

³ Материал ГИМ. Раскопки А. Е. Алиховой.

носыком. Размеры черпака: 7—10 см, ширина — 3—4 см. Льячки часто находились в могильниках мордвы вплоть до X в., позже, обычно, не встречаются.

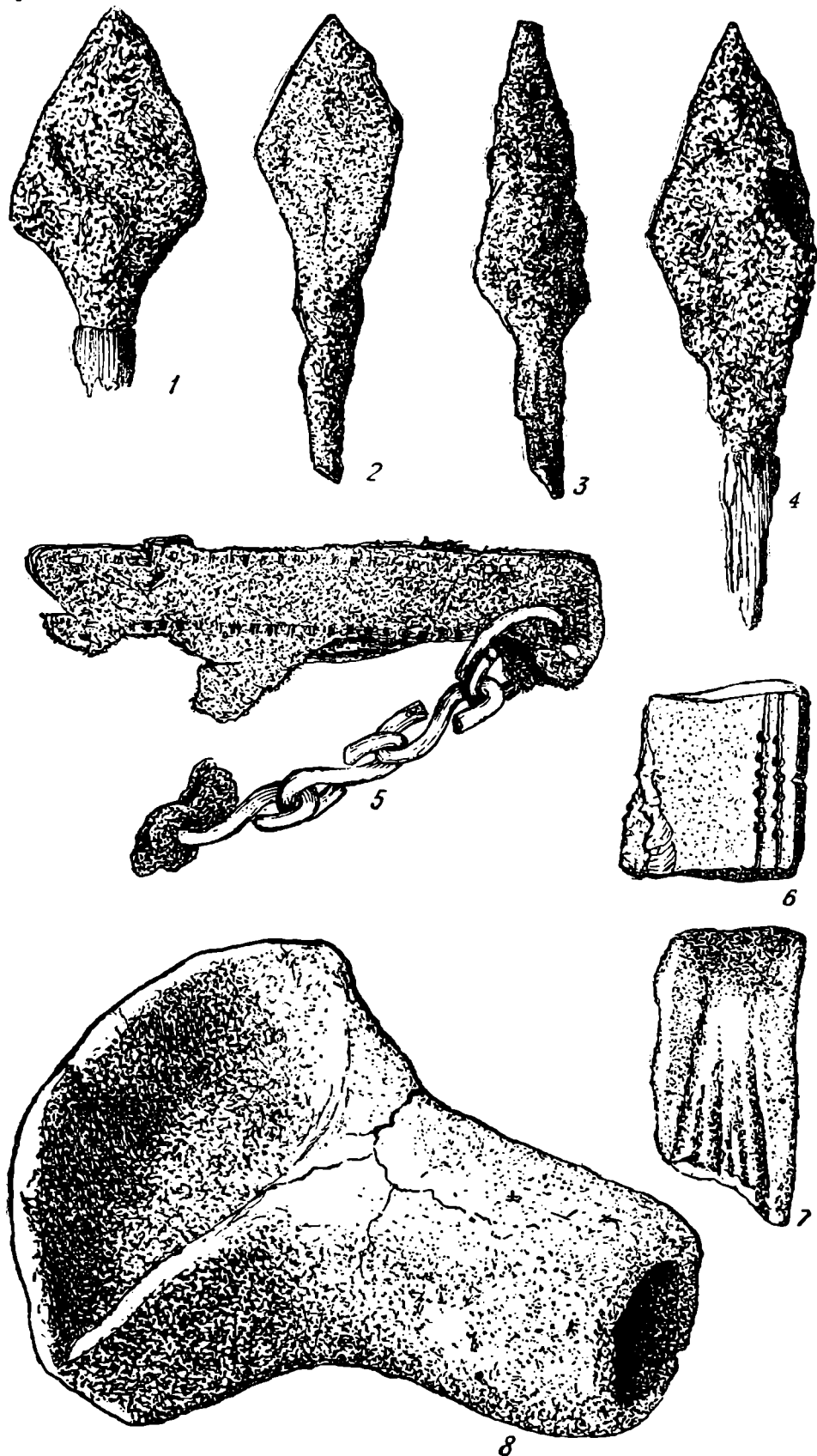

Рис. 6.

1, 4 — наконечники стрел (погр. 10); 2, 3 — наконечники стрел (раскоп I); 5 — остаток кожи с цепочкой (раскоп I); 6, 7 — обломки литейных форм (раскоп I); 8 — льячек (раскоп I).

Литейные формы (рис. 6, 6 и 7). Большой интерес представляют впервые обнаруженные у мордвы литейные формы. К сожалению, одна из них разломана (рис. 6, 7), поэтому трудно судить об отливавшихся в ней предметах. Совершенно тождественная и также разломанная форма была найдена в Подболотьевском могильнике в погр. № 2. Другая форма (рис. 6, 6) служила для отливки маленьких шариков, очевидно зерни.

Крючки — один железный, согнутый из довольно толстой пластины, другой бронзовый (рис. 5, 5). Совершенно тождественный, но вдвое большего размера, обнаружен во II Казбекском могильнике, относящемся к IX—X вв.

Стержень железный, длиной в 15 см, книзу суженный, квадратный в сечении.

Пряслица — из них шесть шиферные, являющиеся хорошо датирующим материалом. Как известно, они выделывались на Волини в период XI—XIII вв. на месте разработок этого камня. Среди обнаруженных пряслиц одно было маленькое (диам. 2.5 см) битрапецидной или, как некоторые называют, биконической формы (рис. 4, 23); остальные пряслица — плоские с закругленными боками диам. от 2 до 3.5 см (рис. 4, 24). Глиняных пряслиц найдено 7: из них 3 битрапецидных (одно диам. 2.7 см и два 3.5 см), 2 пряслица плоских, овальных в сечении (диам. 3 и 4 см) и два массивных, по форме близких к биконической (рис. 4, 25).

Гребень костяной, двурядный с кружковым орнаментом (рис. 3, 3).

Остатки кожаного предмета (рис. 6, 5) — возможно, сумки со следами двух строчек. В край продето кольцо с цепью в три звена, имеющих форму восьмерки.

Посуда. Вся керамика обнаружена вне погребений, за исключением одного сосуда плохой сохранности (погребение 6). Найденные горшки в количестве 9 целых и 5 полуразрушенных могут быть подразделены по технике выделки на две группы. Первая из них — типичная для мордовских могильников, состоит из сосудов, лепленных от руки, иногда со следами пальцев у отгиба венчика или у дна. Глина с примесью песка и мелкого шамота. Часто прослеживаются швы между отдельными лентами, из которых лепился сосуд. Ширина этих лент ок. 3.5 см. Обжиг горшков плохой. Не редко встречаются ассиметричные сосуды (рис. 7, 1, 3, 4).

Ко второй группе относятся сосуды, лепленные на ручном кругу. Они желтого цвета, хорошего обжига, со следами лощения. На одном сосуде сохранился отпечаток штыря в виде углубления прямоугольной формы 4.5 × 3.5 см, другой сосуд украшен гребенчатым орнаментом (рис. 7, 2). По форме это низкие разложистые сосудики, но среди обломков имеется один от кувшина.

Описанная группа керамики по технике приближается к болгарской, по форме же она местная.

Рассмотрев материал погребений и единичные находки, можно прийти к заключению, что Куликовский могильник принадлежал мокше и существовал в течение длительного времени, а именно с XI по XIII в. Возможно, что отдельные погребения выходили за пределы намеченных хронологических рамок. На это имеются некоторые указания, например, наличие таких предметов, как льячки и спиральные височные привески, бытовавшие у мордвы до X в. и, как исключение, встреченные в раскопках Е. И. Горюновой в Ефаевском могильнике в погребении женщины старческого возраста с комплексом более поздних предметов (погр. № 13). Помимо льячек и спиральных височных привесок на

X в. указывают литейные формы, узколезвийные топоры с щековицами, тесла или мотыжки, характер бляшек, привесок и, отчасти, бус. Приведенные предметы, относящиеся к более раннему времени, не связаны с погребениями. Очевидно, более древние могилы были разрушены не только хозяйственными сооружениями последнего времени, но и более поздними погребениями, залегавшими значительно глубже в слое желтой глины.

Особенный же интерес для истории культуры мордвы представляет мало известный материал XI в. До настоящего времени могильников этого времени, за исключением может быть Ефаевского, обнаружено не было.

Приведенный материал свидетельствует о коренных изменениях, происшедших в материальной культуре мордвы на рубеже X—XI вв.

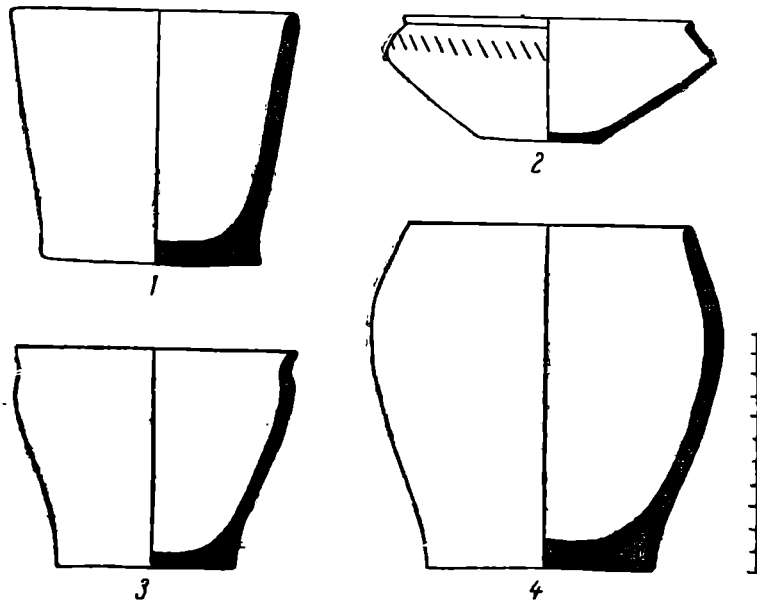

Рис. 7.

1, 4 — сосуды из раскопа I; 2, 3 — сосуды из раскопа II.

Некоторые предметы, появившиеся еще в X в. в виде единичных экземпляров, в XI в. стали уже господствующей формой. Сюда относятся наконечники (пулокеры), скульгамы и другие предметы. С другой стороны, обращает внимание факт присутствия большого количества вещей, встречающихся также у славян. Это обстоятельство указывает не столько на наличие здесь славянского (русского) населения, сколько на то, что мордва с ним находилась в тесной культурной связи и не была столь отсталым народом, как некоторые ее представляют.¹ Немало параллелей между мордвой и соседними славянскими племенами можно найти и в предшествующее время как в религиозных представлениях, так и в социальной структуре. Это станет понятным, если учесть тот перелом во всей материальной культуре, который мы наблюдаем у мордвы на рубеже X и XI вв. и который был связан с коренными социальными и экономическими изменениями, происшедшими внутри мордовского общества: переход к пашенному земледелию, распад родового строя и развитие феодальных отношений. По времени этот перелом совпал с анало-

¹ В. В. Гольмстен и Е. И. Горюнова. О мордовском феодализме. КСИИМК, VIII, 1940.

гичным историческим процессом, происходившим у соседей мордвы — славян, отразившимся в материальной культуре.

ДНЕВНИК РАСКОПОК

Раскоп I (погр. 1, 7—13)

Первоначально раскоп был заложен в качестве разведочного, размером 2×2 м с ориентировкой стенок СЮ, ВЗ. Впоследствии раскоп был расширен до 6×6 м. В раскопке было обнаружено 8 погребений и 168 отдельных предметов. Кроме того, постоянно встречались обломки человеческих костей и полуразрушенные черепа. Находки располагались, начиная с глубины 20 см по всей толще гумированного суглинка вплоть до глубины 65 см, т. е. до слоя плотной глины.

Раскоп II (погр. 3 и 4)

Раскоп 4×4 м. В слое чернозема было найдено 45 различных предметов, преимущественно украшений. Зубы и человеческие черепа лежали в полном беспорядке. В северной части раскопа оказались две глубоких ямы. Одна своими размерами могла быть принята за две, расположенные под углом одна к другой, слившиеся могилы. Эта яма оказалась пустой, окончившись на глубине 0.90 м. Другая яма больших размеров окончилась на глубине 1.5 м. В раскопе были обнаружены два разрушенных погребения.

Раскоп III (погр. 5)

Раскоп (2×4 м) был заложен близ церкви. На глубине 0.70 м у северной стенки раскопа было обнаружено погребение. Остальная часть раскопа представляла собой большую яму глубиной до 1 м, в которой были найдены наряду с другими вещами две скульгамы XVII—XVIII вв.

Раскоп IV (погр. 2, 6, 14)

Раскоп 6×2 м. Поперек его в середине были следы большой ямы. Кроме того, к 3 от последней в раскоп выходили края еще трех ям. Все ямы были позднего происхождения, разрушившие древние погребения. Этим объясняется разбросанность вещей по всему раскопу, начиная с глубины 20 см. Особенно часто встречались обломки бронзовых полосок от наконечников. Для полного выяснения характера ямы центральная часть раскопа была расширена к С и Ю. В северной прирезке были обнаружены остатки 2 могил.

Погребение 1-е женское. Погребение было обнаружено на глубине 0.60 м в слое гумированного суглинка. От костяка сохранился череп и частично тазовые кости и бедра. Судя по их положению, костяк был обращен головой на ЮЮВ и лежал на правом боку с согнутыми в коленях ногами. В погребении были найдены:

1. Коса с наконечником (№ 22 по общей карточке), обвитым бронзовой полоской.
2. Бубенчик с продольной прорезью, украшенный по окружности двумя углубленными полосками (рис. 3, 11).
3. Скульгама с узкими короткими лопастями (рис. 2, 5).

Погребение 2-е. Погребение обнаружено в слое гумированной глины на глуб. 50 см. Верхняя часть костяка разрушена одной из ям. Сохранились лишь тазовые и бедренные кости, поверх которых лежал полуразрушенный череп. Судя по положению костей, скелет лежал в слегка скорченном положении, ориентированный головой на ЮЮВ.

Слева от поясничных позвонков лежало большое железное кольцо диам. 4.5 см. От пояса сохранилась маленькая круглая железная пряжка размером 1.8 см, расположенная между головками бедер, и обломок медной пластинки, там же несколько ближе к коленям был положен небольшой ножик, а выше у головки правого бедра небольшое овальное огниво размером 8.3 см.

Погребение 3-е. Погребение было обнаружено на глубине 0.65 м, ориентировано головой на ЮЮВ. Череп лежал лицом вверх. Кроме черепа сохранилась часть бедренной кости. Положение погребенного было, повидимому, вытянутое. Около бедра были найдены: 1) обломок железного предмета; 2) нож слева у бедра; 3) обломок трубочки со штампованным орнаментом в виде бороздок и спиральки; 4) обломок бубенчика — в области колен; 5) обломок бронзового украшения в виде стержня с развилками, обмотанного бронзовой полоской — там же.

Погребение 4-е. От костяка сохранилась одна лишь правая нога, обнаруженная на глубине 0.67 м. Погребение было ориентировано головой на ЮЮВ. У бедра с правой стороны лежал узколезвийный топор со щековицами.

Погребение 5-е. Погребение обнаружено на глубине 0.65 м в слое чернозема. Костяк лежал на спине головой на Ю в вытянутом положении. Руки были положены вдоль туловища. Вещей не найдено.

Погребение 6-е, женское. Погребение залегало в слое гумированного суглинка на глубине 0.50 м, ориентировано головой на ЮЮВ. В погребении сохранились лишь голени и часть бедер; судя по их положению, костяк лежал на правом боку в слегка скорченном положении.

В ногах стоял сосуд, у ступней сзади лежали спиральки, спереди обломок сьюльгама узколопастной.

К западу от этого погребения обнаружены кости ног из погребения 14-го.

Погребение 7-е, женское. Погребение обнаружено на глубине 0.65 м. От костяка сохранились лишь следы черепа и часть предплечья. Судя по положению костей и косы, погребение было ориентировано головой на ЮВ. Скелет лежал на правом боку, причем руки располагались у лица. В погребении были найдены: 1) за черепом, рядом с костью животного, обломок ножа; 2) кость животного (левая лучевая кость быка или коровы); 3) остатки черепа; 4) перстень перед лицом — серебряный с расширенной серединой, украшенный нарезным орнаментом (рис. 3, 9); 5) браслет у черепа, витой (2 × 3 см), серебряный, с сильно растянутыми петлями, вследствие чего имеет ажурный вид (рис. 3, 5); 6) три сьюльгама в области груди; 2 сьюльгама с расширенными подтреугольными лопастями типа рис. 2, 11 и одна маленькая с узкими лопастями типа рис. 2, 5 (ширина дужки 2.2 см, ширина лопасти 3 мм); 7) пряслице глиняное плоское типа рис. 4, 24 — сзади на уровне таза; 8) коса с наконечником, обвитым снаружи бронзовой полоской (дл. косы 34.5 см); 9) спираль из тонкой проволоки типа рис. 2, 19 — сзади у косы; 10) сьюльгама с расширенными подтреугольными лопастями, лежала в области груди, близ косы; одна такая же сьюльгама оказалась под черепом (рис. 2, 11).

Погребение 8-е, разрушенное. На глубине 0.80 м обнаружена группа предметов, лежавших вперемешку с обломками человеческих костей. Очевидно, найденные здесь предметы относились к нескольким погребениям: 1) обломок сьюльгама плохой сохранности; 2) сьюльгама небольшая узколопастная (размер дужки 1.5 см, ширина лопасти 3 мм); 3) стрела железная, сильно деформированная, ромбической формы (рис. 6, 2); 4) остатки ткани (возможно современной); 5) бусы бочкообразные и мелкие цилиндрические, главным образом посеребренные и несколько позолоченных и сьюльгама маленькая с узкими лопастями (типа рис. 2, 5); 6) сьюльгама с узкими лопастями (размер дужки 1.7 см, ширина лопасти 5 мм); 7) обломок сьюльгама с узкими лопастями и раковина каури; 8) под височной костью — разломанная железная пряжка или кольцо. Под костями лежал зуб животного со сверленной (рис. 4, 8), бусы посеребренные и позолоченные типа рис. 4, 18, маленькая кольцевая пряжка и 2 круглых серебряных бляшки плохой сохранности с насечками по краю (рис. 2, 17).

Погребение 9-е, женское. Обнаружено в слое чернозема на глуб. 0.66 м. Костяк лежал на правом боку в скорченном положении, ориентированный головой на Ю. Руки и череп плохо сохранились. Из вещей найдены: 1) пряслице шиферное битрапециoidalной формы — справа за черепом (рис. 4, 23); 2) браслет железный пластинчатый — слева за черепом; 3) кольцо височное разомкнутое серебряное — перед черепом (типа рис. 2, 9).

Погребение 10-е, мужское. Обнаружено на глуб. 80 см по могильному пятну, имевшему очень нечеткие очертания. От костяка сохранились бесформенные косточки. Судя по обломку черепа, погребение было ориентировано головой на ЮЮВ. Из вещей найдены: 1) 7 бусин целых и мелкие обломки бочкообразных, посеребренных и позолоченных (типа рис. 4, 18), и одна бочкообразная, ребристая, беловато-желтая, близкая по форме к изображенной на рис. 4, 6; найдены в области живота; там же была найдена бляшка из белого металла, в виде полоски, с рядом дырочек по средней линии (рис. 2, 16); 2) стрелы — одна вытянутая, ромбическая (рис. 6, 4) другая короткая подтреугольная (рис. 6, 1), — лежали на груди.

Погребение 11-е, мужское. В могильном пятне, ориентированном с ССЗ на ЮЮВ, на глуб. 0.80 м обнаружено копье. Никаких следов от костей не сохранилось. Копье имеет длинную втулку. Конец копья поломан (рис. 5, 7).

Погребение 12-е, детское. Обнаружено на глуб. 0.72 м по могильному пятну, имевшему в ю.-в. части нечеткие очертания. От костяка сохранились лишь молочные зубы. Судя по направлению могилы и положению зубов, костяк был ориентирован головой на ЮВ. Из вещей найдены: 1) кольцо височное серебряное с разомкнутыми концами (типа рис. 2, 9); найдено слева от зубов. В области груди лежали: 2) застежка маленькая кольцевая (разм. 1.5 см); 3) застежка кольцевая, обвитая медной полоской типа рис. 2, 2 (разм. 2.5 см); 4) 80 бусин разных размеров — 1 крупная рыбовидная синяя (типа рис. 4, 13), 1 винтообразная темносиняя. Примерно, половина бусин была малого размера (бисер). По форме это зонные,

шарообразные или кольцеобразные, сделанные из черного стекла. Среди них найдена косточка со сверлиной. Под бусами лежал бубенчик, окруженный 9 кольцеобразными бусинами и несколькими мелкими бусинками; 5) бубенчик, находившийся рядом с группой бус; 6) сьюльгама с широкими подтреугольными лопастями (рис. 2, 4) — там же в области груди; 7) обломок браслета железного, лежавший в области живота; 8) кольцевая застежка средних размеров — там же.

Погребение 13-е. Обнаружено по могильному пятну на глуб. 0.70 м. От костяка сохранились лишь отдельные обломки черепа. Судя по ним, погребение было ориентировано головой на ЮЮВ. В области груди костяка найдена сьюльгама.

Погребение 14-е, мужское. Могильное пятно четко прослеживалось только в впадинах скелета с восточной стороны. Главная часть погребения разрушена ямой, от костяка сохранились лишь голени. Судя по их положению, костяк был ориентирован головой на ЮВ. Глубина погребения 78 см. Справа у голени лежал топор-молот (рис. 5, 10). Справа у стоп — нож плохой сохранности.

Н. В. ВАЛУКИНСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ТЕРРИТОРИИ г. ВОРОНЕЖА

Автором, по поручению Воронежского областного музея краеведения, систематически в течение ряда лет проводилось археологическое обследование территории г. Воронежа.¹

В результате обследования количество древних стоянок, городищ, селищ, групп курганов и т. д., выявленных в пределах территории Воронежа, в 1935 г. не превышавшее 26, к началу 1941 г. возросло до 130.

Ниже приводятся краткие сведения об археологических памятниках и отдельных находках обследованного района в порядке их расположения (рис. 1).

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ р. ИНЮТИНКИ

1 — стоянка на небольшом мысу, окруженном с трех сторон высохшим болотом, в стороне от берега р. Инютинки. Мысок разрезан вдоль канавой. Хорошо определяются четыре западины землянок. Собрана лепная керамика эпохи раннего железа. Высота стоянки над рекой не более 3 м.

2 — стоянка и курганы за полосой леса, в 200 м от берега. Здесь отмечены около 14 западин от землянок и два небольших кургана. В месте расположения землянок — распаханый чернозем, кругом пески. На распаханном участке собраны лепные фрагменты сосудов (в том числе — незначительное количество орнаментированных венчиков), камни и кости животных. Находки относятся к эпохе раннего железа.

3 — стоянка на границе саженого соснового леса. В прорытой канаве прослеживается небольшой культурный слой на глуб. 0.3 м, толщ. ок. 0.2 м. На поверхность выброшены фрагменты лепных сосудов.

Вблизи, на полянке, на незначительном бугорке — небольшой курган с ровиком. Насыпь частично скрыта. Выс. кургана — 0.7 м, диам. — ок. 4 м.

4 — хорошо сохранившийся курган выс. ок. 1.5, диам. ок. 30 м, на пологом скате к берегу, метрах в 500 от реки.

5 — урочище «Попова дача». В 1644 г. поп Данила просил «об отводе ему места и двора верстах в семи от Воронежа близ р. Воронеж и Инютина протока». Ниже «Поповой дачи» была на Инютинке в XVII в. монастырская водяная мельница. На р. Инютинке, и при Петре I, и до него, при воеводе Бухвостове, строились струги. Местом их постройки могла быть только «Попова дача», где обнаружены остатки малых доков.

¹ СА, IV, стр. 308—312.

В северной части пологого берега на обнаженных песках собраны кремневые стрелы, мелкие поделки из кремня с ретушью, бронзовая трехгранная стрела и фрагменты лепных сосудов, относящиеся к периоду бронзы и раннего железа.

6 — в южной части урочища «Попова дача» собраны фрагменты почти белых гончарных сосудов с нарезным, волнистым или прямолинейным (пояски) орнаментом, и грузила. Ранее встречались шлаки. Возможно, что находки относятся ко времени появления «Поповой дачи», т. е. к XVII в.

7 — курган в 40 м от нижеуказываемой стоянки (№ 8). Выс. кургана ок. 0,5 м, диам. — 15 м. При раскопке кургана в 1940 г. в нем обнаружены: костяк, лежавший черепом на С в неглубокой (до 0,4 м) блюдцеобразной яме, девять сосудов (рис. 2), две медные (бронзовые?) желобчатые височные подвески и железный нож.

8 — стоянка, отделенная от берега узкой полосой дубового леса. Часть стоянки в полую воду заливается. На поверхности — 15 западин от землянок; одна западина повреждена выборкой чернозема. Культурный слой мощностью до 0,6 м. Собраны фрагменты банкообразных крупных сосудов с орнаментом, кусочек бронзы, обожженные камни (известняк) и кости крупных животных. Стоянка относится ко времени поздней бронзы и раннего железа; по материалу аналогична стоянке под № 11 и стоянкам на р. Песчанке (см. ниже).

9 — стоянка в 3—5 м от обреза берега р. Инютинки. Полностью зали-

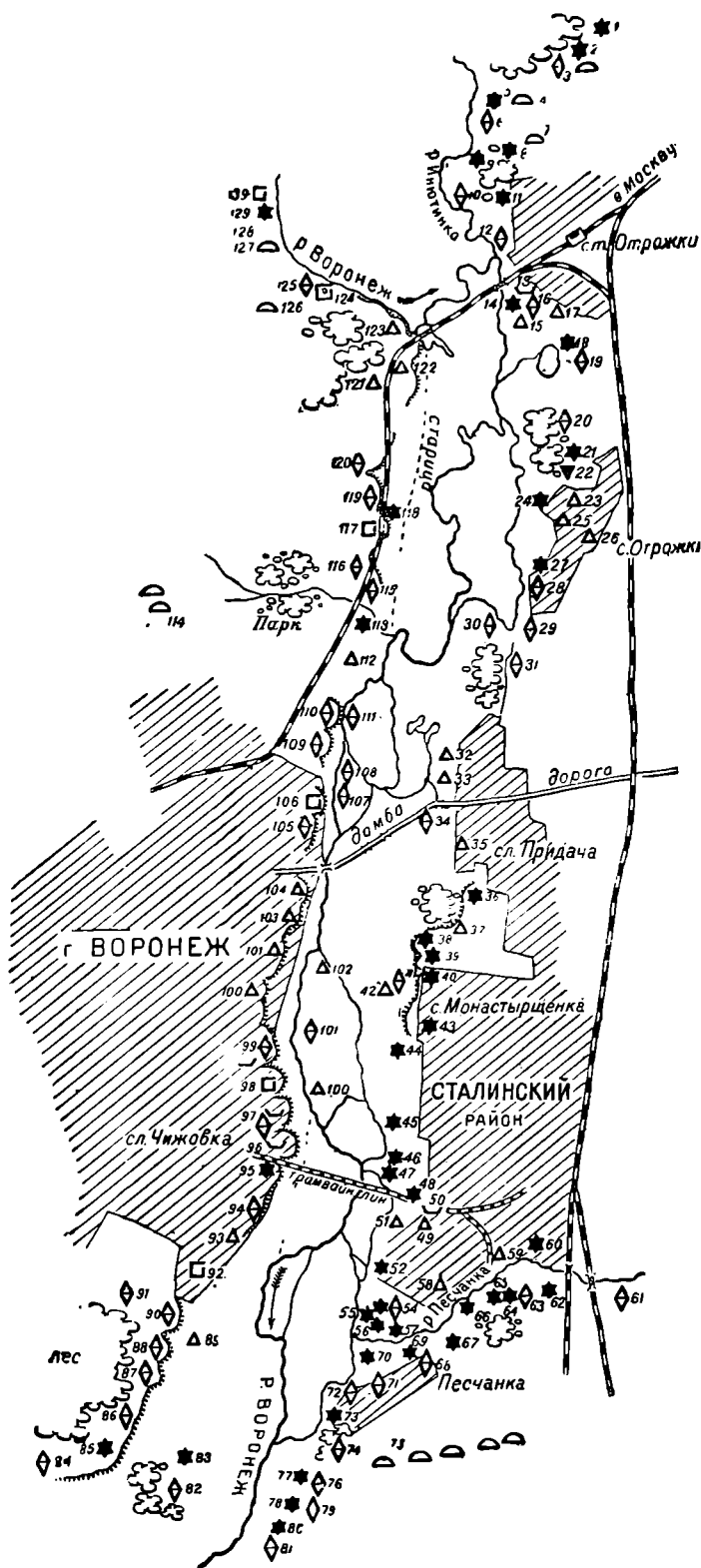

Рис. 1. Археологическая карта территории г. Воронежа.

9 — стоянка в 3—5 м от обреза берега р. Инютинки. Полностью зали-

вается полой водой. Собрана лепная керамика эпохи раннего железа.

10 — место находки мелких черепков от сосудов в обрыве берега, на глуб. 0.4—0.5 м от поверхности, в иле.

11 — стоянка, отделенная лесом от реки, обнаружена в выемках земли. При рытье канавы для водопровода рассечена землянка длиной ок. 8 м, глуб. 1.0—1.2 м. Мощность культурного слоя в обрывах равна 0.4—0.6 м. Находки частично встречаются в лесу. Собраны крупные

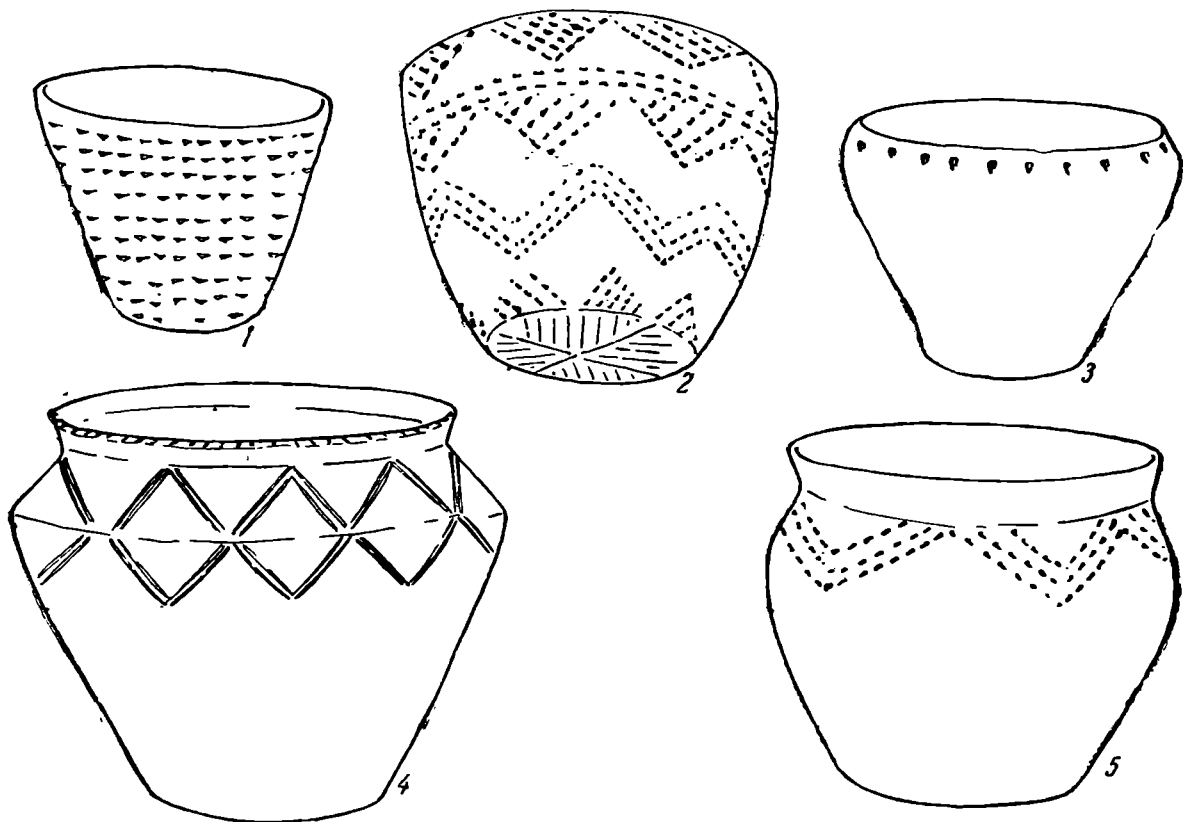

Рис. 2. Глиняные горшки из кургана в урочище „Попова дача“, левый берег р. Инютинки.

фрагменты сосудов банкообразной формы, в меньшем количестве — обломки острореберных и малых баночных сосудов, а также — камни, напоминающие примитивные орудия, кусочек бронзы и уголь. Стоянка относится ко времени поздней бронзы и раннего железа.

12 — место находки мелких кремневых поделок и осколков, фрагментов лепных сосудов и кусочков бронзы на обнаженном, песчаном берегу реки, южнее леса; с севера примыкает высохшее болото.

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ р. ВОРОНЕЖ

13 — место разрушенного погребения. Найден глиняный сосудик. Любительскими раскопками была разрушена верхняя половина косяка. Дополнительно вскрытая нижняя часть косяка оказалась ориентированной ногами на В. В ногах найдены глиняное двускатное грузило и фрагменты лепных сосудов. Погребение эпохи раннего железа.

14 — стоянка на прибрежной полосе шир. в 25 м под откосом бугра выс. до 8 м. В культурном слое — спекшийся песок, угли, каменные орудия и фрагменты лепных сосудов, украшенных, преимущественно, ямочным и гребенчатым орнаментом. Из собранных в одном месте черепков реставрирован колоколовидный сосуд с коническим дном (рис. 3). На стоянке найдены следующие кремневые орудия: топорик,

долото, скребки, наконечник копья, наконечники стрел (среди них один из красного кремня), нож, проколки, сверло и т. д. Повидимому, в употреблении были и находимые здесь небольшие камни — валуны. Из костяных поделок встречены гарпуны и шилья. Стоянка относится ко времени позднего неолита. Раскопки 1927 г. не дали желаемого результата, так как проводились у основания откоса, т. е. там, где находились древние остатки, снесенные с бугорка, тогда как весь основной материал стоянки сосредоточен значительно ближе к берегу.

Среди находок, обнаруженных севернее, найден один черепок со следами росписи.

15 — место находки фрагментов лепных сосудов и мелких кремней с ретушью, частично выброшенных с глуб. 0.3—0.4 м при рытье канавы. Половина находок собрана ниже уровня высоких вод половодья. Возможно наличие стоянки эпохи бронзы, поврежденной половодьем.

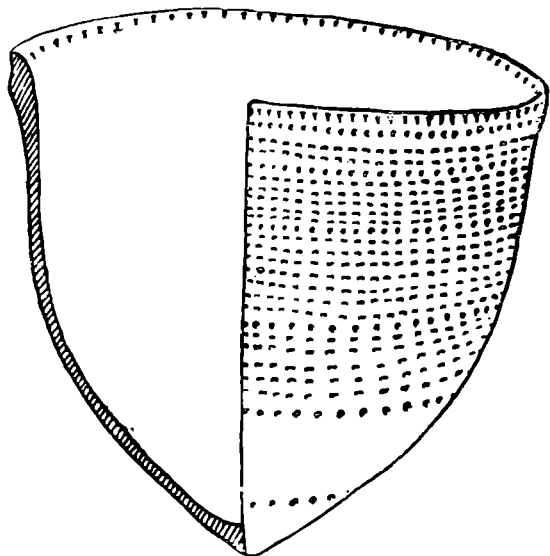

Рис. 3. Колоколовидный сосуд из стоянки на левом берегу р. Воронежа. 1/4 нат. вел.

16 — место находки обломков сосудов эпохи раннего железа. Материал обнаружен при рытье земли для спортивной площадки, на правом скате бугорка, расположенном у небольшого лога.

17 — место находки кремневого скребка (с хорошей, тщательно сделанной ретушью) на правом берегу большого лога, идущего к реке.

18 — стоянка, культурный слой которой прослеживается с перерывами на протяжении 250 м вдоль берега. В 1935 г. в обрезах продолженной здесь канализационной траншеи обнаружен профиль землянки. Раскопки, поставленные в 1936 г., дали возможность определить конструкцию кровли землянки и установили наличие внутри последних остатков двух очагов. Один опорный столб в виде упавшего, обуглившегося бревна прослежен от основания до верху; верх имел развилку. Стропила, служившие поддержкой кровли, были вкопаны под углом в 60° ; их подпирали мелкие столбики. Найден перегоревший камыш от кровли. К Ю от землянки на протяжении 16 м тянулась загрязненная полоса (возможно остатки двора?). Собраны фрагменты сосудов, осколки кремня и разбитый на мелкие куски рабочий камень (шокшинский песчаник).¹ Среди подъемного материала, собранного поблизости от землянки, имеется трехгранный бронзовый наконечник стрелы, фрагмент литейной формочки, подвеска в виде кружочка, вырезанного из раковины, и т. д.

В канаве, вырытой вдоль берега, древние остатки прослежены на глуб. 0.5 м. Здесь найдены небольшой рабочий камень (песчаник), обожженные комки глины с примесью песка, фрагменты лепных сосудов и кости животных. Стоянка относится ко времени поздней бронзы и раннего железа.

19 — на песчаной террасе (выс. ок. 10 м от берега), в местах, обнаженных выветриванием, собраны кремневые орудия, осколки кремня и мелкие фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы.

¹ Более подробные сведения о раскопках см.: Н. В. Валукинский. Археологические исследования по берегам рр. Усманки, Тавровки и Воронежа. Археол. исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941.

20 — стоянка у подножия террасы, в северной части ольхового леса. При рытье канавы глуб. ок. 1.5 м выявлен культурный слой, насыщенный углем, фрагментами лепных сосудов и разбитых комков глины с примесью песка (находки аналогичны материалу стоянки № 18).

21 — стоянка на террасе (на выс. ок. 10 м от уровня реки), за ольховым лесом. На поверхности — западина от землянки площадью ок. 10×10 м, глуб. 0.8—1.0 м. Под откосом собраны фрагменты крупных сосудов, выше за землянкой найдены: бронзовое шило, фрагменты лепных сосудов и кости животных. Стоянка относится ко времени поздней бронзы.

22 — стоянка на той же террасе, у южной части ольхового леса, в северном конце с. Отрожки. На дне западины глуб. ок. 1.5 м, образовавшейся здесь при выемке песка, встречаются мелкие фрагменты сосудов, зубы крупных животных, мелкие (в виде окиси) кусочки бронзы и т. п. Найдены также: фрагмент тигля с накипью бронзы и шлака, кремневый треугольной формы наконечник стрелы и крупные фрагменты банкообразных сосудов. Стоянка относится ко времени поздней бронзы.

23 — в обресе террасы место находки фрагментов лепных сосудов эпохи раннего железа.

24, 27 — стоянки в месте расположения приусадебного огорода на скате. Собраны кости животных и фрагменты лепных сосудов эпохи раннего железа.

25 — место находки фрагментов лепных сосудов.

26 — место находки кремневого наконечника копья, тщательно отретушированного по всей поверхности.

28 — место находки мелких фрагментов лепных сосудов периода поздней бронзы.

29 — место находки фрагментов лепных и гончарных сосудов.

30, 31 — места находок кремневых осколков (частично с ретушью), фрагментов лепных сосудов и костей животных на обнаженных участках склона задернованной террасы.

32, 33, 35, 37 — места находок мелких фрагментов лепных сосудов.

34 — место находки мелких фрагментов лепных сосудов на глуб. 0.3—0.4 м, под торфом на правом берегу залива у с. Придачи.

36 — стоянка на террасе в южной части с. Придачи. Открыта в 1929 г. и с тех пор почти ежегодно обследовалась. Раскопками в 1937 г. обнаружена глинобитная невысокая стенка, а вдоль нее — целая система землянок-жилищ и следы навеса между землянками. Глинобитная стенка прослежена на 70 м с Ю на С и на 30 м с В на З. Вскрыты три землянки; между второй и третьей — следы навеса. Более содержательной оказалась вторая землянка у обреза террасы и небольшого лога. По остаткам ее хорошо определилась конструкция кровли; один из опорных столбов имел в верхней части развилку. Вход определился с Ю; по бокам входа были следы сгоревшего плетня. В северо-восточном углу находились остатки очага в виде большого скопления золы, угля и крупных фрагментов банкообразных сосудов. В другом углу, напротив, лежал обломок шокшенского песчаника со следами обработки, а около него — каменные гладилка, отбойник и другие примитивные орудия; вокруг располагались обломок бронзового браслета, осколки кремня и костей. У входа найдено глиняное пряслице. В северо-западном углу обнаружена кладовая яма с двумя небольшими сосудами, 12 мелкими шлифовальными камнями геометрической формы и костями животных. Под откосом у землянки найдены зернотерки и терочный хорошо обтесанный камень со сглаженной рабочей поверхностью. Стоянка относится ко времени поздней бронзы.

38 — стоянка у берега небольшого пруда на вспаханной поверхности. Обнаружены фрагменты лепных сосудов и кости животных. Стоянка относится к эпохе бронзы.

39 — место находки фрагментов лепных сосудов и большого кремневого нуклеуса у обнажения небольшого мыса со стороны реки.

40 — стоянка в северной части с. Монастырщенки. При рытье вдоль берега канавы для канализации, у обреза террасы обнаружены остатки землянки. Найдены — фрагмент литейной формочки, обломки глиняных сосудов, камни, уголь и кости. Подъемный материал встречается на протяжении 200 м к Ю от места землянки. Стоянка относится ко времени раннего железа.

41 — в северной части бугорка на пойме, поверхность которого с остатками заросли дуба заливадается полой водой, в местах выборки песка собраны кремневые орудия, осколки кремня, фрагменты лепных сосудов и уголь.

42 — южнее места находок № 41 встречается керамика XII—XVI вв. — фрагменты гончарных сосудов, украшенных поясами прямых и волнистых линий.

43 — стоянка. В обресе террасы, пересеченной дорогой из с. Монастырщенки, обнаружен профиль землянки. Найдена лепная керамика.

44 — стоянка в конце улицы им. Щорса. После схода полой воды на песчаном грунте огородов замечено большое темное пятно, на площади которого собраны фрагменты толстостенных банкообразных сосудов, сходных по типу с прослеженными на стоянке № 11, обожженные комья глины с примесью песка и с отпечатками пальцев (так же, как и на стоянке № 18). Стоянка относится ко времени поздней бронзы и раннего железа.

45 — стоянка, обнаруженная по темному пятну на песчаном грунте прибрежных огородов. Заливадается полой водой. В 1929 г. несколько южнее найдены: бронзовый перстень в виде змейки со слабо насеченными поперек линиями и кремь. На поверхности собраны фрагменты лепных сосудов банкообразной формы, камни и кости крупных животных. Стоянка относится ко времени поздней бронзы и раннего железа.

46 — стоянка, заливаемая полой водой. В береговом обресе протока собраны на глуб. 0.5—0.4 м кремневые осколки и орудия, небольшие фрагменты сосудов и уголь. Стоянка относится к эпохе бронзы.

47 — на площади когда-то запахивавшегося участка, заливаемого полой водой, после пахоты обнаруживались фрагменты толстостенных лепных сосудов банкообразной формы, обожженные комья глины с песком (см. стоянки №№ 18 и 44) и кости животных.

48 — стоянка, обнаруженная в 1935 г. при выемке грунта для насыпи, идущей к новому мосту. Замечены 22 точки концентрации материала в культурном слое (мощн. до 1—1.2 м), что дает основание допускать наличие 22 землянок, имевших корытообразное углубление. Находки встречаются на протяжении 250 м вдоль берега и на 25 м в глубь его. Раскопки 1935—1936 гг. дали большое количество различных находок: обломки остросереберных и баночных лепных сосудов, фрагменты тиглей для плавки меди и глиняных литейных форм для отливки вислообушных топоров, серпов и прутиков, железное шило и обломки медных предметов, медные и железные шлаки, глиняные прясла, различные орудия из камня и кости и другие предметы, а также кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади, собаки, верблюда, лисицы и мелких грызунов.¹ Стоянка относится ко времени поздней бронзы.

¹ Более подробные сведения о результатах раскопок стоянки в 1935 г. см.:

49, 51 — места находок гончарной керамики XVI — XVII вв.

50 — земляными работами на глуб. ок. 1 м и менее обнаружены костяки, ориентированные черепами на В. По словам старожилков здесь было старообрядческое кладбище. Разобрано 18 погребений. При погребениях, кроме одного перстня, возможно XVI — XVII вв., ничего не найдено.

52 — стоянка со следами поврежденной землянки шир. ок. 7—8 м, глуб. ок. 1 м. Собраны крупные фрагменты банкообразных сосудов и мелкий блюдцеобразный сосудик. Стоянка относится ко времени поздней бронзы.

РЕКА ПЕСЧАНКА

53 — стоянка близ устья, на правом берегу реки. Канавой шир. ок. 2 м повреждены землянки. Собраны фрагменты лепных сосудов, кости крупных животных, уголь и мелкие обожженные кости. Стоянка относится ко времени поздней бронзы.

54 — место находки мелких фрагментов гончарных сосудов, украшенных поясками прямых и волнистых линий.

55 — стоянка, прорезанная канавой (шир. ок. 8 м), повредившей землянки. Собраны фрагменты лепных сосудов, кости животных, камни и осколки кремня. Стоянка относится ко времени поздней бронзы.

56 — стоянка, поврежденная канавой (шир. ок. 8 м). Прослеживается слабый культурный слой; собраны фрагменты лепных сосудов.

57 — стоянка, обнаруженная на огородах, заливаемых водой. Собраны фрагменты разнообразных по форме и орнаменту лепных сосудов, камни и кости животных. Стоянка относится ко времени раннего железа.

58, 59, 61, 63 — места находок фрагментов лепных сосудов.

60 — стоянка, уничтоженная при строительстве барачков. В 1929 г. были собраны фрагменты орнаментированных лепных сосудов эпохи бронзы.

62 — стоянка, разрушенная при земляных работах. Собраны: мелкий сосудик четырехугольной формы, фрагменты лепных сосудов, кости животных. Стоянка относится ко времени раннего железа.

64 — стоянка, поврежденная земляными работами. Собраны фрагменты лепных сосудов, аналогичные найденным на стоянке № 48, рабочий камень, гладилки, отбойник, фрагмент литейной формочки. В 1940 г. обнаружен профиль землянки дл. ок. 9 м, глуб. до 1 м.

65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 74 — сильно поврежденные от времени стоянки; собраны фрагменты лепных сосудов.

70 — островок, частично не заливаемый невысокой водой. Собраны: фрагменты лепных сосудов и бронзовый колокольчик.

73 — стоянка в северной части Песчанского леса, на террасе. В огородах следы западин от землянок. Внизу, в обнажениях откоса собраны фрагменты лепных сосудов времени раннего железа.

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ПОЙМЫ р. ВОРОНЕЖ

75 — курган к В от южного конца Песчанского леса. Насчитывается 5 насыпей (выс. ок. 1 м, диам. 20—25 м), расположенных с большими промежутками.

76, 77 — на мысике за южной частью Песчанского леса собраны фрагменты лепных сосудов с разнообразным орнаментом, костяные поделки и кости животных. В восточной части встречаются мелкие фраг-

менты гончарных сосудов; здесь же найдена серебряная татарская монета (джучидская Шадибека, чекан Хаджи-Терхане 1400—1408 г.).

78, 79 — стоянка на мысике террасы, идущем к берегу протока. Собраны в восточной части фрагменты лепных сосудов периода раннего железа. Западнее, до обреза террасы — селище XII—XV вв. Собраны фрагменты гончарных сосудов (части донышек имеют клейма, орнамент под венчиком в виде ряда поясков из прямых и волнистых линий), шлаки и железные поделки.

80 — селище у откоса террасы. Собраны глиняные бусинки, железные поделки, фрагменты гончарных сосудов с орнаментом в виде поясков из прямых и волнистых линий.

81 — место находки фрагментов лепных сосудов, кремневых орудий и осколков, несколько западнее встречаются мелкие обломки гончарных сосудов.

ПРАВЫЙ БЕРЕГ р. ВОРОНЕЖ

82, 83 — в южной части бугорка на пойме, названного юными туристами «островом сокровищ», собрана гончарная керамика XII—XV вв. В восточной части находится стоянка, на поверхности которой встречены в значительном количестве фрагменты лепных сосудов, железная фибула и 30 глиняных грузил; в учебных окопах местами прослеживаются угольные пятна. Стоянка относится ко времени раннего железа.

84 — у подножья высокого берега, у высохшего болота собраны фрагменты лепных сосудов времени раннего железа.

85 — стоянка, на площади которой находится недавно вырытая яма. На дне и в стенках ямы, а также в выбросе из нее собраны: крупные фрагменты лепных сосудов, глиняный маховичок, костяной и бронзовый трехгранный наконечники стрел и большое количество костей крупных животных. Стоянка относится ко времени раннего железа.

86, 87, 89, 90, 91 — места находок фрагментов лепных сосудов.

88 — селище древне-славянское. Обнаружена поврежденная дорожкой землянка с очагом из известняка. Найдены фрагменты лепных сосудов.

92 — городище на правом берегу лога в заселенном пункте — Дальней Чижевке. Занято огородами. Рва и вала не обнаружено. Собраны фрагменты лепных сосудов. Городище относится ко времени раннего железа.

93 — место находки кремневого наконечника копья. Наконечник тщательно обработан ретушью.

94 — место находки фрагментов лепных сосудов.

95 — на невысокой террасе, называемой Богомоловой Горой, в обресе со стороны трамвайной линии, на глуб. 0.3—0.4 м собраны фрагменты лепных сосудов и камень с обработанными верхней и боковой поверхностями.

96 — могильник; встречаются костяки. Площадь могильника сильно повреждена.

97 — Аксенов бугор. Место находки фрагментов лепных сосудов. Встречаются погребения XVI—XVII вв. Повидимому, этот пункт был описан К. де Бруином в 1702 г. как разрушенное кладбище.

98 — древнее славянское городище на террасе высотой до 50 м, с западной стороны — ров и вал. Собраны фрагменты сосудов, наконечник железного копья, железное долото, амулеты из камня, бусы, кости крупных животных и рыб, скорлупа ореха и косточки ягод. Вся площадь городища занята недавно закрытым кладбищем; в одной из могил прослеживался остаток очага на глуб. 1.5 м. Древне-славян-

скому городищу предшествовала стоянка дославянской культуры; собраны фрагменты лепных сосудов и кремьень.

99 — на высокой террасе, называемой «Пажи», обнаружены погребения XVII—XVIII вв. Здесь же собраны фрагменты лепного тонкостенного сосуда с оригинальным сложным орнаментом.

100, 101, 102 — заливаемые водой места находок фрагментов сосудов эпохи бронзы.

103 — к востоку от Никольской церкви собраны фрагменты лепных сосудов.

104, 105 — места находок фрагментов лепных сосудов.

106 — городище на Акатовой поляне; с западной стороны, при рытье ямы, обнаружены ров и вал. На восточной стороне, при земляных работах, собраны фрагменты славянских сосудов и более раннего времени, камни, кости животных и уголь.

107 — стоянка на дне реки. В иле, на глуб. до 0.5 м собраны обломки кремневого кинжала, скребок и фрагменты лепных сосудов. Стоянка относится ко времени позднего неолита.

108, 109, 111, 112, 115, 116, 119, 120, 121, 122, 123 — места находок фрагментов лепных сосудов и костей животных.

110 — на высокой террасе, так наз. «Жерновой поляне», обнаружены кремни с ретушью и фрагменты лепных сосудов.

113 — на высокой террасе, южнее «архиерейской» роши, при распашке найдены фрагменты лепных сосудов и камни со следами обработки.

114 — два кургана на улице им. Громова, раскопанные в 1937 г. Один из них был прорезан водопроводной траншеей, разрушившей погребение. Могильная яма была чашеобразной формы и имела ступени по северной стороне, на которых сохранились следы сгнивших веток. От погребения остались разбитый сосуд «хвалынского» типа с гребенчатым орнаментом (зетообразный узор) и бронзовая игла. В другом кургане были вскрыты три погребения. Вытянутый костяк одного из них, лежавший на уровне материка, был ориентирован черепом на С. При нем у черепа был найден баночный сосудик, орнаментированный по стенкам и дну (рис. 4). Остальные два погребения находились в насыпи; от одного сохранился только череп, а при вытянутом костяке другого была найдена монета XVIII в.

117 — городище, основная часть которого уничтожена ж.-д. выемкой в 1869 г. Собраны фрагменты лепных сосудов, пряслице и камни. Ров и вал сильно повреждены.

118 — стоянка на скате у протока заглохшей старицы. Канавой разрезаны землянки. Собраны: значительное количество фрагментов лепных сосудов с грубо нанесенным орнаментом, камни и кости животных (часть их сцементирована обожженным мергелем). Стоянка относится ко времени раннего железа.

124 — древнеславянское городище, площадь которого занята домом отдыха им. М. Горького. Исследовалась П. П. Ефименко в 1928 г. и Воронежским областным музеем в 1933—1934 и 1940 гг. Раскопками установлен план расположения землянок в южной части городища. В 1940 г. в прорытой поперек городища канаве прослежен культурный слой на всем его протяжении и изучен поперечный профиль городища. Среди находок имеются серебряная привеска (рис. 5, 2), золотой перстень (рис. 5, 1), бронзовая подвеска в виде фигурки животного (рис. 5, 3) и др.

Раскопками 1933 г. в южной части городища вскрыта землянка овальной формы дославянского времени, поврежденная выемкой дороги. Вокруг жилой площадки прослежена глинобитная стена, находив-

шаяся у основания кровли. Перекрытие было бревенчатым; обнаружены остатки обуглившихся бревен, стоявших наклонно (внутри землянки), под углом в 60° . В землянке были встречены следы очага (значительный слой золы и угля), фрагменты орнаментированных лепных сосудов, а также бронзовый, трехгранный и кремневый наконечники стрел.

125 — место находки керамики XII—XIV вв., костей животных и рыб, а также — погребения в форме труположения.

126 — группа славянских курганов с погребениями в форме труположения. Часть курганов вскрыта в разное время.

127 — большая группа курганов с погребениями в форме трупосожжения; раскопки производились в разное время. Кроме славянских сосудов, найден, между прочим, сосуд хазарской культуры.

128 — могильная яма с остатками трупосожжения; найдены — железный наконечник стрелы, сосудики, кости сожженной лошади и человека. Погребение древнеславянское.

129 — стоянка дославянской культуры. Собраны фрагменты лепных сосудов.

Рис. 4. Баночный сосуд из погребения второго кургана на ул. им. Громова. 1/4 нат. вел.

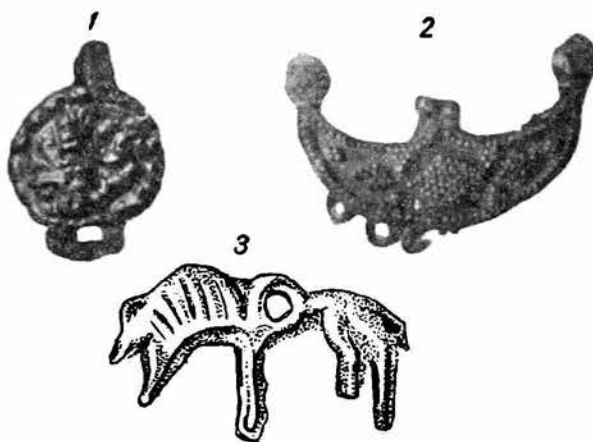

Рис. 5.

1 — золотой перстень; 2 и 3 — серебряная и бронзовая подвески из землянки на территории дома отдыха им. М. Горького.

130 — городище на Михайловом кордоне, огражденное двумя рядами рвов и валов. По поверхности определяются 198 землянок. Первые раскопки землянок производились в 1929 г.

Археологические памятники, обнаруженные в процессе обследований, охватывают очень значительный промежуток времени, который можно разбить на следующие периоды: 1) поздний неолит; 2) поздняя бронза; 3) переходный период (условно назван временем поздней бронзы и раннего железа); 4) раннее железо; 5) развитое железо (условно называемый «дославянский период»); 6) ранние славянские поселения; 7) селища XII—XV вв.

Вызывают существенный интерес обломки керамики, встречающиеся на большинстве древнеславянских городищ и селищ, но относящиеся несомненно к более раннему времени (рис. 6).

Число обнаруженных памятников, уже сейчас весьма значительное, несомненно, при продолжении разведочных работ еще более возрастет. Многие из них, имеющие большой научный интерес, в связи с быстрым

ростом города и непрерывно идущей застройкой новых участков могут быть утрачены для дальнейшего исследования. Начатые Воронежским музеем за последние годы раскопки не обеспечивают возможности исследования в короткий срок даже наиболее важных памятников.

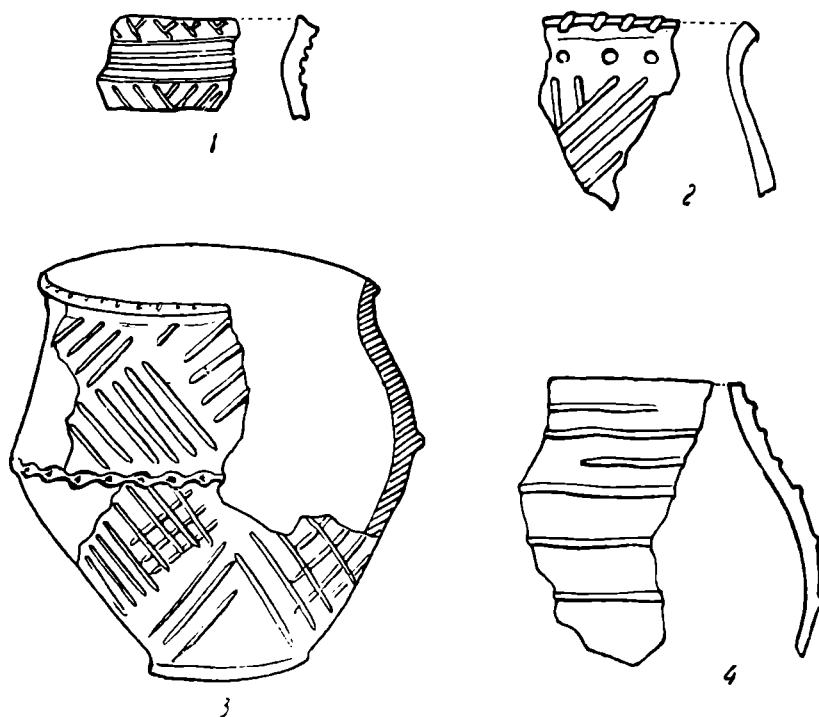

Рис. 6. Керамика с древнеславянских городищ и селищ.
1/3 нат. вел.

Необходимо к этим работам привлечь внимание не только городских организаций, но, главным образом, центральных учреждений, заинтересованных в охране археологических памятников.

МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

Н. Н. ЧЕРНЯГИН

ГРЕБЕНЬ ИЗ ПСКОВСКОГО ГОРОДИЩА

В 1936 г., на мысу между рр. Псковой и Великой на «Троицком бугре», где возник первоначальный Плесков, были произведены разведочные раскопки.

Еще в начале XIV в. этот бугор занимал изолированное положение, так как с севера, запада и востока он окружен водой, а прилегающая к нему территория с юга была на 6—8 м ниже, чем в настоящее время, и лишь впоследствии, путем постепенной засыпки и мощения деревом, поднята до современного уровня. Такое положение «бугра», очевидно, способствовало тому, что уже в VI—VII вв. н. э., как показали раскопки, здесь возникли первые поселения.

Раскопом были обнаружены культурные напластования, мощностью до 1,8—2 м. Верхние слои датируются концом XII—началом XIII в. Более поздние оказались снесенными.¹

Из вещественных остатков, добытых раскопками, выделяется роговой гребень, рассматриваемый в настоящей заметке (рис. 1, 1)

Гребень обнаружен на глуб. 54 см от дневной поверхности, в слое, содержащем лепную, но тонкостенную керамику. В этом слое спорадически встречались и обломки горшков, сделанных на круге, с линейным и волнистым орнаментом русского курганного типа XI в.

Гребень этот сделан из рога лося, имел 30 прорезанных зубьев и украшен двумя коньками. На плоскости его вырезан рисунок ладьи и дерева. Изображения исполнены глубокой резьбой-долблением.

Фигуры коньков обращены головами в противоположные стороны и разделены дужкой с круглым отверстием для подвешивания. Эти фигуры связывают гребень с широким кругом финских памятников конца I тысячелетия н. э.

Изображения коня — пластинчатые, выпуклые и плетеные из проволоки, — были распространены в Прикамье и Приуралье с первых веков н. э., в так наз. пьяноборскую эпоху.² Они найдены в ряде могильников — Атамановы кости, Айшинском,³ Воробьевском и Вичмарском,⁴ а также на костыщах (в том числе на известном Гляденовском костыще);⁵ имеется и ряд отдельных находок этих изображений.⁶

Подобные же украшения происходят и из погребений Кошибеевского могильника на р. Оке.⁷ Фигуры коня встречаются как ординар-

¹ Сведения о раскопках см.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 28.

² МАР № 25, табл. V, 16.

³ А. М. Галлгген. Collection Zaoussaïlov, II, табл. 1, 1 и 3.

⁴ Изв. Общ. археол. ист. и этногр. при Казанском унив., XXXIV вып. 3—4, табл. V, 6—7.

⁵ А. А. Спицын. Гляденовское костыще. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2.

⁶ А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1.

⁷ МАР, № 25, табл. VI, 15 и 26.

ные, так и слитные из двух половинчатых фигур и парные. Известны фигуры коньков со всадником, иногда с несколькими, или сопровождаемые другими изображениями — диска или змеи. Все эти мотивы бытовали длительное время, варьируясь в форме.

В IX—X вв. широкое распространение имели литые подвески в виде парных головок коня. Несколько таких подвесок имеется в коллекции Теплоуховых; они представляют слитные фигурки коней, соединенные сдужкой или

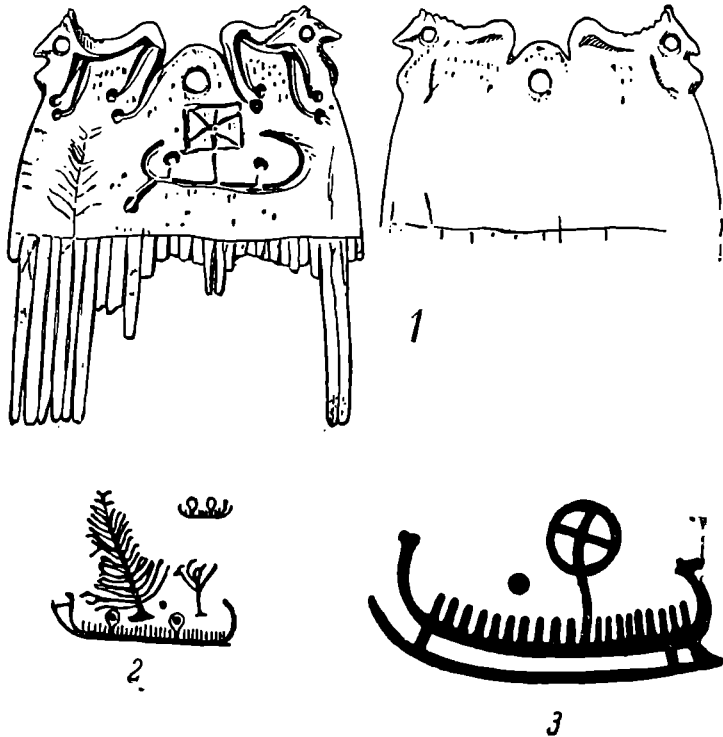

Рис. 1.

1 — гребень из Псковского городища, 1/3 нат. вел.; 2 — изображение ладьи, солярных знаков и деревьев. Лекеберг (Богуслен) по О. Монтелюсу; 3 — изображение ладьи с солярным знаком. Вотина Курка (Богуслен) по О. Альмгрену.

Фигуры коньков на Псковском гребне переданы полностью и четко разделены, что является их главной особенностью по сравнению с названными подвесками. Из-за отсутствия подобных изображений в датированных комплексах уточнить время этой поделки трудно. Во всяком случае, оно близко к IX в. — времени распространения двухголовых коньков-подвесок, с которыми гребень имеет определенное и близкое родство. Связывая гребень с «чудскими подвесками», следует указать, что эта находка является необычной для данного района. Район р. Великой издавна, по своей материальной культуре, был связан не с северо-востоком, а с Верхним Приднепровьем и Прибалтикой. В древнейших могилах Псковского края, в так наз. длинных курганах с трупосожжениями, погребальный инвентарь представлен вещами исключительно тех типов, которые известны под названиями «литов-

соединенные сдужкой или петлей для подвешивания. Этой петле иногда придан облик человеческого лица. На одной из этих подвесок видна попытка условно передать фигуры коней полностью.¹

Как и подвески в виде коня со всадником и змеей, эти украшения распространены и далеко за пределами Прикамья. Они известны в Приладожье, где на двух таких подвесках, из Подъелья² и Заозерья³ (обе на р. Паше), также имеется условная передача всей фигуры коня.

Двухголовые коньки, но совершенно другого характера, и не литые, а плетеные из проволоки, известны и из Лядинского могильника.

¹ МАР, № 26, табл. XI, 5.

² МАР, № 18, табл. III, 6.

³ W. Raudonikas. Die Normannen der Vikingerzeit und das Ladogagebiet. Стокгольм, 1930, стр. 65, рис. 50.

ских» и «прибалтийских». В числе их здесь находятся вещи, которые в IX—X вв. в развитых формах характеризуют могильники Люцинского типа.

Находки вещей восточного, в частности прикамского, происхождения в эту пору здесь не известны, хотя они и встречаются в синхронных длинным курганам Волховских сопках. Вещи с северо-востока появляются в Псковщине позднее, в XI в., оставаясь все же нехарактерными для этого края.

Можно полагать поэтому, что гребень попал на берега Великой, как предмет, занесенный со стороны, но вряд ли из далекого Прикамья, скорее из того района, где имели распространение вещи прикамских типов, напр. из Приладожья.¹

Загадочным на гребне является рисунок ладьи и дерева. Такого рода изображения в эпоху, современную гребню, в Восточной Европе неизвестны.

По хронологическому и по территориальному признаку аналогии этому рисунку следовало бы ожидать в изображениях кораблей или ладей эпохи викингов и ей предшествующей; эти изображения, высеченные на камнях и иногда сопровождаемые руническими надписями, известны в скандинавских странах, в частности на острове Готланде. Однако эти реалистические изображения, передающие характерной формы судно, нередко с экипажем викингов, не могут быть поставлены в связь с рисунком на псковском гребне.²

На последнем изображено нечто иное, именно ладья наподобие лыжи с крючкообразно-загнутыми концами и в ней — две фигуры в виде кружков, соединенных с ладьей короткими вертикальными черточками. Рядом с ладьей схематически изображено дерево. Все изображение носит пиктографический характер.

Особенное внимание привлекают фигуры в виде кружков, помещенных в ладье. Человеческие изображения, трактованные таким образом, неизвестны, но эти фигуры в точности воспроизводят те солярные знаки, которые обычно сопутствуют ладье в петроглифах скандинавского севера.

Скандинавские петроглифы, на которых изображается, в числе других солярных символов, ладья, относятся исследователями к эпохе бронзы; здесь стоит отметить лишь несколько из них.

На рис. 1, 2 показано два изображения из серии наскальных рисунков в Лекеберге (Богуслен). Здесь представлены ладьи в виде длинной черты с крючкообразно загнутыми концами; в них помещаются фигуры людей (короткие штрихи), над которыми выделяются два солярных знака. Над одной из них в качестве солярных атрибутов изображены и деревья. На приведенных изображениях, у носовой части ладьи, виден придаток (таран?). Но известны изображения лодок и без тарана. Такое упрощенное изображение ладьи имеется в том же Лекеберге, в Тануме, подобное же, но без солярных знаков, — в Сконе³ и др. Всюду здесь изображены ладьи в виде длинной черты с загнутыми концами наподобие крючков.

¹ Вещи приладожского типа — 2 плоские прорезные подвески-уточки найдены также в могильнике, находившемся в самом Пскове, на «Завеличье». Этот бескурганый могильник со славянскими вещами датируется XI в. (Псковский Гос. музей).

² S. Lindqvist. Den heilige Eskils biskopsdöme. Antikvarisk Tidskrift for Sverige... 22, I. — Он же. Gotlands bildstenar. Rig. 1933. — Он же. Religiosa runtexter, II, 1940. За указания источников и помощь в переводе скандинавской литературы приношу благодарность Е. А. Рыдзевской.

³ O Almgren. Nordische Felsenzeichnungen als religiöse Urkunden. Франкфурт на Майне, 1934, стр. 11—114 и 117.

Изображения деревьев часто сопутствуют ладьям в этих символических композициях, а в некоторых случаях, как в Норчепинге и Тануме,¹ деревья помещены в самой ладье.

Ладьи скандинавских петроглифов нередко сопровождаются большими солярными знаками, в виде крестообразно пересеченного круга. Такой круг помещается на носу лодки или в середине ее и тогда представляется как бы утвержденным на мачте (рис. 1, 3). На псковской ладье нет этого круга, но крестообразная фигура удерживается здесь как солярный элемент, перешедший на парус.

Существенными деталями псковской ладьи являются кормовое весло и парус. Кормовое весло появляется на более поздних петроглифах (Бардаль, Норвегия), относимых предположительно уже к эпохе железа, и рассматривается некоторыми исследователями, наряду с другими элементами, в качестве признака позднего возраста этих изображений.²

Однако в последующее время в изображениях этого рода кормовое весло отсутствует и появляется вновь уже в сопровождении паруса в конце I тысячелетия н. э., т. е. в эпоху, современную гребню.³

Архаический рисунок ладьи на гребне дополнен этими новыми элементами — веслом и парусом. Тем не менее, на псковском гребне изображена древняя «солнечная ладья» с ее атрибутами, сохранившая, несмотря на привнесение поздних элементов, свои характерные черты.

Возвращаясь к конским фигуркам, отмечу, что в ряду разнообразных «чудских» изображений (зверей, пресмыкающихся, фантастических антропоморфных существ полулюдей-полузверей) изображения коня также имели символический смысл. Значение коня в космических представлениях и его солярная символика неоднократно являлись предметом исследований, и в настоящей заметке останавливаться на этом нет надобности.

Гребень, следовательно, является своего рода комплексом изображений, связанных с космическими представлениями; в этом отношении он не является чем-то новым. Генезис такой связи гребня с элементами неба показан А. А. Миллером в одной из его работ.⁴ Существенно в данном случае то, что рисунок ладьи в этом комплексе не случаен; он, очевидно, свидетельствует о существовании в конце первого тысячелетия мировоззрения, которое в пору своего возникновения и развития отразилось в многочисленных наскальных рисунках Южной Скандинавии и Онежского озера. Как чрезвычайно интересное явление, следует отметить архаическую трактовку ладьи, почти воспроизводящей эти рисунки. Аналогий этой поделке не известно в вещественном материале I тысячелетия н. э., но они несомненно существуют, о чем свидетельствует энтографический материал. Древняя солярная тематика в виде тех же элементов, которые рассмотрены выше — ладьи, коня, дерева, — до позднейшего времени живет в народном изобразительном искусстве, в частности в резьбе и вышивках русского Севера.

¹ Там же, стр. 8 и 14.

² G. Gjessing. Die Chronologie der Schiffsdarstellungen auf den Felsenzeichnungen zu Bardal, Trondelag. Acta Archaeologica, вып. VI, 1935, рис. 1—2.

³ A. Norden. Korstadristingens skeppstp. Fornvännen, 1933. — H. Shetelig. Austreimstenen. Bergens Museums, Aarbog, 1907. — S. Lindqvist. Gotlands bildstenar. Rig, 1933. — T. Arne. Huru gammal är ristningen a Häggebystenen. Svenska Fornminnesföreningens Tidskr., XI.

⁴ А. А. Миллер. Элементы «неба» на вещественных памятниках. 1933.

Н. Н. БОРТВИН

ИНКРУСТИРОВАННЫЙ ТОПОРИК ЧЕРДЫНСКОГО МУЗЕЯ

Примерно 25 лет назад А. А. Спицын впервые опубликовал серию «декоративных» топориков, найденных преимущественно на территории СССР.¹

Благодаря любезности заведывающего Чердынским краеведческим музеем И. А. Лунегова, здесь впервые публикуется топорик Чердынского музея, найденный в окрестностях с. Пянтег, Молотовской обл., на р. Каме. Топорик отличается небольшими размерами, изящностью формы и орнамента. Сохранность предмета хорошая (рис. 1).

Обух топорика вытянут в трубку. Длина трубки 45 мм, а диаметр отверстия для рукояти — 20 мм. В месте соединения трубки обуха с клинком находится наиболее суженная часть топора, шириною всего 15 мм. К лезвию клинок расширяется. Ширина лезвия 75 мм, а длина (высота) клинка 100 мм.

Поверхности топорика украшены орнаментом — инкрустация серебром. Орнамент состоит из следующих частей: дугообразной каймы по краю выреза на клинке, зубчатой линии

Рис. 1. Инкрустированный топорик найденный в окрестностях с. Пянтег, Молотовской обл.

вдоль лезвия и треугольника, образуемого передним краем топора, каймой и зубчатой линией, покрытого сплошь серебром. Обух орнаментирован волнистой линией по всей его длине. Дугообразная кайма вдоль выреза на клинке состоит из восьми соединенных между собою в одно целое завитков растительного орнамента. Орнаментальные мотивы имеют, вероятно, восточное происхождение.

Определить место и время изготовления топорика затрудняюсь.

Наиболее вероятным представляется, что это восточное изделие, занесенное в Прикамье в результате торгового обмена при посредстве Волжской Болгарии, т. е. не ранее X и не позднее XII в. н. э.

¹ А. А. Спицын. Декоративные топорики. ЗРОАО, т. XI, 1915, стр. 222—224

Н. П. КИПАРИСОВА

ИГРУШКИ-ВОДОЛЕИ ИЗ ПАЙКЕНДА

В одном из своих отчетов об археологических работах в Пайкенде Л. А. Зимин¹ сообщает о находке любопытных глиняных фигурок животных: «Из мелких предметов, найденных в течение второго дня раскопок, заслуживает внимания глиняная с темнозеленой поливой фигурка, изображающая голову какого-то животного с ушами или рогами, сходящимися над головой и с чем-то вроде ошейника вокруг шеи». И дальше: «...на С и СЗ от большой комнаты. была найдена фигурка из светложелтой глины, изображающая какое-то животное с небольшими ушами, выпуклыми глазами, покрытое шерстью, с длинным хвостом, закинутым на спину и образующим нечто вроде ручки». Эти фигурки показаны на одной из фотографий, приложенных к отчету. Составить представление о вещах на основании этой фотографии очень трудно, так как изображение слишком мелко. Размеры не указаны, о них можно судить только по сравнению фигурок с другими вещами на снимке; фигурка «из светложелтой глины» должна быть около 10 см длины. Эти фигурки, как и вся коллекция Л. А. Зимина, находятся, очевидно, в фондах Ташкентского музея искусств и, к сожалению, в настоящее время недоступны для осмотра.

За исключением этого краткого упоминания, до сих пор в литературе таких находок не отмечалось.

Вторично подобные фигурки были найдены опять в Пайкенде, при археологических работах 1939 и 1940 гг.² Из них несколько почти целых и довольно значительное количество фрагментов. Некоторые были подобраны на поверхности городища, некоторые в керамическом завале, образовавшемся, по мнению А. Ю. Якубовского,³ не раньше XV в. н. э. на месте разрушенных построек, и несколько образцов — при расчистке завала керамических изделий у разрушенной гончарной печи IX—X в. н. э. Фигурки внутри полые и почти все поставлены на три ножки.

Сделаны они из обычной керамической глины, довольно хорошего качества. Лепились фигурки в формах, тоже сделанных из глины и обожженных. Фрагменты форм также найдены в Пайкенде. Формы изготовлялись отдельно для правой и левой половины корпуса и головы животного, не включая выступающих частей фигуры. Края фор-

¹ Л. Зимин. Отчет о весенних раскопках в развалинах старого Пайкенда. Прот. заседаний Турк. кружка любит. археол., год 19-й, Ташкент, 1915, стр. 72 и 77.

² В 1939 г. в Пайкенде работала Зарафшанская экспедиция ИИМК и Эрмитажа под рук. проф. А. Ю. Якубовского. См. отчет нач. эксп. в «Трудах Отдела Востока» Гос. Эрмитажа, т. II, 1940 г. — экспедиция Эрмитажа под рук. В. Н. Кесаева.

³ А. Ю. Якубовский. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. Труды Отдела Востока Эрмитажа, т. II, 1940.

мы, там, где должны были соединяться две половинки, тщательно заглаживались. Внутри формы наносился орнамент, обычно оттиснутый штампом, а также прорезались некоторые детали, как, например, контуры седла на фигурках лошадей. В форму глину вминали пальцами, отпечатки которых хорошо видны с обратной стороны изделий. Таким способом изготовлялись две половинки корпуса, на которых орнамент отпечатывался в виде выпуклого рельефа. Изготовив обе половинки, мастер соединял их и затем приступал к изготовлению выступающих частей, наклепывая их на фигурку так, что они иногда даже закрывали часть орнамента. Налеплялись глаза, уши, рога, ноги, ручка, хвост; иногда делался налест вдоль всей морды спереди, закрывающий шов. Для глаз брались два кусочка глины в виде маленьких уплощенных шариков, иногда украшенных по краю нарезками; шарики прикладывались к месту, где должны помещаться глаза, и прокалывались по середине острой палочкой, часто настолько глубоко, что получались сквозные отверстия. Налесты вдоль морды делались или в виде гладкой полоски или тоже украшались поперечными насечками и примазывались пальцем с обоих концов — у морды и на лбу. Ноги, хвост, уши, рога тщательно примазывались к корпусу. Ручек ни на одной фигуре полностью не сохранилось, но части их, или следы от прилепленных концов ручки, есть на всех фигурках. Л. А. Зимин говорит, что ручку образует хвост, закинутый на спину. На самом же деле хвост делался отдельно, в виде небольшого конусообразного налеста, около него на спине закреплялся один конец ручки, второй прикреплялся к шее. Имея перед глазами много образцов, можно и на фотографии Л. А. Зимина различить на фигурке короткий хвост и ручки. По сохранившимся остаткам ручек и по фотографии Л. А. Зимина можно судить об их форме. Приблизительная их реконструкция дается на рис. 2 и 3.

После соединения обеих половинок корпуса, внутри фигурки получалась полость, иногда занимающая внутренность всего корпуса и головы, иногда прерванная в наиболее узком месте фигурки, у шеи. На месте рта у некоторых фигурок сквозное отверстие, у некоторых же рот даже не намечен.

После присоединения всех частей, фигурки подвергались обжигу, а затем покрывались гладкой темнозеленой поливой и обжигались вторично. По определению В. Н. Кононова,¹ полива эта свинцовая, подкрашенная железом. Она чрезвычайно характерна для пайкендской керамики; употребление ее в других районах Средней Азии пока не отмечено. Полива наносилась на поверхность без ангоба, покрывая изделия толстым слоем, иногда достигающим до 1 мм.

Такой толстый слой поливы несколько сглаживает орнамент на фигурках и он теряет четкость рельефа. Фигурок с другого цвета поливой не обнаружено. Некоторые из фигурок поливой не покрыты, но, судя по характеру внешней отделки, эти фигурки не закончены обработкой. На них недостаточно заглажены места соединений, не подправлены некоторые неровности в орнаменте, получившиеся может быть в результате загрязнения формы. Мастер, очевидно, не заботился о тщательной отделке поверхности, надеясь, что все дефекты должны были скрыться под толстым слоем поливы. Иногда на неполивных фигурках некоторые наклепные части держатся недостаточно прочно, в особенности часто отклеиваются налесты, изображающие глаза. Мастер имел возможность укрепить их более прочно, но он рассчитывал, что полива закрепит соединение.

¹ Химическая лаборатория Гос. Эрмитажа.

По размерам фигурки очень невелики, чаще всего от 8 до 12 см. в длину. В одном только случае по фрагментам формы можно предположить, что длина тулова животного достигала 20—25 см.

Фигурки изображают или лошадей (рис. 1), или рогатых животных, напоминающих корову (рис. 2), или животных неопределенного вида с короткими ушами, а может быть рогами (рис. 3).

Трактовались все они очень упрощенно. Кого бы фигурка ни изображала, корпус изготовлялся почти одинаково. Основными признаками, по которым можно опознать животное, являются: для лошади — седло с подпругой, для коровы — рога.

Рис. 1. Фрагмент фигурки лошади, покрыт темнозеленой поливой. Нат. вел.

Фигурки лошадей заметно отличаются по отделке поверхности от остальных. На всех фигурках есть ошейник, изображенный обычно в виде ряда кружочков между параллельными прямыми полосками. На фигурках с рогами или короткими ушами есть, кроме того, орнамент из ряда кружочков, положенный наискось через тулово, иногда между прямыми полосами, или в виде групп кружочков, или розеток. Два последние вида орнамента расположены обычно на лопатках или на крупе. В будущем, очевидно, представится возможным отделить и

орнаментацию рогатых животных от орнаментации на фигурках с короткими ушами.

Фигурок лошадей найдено очень немного. Наибольшее представление о них дают два фрагмента формы, на одном сохранилась голова и часть тулова, на втором — средняя часть тулова с седлом (рис. 4).

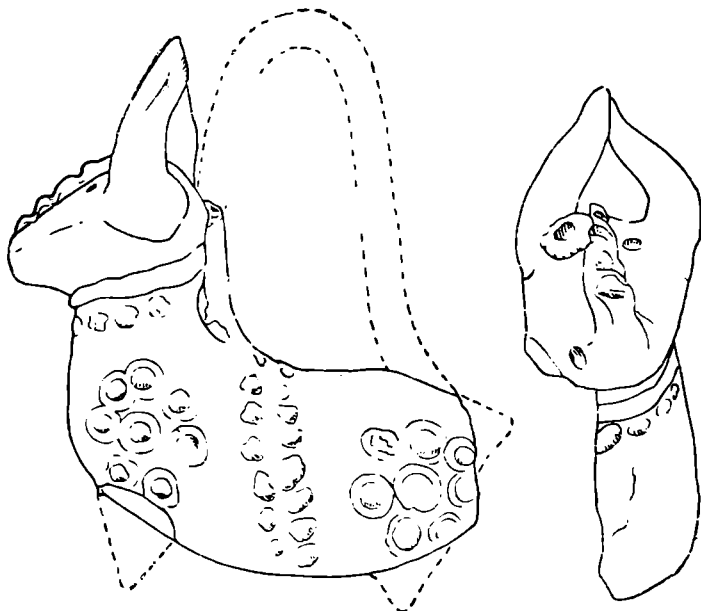

Рис. 2. Фигурка, покрытая темнозеленой поливой. Нат. вел.

По характеру орнаментации и по размерам оба фрагмента могут принадлежать одной форме, хотя и от ее разных сторон. Это одна из самых крупных фигурок. Седло с квадратным чепраком украшено рядами мелких кружочков; по краю обведено каймой. Подпруга изображена в виде розеток между парными прямыми линиями; так же изображен и ошейник. Корпус, исключая грудь, заполнен сплошным

узором из крупных кругов-розеток. Мастер сделал украшения близкими к реальности — изображена лошадь «в яблоках», в ошейнике, с богатым седлом, с чепраком, украшенным нашивками или расшитым, и с широкой подпругой, тоже украшенной нашивками. Крупные размеры фигурки дали возможность мастеру более тщательно сделать украшения, но и остальные фигурки лошадей делались более реалистично, чем фигурки других животных. На рис. 1 изображена фигурка лошади, на которой седло с круглым чепраком и обе луки седла обозначены не только контурами по верху, но и валиками с боку. Туловище также «в яблоках».

Эти небольшие глиняные фигурки животных, полые внутри, снабженные сверху ручками, часто имеющие отверстие на месте рта, по своей внешней форме очень напоминают известные бронзовые водолеи. Они также имеют и другие признаки водолеев, но признаки, ставшие чисто формальными. Полость их слишком мала, чтобы можно было туда наливать жидкость, а иногда она еще бывает и залеплена в более узких частях фигурки. Сливное отверстие во рту делается не на всех фигурках. Но если даже допустить, что оно отсутствует на экземплярах, не вполне законченных отделкой, то, все равно, нельзя налить жидкость в сосуд, снабженный только одним

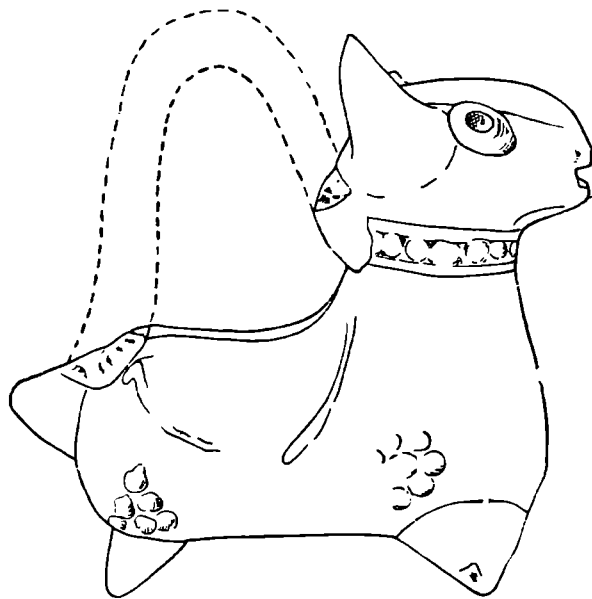

Рис. 3. Неполная фигурка из желтой глины.

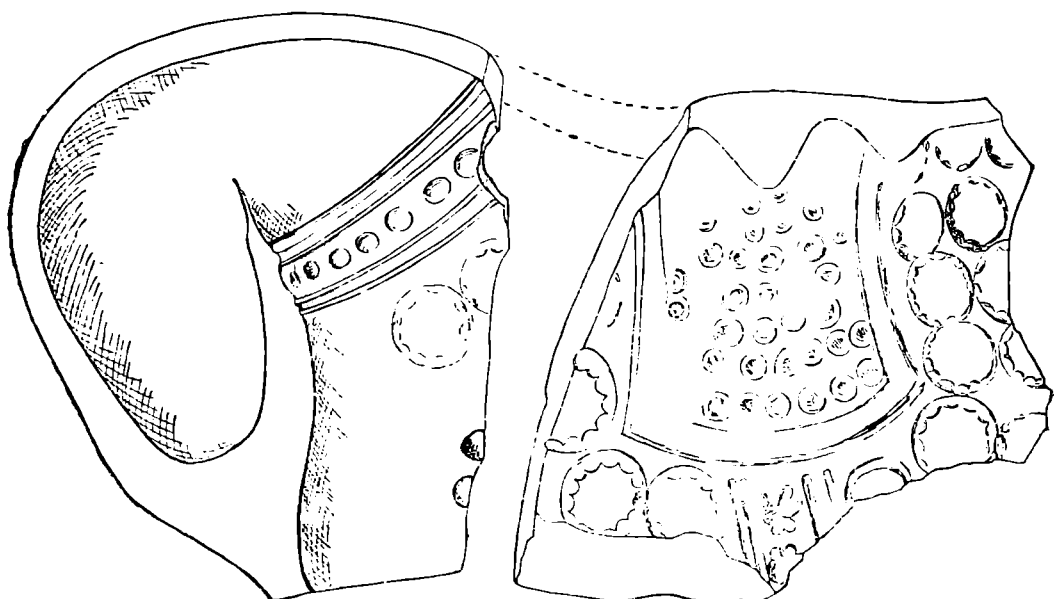

Рис. 4. Два фрагмента глиняной формы.

очень узким отверстием. Необходимо наличие второго отверстия для выхода вытесняемого воздуха, а такого ни на одной фигурке нет.

Что эти фигурки делались по образцу водолеев — не подлежит сомнению. Есть и еще одна характерная черта, свидетельствующая о

том, что изготовлявший их мастер относился к своим изделиям как к сосудам. В Пайкенде очень распространен тип посуды на трех ножках. На трех ножках делались кувшины с высоким узким горлом, тарелочки, украшенные штампованным орнаментом и покрытые темно-зеленой поливой, плоские чашки с прямыми бортами и другие виды посуды. Ножки у них делались в виде небольших конусов, обращенных острием вниз. Прикреплялись они к уже готовому сосуду тем же способом, как и детали фигурок, т. е. примазывались пальцем еще к необожженному, но уже слегка подсохшему в процессе изготовления сосуду, и на неполивных сосудах так же часто отклеивались. Один из таких сосудов, покрытый темнозеленой поливой, изображен на рис. 5. Почти все полые фигурки животных из Пайкенда сделаны с такими же коническими ножками. Как на сосудах, их всегда три — две ножки спереди, по бокам тулова, и одна сзади, прикрепляемая на месте соединения двух половинок тулова. На одном только фрагменте фигурки лошади (рис. 1) ноги сделаны достаточно длинными — про-

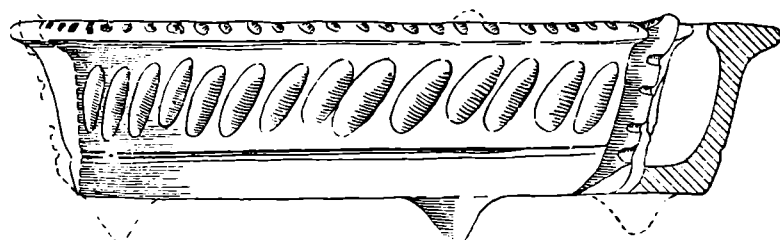

Рис. 5. Сосуд, покрытый темнозеленой поливой.

порционально тулову. К сожалению, у этой фигурки не сохранилось задней половины и нельзя сказать — были ли обе задних ноги или тоже одна. В 1940 г. экспедицией Гос. Эрмитажа среди подъемного материала найдено несколько фигурок животных, вылепленных из сплошного куска глины. На этих фигурках имеются все четыре ноги, части тела пропорциональны. Трактовка тулова их совершенно иная, чем у полых фигурок, — телу придана определенная форма, намечены основные линии мускулатуры. Эти два типа фигурок имели различные функции — в одном случае воспроизводилось животное, в другом случае делался сосуд в виде животного. Относясь к последнему виду изделий как к сосуду, мастер и ставил его на обычные для сосуда ножки-подставки, и делал их три, как у сосуда, а не четыре, как у животного.

В Средней Азии, с очень раннего времени, делались терракотовые фигурки животных, имеющие культовое значение. Работами Г. В. Григорьева установлено их бытование в Тали-Барзу под Самаркандом, начиная с ахеменидского периода до арабского времени, наряду с фигурками, изображающими человека. Фигурки животных, главным образом, имели вспомогательное значение — на них помещались фигурки человека (или бога). Подобные фигурки находили и в других местах Согда, особенно на Афрасиабе. Все они, очевидно, из рода тех «идолов», о которых неоднократно говорилось в археологической литературе, в связи со свидетельством Мухаммеда Наршахи о продаже, в его время, таких «идолов» в Бухаре на базаре Мох.¹

Делая такого «идола», мастер лепил фигурку животного или человека, долженствующую изобразить тот или иной культовый символ. Для нас важно, что мастер (безразлично пока, для какой точно цели)

¹ Мухаммед Наршахи. История Бухары. Перевод с персидского Н. Лыкова. Ташкент, 1897.

стремился изобразить животное или человека. Такие изображения делались всегда массивными, лепились из сплошного куска глины. Никогда не делались они полыми и делать это было незачем. В этом образе «идола» не следует искать аналогий для полых пайкендских фигурок, так как последние в основном изображали сосуд-водолей.

Известные средневековые восточные водолеи в виде различных животных сделаны из металла.

Глиняная посуда Средней Азии, в том числе и Пайкенда, часто повторяет металлическую — и по форме и по орнаментации. Металлическая, и даже бронзовая, посуда была более дорогой и не всем доступной, поэтому делали посуду, похожую на металлическую. Зачастую наблюдается почти полное совпадение формы и орнаментации в металлической и в глиняной посуде.

Так и наши маленькие сосуды-водолеи, помимо сходства по форме с бронзовыми водолеями, имеют и другие черты сходства с металлическими изделиями. На сасанидских серебряных блюдах есть изображения всадников, лошади которых заседланы седлами с квадратным или круглым чепраком, украшенным сплошным узором из мелких кружочков, иногда сгруппированных. Разделка седла наших фигурок, изображающих лошадей, сделана так же. Розетки из группы кружочков на крупе и бедрах наших фигурок очень напоминают фалары на лошадях с серебряных блюд. Ошейники из ряда кружков между двумя параллельными линиями тоже воспроизводят довольно точно ошейники на лошадях с серебряных блюд.

Все эти черты сходства можно наблюдать на многих серебряных изделиях (укажу, напр., табл. XXXI и XXXII в атласе «Восточное серебро» Я. И. Смирнова¹ или табл. 214 и 218 в «Survey of Persian art»²).

Самые детали орнаментации — вписанные один в другой кружочки, ребристые шишечки, розетки — очень близки к элементам орнаментации описываемых серебряных сосудов.

Остается решить вопрос о назначении этих своеобразных фигурок, так похожих на водолеи.

Больше всего оснований предполагать, что это были игрушки.

Иногда в игрушки превращаются вышедшие из употребления предметы, напр. культовые. Так, по словам Г. В. Григорьева, массивные глиняные фигурки животных из числа «идолов» и сейчас еще служат игрушками у детей в некоторых районах Узбекистана. Но чаще игрушки повторяют бытующие предметы домашнего обихода. В собраниях Гос. Эрмитажа и Самар кандского областного музея есть много игрушечных тарелочек, кувшинчиков и т. д., сделанных по образцу настоящих тарелок и кувшинов. В Пайкенде, наряду с обычными чирагами (светильниками), есть такие же игрушечные, очень миниатюрные.

Одним из добавочных доводов, чтобы считать эти фигурки игрушками, является и пунктуальное сохранение в них внешних признаков той вещи, которой они подражали. При изготовлении игрушек и сейчас стремятся возможно полнее сохранить прежде всего внешний вид вещи, которую должна изображать игрушка.

Наши игрушечные водолеи могут быть датированы, по условиям нахождения, примерно IX—X вв. н. э. Имеющиеся пока в разных собраниях бронзовые водолеи восточного происхождения датируются различно, но в общем от VI до XI—XII вв. Очень возможно, что игрушечные водолеи подражали бронзовым водолеям, бывшим в то

¹ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения. СПб., 1909.

² A. U. Pope. A survey of Persian art, IV. Лондон — Нью-Йорк, 1939

время в употреблении и в Пайкенде. У города купцов, каким был Пайкенд с его широкими торговыми связями, было много возможностей заимствования. Не меньше было у него и своих образцов, которым местные мастера-керамисты могли подражать, изготавливая игрушечную посуду, так как город во время арабского завоевания был известен богатством золотой и серебряной посуды. Пока в Пайкенде металлической посуды не обнаружено, но при дальнейших археологических работах этого можно ждать и тогда, быть может, представится возможность установить, каким образцам подражали наши игрушки-водолей. Глиняные водолеи и в то время в Пайкенде очевидно употреблялись. На рис. 6 изображен водолей, по своим размерам и емкости уже могущий служить практическим целям. Это бракованный экземпляр,

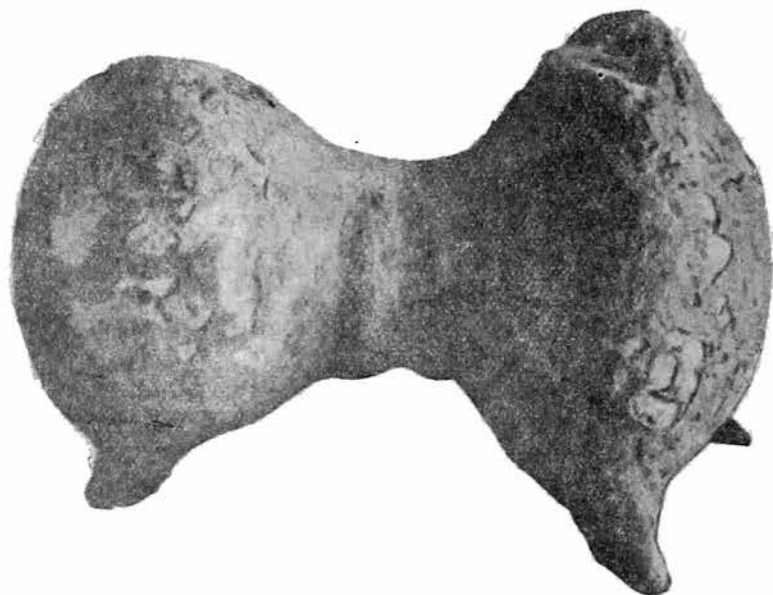

Рис. 6. Водолей в виде схематизированной фигурки животного

найденный в отбросах гончарной печи (раск. № 3—1939 г.). Он тоже изображает фигуру животного, которая передана уже совсем схематично, почти в геометрических формах. Как и игрушечные водолеи, он был поставлен на три конусообразные ножки-подставки, а сверху был снабжен ручкой, следы от которой заметны на спине и на шее; к сожалению, у него не сохранилась голова; эти недостатки сосуда — отсутствие значительной его части и плохая сохранность — не дают возможности точно определить его назначение.

Итак, на основании всего изложенного представляется возможным установить, что в богатом керамическом производстве Пайкенда IX—X вв. значительное место отводилось изготовлению игрушек, в том числе игрушечных водолеев; кроме того, вероятно, что в это время в Пайкенде изготавливались глиняные водолеи и для практических целей, в подражание водолеям металлическим.

В дальнейшем, когда в нашем распоряжении будет большее количество игрушечных водолеев, может быть удастся более конкретно установить черты их сходства с известными уже бронзовыми водолеями и сделать попытку еще и в этом направлении, чтобы подойти к вопросу о датировке бронзовых водолеев.

С. В. КОРШЕНКО

РИМСКИЙ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН ИМПЕРАТОРА ЛИЦИНИЯ СТАРШЕГО ИЗ СОБРАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ УССР

Среди довольно значительного количества золотых медальонов, чеканенных в Римской империи в первой половине IV в., золотые медальоны императора Лициния Старшего, по количеству известных видов, занимают одно из последних мест.

Ф. Гнеччи, издавшему в 1912 г. монографию о римских медальонах,¹ был известен лишь один вид золотых медальонов императора Лициния Старшего.

В нумизматическом собрании Центрального исторического музея УССР находится золотой медальон императора Лициния Старшего

Рис. 1. Римский золотой медальон Лициния Старшего.

(рис. 1), представляющий новый тип, оставшийся неизвестным Ф. Гнеччи при издании его монографии, хотя медальон был найден более чем за полтора столетия до появления труда Ф. Гнеччи и имел свою длительную историю.²

Находка этого медальона имела место в 1757 г. на поле «Тыроцинского дома», входившего в состав краковских владений Ордена иезуитов. Найденный медальон был передан ректору «дома» и хранился им вместе с священными изображениями в каплице «дома» до уничтожения Ордена, когда вместе с другими принадлежавшими

¹ Francesco Gnecchi. I medaglioni romani. Милан, 1912.

² Обстоятельства находки медальона и его дальнейшую судьбу привожу по данным рукописного каталога Волынского Лицея — Catalogus Numorum Veterum Lycei Volhyn., т. II, Numi imperatorum occid. et orient., стр. 592 и рукописного каталога Виленского университета: Catalogus Numorum Antiquorum ad Supremum Imperatoris Augustissimi Iussum e Lyceo volhyniensi Cesareae Litterarum Universitati vilnensi nuper illatorum. Pars IV. Numos imperatorum Romanorum a Geta inde usque ad huius Numophilacii finem complectens, стр. 377—378.

Ордену ценностями был передан в Варшаву и поступил в королевское гумизматическое собрание.¹

Впоследствии это собрание перешло к Волинскому лицезу в Кременце, а после его закрытия в течение непродолжительного времени находилось в ведении Виленского университета. С созданием в 1834 г. университета в Киеве, находившаяся в Вильно коллекция Кременецкого лицеза была передана Киевскому университету; вместе с некоторыми другими меньшими собраниями она легла в основу организованного при университете Мюнц-кабинета. После Октябрьской революции при реорганизации высшей школы университетская коллекция вошла в состав собрания Центрального исторического музея УССР.

На лицевой стороне этого медальона изображена голова императора вправо; круговая легенда: IMPCVAL LICINLICINIVS. . AVG; по краю — бусовой ободок. Rv: обращенные друг к другу фигуры двух императоров, совершающих жертвоприношение над пылающим жертвенником в виде треножника, находящимся между ними. CONCORDIA AVGG ET CAESS.; в обресе — S. M. N. По кругу — зубчатый ободок. Диаметр медальона 33.5 мм, вес 18.51 грамма. Инв. № 1745.

Сохранность медальона в общем удовлетворительная. Детали на наиболее выпуклых местах медальона сгладились; однако в отдельных случаях, как, например, волосы бороды в углублении между челюстью и шеей, — заметны. На оборотной стороне — глубокая царапина.

Изображение головы, находящейся на лицевой стороне медальона, может быть с уверенностью признано за портретное изображение императора Лициния. Его известные иконографические данные вполне соответствуют характерным особенностям лица, изображенного на медальоне. Портрет нашего медальона, представляющий императора с орлиным носом и красивыми глазами, в особенности интересен тем, что он подтверждает слова византийского автора Малалы о внешнем облике Лициния Старшего.²

Тип оборотной стороны медальона имеет аналогии среди медальонов предшествовавших императоров. Так, например, подобное изображение встречается на будапештском золотом медальоне Максимиана Геркулеса, найденном в Szar contea в 1905 г.³ На оборотной стороне этого медальона изображены два императора в жреческом одеянии, совершающих жертвоприношение у треножника. Медальон чеканен в Тицинуме (SMT); легенда его тождественна с легендой нашего медальона. Размер его 34 мм, вес 21.55 гр. Иначе, чем на нашем медальоне, изображен находящийся между фигурами императоров треножник.

Более отдаленное сходство представляет берлинский медальон Констанция Хлора 305—306 г.⁴ Однако на нем нет сцены жертвоприношения. Фигуры императоров Констанция Хлора и Севера II изображены в тогах со скипетрами. Север представлен подающим шар Констанцию Хлору. Между фигурами — венки, в котором читается XX. Легенда та же. В обресе: SIS (Сисция); диаметр 33 мм, вес 20.775 гр.

¹ Nummus repertus in agro pagi... ad domum Tyrocinil Soc. Jesu Cracoviensis Spectantis anno 1757. Rector cui hic nummus redditus fuit, ut integrum posteritati servaret, imagini Dei parae in sacello eiusdem domus privato affixit. Sublata Societate inter alia cimelia advectus Varsaviam ad Nummophilacium Regium transiit (cat. Volhyn.). В Виленском каталоге эти факты изложены следующим образом: Numus iste repertus quondam in agro quodam domus Tyrocinii Soc. Jesu Cracoviensis anno 1757. Rector cui ille redditus fuit, ut integrum posteritati servaret imagini Dei parae in Sacello eiusdem domus affixit. Sublata Societate inter alia cimelia advectus Varsaviam ad Numophilacium Regium transiit. В обоих случаях сохраняю правописание оригинала.

² J. Maurice. Numismatique Constantinienne, I, Париж, 1908, стр. 110.

³ F. Gnecchi, ук. соч., I, табл. V, 3.

⁴ Там же, табл. V, 6.

Близость типа реверса киевского медальона императора Лициния и приведенных медальонов Максимиана Геркулеса и Констанция Хлора естественно, казалось бы, позволяла предполагать раннюю чеканку киевского медальона, тем более, что подобные типы реверса ни на медальонах, ни на монетах Константина и его сыновей, насколько мне известно, не встречаются.

Однако к такому раннему датированию медальона встречаются серьезные препятствия. Монетный двор в Никомедии, где был чеканен наш медальон, достался Лицинию лишь в мае 313 г.¹ после победы над Максимианом Даза и низвержения его. Самый портрет, находящийся на лицевой стороне и являющийся портретным изображением Лициния, также не позволяет предположить дату более раннюю, чем 313, а может быть даже и 314 год.

Со времени возведения Лициния в сан августа и до смерти Галерия Максимиана, последовавшей в 311 г., монетный двор в Сиссии был единственным монетным двором, принадлежавшим Лицинию. Однако, как установил Ж. Морис, весь чекан Лициния, вышедший с монетного двора в Сиссии, не только до смерти Галерия, но и позже, вплоть до потери Сиссии Лицинием в 314 г., носил на себе изображение не Лициния, а Галерия Максимиана.

Если это наблюдение Ж. Мориса правильно, то можно предполагать, что такое же положение было и на никомедийском монетном дворе, и чекан с изображением Лициния начался не ранее 314 г.

Таким образом, наш медальон мы не можем отнести ко времени ранее второй трети царствования Лициния.

Попытка более точно определить дату чеканки медальона была бы связана с известной долей условности. Если считать медальон имеющим меморативный характер, то в изображении и легенде его оборотной стороны можно усматривать связь с какими-то историческими событиями, имевшими место в Римской империи в период между 314 — 324 гг.

Причины, которые могли повлечь за собой чеканку медальонов, говорящих о согласии обоих августов и цезарей (CONCORDIA AVGG ET. CAESS.), скорее всего можно было бы видеть в событиях 1 января 315 г. и 1 марта 317 г.²

По окончании неудачной для Лициния войны 314 г. оба августа, Константин и Лициний, 1 января 315 г.³ были совместно, в четвертый раз, возведены в консульское звание и, таким образом, было достигнуто и вновь восстановлено их согласие. «Оно было скреплено еще более прочно, когда 1 марта 317 года Константин наряду со своими обоими сыновьями Криспом и Константином назначил цезарем также и незаконного сына Лициния».⁴

Акт 1 марта 317 г. вносил мало нового в существовавшее положение. Он знаменовал победу династического принципа и отказ от системы Диоклетиана. Сыновья императоров были назначены цезарями не в качестве соправителей, а лишь как наследники престола в будущем.

¹ J. Maugice, ук. соч., III, стр. 25, Paris, 1912.

² Миланскую встречу Константина и Лициния, каковая могла бы вызвать чеканку медальона с типом CONCORDIA, брать в расчет не приходится, поскольку она произошла в феврале 313 г., т. е. до перехода Никомедии под власть Лициния (J. Maugice, ук. соч., I, стр. 109).

³ По J. Maugice'у; или несколько ранее — «еще до окончания 314 г.», как в Real-Encyclopädie Pauly-Wissowa, XIII, 225, 1926.

⁴ Real-Encyclopädie, там же.

С актом 1 марта 317 г. могут быть связываемы солиды Лициния Старшего и Криспа с легендой CONCORDIA AVGG NN.¹ Альфельди отнес чеканку их к 317 г. Тип оборотной стороны их совершенно иной. Вместо фигур, совершающих жертвоприношение императоров, на них изображена сидящая на троне CONCORDIA. Заслуживает внимания также отсутствие упоминания титула цезарей в легенде оборотной стороны. Оно может быть объяснено изменением содержания, вкладывавшегося отныне в титул цезаря.

Наоборот, упоминание цезарей в легенде на реверсе нашего медальона не только не может служить препятствием к отнесению медальона к 315 г., но является одним из соображений в пользу такой датировки.

Известно, что Лициний, сын Лициния, носил звание цезаря и до 317 г.. Он возведен был в это звание своим отцом еще во время войны 314 г., по случаю чего были выпущены медальоны с изображениями отца и сына.²

Что он не был лишен этого звания и после достижения соглашения между обоими противниками, а продолжал носить его, показывает факт празднования квинквенналий в 320, а не в 322 г., как должно было бы быть, если бы звание цезаря было им получено лишь в 317 г.

Наш медальон, как нам кажется, должен быть поставлен в связь с восстановлением согласия между августами после войны 314 г., согласия, устанавливавшего определенный статус в империи, прекращавшего борьбу двух претендентов на единодержавие и бывшего по своему значению событием более важным, чем акт 1 марта 317 г.

¹ A. Alföldi. The helmet of Constantine with the Christian Monogram in *Journal of Roman Studies*, XXII, стр. 1 (1932) табл. IV, №№ 5, 6; ср. также солиды Константина I (там же, стр. 19, № 2).

² J. Maurice, *ук. соч.*, I, стр. 109.

УКАЗАТЕЛИ К СБОРНИКАМ
„СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ“, I—X

УКАЗАТЕЛИ ИМЕННОЙ, ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ¹

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В СБОРНИКАХ „СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ“, I—X

	Вып.	Стр.
Адрианов В. С. Раскопки у Сале-Харде в 1935 г.	I,	278
Алекперов А. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство	IV,	249
Алихова А. Е. Куликовский могильник	X,	271
Анфимов Н. В. Новые данные к истории азиатского Боспора (Семи- братнее городище)	VII,	253
Анфимов Н. В. и Покровский М. В. Карта древнейших поселений и могильников Прикубанья	IV,	265
Артамонов М. И. Древний Дербент	VIII,	121
Артамонов М. И. Раскопки курганов в долине р. Маныча	IV,	93
Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо- западной Хазарии	VI,	130
Артамонов М. И. Третий Разменный курган у ст. Костромской	X,	161
Арциховский А. В. В защиту летописей и курганов	IV,	53
Арциховский А. В. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле	I,	187
Арциховский А. В. и Рыбаков Б. А. Раскопки на Славне в Нов- городе Великом	III,	179
Бадер О. Н. Изучение эпилеолита Крымской яйлы	V,	93
Бадер О. Н. Лихачевский могильник	II,	19
Бадер О. Н. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чу- вашии	VI,	63
Бадер О. Н. Неолитические погребения на Верхней Волге	III,	217
Бадер О. Н. Результаты работ Крымской палеолитической экспедиции Московского института антропологии в 1936 г.	V,	301
Байбуртян Е. А. Новые находки каменного века в Армении	III,	206
Байбуртян Е. А. По поводу древней керамики Армении из Шреш- Блур	III,	209
Бакланов Н. Б. Герих. Геометрический орнамент Средней Азии и методы его построения	IX,	101
Белов Г. Д. К изучению экономики и быта позднесредневекового Хер- сонеса	VII,	231
Белова Л. Н. Неизданные монеты Херсонеса	VII,	326
Бибиков С. Н. Грог Мурзак-коба — новая позднелеолитическая стоянка в Крыму	V,	159
Бибиков С. Н. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г.	I,	195
Бич О. И. Архив А. А. Спицына	X,	21
Блаватский В. Д. Акарнанские бронзы Лисиппа	VII,	189
Борисковский П. И. Раскопки Боршевской второй палеолитической стоянки в 1936 г.	V,	281
Борисковский П. И. и Воеводский М. В., см. Воеводский М. В. и Борисковский П. И.		
Бортвин Н. Н. Инкрустированный топорик Чердынского музея	X,	309

¹ Указатели составлены Н. А. Винберг.

	Вып.	Стр.
Брюсов А. Я. Гонцовская стоянка	V,	88
Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа	X,	291
Валукинский Н. В. Разведки в Воронеже	IV,	308
Винберг Н. А. Указатели (именной, географический и предметный) к тт. I—X сборников „Советская археология“	X,	323
Виноградов К. Я. Исполнитель олень у дер. Ясниковское	III,	199
Виноградов К. Я. Новые памятники фатьяновской культуры	IV,	300
Воеводский М. В. К вопросу о развитии эппалеолита в Восточной Европе	V,	144
Воеводский М. В. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР	I,	51
Воеводский М. В. и Борисковский П. И. Стоянка Елин Бор	III,	77
Воронин Н. Н. Новые памятники русской эпиграфики XII в.	VI,	309
Воронин Н. Н. Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и „чертеж“ 1715 г.	VIII,	145
Воронин Н. Н. Хутынский столп 1535 г. (К проблеме шатровой архитектуры)	VIII,	300
Гайдукевич В. Ф. Академик Сергей Александрович Жебелев как исследователь Северного Причерноморья	VII,	7
Гайдукевич В. Ф. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке	VI,	298
Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке	VI,	190
Гайдукевич В. Ф. Укрепленная villa rustica на Темир-горе	VII,	45
Гелах Т. Ф. Новые коллекции археологического отдела музея ИАЭ АН СССР	I,	286
Гелах Т. Ф. Политпросветительная работа археологического отдела музея ИАЭ	I,	288
Гелах Т. Ф. Приобретение коллекций по трипольской культуре	I,	287
Гелах Т. Ф. Раскопки по палеолиту в Крыму (1935 г.)	I,	285
Городцов В. А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г.	I,	171
Городцов В. А. Подчеремский клад	II,	113
Городцов В. А. Раскопки „Частых курганов“ близ Воронежа в 1927 г.	IX,	13
Городцов В. А. Уругуйская микролитическая стоянка в бассейне р. Амуре	I,	105
Горюнова Е. И. Археологические разведки на территории горного правобережья Волги в пределах Марийской АССР	IV,	279
Горюнова Е. И. Срегенская и Кугунурская курганные группы	IV,	285
Горюнова Е. И. Шойбулакский и Аксаркинский могильник	III,	167
Грибановский Н. Н. Сведения о писаницах Якутии	VIII,	281
Гроздилов Г. П. Новгородская археологическая экспедиция 1935 г.	I,	279
Громов В. И. Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г.	II,	186
Грязнов М. П. Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам	VIII,	306
Гуммель Я. И. О планировке курганов эпохи бронзы в районе Ганджачая	I,	213
Гуммель Я. И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка	VI,	293
Гурина Н. Н. Каменные лабиринты Беломорья	X,	125
Гурина Н. Н. Керамика неолитического поселения у села Вознесенье на р. Свири	V,	215
Дебед Г. Ф. Палеоантропология Африки (библиографический обзор)	IV,	335
Дмитревская А. В. Палецкие курганы	IV,	289
Евтюхова Л. А. Барвихинское городище	III,	113
Ельницкий Л. А. Из истории эллинистических культов в Причерноморье (Дионис-Сабазий)	VIII,	97
Ершштедт Е. В. Статуэтка Диониса из Тиритакки	VII,	174
Ефименко П. П. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам	II,	39
Жебелев С. А. Археолог-энтузиаст	X,	9
Жиров Е. В. Древние ижорские черепа	II,	151
Жиров Е. В. Костяки из грота Мурзак-коба	V,	179
Замятин С. Н. Миньлатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы	X,	85
Замятин С. Н. Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатуры	III,	57

	Вып.	Стр.
З а м я т н и н С. Н. Скифский могильник „Частые курганы“ под Воронежем (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910—1915 гг.).	VIII,	9
З а х а р о в Н. А. Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатарейное городище	II,	229
З а х а р о в Н. А. Погребение мегалитического типа из предгорных районов Северного Кавказа	III,	227
З б р у е в а А. В. Анапийский могильник	II,	91
З б р у е в а А. В. К вопросу о появлении домашних животных в Прикамье	III,	33
З б р у е в а А. В. Мало-Окуловские курганы	IX,	199
З е м л я к о в Б. Ф. Арктический палеолит на севере СССР	V,	107
З е м л я к о в Б. Ф. Геологические условия неолитической стоянки у села Вознесенье на реке Свири	V,	206
З и б е р т Э. В. Археологические находки на Аляске	II,	228
З о г р а ф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье	VII,	152
З о г р а ф А. Н. Об афинской декадрахме Государственного Исторического музея	VI,	304
З о л о т а р е в А. М. Ногликовская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин)	I,	273
И в а н о в а А. П. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями	VII,	107
И е с с е н А. А. Рецензия: Д. Н. Лев. К истории горного дела	I,	302
И е с с е н А. А. Сухумская экспедиция ГАИМК	III,	251
Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса	VII,	161
Карасев А. Н. К вопросу о водоснабжении Ольвии	VII,	129
Каргер М. К. К вопросу о древнейшей истории Киева	X,	235
Каргер М. К. Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода	IX,	137
Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935)	VIII,	175
К а с т а н а я Е. Г. Список печатных трудов академика Сергея Александровича Жебелева (Дополнение к списку трудов, изданному в 1926 г.)	VII,	13
К и в о к у р д е в Н. П. Боспорская гипсовая статуэтка Эрота	VII,	280
К и п а р и с о в а Н. П. Игрушки-водолеи из Пайкенда	X,	310
К и с е л е в С. В. „Афанасьевские“ курганы у сел Сыды и Теси	II,	71
К и с е л е в С. В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг.	III,	137
К и с е л е в С. В. Кузнецовские курганы	I,	247
К и с е л е в С. В. Раскопки карасукского могильника на р. Бее в Хакасии летом 1936 г.	IV,	324
К и с е л е в С. В. Саяно-алтайская археологическая экспедиция 1935 г.	I,	282
К н и п о в и ч Т. Н. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья	VII,	140
К н и п о в и ч Т. Н. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища	VI,	92
К н и п о в и ч Т. Н. Раскопки некрополя на территории северо-восточной части верхнего города в Ольвии в 1938 г.	VI,	302
К о м а р о в а М. Н. Погребения Окунева Улуса	IX,	47
К о н о н о в В. Н. Технологическая характеристика тканей из могил Ильмовой пади	VIII,	69
К о р ш е н к о С. В. Римский золотой медальон Лициния Старшего из Центрального исторического музея УССР	X,	317
К р и г е р Н. Геологические условия залегания ископаемых костей у д. Ясниковское	III,	204
К р и ч е в с к и й Е. Ю. Трипольские площадки	VI,	20
К р у г л о в А. П. Археологические работы на р. Терек	III,	245
К р у п н о в Е. И. Северокавказская археологическая экспедиция [Государственного исторического музея]	I,	280
Л а г о д о в с к а я Е. Ф., см. Селинов В. И. и Лагодовская Е. Ф.		
Л а н г о в а я О. Э. Позднеримская амфора из Мирмекия (опыт реставрации)	VII,	289
Л е в и Е. И. К вопросу о датировке Херсонесской присяги	IX,	89
Л е в и Е. И. Террактовая архаическая головка, найденная в Ольвии	VII,	308
Л е с ю ч е в с к и й В. И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства	VIII,	225
Л о к т ю ш е в С. А. Мастерская крупных кварцитовых орудий на р. Деркул в Ворошиловоградской области	V,	293
Л о к т ю ш е в С. А. Редкое погребение и остатки стоянки в Донбассе	II,	195

Лунин Б. В. К вопросу о действительном возрасте „Подкумского человека“ в свете археологических данных	IV,	63
Лунин Б. В., Н. И. Березин. Справочник по палеолиту СССР (Рецензия)	III,	271
Лурье И. М. Город Тель-Эль-Амарна	II,	161
Ляпушкин И. И. О датировке городищ Роменско-Бэршевской культуры	IX,	121
Макалатия С. И. Археологические находки в селениях Даблагоми и Агаяни	V,	264
Максимова М. И. Античные архитектурные сады Италии	VII,	199
Мансуров А. А. Археологическая карта р. Прони	IV,	211
Мансуров А. А. К материалам по изучению химического состава ископаемых металлических изделий	II,	199
Мансуров А. А. Старо-рязанские и пронжские гончарные клейма	VIII,	233
Манцевич А. П. О скифских поясах	VII,	19
Марти В. Ю. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по рископкам Тиритаки и Мирмекия	VII,	94
Марти Ю. Ю. Поздне-эллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ	VII,	31
Мацулевич Л. А. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г.	VII,	61
Мачинский А. В. Археологическая мексиканская коллекция	V,	305
Мачинский А. В. Две новых псевдопалеолитических находки в Америке	V,	375
Мачинский А. В. Маршал Савиль (Некролог)	III,	229
Мачинский А. В. Несколько новых книг по археологии и истории Центральной Америки	I,	291
Милонов Н. П. Дмитровское городище (кремль города Дмитрова)	IV,	147
Милонов Н. П. Тверская печать XV в.	VIII,	299
Мосберг Г. И. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма	VIII,	113
Мухелишвили Л. Раскопки в Дманиси	VI,	258
Наливкина М. А. Новая находка рельефа в Херсонесе	VI,	307
Наливкина М. А. О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма	VI,	107
Наливкина М. А. Терракотовая головка из Мирмекия	VII,	284
Окладников А. П. Археологические исследования на Ангаре	IV,	319
Окладников А. П. Буреть — новая палеолитическая „стоянка“ на Ангаре	V,	290
Окладников А. П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири	X,	203
Окладников А. П. Каменные рыбы	I,	215
Окладников А. П. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре	I,	275
Окладников А. П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии	VI,	5
Окладников А. П. Новая „скифская“ находка на Верхней Лене	VIII,	285
Паничкина М. З. Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г.	V,	302
Паничкина М. З. Обзор археологических находок за 1934—1935 гг. в СССР по газетным сообщениям	II,	230
Паничкина М. З. Обзор археологических находок по газетным сообщениям в 1934—1935 гг.	III,	257
Паничкина М. З. Сессия Археологической секции Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР	III,	237
Пассек Т. С. Новые исследования в области „трипольской культуры“ в УССР	III,	223
Петров Г. И. Генри Ферфильд Осборн (Некролог)	II,	201
Петров Г. И. Завершение дискуссии о природе питекантропа	VI,	316
Пидопличка И. Г. Краткий обзор флоры палеолита УССР	V,	151
Пидопличка И. Г. Палеолитическая стоянка Чулатов I	V,	65
Пиотровский Б. Б. Урартская бронзовая статуэтка Гос. музея Армении	VI,	89
Подгаецкий Г. В. Краткий отчет о работах Орской экспедиции	IV,	332
Покровский М. В. Грифон Лысой горы	IV,	305
Покровский М. В. Пашковский могильник № 1	I,	159
Покровский М. В. и Анфимов Н. В., см. Анфимов Н. В. и Покровский Н. В.		

Поликарпович К. М. Новая верхнепалеолитическая стоянка в бассейне р. Десны	III, 213
Поликарпович К. М. Первая находка мустьерской эпохи в БССР	III, 197
Поликарпович К. М. Работы по исследованию палеолита и эппалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг.	V, 8
Поликарпович К. М. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г.	V, 285
Прокошев Н. А. Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье.	X, 183
Прокошев Н. А. Камская экспедиция 1935 г.	I, 255
Прокошев Н. А. Погребение на р. Чусовой	III, 127
Прушевская Е. О. Из ольвийских находок краснофигурной керамики строгого стиля.	VII, 318
Рабинович Б. З. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья	I, 79
Рабинович Б. З. Работа сектора доклассового общества Государственного Эрмитажа в 1935 г.	II, 241
[Равдоникас В. И.] Александр Андреевич Спицын	X, 7
Равдоникас В. И. Археологические исследования на реке Свири в 1934 г.	V, 187
[Равдоникас В. И.] Задачи „Советской археологии“	I, 1
Равдоникас В. И. К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря	I, 9
[Равдоникас В. И.] Наши задачи в области археологических исследований, в связи с решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории.	II, 1
Равдоникас В. И. Неолитический могильник на Онежском озере	VI, 46
[Равдоникас В. И.] О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий.	III, V
[Равдоникас В. И.] Памяти Н. Я Марра (1864—1934).	IV, 5
Равдоникас В. И. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря	III, 3
[Равдоникас В. И.] Современные задачи советской археологии	IX, 5
Равдоникас В. И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений	IV, 11
Репников Н. И. О характере римской оккупации южного берега Крыма	VII, 121
Рогачев А. Н. Предварительное сообщение о работах Костенковской экспедиции в 1936 г.	V, 278
Розанова Н. П. Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова	VII, 247
Рудинский М. Я. Пушкари (Материалы к истории изучения палеолитической стоянки у с. Пушкари Новгород-Северского района на Черниговщине)	IX, 171
Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.	VI, 227
Рыбаков Б. А. и Арциховский А. В., см. Арциховский А. В. и Рыбаков Б. А.	
Рыдзевская Е. А. О названии острова Березань	IX, 79
Рыков П. С. Археологические раскопки курганов в ур. „Три брата“, произведенные в 1933 и 1934 гг.	I, 115
Рыков П. С. Археологическая экспедиция в Нижнем Поволжье.	I, 274
Сальников К. В. Городище „Чудаки“ Челябинской области по раскопкам 1937 г.	IX, 221
Селиванов В. И. Археологическая работа Государственной Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1935 г.	II, 221
Селинов В. И. и Лагодовская Е. Ф. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г.	V, 239
Сергеев С. М. О резных костяных украшениях конской узды из „скифского“ кургана на Алтае	VIII, 289
Сергеев М. Е. Пахота в древней Италии.	VII, 220
Сибилев Н. В. Эппалеолит Изюмщины и его отношение к позднейшим культурам	V, 275
Синицын И. В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья.	VIII, 73
Синицын И. В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья	X, 143

	Вып.	Стр.
Славян Л. М. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части верхнего города	VII,	292
Смирнов А. П. Исследование городища Сувар	IV,	330
Смирнов А. П. Могильник Бигер-Шай	IV,	239
Смирнов Б. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе	VI,	289
Смирнов В. И. Говядиновский могильник	IX,	213
Смирнов В. И. Костромской декоративный топорик	V,	304
Смирнов В. И. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области	IV,	169
Соловьев Л. Н. Археологические раскопки близ г. Очемчири в Абхазии	IV,	323
Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки в долине р. Качи у г. Красноярска	X,	75
Сосновский Г. П. Раскопки Ильмовой пади	VIII,	51
Сосновский Г. П. Раскопки палеолитической стоянки в долине р. Кагуни	V,	297
Спицын А. А. Поля погребальных урн	X,	53
Спицын А. А.] Список ученых трудов А. А. Спицына Спицын А. А.]. См. Бич О. И.	X,	12
Станкевич Я. В. Неолитическая стоянка у „Гремячего“ ручья	V,	230
Стрелков А. С. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии	II,	205
Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г.	IX,	283
Талицкий М. В. Керамика Протопоповского городища	X,	227
Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с исто- рическими надписями на территории Белорусской ССР	VIII,	249
Теплоухов А. Ф. О древнем шаманском изображении из бронзы, бытовавшем на Конде среди вогулов и остяков	IX,	239
Тереножкин А. Археологические разведки в Хорезме	VI,	168
Третьяков П. Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья	IX,	61
Третьяков П. Н. Калужская экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра 1936 г.	IV,	328
Третьяков П. Н. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья	V,	101
Третьяков П. Н. Расселение древне-русских племен по археологи- ческим данным	IV,	33
Третьяков П. Н. Экспедиция по изучению „арктического палеолита“	II,	227
Трусова С. А. Краткий обзор работ Крымской палеолитической экспе- диции 1936 г.	V,	298
Трусова С. А. Пленум комиссии по изучению ископаемого человека Советской секции INQUA	II,	215
Трусова С. А. Раскопки в пещере Аджи-коба в 1933 г.	V,	272
Федоров В. В. находка поделки из рога лося в Ленинградской области	III,	221
Федоров В. В. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени	III,	101
Федоров В. В. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки	II,	65
Фосс М. Е. Неолитические культуры севера Европейской части СССР	IX,	29
Фосс М. Е. Стоянка Кубенино	V,	31
Харко Л. П. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской	VII,	81
Чернецов В. Н. Командировка в Березовский район Остяко-Вогуль- ского округа (1935)	III,	254
Черников С. С. Наскальные изображения верховий Иртыша	IX,	251
Чернягин Н. Н. Гребень из Псковского городища	X,	305
Чернягин Н. Н. Раскопки Псковского кремля	IV,	327
Шмидт А. В. Стоянка у станции Левшино	V,	1
Шмидт Р. В. К исследованию боспорских оборонительных валов	VII,	268
Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции	III,	252
Эдинг Д. Н. Идолы Горбуновского торфяника	IV,	133
Эрнст Н. Л. Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 г.	III,	240
Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика	VI,	205
Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. III. Средневековые бани Херсонеса	VIII,	261
Якобсон А. Л. Из истории армянской средневековой архитектуры. IV. Татевский монастырь	IX,	303
Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X вв.	X,	255

ПРЕДМЕТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
УКАЗАТЕЛЬ

- Абакан, р., курган близ Окунева улуса на берегу — IX, 47—59.
- Абаканская управа (Красноярский край), погребения в — IX, 53, 55, 57, 58.
- Абашевская культура VI, 87.
- Абашевский могильник (Чувашская АССР), кости домашних животных из — III, 41.
- Абоба-Плиса, г., см Преслава.
- Абри Меж (Франция) III, 20.
- Абхазская АССР палеолит в — II, 220; III, 237, 263; V, 302—303; археологическое обследование в р-не Сухумской ГЭС — III, 251; археологические раскопки близ г. Очемчири — IV, 323; дольмены в — III, 252; греческие поселения в — IV, 323.
- Австралийцы, искусство — III, 15; магическое мышление — III, 18; материальная культура — V, 84; обрядовая ампутация — V, 177; тотемизм — III, 24, 25.
- Австралопитек, находка черепа — в Стеркфонтейне (Трансвааль) IV, 335.
- Агаяни, с. (Грузинская ССР), археологические находки в — V, 268—270; погребение в — II, 238.
- Агойский аул (Краснодарский край), могильник у — I, 162
- Аджи-коба (Крым), раскопки в пещере — II, 217; V, 272—273.
- Адишева, д. (Молотовская обл.), неолитическая стоянка у — I, 257; V, 4; керамика ананьинского типа, собранная у — X, 191.
- Адлер, г., обследование палеолитических местонахождений в районе — V, 302—303.
- Адыгейская авт. обл., курганы в — V, 105; X, 161—182; могильник в — IV, 273; см. также Майкопский курган; Разменный III курган
- Азанга, ур. (Абхазская АССР), группа дольменов в — III, 252.
- Азербайджанская ССР, археологические памятники в — IV, 243—262; археологическое обследование в Кубинском и Гильском районах — III, 265; археологическое обследование в р-не с. Загала — III, 265; курганы эпохи бронзы в — I, 213; случайные находки в — II, 237; сырцовые гробницы в — VI, 293—297; см. также Нахичеванская АССР; Нагорно-Карабахская авт. обл.; Хач-Булг.
- Азербайджанский филиал АН СССР, археологические экспедиции — IV, 252.
- Азильско-Тарденуазская эпоха, в Брянской обл. — V, 286; в Крыму — I, 195—212, 287; II, 217; V, 93—99, 302; на Аляске — II, 228; Свидерская сгация — Вост Европы V, 144—149; северных территорий европ. части РСФСР — I, 51 сл.; в бассейне р Ока — III, 77—98.
- Аиртам (Узбекская ССР), раскопки в — II, 210.
- АИЧПЕ см. Советская секция АИЧПЕ.
- Айны, материальная культура — I, 277.
- Ай-Тодор (Крым), городище — IX, 299; дольмены у — VIII, 113; поселение римского времени на — VII, 121—127; святилище «фракийских богов» в — VIII, 106.
- Айтоска Баня (Болгария), находка античных монет в — VII, 155.
- Айшинский могильник (Приуралье) X, 305.
- Академия истории материальной культуры II, 2, 8; IV, 6 сл.; археологические экспедиции 1935 г. — II, 221—227; Алтайская — II, 224; Донская 1935 г. — III, 263; Евпаторийская 1938 г. — III, 252—254; Казахстанская 1935 г. — II, 226; Калужская 1936 г. — IV, 328—330; Камская 1932 и 1934 гг. — V, I сл.; X, 184 сл.; — 1934 г. — III, 45; — 1935 г. — I, 255—269; II, 226; III, 230, 257; Карельская 1935 г. — III, 257; Керченская 1935 г. — II, 223; Кольская 1935 г. — V, 112 сл.; Крымская палеолитическая 1935 г. — III, 241; Моздокская 1935 г. — II, 225; 1936 г. — V, 298 сл.; в Кызыл-Ванк 1926 г. — IV, 251 сл.; Манычская 1935 г. — II, 224; на трассе канала Москва — Волга 1933—1934 гг. — IV, 150 сл.; Новгородская 1934 г. — IX, 145, 166 сл.; — 1938 и 1939 гг. — IX, 149; Ойротская 1935 г. — III, 268; Орская 1936 г. — IV, 332—335; Саркелская 1934—1935 гг. — VI, 138 сл.; Свирская 1934 г. — V, 187—204; Сухумская 1935 г. — II, 226; III, 251—252; Таманская 1935 г. — III, 265; в дол. р. Терек 1934—1935 гг. — II, 224; III, 245 сл.; Трипольская 1934—1935 гг. — III, 223; Угличская 1935 г. — II, 225; Уфимская 1933 г. — III, 40; — 1935 г. — III, 258; Ярославская 1935 г. — II, 225; Московское отделение — экспедиция — I, 171; III, 241, 242, 259, 261, 266; IV, 324, 330.
- Академия наук УССР, Археологический музей — IV, 315; Институт истории материальной культуры — III, 223; экспедиции — IX, 171.
- Акарнания, бронзы Лисиппа из — VII, 189—197.
- Ак-Булак (Чкаловская обл.), раскопки кургана эпохи железа близ — III, 258.

- Ак-мечетское городище (Крым), раскопки в 1935 г. — III, 253.
- Аккос, д. (близ Керчи), вал у — VII, 271 сл.
- Аксаркинский могильник (Марийская АССР) III, 169—176.
- Аксютинцы, с. (Киевская обл.), погребение у — I, 85, 92.
- Ак-тепе (Туркменская ССР), раскопки в — II, 207.
- Ак-Топрак, ур. (Крым) V, 301.
- Алабинское селище (Рязанская обл.) IV, 233.
- Алабинский курган (Рязанская обл.) IV, 233.
- Алагез, гора, см. Арагац.
- Аланская культура I, 280, 281.
- Аланы VI, 132, 133 159—163.
- Александровка, с. (Днепропетровская обл.), находка амфоры в — II, 235.
- Александропольский курган (Днепропетровская обл.) IV, 327; VIII, 20, 21, 44; навершие из — X, 221.
- Алексеевская стоянка (Квстанайская обл.), переходные формы инвентаря от позднеандроновских к карасукским III, 138.
- Алексеевское, пос. (Казахская ССР), раскопки древних поселений у — III, 269.
- Алексеевское, с. (Калининская обл.), неолитическая стоянка в р-не — III, 101; кремневые фигурки из стоянки у — X, 93, 103, 109, 110, 111.
- Алечты, рыболовные крючки — III, 105, 110.
- Алешунина, д. (Поволжье), находка кремневого орудия у — II, 232.
- Алибек, ключ (верховья Итыша), наскальные изображения у — IX, 252, 268, 270.
- Алма-ата, г., остатки древнего водопровода в — II, 240; раскопки кургана в — III, 270.
- Алтайский край, палеолит в — II, 216; III, 267; V, 297—298; эпоха бронзы в — VIII, 289—292; карасукские могильники в — III, 138, 142, 158, 159. См. также: Быстрянское; Катадинский могильник; Красный Яр; Курай; Пазырыкский курган; Тухта; Элекманар.
- Алушта, г., дольмены у — VIII, 113; могильник у — VIII, 113.
- Альтамира, пещера, рисунки эпохи палеолита из — III, 20.
- Аляска, находки азильско-тарденуазской стадии на — II, 228; кремневые изображения с — X, 117, 118.
- Амвросиевка, д. (УССР), палеолитическая стоянка у — V, 152.
- Америка, техника гончарства у племен — I, 62, 68; — Северная каменные рыбы из — I, 228; кремневые изображения из — X, 118—119; псевдо-палеолитические находки из — V, 305; — Центральная, археология и история — I, 291—302; археологическая карта — I, 301; кремневые изображения из — X, 119 сл.; см. также Мексика; — Южная, неолит в — III, 103, 112.
- Американский человек, происхождение — I, 275.
- Аммон, бог IV, 23; статуэтка — из селища у д. Конец-Гор — I, 264.
- Ампуриада (Испания), табличка с изображением Сабазия из — VIII, 98—99.
- Ампутация, обрядовая, у австралийцев V, 177; на костях из ст. Мурзак-коба V, 177.
- Аму-дарья, археологические разведки в нижнем течении — VI, 168—188.
- Амулеты II, 121 сл., IV, 141 144; из Кубининской стоянки V, 39; из Пашковского могильника I, 164.
- Амур, р., археологические исследования в 1935 г. по — I, 275; археологическое обследование — от Хабаровска до Николаевска III, 268; археологическое обследование от устья р. Уссури до Татарского пролива III, 238; Уртуйская микролитическая стоянка в бассейне — I, 105.
- Амфора, из с. Александровка II, 235; из д. Белоцерковцы X, 54; из кургана в дол. р. Маныча IV, 98; из Ольвии VI, 94, 96; из хут. Савинский X, 54; из Семибратнего городища VII, 264; из кургана «Частые курганы» IX, 14; — панафинейская, из кургана Елизаветинского городища I, 182; см. также Квеври.
- Ананьинская дюна, кости домашних животных из поселения у — III, 41.
- Ананьинская культура I 90, 264, 265, 267; II, 95—110; III, 41 сл.; IV, 247; V, 4, 24, 25; VIII, 77; IX, 31, 38, 62; X, 183—202; фауна — III, 48 сл.
- Ананьинский могильник (Татарская АССР) II, 95—110; III, 41; керамика из — IV, 247; кости домашних животных из — III, 43, 44.
- Анапа, г., находка серебряного грифона близ — IV, 305; случайные находки в — II, 237.
- Анау (Туркменская ССР) II, 207; керамика из — I, 68; коллекция из — в Музее антропологии и этнографии I, 288.
- Анберд IX, 326, 327; баня из — VIII, 262, 264, 265, 273.
- Ангара, р., археологические исследования на — IV, 319—322; палеолитические стоянки на — V, 290—292.
- Андаманцы III, 26.
- Андропова, д. (Красноярский край), погребение у — IX, 53, 57, 58.
- Андроновская культура II, 31, 82, 84; III, 138 сл.; IX, 47—59, 277; погребения типа — близ г. Орска IV, 334; погребения у с. Усть-Ерба II, 72, III, 152, 162.
- Андрюковская, стан. (Ростовская обл.), курган у — X, 164, 180.
- Анзер, о. (Белое море) каменные лабиринты на — X, 126, 135.
- Аня, г., IX, 320; баня из — VIII, 264, 272—274; раскопки в — IV, 6.
- Аникиева гора (Кольский п-в), стоянка арктического палеолита у подножья — V, 122—124.
- Аникиева, р. (Кольский п-в), стоянка арктического палеолита близ — V, 120—121; 124—125.
- Аннин, о. (Прикамье), кости диких животных с — III, 41.
- Ановое, д. (Вост. Сибирь), энеолитическое погребение у — IV, 322.

- Антреа 14 (Ленинградская обл.), находки в — III, 28.
- Антропологическая выставка, см. Выставки.
- Антропологический институт при МГУ, см. Институты.
- Анты IV, 49; IX, 122, 131, 132, 133, 134.
- Апианча (Абхазская АССР), палеолитическая стоянка в — III, 237.
- Арабач-коба, навес (Крым) V, 300.
- Арабы, в Дербенте — VIII, 138.
- Аравс, с. (Нахичеванская АССР), археологические памятники в — IV, 252.
- Арагац, гора (Армянская ССР) мегалитические памятники на — III, 206; каменные орудия из — III, 208.
- Аракс, р., археологические памятники верхнего течения — IV, 250 сл.
- Арагат, гора IV, 250, 256, 259.
- Арба, по раскопкам в ур. «Три брата» X, 149—153, 156.
- Арктический неолит I, 9, 21; III, 31; V, 107, 110.
- Арктический палеолит III, 14; Севера СССР II, 220, 227—228; V, 107—143; Скандинавии V, 107, 108, 110.
- Армази, с. (Грузинская ССР), памятники архитектуры VIII—IX вв. в — III, 265.
- Армеевский могильник (Саратовская обл.) II, 45 сл.
- Армянская ССР, археологические обследования в — III, 264; находки каменного века — III, 206; раскопки в Шреш-Блур III, 209—213; в Кюль-тапа III, 212; на Шинговитском городище III, 213; Урартская культура — VI, 89—91; средневековая архитектура — IX, 303—327. См. также: Анберд; Ани; Арагац; Гарни; Двин; Ереван; Лениакан; Куль-Тапа; Татевский монастырь; Топрак-кала; Шингавитское городище; Шреш-Блур; Элар.
- Арпа, р. (Нахичеванская АССР), археологические памятники в ущелье — IV, 252 сл.
- Артек (Крым), могильник в — I, 162; VIII, 113.
- Артемьево, д. (Ивановская обл.), находка монет в — II, 233.
- Артюховское городище (Таманск. п-в), эпиграфические памятники из — VII, 248—250.
- Арунта, племя III, 24.
- Архангельск, г., неолитическая стоянка близ — VI, 289—292; стоянка в устье р. Лявли близ — IV, 185.
- Архангельская область. См.: Веретье; Галдарея; Голодаиха; Дурлаково; Загорущная тонь; Караваевский могильник; Красная гора; Кубенино; Майда; р. Пертоминск; Пушлахта; Сарайха; Ям-Наволок.
- Археологическая карта, см. Карта археологическая.
- Археологическая комиссия IV, 6, 250; X, 9, 161, 163, 167, 177.
- «Археологическая культура» Америки I, 291.
- Археологический музей Академии наук УССР, см. Академия наук УССР.
- Археология, вредительство в — III, V—X; датировка памятников — II, 139; задачи — I, 1—4; II, 1—10; методика и техника раскопок — I, 196, 292; V, 239; приемы фиксации наскальных изображений — I, 26, 35; методология — II, 2 сл.; IV, 6 сл.; техника графической реконструкции керамики по фрагментам — VIII, 306—318; технология — II, 145—147.
- Архив, А. А. Спицына X, 21—51.
- Архитектура, Боспорского царства VII, 258 сл., древне-русская VIII, 175—222; мусульманская VI, 276—277; средневековой Армении VIII, 264, 272—274; IX, 303—327; Грузинской ССР I, 265; VI, 262—280; в Крыму VI, 205—225; VII, 232—236; VIII, 261—278; Средней Азии IX, 101—119; шатровая VIII, 300—305.
- Арцибашево, с. (Московская обл.), погребение конника с вещами VI—VII вв. в — II, 46.
- Арша, с. (Грузинская ССР), крепость у — III, 246.
- Аршакиды, летоисчисление — в пехлевийских надписях Дербента VIII, 132, 133; монеты — VI, 296.
- «Асандров вал» (близ г. Керчи) VII, 274 сл.
- Асселар (Южн. Сахара), скелет человека из — IV, 340.
- Ассирия, взаимоотношения — с Закавказьем IV, 249, 256.
- Астрабад (Иран), археологические обследования в р-не — II, 205.
- Астрагалы, из склепа близ Тиритаки VI, 121.
- Астраханская область. См.: Степной, г.; «Три брата»; Шульц, хут.
- Астраханцев, хут. (Молотовская обл.), неолитическая стоянка у — I, 256 сл.; II, 223; V, 230, 237.
- Атамановское, с. (Красноярский край) X, 209, 214.
- «Атамановы кости», курган (Приуралье) X, 305.
- Ат-Баш (Крымская Яйла), эпилеолитическая стоянка — V, 93, 95, 97.
- Аттис, бог, изображение — на плите из Керчи VIII, 106; культ — VIII, 98, 99, 100 сл.
- Атымбер, р. (верховье Иртыша), наскальные изображения на — IX, 252.
- Аутка, д. (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Афалу-бу-Руммель (Сев. Африка), верхнепалеолитическое погребение в — IV, 338.
- Афанасьева гора (Красноярский край), могильник у — II, 78, 82, 84, 88, 90; IX, 53.
- Афанасьевская культура II, 71—94; III, 163; IX, 51 сл.
- Афганистан, археологические памятники — II, 209, 211, 214.
- Афины, политическое и экономическое положение в конце IV — начале III вв. VII, 185 сл.
- Афипс, р. (Прикубанье), археологическое обследование — IV, 265.
- Афонский перекал (Краснодарский край), могильник у — IV, 265, 272.
- Афонтова гора, палеолитическая стоянка — V, 290, 297; X, 75, 76, 83, 84; энеолитическое погребение у — I, 217.

- Африка. палеолит, см. Палеолит; мезолит, см. Мезолит; неолит, см. Неолит; наскальные изображения в Сев. Африке I, 10; палеоантропология — IV, 335—340; обрядовая ампутация у племен — V, 177; техника гончарства у племен — II, 62, 68.
- Афродита, изображение — на штампе из Тиритаки VI, 300.
- Афродита Апатура, культ — на Боспоре VII, 87 сл.; в Фракии VII, 252.
- Афросиаб (Афрасиаб), архитектурные сооружения — IX, 102; ганчевые плиты из — IX, 118; терракоты из — II, 212; X, 315.
- Ахабиюк (Абхазская АССР), палеолитическое местонахождение у — III, 237.
- Ахемениды, искусство — II, 208.
- Ахилл Понтарх, культ — на о. Белом и Ахиллов бег VII, 154 сл.
- Ахиллов остров, см. Левке, о.
- Ахматовское городище (Нижнее Поволжье) X, 143.
- Ахштырская пещера (Краснодарский край) V, 303; VI, 13.
- Ацагата (Бурят-Монгольская АССР), археологическое обследование — III, 268.
- Ацтеки, история — I, 297; III, 230.
- Ашель, эпоха — в Абхазской АССР II, 189, 191, 220, 237; III, 263; в Крыму II, 217.
- Ашур, г. (Ассирия) V, 26.
- Аяз-кала (Кара-Калпакская АССР), крепость VI, 171—176 сл.
- Бага, с. (Крым), археологическое обследование в р-не — V, 300; дольмены у — VIII, 113.
- Багбарту, богиня VI, 91.
- Базаиха (Красноярский край), изображения животных из — I, 216, 217, 228.
- Базилика, в Мангупе VI, 205—225; в Тиритаке VI, 191 сл.; «Уваровская» в Херсонесе VI, 213.
- Байдарская долина (Крым), палеолитические стоянки — V, 159—177; разведки 1936 г. в — V, 300—301; раскопки стоянки Шан-коба I, 195—212, 285; V, 298—300.
- Байдары, д. (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Байсун-тау (Узбекская ССР) VI, 6.
- Бактрия, искусство — II, 208.
- Балабаново, д. (Тульская обл.), курганы у — IV, 329.
- Баланбашское селище (Башкирская АССР), кости домашних животных из — III, 40, 49.
- Баланово, д. (Чувашская АССР), могильник близ — II, 30; VI, 63—87.
- Балахнинская культура IX, 29, 30.
- Балахнинские стоянки (Горьковская обл.) III, 37; IX, 29; керамика из — I, 54, 62, 64, 68, 74.
- Бал-Гота (Крым), готский могильник у — I, 162.
- Балин-Кош (Крымская Яйла), стоянка — V, 97.
- Балиса (Месопотамия), раскопки в — II, 212.
- Баня, в Анберде VIII, 262, 264, 275; IX, 326—327; в Ани VIII, 264, 272—274; IX, 326; в Дманиси VIII, 264, 265; IX, 326; в Дербенте VIII, 127, 133; в Гатевском монастыре IX, 324—326; в Херсонесе VIII, 261—278; IX, 326, 327.
- Барбинск, г., стоянка у — II, 239.
- Барабинская степь (Зап. Сибирь), каменная рыба из — I, 219.
- Баран, ур. (Костромская обл.), кремневая фигурка из — X, 94.
- Барановка, д. (Полтавская обл.), находки у — X, 66.
- Барвихинское городище (Московская обл.) III, 113—124.
- Бардаль (Норвегия), изображение животных эпохи неолита из — III, 4.
- Бармыш (Абхазская АССР), палеолитическое местонахождение в — III, 238.
- Батени, с. (Красноярский край), каменные скребки, найденные у — X, 75, могильник у — IX, 57; керамика из могильника у — III, 156, 160, 161.
- Батой, с. (Красноярский край), орудия эпохи палеолита из — X, 75.
- Батыев курган (Рязанская обл.) IV, 228.
- Батыево селище (Рязанская обл.) IV, 227, 228.
- Бахчисарай, могильник в — VIII, 113.
- Баш-Гарни, см. Гарни.
- Башкирская АССР, находка зуба мамонта в — II, 231—232; эпоха бронзы в — III, 40; см. также: Дема, р., Кара-Абыз.
- Башни, древнего Дербента VIII, 124 сл.; долины р. Терек III, 246 сл.
- Беганд, город древней Хазарии VI, 130.
- Бежецк, г., раскопки курганов в р-не — IV, 41.
- Бежецкий край, находка зуба мамонта и кремневых орудий в — II, 233.
- Бейда, город древней Хазарии VI, 130.
- Белая, р. (Прикубанье), археологическое обследование — IV, 265.
- Белемниты V, 154.
- Беленджер, город древней Хазарии VI, 130.
- Белое море, каменные лабиринты побережья — X, 125—142; наскальные изображения побережья — I, 9—50; III, 3—32; фауна — IV, 169.
- Беломорская культура неолита IV, 169—209; IX, 3, 22, 36—41, 45.
- Белорусская ССР, палеолит, см. Палеолит, БССР; археологические исследования в — III, 262; курганы в — IV, 42 сл.; находка орудия из кости — III, 222; см. также «Борисовы камни».
- Белоцерковцы, с. (Полтавская обл.), амфора из — X, 54.
- Белуджистан, древняя керамика из — II, 207.
- Белый, о., находка античных монет на — VII, 152.
- Бельбекский могильник (Крым) VIII, 114—118; IX, 299.
- Бельгия, см. Спи I и II.
- Бельское городище (Полтавская обл.) IX, 133.
- Беляус, д. (Крым), городище у — III, 253.

- Бели-Сегуаль** (Алжир), погребение из — V, 176.
- Бердинская гора** (Зауралье), курган на — IX, 234.
- Бердичевский р-н** (Житомирская обл.), случайные находки в — II, 236.
- Бердск, г.** (Новосибирская обл.), древнее городище близ — II, 239.
- Бердыж** (БССР), палеолитическая стоянка III, 216; V, 82, 83; IX, 174.
- Березань, о.**, находки античных монет на — VII, 158—159; название — IX, 79—87; сосуды с — VIII, 311 сл.
- Березино, с.** (Черниговская обл.), вещи из клада из — III, 121.
- Березняки, д.** (Ярославская обл.), городище у — IX, 62, 64, 69.
- Березовка, хут.** (Харьковская обл.), курган у — IX, 127.
- Березовский** («Пекту-нэр») могильник (Марийская АССР) IV, 280.
- Березовский р-н** (Ханты-Мансийский нац. окр.), археологическое обследование — III, 254.
- Берестяги, с.** (Киевская обл.), скифские пояса из кургана у — VII, 21, 23.
- Беркут-кала** (Кара-калпакская АССР), крепость VI 176 сл.
- Бернифаль, пещера** (Франция), наскальная графика — III, 72.
- Бес, фигурка** — из кургана в ур. «Три брата» I, 148.
- Бесергевка** (Ростовская обл.), находка отщепа мустьерского возраста у — II, 193.
- Бесов нос** (Онежское оз.), наскальные изображения на — I, 12—15, 17, 21, 25, 38, 42; III, 5—7, 16; IV, 13, 19, 20 сл.; V, 190; X, 102, 103—108.
- Бесовы следки, о.** (Онежское оз.), наскальные изображения на — I, 38 сл.; III, 8, 9, 19.
- Бештаугорский монастырь**, залегания эпохи бронзы у — IV, 81.
- Бея, р.** (Хакасская авт. обл.), раскопки Карасукского могильника на — IV, 324.
- Библиография**, трудов С. А. Жебелева VII, 13—15; трудов М. Савиля III, 233; трудов А. А. Спицына X, 12—20.
- Бигер-Шай** (Удмуртская АССР), могильник IV, 239—248.
- Бийск, г.**, курганные могильники в окрестностях — VIII, 289—292.
- Бикеч, с.** (Керченский п-в), вал у — VII, 273 сл.
- Бильче-Злоте, «залегания»** у — VI, 40.
- Бичкин-Булук** (Нижнее Поволжье), курганы близ — X, 143, 145, 146, 156, 180.
- Биюк-Мускомия, д.** (Крым), археологическое обследование р-на — V, 300; дольмены у — VIII, 113; могильник в — VIII, 113.
- Биюк-Узенбаш, д.** (Крым), дольмены у — VIII, 113; могильник в — VIII, 113.
- Биюк-Узень-дере** (Крым), навесы в местности — V, 300.
- Блюдо, сасанидское** из д. Аниковской VI, 182; — серебряные из Приуралья IV, 143.
- Бляшки, бронзовые** из долины р. Маныча VIII, 285—288; из могильника «Частые курганы» VIII, 23, 33, 34, 40; IX, 25; из могильника Усть-Сыда III, 142; железные из Куликовского могильника X, 283; знаки собственности на — VI, 240 сл.; золотые из Бобринского кургана I, 95, 98; из Верхнеудинска VIII, 287; из могильника «Частые курганы» VIII, 14, 16, 20, 21, 35, 43, 44, 47, IX, 22; серебряные из Пашковского могильника I, 159; из могильника «Частые курганы» VIII, 40, 41, 42; у славян IV, 59.
- Бобрицы, с.** (Киевская обл.), горит из могильника у — VII, 20, 23; могильник у — I, 86, 88, 95 сл.
- Бобруйск, г.**, раскопки в р-не — IV, 43.
- Богазкей** IV, 260.
- Боголюбов, г.**, кирпичи со знаками из — VI, 248; крест с надписью из — VI, 309—315.
- Богородское, с.** (Нижне-Амурская обл.), неолитические жилища у — I, 277.
- Бодрог-Керастурская культура** V, 26.
- Богоявление, д.** (Московская обл.), могильник у — IV, 39.
- Богуслен** (Швеция), наскальные изображения из — I, 10, 14, 23; X, 307.
- Боженкуль, пос.** (Нижнее Поволжье), находка каменного наконечника стрелы из — II, 233.
- Бокорудник** (верховья Иртыша), наскальные изображения у — IX, 252.
- Бокчар, р.** (Томская обл.), городище по — II, 240.
- Бёла** (Норвегия), изображение животных эпохи неолита — III, 4.
- Болгар, г.** IV, 160; историческая топография — в IX—X вв. X, 255, 264—270.
- Болгария, см.** Айтоска Баня; Преслава.
- Болгария Дунайская** VI, 134 сл.
- Болгарская культура**, в Прикамье I, 266; городища Сувар IV, 331.
- Бологовская стоянка** III, 11; кости домашних животных из — III, 34, 36; кремневый инвентарь — V, 104; рыболовные крючки из — III, 103, 104.
- Бологое, оз.**, кремневые изображения с — X, 93, 104, 105.
- Большая Близница, курган** VI, 128.
- Большая Мотка, залив** (Кольский п-в), стоянки арктического палеолита на — V, 114—118.
- «Большие Кубанские курганы»** X, 163 сл.
- Большие Отары** (Татарская АССР), кости домашних животных из стоянки — III, 40.
- Большепольский могильник** (Марийская АССР) III, 170, 176; IV, 283.
- Большое Боршевское городище** (Воронежская обл.) IX, 121, 122, 124, 126, 127, 129.
- Большой Боршевский могильник** (Воронежская обл.), IX, 121, 122, 124, 130.
- Большой Заяцкий остров** (Белое море), каменные лабиринты на — X, 126, 134, 135.
- Большой Олений остров**, крючки из неолитической стоянки на — III, 103.

- Большой Скородум, д. (Молотовская обл.), могильник у — X, 201.
- Боржомское ущелье, находка глиняного саркофага в — V, 269.
- Борисовский могильник (Краснодарский край) I, 164 сл.
- «Борисовы камни» VIII, 249—260.
- Борковский могильник (Рязанская обл.) II, 40 сл.; бусы из — IV, 248; погребения в ямах из — IV, 240; химический анализ металлических изделий из — II, 199.
- Боровка, д. (Молотовская обл.), селище у — X, 191, 192.
- Бородинский мост (Москва), раскопки у — III, 260.
- Борохтянская Ольшанка, с. (Киевская обл.), находки у — X, 60—61.
- Борочек (на Шексне), городище IX, 75.
- Боршево, с., могильник, см. Большой Боршевский могильник; городище, см. Большое Боршевское городище.
- Боршево II, палеолитическая стоянка у — V, 145; IX, 174; раскопки 1936 г. — V, 278, 281—285.
- Боспорское государство VI, 128, 200 сл.; VII, 258—266; IV, 307; искусство эп. хл. эллинизма в — VII, 81—93; надгробия поздне-эллинистические — VII, 31—43; оборонительные сооружения — VII, 268—278; пограничные укрепления на Сев. Кавказе — II, 229—230; рыбный промысел в — VII, 94—105; скульптура — VII, 280—283; торговля в — VII, 265.
- Бочарово д. (Московская обл.), могильник у — IV, 38, 55.
- Браслеты, из с. Даблагоми V, 268; из Дмитровского городища IV, 153, 158, 161—163; из Елизаветинского городища I, 181; из Куликовского могильника X, 274, 275, 279—280; из Палецких курганов IV, 292 сл.; из Пашковского могильника I, 159, 160, 162; из Подчеремского могила II, 114—115; из Пронского городища IV, 229; из могильника в долине р. Терек III, 246; из кургана в ур. «Три брата» I, 148; из Хрепельских курганов I, 192; из могильника «Частые курганы» VIII, 23—25, 46, 47; у славян IV, 35, 40, 42, 57, 58, 59; мастерская — под Киевом IV, 161; из раскопок в Новгороде III, 182, 183, 192; IX, 144, 146.
- Братск, с. (Иркутская обл.), статуэтки из мамонтовой кости из — I, 217.
- Братский, хвт. (Краснодарский край), городище IV, 270.
- Британский Гондурас, см. Гондурас.
- Бронза, эпоха — в Азербайджанской ССР I, 213; в Алтайском крае VIII, 239—292; в Астраханской обл. I, 116—138; III, 259; на территории г. Воронжа X, 291 сл.; в Крыму I, 202; III, 241, 252; керамика, см. Керамика; в долине р. Маныча IV, 93—131; в Минусинском крае II, 71—94; в Верхнем Поволжье II, 19—37; IX, 58; в Нижнем Поволжье I, 274; X, 143—159; в Прикамье I, 264; III, 40, 41; V, 4; на Севере СССР IX, 31 сл.; на Сев. Кавказе IV, 80—83; в Сибири II, 71—94; III, 137 сл.; в Сталинградской обл. III, 258; таежная IV, 221; в Татарской АССР III, 40; в Чувашской АССР VI, 63—87; на юге СССР X, 53—54, 161 сл.; на Южном Урале IV, 333; в Скандинавии I, 10; см. также под названием отд. культур эпохи бронзы, как — афанасьевская, карасукская, фатьяновская и др.
- Брусья, м. (Полтавская обл.), находки у — X, 66.
- Брюкс (Германия), череп из — IV, 88.
- Брюнская раса V, 183.
- Брянская область, палеолит в — I, 51, 286; II, 218; III, 92, 213, 216, 262; V, 82—86, 285—290; курганы в — III, 121; находка монет в — II, 234.
- БССР, палеолит в — см. Палеолит; неолит в — см. Неолит; см. также Заславские курганы; Тралесин.
- Бубенчики, из Палецких курганов IV, 291 сл.; у славян IV, 40, 42; из кургана «Три брата» I, 136; из погребения на р. Чувовой III, 128, 129, 131.
- Бубны шаманские, происхождение — IV, 18; — у саами IV, 12.
- Буг, р., палеолитические стоянки на — V, 146.
- Буды, с. (Харьковская обл.) курган у — IX, 127, 128.
- «Буерова могила», курган (Таманский п-в) III, 306.
- Булавка, бронзовая из кургана в ур. «Три брата» X, 146.
- Буланский могильник (Московская обл.) II, 30.
- Бундюк, р. (Томская обл.), городища по — II, 240; шаманское изображение с — X, 210, 214.
- Буньково, д. (Московская обл.), кремневые изображения из — X, 123.
- Буран-кая, грот (Крым), раскопки 1936 г. в — V, 302.
- Буреть, с. (на р. Ангаре) палеолитическая стоянка у — IV, 319—320; V, 290—293.
- «Bugin busqué» из Мгвимеви III, 66.
- Бурлюк-Спиля, пещера (Крым) V, 301.
- Бурно-Октябрьское, пос. (Казахская ССР), находка древностей в — II, 241.
- Буромское городище (Черниговская обл.) IX, 125.
- Бурят-Монгольская АССР, археологическое обследование в — III, 268, VIII, 51—66.
- Бурят-монголы I, 216; шаманские изображения у — IV, 142.
- Бусы из Бельбекского могильника II, VIII, 115; из Барвихинского городища III, 122; из могильника Бигер-Шай IV, 245—246, 248; из кургана у с. Глинище I, 82, 91; из с. Даблагоми V, 268; из Елизаветинского городища I, 181; из погребения в г. Киеве X, 250; из Куликовского могильника X, 274—276; 278, 281, 282; из кургана в долине р. Маныча IV, 120, 121, 126; из марийских могильников III, 168; из раскопок в Новгороде III, 190; остатки древней мастерской по изготовлению — III, 260; из Палецких курганов IV, 292 сл.; из Пашковского могильника I, 159 сл.; из Пронского городища IV, 229; из Роданова городища I, 266; из сарматских погребений Нижнего Поволжья VIII, 76, 78—80, 82, 90; из скифских

- погребений I, 97, 99; у славян IV, 35, 38, 39, 40, 55, 59; из кургана «Три брата» I, 147 сл.; из могильника Усть-Ерба III, 159, 162; из Хрепельских курганов I, 192; из погребения на р. Чусовой III, 127, 130; из могильника «Частые курганы» VIII, 15, 16, 43.
- Бутырки, д. (Верхнее Поволжье), стоянка у — V, 104.
- Бухара, г., история — X, 255; мавзолей Исманла Саманида в — IX, 102; мечеть Магок-и-Аттари в — IX, 107; минарет Калян в — IX, 106, 116; раскопки в Старой Бухаре III, 270.
- Бушмены, искусство III, 15; магическое мышление III, 18.
- Бык, голова — из известняка из Усатовского погребения V, 251, 256; — домашний, роль в охоте неолита III, 37.
- «Бык», ур. (Беломорское побережье), стоянка в — IV, 85; IX, 38.
- Бырец (Абхазская АССР), палеолитическая стоянка III, 237.
- Быстрая, с. (Красноярский край), карасукский могильник у — III, 137, 147—152.
- Быстрая Сосна, р., курган в устье — VIII, 49.
- Быстрианское, с. (Алтайский край), раскопки курганов у — I, 282.
- Вавилон IV, 261.
- Вагаршапатский музей, см. Музеи.
- Ваза, расписная из собрания Николаевского музея VII, 140—150.
- Вакинский могильник (Рязанская обл.) II, 40.
- Вал, валы, Боспорского государства VII, 268—278; Дмитровского городища IV, 149 сл.; Ижеславского городища IV, 220; Курского городища I, 188; Лубянского городища IV, 218; г. Михайлова IV, 216; Пронского городища IV, 153; Сарского городища IV, 153; «финских» городищ IV, 153.
- Валуйский район (Курская обл.), находки кремневых орудий в — II, 233.
- Ван, оз. IV, 256, 258.
- Ван, г. VI, 89.
- Ванское царство IV, 249 сл., 256, 258; VI, 91.
- Ванвидзинская стоянка (Вологодская обл.); III, 42; IX, 30.
- Варенгский погост (побережье Белого моря), каменный лабиринт в — X, 126.
- Васильки, с. (Владимирская обл.), курган № 137 у — VI, 240.
- Васюган, р. (Томская обл.), случайные находки на берегу — II, 240.
- Васюринская гора (Прикубанье), курганы у — IV, 306.
- Васюринско-Воронежский могильник (Прикубанье) IV, 265, 272.
- Васюринско-Воронежское городище (Прикубанье) IV, 268.
- Ватикан, мраморные изображеня подвигов Геракла из — VII, 192 сл.
- Вауловский могильник (Ярославская обл.) II, 19, 22, 30, 31.
- Вашкевича, имение (Полтавская обл.), городище в — IX, 121—123.
- Вашкурское погребение XI в. (Прикамье) III, 127—134.
- Вейга, р., стоянка на — IV, 199, 200; IX, 36.
- Великосельский могильник IX, 214.
- Венгрия, Бодрог-Керастурская культура в — V, 26.
- Венгры-мадьяры, в Причерноморских степях VI, 134—160.
- Венчик, из Хрепельских курганов I, 192; у славян IV, 58.
- Верейно, с. (Прикамье), клад восточного серебра у — III, 133.
- Веремье, с. (Киевская обл.), трипольские площадки у — VI, 33, 34.
- Веретинское, оз., стоянка у — IV, 195, 200.
- Веретье, м. (Архангельская обл.), кости домашних животных из стоянки у — III, 34, 36; следы поселения у — V, 32, 43, 51, 53, 54.
- Верхне-Салтовский могильник, см. Салтовский могильник.
- Верхне-Середкино, д. (Вост. Сибирь), неолитический могильник у — IV, 321.
- Верхне-Студенецкое селище (Рязанская обл.) IV, 233.
- Верхние Гари, д. (Прикамье), неолитическая стоянка у — I, 257, 267; V, 4.
- Верхний Кобан, с. (Сев. Осетия), могильник у — III, 250.
- Верхний Ольшан (Воронежская обл.), городище у — VI, 157.
- Верхний палеолит, см. Палеолит верхний.
- Верхняя Аутка, д. (Крым), находка античных монет в — VII, 156.
- Верхняя Кобань, с. (Сев. Кавказ), погребение эпохи бронзы у — I, 280.
- Верхняя Курья, пос. (Прикамье), неолитическая стоянка у — I, 257 сл.; V, 230.
- Верхняя Мулянка, р., городища на берегу — X, 198—200.
- Верхоленская гора (Вост. Сибирь), палеолитическая стоянка V, 290; каменные рыбы с — I, 220, 228.
- Веселый, хут. (долина р. Маньча), поселения у — IV, 93.
- Весовые чашки, см. Чашки весовые.
- Весьегонск, г., курганы в р-не — IV, 41.
- Ветлужские городища, кости домашних животных из — III, 43.
- Веттии, дом — в Помпеях VII, 208.
- Вешалы, с. (Рязанская обл.), селище у — IV, 221.
- Византия, искусство, см. Искусство византийское; — и хозары VI, 133 сл.
- Викарелло (близ Рима), находка римских монет в — VII, 155, 158.
- Виллы, римские VII, 199 сл.
- Виловатая бухта (побережье Белого моря), каменный лабиринт в — X, 126—131.
- Винодельня, из Мирмикия II, 223; III, 242; VII, 53; из поселения на Темиргоре VII, 53 сл.; из Тиритаки VII, 53.
- Вирхова, пещера (Грузинская ССР), кремневые орудия из — III, 67.
- Вис (Штирия), могильник X, 54.
- Вита, м. (Киевская обл.), находки у — X, 71.
- Витачово, с. (Киевская обл.), поселение у — X, 69.

- Вичмарский могильник X, 305
 Вишапы IV, 6.
 Вишенки (Черниговская обл.), находки в — X, 71
 Вкладыши, из стоянки Ельч Бор III, 83, 88, 93; из эппалеолитических стоянок Крымской Яйлы V, 96; из Уругуйской микролитической стоянки I, 106 сл.
 Владимир, г., Золотые ворота в — VI, 248; VIII, 156; историческая топография XII—XIII вв. — VIII, 145—168; облик — в XVII—XVIII вв. — VIII, 168—173.
 Владимирская область, см. Боголюбов; Васильки; Волосовская стоянка; Елян-Бор; Жабокский могильник; Карачарово; Корниловский могильник; Максимовский могильник; Малое Окулово; Новленский могильник; Перемиловский могильник; Подболотьевский могильник; Пятницкий могильник; Урвановский могильник.
 Владимировка, с. (Воронежская обл.), скифское погребение у — VIII, 10
 Владимиро-Суздальское княжество, города — IV, 146.
 Владыченская стоянка, кости домашних животных из — III, 34, 36.
 Вогулы, игрушки у — IV, 143; культы — IV, 142; фольклор — IX, 245 сл., шаманские изображения у — IX, 239 сл.
 «Водолен», глиняные из Пайкенда X, 311—317.
 Водопроводы древние, из Алма-ата II, 240; из Ольвии VII, 129—139; из Феодосийского р-на Крыма II, 226; III, 267.
 Водяное, с. (Запорожская обл.), фибула из — X, 54, 55.
 Воль IV, 41, 58, 59.
 Военный госпиталь (Иркутская обл.), палеолитическая стоянка у — V, 290.
 Воже, оз., стоянка в р-не — IX, 42.
 Воздвиженская, стан. (Ростовская обл.), курган у — X, 164.
 Вознесенье, с. (Ленинградская обл.), неолитическая стоянка у — V, 187, 190—204; геологические условия V, 206—214; керамика V, 215—228.
 Воин, изображение — из Чокракского кургана III, 254.
 Вой-Наволок (Онежское оз.), неолитическая стоянка III, 11, 13.
 Вологда, р., находка костей мамонта на — II, 232.
 Вологодская область, см. Тотманский ручей.
 Волосовская неолитическая стоянка (Владимирская обл.) III 11, 78, 79; IX, 28; X, 85, 86; керамика I, 54, 62, 64, 74; кости домашних животных III, 34, 36; кремневые фигурка IV, 133, 202; X, 95, 96, 103, 104, 106—111; рыболовные крючки III, 102, 103.
 Волосовская культура IX, 29, 37, 43, 44.
 Волчий грот (Крым), палеолитическая стоянка V, 272
 Ворворка, из могильника «Частые курганы» VIII, 15, 17, 23—25, 32—34, 41.
 Ворксла, р., городища в бассейне средн. течения — IX, 121 сл.
 Воробьевский могильник X, 305.
 Ворокса, д. (Верхнее Поволжье), стоянка у — IX, 76.
 Воронеж, г., археологическая карта территории — X, 291—301; археологические разведки в — IV, 308—312; раскопки стоянки в — III, 259.
 Воронеж, р., археологическое обследование берегов — X, 293—301.
 Воронежская область, курганы в — IX, 13—27; скифский могильник «Частые курганы» в — VIII, 9—50; IX, 7—21, см. также: Боршево; Быстрая Сосна; Верхний Ольшан; Засосенка; Калачевский р-н; Костенки; Мазурка; Маяцкое городище.
 Воронежская ученая архивная комиссия, раскопки 1910—1915 гг. могильника «Частые курганы» VIII, 9—50.
 Воронежская, стан. (Прикубанье), городища у — IV, 266, 268.
 Воронежский музей, см. Музей.
 Вороново, д. (Карело-Финская ССР), находка молота с головой медведя у — III, 8.
 Воронцовка, с. (Краснодарский край), пещеры близ — V, 303.
 Воронцово, д. (Московская обл.), могильник у — IV, 39, 54, 55.
 Ворошиловград, г., остатки микролитической стоянки в — II, 195—198.
 Ворошиловградская область, см. Нижне-Герасимовский хутор.
 Воскресенский посад (Московская обл.), курганные погребения в — IV, 56.
 Восточная Сибирь, см. Сибирь Восточная
 Восточно-Сибирское краеведческое общество, археологические исследования — I 215.
 Врулия (о. Родос), раскопки в — VI, 102.
 Вуколово селище (Рязанская обл.) IV, 227
 Вустоярви (Карело-Финская ССР), неолитическая стоянка у — V, 204.
 Выг остров, д. (Карело-Финская ССР) неолитическая стоянка у — I, 31; III, 110
 кремневое изображение из — X, 91, 108, 113.
 Выставки, Антропологическая 1879 г. X 185; археологические III, 240.
 Вышгород, культ Бориса и Глеба в — VIII 225 сл.
 Вышгородское городище (на р. Оке) II 40, 44.
 Вышний Волочек, неолитическая стоянка окрестностях — III, 101.
 Вязостров, д. (Ленинградская обл.), неолитическая стоянка в — V, 189.
 Вяичи IV, 212 сл., 237—330; курганы — I, 252; IV, 34 сл., 53 сл., 289—291
 культура — IX, 126.
 Гавайские острова, рыболовные крючки в — III, 103.
 Гавердовский могильник (Рязанская обл.) II, 40 сл.
 Гагарино (Воронежская обл.), палеолитическая стоянка I, 51; II, 9; III, I V, 145.
 Гагинский могильник X, 283.
 Гажий нос (Карело-Финская ССР), скальные изображения на — I, 38.

- ГАИМК, см. Государственная Академия истории материальной культуры.
- Галдарея, р. (Архангельская обл.), стоянки по — IV, 195, 200, 208; IX, 36, 37, 41.
- Гали, с. (Абхазская АССР), палеолитическая стоянка у — III, 237.
- Галиат, с. (Сев. Кавказ), могильник у — I, 280.
- Галилея, кости неандертальского человека из — IV, 82.
- Галинское селище (Рязанская обл.) IV, 234.
- Галицино, с. (Краснодарский край), раскопки пещеры близ — V, 303.
- Галкино, с. (Прикамье), городище у — I, 257; V, 4, 24, 25; X, 184, 189, 190, 192, 194, 195; кости домашних животных из — III, 45, 49, 50, 51.
- Галушино (Киевская обл.), скифские пояса из кургана у — VII, 21, 23.
- Гальштатская эпоха X, 53, 54, 68.
- Гамково, д. (Брянская обл.), следы палеолитической стоянки у — V, 81, 86; кости *Rhinoceros tichorchinus* у — III, 197.
- Ганджа-Чай (Азербайджанская ССР), планировка курганов в р-не — I, 213; сырцовые гробницы в р-не — VI, 293—297.
- Ганижина, д. (Тюменская обл.), находка костей мамонта у — II, 238.
- Гаргас, грот (Верхние Пиренеи), изображения человеческих рук в — V, 177.
- Гард, с. (Ворошиловоградская обл.), «залегания» у — VI, 43.
- Гаревское костище (Прикамье) III, 47, 49.
- Гарни (Армянская ССР), раскопки в — IV, 6; храм в — II, 210.
- Гаспра (Крым), дольмены в — VIII, 113.
- Гатчина, г., раскопки курганов в р-не — IV, 41.
- Гварджила-Клде (Грузинская ССР), кремневый инвентарь из пещеры — III, 64, 67—73.
- Гвард (Абхазская АССР), палеолитическая стоянка в — III, 237.
- Гватемала, археологическая карта — I, 301; кремневые изображения из — X, 119.
- Гвозди, деревянные древнерусские I, 190; железные из Курского городища I, 190; средневекового Херсонеса VII, 237.
- Гдов, г., раскопки курганов в окрестности — IV, 41.
- Геология четвертичная, Сибири II, 216.
- Геракл, изображение — на Акарнакских бронзах Лисиппа VII, 189—197; на фрагменте фриза из стан. Таманской VII, 81—93; на плите из Херсонеса VI, 307—308; культ — в Акарнани VII, 189 сл.; на Боспоре VII, 250—252; в Сев. Причерноморье VI, 107—118, 307—308; посвященные надписи — с юга России VII, 249—250.
- Гераклейский п-в, археологическая карта — III, 243.
- Гераклея Понтийская, история — IX, 89—99.
- Герасимовка, с. (Киевская обл.), курган у — I, 86, 92, 93, 94.
- Герат, г., архитектурные памятники — II, 214.
- «Герих» (орнамент Средней Азии) IX, 101—119.
- Геркулан, г., бронзовая статуя Геракла с ланью из — VII, 189 сл.
- Гермес, изображение — на плите из Керчи VIII, 106.
- Гермесова Близница (Днепропетровская обл.), бляшка из кургана — VIII, 16.
- Гермес-Психопомп, культ — VIII, 99 сл.
- Гибралтар, кости человека с — IV, 82.
- Гиенос, древняя пристань в р-не Очемчири IV, 324.
- Гиляки, жилище у — IX, 224 сл.
- Гладкое, поле (Прикамье), стоянка на — V, 4, 24.
- Глазов, г., могильник Бигер-Шай близ — IV, 239 сл.
- Глазково, с. (Вост. Сибирь), каменные рыбы из стоянки — I, 222, 234, 239; косяные фигурки из стоянки у — I, 217.
- «Глазковская культура» (энеолита) I, 238; III, 321.
- Глинище, с. (Харьковская обл.), курган близ — I, 81 сл., 91 сл.
- Глинск, с. (Полтавская обл.), городище у — IX, 121, 130.
- Гляденовская культура I, 265.
- Гляденовское костище (Прикамье) II, 134, 138, 140, 141, 144; X, 189, 198, 305.
- Гневненский могильник (Рязанская обл.) IV, 212, 230.
- Гнездовский могильник (Смоленская обл.) IV, 238, 299; X, 283; гончарные клейма из — VIII, 293.
- Гнездовские курганы (Смоленская обл.) III, 191.
- Говядиново, с. (Костромская обл.), могильник у — II, 13, 30, 32; IX, 213—219.
- Гогорджан-коба, пещера (Крым) V, 300.
- Гоедик, оз. (Бретань), погребения с — V, 176.
- Гокча, оз., халдский период истории р-на — IV, 249, 256.
- Голодаиха, р. (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 195, 200.
- Голубовское городище (Краснодарский край) IV, 268.
- Голядь, летописное племя IV, 49.
- Гомель, г., художественно-исторический музей в — III, 216.
- Гондурас Британский, археологическая карта — I, 301; кремневые изображения из — X, 119.
- Гонцы, с. (Харьковская обл.), палеолитическая стоянка в — II, 218; III, 92, 261; V, 88—91, 152—154, 284.
- Гончарство, эпохи неолита на территории лесной зоны европ. части РСФСР I, 51—77; по материалам Бархвинского городища III, 120; Елизаветинского городища I, 176; городищ Прикубанья IV, 273, см. также Керамика.
- Горбуновский торфяник (Вост. Урал) II, 144; IV, 133—145; деревянная скульптура из — III, 12; X, 112; обломок полоза нарт из — III, 41, 42.
- Горгиппия, надписи с именем Геракла из — VII, 251; памятники из р-на древней — IV, 307.

- Горит, на памятниках скифской культуры VII, 20, 23.
- Горкинский могильник (Ивановская обл.) II, 22; VI, 76.
- Горн, из Елизаветинского городища I, 173.
- Горнодзутский хут. (близ г. Пятигорска), эпоха бронзы у — IV, 81.
- Горное дело, история — I, 302—305.
- Городища, Армянской ССР III, 229; Березовского р-на (Ханты-Мансийского нац. окр.) III, 254; Воронежской обл. IV, 308; VI, 157; IX, 121 сл.; Дьякова типа I, 61, 73; II, 27, 36, 41 сл.; III, 113—124; IV, 297, 330; IX, 61—77; X, 227—233; Калининской обл. IX, 63—76; Калужской обл. IV, 329; Краснодарского края I, 171—185; II, 229—230; III, 263; IV, 266—272; VII, 258—266; Крыма III, 253; V, 300; Московской обл. III, 113—124; IV, 146—167; IX, 62, 63, 74; X, 227—233; Новгородской обл. I, 187—190; Поволжья Верхнего IX, 61—77; Полтавской обл. IX, 121, 123, 128, 130; Прикамья I, 257; II, 125; V, 4, 24, 29; X, 184—190; Роменско-Боршевской культуры IX, 121—135; Ростовской обл. II, 222; IV, 234; VI, 136—165; Рязанской обл. IV, 153, 212, 215, 217, 219, 230; Средне-Окского р-на IV, 212 сл.; Сибири Вост. II, 240; IV, 322; Таманского п-ва VII, 248—250; Татарской АССР IV, 330—332; Тульской обл. III, 117, 121; IV, 329; Удмуртской АССР III, 47; Узбекской ССР III, 269; Харьковской обл. IV, 314; Челябинской обл. IX, 221—237; Черниговской обл. IX, 119; Ярославской обл. II, 225; IX, 64, 67, 69.
- Городище, с. (Калининская обл.), городище у — IX, 63—76.
- Городок, с. (Ярославская обл.), городище у — IX, 64, 67, 69.
- «Городок Николаевка» (низовья р. Днепра), могильник X, 65.
- Горьковская обл., дюнная стоянка в — IX, 199; курганы в — IX, 199—211, см. также Балахнинские стоянки, Козино.
- Государственная Академия истории материальной культуры, см. Академия истории материальной культуры.
- Государственный Исторический музей, см. Музей.
- Государственный Музей Арменчи, см. Музей.
- Государственный Музей изобразительных искусств, см. Музей.
- Государственный Музей им. Мартьянова в Минусинске, см. Музей.
- Государственный Эрмитаж, см. Эрмитаж.
- Готия Крымская VI, 205 сл., 222.
- Готланд, о., каменные лабиринты на — X, 125; надпись с — IX, 85.
- «Готский стиль» III, 121.
- Готы, в Крыму VI, 205 сл.; IX, 302; могильники — в Крыму I, 162 сл.; в Прикубанье I, 159 сл.
- Графика, эпохи палеолита, пещерных наветов Мгвимеви III, 57—75; из стоянки Елисеевичи V, 84, 85; эпипалеолитических стоянок Крымской Яйлы V, 98; Сев. Африки III, 72; Италии III, 72; Пиренейского полуострова III, 72; Франции III, 72, см. также Наскальные изображения.
- Граффити, на керамике из Ольвии VII, 305.
- Гребни, железные, из Куликовского могильника X, 286; из позднесредневекового Херсонеса VII, 236; — костяные из погребения в г. Киеве X, 250; из Лыковского городища XI—XII вв. IV, 234; из раскопок у Сале-Харда I, 278, 239; из кургана на р. Торгуне VIII, 76, 83; из могильника в с. Черняхове X, 59—60; из раскопок в Новгороде III, 190; оковка — из могильника «Частые курганы» VIII, 44, 45; роговой — из Псковского городища X, 305—309.
- Гремячев, древний город (Рязанская обл.) IV, 215.
- Гремячее городище (Рязанская обл.) IV, 215; IX, 62.
- Гремячий ключ, городище (Прикамье), кости домашних животных из — III, 44.
- Гремячий ручей (Прикамье), неолитическая стоянка у — I, 257, 260 сл.; V, 230—238; городище у — X, 191.
- Грехов ручей (Поволжье), городище в устье — IX, 64, 68.
- Греческие колонии Причерноморья, см. под названием отдельных колоний.
- Греческие поселения, в Абхазии IV, 323.
- Гривны, бронзовая из Ананьинского могильника II, 103; из Куликовского могильника X, 281; знаки собственности на княжеских — VI, 236 сл.; — серебряная из Пашковского могильника I, 159; — славянские IV, 40, 42, 43, 58, 59; из погребения XI в. на р. Чусовой III, 127, 131.
- Гримальди (Италия), гроты, раковины из — IV, 77; скелеты из — V, 183.
- Грифон, изображение — на сосуде из III Разменного кургана X, 166 сл.; — серебряный с Лысой горы IV, 305.
- Гришинцы, с. (Киевская обл.), скифские пояса из кургана близ — VII, 21 сл.; погребение у — X, 56.
- Грозненская область, археологическое обследование в — I, 280; III, 264.
- Гроты, в Грузии III, 57 сл.; в Италии III, 72; V, 183.
- Гроханское городище (Прикамье) X, 196.
- Грузики, «Дьякова типа» III, 118, 119; — ткацких станков из Елизаветинского городища I, 178; — медный из раскопок в Новгороде III, 187, 192.
- Грузила, из Елизаветинского городища I, 178; из Левшинской неолитической стоянки V, 13; из стоянок эпохи неолита Вост. Сибири I, 240; позднесредневекового Херсонеса VII, 237.
- Грузинская ССР, палеолит в —, см. Палеолит Кавказа; неолит — III, 63; случайные находки в — II, 237; средневековая архитектура в — III, 265. См. также: Абхазская АССР; Агаiani; Армази; Арша; Боржомское ущелье; Даблагоми; Дманиси; Имеретия; Колхидская низменность; Ларс, Мхет; Нацхвара; Николакеви; Салурамо; Тагелони; Тбилиси; Ткварчели; Триолети; Урбиси; Цискаля.

- Грязное, оз. (Прикамье), неолитическая стоянка у — I, 256; II, 223; III, 39; V, 3, 4, 24, 230; селища на берегу — X, 192 сл.
- Гуалупит (Центр. Америка), раскопки в — I, 294.
- Гунны, могильник — в Ильмовой пади VIII, 51—66; могильник — в Ноин-Ула VIII, 51, 65.
- Гурбинцы, с. (Полтавская обл.), могильник у — X, 66.
- Гурий остров (Карело-Финская ССР), наскальные изображения на — I, 38.
- Гэмбл, пещера (Вост. Африка), скелеты из — IV, 339.
- Гяур-кала, крепость (Нахичеванская АССР), археол. памятники в окрестностях — IV, 254 сл.
- Даблагоми, с. (Грузинская ССР), археологические находки в — V, 264—268.
- Давылкино, д. (Московская обл.), могильник у — IV, 300.
- Дагестанская АССР, см. Дербент.
- Дальневосточный край, археологические обследования в долине р. Амвра III, 238, 268; находка костей мамонта в — II, 239; неолит в — I, 275; случайные находки — II, 239, 240.
- Дамган (Иран), раскопки — II, 205, 206.
- Дандарии, земля — у Тацита IV, 265; в надписях Таманского полуострова VII, 248, 249.
- Дания, каменные лабиринты в — X, 125; находки орудий из кости в — III, 222.
- Дарабей (Турецкая Армения), бронзовая статуэтка из развалин крепости — VI, 89.
- Двин, с. (Армянская ССР), находка золотого креста в — II, 238.
- «Двинские камни» VIII, 249 сл.
- Девис-Хврели (Грузинская ССР) палеолитическая стоянка — II, 220; III, 67, 73.
- Декадрахма, афинская Государственного Исторического музея VI, 304—306.
- Дема, р. (Башкирская АССР), древнее поселение на — III, 258; кости домашних животных из стоянки на — III, 113.
- Демеоджи, д. (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Демидкова, д. (Молотовская обл.), селище у — X, 191.
- Денисовские погребения (Рязанская обл.) IV, 235.
- Денисовское селище (Рязанская обл.) IV, 235.
- Дербент VIII, 121—144; торговля — в IX—X вв. X, 255.
- Дерево, изображение — на гребне из Псковского городища X, 307—308; подделки из — из неолитической стоянки в г. Архангельске VI, 290 сл.; обработка — жителями Кубенинской стоянки V, 44; изделия из — из Привралья IV, 133 сл.; предметы из — из раскопок на Славне IX, 143—144 сл.; сооружения из — из раскопок на Славне III, 187—192; IX, 142—149, см. также Скульптура, деревянная.
- Деркул, р., мастерская макролитических орудий на — V, 293—297; палеолитическая стоянка на — III, 197.
- Десна, р., верхнепалеолитическая стоянка в бассейне — III, 213.
- Десятинная церковь, см. Киев, Десятинная церковь.
- Джан-баба, д. (Крым), городище у — III, 253.
- Джанатан, аул (Южн. Урал), курганы у — IV, 334.
- Джихумур, р. (Абхазская АССР), древние поселения на — IV, 323.
- Джяйлау-Баш (Крымская Яйла), эпилеолитическая стоянка у — V, 93.
- Дзирвли, р. (Грузинская ССР), следы палеолитической стоянки в ущелье — III, 263.
- Дионис IV, 25, 28; статуэтка — из Тиритакки VII, 174—187.
- Дионис-Сабазий, культ — в Причерноморье VIII, 97—111.
- Дирхемы, волжских болгар X, 267.
- Диски, из Подчеремского клада II, 129 сл.
- Дия, раскопки в городище — III, 241, 266.
- Дманиси (Грузинская ССР) IX, 326; баня — VIII, 264, 274—275; история — VI, 258—285; раскопки 1936—1937 гг. — VI, 258—285.
- Дманисский сион VI, 266—267.
- Дмитров, г., городище — IV, 146—167; история — IV, 147—148.
- Днепропетровск, г., находка костей мамонта в — II, 235.
- Днепропетровская область, см. Александровка; Александропольский курган; Гермесова Близница; Кодак; Кочкаревка; Огуз; Солоха; Цимбалка; Чертомлыцкий курган.
- Добруджа, рыболовная ловушка из — X, 138, 139.
- Должок, с. (Киевская обл.), трипольские площадки у — VI, 33.
- Долон-Кара, гора (верховья Иртыша), наскальные изображения в — IX, 52, 68, 73.
- Дольмены, Кавказа III, 227, 252; Крыма VIII, 113.
- Домашние животные, появление — в Прикамье II, 33—53; происхождение — III, 34; — Триполья III, 226; — в Фатьяновской культуре II, 30, см. также Животные, кости.
- Дон, р., обследование древних поселений по — VI, 135 сл.
- Донбасс, следы палеолитической стоянки в — III, 261; неолит в — II, 195—198.
- Донды-Карское городище (Удмуртская АССР), кости домашних животных из — III, 47.
- Донецкое городище (Харьковская обл.) IV, 314.
- Дорогобуж, г., курганы в р-не — IV, 42.
- Дорос-Феодоро (Крым) VI, 212, 216, 219, 220.
- Древляне IV, 34 сл., 53.
- Дреговичи, курганы — IV, 43; украшения — IV, 59.
- Дробышевские стоянки I и II (Изюмский р-н, Харьковской обл.) V, 276.

- Дубовая балка (Днепропетровская обл.), палеолитическая стоянка в — II, 219; V, 155.
- Дубровичский могильник, бусы из — IV, 248.
- Дубровка, д. (на р. Пополоть), курган у — III, 121; X, 233.
- Дуднево, д. (Калининская обл.), кремневое изображение из стоянки у — X, 94, 109, 110; городище у — IX, 62.
- Думан-кала (Кара-Калпакская АССР), развалины замка в — VI, 182 сл.
- Дураково, с. (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 195, 200; IX, 41.
- Духовщина, г., курганы в р-не — IV, 42.
- Дьяково, с. (Московская обл.), городище в — IX, 62, 63; шатровая церковь в — VIII, 300 сл.
- Дьяковская культура I, 61, 73; II, 27, 36, 41 сл.; III, 113—124; IV, 297, 330; IX, 61—77; X, 227—233.
- Дюнные стоянки, Беломорского побережья IV, 173 сл.
- Евпаторийский район (Крым), археологическое обследование — III, 252; городище — III, 253; рельефы Геракла из — VI, 108—118.
- Египет, верхний палеолит в — III, 74; кремневые статуэтки додинастического — X, 114 сл.; культы — IV, 23 сл.; искусство — IV, 12 сл., 24 сл., см. также Тель-Эль-Амарна.
- Екатериновка, с. (Сибирь), находки костей мамонта у — II, 239.
- Еласовские могильники I и II (Марийская АССР) IV, 281.
- Елец, д. (Верхнее Поволжье), стоянки у — V, 104.
- Елизаветинская, стан. (Краснодарский край), городище I, 171—185; IV, 266; могильник I, 182—185; IV, 272; пояса из курганов — VII, 21, 23, 25, 29; раскопки городищ и могильников в р-не — III, 263.
- Елизаветовская, стан. (Ростовская обл.), курган — VII, 29.
- Елизавето-Марьянское городище № 1 и 2 (Краснодарский край) IV, 266.
- Елия Бор (Владимирская обл.), стоянка — II, 216; III, 77—98.
- Елисевичи, д. (Брянская обл.), палеолитическая стоянка у — II, 9, 218; III, 213, 262; V, 82 сл.; 284, 285—289.
- Ельня, г. (Смоленская обл.), Курганы в р-не — IV, 42.
- Емса (Jämsa), неолитическая стоянка — III, 103, 112.
- Емчиха, с. (Киевская обл.), курган близ — I, 93, 94.
- Енисей, р. археологические исследования на среднем течении — II, 71—94.
- Ереван, г., находка остатков древней гробницы в — II, 237.
- Ерусал, р., раскопки курганов по — VIII, 90—94.
- Ерши (Иркутская обл.), неолитическая стоянка I, 240.
- Ефаевский могильник (Мордовская АССР) X, 271, 274, 279, 280, 283, 287.
- Жабок, с. (Владимирская обл.), могильник у — II, 55; химический анализ бронзовых изделий из — II, 200.
- Жаботино, с. (Киевская обл.), курган близ — I, 94.
- Жальники IV, 40, 41.
- Жарникова падь (Иркутская обл.), палеолитическая стоянка у — V, 290.
- Жаровня, из кургана в долине р. Маныча IV, 100, 101, 105, 109, 111, 125; из кургана в ур. «Три брата» I, 123, 125, 130, 131.
- Железницкий клад (Московская обл.) IX, 131, 133.
- Железо, эпоха — в долине р. Амура I, 277; III, 238; на территории г. Воронежа X, 291 сл.; раннего — в Крыму III, 253; в Рязанской обл. IV, 230; в Сибири VIII, 285—288; в Чкаловской обл. III, 258, см. под названием отдельных культур и народностей, как: Ананьинская культура, Дьяковская культура, Скифы, Сарматы и т. д.
- Жернова, из Елизаветинского городища I, 177; из Ижеславского городища IV, 220; из Лубянского городища IV, 213; из позднесредневекового Херсонеса VII, 236.
- Жертвенник, из Барвихинского городища III, 116; из Гневненского могильника IV, 231; из Елизаветинского городища I, 181, 183; из Старшего Каширского городища III, 116.
- Жертвенные места, Березовского р-на. Хант-Мансийского нац. окр. III, 255; пьаноборской культуры X, 198; из кургана в ур. «Три брата» X, 148, 149, см. также Гляденовское костыше.
- Жертвоприношения человеческие. Усатовских погребений V, 257.
- Животные домашние, см. Домашние животные.
- Животные, изображения — в неолите Восточной Сибири I, 217 сл.; в неолите Севера СССР X, 85—123; в наскальных рисунках верховья Иртыша IX, 251 сл.; из Кубенинской стоянки V, 51; в наскальных изображениях Белого моря и Онежского оз. I, 9 сл.; III, 3—32; из Подчеремскогоклада II, 120 сл.; из Сале-Харда I, 278; III, 239; из стоянки Станок IV, 202; в скифских древностях I, 98; в керамике Пайкенда X, 311—317. см. также Звериный стиль; кости — из Абашевского могильника III, 41; Ананьинского могильника III, 41, 43, 44; Аннина о. III, 41; Баланбашского селища III, 40, 49; Барвихинского городища III, 122; стоянки Большие Отары III, 40; стоянки Веретье III, 34, 36; из Волосовской стоянки III, 34, 36; Галкинского городища III, 45, 49, 50, 51; стоянки Гамково III, 197; городища Гремячий ключ III, 44; городища «Городище» IX, 76; стоянки на р. Деме III, 40; Дмитровского городища IV, 152; Донды-Карского городища III, 47; Елизаветинского городища I, 178; пос. Зимница III, 52; Калатинского торфяника IV, 140; городища Кара-Абыз III, 46;

- стоянок по р. Каче X, 81, 82; курганов в долине р. Маныча IV, 96, 99, 102, 108, 127; пещер Мгвмевеи III, 69; Ольвин VII, 305; селища Отарка III, 47; Свиногорского городища III, 45; городища Сорочьи горы III, 44; найденные близ Таганрога II, 236; из Триполья III, 224, 226; Усть-Сыльвинского городища X, 188; городища «Чудаки» IX, 235—236; стоянки Чулатово V, 67 сл. См. также Мамонт, Тур.
- Жиздра, г. (Калужская обл.), курганы в районе — IV, 45.
- Жилище, солютрейско-мадленской эпохи V, 292; в верхнем палеолите V, 145—146; стоянки Буреть V, 292; стоянки Гонцы V, 90; стоянки Елисевичи V, 83; азияльско-свидерской стадии V, 146; стоянки Елин Бор III, 82, 96; эпохи неолита V, 37 сл.; неолитических стоянок на р. Амуре I, 276 сл.; неолитических стоянок на оз. Грязном I, 256; Левшинской стоянки V, 12; трипольской культуры I, 287; III, 224 сл.; VI, 20—45; Ананьинской культуры X, 195—196; Лаузитской культуры IX, 70; городищ Верхнего Поволжья IX, 68, 69; Елизаветинского городища I, 172 сл.; городища Каратобе III, 253; Курского городища I, 187; городища «Чудаки» IX, 224—227; Рюрикова городища I, 279; древне-русское IV, 230; Дмитровского городища IV, 154, 162; гияляков IX, 224 сл.; манданов IX, 226. См. также Землянки; Свайные постройки; Селища.
- Житомирская область, находка древнего челна в — II, 235. См. также Бердичевский р-н; Райки.
- Жуковцы, с. (Киевская обл.), трипольские площадки у — VI, 33; поселение у — X, 69.
- Журавка, с. (Полтавская обл.), палеолитическая стоянка в — V, 152, 154.
- Журовка, с. (Кировоградская обл.), курган близ — I, 93; бляхи из — VIII, 28; изображение медведя из — VIII, 34; скифские пояса из — VII, 20 сл.
- Забайкалье, археологические памятники Западного — VIII, 51—66; Уртуйская стоянка в — I, 105 сл.
- Загал, с. (Азербайджанская ССР), археологическое обследование в р-не — I, 265.
- Загарье, д. (Молотовская обл.), подвеска из — III, 131.
- Загорушная тонь (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 195, 200.
- Закапищенский могильник (Рязанская обл.), химический анализ бронзовых изделий из — II, 199.
- Заладь, д. (Верхнее Поволжье), стоянка у — V, 101 сл.
- Заланкой, д. (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Замиль-коба (Крым), стоянка у — III, 241, 266; V, 175.
- Замки, Кара-калпакской АССР VI, 182 сл.; долины р. Терек III, 246.
- «Замок царицы Тамары» (Дарьяльское ущелье), археологическое обследование — III, 246.
- Замки, из Дмитровского городища IV, 159; из Чортова городища IV, 225.
- Замощье, д. (Ленинградская обл.), курган у — IV, 40.
- Замчище, д. (Полтавская обл.), городище у — IX, 121, 122, 123.
- Зангезур (Нахичеванская АССР), археологические памятники — IV, 251 сл.
- Заозерье, д. (Приладожье), подвеска в виде коня из — X, 306.
- Зарайск, г., находка бизня мамонта близ — II, 231; курганы в р-не — IV, 56.
- Зарайский краевой музей, см. Музеи.
- Зарубинская культура X, 55, 56.
- Зарубинцы, с. (Киевская обл.), могильник у — X, 249.
- Заславские курганы (БССР), гончарные клейма из — VIII, 293.
- Засосенка, с. (Воронежская обл.), кургана у — VIII, 49.
- Застежки, из Куликовского могильника X, 281; у славян IV, 40, 42; из могильника «Частые курганы» VIII, 23, 24, 25, 37, 46, 47.
- «Звериный стиль» II, 207; VIII, 14 сл., 285—288, 290—292; IX, 280; X, 166—176.
- Звизжа, д. (Тульская обл.), курганы у — IV, 329.
- Зеленчук, р. (Прикубанье), археологическое обследование нижнего течения — IV, 265.
- Зеленый Борок, пос. (Брянская обл.), находка монет в — II, 234.
- Земледелие, в трипольской культуре III, 223; Усатовского поселения V, 259 сл.; в фатьяновской культуре II, 29 сл.; в ананьинской культуре III, 49; в дьяковской культуре III, 117; городищ Верхнего Поволжья IX, 76; в культуре Рязанских могильников II, 48 сл.; в древней Италии VII, 220—229; орудия — из кости III, 221; из Дмитровского городища IV, 162; из городищ Прикубанья IV, 273.
- Землянки, из стоянки Костенки IV, 278—280; из Кубенинской стоянки V, 35 сл.; из городищ Березовского р-на Ханты-Мансийского нац. окр. III, 255; из раскопок в г. Воронеже III, 309; из Гроханьского городища X, 196; из селищ Калужской обл. IV, 329; из Кара-Абызского городища X, 196; из Котловского могильника X, 195—196; из Чудаковского городища X, 196; VIII—X вв. из раскопок в Киеве X, 251.
- Зеркало, из с. Аксютинцы I, 85; из Бобрицкого кургана I, 86; из погребения у с. Борохтянская Ольшанка X, 61; из с. Герасимовки I, 86; из кургана близ с. Глинище I, 82; из Елизаветинского городища I, 181; из Келермесского кургана I, 88—90; китайское — из погребения Ильмовой пади VIII, 62; из Краснодара I, 86; из Минусинских могильников I, 87; из Пашковского могильника I, 159, 161, 166; из сарматских погребений

- Нижнего Поволжья VIII, 76, 78, 92; из с. Пустая Морквашка I, 86, 90; из городища Сувар IV, 330; из Суловского могильника I, 90; из кургана в ур. «Три брата» I, 133, 144, 146, 149, 153; из могильника Чеснок-Гора I, 86.
- Зерна, остатки — из курганов долины р. Маныча IV, 123; — пшеницы из Лубянского городища IV, 218.
- Зерновые ямы, из городища Сувар IV, 330.
- Зернотерки IV, 129, 130; из Говядинского могильника II, 32; из селища у оз. Грязного X, 191; из раскопок в ур. Коломийщина VI, 26 сл., из Усатовского селища V, 261; из Триполья III, 226.
- Зимний берег (Беломорского побережья), археологические памятники — IV, 173—185.
- Зимница (Мордовская АССР), кости домашних животных из поселения у — III, 52.
- Зимняя Золотица (Архангельская обл.), стоянка — IV, 176—184, 200, 208; IX, 32, 34, 35; кремневые изображения из — X, 85, 88, 90, 106.
- Змеево, д. (Ивановская обл.), могильник у — III, 257, 300.
- Змея, культ — X, 158; мотив — в ранне-средневековой архитектуре IX, 310 сл.
- Золотая Орда, памятники эпохи — в Нижнем Поволжье I, 116, 144, 274.
- Золотица, р., стоянка на берегу — IV, 184, 200.
- Золотой курган (близ г. Керчи), вал около — VII, 269 сл.
- Золотой курган (у Симферополя) VIII, 49.
- Золоторучье, с. (Ярославская обл.), стоянка у — II, 217; V, 101 сл.
- Золотые ворота г. Владимира, см. Владимир, г., Золотые ворота.
- Зубовская культура X, 67—68.
- Зуглиди (Грузинская ССР), находка монет близ — II, 238.
- Зуевский могильник (Татарская АССР) II, 110.
- Ибадулла, с. (Нахичеванская АССР), находка керамики в — IV, 252.
- Ибердус, с. (на р. Оке), кремневое изображение из стоянки в — X, 97—103.
- Ивановская область, городища — III, 124; памятники фатьяновской культуры в — II, 22; IV, 300; могильники — III, 257, 300. См. также Артемьево; Горкинский могильник; Кинишемский р-н; Федоровская стоянка; Холомониха; Юрьевоцкое городище.
- Ивановский музей, см. Музей.
- Иваньковский могильник (Калининская обл.) II, 40 сл.
- Иглы, из Дмитровского городища IV, 164; из средневекового Херсонеса VII, 236; костяные — из стоянки Елисеевичи V, 286; из Кубенинской стоянки V, 35, 45, 56; мастерская по выделке — из стоянки Швейцербильд III, 93.
- Игольник, из кургана в ур. «Три брата» I, 145, 150.
- Игрнский п-ов, погребение на — IV, 84.
- Игрушки, из Дмитровского городища IV, 161, 163; из Елизаветинского городища I, 180; из Пайкенда X, 311—317; из кургана в ур. «Три брата» I, 135; у вогулов IV, 143; у чукчей и коряков IV, 141.
- «Идол», из Горбуновского торфяника IV, 133—145.
- Ижеславец, летописный город IV, 220.
- Ижеславское городище (Рязанская обл.), IV, 220.
- Ижора, племя IV, 41, 58, 59; черепа — из Красногвардейска II, 151—157.
- Изведово, с. (Калининская обл.), кремневое изображение из — X, 94, 107, 108.
- Изразцы, из Дманиси VI, 267; из Дмитровского городища IV, 152, 166, 167; мавзолея Пир Гуссейна в Ханаке II, 213.
- Изых, гора (Красноярский край), каменные скребки с — X, 75.
- Изюмский р-н (Харьковская обл.), памятники эпохи эпилеолита в — V, 275—277.
- Иконки, из раскопок в Новгороде III, 187—191; — бронзовая из Херсонеса VII, 239; шиферная из Херсонеса VII, 240, 241.
- Илекса, о., неолитическая стоянка на — III, 11.
- Илим, р., шаманские изображения с — X, 204, 206, 214.
- Иловля, р., раскопки по — X, 143.
- Ильинская гора (Красноярский край), карасукский могильник под — III, 138, 164—165.
- Ильинцы-Париевка, с. (Киевская обл.), пояса из кургана близ — VII, 28.
- Ильмова Падь (Бурят-Монгольская АССР), раскопки могильника — VIII, 51—66; технологическая характеристика тканей из могильника — VIII, 69—72.
- Ильнешское городище (Прикамье) II, 125.
- Иль, р. (Прикубанье), археологическое обследование берегов — IV, 265.
- Ильская, стан. (Краснодарский край), палеолитическая стоянка у — II, 220; III, 199; городища № 1 и 2 у — IV, 271.
- Имеретия, палеолитические стоянки в — II, 219; III, 57—75.
- Индейцы, Мексики III, 25; Пуэбло III, 25; северо-американские V, 177.
- Индия, см. Мохенджо Даро.
- Инкерман (Крым), могильник в — VIII, 113; раскопки 1940 г. в — IX, 283—307.
- INQUA, см. Советская секция INQUA.
- Институт. — Антропологии при МГУ, археологические экспедиции — III, 42, 46, 241, 266; IV, 279; V, 301—302; IX, 199—211; — Антропологии и этнографии АН СССР, археологические экспедиции — I, 35, 171, 195, 276, 278, 285; III, 57, 74, 241, 257, 262, 263, 266—268; V, 302, 303; коллекции — I, 171, 287; V, 3, 208; см. также Музей, Музей Антропологии и Этнографии; — Истории материальной культуры УАН, археологические экспедиции — III, 261, 262; V, 88; Казахский

- научно-исслед. институт национальной культуры, раскопки — III, 270
- Инца, с. (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 173—200.
- Инютинка, р., стоянки на берегу — X, 291—293.
- Иран, археология II, 205—215; керамика I тыс. до н. э. из — IV, 260; Шведская археологическая экспедиция 1932—1933 гг. в — II, 205—206; — эпохи сасанидов и построения укреплений Дербента VIII, 121, 135 сл. См также: Абескун; Астрабад; Гурген; Кашан; Нихавенде.
- Иркутск, г., рыболовные крючки из стоянки в окрестностях — III, 104, 105.
- Иркутская область, шаманское изображение из — X, 206, 214.
- Иркутский музей, см. Музеи.
- Ирокезы III, 29.
- Исаковский пос. (Челябинская обл.), курган близ — IX, 231 сл.
- Исарчик, городище (Крым) V, 300.
- Исбол (Аландские о-ва), неолитическая стоянка на — III, 20.
- Искусство, первобытное, изображение человека в — IV, 133—145; связь — с религией IV, 133 сл.; эпохи палеолита III, 3 сл., 57—75, 262; V, 84 сл.; эпохи неолита I, 9—50, 68, 215—244; III, 3—32; IV, 11 сл., 133, 171, 184, 201, 202; V, 43, 50; VI, 57—60, 289—292; X, 85—123; — эпохи железа VIII, 285—288; пьеноборской культуры X, 215; скифское VI, 118; VIII, 9 сл.; X, 172—178; «чудское» II, 114—139; у австралийцев III, 15; у коряков IV, 141; у чукчей IV, 141. См. также: Графика; Животные, изображения; Керамика; Наскальные изображения; Скульптура; Шаманские изображения; — античное IV, 189—197; Северного Причерноморья VI, 107—118; 120—129; VII, 31—43, 81—93, 107—120, 140—150, 174—187, 308—316; ассирийское VI, 90; египетское IV, 12 сл., 24 сл.; византийское II, 211; иранское II, 205—215; фракийское — III в. н. э. VI, 113; сельджукское II, 213. См. также: Архитектура; Керамика; Скульптура.
- Истринский (Трусовский) могильник (Московская обл.) IV, 301 сл.
- Истуриц (Франция) III, 20.
- Исфара, г. (Таджикская ССР), находка медных монет в — II, 240.
- Италия, верхний палеолит в — III, 74; античные архитектурные сады в — VII, 199—219; пахота в древней — VII, 220—229.
- Итиль, г. VI, 130—147; историческая топография в IX—X вв. — X, 255—264.
- Ить, р. (Верхнее Поволжье), стоянка в устье — IX, 76.
- Ишимка, д. (Красноярский край), шаманское изображение из — X, 211, 214.
- Ишимский клад II, 115, 130, 140, 141.
- Иштарь IV, 25.
- Кавалагач-кала, пещера (Крым) V, 300.
- Кавказ, палеолит — см. Палеолит; неолит — III, 63; эпоха бронзы на — см. Бронза; могильники Черноморского побережья — I, 162.
- См. также: Армянская ССР; Азербайджанская ССР; Грузинская ССР; Северный Кавказ; Грозненская обл.
- Кадиевцы, с. (Каменец-Подольская обл.), трипольские площадки у — VI, 37.
- Каломский могильник (Рязанская обл.) II, 45.
- Казанчун-Кур (верховья Иртыша), наскальные изображения на — IX, 252, 258.
- Казань, г., находки древностей в — II, 234; раскопки кремля в — III, 261.
- Казахская ССР, раскопки в Кустанайском р-не — III, 269; раскопки Тургенской сопки — III, 270. См. также: Алексеевское; Алма-Ата; Бурно-Октябрьское; Карагандинский р-н.
- Казахский научно-исслед. Институт национальной культуры; см. Институты.
- Казбек с., раскопки могильника у — III, 248.
- Казбекский клад X, 175.
- Кайстрова балка (Днепропетровская обл.), палеолитическая стоянка в — II, 219; V, 155.
- Кайтинское городище, укрепления из — III, 121.
- Кайшва, г. древней Хазарии VI, 130.
- Калабай, аул (верховья Иртыша), наскальные изображения у — IX, 252, 265, 268.
- Каламак, р., курганы в р-не — X, 66.
- Калатинский торфяник, кости животных из — IV, 140.
- Калачевский р-н (Воронежская обл.), находка костей мамонта в — II, 231.
- Калевала IV, 26.
- Калиновка, с. (на р. Амуре), петроглифы у — I, 277.
- Калининская область, археологическая карта распространения каменных сверленных топоров в — III, Прилож.; неолит в — III, 101, 103, 111, 217; памятники фатьяновской культуры в — II, 19—37; городища в — III, 114, 116; IX, 63—76. См. также: Бежецк; Бежецкий край; Бологовская стоянка; Весьгонск; Ивановский могильник; Калязин.
- Каллисфен, названный в надписи из Керчи VII, 61—79.
- Калмыки, шаманские изображения у — IV, 142.
- Калужская ГЭС, археологические памятники на территории — IV, 328.
- Калужская область, археологические памятники — IV, 329; неолитические стоянки в — IV, 320; городища в — IV, 329. См. также Жиздра, г.
- Калужская, стан. (Краснодарский край), городище у — IV, 270.
- Кальджир (низовья Иртыша), наскальные изображения из — IX, 252, 268—271.
- Калязин, г., городище у — IX, 63 сл.
- Кама, р., см. Прикамье.
- Камары, с. (Крым), осколки кремня, собранные у — V, 301.
- Каменец-Подольская обл., см. Кадиевцы; Криничка.
- Каменка, с. (Нижнее Поволжье), раскопки курганов у — VIII, 78 сл.

- Каменная гора, ур. (БССР), находка кремневого орудия мустьерского типа в — III, 198.
- Каменноостская, стан., курган у — X, 180.
- Камень, кольца из — на погребениях I, 282; II, 72, 76, 92; III, 139, 149, 150; IV, 255, 333; лабиринты из — X, 125—142; ограды из — X, 157—158; орудия из — эпохи палеолита, из стоянки Боршево V, 284, 285; из стоянок Кавказа III, 58, 62—67; из грота Тешик-таш VI, 11 сл.; из стоянок по р. Каче X, 78—82; из стоянки Елин Бор III, 78 сл.; орудия из — стоянок «арктического палеолита» V, 108—109, 126—128, 131—140; орудия из — эпохи неолита III, 108 сл.; IX, 33 сл., 37; Беломорского побережья IV, 169—209; Вознесенской стоянки V, 193—200; Говядиновского могильника IX, 214—215; стоянки у ручья Гремячего V, 232—235; Кубенинской стоянки V, 47; стоянок Прикамья I, 258 сл.; севера СССР IX, 34 сл.; находка — на берегу р. Пинеги II, 233; рыбы из — см. Рыбы каменные; — точильный из могильника «Частые курганы» VIII, 24, 26, 30, 31, 37, 39; ящики из — на Афанасьевских курганах II, 87 сл.; из могильников Грузии III, 248; курганов Курайской степи II, 224; погребений Кызыл-Ванка IV, 251; погребений Минусинского края III, 140 сл.; могил Хакасии IV, 325. См. также: Ножи каменные; Ножевидные пластины; Нуклеусы; Нуклеидные орудия; Отбойники; Отжимники; Пластины; Стрелы, наконечники; Скребки; Скобели; Терки; Тесла; Топоры.
- Камунта, с. (Сев. Кавказ) селище кобанской культуры у — I, 280.
- Камчатка, кремневые изображения с — X, 115—116, 117.
- Камыш-бврун, детское погребение из — VI, 120—128; раскопки 1935 г. в — II, 223; раскопки 1937 г. в — VI, 190 сл.
- Камышенка, с. (Алтайский край). Карасукские могильники у — III, 138, 158, 159.
- Камышлы, д. (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Канада, кремневые изображения из — X, 117.
- Канам (Вост. Африка), палеоантропологические находки в — IV, 336.
- Кандалакша, каменный лабиринт в — X, 126—134.
- Кантемировка с. (Полтавская обл.), курганы у — X, 66, 72.
- Канфар, из Ольвии VI, 95, 101—102.
- Каныгуль-коба, навесы (Крым) V, 300.
- Капители, византийские VI, 197 сл.; Мангупской базилики VI, 215; Иоанно-Предтеченской церкви в Керчи VI, 198; базилики из Тиритаки VI, 196—200.
- Капан-коба, пещера (Крым) V, 301.
- Кара-Абыз (Башкирская АССР), землянка из городища — X, 196; кости домашних животных из городища — III, 46.
- Карабай, ур. (Чувашская АССР), могильник в — VI, 63—87.
- Караваевский могильник (Архангельская обл.), черепа из — IX, 32.
- Карагандинский р-н (Казахская ССР), карасукские могилы в — III, 138.
- Карагодеуашх (Краснодарский край), курган VIII, 24.
- Караджинское городище (Крым) III, 253.
- Кара-Калпакская АССР, археологические разведки в Шаббазском р-не — VI, 168 сл. См. также: Кичик — Гуль-дурсун.
- Кара-Киат (Крым) VIII, 24.
- Каракинский («Матюха-нэр») могильник (Марийская АССР) IV, 280.
- Карасубазарский р-н (Крым), пещеры с эпипалеолитическими находками в — III, 241.
- Карасукские могилы I, 282; II, 71, 72; III, 137—166; IV, 324—326.
- Карасукский могильник (Хакасская авт. обл.) IV, 324—326.
- Карасы, на Кавказе IV, 253.
- Кара-тобе, д. (Крым), городище у — III, 253.
- Карачарово, с. (Владимирская обл.), палеолитическая стоянка у — I, 51; II, 216.
- Карачун, гора (Донбасс), находка древних сосудов на — II, 236.
- Каргопольская культура неолита IX, 31 сл., 39.
- Каргопольский музей, см. Музей.
- Карельская культура неолита IX, 31 сл.
- Карело-Финская ССР, неолит в — см. Неолит; наскальные изображения в — I, 9—50; III, 3—32, 238 сл.; IV, 11 сл.; могильники и курганы ранне-феодальной эпохи — I, 41 сл.
- Карецкий нос (Онежское оз.), наскальные изображения на — I, 38; III, 12—14, 19, 21; IV, 20; X, 102, 103.
- Каррас, колония (близ Пятигорска), памятники эпохи бронзы — IV, 81.
- Карта археологическая, р. Амура (от г. Хабаровска до г. Николаевска) I, 276; андроновских могильников в Ачинско-Минусинских степях IX, 57; г. Воронеж X, 291—301; Гераклеяского п-ва III, 243; распространения каменных сверленных топоров в Калининской обл. III, Прилож.; эпипалеолитических стоянок Крымской Яйлы V, 93; оз. Лача V, 31; р. Прони IV, 232; Прикубанья IV, 265—274; распространения неолитических кремневых скульптур, X, 89; р-на устья р. Чусовой I, 257; Мексики, Гватемалы и Британского Гондураса I, 301.
- Картуковский могильник (Марийская АССР) IV, 281 сл.
- Каспийское море, находка медного котла на дне — II, 238.
- Кастель, гора (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Кастильо (Испания), наскальная графика в пещере — III, 72.
- Катакомбная культура УССР V, 262.
- Катакомбы, см. Погребения, катакомбные.
- Катазы (рыболовные ловушки) II, 63 сл.

- Катандинский могильник (Алтайский край) VIII, 287.
- Катунь, р., палеолитическая стоянка в дол. — II, 194; V, 297—298.
- Каукола (Ленинградская обл.), неолитическая стоянка в — III, 28; V, 204; рыболовные крючки из — III, 110.
- Каунчи, городище (Узбекская ССР), раскопка в — III, 269.
- Кауфертсберг, черепа из — V, 183.
- Кача, р. (Красноярский край), палеолитические стоянки в дол. — X, 75—84.
- Кача, р. (Крым), стоянка неандертальского человека на — III, 266.
- Качуг, с. (Вост. Сибирь), фигурка из мамонтовой кости из — I, 217.
- Кашан (Иран), раскопки в — II, 205.
- «Квеври» (амфоры), из раскопок в с. Даблогами V, 265, 266.
- Квирила, р. (Грузинская ССР), скалистые навесы по — III, 57.
- Келасури (Абхазская АССР), палеолитическое местонахождение — III, 237.
- Келеберды (Полтавская обл.), находки из — X, 65.
- Келермесский курган II, 127; X, 164, 170, 174, 175, 178; бронзовое зеркало из — I, 88, 89, 94, 98.
- Кельт, из Ананьинского могильника II, 101—102.
- Кемь, г., каменный лабиринт у — X, 126, 131.
- Керамика, эпилеолита, Верхнего Поволжья V, 102—105; Крымской Яйлы V, 97; стоянки Шан-коба I, 203 сл.; отсутствие — в стоянках Азильско-свидерской стадии I, 52; Уртуйской микролитической стоянки I, 111—112; — эпохи неолита, Севера европ. части СССР I, 41; III, 10, 28, 239, 255; IV, 176, 184, 185, 193, 195, 197, 199, 202, 203, 204, 209; V, 35, 48, 49, 53, 61, 62, 193, 196, 198, 215—228; VI, 289—290; IX, 29—31, 34—35, 38, 40—44; лесной зоны европ. части РСФСР I, 52—77; III, 218; Прикамья V, 17 сл.; 235—237; — Трипольская I, 287; III, 225; V, 244 сл.; — эпохи бронзы, андроновской культуры IX, 49 сл.; афанасьевской культуры II, 73 сл.; IX, 51 сл., карасукской культуры III, 141—165; срубной культуры IX, 201—211; курганов долины р. Маныча IV, 95 сл.; Нижнего Поволжья X, 145, 148, 149, 154; кургана в ур. «Три брата» I, 125 сл.; Сев. Кавказа X, 177—178; — фатьяновской культуры II, 23, 24; III, 301 сл.; VI, 81—85; IX, 210—213; — из раскопок в Шреш-Блур I, 209—213; — эпохи железа, ананьинской культуры I, 262; II, 105 сл.; IV, 247; X, 188—195, 197—200; дьяковской культуры III, 120; IV, 234; IX, 64, 74—77; X, 227—233; — полей погребальных урн X, 53—70; — скифская I, 93 сл.; VII, 263; VIII, 26, 33, 35—37, 47—48; — сарматского типа I, 125 сл.; VII, 262—266; VIII, 74—75 и сл.; IX, 225, 228, 232 сл.; — крашенная Нахичеванского края IV, 249—263; — Северного Причерноморья в античную эпоху I, 173 сл.; VI, 94 сл.; VII, 140—150, 302—305, 314—316, 318—324; VIII, 115 сл.; IX, 288 сл.; — из Пашковского могильника I, 159 сл.; — из могильника Ильмовой пади VIII, 62—63; — средневековая, славяно-русская I, 61, 183, 250, 279; III, 80, 120, 188 сл.; IV, 152, 160, 166, 215, 221, 226, 228, 232—233, 283, 308—311, 328—329; VI, 249—250; IX, 123 сл., 138; — финская III, 80; IV, 222; — из могильника Бигер-Шай IV, 246—248; — из городища Сувар IV, 330; — из Дманиси VI, 282—284; — из Куликовского могильника X, 286 сл.; из Пайкенда X, 312—317; — Херсонеса VII, 237—238; — иранская II, 213; техника графической реконструкции — VIII, 306—318. См. также Изразцы.
- Керкинитиды, памятники из р-на — VI, 107 сл.
- Керченский археологический музей, см. Музеи.
- Керчь, г., детское погребение из — VII, 280—283; рельефы из — VI, 117—118; VII, 91—93; терракоты из — VII, 286; фрески склепов — VIII, 107 сл.; эпиграфика из — VII, 61—79, 251; IX, 97.
- Кибела, изображение — из Керчи VIII, 106; из Ольвии VIII, 105; культ — на Боспоре VIII, 99, 109.
- Кивиярви, рыболовные крючки из стоянки — III, 103, 112.
- Киев, Десятинная церковь в — VI, 247; древнейшая история — X, 235—254; остатки древнего города — II, 236; могильники на усадьбе Художественной школы в — X, 250—251; раскопки в — III, 262; X, 242 сл.; находки римских монет в — X, 242—254.
- Киевская область, поля погребальных урн в — X, 55—63. См. также: Берестяги; Бобрицы; Герасимовка; Гришеницы; Емчиха; Жаботино; Трипольская культура.
- Киевская Русь IV, 46; знаки собственности в княжеском хозяйстве — VI, 227—257.
- Киевский, хут. (Прикубанье), городище IV, 270.
- Кизил-кобинская культура, в Крыму I, 202; IX, 285, 288.
- Киик-коба (Крым), палеолитическая стоянка I, 286; II, 217; IV, 63; V, 272.
- Кикенеиз, д. (Крым), дольмены у — VIII, 113; древности в окрестностях — IV, 314.
- Килик, обломок краснофигурного — из Ольвии VII, 323—324.
- Кингисепп, г., раскопки курганов в р-не — IV, 41.
- Кинешемский р-н (Ивановская обл.), находка костей мамонта в — II, 231.
- Кинешма, р., неолитическая стоянка в устье — IX, 44, 45.
- Кинжал, из Пашковского могильника I, 163; из сарматского погребения в Нижнем Поволжье VIII, 91, 93; — вкладыш из Середкинского могильника I, 237.

- Киргизская ССР, см. Узген.
- Киренск, г., шаманское изображение, найденное близ — X, 205, 214
- Кирилловская палеолитическая стоянка (Киевская обл.) V, 145, 151, 153.
- Кирколетта (Ладожское оз.), остатки рыболовного сооружения из неолитического поселения — X, 138.
- Киров, г., находка древних монет в — II, 235.
- Кировградская область, см.: Журовка; Турья.
- Кировская обл., неолит в — II, 61—70. См. также Плеханов бор.
- Кирпили, р. (Прикубанье), археологическое обследование — IV, 265.
- Кирпичи, из Ай-Тодорского городища VII, 122 сл.; из Дмитровского городища IV, 161; знаки на — X—XII вв. VI, 247 сл.; крепости Саркелского городища VI, 141 сл.
- Кирьяново, д. (Верхнее Поволжье), городище у — IX, 62.
- Кисвинское селище (Рязанская обл.) IV, 233.
- Китай, неолит в — I, 277; орудия карасукских форм из Северного — III, 139.
- Китойская стадия неолита I, 239, 241.
- «Китойские подвески» I, 241.
- Китойский могильник (Вост. Сибирь) I, 215; IV, 319.
- Кифэн (Сев. Африка), наскальная графика в убежище холма — III, 72.
- Кичик-Гульдурсун (Кара-Калпакская АССР), развалины крепости — VI, 182 сл.
- Кладовец, мыс (Карело-Финская ССР), раскопки на — I, 32, 38, 40.
- Клады, Железницкий IX, 131, 133; Ишимский II, 130; Межигорский III, 121; Мельгуновский X, 174; Мощинский X, 233; римских монет в Киеве X, 242—249, 252—254; Новочеркасский II, 117; Подчеремский II, 113—149; Суджинский II, 117; из Приуралья III, 133, 134.
- Клеевичи, д. (БССР), раскопки у — V, 82.
- Клейма, керамические VI, 228 сл., 250; — XI—XIII вв. IV, 160; из Ай-Тодора VII, 122 сл.; из Кузнецовских курганов I, 250; из Ольвии VII, 305; из Рюрикова городища I, 279; из Семибратнего городища VII, 264 сл.; из Старой Рязани и Пронска VIII, 293—298.
- Клинопись, халдская на Кавказе IV, 256.
- Ключи, из Дмитровского городища IV, 159; из Роданова городища I, 266.
- Княжеские курганы (Рязанская обл.), химический анализ металлических изделий из — II, 200.
- Княжеское селище (Рязанская обл.) IV, 232.
- Кобан, с. (Сев. Осетия), археологическое обследование р-на — III, 250.
- Кобанская культура I, 280; II, 115; III, 250, 251.
- Ковал-кала (Кара-Калпакская АССР), развалины крепости — VI, 182 сл.
- Ковшаровское городище (БССР), гончарные клейма из — VIII, 293.
- Кодак, с. (Днепропетровская обл.), палеолитическая стоянка в — II, 115, 189, 193, 219; III, 261; V, 151, 152, 153.
- Кожа, обработка — по раскопкам стоянки Кубенино V, 45; по раскопкам в Новгороде III, 183 сл.
- Козаровка, д. (Литовская ССР), погребение у — X, 55, 70.
- Козино, д. (Горьковская обл.), неолитическая стоянка у — IX, 29.
- Козубское городище (Краснодарский край) IV, 267.
- Кола, г., каменный лабиринт близ — X, 126.
- Колва-Вис, р. (Архангельская обл.), кремневое изображение с — X, 91.
- Колесница, из погребения у оз. Севан X, 157.
- Коллекции археологические, Г. Гальштрема IV, 181—185, 193; X, 107; П. П. Кудрявцева III, 79—87 сл.; А. В. Маркова IV, 181; Н. С. Марчукова IV, 129; Г. Г. Сандерберга IV, 176, 184; Теплоуховых III, 128, 130; А. С. Уварова VI, 90. См. также Музеи, коллекции.
- Колодец, Елизаветинского городища I, 174, 176; Семибратнего городища VII, 259—260.
- Колодистое, с. (Киевская обл.), Трипольские площадки у — VI, 36; погребения у — X, 53.
- Колокольчики, из Подчеремского клада II, 118; из могильника «Частые курганы» VIII, 41, 42, 47, 48; IX, 22.
- Коломенское, с. (Московская обл.), раскопки кремля в — III, 261; шатровая церковь в — VIII, 300 сл.
- Коломищина, ур. (Киевской обл.), раскопки в — III, 223; VI, 20—15.
- Коломна, г., городище, близ — IX, 62; курганы в р-не — IV, 56.
- Коломцы, с. (Новгородская обл.), стоянка в — V, 189, 204; кости домашних животных из — III, 36.
- «Колотушка», из кургана у с. Сыди II, 82; деревянные — из Кировского края, II, 66 сл.
- Колты, древне-русские VI, 251—254.
- Колхидки, из раскопок в с. Агаяни V, 268; — в с. Даблагоми V, 264 сл.
- Колхидская низменность (Грузинская ССР), археологическое обследование — III, 252.
- Колчан, из Бобринского кургана I, 95, 99; из кургана у с. Курай I, 284; из кургана в ур. «Три брата» I, 121, 137.
- Колыма, р., находка скелета мамонта на — II, 239.
- Кольдеры (Чили), рыболовные крючки из могильника — III, 103, 112.
- Кольский полуостров, «арктический палеолит» на — II, 227—228; V, 112—140.
- Кольца, бронзовые, из Аксаркинского могильника III, 171; из кургана у с. Глинище I, 82; из могильника Усть-Ерба III, 159, 160; — височные IV, 158; IX, 125; из Бельбекского могильника II-го VIII, 116; из Елизаветинского городища I, 181; из Кузнецовских курганов I,

- 248, 251, 253; из Куликовского могильника X, 279; из Палецких курганов IV, 293; из Пашковского могильника I, 160, 161; из Подчеремского клада II, 115; из славянских курганов IV, 38, 40, 43, 46, 55; из городища у с. Спас IV, 329; из могильника в долине р. Терек III, 246; из Усатовских курганов V, 248, 256; из Хрепельских курганов I, 191; золотое, из «Частых курганов» IX, 24; костяные, из кургана в долине р. Маныча IV, 98, 101, 102.
- Кольчуга, находка — под г. Орском II, 234.
- Комбарель (Франция) III, 20.
- Комб-Капелль (Франция), скелеты из — V, 183.
- Коми АССР, см.: Ванвидзинская стоянка; Няшебожское.
- Конгресс, Третий международный — по иранскому искусству и археологии II, 205—215.
- Конда, р., шаманские изображения с — IX, 239 сл.
- Конец Гор, д. (Прикамье), селище у — I, 257, 264; II, 223; III, 45, 257; V, 4, 24; X, 190, 194, 195, 196.
- Константиновка, с. (Киевская обл.), могильник у — I, 97.
- Конь, изображения — в наскальной графике IV, 21 сл.; — из сарматского погребения Нижнего Поволжья VIII, 76, 77; — в славянских древностях IV, 40, 42; на гребне из Псковского городища X, 305—309; культ — в ананьинскую эпоху VIII, 77; у сарматов VIII, 77; у мордвы VIII, 77; погребение — из с. Арцибашево II, 46; из с. Курай I, 282; с Лысой горы IV, 306; убор головной — с Лысой горы IV, 305.
- Коньера (Вост. Африка), палеоантропологические находки из — IV, 336.
- Копан (Центр. Америка), надписи из — I, 295; поселение эпохи Древнего Царства в — I, 296.
- Копанева усадьба (Одесская обл.), раскопки у — V, 258 сл.
- Коприно, с. (Верхнее Поволжье), стоянка у — II, 217; V, 101 сл.
- Копылиха, р., стоянка у — IV, 195, 200.
- Копье, из Ананьинского могильника II, 102—103; из кургана Бичик-Будук X, 147; из Елизаветинского городища I, 185; из Куликовского могильника X, 278; из раскопок в Новгороде III, 191; из Хрепельских курганов I, 193.
- Копьеметалка, в эпоху палеолита III, 97.
- Корабельный ручей (Кольский п-в), стоянка арктического палеолита на берегу — V, 114—116.
- «Корабль», городище (Калужская обл.), курган у — IV, 329.
- Корбеклы, д. (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Корез (Крым), могильник в — VIII, 113.
- Коренец, с. (Рязанская обл.), кремневые изображения из — X, 97.
- Коркино, д. (Вост. Сибирь), каменные рыбы из неолитического погребения близ — I, 227, 236.
- Корниловский могильник (Владимирская обл.) II, 52.
- Корчеватое (Киевская обл.), могильник в — X, 71.
- Коряки, искусство у — IV, 141.
- Кос, о., мраморные статуэтки с — VII, 186.
- Коса-горбуша, из Дмитровского городища IV, 158.
- Косники, из марийских могильников III, 170, 173—175; из Куликовского могильника X, 272—273, 274, 278—279.
- Костенки, с. (Воронежская обл.), палеолитическая стоянка II, 8, 9, 218; III, 13, 216; V, 278—281; IX, 174, 195.
- «Костеносные городища» II, 40 сл., 108; X, 183.
- Кости животных, см. Животные; — человека, см. Погребения.
- Кострище, Гневненского могильника IV, 231; из палеолитических стоянок по р. Каче X, 77; Кубенинской стоянки V, 34; из курганов в дол. р. Мачыча IV, 115; из стоянки Пушкари IX, 178, 179, 181—183; из Чулатовской стоянки V, 69, 73.
- Кострома, г., могильник фатьяновской культуры близ — IX, 213 сл.; находка декоративного топорика в стоянке «Станок» близ — V, 304.
- Костромская архивная комиссия, раскопки 1893 г. Чижовского могильника IX, 213.
- Костромская область, см.: Говядиново; Малышковский могильник; Чижовский могильник.
- Костромская, стан. (Ростовская обл.), Третий размежный курган у — X, 161—182.
- Костромские курганы, гончарные клейма из — VIII, 293.
- Костромской гос. музей, см. Музеи.
- Костромской I курган X, 174—175, 178.
- Кость, изделия из — из стоянки Веретье IX, 36; из городищ Верхнего Поволжья IX, 71—73; из Дмитровского городища IV, 161; из Елизаветинского городища I, 181; из стоянки Елин Бор III, 92, 93; могильника Ильмовой пади VIII, 63 сл.; каргопольской культуры IX, 44; из Кубенинской стоянки V, 46, 56, 58; из стоянки Мурзак-коба V, 171—174; Оленеостровского могильника VI, 54 сл.; IX, 35; из Сале-Харда I, 278; III, 239; из раскопок на Славне в Новгороде IX, 145; стоянки в гроте Тешик-таш VI, 12 сл.; из стоянки Чулатово V, 73; из стоянки Шан-коба I, 206 сл., 285; V, 299.
- Котел, бронзовый из могильника «Частые курганы» VIII, 35—37, 39; IX, 19; медный со дна Каспийского моря II, 238.
- Котловский могильник (Прикамье) I, 248; II, 118, 127; III, 43; X, 195.
- Котловское городище (Прикамье) III, 47.
- Кочкаревка, с. (Днепропетровская обл.), находка шлема в — II, 236.
- Кочунай, ключ (Верховья Иртыша), наскальные изображения у — IX, 252 сл., 274.
- Кошибеевский могильник (Московская обл.) II, 40 сл.; III, 118; IV, 248; X, 305.

- Крапина, черепа из — IV, 68, 82.
- Красная гора, с. (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 194; V, 54; IX, 36, 40, 41; кремневые изображения из — X, 90.
- Краснобатарейное городище (Краснодарский край) II, 229—230.
- Красногвардейск, г., ижорские черепа из погребений в — II, 151—157.
- Краснодар, г., могильник на Дубинке IV, 272; могильник на Почтовой ул. IV, 272; сарматский могильник VII, 262; городище КРЭС IV, 266; городище близ Мясокомбината IV, 267; селище на ул. Безыменной IV, 267.
- Краснодарский край, палеолитические местонахождения в — II, 220; III, 199; V, 302—303; городища — II, 229—230; IV, 266 сл.; VII, 258—266; могильники — I, 159—169; IV, 272 сл.; селища — IV, 265 сл. См. также: Анапа; Елизаветинская стан.; Ильская; Таманский полуостров.
- Краснодарский музей, см. Музеи.
- Краснокутский курган X, 53, 222.
- Краснопольский курган (Нижнее Поволжье), раскопки в — VIII, 74, 80—87.
- Красный городок, хут. (Тульская обл.), курганы у — IV, 329.
- «Красный кут», городище (Краснодарский край) IV, 267.
- Красный маяк, пос. (Абхазская АССР), стоянка в — III, 251.
- Красный холм (Ярославская обл.), городище у — IX, 64.
- Красный яр (Алтайский край), курганный могильник в ур. — VIII, 289—292; IX, 53.
- Красный яр (Ростовская обл.), раскопки городища у — II, 222.
- Кременец, г., нижнепалеолитические находки близ — III, 197.
- Кремень, верхнеастартский III, 79; орудия из — стоянки на р. Амуре I, 276; — из стоянки в г. Архангельске VI, 289 сл.; стоянок Верхнего Поволжья V, 103 сл.; IX, 69, 70; Гонцовской стоянки V, 90; стоянки Елин Бор III, 78, 80 сл.; стоянок Крымской Яйлы V, 96; Кубенинской стоянки V, 35 сл.; Левшинской стоянки V, 17 сл.; из кургана в долине р. Маныча IV, 100; из Мгвимеви III, 57 сл.; стоянки Мурзак-коба V, 166—173; Оленеостровского могильника VI, 53 сл.; стоянки Пушкири IX, 183—196; Свищерской стадии III, 77—98; стоянки Шанкоба I, 202 сл., V, 299; туронский III, 62; фигурки из — III, 11; IV, 171, 184, 202; X, 85—123.
- Кремль, г. Владимира VIII, 171—172; г. Дмитрова IV, 147—167; г. Казани III, 261; с. Коломенского III, 261; г. Пскова IV, 327; г. Твери III, 260.
- Крепости, развалины — Дарабей VI, 83; Кара-Калпакской АССР VI, 169, 171—176 сл., 182 сл.; Мордовской АССР II, 234; Нахичеванской АССР IV, 252 сл.
- Кресало, из раскопок в Новгороде III, 191; из Хрепельских курганов I, 193.
- Кресты, золотой из г. Двина II, 238; каменные XII—XIII вв. VI, 313—315; медные из Чортова городища IV, 225; из Хрепельских курганов I, 192; с надписью из Боголюбова VI, 309—315; — энколпионы с изображением Бориса и Глеба VIII, 230—232, 241—242. См. также Хачкары.
- Кривая Лука, д. (Иркутская обл.), шаманское изображение из — X, 205, 214.
- Кривинское, с. (Красноярский край), карасукские могильники у — III, 137, 160.
- Кривичи IV, 34 сл., 36, 53 сл.; курганы — I, 247—253; украшения I, 251; IV, 158.
- Крившинские курганы (Рязанская обл.), химический анализ металлических изделий из — II, 200.
- Криничка, м. (Каменец-Подольская обл.), погребения у — X, 65.
- Кроманьонский тип человека II, 202; V, 166 сл., 177, 179—186.
- Кромлехи II, 230; V, 239 сл.
- Круг, изображение — в первобытном искусстве IV, 12, 16 сл.
- Крутобородицы, с. (УССР), Трипольские площадки у — VI, 35.
- Крыжи, д. (БССР), эпилеолитическая стоянка у — V, 84.
- Крым, археологическое обследование — III, 226; — Евпаторийского р-на III, 252; Феодосийского р-на II, 226; V, 302; Южн. берега — III, 267; учет археологических памятников — III, 244; палеолит — см. Палеолит; эпилеолит — см. Эпилеолит; памятники эпохи бронзы в — III, 241; античные памятники сев.-зап. Крыма VI, 107—118; скифские памятники — III, 241, 253; скифо-сарматские городища — III, 253; могильники римского времени юго-западного — VIII, 113—119; памятники римского времени — VII, 121—127; средневековая архитектура в — VI, 205—225. См. также: Ай-Тодор; Ак-мечетское городище; Ак-Топрак; Алушта; Артек; Ат-Баш; Аутка; Бага; Байдарская долина; Бахчисарай; Беляус; Биюк-Мускомия; Верхняя Аутка; Гаспра; Жан-баба; Инкерман; Исарчик; Камышлы; Караджинское; Карасубазарский р-н; Кара-тобе; Кагель; Кореиз; Кучук-Мускомия; Лака; Ласпи; Мачу; Ореанда; Уркуста; Черная, р.; Черкес-Кермен; Чокрак; Чоргунь; Чорна-Терля; Шибан; Эски-Кермен; Яйрчи.
- Крымка, р. (Донбасс), следы палеолитической стоянки на берегу — III, 261.
- Крымская, стан. (Прикубанье), городище у — IV, 270.
- КРЭС, городище (в г. Краснодаре) IV, 266, 272.
- Крюковско-Кушновский могильник (Тамбовская обл.), раскопки — III, 259.
- Крючки рыболовные, эпохи неолита III, 101—112; эпохи неолита Восг. Сибири I, 241 сл.; Кубенинской стоянки V, 35, 44, 56; из Куликовского могильника X, 286; из раковин у полинезийцев III, 110.

- Ксеротермический период Вост. Европы IX, 199—201.
- Ксис (плоский сад), в Риме VII, 203 сл.
- Куанжский хут. (Краснодарский край), могильник у — IV, 265.
- Кубанский хут. (Краснодарский край), городище у — IV, 270; могильник IV, 273.
- Кубенино, с. (Архангельская обл.), неолитическая стоянка III, 11, 20, 21; V, 31—54; VI, 46; IX, 35, 43, 45; кремневые изображения из — X, 91, 108.
- Кугунурская курганная группа (Марийская АССР) IV, 287—288.
- Кудозеро, стоянки близ — IV, 186, 200, 208.
- Кузнецовка, д. (Московская обл.), могильник у — IV, 37, 39, 54, 55.
- Кузнецовские курганы (Московская обл.), раскопки — I, 247—253
- Кузнечиха, р., неолитическая стоянка на — VI, 289—292; IX, 41.
- Кузница, из Дмитровского городища IV, 156, 161.
- Кувьминский могильник (Московская обл.) II, 21 сл., 30, 33, 40 сл.; VI, 85; химический анализ металлических изделий из — II, 200.
- Кузьмиха (на р. Ангаре), неолитическая стоянка I, 240.
- Куйбышев, г., могильник XIV—XV вв. близ — II, 234; могильник на территории дома отдыха в — II, 233; находка монет близ — II, 234; раскопки мордовского могильника близ — III, 258.
- Куйбышевская обл., находка бивня мамонта в — II, 231; памятники неолита в — II, 198; памятники эпохи бронзы в — III, 50.
- Кукрек (Крым), палеолитическая стоянка I, 287.
- Кукса, р. (Верхнее Поволжье), стоянка в устье — V, 102.
- Кукутены (Румыния), неолитическая стоянка I, 68; VI, 40, 42.
- Кула-Журча, ур. (верховья Иртыша), наскальные изображения у — IX, 252, 254, 260, 261, 274, 275.
- Кулайка, гора, шаманское изображение с — X, 211, 214.
- Кулаковский могильник (Рязанская обл.), химический анализ бронзовых изделий из — II, 199.
- Куликовский могильник (Мордовская АССР) X, 270—290.
- Куль-Оба, курган II, 127; IV, 307; VII, 20, 21, 26, 29; X, 173.
- Культы, первобытные II, 120—139; IV, 11, 133—145; V, 36, 43; — быка V, 257, 261; животных X, 158; земледельческие III, 4, 30; — огня IV, 26; погребальные IV, 25 сл.; предков IV 141; соляные II, 126; IV, 23 сл.; V, 257, 262; фаллические IV, 12, 136; см. также шаманские изображения; — Древнего Египта IV, 23, 29 сл.; — древнегреческие VII, 189 сл.; — Геракла VI, 107—118; — эллинистические в Причерноморье VIII, 97—111; — Бориса и Глеба VIII, 225—245.
- Кульчук, д. (Крым), городище III, 253.
- Куня-Ургенч, мазары XII в в — IX, 103.
- Курай, с. (Алтайский край), раскопки курганов у — I, 232, 284; II, 224.
- Курайская степь, раскопки в — I, 282; II, 224; III, 268.
- Курганы, Адыгейской авт. обл. V, 105; X, 161—182; Азербайджанской ССР I, 213; Алтайского края I, 282, 284; II, 217, 224, 241—243; III, 251; Астраханской обл. I, 115—156; Афанасьевские II, 71—94; Брянской обл. III, 121; БССР IV, 42 сл.; Владимирской обл. IV, 44, 45, 46; VI, 240; Воронежской обл. VIII, 9—50; IX, 13—27; Вятские I, 252; II, 37 сл.; IV, 289—299; Горьковской обл. IX, 199—211; Днепропетровской обл. IV, 307; VII, 20 сл.; VIII, 16, 20, 21, 44, 48; Зауралья IX, 231 сл.; Калужской обл. IV, 45, 55, 329; Киевской обл. I, 86, 92, 93—95; IV, 43 сл.; Костромской обл. IV, 46; Красноярского края IX, 47—59; Крыма III, 252, 254; VII, 269 сл.; VIII, 49; Ленинградской обл. IV, 40, 41; Марийской АССР IV, 285—288; Московской обл. I, 247—253; II, 289—299; IV, 56; Новгородской обл. I, 191—193; IV, 40, 56, 59; Одесской обл. V, 239—262; планировка — I, 213; Прикубанья IV, 265, 306; VIII, 24; Приладожья IV, 298; Рязанской обл. IV, 215, 216, 223, 225, 228; Поволжья Нижнего VIII, 73—94; X, 143—159; Сибири Вост. VIII, 289—292; Сибири Зап. IX, 231 сл.; «Северянские» IV, 43 сл.; скифские I, 79—100; IV, 307; VIII, 9—50; IX, 13—27; Смоленской обл. III, 191; IV, 42 сл., 58; Таманского п-а III, 306; Тульской обл. IV, 329; Урала Южн. IV, 334; Харьковской обл. I, 81 сл., 91 сл.; IV 314; IX, 127 сл.; Херсонской обл. I, 98; X, 65; Челябинской обл. IX, 225 сл.; Чкаловской обл. III, 258 См. также: Погребения; Могильники.
- Курдистан, см. Хацар-Мерд.
- Курильница, из «Шахова кургана» IV, 129.
- Курлышевский курган (Рязанская обл.) IV, 216.
- Курманский могильник II, 40 сл.; химический анализ металлических изделий из — II, 199.
- Курово, д. (Брянская обл.), следы палеолитической стоянки у — III, 213; V, 286, 289—290
- Курсай, лог (верховья Иртыша), наскальные изображения в — IX, 252, 253, 273.
- Курская обл., находка кремневых орудий в Валуйском р-не — II, 233.
- Курское городище (Новгородская обл.), раскопки на — I, 187—190.
- Курья, с. (Молотовская обл.), кремневое изображение из стоянки у — X, 98.
- «Кухонные кучи», см. Кьеккенмеддинги.
- Кучук-Мвскомия, д. (Крым), могильник у — VIII, 119.
- Кушманское городище, кости домашних животных из — III, 48.
- Кызыл-Ванк, с. (Нахичеванская АССР), археологические памятники — IV, 249—260.
- Кызыл-Кулаккая (Крым) IX, 299.

- Кьеккенмеддинги I, 52 сл.; II, 228; V, 109.
 Кэп-Флэтс (Южн. Африка), черепа из — IV, 340.
 Кюль-тапа (Армянская ССР), раскопки в — III, 212.
 Кюрь-дере (Абхазская АССР), палеолитическая стоянка — III, 237.
 Кят, город древнего Хорезма VI, 168—170.
- Лаба, р. (Прикубанье), археологическое обследование — IV, 265.
 Лабринты каменные, Беломорья X, 125—142.
 Ладожская, стан. (Краснодарский край), городища №№ 1, 2, 3, 4, 5 у — IV, 269.
 Ладожское, оз., неолитическая стоянка на берегу — V, 199, 203, 204; VI 46, 58; кости домашней собаки из — III, 34.
 Лака, с. (Крым), церковь в — VI, 211.
 Лакелемоновка, д. (Ростовская обл.), находка верхнепалеолитических кремней у — II, 193.
 Лапоноидный тип первобытного человека III, 220.
 Ларс, с. (Грузинская ССР), раскопки могильника в — III, 248.
 Ларчик, деревянный из склепа близ Тиритакки VI, 126—127.
 Ласпи (Крым), раковинные кучи в — V, 93.
 Латен, поля погребальных урн эпохи — X, 54—55; могильники типа — Среднего Приднепровья X 249 сл.
 Лаузицкая культура, см. Лужицкая культура.
 Лауш-губа (Кольский п-ов), стоянка арктического палеолита близ — V, 125.
 Лача, оз., археологическая карта — V, 31; неолитическая стоянка на берегу — VI, 291.
 Лебедь, изображение — в петроглифах Карелии I, 28, 40, 42, 45; III, 5, 9, 10; IV, 20 сл.; из неолитической стоянки в г. Архангельске VI, 291.
 Левка, о., находка античных монет на — VII, 152 сл.; надпись с — IX, 96.
 Левшино, д. (Прикамье), неолитическая стоянка у — I, 255; III, 39, 257; V, 1—30, 230, 234, 237; X, 190.
 Лекеберг (Швеция), изображение ладья в наскальных рисунках — X, 307.
 Лекиф, краснофигурный из Ольвии VII, 318 сл.
 Лелека, городище (Краснодарский край) IV, 267.
 Лена, р., находка бронзовой бляшки скифского типа на верхней — VIII, 285—288.
 Ленинанкан (Армянская ССР), палеонтологические находки в р-не — III, 208.
 Ленинканский музей, см. Музеи.
 Ленинградская обл., неолит в — V, 187 сл.; курганы в — IV, 40 сл.; находка монет в — II, 235; находка орудия из рога лося в — III, 221. См. также: Кингисепп; Красногвардейск; Тудозеро.
 Леоново, д. (Московская обл.), могильник у — IV, 38
 Лепесовка, с. (Кременецкая обл.), раскопки у — X, 64, 72.
- Летний берег (Беломорское побережье), археологические памятники — IV, 185 сл.
 Летняя Золотица, р., стоянка на берегу — IV, 195, 198, 200.
 Лечкоп, с. (Грузинская ССР), палеолитическое местонахождение у — III, 238; находка бронзового топора в — II, 237.
 Ливны, г., находка каменного топора в — II, 233.
 Лидия, культ Сабазия в — VIII, 105.
 Лизвинцы, с. (Киевская обл.), погребение у — X, 56.
 Липки, с. (Владимирская обл.), стоянка у — II, 108; керамика из — IX, 218; X, 233.
 Литейные формы, из Куликовского могильника X, 281.
 Литовская ССР, погребения Черняховской культуры в — X, 68; см. также Козаровка.
 Лихачевский могильник (Калининская обл.) II, 19—37.
 Ловкота, р. (Архангельская обл.), стоянка на — IV, 195, 200.
 Ловушки, рыболовные II, 61—66; X, 137—140.
 Лог-наволоок, мыс (Кольский п-ов), стоянка арктического палеолита близ — V, 125.
 Лодка, в египетском искусстве IV, 23 сл.; в древне-греческом искусстве IV, 25; в наскальных изображениях Карелии I, 28; IV, 23 сл., 27; на гребне из Псковского городища X, 307, 308.
 Ложка, деревянная из Горбуновского торфяника IV, 137; с звериными головами III, 12; из Подчеремского клада II, 132—137; костяные из Сале-Харда I, 278; III, 239; из кургана в ур. «Три брата» I, 138.
 Ломоватовская культура X, 183.
 Лопшеньга (Архангельская обл.), стоянка в — IV, 195—200; IX, 36.
 Лоссель (Франция), женские изображения из палеолитической стоянки — III, 13.
 Лошадь, в охоте палеолита и неолита III, 37; приручение — III, 37. См. также Конь.
 Лубны, г., погребение у — X, 55.
 Лубянского городище (Рязанская обл.) IV, 213, 217.
 Луга, р., курганы по — IV, 40 сл.; кремневые изображения из окрестностей — X, 98.
 Луда, пос. (Архангельская обл.), находка нуклеуса в — IV, 195, 200.
 Лужицкая культура X, 68; жилища — IX, 69.
 Лук, в эпоху эппалеолита III, 97; из могильника Ильмовой пади VIII, 62; из кургана у с. Курай I, 282; из Середкинского могильника I, 236; из кургана в ур. «Три брата» I, 137, 155.
 Лукаши, с. (УССР), Трипольские площадки у — VI, 35.
 Лунницы, из неолитической стоянки «Мартышкин остров» X, 123; из славянских курганов IV, 42; из кургана в ур. «Три брата» I, 145, 146; из Хрепельских курганов I, 192.
 Луристанские бронзы II, 207, 208.

- Львовозеро, стоянка на берегу — IV, 188.
 Лыковское селище (Рязанская обл.) I, 2, 3; IV, 234.
 Лысая гора (Краснодарский край), находка серебряного грифона на — IV, 305.
 Льялово, с. (Московская обл.), неолитическая стоянка у — I, 54, 56, 63, 69; III, 35, 205; IX, 29.
 Льяловская культура IX, 29—32, 37.
 Лячки, из Куликовского могильника X, 284.
 Люблино, ст. (Московская обл.), находка костей мамонта у — II, 231.
 Любоши, с. (Брянская обл.), находка костей мамонта в — II, 232.
 Люленьга, р. (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 195, 200; V, 54.
 Лявля, р., стоянка в устье — IV, 185.
 Лягалинская неолитическая стоянка III, 79.
 Ля-Граветт, пластины типа — из Сев. Африки IV, 338.
 Лядинский могильник (Тамбовская обл.) II, 40 сл., 53; IV, 244, 247; X, 271, 274, 279, 280, 283.
 Ляды, ст. (Молотовская обл.), городище у — X, 184—190.
 Ля-Шапель (Франция), череп из — IV, 337.
 Мавзолей, близ Дманиси VI, 276—277. См. также: Мерв, мавзолей; Нариджан-баба; Пир-Гусейн; Самарканд, мавзолей.
 Магия, первобытная IV, 133 сл., 141; X, 140—141; в наскальных изображениях — I, 27; III, 15 сл.; охотничья III, 17 сл.; VI, 61.
 Маглемозе II, 228; III, 222; V, 147.
 Мадлен, эпоха — в Брянской обл. V, 286 сл.; в Воронежской обл. V, 281 сл.; искусство эпохи — III, 6, 20, 22, 27; эпоха — на Кавказе III, 57—75; кремневый инвентарь эпохи — III, 84, 92; эпоха — в Швейцарии III, 93.
 Мадлона, р., кремневое изображение с — X, 91, 107, 108, 123.
 Мазары, в Куля-Ургенче IX, 103.
 Мазепинцы, с. (Киевская обл.), находки у — X, 62.
 Мазурка, с. (Воронежская обл.), скифский курган у — VIII, 10.
 Май, ст. (на р. Амуре), петроглифы у — I, 277.
 Майа (племя), история — I, 298; изображения божеств — X, 120, 121; культура — I, 295, 297, 300; социальная организация — I, 300.
 Майда, р. (Архангельская обл.), стоянка на берегу — IV, 173, 200.
 Майкопский курган X, 161, 163—166, 176—178, 181; орудия геометрических очертаний из — V, 105.
 Майнакское оз. (Крым), рельеф Геракла из раскопок в — VI, 111 сл., 307.
 Макарьево, д. (Вост. Сибирь), наскальные изображения у — IV, 322.
 Маклаковские курганы (Рязанская обл.) IV, 236.
 Маклаковское городище (Рязанская обл.) IV, 165, 236.
 Макри-Мале, грот (Крым) V, 301.
 Макролиты V, 147, 275—277, 293.
 Максимовский могильник (Владимирская обл.), II, 40 сл.; IV, 244, 247.
 Малинище, селище (Рязанская обл.) IV, 233.
 Малмин, неолитическая стоянка у — III, 10.
 Мал-муз (Крым), погребения в каменных ящиках из кургана — VII, 171.
 Малое Окулово, д. (Владимирская обл.), неолитическая стоянка у — I, 54, 56, 63, 69; IX, 29; курганный могильник у — II, 108; IX, 199—211.
 Малые Будки, с. (Полтавская обл.), курган у — IX, 126.
 Малые Отары (Татарская АССР) кости домашних животных из стоянки у — III, 40.
 Малый Бор, керамика из стоянки — X, 232.
 Малый Кас, р., шаманское изображение с — X, 208, 209, 214.
 Малый Серт, р. (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 195—200.
 Малый Удой, д. (Ленинградская обл.), курган у — IV, 40.
 Малышковский могильник (Костромская обл.) IX, 213.
 Мальта, палеолитическая стоянка I, 216, 286; II, 8, 9, 124; IV, 63, 77, 319; V, 290, 297.
 Мамонт, кости — из стоянки Боршево II, V, 282, 283; из Брянской обл. II, 232; III, 216; с р. Вологды II, 232; из Гонцовской стоянки V, 90, 91; из Днепропетровской обл. II, 235; из стоянки Елисеевичи V, 84; из Зап.-Казахстанской обл. II, 232; из Кинешемского р-на II, 231; с р. Колымы II, 239; из Куйбышевской обл. II, 231; из Московской обл. II, 231; из стоянки Пушкири IX, 177, 180; у пос. Селище (в долине р. Судости) III, 216; из р-на г. Тагила II, 232; из Тюменской обл. II, 238, 239; у д. Юдиново III, 213; пластинка из бивня — из стоянки Елисеевичи V, 286.
 Мамонтова пещера (Польша) III, 197.
 Манаби (Эквадор), материальная культура в — III, 229.
 Манасия, миниатюры болгарской рукописи летописи — VI, 242.
 Мангуп (Крым) IX, 293; базилика в — VI, 205—225.
 Манданы, жилище у — IX, 226.
 Манзурка, р. (Прибайкалье), бронзовая бляшка из долины — VIII, 285—288.
 Мануврие, метод — в антропологии V, 180.
 Манси III, 255, 256.
 Мануйловка, с. (Полтавская обл.), погребение у — X, 55, 70.
 Маныч, р., курганы в дол. — IV, 93—131.
 Манюково, с. (Брянская обл.), находка рога лося в — II, 232.
 Маратовское предместье (Вост. Сибирь), находка костей мамонта в — II, 239.
 Мари (народность), антропологический тип III, 220; могильники — IV, 279 сл.
 Марийская АССР, археологические разведки в — IV, 279—284, 285—288; могильники XVII—XVIII вв. в — III, 167—176.
 Мариупольский могильник (Сталинская обл.) V, 105; IX, 45.

- Маркур, д. (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Марта, р. (Крым), дольмены по течению — VIII, 113.
- Мартышкин остров, оз., неолитическая стоянка на — X, 123
- Маслобойный жом, из раскопок в Новгороде III, 185.
- Маслово, с. (Киевская обл.), могильник у — X, 62, 72.
- Маслодельня, Татевского монастыря IX, 322—324.
- Марьяновка, д. (Ровенская обл.), палеолитическое местонахождение у — III, 197.
- Массандра (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Мастерская, крупных кварцитовых орудий на р. Деркуле V, 293, 297; — литейная из Дмитровского городища IV, 157; — стеклянных браслетов под Киевом IV, 161.
- Мастюгино, с. (Воронежская обл.), скифские погребения у — VIII, 10, 14, 24, 36, 44, 48.
- Матвеев курган, ст. (Ростовская обл.), находка эолитоподобных кремней у — II, 193.
- Матриархат III, 28—32; IV, 31.
- Матрицы VI, 251—254.
- Матронинское городище (Киевская обл.) IX, 133.
- Матуки, о. (Меланезия), рыболовные крючки с — III, 103, 112.
- Махшевская, стан., курган у — X, 180.
- Маяцкое городище (Воронежская обл.) VI, 142, 154—159; VIII, 137.
- Мачеха, с. (Полтавская обл.), кувшины из — X, 68.
- Мачу, ур. (Крым), остатки древней стены в — V, 300.
- Машук, гора, поселение эпохи бронзы в р-не — IV, 81.
- Мгвимеви (Грузинская ССР), пещерные навесы — III, 57—75.
- Мегалиты, в Армянской ССР III, 206; Сев. Кавказа III, 227; УССР V, 262; Зап. Европы I, 10.
- Мегра, р., стоянка на берегу — IV, 173, 200.
- Медальоны, римские X, 247—248, 318—320; из славянских курганов IV, 42.
- Медвежье, с. (Полтавская обл.), городище у — IX, 121—123.
- Межигорский клад (Киевская обл.) III, 121.
- Межиречье (Московская обл.), могильник у — X, 249.
- Мезин (Черниговская обл.), палеолитическая стоянка II, 219; V, 73, 76; IX, 165 сл.; фауна — V, 152—155.
- Мезолит, в Крыму I, 285; в Африке IV, 338. См. также Азильско-тарденуазская эпоха.
- Мексика, археологическая карта — I, 301; археологическая коллекция из — V, 305; археологические исследования в — I, 291; III, 229; кремневые изображения из — X, 119; история — I, 296.
- Меланезийцы III, 26.
- Меланезия III, 103, 112.
- Мельгуновский клад X, 174.
- Мельгуновский курган (Херсонская обл.) I, 98.
- Мельницы, ручные из Елизаветинского городища I, 177; из кургана у с. Курай I, 282.
- Мен, бог VIII, 98, 99.
- Мерв, г., мавзолей султана Санджар в — IX, 116—118; мечеть Талхатан-Баба в — IX, 102.
- Меря IV, 44.
- Месопотамия, см. Балиса.
- Металлические изделия, из Дмитровского городища IV, 158 сл.; из Ольвии VII, 305; химический анализ — II, 199—200.
- Металлургия древняя, Кавказа II, 208; по материалам Дмитровского городища IV, 164.
- Метро, раскопки на трассе — второй очереди III, 259.
- Мечети, г. Дербента VIII, 127 сл., 141—143; Старой Бухары III, 270. См. также: Мерв, мечеть, Самарканд, мечеть.
- Мечи, из Елизаветинского городища I, 185; из Пашковского могильника I, 159; из сарматских погребений Нижнего Поволжья VIII, 75, 76; из кургана в ур. «Три брата» I, 149, 154; из могильника «Частые курганы» VIII, 23, 24, 26
- Мещера, в дофеодалный период IV, 45.
- Мещерское, с. (Московская обл.), курганные погребения у — IV, 56.
- Миграционные теории I, 21, 24, 69, 81 сл., 292; II, 5 сл.; III, 95, 98.
- Мидаштешкере, навес (Крым) V, 300.
- Микролиты, Вост. Европы III, 93, 94, 96; V, 147—148; Грузинской ССР III, 67; Донбасса II, 195—198; Изюмщины V, 275—277, 293—297; Крыма I, 206; III, 252; V, 96, 170, Нижнего Поволжья V, 105; на Самарских дюнах I, 111. Уртуйской стоянки на р. Амуре I, 105 сл.
- Микряковский могильник (Марийская АССР) IV, 279.
- Миленка, д. (Тульская обл.), городище у — IV, 329
- Милет, связь — с Ольвией VII, 313.
- Мингрелия, палеолит в — V, 302—303.
- Миниатюра, болгарской рукописи Манасия VI, 242; древне-русская VIII, 225 сл.; Радзивиловской летописи VI, 243; «Слова Ипполита о Христе и об Антихристе» VIII, 225.
- Минск, г., курганы в р-не — IV, 43.
- Минская область, поля погребальных урн в — X, 64.
- Минусинский край, андроновские памятники в — IX, 47—59; карасукские могилы в — III, 137 сл.
- Мирмекий VII, 264; винодельня из — VII, 53 сл.; раскопки в — II, 223; III, 241, 266; рыбозасолочные ванны из — VII, 98—105; терракотовая голсвка из — VII, 284—287; фрагмент расписного кувшина из — VII, 142, 146.
- Мисхор (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Митра, культ — VIII, 98 сл.
- Митяево, с. (Московская обл.), литейные формы из погребения близ — I, 192.

- Михайлов, г., остатки — IV, 216.
- Михайловка, с. (Киевская обл.), находки у — X, 62.
- Михеевский могильник (Московская обл.) II, 32.
- МОГАИМК, см. Государственная Академия истории материальной культуры, Московское отделение.
- Могилевская область, неолитическая стоянка в — IV, 314; поля погребальных урн в — X, 64.
- Могильники, Адыгейской авт. обл. IV, 273; Алтайского края VIII, 287, 289—292; IX, 47; Архангельской обл. IX, 26; Астраханской обл. VIII, 73 сл.; Бурят-Монгольской АССР VII, 51—66, 69—72; Владимирской обл. II, 35, 40 сл., 52, 54, 108; IV, 244, 247; IX, 199—211; Ворожежской обл. VIII, 9—50; IX, 13—27, 121, 122, 124, 130; Горьковской обл. II, 45; VI, 60; Ивановской обл. III, 257, 300; Иркутской обл. IV, 321, 322; Казахской ССР III, 138; Калининской обл. II, 19—37, 40 сл.; Киевской обл. I, 86 сл., 97; X, 249 сл.; Костромской обл. II, 13, 30, 32; IX, 213—219; Краснодарского края I, 162, 182; III, 263; IV, 265 сл., 272—274; IX, 53—57; Красноярского края II, 78, 82, 84, 88, 90; III, 137, 147—152, 160, 161, 164; Крыма VIII, 113—119; IX, 288—290; Куйбышевской обл. II, 233—243; III, 250; Марийской АССР III, 167—176; IV, 279—284; Мордовской АССР III, 258; IV, 56—57; X, 271—290; Монгольской народной республики VIII, 51—53, 59, 62—65; Московской обл. II, 21, 30, 31, 40 сл.; III, 118; IV, 37 сл., 54—55, 248, 300 сл.; на Оленьем о. VI, 46—61; Прикамья I, 248; II, 118, 127; III, 43; X, 200—202; Ростовской обл. VI, 142, 154—159; VIII, 137; Рязанско-Окские II, 19, 22, 30, 31, 40 сл., 52, 199; IV, 47, 59, 212, 230, 240, 248; IX, 62; Саратовской обл. I, 90; II, 45 сл.; Сев. Кавказа I, 280; III, 248, 250; Сибири Вост. I, 215; IV, 309, 319, 320; VIII, 289—292; Смоленской обл. IV, 293, 298, 299; Сталинской обл. V, 105; IX, 45; Тамбовской обл. II, 40, 53; III, 259; IV, 244, 247; X, 271, 279, 280, 283; Татарской АССР II, 95—110; I, 41, 43, 44; IV, 247; Удмуртской АССР IV, 239—248; Хакасской авт. обл. IV, 324—326; Харьковской обл. I, 281; VI, 156, 157, 163; Чувашской АССР II, 301; III, 40, 41, 170; VI, 63—87. См. также: Курганы; Погребения.
- Моздок, г., случайные находки близ — II, 237; могильник в — X, 176, 178; черепа из кургана в окрестностях — IV, 70, 74, 75, 84.
- Мокиевка, с. (Киевская обл.), скифские пояса из кургана у — VII, 27 сл.
- Мокша IV, 59.
- Мола Ремигия (Испания), рисунки эпохи мадлен в — III, 20.
- Молдавская ССР, поля погребальных урн в — X, 53 сл. См. также: Петрены, Пуркары.
- Молотовская область, см. Прикамье.
- Молоток, железный, из Владимирских курганов I, 189; из Курского городища I, 189; каменные — III, 8 сл.
- Монастырище, городище (Полтавская обл.) IX, 121—124, 128, 134.
- Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова VIII, 51, 63.
- Монгольская народная республика, могильник Ноин-Ула в — VIII, 51 сл., 62 сл.
- Монеты, арабские IV, 330; арабские из Большого Боршевского городища IX, 129; арабские с Сев. Кавказа I, 281; аршакидские из Азербайджана VI, 296; византийские из Дманиси VI, 280; грузинские из Дманиси VI, 280; золотоордынские IV, 229; золотые из Агаяни V, 268, 270; знаки собственности на княжеских — VI, 235 сл.; монгольские из Дманиси VI, 280; русские из раскопок в Новгороде III, 192; IX, 145; русские XVIII—XIX вв. из Дмитровского городища IV, 152; пантикапейские из Елизаветинского городища I, 172, 179; римские из Киева X, 242—249, 252—254; случайные находки — II, 233—236. См. также Колхидки.
- Монок, д. (Красноярский край), орудия эпохи палеолита из — X, 75.
- Монте-Бего, гора (Италия), наскальные изображения — I, 10.
- Монтеспан (Франция), кремневый инвентарь пещеры — III, 69.
- Мордва IV, 45, 49, 56, 57; одежда у — IV, 59.
- Мордовская АССР, следы палеолита в — III, 257; могильники — I, 117; III, 56; VIII, 77; X, 271—290; крепости XVI—XVII вв. в — II, 234.
- Москва, курганы в р-не — IV, 45; раскопки в — III, 259, 260.
- Московская область, неолит в — I, 54 сл.; III, 35; IX, 29; городища в — III, 113 сл., 117; VIII, 293; IX, 62, 63, 130; курганы в — I, 247—253; II, 40 сл., III, 118; IV, 35 сл., 56, 248, 289—299; могильники в — II, 21 сл., 30, 33, 40 сл.; III, 118; IV, 37 сл.; VI, 85; находка костей мамонта в — II, 231; памятники фатьяновской культуры в — II, 21; IV, 300—304. См. также: Аршибашеро; Богоявление; Бочарово; Давыдкино; Дьяково; Железницкий клад; Зарайск; Коломенское; Коломна; Митяево; Ясниковское.
- Мотыги, из стоянки Боршево II, V, 283; — из бивня мамонта из стоянки Костенки I, V, 280; роговая из Усатовских курганов V, 242, 244, 256; роговая, найденная в Ленинградской обл. III 221—222; из могильников фатьяновской культуры II, 31 сл.; из Сале-Харда I, 277; из Куликовского могильника X, 277, 284; позднесредневекового Херсонеса VII, 236.
- Мохенджо Даро (Индия), раскопки в — II, 206—207; глиняная модель арбы из — X, 156.
- Мохов улус (Хакасская авт. обл.), карасукские памятники у — III, 137, 161.
- Моцаметский монастырь (Грузинская ССР), пещера близ — III, 73.

- Мочильское городище (Рязанская обл.) IV, 215.
- Мошинское городище (верховье р. Оки) III, 121; клад на — VI, 234; X, 233.
- Мстино, оз., кремневые изображения с — X, 92, 102, 103, 106, 109, 110.
- Муг, гора (Таджикская ССР), раскопки на — II, 212; согдийские документы из раскопок на — VI, 182.
- Муджен (Португалия), погребения из — V, 176.
- Музей, Музей антропологии и этнографии АН СССР, археологические экспедиции I, 35, 171, 195, 275, 278, 285; III, 57, 74, 241, 257, 262, 263, 267, 268; V, 302—303; коллекции I, 171, 228, 286, 287; II, 61; III, 79, 101, 221; IV, 279; V, 3, 93, 305; Государственный музей Армении, коллекции — VI, 89; Воронежский обл. музей, коллекции VIII, 12; Зарайский краевой музей, коллекции IV, 299; Ивановский музей, коллекции IV, 300; Государственный музей изобразительных искусств, коллекции и экспедиции VII, 247, 257; Иркутский музей, археологические экспедиции I, 215; IV, 319, 322; коллекции I, 222, 223, 230; Гос. Исторический музей, археологические экспедиции I, 280, 282; III, 179 сл., 241, 242, 260, 261, 264, 266; IV, 18, 133 сл., 144, 198; V, 31, 88; IX, 138, 139, 149, 155; коллекции I, 81, 189, 193; III, 79, 95, 208; IV, 138, 144, 176, 185, 188, 192, 198, 324; V, 1, 31, 52; VI, 304; Каргопольский музей, коллекции III, 176; Керченский археологический музей VI, 120; коллекции VII, 187; раскопки III, 241; Костромской Государственный музей, раскопки IX, 214; Краснодарский музей, коллекции IV, 265—VII, 24; раскопки VII, 258—266; Ленинанканский музей, коллекции III, 208; Музей Марийской АССР, коллекции III, 176; Гос. музей им. Мартыанова в Минусинске, археологические экспедиции II, 71 сл.; III, 139; Моршанский историко-археологический музей, раскопки III, 259; Нахичеванский музей, коллекции VII, 140 сл.; Николаевский музей, коллекции VII, 140 сл.; Новгородский Государственный музей, раскопки I, 279; IX, 138 сл., 149, 156—165; Одесский Историко-археологический музей, коллекции VI, 109; VII, 141 сл.; раскопки V, 239 сл.; IX, 80; Пермский Государственный музей, коллекции I, 3; III, 127 сл.; Псковский Государственный музей, раскопки IV, 327; Пятигорский музей, черепа из IV, 70; Рязанский Средне-Окский музей II, 199; коллекции IV, 24 сл., 211, 227, 230, 238; Самаркандский обл. музей X, 316; Свердловский Гос. музей, коллекции IV, 138, 140; V, 3; Северный обл. музей в г. Архангельске, коллекции IV, 181, 185, 188, 191, 192, 195; Скопинский музей IV, 237; Тагильский музей, коллекции IV, 137; Ташкентский музей, коллекции X, 311; Таманский музей, коллекции VII, 142; Центр. музей Та-тарской АССР, коллекции IV, 160; Центр. Историч. музей УССР, коллекции X, 318 сл.; Херсонесский музей, нумизматические коллекции VII, 326—329; Чердынский музей, топорик — X, 310; Государственный Этнографический музей, экспедиции III, 209. См. также Эрмитаж.
- Музей Марийской АССР, см. Музей.
- Музейное дело, история — в России IV, 314.
- Муллеруп (Дания) X, 145.
- Мулянка, р., см.: Верхняя Мулянка; Нижняя Мулянка.
- Муранский могильник X, 274, 279, 280.
- Мурзак-коба (Крым), палеолитическая стоянка V, 159—177, 179—186, 301.
- Мурома (племя), украшения у — IV, 45.
- Мустье, эпоха — в Абхазии II, 191—192, 220; III, 237, 263; в БССР III, 197; в Краснодарском крае V, 302—303; в Крыму I, 286; II, 217; V, 272, 302; Узбекской ССР VI, 5—18; в УССР II, 219.
- Муханнат-тапа (Армянская ССР), раскопки в — III, 212.
- Михет, случайные находки в — II, 237.
- Мухоршибирская писаница (Бурят-Монгольская АССР) III, 268.
- Мызчинское селище (Рязанская обл.) IV, 235.
- Мыс, с. (Челябинская обл.), курган у — IX, 233—235.
- Навалишенская пещера (Краснодарский край) V, 303.
- Навершия, скифские X, 221—223.
- Навкратис VII, 310, 312.
- Нагорно-Карабахская авт. обл., археологические памятники — IV, 249 сл.; случайные находки древностей — II, 237.
- Надгробия, поздне-эллинистические из Боспора VII, 31—43; римского времени из Херсонеса VII, 107—120.
- Надписи, орхонские II, 224, 237; пехлевийские древнего Дербента VIII, 131 сл.; рунические V, 36, 55; IX, 85, 86. См. также Эпиграфика.
- Наконечники стрел, см. Стрелы наконечники.
- Накосники, см. Косники.
- Нальчик, г., находка бронзового топора в районе — II, 236.
- Наохвamu (Абхазская АССР), древнее поселение III, 252.
- Нариджан-баба, мавзолей (Туркменская ССР) VI, 182, 188; раскопки близ — VI, 182, 186.
- Нарым, г., шаманское изображение, найденное ниже — X, 210, 214.
- Наскальные изображения, в долине р. Амуре I, 277; III, 328; Восточной Сибири IV, 322; IX, 251—281; Грузинской ССР III, 57—75; Онежского оз. и Белого моря I, 9—50; III, 3—32, 238, 257; IV, 11; V, 190; Западной Европы I, 10; Скандинавии I, 10—12; III, 3 сл.; IV, 12 сл.; X, 308. См. также: Графика; Писаницы.
- Нахвальное, с. (Красноярский край), находка костей мамонта у — II, 239.

- Нахичеванская АССР, археологические памятники — IV, 249—262.
- Нахичеванский музей, см. Музеи.
- Нацхвара, гора (Грузинская ССР), археологические раскопки у — V, 264—268.
- Неандертальский человек II, 202; IV, 63, 67—69, 73, 85, 86, 87, 88; следы — на р. Каче III, 266; из стоянки Киик-коба I, 286; в Узбекистане VI, 5—18; из Вост. Африки IV, 337.
- Неаполис (Крым) IX, 298.
- Небугское, с. (Краснодарский край), могильник у — I, 162.
- Невон (на р. Ангаре), шаманское изображение, найденное близ — X, 203—204, 214.
- Невры, у Геродота IX, 84.
- Негежма, р. (Ленинградская обл.), неолитическая стоянка на — V, 187, 199, 204, 206.
- Негроидная раса IV, 340.
- Недвиговка, с. (Ростовская обл.), изображение Афродиты на бляшках из — VI, 300—301.
- Нежинский, пос. (Чкаловская обл.), погребения у — VIII, 75.
- Некрасово, д. (Верхнее Поволжье), стоянка у — V, 104.
- Некрасовская, стан. (Краснодарский край), городище у — IV, 270.
- Некрологи: В. Е. Данилевич III, 313—315. Н. Я. Марр IV, 5—8; Г. Ф. Осборн II, 201—202; М. Савиль III, 229; А. А. Спицын X, 9—11.
- Немировское городище (Винницкая обл.), X, 65.
- Ненокса, пос. (Архангельская обл.), стоянки близ — IV, 187, 188; IX, 38.
- Неолит, антропологический тип человека в — III, 218; IX, 32; искусство — см. Искусство; керамика — см. Керамика; культы — IV, 11 сл.; охота в — III, 37; письменность в — V, 36, 55; приручение животных в — III, 34 сл.; — в долине р. Амура I, 275; III, 238; Белорусской ССР IV, 314; Владимирской обл. I, 54, 56, 63, 69; V, 304; IX, 29, 35; в г. Воронеже IV, 308; X, 291 сл.; Волго-Окского междуречья III, 92; Ворошиловской обл. II, 195—198; Грузинской ССР III, 63; Калининской обл. III, 217; Калужской обл. IV, 329; Карело-Финской ССР I, 9—50; III, 110, 239; IV, 11 сл.; V, 204; VI, 46—61; Кировской обл. II, 61—70; Куйбышевской обл. II, 198; Ленинградской обл. V, 187—228; лесной зоны европ. части РСФСР I, 52 сл.; Прикамья I, 255—269; II, 223; V, 1—30, 230—238; Рязанской обл. IV, 237—238; на Сахалине I, 273; Севера европ. части СССР IV, 169—209; V, 31—54, 187—204, 206—214, 215—229; VI, 289—292; IX, 29—35; X, 85—123; Сибири I, 215—244; III, 107 сл.; IV, 319—320; Африки IV, 338; Китая I, 277; Польши III, 79; Скандинавии I, 9; III, 3 сл.; Финляндии I, 21; III, 28; Японии I, 277
- Неолит, арктический, см. Арктический неолит.
- Неса, городище (Туркменская ССР) II, 209, 210; III, 270.
- Нижне-Герасимовский хутор (Ворошилово-градская обл.), мастерская крупных кварцитовых орудий у — V, 293—297.
- Нижне-Середкино, д. (долина р. Ангары), неолитический могильник у — I, 227, 228, 236.
- Нижние Гари, д. (Прикамье), селище у — I, 257.
- Нижние Каралезы, д. (Крым), могильник у — VIII, 114—118.
- Нижний Кобан, с. (Сев.-Осетинская АССР), могильник у — III, 250.
- Нижний палеолит, см. Палеолит нижний.
- Нижний Санджар (Полтавская обл.), курган X, 67.
- Нижняя Кудьма, р. (Архангельская обл.), стоянка на берегу — IV, 186.
- Нижняя Мулянка, р., поселения в бассейне — X, 198.
- Николаевка, хут. (Поднепровье), могильник у — X, 67, 72.
- Николаевский музей, см. Музеи.
- Никола-Перевоз, неолитическая стоянка — IX, 42.
- Никольская тонь (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 185, 209.
- Никополь, г., раскопки скифских курганов у — III, 262.
- Ниневия IV, 261.
- Нихавенд (Иран), раскопки в — II, 205.
- Новгород, археологическое изучение — IX, 137—167; гончарные клейма из раскопок в — VIII, 293; раскопки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря VIII, 175—222; IX, 165—166; в южной части Детинца IX, 156—165; на Рюриковом городище I, 279; III, 261; IX, 145—148; на Славне III, 179—193; IX, 138—145; на территории Ярославова дворища IX, 149—156; церковь Григория в Хутынском монастыре VIII, 300—305.
- Новгородская земля в X—IX вв. IV, 41 сл., 58; VI, 240 сл.
- Новгородская область, курганы в — I, 191—193; IV, 40, 42; городища — I, 187—190, 279.
- Новгородский Государственный музей, см. Музеи.
- Новгород-Северск, четвертичная фауна стоянки в — V, 71, 76, 152, 153, 154.
- Новгород-Северское княжество IV, 43, 46, 59.
- Новленский могильник (Владимирская обл.) II, 52 сл.
- Ново-Грековка, с. (Сев. Кавказ), находка железного топорика в — II, 236.
- Новоджерелиевская, стан. (Краснодарский край), городища № 1, 2, 3, 4, 5 — IV, 271; могильник № 1 и 2 у — IV, 273.
- Новое Колено, с. (Ленинградская обл.), находка поделки из рога лося в — III, 221.
- Новолабинская, стан. (Краснодарский край), городище № 1 и 2 у — IV, 270.
- Ново-Михайловка, с. (Краснодарский край), древнее погребение в — II, 236.

- Ново-Никольская курганная группа (Рязанская обл.) IV, 223.
- Новоселово, д. (Красноярский край), могильник у — IX, 53, 57.
- Новосибирск, г., находка зуба мамонта близ — II, 239.
- Новые Бобовичи, д. (БССР), палеслитическая стоянка в — V, 86.
- Новый Бжегокай, аул (Адыгейская авт. обл.), могильник у — IV 273.
- Ногликовская неолитическая стоянка (Вост. Сахалин) I, 273.
- Нож, ножи, кремневые из стоянки Елин Бор III, 88; из Кубенинской стоянки V, 46, 59; из погребения в долине р. Маныча IV, 124; — медные, из катакомбных погребений V, 26; из Левшинской стоянки V, 13, 26; из кургана в долине р. Маныча IV, 109; из ямных погребений V, 26; — бронзовый, из Мало-Окуловского могильника IX, 208—209, 211; — железные, из Куликовского могильника X, 284; из Дмитровского городища IV, 188; из Марийских могильников III, 168, 171, 173; из Хрепельских курганов I, 192; из могильника «Частые курганы» VIII, 15, 17, 21, 28, 30, 34—37.
- Ножевидные пластины, из стоянки Елин Бор III, 87, 88; из стоянки Кубенино V, 35; из Левшинской стоянки V, 22; из стоянки Чулатово V, 75.
- Ножницы, из Куликовского могильника X, 277, 284; из кургана в ур. «Три брата» I, 150.
- Ноин-Ула (Монгольская Народная республика), могильник — VIII, 51—53, 59, 62—65; ткани из — VIII, 69 сл.
- Норвегия, арктический неолит в — V, 107, 110; неолит в — III, 103; каменные лабиринты в — X, 125.
- Нохой, падь (Вост. Сибирь), древнее погребение в — IV, 321.
- Нуклеидные орудия, из стоянки Елин Бор III, 86; из палеолитических стоянок Грузии III, 73.
- Нуклеусы, из стоянки Боршево II, V, 284—285; из стоянки Елин Бор III, 83, 87, 88; из стоянки Кубенино V, 48, 60; из Левшинской стоянки V, 22; из Мгвимеви III, 63 сл.; из стоянки Мурзак-коба V, 166, 167; из грота Тешик-таш VI, 10 сл.; из Уртуйской стоянки I, 106 сл.; из стоянки Чулатово V, 75.
- Нумизматика, античных колоний Причерноморья VII, 152—160, 326—329; древнегреческая V, 304—306; римская X, 242—249, 252—254, 318—321; русская IV, 314; славянская VI, 230 сл.; волжских болгар X, 266—267; средневекового Херсонеса VII, 326—329. См. также Монеты.
- Нюрса, р. (Томская обл.), городища по — II, 240.
- Няшебожское, с. (Коми АССР), находка молота с звериной головой из — III, 8.
- Оберкассель (Германия), скелеты из — V, 183; череп из — IV, 338.
- Оболонский клад (Киев) X, 243—244.
- Обряд погребальный, Картуновского могильника IV, 282; «на столбах на пугах» IV, 56; у славян IV, 33 сл.; у финнов VI, 44; Усатовских курганов V, 254 сл.; эпохи неолита Америки IV, 320. См. также Погребения.
- Овинцы, д. (Костромская обл.), керамика из стоянки у — IX, 218.
- Оглан-кала (Нахичеванская АССР), циклопическая крепость IV, 252 сл., 259.
- Огниво, из Куликовского могильника X, 278, 284.
- Огубское городище (Московская обл.) X, 233; наконечники стрел из — I, 118; керамика из — III, 121.
- Огуз, с. (Днепропетровская обл.), скифские пояса из кургана у — VII, 27 сл.
- Одесская область, раскопки у с. Усатова — I, 288; V, 239—262; VI, 43.
- Одесский историко-археологический музей, см. Музеи.
- Одесское общество истории и древностей, разведки на о. Левке VII, 152 сл.
- Одиночный курган (Рязанская обл.) IV, 215.
- Ожерелье, из славянских курганов IV, 38, 43, 58; стеклянные из могильника Бигер-Шай IV, 245.
- Озаринцы, с. (Винницкая обл.), трипольские площадки у — VI, 39.
- Озерко, становище (Кольский п-ов) стоянка арктического палеолита в — V, 116—117.
- Озирис IV, 23, 28.
- Ойбурчук, д. (Крым), раскопки кургана сарматского времени у — III, 254.
- Ой-ли, м. (Крым), стоянка эпохи бронзы в — III, 252.
- Ойротская авт. обл., раскопки курганов в Курайской степи III, 268.
- Ока, р., археологическое обследование среднего течения — IV, 211—238; памятники свидерской стадии III, 77—98; рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины — II, 61—70; курганы бассейна верховьев — IV, 37 сл.; могильники — IV, 240—244, 248.
- Океания, техника гончарства у племен — I, 62.
- Океник, пещера (Польша), палеолитическая стоянка в — III, 197.
- Оковки, деревянных сосудов из могильника «Частые курганы» VIII, 15, 16, 20, 22, 24, 25, 26.
- Оксфорд, г., скульптура Геракла со львом из музея в — VII, 190.
- Окунев улус (Красноярский край), погребения кургана близ — IX, 47—59.
- Олдуэ (Вост. Африка), палесантропологические находки в — IV, 336.
- Оленеводство IV, 31.
- Олений остров (Онежское оз.), неолитический могильник на — VI, 46—61; IX 35.
- Олень, находка костей исполнинского — у д. Ясниковское III, 199; в наскальных изображениях IV, 21 сл.; изображение — на сосуде из III Разменного кургана X, 166—175; приручение — III, 53.
- Олиф, терракоты из — VII, 287.
- Ольвия IX, 80; водоснабжение — VII, 129—139; городские кварталы сев.-вост. части Верхнего городища — VII, 292—305; керамика краснофигурная из — VII, 318—324, керамика расписная — VII,

- 143 сл.; X, 67; кувшин из — VII, 141 сл.; надписи с именем Геракла из — VII, 251; некрополь в сев.-восточной части городища — VI, 92—106, 302—303; нумизматика VII, 154 сл.; раскопки III, 262; — 1935 г. II, 222; — 1938 г. VI, 302—303; расписная ваза из — VII, 140 сл.; рельефы с изображением «фракийских богов» из — VIII, 105; скорченные погребения из — VII, 161—172; скифские погребения из — VII, 166 сл.; терракоты из — VII, 308—316.
- Ольшанское городище**, см. Верхний Ольшан.
- Онежское озеро**, наскальные изображения — I, 9—50; III, 3—32; IV, 11 сл. См. также Олений остров.
- Опошня**, с. (Полтавская обл.), городище у — IX, 121, 128, 130.
- Орак**, улус (Красноярский край), карасукские могильники у — III, 137, 161; погребение — IX, 53, 57, 58.
- Ореанда** (Крым), дольмены — VIII, 113; раковинные кучи в — V, 93.
- Ориньяк**, эпоха — на Кавказе III, 73; в Крыму I, 287; V, 273; искусство — III, 6 сл., 13; кремневый инвентарь — III, 95; в УССР IX, 183—196; в Зап. Европе III, 64, 74; во Франции III, 73; в Сев. Африке IV, 338.
- Орнамент**, керамика эпохи неолита I, 68 сл.; V, 215—229; керамика кургана в долине р. Маныча IV, 105, 109 сл., 118, 120, 123—127; геометрический средней Азии IX, 101—119.
- Оров-Наволоок** (Карело-Финская ССР), керамика из р-на — IX, 35.
- Орск**, г., находка кольчуги под — II, 234; древнее погребение в — II, 233; раскопки на трассе Орск-Аккермановка IV, 332 сл.
- Орудия**, см.: Камень, орудия из —; кость, орудия из —; кремень, орудия из —; рог, орудия из —. См. также: Ножи; Нуклеусы; Отбойники; Отжимники; Серпы; Сошники; Топоры; Шилья.
- Орхонские надписи**, см.: Надписи, орхонские.
- Орша**, г., курганы в районе — IV, 43.
- Осокоровка** (УССР), палеолитическая стоянка V, 152.
- Остерский Городец**, Михайловская церковь XII в. в — VI, 247.
- Остриково**, д. (Сибирь), наскальные изображения у — IX, 252, 259, 261, 262.
- Остяки**, фольклор у — IX, 245 сл.; шаманские изображения у — IV, 142; IX, 239 сл.
- Отарка**, селище (Татарская АССР) II, 108; X, 196; кости домашних животных из — III, 47.
- Отбойники**, из стоянки Елин Бор III, 86; из Кубенинской стоянки V, 47; из стоянки Мурзак-коба V, 169; из Чулатовской стоянки V, 75; из стоянки Шан-коба I, 204.
- Отжимники**, из стоянки Мурзак-коба V, 169; из Кубенинской стоянки V, 47.
- Офнет**, пещера (Бавария), погребения из — V, 176, 177, 183.
- Охота**, в первобытном обществе IV, 31; в эпоху палеолита III, 97; V, 145; азильско-свидерской стадии V, 147; в эпоху неолита I, 21; III, 37; IV, 200; V, 24, 43; в фатьяновской культуре II, 28—29; жителей Барвихинского городища III, 117; Дмитровского городища IV, 164; городищ Прикубанья IV, 274; культовые изображения — IV, 27, 141.
- Охра**, красная, следы ее в курганах долины р. Маныча IV, 98, 102, 104, 105, 106, 109, 124, 129.
- Очаги**, из стоянки Костенки I, V, 280; из Чулатовской стоянки V, 70, 73; из стоянки Шан-коба — I, 285; из Кубенинской стоянки V, 35; из стоянки у Гремячего ручья I, 260; из стоянки на оз. Грязном I, 256; из Барвихинского городища III, 115.
- Очемчири**, г. (Абхазская АССР), палеолитическое местонахождение II, 191, 220; III, 237, 251; поселение близ — IV, 323; террасы в районе — II, 190 сл.
- Павловский курган** VI, 128.
- Падозеро** (Карело-Финская ССР), находка молота с голозой лося у — III, 8.
- Пайгусовский могильник** (Марийская АССР) IV, 280.
- Пайкенд**, игрушки-водолеи из — X, 311—316.
- Пайцзе**, татарские VI, 239.
- Пазырыкский курган** (Алтайский край) I, 282; II, 213, 224, 241—243; III, 251; VIII, 287.
- Палатин** (Рим), раскопки римского сада на — VII, 217.
- Палаццо Корсини** (Флоренция), скульптура Геракла со львом из музея — VII, 190.
- Палеоантропология** II, 151—157; III, 218; IV, 335—340; V, 72, 160 сл.; IX, 32. См. также: Эоантроп; Питекантроп; Австралопитек; Неандертальский человек; Homo sapiens; Черепа.
- Палеолит** III, 237, 263; Алтайского края II, 216; III, 267; V; 297—298; арктический — см. Арктический палеолит; Брянской обл. III, 213—262; V, 81 сл., 285—290; БССР III, 197; V, 81—86; Вост. Европы V, 144—146; искусство — см. Искусство палеолита; Кавказа II, 189—193, 219—220; III, 57—75, 237, 263; V, 302—303; Крыма I, 195—212, 285—286; II, 217; III, 238, 241, 266; V, 159—177, 272, 273, 301, 302; культы — II, 124; Мордовский АССР III, 257; Сибири II, 216; III, 267; IV, 319; V, 290—292; X, 75—84; СССР, исследования по — в 1935 г. II, 189—194; справочник по — СССР III, 271; Узбекской ССР VI, 5—18; УССР II, 218—219; III, 261; V, 65—79, 88—91, 151—155; IX, 171—196; Африки III, 72, 73, 74; IV, 338; Италии III, 74; Палестины III, 74; VI, 14; Польши III, 197; переход от — к неолиту III, 77—98; — верхний в СССР I, 51, 286; II, 220; III, 57—75, 213, 237; V, 65—79, 144—146; в Зап. Европе III, 72, 73, 74; — нижний, в СССР III, 197; в Абхазской АССР II, 189, 191, 220, 237; III, 263; в Крыму II,

- 217; в Польше III, 197. См. также: Ашель; Мустье; Ориньяк; Солютре.
- Палеонтология речи IV, 12, 14 сл.
- Палермо, бронзовая статуя Геракла с ланью из музея в — VII, 189 сл.
- Палестина, палеолит в — III, 74; VI, 14.
- Палецкие курганы (Московская обл.) IV, 289—299.
- Палецкое городище (Московская обл.) IV, 296.
- Пальтикинский могильник (Марийская АССР) IV, 281, 283.
- Памет, холм (Сев. Кавказ), раскопки на — I, 281.
- Паново городище, дюнная стоянка III, 42—43; IX, 29.
- Пантикапей, история — VI, 201 сл. См. также Керчь.
- Панфилово, с. (Горьковская обл.), кремневое изображение из стоянки у — X, 96, 103, 104—109, 123.
- Панфиловская культура IX, 29.
- Панцырь, остатки — из могильника «Частые курганы» VII, 20, 27, 30, 34, 40, 41, 47.
- Парабель, р. (Томская обл.), городища по — II, 240.
- Паранин ручей (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 195, 198, 200.
- Парфия, искусство — II, 209, 210, 212; связь Приуралья с — II, 141. См. также Аршакиды.
- Паста, египетская, фигурки из — из Керчи I, 168; из Краснодара I, 168; из Пашковского могильника I, 167.
- Пастерское городище (Киевская обл.), IX, 138.
- Патагония, кремневое изображение из — X, 118—119.
- Пахота, в древней Италии VII, 220—229.
- Пашковская, стан. (Краснодарский край), городище № 1 IV, 267; городище № 2 VII, 262; могильники I, 159—169; IV, 265, 272; VI, 164; селище № 2 IV, 267; селище № 3 IV, 267.
- Пекновское городище (Верхнее Поволжье) IX, 66.
- Пенза, г., кремневые изображения из стоянки близ — X, 97, 106.
- Пергам, Ольвийская керамика из — VII, 303.
- Геревальная гора (Кольский п-ов), стоянка арктического палеолита у — V, 118—120.
- Перемиловский могильник (Владимирская обл.) II, 54.
- Перемчалкинский могильник (Горьковская обл.) X, 283.
- «Переселенческий пункт» (Иркутская обл.), палеолитическая стоянка у — V, 290; X, 83.
- Переяславль Рязанский IV, 165.
- Переяславское княжество IV, 46.
- Пери нос (Онежское оз.), наскальные изображения на — I, 12—15, 20, 21, 38, 42; III, 7, 9, 10, 18, 19, 21; IV, 16 сл.; X, 102, 104, 105, 106.
- «Пермский всадник», привеска типа — из Прикамья I, 267.
- Пермский Государственный музей, см. Музей.
- Персеполь, раскопки — II, 205.
- Перстни, из Бальбекского могильника VIII, 116; из Елизаветинского городища I, 181; из Куликовского могильника X, 275, 280; из Палецких курганов IV, 291 сл.; из могильника Усть-Ерба III, 157; из могильника «Частые курганы» VIII, 47, 48; у славян IV, 35, 38, 40, 42; VI, 236—238; из Хрепельских курганов I, 192.
- Пертоминск, с. (Архангельская обл.), неолитическая стоянка близ — IV, 194.
- Перу, археология древнего — II, 230.
- Пески, с. (Полтавская обл.), погребение у — X, 55.
- Песты, каменные, из кургана в долине р. Маныча IV, 109, 111; из Сале-Харда I, 278.
- Песчанка, р., археологические памятники по берегам — X, 297.
- Петрены, с. (Молдавская ССР), неолитическая стоянка у — I, 68; «Залегания» у — VI, 40.
- Петровское, с. (Полтавская обл.), городище у — IX, 130.
- Петроглифы, см. Наскальные изображения.
- Пехлевийские надписи, см. Надписи.
- Печати, древне-русские VI, 230 сл.; из раскопок на Славне IX, 144; из г. Твери XV в. VIII, 299; знаки собственности на — VI, 236 сл.
- Печенеги VI, 134, 135, 164.
- Печь, из Дмитровского городища IV, 156; из Елизаветинского городища I, 173, 175, 176; из раскопок в ур. Коломищина VI, 21 сл.; из Саркелского городища VI, 149; из городища у с. Спас IV, 329; из городища Сувар IV, 330; позднесредневекового Херсона VII, 233, 234.
- Печора, р., неолитические находки в бассейне — IX, 31.
- Пеш-Мерль (Франция), кремневый инвентарь пещеры — III, 69.
- «Пещера трех братьев» (Франция), фигура колдуна из — III, 20.
- Пещерные навесы, в Грузии III, 57—75; в Сев. Африке III, 72.
- Пещеры, Грузии III, 57 сл.; Краснодарского края V, 303; Крыма II, 217; V, 96, 272, 300, 301; Вост. Африки IV, 339; Баварии V, 176, 177, 183; Пивенейского полуострова III, 20, 72; Польши III, 197; Франции III, 20, 69, 72.
- Пжедмост (Чехо-Словакия), череп из — IV, 88.
- Пивкино, с. (Челябинская обл.), курганы у — IX, 233.
- Пижемское городище (Прлкамье), керамика из — V, 54; кости домашних животных из — III, 47, 49; раскопки — III, 259.
- Пинскунсальми (Ленинградская обл.), неолитическая стоянка в р-не — III, 28.
- Пиксида, костяная из склепа близ Тиритакки VI, 127.
- Пилы, из стоянки Елин-Бор III, 84; из Кубенинской стоянки V, 47; из Семибратнего городища VII, 265.
- Пиндаль (Испания), наскальная графика в пещере — III, 72.
- Пинега, р., находка каменных орудий на берегу — II, 233.

- Пирамиды, надписи на — IV, 29.
 Пир Гусейн, мавзолей — в Ханаке (Азербайджанская ССР) II, 213.
 Пирос, оз., кремневые изображения с — X, 89, 93, 102, 103, 104.
 Пирсон, формулы — в антропологии V, 180.
 Писаницы, Приуралья III, 12; IV, 140, 143; Сибири I, 10, 12; III, 268; Якутии VIII, 18, 281—284.
 Питекантроп VI, 316—323.
 Пифосы, из Елизаветинского городища I, 180.
 Пищальник, с. (Киевская обл.), находки у — X, 71.
 Пластинки, бронзовая, с изображением Горгоны из Киева X, 251; золотые из могильника «Частые курганы» VIII, 20, 21, 27, 35, 36, 44; кремневые из стоянки Елия Бор III, 83, 90 сл.; из Мгвимеви III, 64, 66; из стоянки Мурзак-коба V, 169; из Чулатовской стоянки V, 74; из Уртуйской стоянки I, 106 сл.; шиферная из Шигирского городища IV, 144.
 Плейстоцен, археологические памятники переходного периода от — к голоцену III, 77 сл.
 Племенные союзы IV, 49; у Мордвы IV, 49.
 Племя, как социальный институт IV, 49.
 Плеханов бор (Горьковская обл.), находка рыболовного снаряда неолитической эпохи у — II, 61 сл.; X, 138; кремневое изображение из — X, 97, 109.
 Пломбы, дрогичинские VI, 244 сл.; свинцовые из раскопок на Славне IX, 144.
 Плотное, городище (Рязанская обл.) IV, 227.
 Плотное-Старокладбищенское селище (Рязанская обл.) IV, 228.
 «Площадки», трипольские VI, 20—45.
 Плул, в древней Италии VII, 221—225.
 Пляховка, с. (Киевская обл.), находки у — X, 62.
 Повесть временных лет IV, 34 сл., 53 сл.
 Повозка, глиняная из кургана «Три брата» X, 149—153, 155; из Шреш-Блур X, 157; деревянная из Триалети X, 156.
 Поволжье верхнее, эпипалеолит в — V, 101—105; неолит в — III, 217 сл.; эпоха бронзы в — II, 19—37; IX, 64; городища в — IX, 61—77; — западное, археологические памятники I тыс. н. э. в — II, 39—56; — среднее, археологические разведки в — IV, 279—284; эпоха бронзы в — III, 51; — нижнее, археологические исследования в — I, 274; раскопки курганов в — I, 115 сл.; VIII, 90—94; эпоха бронзы в — I, 274; памятники предскифской эпохи в — X, 143—159; сарматы в — VIII, 73—94. См. также Астраханская обл.
 Погон, ур. (Черниговская обл.), палеолитическая стоянка на — IX, 171—196.
 Погореловское селище (Рязанская обл.) IV, 233.
 Погребальный обряд, см. Обряды, погребальные.
 Погребения, в амфорах V, 265—268; VI, 303; с деформированными черепами IX, 298; в каменных ящиках I, 281—282; IV, 251 сл.; VII, 170—172; катакомбные I, 124 сл.; II, 82, 86; IV, 102—128, 131; V, 26; VI, 159, 160; конское из с. Арцибашево II, 46; из кургана «Буерова могила» IV, 306; с окрашенными костяками IV, 76, 77, 79, 80; пещерные III, 127 сл.; в склепе крымских могильников IX, 294 сл.; со скорченными костяками I, 122 сл., 280; II, 20 сл.; III, 227; IV, 95, 98, 102, 115, 117, 118, 126, 131, 321; VII, 161—172; IX, 298 сл.; в сосудах VI, 96 сл.; в срубках VIII, 51 сл.; с трупосожжением IV, 33, 35, 37, 41, 56, 293; ямные IV, 37 сл., 115, 130, 239; V, 26; андроновской культуры II, 72; III, 152, 162; IV, 334; IX, 55; афанасьевской культуры II, 71—94; IX, 55 сл.; из Агайи II, 238; Азербайджанской ССР VI, 293—297; у с. Аксютинцы I, 85—92; у д. Андроновки IX, 53, 57, 58; Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде VIII, 200—222; на Игреном п-ове IV, 84; могильника в Инкермане IX, 288 сл.; Кая-кентские II, 86; в г. Киеве X, 250—251; в г. Красногвардейске II, 151—157; в м. Кринички X, 65; Кубенинской стоянки V, 34, 38 сл.; Куликовского могильника X, 271—290; кургана в дол. р. Маныча IV, 94 сл.; стоянки Мурзак-коба V, 160—166, 179—186; кургана близ Окунева улуса IX, 47—58; Оленеостровского могильника VI, 51 сл.; Ольвийского некрополя VI, 94 сл.; Нижнего Поволжья X, 143—159; сарматские Нижнего Поволжья VIII, 73—94; Сев. Кавказа I, 280—282; детского близ Тиритаки VI, 120—128; в ур. «Три камня» IV, 81; Усатовских курганов V, 242 сл.; фатьяновской культуры IV, 302 сл.; из «Частых курганов» IX, 14 сл.; энеолитическое у с. Подострожного IV, 321; Языковского могильника III, 217—220; V, 41, 52; из Афалу-бу-Руммель IV, 338; из Бени-Сегуаль V, 176; из пещеры Гэмбль IV, 339; из Муджена V, 176; из пещеры Офнет V, 176, 177, 183; с о. Тевиек V, 176. См. также: Курганы; Могильники.
 Погребы, с. (Черниговская обл.), находки у — X, 64.
 Подбаба (Чехо-Словакия), черепа из — IV, 88.
 Подболотьевский могильник (Владимирская обл.) II, 40 сл., 53, 115; IV, 240, 241; X, 283.
 Подборовка, д. (Новгородская обл.), находка сосуда с персидскими монетами у — II, 235.
 Подвески, см. Привески.
 Подгалкино, д. (Прикамье), находки у — III, 39; V, 4, 24.
 Подгорцы, с. (Киевская обл.), бронзовый пояс из — X, 171.
 Подкумский человек IV, 63—89.
 Подкунинский улус (Хакасская авт. обл.), могильник у — IX, 53, 55, 57, 58; раскопки у — III, 137.
 Подострожное, с. (Иркутская обл.), энеолитическое погребение у — IV, 321.

- Подстрелка — Подгалкина, д. (Прикамье), неолитическая стоянка у — I, 257 сл.
- Подчерема, р., клад чудских вещей на берегу — II, 113—149.
- Подъелье, с. (Приладожье), подвески в виде коня из — X, 306.
- Поздние кочевники I, 274; II, 225.
- Покров, с. (Тульская обл.), городище и курганы у — IV, 329.
- Полецкое городище (Московская обл.), гончарные клейма из — VIII, 293.
- Полинезия, рыболовные крючки с Гавайских островов — III, 103.
- Половцы VI, 164.
- Полоцк, г., курганы в р-не — IV, 43, 58.
- Полтавская область, городище в — IX, 121—135; поля погребальных урн в — X, 65—66. См. также: Белоцерковцы; Савинский хут.
- Полы глиняные, Псковского кремля IV, 327.
- Польша, см.: Мамонтова пещера; Океник; Хвалибоговице.
- Поля погребальных урн I, 81; IV, 33, 35; X, 53—72, 251 сл.
- Поляне IV, 34, 53.
- Помпеи, сады в — VII, 200, 219; фонтаны в — VII, 210, 212, 216, 217.
- Поной, р., каменные лабиринты в устье — X, 126, 129, 131, 132.
- Пономарево, д. (Иркутская обл.), могильник у — IV, 321, 322.
- Попага, р., стоянка каменного века на — III, 267.
- Попова дача, ур. (в г. Воронеже), археологические памятники на — X, 291—293.
- Поповка, д. (Крым), городища у — III, 253.
- Попово (Архангельская обл.), неолитическая стоянка IX, 43.
- Поречье, г. (Смоленская обл.), курганы в р-не — IV, 42.
- Портики, в римских садах VII, 213.
- Почепок, д. (Брянская обл.), курганы у — III, 121; X, 233.
- Пояс, бронзовый из с. Подгорцы X, 171; из серебряных пряжек из кургана у с. Курай I, 284; кожаные из погребений в Новгороде VIII, 207, 210, 215.
- Прекрасная Гавань VI, 107, 108.
- Преслава, г. (Болгария) VIII, 137; знаки на кирпичах из — VI, 142.
- Прибайкалье, находка бронзовой бляшки скифского типа в — VIII, 285—288; эпоха неолита в — I, 215 сл.
- Привески, из Барвихинского городища III, 121; из могильника у с. Быстрая (Минусинский край) III, 148; зооморфные IV, 42; княжеские знаки на — VI, 238—240; коньковые из Подчеремского клада II, 125; коньковые из погребенья на р. Чусовой III, 129; из Кубенинской стоянки V, 40, 48, 63; из Куликовского могильника X, 273, 279; из Кузнецовских курганов I, 248, 253; из Мощинского клада VI, 234; из Оленеостровского могильника VI, 57—58; типа «Пермского всадника» I, 267; из Пронского городища IV, 229; из Подчеремского клада II, 115—116; семипалестные височные IV, 35, 38; у славян IV, 58 сл.; из кургана Смелы VI, 234; из кургана «Три брата» X, 146; из Хрепельских курганов I, 192; из погребенья на р. Чусовой III, 128, 130; шумящие — III, 129, 134; IV, 242.
- Приена, мраморная статуэтка из — VII, 186.
- Прикамье, неолит в — I, 255—269; II, 223; V, 1—30, 230—238; погребения на р. Чусовой III, 127 сл.; появление домашних животных в — III, 33—53; эпоха бронзы в — I, 264; III, 40 сл. См. также Ананьинская культура.
- Прикубанье, археологическая карта — IV, 265—274; городища — IV, 266 сл.; могильники — I, 159—169; IV, 272 сл.; селища — IV, 265 сл.; Птолемей о городах — IV, 265; Тацит о городах — IV, 265. См. также Краснодарский край.
- Приладожье, курганы — IV, 298; VI, 240.
- Приморско-Ахтарская, стан. (Краснодарский край), городища № 1 и 2 у — IV, 271.
- Прионежье, неолит в — V, 187—204, 206—214, 215—229; торфяники южного — V, 208—211.
- Приуралье, клад чудских вещей из — II, 113—149; первобытное искусство в — IV, 133—145; серебряные блюда из — IV, 143. См. также Прикамье.
- Прокино, д. (Ленинградская обл.), неолитическая стоянка в — V, 189.
- Проколки, из стоянки Елин Бор III, 93; из стоянки Мурзак-коба V, 171; из Ургуйской стоянки I, 105 сл.; из стоянки Шанкоба I, 206 сл.
- Проне-городище (Рязанская обл.) IV, 215.
- Пронизки, из Усатовских курганов V, 248, 251, 256; из могильника «Частые курганы» VIII, 43; — трубчатые, из могильника Усть-Ерба III, 157; из Марийских могильников III, 168, 170.
- Пронск, гончарные клейма из древнего — VIII, 293—298.
- Пронские монастырские курганы (Рязанская обл.) IV, 232.
- Пронское Архангельское селище (Рязанская обл.) IV, 222.
- Пронское городище (Рязанская обл.) IV, 153, 212, 219, 228.
- Пронское Котовское селище (Рязанская обл.) IV, 222.
- Пронское Красное селище (Рязанская обл.) IV, 222.
- Пронское Новинское селище (Рязанская обл.) IV, 232.
- Пронское Ново-Никольское селище (Рязанская обл.) IV, 223.
- Пронское Голгорное селище (Рязанская обл.) IV, 231.
- Пронское Прикурганное селище (Рязанская обл.) IV, 232.
- Проня, р., археологическое обследование — IV, 211—238.
- Протопопово, с. (Московская обл.), городище — X, 227—233.
- Прохоровский курган (Зауралье) II, 127; IX, 234.
- Пряжки, из Барвихинского городища III, 123; из Кузнецовских курганов I, 249, 250; Куликовского могильника X, 277, 283; из Марийских могильников III, 171,

- 173, 174, 175; из Пашковского могильника I, 159, 161; у славян IV, 56; из кургана в ур. «Три брата» I, 149 сл.; из Хрепельских курганов I, 193; из могильника «Частые курганы» VIII, 15, 16, 40, 41, 44; из Черняховского могильника X, 60; — золотая из погребения у с. Шахтахты IV, 255, 260; из Метрополитенского музея в Нью-Йорке VIII, 287.
- Пряслица, из Барвихинского городища III, 118; из Елизаветинского городища I, 185; из Куликовского могильника X, 276, 286; из городища Монастырища IX, 123; из Палецких курганов IV, 291; из Пронского городища IV, 229; из кургана «Три брата» I, 147, 153; из Усатовских курганов V, 251; из «Частых курганов» IX, 22.
- Псебайская, стан. (Ростовская обл.), курган у — X, 164.
- Псекупс, р. (Прикубанье), археологическое обследование — IV, 265.
- Псков, г., гребень из городища — X, 305—309; раскопки кремля в — IV, 327.
- Птица, изображение — из стоянки Базайха I, 217; из Кубенинской стоянки V, 51; в наскальных изображениях Онежского оз. и Белого моря I, 20 сл., 42 сл.; III, 5, 10, 11, 16, 17 и сл.; из неолита Севера Европейской СССР X, 107—110; из энеолитического погребения Афонтовой горы III, 217; в славянских древностях IV, 40; культ — II, 124; семантика слова — IV, 18 сл.
- Пуговицы, из Денисовских погребений IV, 235; из Елизаветинского городища I, 180; из могильника Усть-Ерба III, 158; из могильника «Частые курганы» VIII, 20, 21, 27.
- Пудозеро (Калининская обл.), неолитическая стоянка у — III, 101, 103, 111.
- Пулокерь см. Накосники.
- Пуркары, с. (Молдавская ССР), погребение у — X, 53.
- Пустая Морквашка, д. (Татарская АССР), зеркало из — I, 86, 90.
- Пуховка, с. (Черниговская обл.), находки у — X, 64, 71.
- Пушкари, с. (Черниговская обл.), палеолитическая стоянка в — II, 219; IX, 171—196.
- Пушкарское селище (Рязанская обл.) IV, 227.
- Пушлахта, с. (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 198, 200; IX, 36, 38.
- Пычка, д. (Крым), следы палеолитической стоянки в — III, 241, 266; могильник у — VIII, 113.
- Пьяноборская культура II, 50, 120, 141; IX, 62; X, 83, 190, 195, 200—202; изображения коня в — X, 305.
- Пьяноборский могильник (Башкирская АССР), кости животных из — III, 44.
- Пянтег, с. (Молотовская обл.) декоративный топорик из — X, 310.
- Гятигорск, г., кости ископаемого человека из — IV, 63—89.
- Пятигорский музей, см. Музеи.
- Пятницкий могильник (в г. Муроме) II, 54.
- Ра, бог IV, 23, 28 сл.
- Рабат-и-Малик (Узбекская ССР) VI, 184.
- «Рабочий дом» (Иркутская обл.), палеолитическая стоянка V, 290.
- Рабство, в ананьинскую эпоху II, 110.
- Раби, неолитическая стоянка у — II, 10.
- Радзивиловская летопись, миниатюры — VI, 243.
- Радимичи IV, 34, 46, 53 сл.; височные кольца у — IX, 131.
- Разменный III курган (Адыгейская авт. обл.) X, 161—182.
- Райки, с. (Житомирская обл.), раскопки в — III, 262; трипольские площадки в — VI, 35.
- Раковинные кучи, в Крыму V, 93, 98.
- Раковины, из стоянки Шан-коба I, 200, 285; из кургана, в долине р. Маныча IV, 98, 100, 102, 106; в погребениях гротов Гримальди IV, 77.
- Распутино, с. (Вост. Сибирь), каменная фигура человека из — I, 217.
- Резцы, из стоянки Боршево II, V, 284; из стоянки Елин Бор III, 90, 92; из стоянок по р. Каче (Сибирь) X, 80; из стоянки Мгвимеви III, 63; из ст. Мурзак-коба V, 169; из стоянки Чулатово V, 75; из стоянки Шан-коба I, 204.
- Рейсэле (Ленинградская обл.), неолитическая стоянка III, 28.
- Реконструкция, головы по деформированному черепу из погребения в долине р. Маныча IV, 131.
- Рельефы, античной эпохи из сев.-зап. Крыма VI, 108—118.
- Реставрация, памятников Новгорода VIII, 175—222; Средней Азии II, 214.
- Ретушеры, из Кубенинской стоянки V, 47, 58.
- Ржищево, м., могильник у — X, 249.
- Риук-Ярви (Ленинградская обл.), неолитические стоянки в р-не — III, 28.
- Ров, Дмитровского городища IV, 149 сл.; Ижеславского городища IV, 20; Лубянского городища IV, 218; г. Михайлова IV, 217.
- Рог, орудия из — северного оленя из Лихачевского могильника II, 22—23; техника обработки — в стоянке Елин Бор III, 92, 93.
- Рогатка (Иркутская обл.), элипалеолитическая стоянка II, 216.
- «Роголодов камень» VIII, 249, 252 сл.
- Роговик V, 16, 126, 127, 128.
- Роговская, стан. (Краснодарский край), городища №№ 1, 2 и 3 у — IV, 271.
- Роданово городище (Прикамье) I, 266; II, 223.
- Родовое общество, идеология — IV, 133—145.
- Родос, о. VI, 102; связь — с Ольвией VII, 305, 310, 312, 313; стела с — VII, 179.
- Романелли, грот (Италия), наскальная графика III, 72.
- Ромашки, с. (Киевская обл.), могильник у — X, 56, 59, 62, 71.
- Ромбит Большой, река Прикубанья у Страбона IV, 265.
- Ромбит Малый, река Прикубанья у Страбона IV, 265.

- Роменская культура IX, 121 сл.
 Роменско-Боршевская культура IX, 121—135.
 Ромодаль, фиорд (Норвегия), кремневые орудия из — V, 111.
 Ростов-на-Дону, раскопки сарматского погребения в — III, 263.
 Ростовская область, см.: Бесергенька; Красный яр.; Лакедемоновка; Маныч; Матвеев курган; Недвиговка; Саркел; Таганрог; Цимлянская.
 Ротмистровка, с. (Киевская обл.), находки в — X, 63.
 Рудники древние, в Казахстане II, 83; на Средней Волге II, 234.
 Руза, г., курганы в р-не — IV, 45, 56.
 Рунические надписи, см. Надписи.
 Рускенсет (Норвегия), рыболовные крючки из неолитической стоянки — III, 103, 104.
 Русское Археологическое общество X, 9.
 Рыбачий полуостров, раскопки 1935 г. на — II, 227—228; стоянки арктического палеолита на — V, 112—140.
 Рыбинск, г., находка костей мамонта близ — II, 231.
 Рыбный двор, г. Дмитрова IV, 148.
 Рыболовство, в первобытном обществе IV, 31; в эпоху неолита I, 21, 240; II, 61—70; III, 101—112; IV, 200; V, 24, 44 сл.; X, 133—142; Усатовского поселения V, 259 сл.; жителей Барвихинского городища III, 118; городищ Прикубанья IV, 274; в Боспорском царстве VII, 94—105; в позднесредневековом Херсонесе VII, 236. См. также: Крючки, рыболовные; Ловушки рыболовные.
 Рыболовский могильник II, 19, 33, 35.
 Рыбы, каменные, из неолита Вост. Сибири I, 215—244; в наскальных изображениях III, 5, 18.
 Рюриково городище, см. Новгород.
 Рязанская обл., археологическое обследование р. Прони IV, 211—238; гончарные клейма из — VIII, 293 сл. См. также: Борковский могильник; Гавердовский могильник; Гремячев; Гремячев; Закапашенский могильник; Кадомский могильник; Лубянского городище; Лыковское селище; Маклаковские курганы; Малинище; Троице-Пеленицкое городище; Тырновский могильник.
 Рязанская ученая архивная комиссия IV, 212, 225, 226, 236.
 Рязанский Средне-окский музей, см. Музеи.
 Рязанское княжество IV, 45, 57, 60.
 Рязань, г., археологические раскопки в старой — IV, 213; — в XII в. IV, 45; курганы в р-не — IV, 56.
 Саами, культы у — IV, 12, 22, 31; шаманские бубны у — III, 14.
 Сабазий, культ — VIII, 97—111.
 Сабанчи-Карское городище (Удмуртская АССР) II, 47.
 Сабля железная, из кургана в ур. «Три брата» I, 137.
 Саватка, д. (Крым), дольмены у — VIII, 113.
 Савинский, хут. (Полтавская обл.), амфора из — X, 54.
 Саги, скандинавские X, 237—241.
 Сагурамо, с. (Грузинская ССР), находка глиняного саркофага в — V, 269.
 Сады, античные архитектурные в Италии VII, 199—219.
 Сакал-коба, пещера (Крым) V, 300.
 Саки (Крым), рельеф Геракла из — VI, 108 сл.
 Саламондаевские могильники I и II (Марийская АССР) IV, 280.
 Сале-Хард, г., раскопки близ — I, 278; III, 239, 267; X, 215; гребень из — VI, 45.
 Салтово-маяцкая культура IX, 128, 129.
 Салтовская культура VI, 156—165; IX, 131.
 Салтовский могильник (Харьковская обл.) I, 181; VI, 156, 157, 163.
 Салтыковский, хут. (Краснодарский край), городище у — IV, 270.
 Сальма, р., шаманские изображения с — IX, 239 сл.
 Самарканд, г., мечеть Биби-Ханым в — IX, 111, 115, 116, 118; мечеть Гур Эмир в — II, 214; медресе Регистана в — IX, 114; медресе Улуг-бека в — IX, 115, 118; медресе Шир-Дор в — IX, 116; мавзолей Шах-и-Зинда в — IX, 107.
 Самаркандский обл. музей, см. Музеи.
 Саметь, д. (бассейн р. Костромы), керамика стоянки близ — IX, 218.
 Самоеды, шаманские изображения у — IV, 142.
 Самынка, р. (Московская обл.), городище на берегу — III, 113 сл.
 Санниково, д. (Калининская обл.), фатьяновские местонахождения у — II, 19, 33.
 Сараиха (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 195, 200; IX, 36, 40, 41.
 Саратовская область, см.: Армеевский могильник; Суловский могильник.
 Саратовская, стан. (Сев. Кавказ), погребение мегалитического типа у — III, 227; курган у — X, 180.
 Саргоб, улус (Красноярский край), могильник у — IX, 53.
 Саркел II, 222; VI, 130—165; VIII, 137; керамика из городища — IX, 127; крест из городища — VIII, 231; литейная форма из городища — VI, 254.
 Саркофаги, глиняные из Грузинской ССР V, 269; деревянный из погребения близ Тиритаки VI, 120 сл.; из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде VIII, 200—207; из церкви Спаса на Ковалево в Новгороде IX, 155—166; римский — музея Торлония VII, 194—197.
 Сарлейский могильник (Мордовская обл.) X, 283.
 Сарматы I, 81, 82, 84; II, 116; III, 263; VI, 159 сл.; VII, 262, 265, 266; X, 67—68; в Крыму III, 253; курганы «сарматские» Зауралья IX, 231 сл.; культура — в Нижнем Поволжье VIII, 73—94; в Прикубанье I, 83, 90; вещи — типа из Рязанских могильников II, 50; погребения — из ур. «Три брата» I, 116, 133, 139, 153, 154. См. также Скифосарматская культура.

- Сарское городище (Ярославская обл.) II, 55.
- Сары-Булак (верховье р. Иртыша), наскальные изображения у — IX, 252, 257.
- Сасаниды II, 210, 211; VIII, 121; связь Приуралья с — II, 141—143, 148.
- Сахалин, памятники эпохи неолита Вост. — I, 273.
- Сбруя, из Ананьинского могильника III, 43; из Елизаветинского городища I, 185; из кургана у с. Курай I, 282; в скифских курганах IV, 307.
- Свайные поселения, на р. Свири V, 228.
- Свайные постройки, Шигирского городища IV, 145.
- Свар-гора, ур. (Татарская АССР), археологическое обследование — IV, 332.
- Свердборг (Дания) V, 147; поделки из кости из стоянки — III, 222.
- Свердловский государственный музей, см. Музеи.
- Светильники, из Ольвии VII, 302; каменный из стоянки Балин-Кош V, 97.
- Свиага, р., находка костяного гарпуна на берегу — II, 233.
- Свидерская стадия, см. Азильско-тарденуазская эпоха.
- Свинковка, с. (Полтавская обл.), могильник у — X, 66, 72.
- Свиногорское городище (Прикамье), кости домашних животных из — III, 45.
- Свиногово, д. (Тульская обл.), городище у — IV, 329.
- Свирь, р., археологические исследования на — V, 187—204, 206—229.
- Сvistовское городище (Рязанская обл.) IV, 217.
- Свором (Черниговская обл.), находки у — X, 64.
- Святылища, античные на Черноморье VII, 152—160; — Селим-бек IX, 299.
- Севан, оз., колесница из погребения у — X, 157.
- Северная Сосва, р. (Ханты-Мансийский нац. скр.), археологическое обследование по — III, 239, 254.
- Северный Кавказ, археологическое обследование — I, 280—281; эпоха бронзы — см. Бронза; — могильники I, 162, 166, 290; находка навершия стяга с княжеским знаком с — VI, 242; погребения — VI, 159 сл.; погребения мезолитического типа — III, 227; средневековые памятники — III, 265. См. также: Адыгейская авт. обл.; Грозненская обл.; Подкумский человек; Пятигорск; Ростовская обл.; Северо-Осетинская АССР.
- Северный обл. музей в г. Архангельске, см. Музеи.
- Северо-Осетинская АССР, археологическое обследование — I, 280; III, 245 сл., 264. См. также Моздок.
- Северяне IV, 43, 54, 59; IX, 126.
- Седла, из Галиатского могильника I, 281.
- Сейминский могильник (Горьковская обл.), VI, 60.
- Секачи-Алян (на р. Амуре), петроглифы у — I, 277.
- Селенга, р., археологические памятники в бассейне — VIII, 51 сл.
- Селим-бек (Крым), «святылище» — IX, 299.
- Селища, Калужской обл. IV, 329; Московской обл. IV, 164—165; Прикамья X, 196—198; Рязанской обл. IV, 211 сл.; в нижнем слое Дмитровского городища IV, 164; в нижнем слое Маклаковского городища IV, 165; в нижнем слое Промского городища IV, 165; Сев. Кавказа X, 279; в нижнем слое Толпинского городища IV, 165.
- Селище, пос. (Брянская обл.), находки костей мамонта у — III, 216.
- Селищи, д. (Верхнее Поволжье), городище у — IX, 64.
- Семендер, город древней Хазарии VI, 130.
- Семеновская пещера (Краснодарский край) V, 303.
- Семибратнее городище (Краснодарский край), раскопки 1938—1939 гг. в — VII, 258—266.
- Сергачский могильник (Горьковская обл.) II, 45.
- Сергеев, мыс (Кольский п-ов), стоянка арктического палеолита в р-не — V, 121—122.
- Сергеевка, д. (Верхнее Поволжье), наскальные изображения у — IX, 252, 271, 274.
- Серовский неолитический могильник (на р. Амуре) I, 237.
- Серповской могильник II, 40 сл.
- Серпы, из Дмитровского городища IV, 159; из Елизаветинского городища I, 178.
- Серьги, из курганов Астраханской обл. эпохи Золотой орды I, 144; из Марийских могильников III, 168, 172, 173, 175; у славян IV, 56; из могильника «Частые курганы» VIII, 37; из погребения XI в. на р. Чусовой III, 127, 130, 133; — золотая, из кургана близ с. Глинище I, 82, 91; из с. Даблагоми V, 268.
- Сетякова, д. (Прикамье), селище у — X, 196—198.
- Сефевиды, искусство эпохи — II, 214.
- Сибирь, археологические исследования на Ангаре IV, 319—322, находка костей мамонта в Вост. — II, 239; палеолит в — см. Палеолит; неолит в — см. Неолит; эпоха бронзы в — см. Бронза; наскальные изображения в — см. Наскальные изображения; карасукские могильники в Зап. — IV, 324; случайные находки в — II, 238—240; шаманские изображения из Вост. — X, 203—225. См. также: Алтайский край; Ангара; Афонский перекал; Барабинская степь; Бердск; Бокчар; Братск; Братский хут.; Бундюр; Васюган; Енисей; Забайкалье; Минусинский край; Челябинская обл.
- Симеиз (Крым), дольмены в — VIII, 113; могильник в — VIII, 113.
- Синеглазов, пос. (Челябинская обл.), курган у — IX, 231 сл.
- Синопа, связь — с Ольвией VII, 305.
- Синьково, с. (Верхнее Поволжье), городище у — IX, 62.
- Синявка, с. (Киевская обл.), курган близ — I, 95.
- Сираки, земля — у Тацита IV, 265.
- Сирия, верхний палеолит в — III, 74.
- «Сказание о Борисе и Глебе» VIII, 233 сл.
- Скандинавия, арктический палеолит в — V,

- 108 сл.; наскальные изображения в — III, 3 сл., IV 12; неолит в — I, 9, 21; III, 3 сл.; IV, 320.
- Скеля. д. (Крым), дольмены у — VIII, 113; могильник у — VIII, 113; IX, 294.
- Скифо-сарматская культура, в Нижн. Поволжье I, 274; по раскопкам могильника «Частые курганы» IX, 25 сл.; связь Приуралья с — II 141, 148; городища — Крыма III, 253.
- «Скифские» вещи Сибири VIII, 285—288; 290—292.
- Скифы II, 115; VII, 263, 268, 275; X, 161, 166 сл.; городища — в Крыму III, 253; изображения — из склепа близ Тиритаки VI, 126; искусство — VI, 118; курганы — III, 262; IV, 307; — среднего Приднепровья I, 79—100; могильник — «Частые курганы» VIII, 9—50; IX, 13—27; памятники — Сев. Кавказа II, 225; погребения — VII, 166 сл.; из ур. «Три брата» I, 116 сл.; поселения — из Янгиюльского р-на Узбекской ССР III, 269; наверхия — X, 221—223; пояса у — VIII, 19—30.
- Скнятино, д. (Верхнее Поволжье), городища у — IX, 63, 64, 66, 69, 71.
- Скобели, из стоянки Елин Бор III, 86, 93; из Кубенинской стоянки V, 47, 59, 60; из Чулатовской стоянки V, 75.
- Сковорода, из Чортова городища IV, 225.
- Скопинский музей, см Музеи.
- Скотоводство в эпоху неолита III, 31 сл.; Усатовского поселения V, 259 сл.; в эпоху бронзы III, 40 сл., в фатьяновской культуре II, 29 сл.; жителей Елизаветинского городища I, 178; городищ Прикубанья IV, 273 сл.
- Скребки, стоянок Беломорского побережья IV, 178 сл., 208; из стоянки Боршево II, V, 284—285; из стоянки Елин Бор III, 84, 88, 90; стоянок по р. Каче (Сибирь) X, 78—80, 82; из Кубенинской стоянки V, 35, 47 59; из Левшинской стоянки V, 22; из стоянки Пушкиари IX 188—193; из кургана в долине р. Маныча IV, 100, 123; из стоянки Мгвимеви III, 64, 65, 68; из стоянки Мурзак-коба V, 169; из Уртуйской стоянки I, 106 сл.; из стоянки Чулатово V, 75; из стоянки Шан-коба I, 204 сл.
- Скрипунова, д. (Тюменская обл.), шаманское изображение из — X, 209, 214.
- Скульптура, эпохи палеолита III, 13; IV, 319; V, 84, 85, 280; эпохи неолита I, 215—244; III, 8 сл.; IV, 171, 184, 201; V, 51; X, 85—123; трипольской культуры I, 287; III, 226; V, 242, 262; X, 113; деревянная из Приуралья III, 12; IV, 133—145; античная VI, 189—197; Сев. Причерноморья VI, 107—118, 122—127; VII, 31—43, 81—93, 107—120, 133, 174, 187, 308. См. также Статуэтки.
- Славяне. См. Городища у — ; Курганы у — ; Могильники у — ; Керамика славянская; Украшения, а также: Вятичи; Древляне; Дреговичи; Кривичи; Поляне; Радимичи; Северяне.
- Смела (Киевская обл.), подвеска из — VI, 234.
- Смоленск, г., курганы в р-не — IV, 42; находка железного топора в — II, 234; погребения XV—XVI вв. в — II, 234.
- Смоленская обл., находка костей мамонта в — II, 232; памятники эпохи палеолита в — V, 82 сл.; поля погребальных урн в — X, 64; См. также: Гнездовский могильник; Гнездовские курганы; Поречье.
- Собирательство I, 200, 285; V, 24, 145, 176.
- Смядынь, Борисоглебская церковь на — VI, 247.
- Смячка, р. (Черниговская обл.), стоянки эпилепеолита и неолита на — IX, 171, 175.
- Снитин, городище (Полтавская обл.) IX, 123.
- Собака, кости — из неолитических стоянок СССР III, 34.
- Соболево, с. (Верхнее Поволжье), стоянка у — V, 101 сл.
- Советская секция АИЧПЕ, Крымская экспедиция 1935 г. — I, 195.
- Советская секция INQUA V, 112; пленум Комиссии по изучению ископаемого человека — II, 215—221; экспедиция 1936 г. — V, 298 сл.
- Солза, р. (Архангельская обл.), стоянка на берегу — IV, 186.
- Соловецкие острова, каменные лабиринты на — X, 126, 129, 131, 135—137.
- Солоха, курган (Днепропетровская обл.) VIII, 16, 44, 45; пояса из — VII, 20 сл.
- Солютре, кремневый инвентарь эпохи — III, 90.
- Сорочинцы, с. (Полтавская обл.), находки у — X, 66.
- Сорочьи горы (Прикамье), кости домашних животных из городища — III, 44.
- Сосу, город в земле дандариев у Тацита IV, 265.
- Сочи, г., обследование палеолитических местонахождений в р-не — V, 302—303.
- Сошники, из городищ Прикубанья I, 178; из средневекового Херсонеса VII, 236.
- Спарта, г., история — IX, 90.
- Спас, с. (Тульская обл.), городища у — IV, 329.
- Спасская тень (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 185—200.
- Спи I и II (Бельгия), черепа из — IV, 68, 82.
- Спираль, из Подчеремского клада II, 117 сл.; из сарматских погребений Нижнего Поволжья VIII, 79.
- Спорный, хут. (долина р. Маныча), курганный могильник у — IV, 93 сл.
- Средне-Галинское селище (Рязанская обл.) IV, 234.
- Средний, хут. (Ростовская обл.), городища у — VI, 152—153.
- Средняя Кобань, с. (Сев. Кавказ), селище VI—IX вв. у — I, 281.
- Сретенская курганная группа (Марийская АССР) IV, 285—286.
- Сростки, с. (Алтайский край), палеолитическая стоянка II, 216; III, 267; V, 297—298.
- Сруб, остатки — из Курского городища I, 187; из Рюрикова городища I, 279. См. также Погребения, в срубях.

- Срубная культура II, 108; III, 50; IX, 199—211.
- Срубно-хвалынская культура II, 61, 65; II, 31, 107 сл.; III, 51.
- Ставропольский край, см. Пятигорск.
- Сталинградская обл., памятники эпохи бронзы в — III, 258.
- Сталинская обл. См.: Мариупольский могильник; Филоново.
- Стамески, из Дмитровского городища IV, 159; из могильника «Частые курганы» VIII, 31.
- «Станок», стоянка (Костромская обл.), кремневые фигурки животных из — IV, 202; X, 95; декоративный топорик XII—XIII вв. из — V, 304.
- Старая Буда, с. (Киевская обл.), трипольские площадки у — VI, 35, 36.
- Старая Бухара, раскопки в — III, 270.
- Старая Полтавка, с. (Астраханская обл.), раскопки кургана у — VIII, 73, 90—94.
- Старая Рязань, гончарные клейма из — VIII, 293—298.
- Старица, г. Успенский собор в — VIII, 304—305.
- Старо-Корсунская, стан. (Краснодарский край), городища № 1, 2, 3 у — IV, 265, 268.
- Старосотенский могильник X, 274, 280.
- Старо-Ямское городище (Московская обл.) III, 124.
- Старшее Каширское городище (Московская обл.) IX, 74; жертвенник из — III, 116; керамика — X, 232, 233.
- Старые Городища, с. (Верхнее Поволжье), городище у — IX, 64.
- Старый Кодак (УССР), палеолитическая стоянка III, 197.
- Старый Крым, археологическое обследование окрестностей — V, 302.
- Статуэтки, из с. Братск I, 217; из стоянки Буреть IV, 319; V, 291—292; стоянки Елисевичи III, 262; V, 85, 288; из с. Качуга I, 217; из стоянки Костенки I, V, 280; из Кубенинской стоянки V, 35, 37, 39, 40, 42, 48, 63; из Оленеостровского могильника VI, 57—59; из стоянки Станок IV, 202; трипольские — I, 287; III, 226; из Усатовских курганов V, 242, 262; из погребения Усть-Уда I, 217; из Пашковского могильника I, 164; из Елизаветинского городища I, 181, 182; — Аммона из д. Конец Гор I, 264; — Диониса из Тиритаки VII, 174—187; из гробницы близ Тиритаки VI, 123—126; из крепости Дарабей VI, 89—91. См. также Терракоты.
- Стелы, аттические VII, 179, 180.
- Степная, стан. (Краснодарский край), городище у — IV, 271.
- Степной, г., археологические исследования в р-не — I, 274; раскопки курганов близ — III, 258; курганы в гр. «Три брата» близ — I, 115 сл.
- Стеркфонтейн (Трансвааль), находка черепа австралопитека в — IV, 335.
- Стефановский, хут. (Краснодарский край), городище у — IV, 266.
- Стецовка, с. (Херсонская обл.), погребение у — X, 65.
- Столбун, д. (БССР), эппалеолитическая стоянка у — V, 86.
- Столпячи, с. (Полтавская обл.), поле погребальных урн у — X, 65.
- Стоянка Полякова, см. Костенки I.
- Стрелы, из Дмитровского городища IV, 159; из Елизаветинского городища I, 185; из могильника «Частые курганы» IX, 24; наконечники из стоянок Беломорского побережья IV, 173—176; 185, 188, 191, 192, 195, 208; из кургана близ с. Глинище I, 82, 84, 85, 91, 99; из стоянки Елин Бор III, 78, 84, 86, 95; из стоянки Кубенино V, 35, 43, 54, 56, 57; из Куликовского могильника X, 285; из Левшинской стоянки I, 22; из стоянки Мурзак-коба V, 171; из сарматских погребений Нижнего Поволжья VIII, 76; из скифских курганов I, 82 сл.; из Уругуйской стоянки I, 106 сл.; фатьяновской культуры IV, 301; типа Font Robert III, 95, 96; из могильника «Частые курганы» VIII, 14, 16, 20, 27, 33, 34, 37, 40; из стоянки Шан-коба I, 202.
- Стремена, из кургана у с. Курай I, 282.
- Стретовка, с. (Киевская обл.), поселение у — X, 69.
- Ступеньки, д. (Московская обл.), могильник у — IV, 37, 54, 55.
- Ступы, позднесредневекового Херсонеса VII, 236.
- Стяги, княжеские VI, 242.
- Субботово, д. (Киевская обл.), погребение в — X, 53—54, 70.
- Сувар, городище (Татарская АССР) IV, 330; X, 267, 269.
- Судак, г., археологическое обследование окрестностей — V, 302.
- Судость, р. (Брянская обл.), палеолитические местонахождения на — V, 82, 288, 289.
- Суздальское княжество VI, 240, сл., 314 сл.
- Сузы II, 205; IV, 260, 261.
- Супонево, с. (Брянская обл.), палеолитическая стоянка в — I, 51; V, 82.
- «Сулиборь хрест», камень с надписью — VIII, 249 сл.
- Сунжинская, стан. (Ставропольский край), черепа из — IV, 70, 83.
- Супс, р. (Прикубанье), археологическое обследование — IV, 265.
- Суртайское, с. (Алтайский край), карасукские могильники у — III, 138.
- Сусловский могильник (Саратовская обл.) VI, 160; зеркало из — I, 90.
- Суук-Су (Крым), могильник в — I, 162; VIII, 113; IX, 294, 296, 298, 299; навесы в — V, 300.
- Сухая падь (на р. Ангаре), палеолитическое поселение в — IV, 319; V, 291.
- Сухуми, г., обследование венецианского моста близ — III, 265.
- Сухумская ГЭС, археологическое обследование в р-не строительства — III, 251, 263.
- Сухумский р-н, памятники эпохи палеолита в — II, 190—192.
- Сушковка, с. (Киевская обл.), трипольские площадки у — VI, 37, 38.
- Сфрагистика, древне-русская IV, 314; VI, 230 сл.; VIII, 299. См. также Печати.
- США, кремневое изображение из — X, 117.

- Сыда, с. (Красноярский край), карасукский могильник у — III, 138, 144—147; курганы у — II, 71—86.
- Сыктывкар, г., находка бронзового кельта близ — IX, 30.
- Сылва, р., городище в устье — X, 184 сл.
- Сюкеево, с. (Татарская АССР), кремневые изображения из — X, 97—98, 104, 105.
- Сюльгама (пряжка), из Куликовского могильника X, 273—276, 280, 281; из Марийских могильников III, 168, 172, 175.
- Сюдюрлю-коба (Крым), исследование пещеры — V, 300.
- Сюннийское княжество, древней Армении IX, 304 сл.
- Сюрень I (Крым), палеолитическая стоянка I, 286; II, 217; III, 244; V, 272.
- Сюрень II (Крым), палеолитическая стоянка I, 287; V, 171, 174, 272.
- Сюрютам, д. (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Сяки-ярви (Ленинградская обл.), фигурный молот из — VI, 60.
- Табаево, д. (Татарская АССР), кости домашних животных из стоянки у — III, 40.
- Табелбала (Сахара), кремневые изображения из — X, 115.
- Табличка, золотая с именем Калисфена из Керчи VII, 61—79.
- Таборище, с. (Киевская обл.), трипольские площадки у — VI 33.
- Тавель (Крым), погребения в — VIII, 114; курганы у — X, 67.
- Тавры VII, 170, 171, 172; X, 67; поселение — в Инкермане IX, 283—288; селище — на Тарханкутском полуострове III, 253.
- Таганрог, г., находка костей ископаемых животных близ — II, 236.
- Тагарские курганы II, 86, 87, 90; III, 139, 147, 152, 165.
- Табелони, с. (Грузинская ССР), находка остатков погребального инвентаря близ — II, 238.
- Тагил, г., находка костей мамонта в р-не — II, 232; находка монет близ — II, 235.
- Тагильский музей, см. Музей.
- Таджики, техника изготовления керамики у — I, 62, 66.
- Таджикская ССР, см. Муг, гора; Исфар.
- Такыр, р. (верховье Иртыша), наскальные изображения на — IX, 252, 257, 259.
- Талаевский курган (Крым), скифские пояса из — VII, 21 сл.
- Тали-Барзу (Узбекская ССР), терракотовые статуэтки животных из — X, 315.
- Таманская, стан., фрагмент фриза с изображением гиганта из — VII, 81—93.
- Таманский музей, см. Музей.
- Таманский полуостров, курганы — IV, 306; раскопки поселения X—XII вв. на — III, 264; эпиграфика — VII, 247—257; налучье с Ярославовой тамгой с — VI, 241. См. также Буерова могила.
- Тамбовская область. См.: Крюковско-Кушновский могильник; Томниковский могильник.
- Тамги VI, 227 сл.
- Тамица, р. (Архангельская обл.), стоянка на — IV, 199; IX, 36, 40, 41.
- Тамураши (верховье Иртыша), наскальные изображения у — IX, 252, 261—269, 272, 274, 276, 278, 280.
- Танаис VI, 163; надписи из — VII, 251; IX, 97; — у Страбона IV, 265. См. также Елизаветинское городище.
- Танская эпоха, погребения — в Курайской степи II, 224.
- Тарденуазская стадия, Восточной Европы V, 147, 148; на Кавказе III, 68; в Крыму I, 195—212; V, 159—186; 298—299; кремневый инвентарь — III, 93.
- Тарелка, родосская, из Ольвии VI, 97, 102.
- Тарнинская стоянка (Рязанская обл.) IV, 237.
- Тарпанчи, д. (Крым), городище у — III, 253.
- Тарс, бронзовая скульптура из — VII, 191.
- Тасманийцы, магическое мышление у — III, 18.
- Тасхан-Бурмак (Крым) V, 300.
- Татар-Османкой, д. (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Татарская АССР, Анапийский могильник в — II, 95—110; эпоха бронзы в — III, 40; городища в — IV, 330; кремневые изображения из — X, 98, 104, 106. См. также: Болгары; Казань; Пустая Морквашка; Сувар.
- Татевский монастырь (Армянская ССР) VIII, 275; IX, 303—327.
- Тахтамукай, аул (Краснодарский край), городище IV, 270.
- Ташкент, г., находка арабской монеты в — II, 240.
- Ташкентский музей, см. Музей.
- Таштыкские могилы III, 147, 164; IV, 324.
- Тбилиси, г., находка древнего погребения в предместье — II, 237.
- Тверь, г., раскопки кремля в — III, 260.
- Тевиек, о. (Бретань), погребения с — V, 176.
- Теленгиты, материальная культура у — I, 282.
- Тель-эль-Амарна, обзор раскопок в — II, 161—184.
- Телющенко, усадьба (Одесская обл.), раскопки у — V, 258 сл.
- Темир-гора (Крым), «villa rustica» на — VII, 45—59.
- Тендровая коса, находка античных монет на — VII, 153 сл.
- Теория культурных кругов III, 98; IV, 31.
- Тепе Гиссар II, 207.
- Терек, р., археологическое обследование долины — III, 245—250.
- Терки, каменные из раскопок у Сале-Харда I, 278.
- Термез, городище — II, 212; памятники архитектуры — IX, 106, 114, 117, 119.
- Тернополь, г., поле погребальных урн у — X, 56.
- Терракоты, из Афрасиаба II, 212; из Мирмекия VII, 284—287; из Олинфа VII, 287; из Ольвии VII, 301, 308, 316; из Семибратнего городища VII, 264; из Тиритаки VI, 123—126; из Фангории VIII, 97 сл., из Хотана II, 209.

- Тесла, из Кубенинской неолитической стоянки V, 45, 54, 55.
- Тесь, с. (Красноярский край), курганы у — II, 86—94; могильники у — III, 137, 163, 165; IX, 53.
- Техника раскопок, см. Археология.
- Технология, тканей из могил Ильмовой пади VIII, 69—71.
- Тешик-кала (Кара-Калпакская АССР), развалины замка в — VI, 176 сл.
- Тешик-таш (Узбекская ССР), раскопки в гроте — VI, 5—18.
- Тиамат X, 171.
- Тикаль (Юкатан), изображения божеств племени Майя из — X, 121—122.
- Тикоман (Центр. Америка), раскопки в — I, 292—293.
- Тимоновка, с. (Брянская обл.), палеолитическая стоянка в — I, 51, 286; II, 8; III, 92, 216; V, 284.
- Тимофеевский ручей (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 195, 200.
- Типунова, р. (Кольский п-ов), стоянка арктического палеолита близ — V, 120—121.
- Тиритака VII, 264; бронзовые штампы из — VI, 298—301; винодельня из — VII, 53 сл.; погребение из кургана близ — VI, 120—128; раскопки 1934—1936 гг. VII, 263; рыбозасолочные ванны из — VII, 98—105; средневековые памятники из — VI, 190—204; статуэтка Диониса из — VII, 174—187.
- Тифлисская, стан. (Краснодарский край), городища № 1, 2, 3 у — IV, 270.
- Ткани, из погребений Ильмовой Пади VIII, 55 сл., 59—62, 69—72; из кургана у с. Курай I, 282; остатки — из Марийских могильников III, 168; из могильника Ноин-Ула VIII, 69; из Рязанских могильников II, 48 сл.
- Ткацкое дело, по материалам Дмитровского городища IV, 164.
- Ткацкие станки, грузики — из Елизаветинского городища I, 178.
- Ткварчели, с. (Грузинская ССР), находка бронзового топора в — II, 237.
- Ткиэнес, древняя пристань в р-не Очеччири IV, 324.
- Тмутараканское княжество VI, 240.
- Това, р. (Архангельская обл.), стоянка в устье — IV, 173, 200.
- Тойба, р. (Ленинградская обл.), неолитическая стоянка в устье — V, 189.
- Толпинское городище (Рязанская обл.) IV, 165.
- Томашевка, с. (Киевская обл.), «залегания» у — VI, 40, 41; поле погребальных урн у — X, 63.
- Томниковский могильник (Тамбовская обл.) II, 40 сл.; IV, 244, 247; X, 274.
- Томская палеолитическая стоянка II, 216.
- Томский курганный могильник II, 129, 134; III, 138, 142.
- Томь, р., находка бронзового подсвечника на берегу — II, 240.
- Топорок, городище (Калининская обл.) III, 114.
- Топоры, каменные из Армении III, 208; сверленные из Калининской обл. III, Прилож.; из стоянки Елин Бор III, 78; из г. Ливны II, 233; из мегалитического погребения у стан. Саратовской III, 227; — медный из с. Лечкоп II, 237, — бронзовые из кург. Бишкин-Булук X, 147; из г. Нальчика II, 236; из с. Ткварчели II, 237; — железные из Дмитровского городища IV, 159; из Куликовского могильника X, 284; из раскопок в Новгороде III, 185, 190, из Семибратнего городища VII, 262; из стоянки «Станок» близ Костромы V, 304; из могильника «Частые курганы» VIII, 30, 31; Чердынского музея X, 310; из Чоротова городища IV, 226; — молот из Истринского могильника IV, 302; найденный близ Лихачевского могильника II, 25.
- Топрах-кала (Армянская ССР), раскопки в — VI, 89, 91.
- Торговля, Древней Руси с Средней Азией в IX—X вв. X, 255 сл.
- Торгунь, р. (Нижнее Поволжье), раскопки 1927 г. на — VIII, 87—88.
- Торевтика, Боспорского царства VI, 298—301.
- Торфяники, Горбуновский II, 144; III, 12, 41, 42; IV, 133—145; Калатинский IV, 140; Южного Прионежья V, 208—211; Шигирский IV, 135.
- Тотемизм III, 3—32; IV, 14, 16, 22, 30, 202; V, 84; X, 222—223.
- Тотьманский ручей (Вологодская обл.), стоянка у — IV, 195, 200.
- Точильный камень, из стоянки на р. Зимняя Золотца IV, 180; из Истринского могильника IV, 301; из кургана в долине р. Маныча IV, 96.
- Трактомиров (Киевская обл.), находки у — X, 71.
- Тралесин, д. (БССР), находка монет в — II, 236.
- Трансвааль, находка черепа австралопитека в — IV, 335.
- Третий Разменный курган, см. Разменный III курган.
- Триалети (Грузинская ССР), деревянная колесница из кургана в — X, 156.
- «Три брата» (Астраханская обл.), курган в ур. — I, 115—156, 274; II, 22; III, 258; X, 143—153.
- «Три камня», ур. (близ Кисловодска), погребение в — IV, 81.
- Тризна, остатки — в могильнике Бигершай IV, 241; в курганах вятичей IV, 298.
- Трипольская культура I, 68, 287. II, 9, III, 223—227, 262; IV, 33; VI, 20—45; X, 113. См также Усатовская культура.
- Троице-Пеленицкое городище (Рязанская обл.) II, 44; X, 233.
- Трубная, д. (Прикамье), могильник у — III, 257.
- Туапсе, г., обследование палеолитических местонахождений в р-не — V, 302—303.
- Тудозеро (Ленинградская обл.), рыболовные крючки из неолитической стоянки на — III, 103, 105—107, 110.
- Туехта, с. (Алтайский край), раскопки курганов у — I, 282, 284; III, 268.
- Тулгуба (Карело-Финская ССР) находка молота с головой медведя у — III, 8.

- Тулун, г. (Иркутская обл.), находка костей мамонта близ — II, 239.
- Тул-Куне, сопки (верховье Иртыша), наскальные изображения на — IX, 252, 253, 254—258, 273—274.
- Тунгусы, шаманские изображения у — IV, 142.
- Тулльская область, городища в — III, 117, 121; IV, 329; курганы в — IV, 329.
- Тур, ископаемые кости — в Волго-Камье III, 38.
- Турбино, д. (Прикамье), могильник у — I, 257, 264; стоянка у — II, 223; V, 16, 17, 24; селище у — X, 190, 195, 196.
- Тургеньская сопка (Казахская ССР), раскопки на — III, 270.
- Туркменская ССР, археологические работы в — II, 207; археологические разведки в Хорезме VI, 168 сл.; раскопки на городище Неса III, 270; керамика I-го тыс. до н. э. из — IV, 260. См. также Анау.
- Туров, г., следы погребальных урн у — X, 64.
- Туровское княжество IV, 43, 59.
- Турткуль, г., археологические разведки в окрестностях — VI, 169 сл.
- Турья, с. (Кировоградская обл.), бляхи в виде голов лося из — VIII, 28.
- Тушпа (столица Ванского царства) IV, 256, 258, 261.
- Тырновский могильник (Рязанская обл.), химический анализ бронзовых изделий из — II, 199.
- Тюк д'Одубер (Франция), кремневый инвентарь из пещеры — III, 69.
- Тюменская область, шаманские изображения из — X, 209 сл.
- Тюрнг-тепе (Иран), археологические исследования в — II, 205.
- Увек, г., весовая чашка из раскопок в — IV, 160.
- Угра, р., археологическое обследование — IV, 328 сл.; курганные погребения на — IV, 37, 55.
- Удила, из погребений у с. Курай I, 282; из кургана в ур. «Три брата» I, 142, 155.
- Удмуртская АССР. См.: Бигер-Шай; Донды-Карское городище; Собанчи-Карское городище.
- Узбекская ССР, палеолит в — см. Палеолит; разведки в Хорезмской обл. — VI, 128—188. См. также: Аиртам; Байсунтау; Бухара; Каунчи; Пайкенд; Рабат-и-Малик; Самарканд; Тали-Барзу; Термез; Тешик-таш; Чирчикстрой.
- Узген, г., памятники архитектуры — IX, 117.
- Уздечки, из могильника Красный Яр VIII, 290—292; из могильника «Частые курганы» VIII, 15, 17, 19, 28—34, 40—42.
- Уйгуры, материальная культура — II, 240.
- Уй-кала (Кара-Калпакская АССР), развалины замка в — VI, 176 сл.
- Украшения, из могильника Бигер-шай IV, 242; из Марийских могильников III, 170; IV, 280; у мешерских, мордовских и муромских племен IV, 45, 59; из родищ Верхнего Поволжья IX, 69, 71; из рязанских могильников II, 50 сл.; из энеолитических погребений Вост. Сибири IV, 321; у славян IV, 33 сл., 40, 54, 56, 59 сл.; из могильника «Частые курганы» VIII, 38, 43, 48; из погребений XI в. на р. Чусовой III, 127. См. также: Браслеты; Бусы; Гривны; Кольца; Лунницы; Ожерелья; Перстни; Привески; Пряжки; Серьги.
- Улан-хада (Вост. Сибирь), неолитическая стоянка I, 215; рыболовство жителей — III, 107 сл.; IV, 321; каменные рыбы из — IV, 224, 234, 239.
- Уллы-Гульдурсун (Кара-Калпакская АССР), развалины крепости — VI, 183 сл.
- Ульский курган, золотая пластинка из — X, 171.
- Умеркай-кая (Крым), навес в ур. — V, 300.
- «Уница» (Ярославская обл.), кремневые фигурки из стоянки — IV, 133, 202; X, 94, 104, 105.
- «Упинэ», см. Косники.
- Уразбай, д. (Вост. Сибирь), наскальные изображения у — IX, 262—268.
- Урал, археологические исследования на Южном — IV, 332; находка костей мамонта на — II, 232. См. также Приуралье.
- Урарту II, 89—91; III, 206; IV, 249, 256 сл., 261; X, 171.
- Урбниси, с. (Грузинская ССР), находка глиняного саркофага в — V, 269.
- Урвановский могильник (Владимирская обл.) II, 54.
- Ургенч, г., VI, 168; X, 255.
- Уркуста, с. (Крым), археологическое обследование р-на — V, 300; дольмены у — VIII, 113.
- Уругуйская микролитическая стоянка I, 105—112.
- Ус, р., разведки по — I, 284.
- Усатово, с. (Одесская обл.), раскопки у — I, 288; V, 239—262; VI, 239.
- Усатовская культура V, 239—262.
- Успа, город в земле сираков у Тацита IV, 265.
- УССР, палеолит в — см. Палеолит; неолит в — см. Неолит; макролиты в — V, 293—297; трипольская культура в — см. Трипольская культура. См. также под назв. отд. областей УССР.
- Устье, с. (Ярославская обл.), стоянка у — V, 104.
- Усть-Абаканское, с. (Красноярский край), могильник — IX, 57, 58.
- Усть-Ерба, с. (Красноярский край), курганы у — II, 71, 72, 92; IX, 53, 57, 58; могильник у — III, 138, 152—163.
- Усть-Кяхта, с. (Бурято-Монгольская АССР), могильник Ильмовой пади в р-не — VIII, 51 сл.
- Усть-Лабинская, стан. (Краснодарский край), городища № 1, 2, 3, 4, 5, 6 у — IV, 269; могильник № 1 и 2 у — IV, 265, 273.
- Усть-Сыда, с. (Красноярский край), могильник у — III, 138—144.
- Усть-Сылвинское городище (Молотовская обл.) X, 184—190.

- Усть-Тесь, с. (Красноярский край), могильники у — III, 137, 160.
- Усть-Уда (Иркутская обл.), погребение у — IV, 321; фигурка из мамонтовой кости из — I, 217.
- Усть-Чусовая, д. (Прикамье), подъемный материал эпохи неолита из — V, 230; неолитическая стоянка — I, 256 сл.
- Усть-Яренга, р., стоянка у — IV, 195, 200; IX, 36, 38, 41.
- Усть-Яренга, с. (Архангельская обл.), кремневые изображения из — X, 90, 106.
- Уча, р. (Московская обл.), курганные погребения на — IV, 55.
- Учение о стадиальности — IV, 5 сл.
- Утюжка-гладилка, из Барвихинского городища III, 118.
- Ушатинское селище (в г. Дмитрове) IV, 165.
- Ушмары (Московская обл.), курганы у — IV, 56.
- Фанагория, греческие надписи из — VII, 249—250, 252—257; статуэтка Сабазия из — VIII, 97 сл.; — у Страбона IV, 265.
- Фаскау (Сев. Кавказ), могильник I, 280.
- Фасос, о., курос с — VII, 314.
- Фатьма-коба (Крым), палеолитическая стоянка — I, 287; IV, 339; V, 174—176, 183, 272.
- Фатьяновская культура I, 61; II, 19—37; III, 50; IV, 300—304; VI, 63—87; IX, 213—219.
- Фатьяновский могильник II, 19, 214.
- Фауна, четвертичная II, 217; V, 67 сл., 83, 144, 146, 151—155, 174, 286, 288, 292, 302; VI, 14—15; IX, 182, 183.
- Федоровская стоянка (Ивановская обл.), керамика из — I, 54; кости домашних животных из — III, 35.
- Федяшевское городище (Тульская обл.) III, 117, 121.
- Фенноскандия, арктический палеолит — V, 107 сл.
- «Fensterung», из раскопок в с. Даблагоми V, 264—265.
- Феодосия, г., исследование древних водопроводов в — III, 267; археологическое исследование в р-не — II, 226; V, 302.
- Ферапонтово, с. (Вологодская обл.), кремневые изображения из — X, 92, 102, 103.
- Фиасы, в Боспорском царстве VII, 61 сл.
- Фибулы, из Бельбекского могильника II, VIII, 116; типа Латэн Юга России X, 55 сл., из Киевской обл. X, 60—62; римская из погребения в г. Киеве X, 250, из Пашковского могильника I, 159—161, 166; из Рязанских могильников II, 50; из сарматских погребений Нижнего Поволжья VIII, 76, 78—90; из кургана в ур. «Три брата» I, 145—147, 156; из Черняховского могильника X, 58—60.
- Фигурки, см. Статуэтки.
- Филоново, ст. (Сталинградская обл.), поселение и могильник эпохи бронзы у — III, 258.
- Финляндия, неолит — см. Неолит; каменные лабиринты в — X, 125; находка привески из янтаря в — IV, 144; рыболовные сооружения эпохи неолита из — X, 139—140.
- Финмаркен, стоянки арктического палеолита в — V, 107, 111.
- Финны, обряд погребения у — IV, 44.
- Финхаген (Скандинавия), изображение животных эпохи неолита — из III, 4.
- Фольклор, ханты-мансийский IX, 245—248; скандинавский IX, 84; X, 236—241.
- Фон-де-Гом (Франция), наскальная графика, пещеры — III, 72.
- Фонтаны, в Помпеях VII, 210, 212, 216, 217.
- Формы литейные, см. Литейные формы.
- Фракия, искусство III в. н. э. во — VI, 114; культы — VIII, 100 сл.
- «Фракийский всадник» VIII, 103 сл.
- Фреска, древне-русская VIII, 183, 190, 192, 200.
- Фригия, культ Сабазия во — VIII, 105.
- Фум-Бир-Сеид (Сев. Африка), наскальная графика пещерного навеса — III, 72.
- Фюрфооз (Бельгия), черепа из — V, 183.
- Хазарское царство VI, 130—165; X, 255—270.
- Хазары, в Дербенте VIII, 136 сл.
- Хакасская авт. обл., карасукские памятники в — III, 137 сл.; IV, 324; могильники «чаатасы» в — I, 284; случайные находки в — II, 240. См. также Подкунинский улус.
- Халд, бог VI, 91.
- Халды, см. Урарту.
- Халепье, с. (Киевская обл.), раскопки у — III, 223, 262; VI, 20—45; трипольские площадки у — VI, 35.
- Хамлидж, город древней Хазарии VI, 130.
- Ханты-Мансийский нац. округ, археологическое исследование в — III, 254; шаманское изображение из — IX, 239—248. См. также Березовский р-н.
- Хань, китайские чашки эпохи — из Нюин-Улу VIII, 59.
- Харакс (Крым) III, 252, 266; VII, 125—127; VIII, 282.
- Харинская культура X, 183.
- Харьковская обл., курганы в — IV, 314; поля погребальных урн в — X, 65, 66. См. также: Глинище; Гонцы; Дробышевские стоянки; Изюмский р-н; Яремская стоянка.
- Хапар-Мерд (Курдистан), каменные орудия из грота — VI, 14.
- Хач-Булаг, с. (Азербайджанская ССР), находки эпохи бронзы в — II, 237.
- «Хачкары» (армянские крестные камни) VI, 278—280.
- Хвалибоговце (Польша), эпилептолитическая стоянка III, 98.
- Хвалынский, г., находка костей ископаемых животных близ — II, 231; лобная кость кроманьонского человека, найденная близ — IV, 88.
- Херсонес, раскопки в — III, 242, 266; VII, 231; скорченные погребения — VII, 169—172; — античный VI, 107 сл., 307—308; искусство — VI, 113 сл., 307—308; VII, 107—120; история IX, 89—93.

- 122 сл.; керамика эллинистического периода из — VII, 144; надписи с именем Геракла из — VII, 251; плита с изображением Геракла из — VI, 307—308; склепы некрополя IX, 294, 300; — средневековый, архитектура VI, 202, 213, 214; VII, 232—236; VIII, 261—278; бани — IX, 326—327; экономика и быт — в XIII—XV вв. VII, 231—243.
- «Херсонесская присяга» IX, 89—99.
- Херсонесский музей, см. Музеи.
- Херсонская обл., см. Курганы, Херсонской обл.
- Хеты IV, 260.
- Хиньская падь (Вост. Сибирь), погребение у — IV, 322.
- Ходжалы, с. (Нагорно-Карабахская авт. обл.), археологические памятники в окрестностях — IV, 249.
- Ходот, князь вятичей IV, 45.
- Холмул (Центр. Америка), раскопки в — I, 295.
- Холомониха (Владимирская обл.), неолитическая стоянка V, 304; IX, 29, 35; кремневое изображение из — X, 95, 103, 109, 110.
- Холуйский могильник (Владимирская обл.) II, 53.
- Ното sapiens, находки — в Вост. Африке IV, 336.
- Хорезм, археологические разведки в — VI, 168—188.
- Хорольское городище (Краснодарский край) IV, 267.
- Хоста, р., палеолитические местонахождения по — V, 303.
- Хотан, терракоты из — II, 209.
- Хрепельские курганы (Новгородская обл.), раскопки — I, 191—193.
- «Худуд-ал-Алем» X, 258, 259, 263, 264, 269.
- Хутынский монастырь, церковь Григория в — VIII, 300—305.
- Цаган-Эльсин (Нижнее Поволжье), курганы близ — X, 143.
- Цакатенко (Центр. Америка), раскопки в — I, 292, 293.
- Царская, стан., курган у — X, 163, 164, 181.
- Центральный музей Татарской АССР, см. Музеи.
- Центральный Исторический музей УССР, см. Музеи.
- Цепочки, из Пашковского могильника I, 160, 166; из Подчеремского клада II, 117.
- Цепь золотая, из Новочеркасского клада II, 117; из Суджинского клада II, 117.
- Церкви, г. Владимира VIII, 151 сл.; с Дьякова VIII, 300 сл.; с Коломенского VIII, 300 сл.; в с. Лака VI, 211; Новгорода VIII, 175—222, 300—305; в Остерском Городце V, 247; на Смядыне VI, 247; г. Старицы VIII, 304—305.
- Циклопические сооружения Кавказа IV, 252 сл.
- Цимбалка, с. (Днепропетровская обл.), скифские пояса из — VII, 29.
- Цимлянская, стан. (Ростовская обл.), городище у — VI, 136—165; раскопки 1935 г. — II, 222; раскопки могильника у — III, 263.
- Цискали, с. (Грузинская ССР), памятники архитектуры VIII—IX вв. в — III, 265.
- Цистерны, рыбозасолочные из Камыш-Буруна II, 223.
- Цын-Наволоок, становище (Кольский п-ов), стоянки арктического палеолита в р-не — V, 118—126.
- Чаатасы, в Хакасской авт. обл. I, 284; IV, 324.
- Чагарак-коба, грот (Крым), раскопки 1936 г. — V, 301—302.
- Чадобец, с. (Иркутская обл.), неолитическая стоянка I, 217; кремневое изображение из — X, 116; шаманское изображение из — X, 206—207, 214.
- Чаронда, с. (Вологодская обл.), кремневое изображение из — X, 91—103.
- «Частые курганы» (Воронежская обл.) VIII, 9—50; IX, 13—27.
- Частые, падь (Вост. Сибирь), погребение в — IV, 322.
- Чатыр-даг, гора, исследование пещер — V, 96.
- Чаша, бронзовая, из могильника «Частые курганы» VIII, 15—17; глазированная из Семибратнего городища VII, 264.
- Чашки, весовые, из Болгарского городища IV, 160; из Дмитровского городища IV, 156, 160; из г. Увека IV, 160; китайские из могильника Ильмова Падь VIII, 59.
- Чая, р., шаманское изображение с — X, 210, 214.
- Челн, находка древнего — в Житомирской обл. II, 235.
- «Челпаны» Беломорского побережья IV, 190 сл.
- Челябинск, г., курганы близ — IX, 231 сл.
- Челябинская область, раскопки городища «Чудаки» в — IX, 221—237. См. также Курганы, Челябинской обл.
- Чепецкие городища III, 48; IV, 248.
- Чердынский музей, см. Музеи.
- Череп, из Караваевского могильника IX, 32; деформированные из погребений в долине р. Маньча IV, 122, 131; ижорские из г. Красногвардейска II, 151—157; из кургана в окрестн. г. Моздока IV, 70, 74, 75; из стоянки Мурзак-коба V, 160 сл., 179, 181, 182; из Пятигорского музея IV, 70, 83, 84; из кургана в ур. «Три брата» I, 117, 119, 124, 139, 140, 142—145, 155; часть — найденная близ Хвалынского IV, 88; Чулатовской стоянки V, 72; австралопитека IV, 335; из Кауфертсберга V, 183; из Крапины IV, 68; из Оберкасселя IV, 338; из Пжедмоста IV, 88; из Подбабы IV, 88; из Спи I и II, IV, 68; из Фюрфооз V, 183; с оз. Эйясси IV, 337.
- Черепная крышка Подкумского чело-века IV, 63—89.
- Череп-сосуд, из Чулатовской стоянки V, 72.
- Черная гора (Верхнее Поволжье), городище IX, 62.

- Черная, р. (Крым), археологическое обследование долины — V, 300—301; дольмены у каньона — VIII, 113.
- Черкес-Кермен (Крым), дольмены у — VIII, 113.
- Чернигов, г. Спасо-Преображенский собор в — VI, 247.
- Черниговская область, поля погребальных урн в — X, 64 сл.; см также: Мезин; Погон; Пушкари.
- Черниговское княжество IV, 45, 46, 57.
- Черняхов, с. (Киевская обл.), могильник в — X, 56 сл., 63—64, 71.
- Черняховская культура X, 56—70.
- «Чертеж» г. Владимира 1715 г. VIII, 145—173.
- Чертомлыцкий курган (Днепропетровская обл.) IV, 307; VIII, 24; X, 173; пояса из — VII, 20 сл.
- Четвертичная комиссия АН СССР, коллекция — I, 285.
- Чехо-Словакия, см.: Пжедмост; Подбаба.
- Чиатура, г., памятники эпохи палеолита близ — III, 57—75.
- Чижовский могильник (Костромская обл.) IX, 213.
- Чирчикстрой (Узбекская ССР), находка древних гробниц на — II, 240.
- Чкаловская область, см. Нежинский пос.; Чкаловский р-н.
- Чкаловский р-н (Чкаловская обл.), раскопки скифо-сарматского могильника в — III, 258; находка рога оленя в — II, 231; случайные находки в — II, 234.
- Чмырев курган (Запорожская обл.) VIII, 16.
- Чокрак, д. (Крым), курган в — III, 254.
- Чокурча (Крым), палеолитическая стоянка II, 217; III, 224; V, 272.
- Чоргунь, с. (Крым), археологическая карта р-на — V, 160; археологическое обследование р-на — V, 300; дольмены у — VIII, 113.
- Чорна Терля (Крым), археологическое обследование — V, 301.
- Чортово городище (Рязанская обл.) IV, 212, 223.
- «Чтение о Борисе и Глебе» VIII, 233 сл.
- Чувашская АССР, эпоха бронзы в — VI, 63—87; могильники в — II, 30; III, 40 сл.; VI, 63—87; селища в — III, 40, 49.
- Чувиковское селище (Рязанская обл.) IV, 222.
- «Чудаки» (Челябинская обл.), городище — X, 196; раскопки — 1937 г. IX, 221—237.
- «Чудские» городища Прикамья I, 266; V, 5.
- «Чудские древности» II, 113—149.
- «Чудские» копи II, 144.
- Чуйский тракт, археологическое обследование трассы — I, 282.
- Чукча, р. (Архангельская обл.), стоянка в устье — IV, 190, 193, 200.
- Чукчи, искусство у — IV, 141; каменные изваяния у — I, 228.
- Чулатово (Черниговская обл.), палеолитическая стоянка II, 219; V, 65—79, 152, 153.
- Чумкосна, городище (Прикамье) I, 4; X, 191.
- Чупрынская стоянка (Рязанская обл.) IV, 239.
- Чуринги, из стоянки Елисеевичи V, 84, 287, 288.
- Чусовая, р., археологическая карта р-на устья — I, 257; клад серебряных вещей на — III, 133; Левшинская стоянка на — V, 1—30; погребение XI в. на — III, 127—134; поселения ананьинской культуры по — X, 184 сл.
- Шаббаз, г. (Кара-Калпакская АССР), археологические разведки в — VI, 169, 170.
- Шабурово, с. (Григорьев), находка костей мамонта в — II, 232.
- Шайтан-коба (Крым), палеолитическая стоянка I, 286; V, 272; VI, 13.
- Шаманские изображения, в Вост. Сибири X, 203—225.
- Шаманство III, 14; IV, 142, 143; IX, 239 сл.; X, 203—225.
- Шан-коба (Крым) палеолитическая стоянка I, 195—212, 285, 287; II, 217; III, 238, 241, 266; V, 170, 171, 174—176, 272, 298—300, 302.
- Шанселяд (Франция), скелеты из — V, 183.
- Шаньково, д., курган у — III, 121; X, 233.
- Шапель-о-Сен (Франция), кости человека из — IV, 82.
- Шатрищенский могильник (Рязанская обл.) II, 40 сл.; химический анализ металлических изделий из — II, 199.
- Шатуны, д. (Московская обл.), могильник у — IV, 37, 38, 54, 55.
- Шах-тепе (Иран), раскопки кургана — II, 205, 206.
- «Шахаев курган» (долина р. Маныча) IV, 129.
- Шахбуза, с. (Нахичеванская АССР), находки керамики в — IV, 252.
- Шахристан II, 212.
- Шахтахта, с. (Нахичеванская АССР), раскопки в окрестностях — IV, 254 сл.
- Швейцербильд (Швейцария), палеолитическая стоянка III, 93.
- Швеция, каменные лабиринты X, 125—131.
- Шибан, д. (Керченский п-ов.), остатки стен у — VII, 274 сл.
- Шибинский этап (эпохи железа Сибири) VIII, 288.
- Шиверский могильник (Вост. Сибирь) IV, 321.
- Шигирский торфяник, деревянная скульптура из — X, 112; земледельческие орудия из — II, 144; костяные орудия из — IX, 42; находка «идола» в — IV, 135, 138 сл.
- Шигирское городище (Свердловская обл.), кости домашних животных из — III, 42.
- Шилья, из Гонцовской стоянки V, 90; из стоянки Шан-коба V, 299; из Кубенинской стоянки V, 35, 40, 45, 58; из кургана в дол. р. Маныча IV, 109, 123, 129; из ямных погребений V, 26.
- Шингавитское городище (Армянская ССР), раскопки на — III, 213.

- Шипеницы. с. (Буковина), «залегания» у — VI, 40, 42.
- Шипы, из Гнездовских курганов III, 191; из раскопок в Новгороде III, 191.
- Ширакская степь (Грузинская ССР), находка древних сосудов в — II, 237.
- «Шкарбониева могила» (Херсонская обл.), курган X, 65.
- Шлем, бронзовый из «Шахаева кургана» IV, 129; находка — в с. Кочкаревка II, 236.
- Шойбулакский могильник (Марийская АССР) III, 167—169.
- Шор-тапа (Нахичеванская АССР), раскопки в — IV, 254.
- Шреш-Блур (Армянская ССР), раскопки в — III, 209—213; глиняные колеса повозки из — X, 157.
- Штайнкюмбл (о. Готланд), надпись из — IX, 85.
- Штамп, бронзовый из Тиритаки VI, 298—301.
- Штацендорф (Штирия), могильник X, 54.
- Шульговая, стан. (Запорожская обл.), курган у — IV, 307.
- Шульц, хут. (Астраханская обл.), раскопки кургана у — VIII, 87—88.
- Шурахан, с. (Кара-Калпакская АССР), развалины крепости в — VI, 169.
- Щипцы, из Чортова городища IV, 225.
- Эвенки I, 216; одежда у — IV, 321.
- Эзда IX, 84.
- Эйна-губа (Кольский п-ов), стоянка арктического палеолита на берегу — V, 125—126.
- Эйясси, оз. (Вост. Африка), черепа неандертальского типа с — IV, 337.
- Эквадор, археологические исследования в — III, 229.
- Эккиджик-коба, навес (Крым) V, 300.
- Эламская культура IV, 260.
- Элар (Армянская ССР), раскопки в — III, 206, 209, 213.
- Элекманар (Алтайский край), памятники афанасьевской культуры близ — II, 93.
- Элиста, г., см. Степной, г.
- Эль-Мекта (Сев. Африка), верхне-палеолитические черепа из — IV, 388.
- Эльментейта (Вост. Африка), скелеты из — IV, 339.
- Эмаль, выемчатая III, 121.
- Энаро, оз., каменный лабиринт на — X, 126.
- Энеолит, Кавказа III, 63; IV, 323; Сибири I, 217, 238; IV, 321—322; Севера СССР IX, 31 сл.; Западной Европы IX, 33.
- Энохоя, из склепа близ Тиритаки VI, 120; из кургана № 7 могильника «Частые курганы» IX, 17.
- Эоантроп II, 202.
- Эолиты, из стоянки Матвеев курган II, 193.
- Эпиграфика, греческая из Керчи VII, 61—79; Таманского полуострова VII, 247—257; русская VI, 309—315. См. также: Надписи; Сулиборь урвст.
- Эпипалеолит Брянской обл. V, 81 сл.; БССР III, 98; V, 81 сл.; Вост. Европы V, 144—149; Крым III, 79, 98, 241; V, 93—99; Поволжья верхнего и Оки II, 216, 217; III, 77—98; V, 101; УССР III, 98; V, 275—277; в Польше III, 97—98.
- Эпоха бронзы, см. Бронза, эпоха —.
- Эпоха железа, см. Железо, эпоха —.
- Эрзи, украшения у — IV, 59.
- Эрингсдорф, кости человека из — IV, 82.
- Эрмитаж, выставка иранского искусства II, 205 сл.; коллекции — III, 8, 12, 13; VII, 20 сл., 91, 318 сл.; VIII, 12; X, 316; работа сектора Доклассового общества в 1935 г. II, 241—242; скульптура Геракла со львом из — VII, 191.
- Эрот, гипсовая статуэтка — из Керчи VII, 280—283.
- Эски-Кермен, д. (Крым) VI, 216, 223; базилика в — VI, 217—219, 228; могильник у — VIII, 113; склепы — IX, 294, 298.
- Эскимосы, каменные изваяния у — I, 228.
- Эсмеральдас (Эквадор), материальная культура в — III, 229.
- Этнографический музей, см. Музей.
- Эт-Табун (Палестина), палеолитическая стоянка в пещере — VI, 14.
- Эшеры (Абхазская АССР), палеолитическое местонахождение III, 238.
- Юдиново, д. (Брянская обл.), верхнепалеолитическая стоянка у — III, 213—217; V, 86.
- Юкатан, археологические исследования в — III, 229; история — I, 298; этнография — III, 232. См. также Тикаль.
- Юровичи, д. (БССР), палеолитическая стоянка III, 216; V, 83.
- Юрьевоцкое городище (Ивановская обл.) III, 124.
- Юсуф-коба (Крым), палеолитическая стоянка V, 159, 300.
- Юхзов, г. (Калужская обл.), курганы в р-не — IV, 45, 55.
- Я5лоновская курганная группа I, 80.
- Ява, о., находки питекантропа на — VI, 316—323.
- Языково, с. (Калининская обл.), неолитическая стоянка у — III, 34, 36, 217; V, 41, 52; VI, 46; IX, 32.
- Яйла крымская, эпипалеолитические стоянки — V, 93—99.
- Яйрчи, д. (Крым), городище у — III, 253.
- Якутская АССР, писаницы в — VIII, 281—284.
- Ялта, г., дольмены у — VIII, 113.
- Ямал, п-ов, раскопки на — II, 239.
- Ямбург (УССР), палеолитическая стоянка V, 152.
- Ям-Наволоок (Архангельская обл.), стоянка у — IV, 195, 200.
- Ямочно-гребенчатая керамика, см. Керамика эпохи неолита.
- Япония, неолит в — I, 276.
- Яр (Вост. Сибирь), неолитическая стоянка I, 240.
- Ярёмовская I стоянка (Харьковская обл.) V, 275—276.

- Ярки (Красноярский край), погребение в — IX, 53, 54, 56—58.
 Ярославская область. См.: Вауловский могильник; Городок; Золоторучье; Красный Холм; Сарское городище; Уница; Устье.
 Ясаково, с. (на р. Оке), местонахождение кремней у — II, 216.
 Ясниковское, с. (Московская обл.), находка костей исполинского оленя в — III, 199; геологические условия залегания ископаемых костей в — III, 204.
 Яштух (Сухумский р-н.), палеолитическое местонахождение II, 191—220; III, 237.
 Ящики каменные, см. Камень, ящики из—

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Аббас шах VIII, 140
 Абрамович Д. И. VIII, 233
 Авенариус Н. П. VI, 244
 Агапитов Н. Н. X, 220
 Агиляр, Педро Санчес, де III, 232
 Адам Бременский IX, 79
 Адрианов А. В. III, 160; IX, 51, 251, 276; X, 220
 Адрианов В. С. I, 278, VIII, 44
 Айналов Д. В. VI, 213; VIII, 238
 Акоста III, 231
 Алабин П. В. II, 95, 96, 97, 107
 Алекперов А. IV, 249, 252
 Алексеев П. С. VIII, 282
 Алепский Павел VIII, 303
 Алихова А. Е. III, 259, X, 27, 279, 280
 Амелькин И. С. IV, 235
 Амиранашвили А. И. III, 252
 Амиранашвили Ш. Я. II, 211, 214
 Андреев VIII, 219
 Андрес де Таппа III, 231
 Антонин Пий X, 60
 Антонович В. Б. IV, 33, 43; V, 147, 148; X, 240, 243, 244, 252
 Анучин Д. Н. I, 218, 219, 228, 234, 244; II, 122, 127; III, 34, 37, 77, 78, 79; IV, 71, 72, 73, 82, 176; X, 220, 224
 Аняфимов Н. В. I, 159, 171; IV, 265; VII, 258
 Апраксин П. Н. VIII, 11
 Арамянц Г. VI, 89
 Арембовский И. В. IV, 319
 Арзютов Н. К. I, 116
 Аристов Н. Я. VI, 162
 Аристотель IX, 90
 Аристотель Фиораванте VIII, 179
 Арриан VI, 107; VII, 123; IX, 96, 97
 Арсакова М. Е. X, 91
 Арсеньев В. К. I, 275
 Артамонов М. И. II, 222, 224; IV, 93; VI, 130, 202, 204, 227, 253; VIII, 118, 121, 137, 231; IX, 80, 127; X, 159, 161
 Артамонова О. А. IX, 86
 Артлебен Н. А. VIII, 145
 Арциховский А. В. I, 187, 251; II, 48; III, 113, 130, 179, 181, 183, 192; IV, 34—39, 47, 53, 57; IX, 61, 122, 138, 139, 142, 143, 145, 146, 155; X, 278—282
 Ауэрбах Н. К. I, 215; V, 290
 Афанасьев Ф. I, 241; III, 104, 106
 Ашик А. Б. VII, 70, 92, 256, 270, 273—275
 Ашурбанипал VI, 90
 Бабенко В. А. VI, 156, 157, 159
 Бабенчиков В. П. VI, 221
 Бабенчиков П. П. IX, 299
 Бабкин М. В. IV, 215, 216, 218, 221
 Бадер О. Н. I, 72; II, 19, 21; III, 179, 217, 241, 266; IV, 150, 165, 212, 214, 234, 235; V, 52, 93, 101, 147, 301, 302; VI, 46, 63, 85; IX, 30, 32, 35, 61, 219; X, 232
 Байшева А. А. I, 247, 252
 Байбуртян Е. А. I, 252; III, 206, 209; IV, 261
 Байер З. Г. X, 236
 Бакланов Н. Б. VIII, 123, 137; IX, 101
 Бакулин В. Д. VIII, 298
 Баранович М. IV, 217, 228
 Барсов Е. В. I, 16, 18
 Бартоломей И. А. VI, 260
 Бартольд В. В. VI, 168, 170, 181, 186, 189; VIII, 138, 139; X, 156, 256, 262, 270, 277
 ибн Батута VI, 168
 Батюшков П. Н. VIII, 249
 Башкиров А. С. VI, 207, 211, 216; VII, 121, 258
 Бегичев К. Р. VII, 81—83
 Безкровный И. VII, 274
 Безыменный автор VI, 107
 Бекаревич Н. М. V, 104, 105
 ал-Бекри X, 256, 264, 268
 Белов Г. Д. III, 242, 266; VI, 117, 213, 308; VII, 107, 115, 144, 145, 147, 148, 169—172, 231, 232, 326, 327; VIII, 266, 270, IX, 294, 296, 297
 Белова-Кудь Л. Н. VII, 326; VIII, 270
 Беляшевский Н. Ф. VI, 36; X, 242—243
 Берг Е. V, 212
 Бердзенишвили Н. А. V, 264
 Бередников Я. И. X, 237
 Березин Н. И. III, 271
 Березкин Н. Н. VIII, 283
 Берналь Диас дель Кастильо III, 231
 Бернштам А. Н. VIII, 66; IX, 279; X, 157
 Бертье-Делагард А. Л. VI, 205, 206, 211, 212, 214, 215, 220; VII, 122, 123, 124, 156, 157, 327
 Бибииков С. Н. I, 195, 285, 287; II, 217; III, 238, 241, 266; V, 146, 159, 179, 298, 300
 Билибин Н. V, 148
 Бич О. И. X, 21
 Бичурин Иакинф X, 222
 Блаватский В. Д. III, 242; VII, 125, 156, 189; VIII, 114; IX, 299
 Бларамберг И. П. VII, 272
 Блинов Н. II, 95
 Бобринский А. А. I, 85—87, 93, 95, 96, 98; III, 245; VI, 234; VII, 20, 21, 165—167; VIII, 11, 28, 31; X, 181
 Богаевский Б. Л. III, 20
 Богатов И. П. X, 97

- Богданов А. П. I, 252; II, 26
 Боголюбский С. Н. III, 50, 52
 Богораз В. Г. IV, 31, 141
 Богусевич В. А. IX, 139, 149, 150, 157, 159
 Болсуновский К. В. VI, 233, 247; X, 243
 Болтенко М. Ф. I, 288; VII, 158
 Болтин И. М. X, 235
 Бонч-Смоловский Г. А. I, 196; V, 98, 146, 159, 174, 175, 272, 298, 300; VI, 14; IX, 285
 Борисовский П. И. I, 267; II, 216; III, 77, 80, 87, 92, 95, 96; V, 278, 281
 Борисов А. Я. II, 211
 Боровка Г. И. I, 88, 98; IX, 275; X, 170, 172, 175, 216
 Бортвин Н. Н. I, 56; X, 309
 Бранденбург Н. Е. I, 94, 248; IV, 245; VI, 240; VII, 165, 166
 Браун Ф. А. IX, 80, 83—85; X, 241
 Браунер А. А. V, 71
 Брим В. А. IX, 79, 82, 85
 Броссе М. И. VI, 258—260; IX, 303
 Брун Ф. К. VI, 107, 111, 205; VII, 275
 Брунов А. И. VI, 198; VII, 86
 Брюсов А. Я. I, 31, 32, 58; II, 218; III, 11, 35, 240; IV, 12, 17, 27, 110, 186, 187, 192, 195, 198, 199, 202, 205, 206; V, 51, 52, 88; IX, 33, 34, 35, 36, 40, 41, 42, 44, 45; X, 91, 99, 100, 105, 107, 110, 129, 130, 132
 Бузескул В. П. VII, 7
 Букинич Д. Д. IX, 275
 Бульчев П. И. I, 252; III, 77, 121; IV, 36, 39, 42, 55, 328; VI, 314; IX, 62; X, 233
 Бунин А. И. VIII, 145, 146, 153—155, 157—159
 Бурачков П. О. VI, 107, 109, 111; VII, 153, 326
 Буслаев Ф. И. VIII, 163
 Быдловский X, 62
 Быховский А. II, 202

 Вавилов Н. И. IX, 275
 Валукинский Н. В. IV, 308; X, 291, 294
 Вальдгауер О. Ф. VII, 176, 186, 190; IX, 294
 Варганов А. Д. VI, 312
 Варрон VII, 222, 226
 Васильев А. А. VI, 205, 206, 215, 216, 221—224
 Васильев В. VI, 200
 Васильевский В. Г. VI, 133, 205, 206, 216, 222; IX, 300
 Васнецов А. А. VII, 125
 Веймарн Б. В. IV, 261
 Веймарн Е. В. IX, 298
 Вейнерт Г. IV, 74, 87—89; VI, 316, 318, 319
 Вергилий VII, 224
 Верешагин Г. V, 212
 Веселовский Н. И. I, 90, 172, 280; II, 50; VI, 135, 137, 299, 300; X, 161—163, 166, 178
 Весновский В. А. III, 12
 Веспасиан X, 60
 Вестберг Ф. VI, 131, 153
 Вештомов А. IV, 147
 Визе В. VII, 99
 Викторов В. В. X, 197
 Виноградов А. VIII, 152
 Виноградов К. Я. II, 26—28, 30, 32; III, 199; IV, 300
 Виноградов Н. X, 126, 130, 135, 138
 Виноградов Ф. А. VII, 121
 Вирхов Р. VI, 318
 Висниовская Е. И. V, 302
 Виташевский Н. А. VIII, 282
 Витковский Н. И. I, 215, 220, 222, 230; III, 104, 106, 108; IV, 319
 Вишневецкий Б. Н. II, 202; III, 206
 Владимирский-Буданов М. В. VI, 240
 Владимирцев Б. Я. X, 223
 Воеводский Л. Ф. VII, 125
 Воеводский М. В. I, 51, 58; II, 33, 216, 217; III, 77, 80, 92; IV, 331; V, 101, 144, 147, 215; IX, 30
 Волков Ф. К. II, 63, 65; X, 138
 Воронин Н. Н. VI, 248, 300; VIII, 145, 300
 Вульф Е. В. I, 287
 Высоцкий Н. Ф. I, 58; II, 95, 104; III, 40

 Гайдук А. А. VIII, 282
 Гайдукевич В. Ф. I, 175; II, 223; III, 241; VI, 190, 199, 298; VII, 7, 45, 94
 Гамченко С. С. III, 223; IV, 41; V, 275; VI, 38; X, 54, 55, 64, 65
 Гардизи X, 255, 256, 262, 264, 268
 Гаркави А. Я. IX, 155
 Гарун ар Рашид VIII, 138
 Гафнер А. Я. V, 302
 Гекатей VI, 107; VII, 90, 249
 Геккер Р. Ф. V, 190
 Геллах Т. Ф. I, 285, 288; II, 218; V, 97
 Гендуне Ю. Г. III, 114, 117; IX, 63, 68
 Георги И. Г. IV, 142; X, 184
 Гераклитов А. А. VIII, 77
 Герасимов М. М. I, 275, 286; II, 226; IV, 77, 131; V, 290; VIII, 26; IX, 32
 Герберштейн IV, 167; IX, 83
 Геродот VI, 107, 108; VII, 19, 251, 266, 268, 275
 Герц К. VII, 81—83
 Глазов В. Н. IV, 41; X, 280
 Гмелин И. Г. III, 137
 Говоров Н. В. IV, 212
 Говорский К. VIII, 258
 Голубинский Е. Е. VIII, 165, 304
 Голубцов Н. А. IV, 199
 Гольмстен В. В. I, 111; II, 108, 198; III, 50, 52, 122; V, 105; VII, 164, 166; IX, 298; X, 223, 287
 Гондатти Н. IV, 143
 Гораций VII, 199
 Горецкий Г. X, 132
 Горновский В. В. X, 123
 Городцов В. А. I, 65, 105, 171, 176, 247, 252, 285, 287; II, 28, 44, 108, 113, 193; III, 10, 34, 36, 50, 116, 118, 121, 263; IV, 34, 70, 126, 193, 240, 241, 297; V, 88, 89, 90, 91, 237; VI, 60, 227; VII, 167; VIII, 12, 77; IX, 13, 132, 133, 200, 211, 275; X, 96—97, 99, 105, 178, 179, 217, 220, 232, 233, 283
 Горюнова Е. И. III, 167, 170, 259; IV, 279, 285; X, 123, 274, 287
 Готье Ю. В. VI, 159, 160
 Гошкевич В. И. VII, 165, 166; X, 55
 Граков Б. Н. I, 80, 81; IV, 332, 334; VI, 172; VII, 46, 264, 305; VIII, 75; IX, 94, 298

- Гракова О. А. см. Кривцова-Гракова О. А.
 Греков Б. Д. X, 266
 Гремяцкий М. А. IV, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 71—73, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 83, 85, 86, 336
 Гремяцкий М. М. VI, 15
 Грибановский Н. Н. VIII, 281
 Грибоедов А. С. IX, 81
 Григорьев Г. В. I, 66, 69; X, 315, 316
 Григорьев Н. Г. III, 269; IV, 319
 Гриневич К. Э. VII, 270; VIII, 261, 263, 264
 Гроздилов Г. П. I, 279; II, 243; V, 187; VI, 47; IX, 139, 145
 Громов В. И. II, 186, 215—217, 220; III, 237; V, 84, 155, 174, 175, 273, 302; X, 75, 76, 81, 83
 Громова В. И. III, 34, 37, 38, 41, 45, 48; V, 273, 282; IX, 76, 235, 236; X, 188
 Гросс Ф. И. VII, 49—56
 Грязнов М. П. I, 305; III, 138, 165; VIII, 287, 292, 306; IX, 276
 Гуляев Н. IX, 251
 Гумилевский Н. И. X, 93, 94
 Гуммель Я. И. I, 213; VI, 293
 Гурина Н. Н. I, 279; II, 243; V, 193, 215; VI, 49; IX, 35; X, 125, 132
 Гусев П. Л. VIII, 303
 Гушин А. С. VI, 250
 Гюзальян Л. Т. II, 212
- Давила III, 231
 Данилевич В. Е. IV, 313—315; VIII, 259; IX, 127, 128
 Данилевский В. В. II, 145, 226; III, 267
 Данилевский Н. Я. VII, 104
 Дашкевич Н. П. X, 237, 239—240
 Дебец Г. Ф. I, 239; IV, 335, VI, 15; VIII, 76, 78; IX, 32
 Дебональ VIII, 256
 Деген Б. Е. X, 165, 181
 Демосфен VIII, 100, 101
 Денике Б. П. II, 212; IV, 261; IX, 107
 Деревицкий А. А. VII, 285
 Джавахишвили И. А. VI, 258
 Динцес Л. А. I, 288; VIII, 296, 297
 Диодор IV, 264; IX, 93 сл.
 Дмитревская А. В. IV, 289, 297
 Дмитриев П. А. III, 42; IX, 331, 333
 Дмитриевский И. VIII, 165, 170
 Доброхотов В. VI, 309, 311, 313; VIII, 152, 163, 169, 171
 Добруски В. VIII, 104
 Долбежев В. И. III, 245
 Дольский А. Л. VIII, 11—13, 30, 37, 39, 40, 48
 Доманицкий В. Н. VI, 36; X, 53
 Дондуков-Корсаков А. М. VI, 227
 Дорн Б. А. VIII, 138, 140; IX, 82
 Драницын А. А. III, 250
 Друцкий-Подбереский Р. VIII, 258
 Думшин Г. IX, 83
 Дуран III, 231
 Дурьлин С. X, 126, 127, 130, 131
 Дьяков В. А. VII, 172
 Дьяков В. Н. VII, 121, 124, 125; IX, 296, 299, 300
 Дьяконов М. М. II, 212, 213
 Дьяченко Г. VI, 238
- Фвангулов М. VI, 300
 Евгений, митрополит IX, 138
 Евстафий VII, 95
 Евтохова Л. А. I, 282; II, 71; III, 113, 124; IV, 324
 Елиазаров Л. IX, 313
 Егише VIII, 136
 Егоров М. V, 26
 Егоров Н. М. IV, 70—73, 75, 76, 80, 83
 Егоров Ф. Е. III, 167
 Едемский М. Б. V, 187, 190
 Елисеев А. В. X, 125
 Ельницкий Л. А. VIII, 97
 Ельчанинов В. А. IV, 308
 Ермолаев А. II, 127; X, 211, 217
 Эрнштедт Е. В. VII, 174
 Ефименко П. П. I, 238, 287; II, 39, 215, 217, 218; III, 27, 170, 240; IV, 46, 47, 70, 77, 279; V, 147, 148, 176, 278, 280, 281, 290; VI, 229; IX, 51, 61, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 129—131, 193, 240; X, 86, 299
- Жданов А. А. II, 1; III, V; IX, 9.
 Жебелев С. А. VII, 7—15, 39, 69, 72, 73, 75, 161; IX, 95, 96, 97, 299; X, 8, 9
 Жизневский А. К. VIII, 299
 Жиров Е. В. I, 195; II, 151; V, 159, 166, 298; IX, 32.
 Жуков Б. С. I, 52, 54; II, 96, 202; III, 35, 43; V, 41, 52, 93, 147, 204, 227; IX, 29, 30, 77, 201; X, 104, 283
 Жуковский Б. А. VI, 184
- Забелин И. Е. VIII, 300
 Забелин Н. П. VI, 315
 Забнин С. И. I, 206; III, 252
 Заболоцкий П. Н. V, 302
 Завитневич В. З. IV, 43
 Загоскин Н. П. VI, 315
 Закревский Н. В. VIII, 161
 Замятнин С. Н. II, 190, 191, 193, 219; III, 57, 199, 237, 263; IV, 70, 308; V, 145, 302, 303; VI, 13, 157; VIII, 9; X, 85, 212
 Запорожская В. Д. IV, 319
 Зарецкий И. А. III, 258
 Засурцев П. IX, 139
 Засыпкин Б. Н. VI, 184
 Заусайлов В. Н. X, 98
 Захаров А. А. IV, 260; VIII, 288
 Захаров Н. А. II, 299; III, 227; X, 164
 Заходер Б. Н. X, 270
 Збруева А. В. I, 65, 264, 267; II, 33, 91; III, 33, 35; IV, 190—192, 197, 204; V, 302; IX, 40, 199, 218; X, 183, 190, 196, 197, 201, 233
 Зверев С. Е. VIII, 10, 11, 12, 23, 30
 Зеккель Я. Д. IV, 173
 Земляков Б. Ф. I, 32, 41, 58; II, 220, 226, 227; III, 11, 14; IV, 203; V, 107, 112, 187, 190, 199, 201, 203, 204, 206, 209, 212, 227; VI, 47; X, 132
 Зенгер Н. К. IV, 176; X, 85, 88, 107
 Зенкевич П. И. III, 220
 Зиберть Э. В. II, 228
 Зимин Л. А. X, 311, 312
 Знаменский В. И. I, 187
 З—я Н. Ф. VIII, 259

- Зноско-Боровский Е. А. I, 86
 Зограф А. Н. VI 107, 200, 304, 306; VII, 152, 302, 326; IX, 92
- Иванов В. VIII, 104
 Иванов П. П. I, 303
 Иванова А. П. VI, 109; VII, 107, 121
 Ивановский А. К. IV, 41
 Ивановский Л. К. X, 282, 284
 Иверсен В. М. III, 11, 102; X, 95, 102
 Игнатъев Р. Г. IX, 221
 Иессен А. А. I, 302; II, 226; III, 251, 263; IV, 80; VII, 258, 265; IX, 243; X, 164, 165, 168, 174, 178
 Иконников В. С. X, 241, 252
 Иловайский Д. И. VIII, 258; X, 235
 Ильин А. А. VI, 231, 306
 Ильинский А. П. II, 36
 Индриксон А. М. VIII, 285
 Иностранцев А. А. III, 34; V, 45, 48, 199, 201, 204, 227; VI, 46; IX, 32
 Иордан VI, 221; IX, 81
 Иосиф, хазарский царь VI, 130; X, 259, 264
 Ираклий, император I, 281
 Ираклий Константин I, 281
 Ироднан VII, 19
 Исократ IX, 91
 ал-Истахри VI, 168; VIII, 140; X, 258, 260, 269
 Истлилксочитль III, 231
- Казаринов Л. VI, 46
 Казаров Г. VI, 114
 Казем-Бег А. VIII, 138
 Кайгородов Н. VIII, 260
 Калинин Н. Ф. II, 96, 97
 Кальберг Э. А. IV, 190
 Капошина С. И. VI, 104; VII, 161
 Карамзин Н. М. VI, 313; VIII, 257; X, 235, 236
 Караулов Н. А. VI, 130, 131, 147; VIII, 121, 122, 139, 140
 Карасев А. Н. VII, 129
 Каргер М. К. I, 279; III, 179; VIII, 175, 304; IX, 137, 138, 139, 144, 145, 165; X, 235, 242, 254
 Карнаухов А. П. I, 215
 Касаткин В. В. VIII, 145, 146, 154, 164
 Кастанаян Е. Г. VII, 13
 Кастанье И. А. IX, 221, 251
 Катон VII, 223, 228
 Кацевалов А. Г. VII, 146, 302
 Кашкаров Д. Н. VI, 15
 Квартон Юкундий VII, 211
 Кельсиев А. И. IV, 176; X, 125
 Кене Б. В. VII, 152; X, 242
 Кеппен П. И. VII, 125, 126, 153; VIII, 252, 253, 258
 Кесаев В. Н. X, 311
 Кивокурцев Н. П. VII, 146, 280
 Кикоть В. IX, 311
 Кипарисова Н. П. X, 310
 Киркор А. К. VIII, 259
 Киров С. М. II, 1
 Киселев С. В. I, 215, 247, 282; II, 71, 72, 76, 78, 80, 81, 82, 84, 85, 88, 91, 92, 224; III, 124, 137 сл.; 259; IV, 55, 324; VIII, 292; IX, 51, 275, 279; X, 166
 Кисляков Н. IX, 275
 Кларк IX, 90 сл.
- Клеменц Д. А. III, 137; VIII, 281
 Клепатский П. IX, 87
 Клер О. Е. V, 237; X, 112
 Книпович Т. Н. VI, 92, 300, 301, 302; VII, 46, 140, 143, 148, 162, 294, 302; VIII, 115; IX, 86, 95—97, 296; X, 67
 Кобранов Е. А. I, 68
 Ковалев С. И. IX, 90
 Ковалевский А. П. X, 265
 Козарь П. А. X, 65
 Козлов П. К. II, 209; VIII, 51, 63, 64, 69, 70
 Козубский А. И. VIII, 122
 Коковцев Н. А. VI, 130—132, 153
 Колобова К. М. VII, 65, 69; IX, 97
 Колодяжная А. А. II, 113
 Колосов В. VI, 314
 Колумелла VII, 221 сл.
 Комарова М. Н. IX, 47
 Кондаков Н. П. III, 121; VI, 238; VII, 78, 79, 285, 286; VIII, 226, 229, 287; X, 221
 Кондараки В. X. VII, 121
 Кондратьев С. А. VIII, 70
 Кононов В. Н. VII, 60, 264; VIII, 69; X, 312
 Константин Багрянородный VI, 132, 135, 147, 148, 153, 163; VII, 273; IX, 80
 Константинов Г. М. I, 230
 Кортес III, 231
 Коршенко С. В. X, 71, 317
 Костржевский И. V, 147; X, 68
 Костюшко-Валюжинич К. К. VI, 220; VII, 108, 326, 329; IX, 297, 298
 Кочубинский А. А. X, 53
 Крайнов Д. А. II, 19, 30, 31; III, 259, 266; IX, 36, 38
 Краснов А. П. V, 302
 Красовский И. М. VIII, 158, 300
 Крачковская В. А. II, 213
 Крачковский И. Ю. II, 212
 Крейтон В. Н. IV, 236
 Кривцова-Гракова О. А. II, 22, 82; III, 138, 165, 269; VI, 76
 Кригер Н. III, 204
 Кричевский Е. Ю. III, 223, 225; VI, 20
 Кротов П. И. II, 104; V, 230
 Круглов А. П. II, 108—110, 224; III, 52, 245; VI, 241
 Круковский С. А. III, 57, 64
 Крупнов Е. И. I, 280
 Крушкол Ю. С. VI, 304, 305, 306
 Крэбер А. Л. I, 291
 Ксенофонт IX, 89 сл.
 Ксенофонтов Г. В. VIII, 282
 Кубе А. Н. VI, 283
 Кудрявцев П. П. III, 77, 78, 79; X, 85, 86, 95, 96, 100, 105—107
 Кудряшов К. IV, 41
 Кузнецов С. К. IX, 240
 Кузнецов-Красноярский И. П. III, 161
 Кузнецов-Угамский Н. Н. V, 71
 Кукула Р. VII, 202
 Кулаковский Ю. А. VI, 107, 161, 201, 202; VII, 61, 125, 283; VIII, 34, 114; IX, 82; X, 67, 240
 Кун А. VI, 169, 170
 Куник А. А. X, 238
 Кусцицкий М. Ф. VIII, 259
 Куфтин Б. А. VIII, 293; X, 97, 156, 157
 Куцин Ф. Г. II, 185, 186
 Кякшто Г. Б. VIII, 282

- Лавров Н. И. 302
 Лаврова М. А. IV, 204, 205, 206; IX, 36
 Лагодовская Е. Ф. V, 239
 Лазаревич-Шепелевич Л. Ю. X, 282
 Лалаян Е. III, 206, 209; X, 157
 Ламберти Арканджело IV, 324
 Ланговая О. Э. VII, 289
 Лапкин И. И. V, 276
 Лаппо-Данилевский А. С. X, 222
 Ласкарунская Н. А. II, 190
 Латынин Б. А. VI, 295
 Латышев В. В. VI, 201, 202, 206—212, 215; VII, 63, 71, 72, 76, 110, 115—117, 126, 248, 250, 253, 327; VIII, 107, 109; IX, 97
 Лев Д. Н. I, 171, 302; X, 116
 Левашева В. П. II, 90, 92; III, 137, 158, 161; IX, 51, 55
 Леви Е. И. VI, 110, 116, 308; VII, 302, 308; IX, 89
 Леви-Брюль Л. III, 24—26
 Левицкий И. Ф. II, 218; V, 88
 Ленин В. И. II, 6; III, VI; IV, 6; IX, 5, 6, 8.
 Ленц Э. Э. VII, 23
 Леонов В. X, 97
 Леонов Д. Д. IV, 308; VIII, 12
 Леопардов Н. VI, 244; VIII, 230; X, 244, 245
 Лепер Р. X. VI, 206, 212, 220; VIII, 261; IX, 294, 297
 Лепехин И. И. VIII, 253, 254, 255
 Лепикаш И. А. II, 215, 218, 219
 Лерх П. И. II, 95
 Лесючевский В. И. VIII, 225
 Лецевский И. VI, 227
 Лившиц И. Г. IV, 23
 Линевский А. М. I, 12, 22, 24, 26, 27, 28, 31, 32; III, 115; IV, 12, 17, 27; IX, 36; X, 110, 132
 Лисимах IX, 91 сл.
 Лисин В. П. IX, 296
 Лисица VII, 178, 189—197
 Литвинов В. В. VIII, 11, 15, 18
 Лихачев А. Ф. II, 97
 Лихачев Н. П. II, 107, 138; VI, 230, 236, 253; VIII, 153, 260
 Лициний старший X, 318—320
 Локтюшев С. А. II, 195; V, 293
 Ломаури Т. Н. VI, 280
 Ломоносов М. В. X, 235
 Лопатин Ж. А. V, 305
 Лукулл, Луций Лициний VII, 200
 Лунегов И. А. X, 310
 Лунин Б. В. III, 271; IV, 63, 73, 75, 76
 Лурье И. М. I, 298; II, 161
 Лучицкий И. В. VI, 244
 Лыкошин Н. X, 315
 Любомудров Н. IV, 216, 225
 Люценко А. VI, 118; VII, 47, 50—53, 57—59
 Люценко Е. VII, 27, 45, 52, 53
 Лявданский А. Н. III, 222, 263
 Ляпушкин И. И. IX, 121, 122, 127—130
 Ляскоронский В. Г. X, 69, 242, 248, 249, 252

 Мавродин В. В. VI, 240; IX, 122
 Магура С. С. III, 223, 225
 Мазараки С. А. VIII, 31
 Майков В. В. III, 183
 Майкова-Строганова В. С. VIII, 157
 Майнов И. И. VIII, 282
 Макалатия С. И. V, 264—267.
 Макаренко Н. Е. I, 97; II, 19; III, 121; VI, 155, 156, 247; VIII, 10, 12, 24, 206; IX, 121—126, 128, 137, 145, 146, 157; X, 64, 68
 Макарий митрополит VIII, 218, 302
 Макаров М. IV, 224, 225
 Макдиси VI, 168
 Макробий IX, 91
 Максимов С. X, 132
 Максимова М. И. VII, 72, 199, 310, 311, 313.
 Максимович Н. И. IX, 81
 Малиев Н. II, 95, 97
 Малицкий Н. В. VI, 212; VIII, 159
 Малышевский И. VI, 313
 Мальгин Т. VIII, 253, 257
 Мальмберг В. К. VII, 90
 Мальцев В. VIII, 281
 Мальцева Н. А. I, 282
 Мамин У. V, 272
 Мансуров А. А. II, 199; IV, 165, 211, 214, 227, 235, 238; VIII, 293
 Мантейфель Б. К. IX, 138, 150, 157
 Манцевич А. П. II, 243; VII, 19; VIII, 26, 46.
 Марвази, Шараф аз-Заман Тахир X, 256, 262, 268
 Маркевич А. И. VI, 224
 Марков А. В. IV, 177, 181; X, 88, 90
 Марков А. П. I, 282; III, 138
 Марков К. К. V, 190, 199, 200, 203, 207—209
 Марков М. И. VI, 311
 Маркс К. II, 6; VII, 33; IX, 5, 6
 Марр Н. Я. I, 74; II, 5, 8; III, 26, 32, 52; IV, 5 сл., 13, 28; VI, 108, 278, 282; VII, 9; VIII, 264, 273, 274; IX, 79, 80, 83, 87, 275, 277, 310, 314, 318, 319, 324; X, 224, 225
 Марти В. Ю. III, 241; VII, 94, 104
 Марти Ю. Ю. VI, 191; VII, 31, 67, 73, 94, 248, 271, 273, 274
 Мартьянович А. И. VIII, 10—18, 23, 28; IX, 130
 Мартиросянц Р. IX, 313
 Мартынов А. А. VIII, 171
 Марущенко А. А. II, 207, 209; III, 270
 Марциал VII, 207, 213, 219
 Марчуков Н. С. IV, 127, 129
 Маслов М. IV, 177
 Массон М. Е. I, 303; II, 210; VI, 173
 ал-Масуди X, 258, 259, 261—263, 270
 Матвеев С. Г. III, 48
 Матье М. Э. X, 158
 Махалов А. IV, 326
 Мацулевич Л. А. II, 134, 243; VI, 200; VII, 61; IX, 84, 295, 310, 311
 Мачинский А. В. I, 291; III, 229; V, 305
 Маштаков П. Л. IX, 81
 Мелик-Шахназаров Е. IX, 311
 Мельник Е. Н. IX, 130; X, 66
 Мельников А. Н. IV, 319
 Мемнон IX, 89, 90, 91, 93, 94
 Мендес-сант Яго III, 232
 Мендизета III, 231
 Мергарт Г. I, 218, 228, 230, 241, 244; X, 76.
 Мережковский К. С. III, 79; V, 272
 Мешалянов И. И. IV, 248, 251, 256, 258; VI, 227, 233; X, 170

- Милеев Д. В. X, 248
 Миллер А. А. VII, 20, 78, 258, 265; VIII, 41; IX, 285, 288, 295, 296, 297, 298; X, 174, 175, 313
 Миллер В. I, 168; VI, 161, 162
 Миллер Г. Ф. X, 236
 Миллер М. А. II, 224; IV, 84
 Милонов Н. П. III, 260, 261; IV, 147, 150, 212, 214, 223, 226—229, 235—237; VIII, 299
 Милютин А. VI, 155
 Минаева Т. М. I, 258; V, 105; X, 218
 Минко Н. К. IX, 231, 232
 Минорский В. Ф. X, 255, 256, 257, 262, 268
 Мирчинк Г. Ф. II, 190, 191, 193, 215, 219, 220; III, 237
 ибн-Мискавейх VI, 229
 Михайлов М. И. VIII, 260
 Мищенко Ф. VII, 95
 Мовсесян М. IX, 308
 Моисеев А. С. V, 93, 272
 Моисеев Л. А. VI, 107
 Молдавский П. К. V, 302
 Молотов В. М. III, V
 Молчановский Ф. Н. II, 222
 Монастырев У. X, 97
 Монгайт А. Л. IX, 155
 Морган Л. Г. I, 297, 298; II, 5; IX, 226
 Морозов Ф. М. VI, 314
 Мосберг Г. И. VIII, 113
 ал-Мукаддаси X, 259, 260, 261, 269
 Муравьев-Апостол И. М. VII, 273
 Мурзакевич Н. Н. VII, 152, 154, 157, 159
 Мухелишвили Л. VI, 258; VIII, 264, 274
 Мягков И. М. X, 211, 215, 216, 218
- Наливкина М. А. VI, 107, 307; VII, 284, 302
 Наршахи Мухаммед X, 315
 Невоструев К. И. II, 95; VIII, 225
 Нейрон IX, 243
 Некрасов А. И. VIII, 301, 304; VIII, 175; IX, 147
 Нестурх М. Ф. IV, 336
 Нефедов Ф. Д. I, 248; II, 95, 96, 97, 118, 125, 127; III, 43, X, 195
 Никольский Г. VII, 96, 104
 Ниорадзе Г. К. III, 73, 263
 Новицкий Г. IX, 241
 Новосалский Н. И. VII, 62, 65, 66, 67, 68, 69, 76; VIII, 110
 Носилов К. Д. IV, 143
 Нудельман Д. IX, 81
 Нюберг Г. С. VIII, 132, 136
- Овидий IX, 95
 Овчинников М. П. I, 217, 222, 230, 234; IV, 319; V, 290; VIII, 282; X, 205, 222
 Окладников А. П. I, 215, 275; III, 268; IV, 319; V, 290; VI, 5; VIII, 18, 285; X, 203, 220
 Орбели И. А. II, 213; VI, 182, 282; VIII, 272, 274
 Орбелиани Д. VI, 260
 Орешников А. В. III, 191; VI, 107, 109, 230, 231, 236, 237, 238, 245, 247, 248, 253; VII, 152, 158, 326, 327, 328, 329
 Орлов А. VIII, 260
 Орлова М. Н. I, 247, 249, 252, 253
 Оссовский Г. VI, 40; VII, 167
 Островзоров Н. VI, 309
 Острогский В. А. IV, 185, 190, 192, 193
- Павловский А. А. VII, 285
 Палладий VII, 229
 Паллас П. С. VII, 97, 260, 271, 272, 274
 Паничкина М. З. II, 230; III, 237, 257; V, 302
 Пантелеев М. Н. X, 245, 246
 Пападимитриу С. IX, 81
 Пассек Т. С. III, 223; VI, 20, 295
 Патканов С. К. IX, 241, 242, 243
 Пахомов Е. А. VI, 295; VIII, 129, 131, 132, 135, 140; IX, 98
 Пельцам Э. Д. X, 85, 98, 105
 Первухин Н. Г. II, 136
 Первухин Н. П. IV, 245
 Передольская А. А. VII, 285, 286
 Передольский В. С. V, 204; VI, 46; IX, 137, 138; X, 112
 Петри Б. Э. I, 215, 224, 227, 234; III, 101, 107, 108, 110
 Петри Ф. II, 162, 166, 168
 Петров Г. И. II, 201; VI, 316
 Петров Н. И. VI, 247; VIII, 232, 233; X, 240
 Печенкин Н. М. VI, 114; X, 67
 Пешерева Е. М. I, 62, 66, 69
 Пидопличка И. Г. II, 218, 219; V, 65, 71, 90, 151, 155, 260; IX, 175, 176
 Пиотровский А. И. I, 183
 Пиотровский Б. Б. III, 252; VI, 89; VII, 19, 20; X, 171, 172
 Пискарев А. X, 242
 Плавт VII, 228
 Плетнев В. А. II, 24, 34; IX, 66
 Плиний VII, 201 сл., 221 сл., 277
 Плутарх VII, 249
 Поварнин Г. Г. III, 183
 Погодин А. X, 241
 Погодин М. П. VI, 237; VIII, 249, 258
 Подгаецкий Г. В. II, 108, 110, 243; III, 52; IV, 332; X, 296
 Покровская И. М. V, 208, 209
 Покровский А. М. VI, 159, 164; X, 283
 Покровский М. В. I, 159, 171, 175, 181; IV, 265, 305; VII, 262
 Покровский М. Н. II, 1, 6
 Покрышкин П. П. VI, 310; VIII, 196
 Полибий IX, 89
 Полигистор Александр VIII, 100
 Полиевкт VII, 185
 Поликарпович К. М. II, 218; III, 127, 213, 262; V, 81, 285
 Полиэн VII, 19
 Полканов А. А. V, 113
 Поль А. X, 53
 Поляков И. С. II, 29, 61—70; III, 35, 106, 107, 110; V, 31, 32, 53; X, 86, 138
 Померанцев М. С. IV, 149
 Помпоний Мела VII, 277
 Помяловский И. В. VII, 67, 75
 Пономарев Н. В. II, 64
 Пономарев П. А. II, 95—97, 99, 101, 104, 107, 109; III, 44
 Попов А. В. I, 215
 Попов А. П. IV, 223
 Попов П. И. II, 31
 Попов Х. И. VI, 135
 Попов-Копцов П. П. IV, 226, 229
 Поренкий С. В. V, 199, 200, 203, 207, 208, 209
 Порфиридов Н. Г. VIII, 219

- Потапов А. I, 97
 Потапов Л. П. IX, 273, 274
 Пракситель VII, 178
 Придик Е. М. I, 88, 98; VII, 46, 264; X, 171
 Приселков М. Д. VIII, 234, 237
 Прозоровский Д. И. VIII, 302
 Прокопий VI, 200, 202, 221, 222; VII, 125, 126
 Прокошев Н. А. I, 255, 267; II, 223; III, 39, 127, 132, 257; V, 1, 3, 21, 230; X, 98, 183
 Проходцов И. И. IV, 232
 Прохоров Б. В. III, 113
 Прохоров В. VIII, 225, 226, 231
 Прушевская Е. О. VII, 318
 Птолемей IV, 265; VIII, 135
 Путятин П. А. III, 36, 104; X, 92
- Рабинович Б. З.** I, 79; II, 241, 243
Рабинович М. З. IV, 332
Равдоникас В. И. I, 1, 9, 35, 279; II, 1, 151, 202; III, V, 3, 190, 257, 261, 329; IV, 5, 11, 34, 59; V, 187; VI, 46, 49, 205, 206, 221, 222, 224; IX, 5, 35, 36, 145, 276, 277, 300, 301; X, 102, 108, 138
Радаков II, 95
Радлов В. В. IX, 279; X, 209
Рево К. П. IV, 185, 187, 188, 192, 195, 196; IX, 36, 37, 40; X, 90, 125, 133
Ренгартен В. П. IV, 66
Репников Н. И. I, 162; IV, 41; VI, 206, 214, 216, 219, 220, 222, 224, 314; VII, 121, 124, 125, 169, 170, 171; VIII, 113, 118; IX, 285, 294—299
Рерих Н. К. IX, 137, 146, 157; X, 92, 94, 95, 102
Ризниченко В. IX, 251
Ришардот Д. VIII, 253
Рогачев А. Н. V, 278
Рогинский Я. Я. VI, 15
Рожнецкий С. X, 241
Розанова М. А. IV, 266
Розанова Н. П. VII, 247
Розендорф Г. О. VI, 293, 295
Романов Е. Р. VIII, 249, 253, 256, 259, 260; X, 64
Романов К. К. IV, 327; VI, 311
Романцев И. IX, 166
Романченко Н. Ф. VI, 107, 111, 112, 115, 116
Рончевский К. И. VII, 86
Россова А. М. VIII, 293
Ростовцев М. И. I, 79—81, 84, 87, 88, 90, 92, 95, 98, 100; VI, 300; VII, 46, 47, 69, 74, 76, 95, 110, 121, 122, 124—126, 223, 251, 270, 283; VIII, 10, 11, 17, 24, 26, 48, 49, 75, 103—109, 287; IX, 27, 234, 295; X, 157, 164, 166, 221, 222
Рохлин Д. Г. VIII, 157
Рубрук В., де VIII, 140
Руденко С. И. IX, 240; X, 117.
Рудинский М. Я. II, 197; III, 98; IX, 171; X, 54, 65—67
Румянцев Н. П. VIII, 253
Руса I. IV, 258
Русанов А. X. 203.
ибн Руста X, 255—257, 261, 264, 268, 270
- Рыбаков Б. А.** III, 179; IV, 34, 46, 48, 59; VI, 227, 229, 250; IX, 122, 130—134, 138, 139
Рыздзевская Е. А. VI, 250; IX, 144; X, 312.
Рыков П. С. I, 86, 115, 117, 274; II, 22, 39, 45, 108; III, 50, 52, 138, 258; VI, 161, IX, 131; X, 158, 159, 279, 281.
- С. Я.** VIII, 281
Саагун III, 231
Сабанеев Л. П. II, 65, 66; X, 139, 140
Савельев П. С. IX, 137
Савенков И. Т. I, 217, 303, 305; X, 75, 117
Саксон Грамматик IX, 86
Сальников К. В. IV, 333; IX, 221, X, 196
Самойловский И. М. X, 71, 249
Самоквасов Д. Я. I, 80, 86, 92; III, 245; IV, 33, 43, 48, 81; VI, 159, 237, 251, 252; VII, 166, 167; IX, 131, 171; X, 65
Самуэлян X. III, 206
Сапунов А. VIII, 249, 253, 255, 256, 259
Саргон VI, 90, 91; IV, 258
Сардур IV, 261
Саханев В. В. I, 167
Северов А IX, 310
Сейджанов М. II, 214
Селезнев Ф. Я. IX, 199
Селиванов В. И. II, 221
Селинов В. И. V, 239, 240
Семенов А. И. VIII, 219; IX, 108
Семенов Л. И. I, 281
Семенов П. IX, 81
Семенов-Зусер С. А. VII, 308; IX, 285
Сементовский А. М. VIII, 258, 259
Сенковский О. X, 237
Сергеев С. М. I, 282; III, 138, 158, 162; VIII, 289
Сергеенко М. Е. VII, 220
Серебрянникова М. Н. III, 45, 47, 49
Сецинский Е. X, 54, 55
Сибилев Н. В. III, 83; V, 275; VI, 158
Сизов В. И. III, 191; VI, 135, 137, 154; IX, 62, 63, 132; X, 279, 283
Синельников Н. А. VI, 320
Синицын И. В. I, 116; V, 105; VIII, 73; X, 143, 156, 162, 166—168, 177
Скадовский Г. Л. VII, 167
Скалон К. М. IV, 150
Скиндер В. А. IV, 83; VI, 293
Славин Л. М. II, 222; III, 241; VI, 200; VII, 292
Смелов П. А. VI, 49
Смирнов А. П. III, 42, 48, 124, 129; IV, 239, 330; IX, 30; X, 195
Смирнов Б. VI, 289
Смирнов В. И. II, 19, 32; III, 35; IV, 169; V, 51, 304; IX, 36, 38, 41, 213; X, 90, 94, 95, 112
Смирнов И. И. X, 271
Смирнов И. Н. IV, 59
Смирнов С. М. I, 187
Смирнов Я. И. IV, 249; X, 165, 166, 176, 316
Смоличев П. И. X, 62
Соболевский А. И. IX, 81, 83
Соколов Д. И. II, 216
Соколов Н. М. II, 31
Соколов Н. Н. IX, 213
Соколовский С. М. IV, 42; X, 66
Соловьев Л. Н. II, 190; IV, 323
Сорокин П. М. VI, 230

- Сосновский Г. П. II, 193, 194, 216, 243; III, 137, 240, 267; V, 297; VIII, 51, 288; IX, 51, 275; X, 75, 76, 84
- Сошкина Е. Д. II, 113
- Спасский Г. I, 16; VI, 107
- Сперанский М. А. VIII, 218
- Сперанский М. Н. VI, 309
- Спицын А. А. I, II, 26, 31, 79, 97, 287; II, 19, 28, 29, 39, 41, 104, 121—123, 126, 132, 140; III, 34, 36, 43, 104, 128—130, 132, 191, 223, 226; IV, 33, 34, 36, 38, 41, 44, 46, 59, 223, 239, 241; VI, 36, 159, 160, 239, 295, 309, 313, 314; VII, 167; VIII, 10, 11, 288; IX, 61, 62, 124, 125, 130, 132, 134, 137, 146, 214, 217, 221, 240, 241, 245, 278, 295; X, 7—11, 12—20, 21—51, 53, 70, 75, 90, 92, 93, 94, 101, 102, 114, 126, 131, 143, 183, 195, 202, 203, 208, 209, 212, 215, 224, 251, 271, 274, 278, 279—280, 282—284, 305
- Спрыгина Н. И. IV, 59; X, 97
- Срезневский И. И. VIII, 225, 226, 257, 259
- Сталин И. В. II, 1, 6; III, V, VI, X; IV, 8; IX, 5, 6
- Станкевич Я. В. I, 268; V, 230
- Староватов П. X. VIII, 283
- Стасов В. В. VI, 243; VIII, 227
- Стеллецкий И. X, 241
- Стемпковский И. VII, 167; X, 55
- Степанов П. I, 60
- Стефан Византийский VII, 90, 249, 277
- Стефани Л. VI, 113
- Стефанович Я. В. VIII, 282
- Страбон IV, 265; VII, 19, 87, 90, 95—97, 189, 249, 252, 274, 277; VIII, 135
- Страленберг Ф. И. I, 12; X, 209, 213
- Стрелков А. С. II, 205, 211
- Стрелов Е. Д. VIII, 283
- Стржелецкий С. Ф. IX, 283
- Строков А. А. IX, 139, 148—150, 156, 157, 159, 163
- Стрыйковский М. VIII, 252—255, 257
- Субботин VIII, 154
- Сумароков П. VII, 95, 269
- Табари VIII, 138
- Такайшвили Е. С. VI, 261
- Талицкий М. В. I, 257, 260, 266, 267; V, 230; IX, 62; X, 183, 227
- Талько-Гринцевич Ю. Д. VIII, 51, 53, 65, 288
- Таранович В. П. VIII, 249, 260
- Тарновский В. В. VII, 25; VIII, 230
- Татищев В. Н. VI, 241; VIII, 175; X, 235
- Тахтай А. К. IX, 285
- Тацит IV, 265; VII, 249; VIII, 135
- Тевяшов В. Н. VIII, 10
- Теплоухов А. Ф. IX, 239
- Теплоухов С. А. I, 215; II, 78, 80, 82, 84, 85, 86, 88, 90, 93; IX, 47, 49, 51, 54, 58, 277
- Теплоухов Ф. А. I, 255; III, 47; V, 1, 21, 23, 237
- Тереножкин А. И. VI, 168
- Терехин В. М. X, 274, 281, 283
- Тесля Т. Т. II, 218; III, 261
- Тесесомок III, 231
- Тяндер К. Ф. IX, 79
- Тизенгаузен В. Г. VII, 258
- Тиханова М. А. VI, 198, 215; IX, 295; X, 70, 72
- Тихий М. И. VII, 95, 96, 100
- Тихомиров Д. IV, 220, 224
- Тихонов И. Т. VI, 64, 76, 85
- Тихонравов К. Н. VIII, 145, 158, 162, 165
- Токарский Н. М. VIII, 272
- Толмачев В. IV, 135, 138, 140; X, 218
- Толмачев Н. А. II, 95
- Толстов С. П. VI, 168, 172, 176; X, 256
- Толстой И. И. III, 121; VI, 230; VII, 78, 79, 87, 153, 154, 157, 158, 285, 328; VIII, 287; IX, 81; X, 221
- Торрибио из Беневента III, 231
- Торквемада III, 231
- Требуховский П. Ф. IX, 277
- Тревер К. В. II, 208; VI, 182
- Третеский Н. И. VIII, 115
- Третьяков П. Н. II, 32, 47, 216, 217, 220, 225, 227; III, 14, 30; IV, 33, 53—60, 328; V, 101, 112; IX, 61, 62, 67, 68, 71, 74, 76, 77, 121, 126, 127, 128, 129, 130, 131; X, 93
- Трофимова Т. А. II, 26; VI, 70
- Трусова С. А. I, 195; II, 215, 217; V, 179, 272, 298, 300
- Тугаринов А. Я. IX, 51
- Тураев Б. А. X, 171
- Турпаев М. VII, 97, 100
- Турчинович О. VIII, 258
- Тюменев А. И. VII, 172, 199
- Тюменев И. Ф. I, 18
- Тюменцов Н. В. X, 206
- Уваров А. С. I, 189, 219; II, 69, 104; III, 8, 11, 79; IV, 33, 44, 48; VI, 90, 240; VIII, 258; IX, 31, 32, 137; X, 85, 86, 95, 97, 100, 116
- Умняков И. И. VI, 184
- Услар П. К. VI, 162
- Успенский Ф. И. VI, 133, 148, 195
- ибн Фадлан X, 257, 260, 263—266, 268, 269, 270
- Фармаковский Б. В. VI, 92, 107, 112, 116, 301; VII, 46, 132, 163, 265, 292, 308, 313; VIII, 111; X, 164, 166
- Фасмер Р. Р. X, 267
- Фаустина, младшая X, 60
- Федоров В. В. II, 65; III, 101, 221; X, 138
- Федоров Е. С. IV, 177
- Федоровский А. С. I, 302
- Федотов А. VIII, 154
- Филимонов Г. Д. VIII, 225
- Флоринский В. М. X, 206, 209, 210
- Флавий Иосиф VII, 122, 123
- Фосс М. Е. I, 52; III, 20, 35; IV, 197; V, 31, 33, VI, 46, 291; VIII, 12; IX, 29, 30, 35, 36, 38, 42, 43; X, 91
- Фрезер Д. IV, 141
- Фрейберг Я. Ф. I, 279
- Френ Х. М. X, 265
- Ханенко Б. И. II, 132; III, 192; VI, 244, 251; VII, 21, 23
- Ханенко В. И. II, 132; VI, 244, 251; VII, 21, 23; X, 181
- Ханьков Н. Н. VIII, 139
- Харко Л. П. VII, 81

- Харузин Н. II, 136
ибн Хаукаль VIII, 140; X, 258, 260, 261, 264, 269
- Хвойко В. В. I, 68, 287; II, 197; III, 223, 225; IV, 161; VI, 32—35, 238, 247; IX, 132; X, 55, 56, 58, 59, 60, 62, 63, 69, 70, 71, 250
- Хвольсон Д. А. VI, 130, 131, 135; X, 257, 261
- Хияляль ас-Саби VIII, 138
- Хицунов П. VII, 45, 46, 57
- Хозиев С. А. IV, 84
- Хойновский И. А. III, 121
- Холмогоров В. И. IV, 149
- Холодковский Н. А. II, 201
- Хороших А. И. I, 222
- Хосров Ануширван VIII, 136 сл.
- Хохловкина В. А. II, 192
- Худяк М. М. VII, 302
- Церетели Г. В. VI, 267
- Черепнин А. И. IV, 226, 232, 236
- Чернецов В. Н. III, 254; IX, 242; X, 216, 221
- Черников С. С. IV, 332; IX, 251
- Чернов Г. А. IX, 31; X, 91
- Чернягин Н. Н. IV, 327; V, 187; X, 305
- Чубинашвили Г. Н. VI, 266
- Шарлемань Н. В. V, 71
- Шахматов А. А. IV, 33; VI, 229, 242, 250, 253, 255; VIII, 157, 235
- Шварев М. В. X, 198, 199
- Швед П. I, 12, 13, 14, 16, 18, 22, 28; IV, 12
- Швец П. Т. VI, 47
- Шеренгов И. Д. IX, 288
- Шероцкий К. X, 241
- Шерцль Р. X, 248
- Шестаков С. П. VI, 202, 206, 221, 222
- Шидловский А. I, 21
- Широкогоров С. М. X, 219
- Шкорпил В. В. VI, 201, 233; VII, 62, 76, 77, 248, 283
- Шляпина Е. В. V, 199, 200, 203, 207—209
- Шляпкин И. А. VI, 309, 311, 313, 314; VIII, 249, 255, 259, 260
- Шмидт А. В. I, 255, 264; II, 104, 109, 110, 126, 128, 140, 141, 223; III, 34, 37, 39, 46, 129; V, 1, 24—26, 230, 234; IX, 239, 243; X, 164, 181, 184, 189, 190, 216, 217, 218
- Шмидт Е. II, 205
- Шмидт Р. В. VII, 268
- Шмидт Р. Р. III, 73; V, 301
- Шмят Ф. И. VI, 217, 218
- Шпилевский П. М. VIII, 258
- Шренк Л. IX, 224
- Штерн Э. Р. I, 68; VI, 40; VII, 141, 145—147, 158, 159, 265, 275, 285, 318; IX, 80
- Штифтар В. Ф. VI, 117
- Штукенберг А. I, 58; III, 40
- Шуази О. VII, 84—86
- Шубников А. В. IX, 119
- Шульц Л. Р. IX, 239—241, 243
- Шульц П. Н. III, 252; VI, 107
- Шумаков С. IV, 148
- Шурц Г. IX, 226
- Щербаков И. В. V, 302
- Щербаковский В. V, 88
- Щербатов М. X, 235
- Эварницкий Д. И. VII, 165—167
- Эдинг Д. Н. III, 12, 41, 42, 52; IV, 133, 134; IX, 35, 180; X, 94, 105, 112
- Эйхвальд Э. И. I, 305; II, 83
- Энгельс Ф. II, 5, 6; III, VI, VIII, IX; IV, 31, 49, 140; VIII, 161; IX, 5, 6
- Энман Н. А. VII, 313
- Эрнандес Франциско III, 232
- Эрнст Н. Л. II, 217; III, 240; IX, 299
- Эрхардт С. IV, 63
- Ювенал VII, 213
- Юргевич В. VII, 153
- Юстин IX, 89—91
- Языков В. Д. VIII, 11, 23
- Якимович М. VI, 41
- Якобсон А. Л. VI, 197, 205; VIII, 261; IX, 303
- Яковлев С. А. V, 107
- Якубовский А. Ю. VI, 168, 186, 188, 229, X, 255, 325
- Яроцкий Я. В. X, 65
- Ярцев И. П. IV, 235
- Ястребов В. Н. VII, 165; X, 65, 274, 279, 281, 283
- Яцута К. З. IV, 63, 73, 74, 83, 85, 86, 88
- Aspelin J. R. I, 16; II, 95; III, 8, 121; IV, 144; X, 85, 125, 129, 131
- Aureliani V. VII, 213
- Ayräpää A. VI, 88
- Babelon E. VII, 225; X, 248
- Baer E. X, 125
- Bahrfeldt M. VII, 329
- Baltzer L. I, 10
- Bandelier A. F. I, 298; III, 231
- Beazley J. D. VII, 321, 322, 324
- Begouen H. III, 69
- Behlen H. VII, 227
- Behrens G. I, 175
- Bell G. VI, 218
- Bieber M. VII, 176
- Billard VII, 223.
- Ailio J. III, 10, 12, 28; X, 94, 101, 105
- Alcade del Rio H. III, 72
- Alföldi A. X, 320
- Alin J. V, 117
- Almgren O. I, 10; III, 15, 22; IV, 23; X, 308
- Amelung W. VIII, 182, 192, 193, 197
- Andersson J. G. I, 68; X, 221
- Andrée J. I, 302
- Andrée W. V, 26
- Antews E. V, 305
- Antoniewicz W. X, 55, 66, 68
- Appelgren-Kivalo H. IX, 275, 276
- Arambourg C. IV, 338
- Arne T. J. II, 205; III, 191; IX, 79
- Arndt P. VII, 110, 113, 115, 117

- Bjørn A. V, 108, 109, 127
 Blinkenberg H. VIII, 99, 111
 Blümel K. VII, 181
 Blümner H. VI, 299
 Boas F. V, 305
 Boe J. V, 108, 109, 129
 Borchardt L. II, 162, 168
 Bouissonie J. X, 113
 Boule M. IV, 338, 340; X, 100
 Bowden A. O. V, 305
 Brate E. IX, 86
 Braunholtz J. H. X, 119
 Breccia E. VII, 147, 149
 Breuil H. I, 10; III, 6, 7, 20, V, 177; X, 115
 Brögger A. I, 9, 11, 21, 24, II, 228; III, 4, 12, 15, 18; V, 107
 Broom R. IV, 335, 336, 340
 Brown A. R. III, 26
 Bruckmann F. VII, 110, 113, 115, 117, 175
 Brunn H. VII, 175
 Bugge A. IX, 79
 Bunnell C. E. II, 228
 Burkitt M. C. I, 17, 21, 22, 24, 27; III, 19; IV, 12
 Buxton L. H. VI, 42
 Byron R. II, 214

 Capart J. X, 115
 Capitan L. III, 20, IX, 194; X, 92, 94, 101
 Cartailhac E. III, 20
 Carter H. II, 162
 Castren A. IV, 142
 Cederharf B. III, 20
 Chanikoff N. N. VIII, 139
 Chantre E. X, 85
 Chelbatz I, 291, 298, 300, 302
 Childe G. VI, 42; X, 165
 Clarke E. VII, 269, 273, 275
 Cleeve N. IX, 80
 Clements F. E. X, 123
 Collignon M. VII, 189, 192
 Contenau J. X, 165, 171
 Conze A. VII, 175, 179, 180, 181
 Cultrera G. VII, 189
 Cumont F. VIII, 100
 Curtius L. VII, 189

 Daicovicu C. VI, 200
 Dalton O. M. VI, 197; VIII, 231
 Daremberg Ch. VI, 109; VII, 199, 207, 218; VIII, 100
 Dattari G. VI, 305
 Davenport C. B. IV, 339
 Déchelette J. II, 129, IV, 23
 Della Corte M. VII, 218
 Demetrykiewicz VI, 39
 Denig E. V, 15
 Déonna W. III, 20
 Diehl Ch. VI, 214
 Dieterich K. VIII, 102
 Dölger F. VII, 155
 Drennan M. R. IV, 340; VI, 320
 Dubois E. VI, 317—319
 Dubois de Montpéreux F. III, 58, 59; VII, 270, 273, 275
 Ducati P. X, 116
 Duchesne-Guillemin J. IX, 79
 Dullo E. X, 180

 Ebert M. III, 222; V, 51; VI, 299; IX, 295; X, 67
 Edhem-Schede VII, 179
 Elvins O. C. X, 119
 Esperandieu E. VI, 114
 Europaeus D. E. III, 10, 28
 Evans J. IX, 34

 Fabricius VII, 218
 Fettich N. X, 175
 Fieandt A. V, 126
 Filov B. VI, 114; VII, 155
 Fischer E. IV, 339
 Foucart P. VIII, 101, 102
 Fränkel VIII, 109
 Frankfort H. II, 162, 163; X, 165
 Frère N. VII, 58
 Friedlaender L. VI, 107; VII, 118
 Friis J. A. III, 14
 Fritze H. VI, 109
 Frobenius L. IX, 278; X, 115
 Froehner W. VI, 304
 Furtwängler L. VI, 91, 109, 113; VII, 72, 176, 177, 192, 320

 Gann Th. I, 291, 300, 302
 Gardner E. VII, 310
 Garmurrini G. VII, 201
 Geer G., de V, 111
 Genet H. I, 291, 298, 300, 302
 Gillen F. J. III, 24, 25
 Gjessing G. V, 108; X, 308
 Gneccchi F. X, 318, 319
 Godard A. II, 214
 Gräbner F. III, 18
 Graillot H. VII, 58; VIII, 106, 109
 Graziosi III, 72
 Grewingk C. I, 12, 14, 15, 16, 18, 24, 28; IV, 12
 Cruebner H. A. VII, 223

 Hackin J. II, 211
 Haeckel E. VI, 316
 Hallström G. I, 21, 24; III, 4; IV, 181, 185, 187, 193; X, 88, 90, 107
 Hamada K. X, 218
 Hamdy-Bey O. VII, 175
 Hančar F. X, 164
 Harisson J. E. VII, 320
 Hentze C. IV, 13, X, 218
 Hermann P. VII, 195
 Herzfeld E. IX, 310
 Heuzey L. VIII, 102
 Hicks E. L. VII, 249
 Hillehng C. G. IX, 85
 Hillebrand J. V, 26
 Himmer M. VI, 37
 Hirschfeld O. VII, 68
 Hoernes M. I, 24; X, 101
 Hogarth L. VII, 313
 Hölscher H. II, 182
 Holtedahl O. V, 112
 Howard E. B. V, 305
 Hrdlička A. VI, 16
 Huelsen Ch. VII, 194

 Ippel A. VII, 211

- Jenny W. A. VIII 76
 Jordan J. IX, 81
 Joyce Th. A. I, 296; X, 119, 121, 122
K
 Kaindl VI, 42
 Kaldhol H. V 111
 Karjalainen K. F. IX, 240, 242, 245
 Kasem-Beg A. VIII, 138
 Kazarow G. VI, 114
 Keikichi Ogawa X, 218
 Keller O. VII, 96
 Kidder A. I, 293
 Kieseritzky G. VI, 109; VII, 32, 74, 77—79, 108, 115, 119; VIII, 107
 Kinch K. VI, 102; VII, 312, 314
 Kitson E. IV, 339
 Kivikoski E. IX, 71
 Klersch J. IX, 324
 Koehler M. VII, 96, 275
 Koenigswald G. H. K. VI, 321
 Koppers W. IV, 322
 Kossinna G. X, 101
 Kostrzewski J. V, 147
 Kozlowski L. VI, 42
 Kraszewski Y. J. VIII, 255, 258
 Kretschmer P. VIII, 100
 Kroeber A. L. I, 291
 Kühn H. III, 6, 7, 20
 Kühnel E. II, 214
 Kukula R. VII, 202
L
 Lagerkrantz S. V, 177
 Lanckoronski Ch. VI, 216
 Laurence A. W. VII, 189
 Leakey L. S. B. I, 208; IV, 336
 Le Gros Clark VI, 320
 Ledebour H. F. IX, 251
 Le Dû III, 72
 Lehmann-Haupt C. T. VI, 89, 90, 91
 Lemosi A. III, 69
 Lenormant F. VIII, 99
 Leroux G. VII, 147, 148
 Lilijegreen J. G. IX, 85
 Lindquist J. III, 22; X, 307
 Lloyd S. II, 168
 Loeschke S. VIII, 117
 Lopatin J. A. V, 305
 Lotrop S. K. I, 291
 Loewy E. VI, 110, 116, 303
 Loo C. T. X, 209
 Lūquet G. III, 20
M
 Mace A. II, 162
 March B. VIII, 311
 Marchi G. VII, 155
 Marquart J. VI, 131; IX, 83; X, 255, 257
 Martin F. R. I, 87; III, 165; V, 179
 Martinussen V, 112
 Mau A. VII, 200, 207
 Maurice Y. X, 319—320
 Maviglia A. VII, 189—192, 196
 Menant J. VI, 91
 Menghin O. I, 24, 239, 241, 244, 275; III, 98; IX, 195
 Mervin R. E. I, 295
 Michaelis A. VII, 189
 Millet G. VI, 217, 218
 Minns E. H. I, 87, VI, 107, 109; VII, 62, 65, 66, 275, 277
 Mochsen Moghadam II, 205
 Monneret de Villard U. II 211
 Montelius O. IV, 23; V, 204
 Moorhead W. K. X, 118
 Morgan J. de III, 208; V, 266; VI, 295
 Morley S. G. I, 291, 295
 Mortillet G. VI, 317; X, 85, 100
 Müller S. IV, 23
 Munro R. X, 86, 115
 Murdoch J. X, 118
N
 Narbutt Th. VIII, 258
 Neuburger A. VI, 305
 Neumann K. F. VII, 125, 270
 Niederle L. IV, 34
 Niklasson N. V, 117
 Noe S. P. VII, 155
 Norden A. X, 308
 Nordhagen R. V, 111, 112, 128
 Nordmann V. V, 111
 Nordström X, 125
 Noreen A. IX, 85, 86
 Nummedal A. III, 14; V, 107—109, 111, 117, 121
O
 Obermaier H. III, 20, 24; V, 84
 Osborn H. F. II, 201—202; V, 177
 Ossowski G. VI, 40
 Overbeck J. VII, 189, 190, 200, 207
P
 Paasonen H. IX, 242, 243
 Pagenstecher R. VII, 147
 Pallat L. VII, 189
 Pälsi S. III, 110; V, 44
 Panofka Th. VIII, 102, 105
 Pärvan V. VII, 66
 Peet E. II, 162, 166
 Pendlebury J. II, 162, 163, 182, 183
 Perdrizet P. VIII, 103
 Peschel O. IX, 83
 Petrie F. II, 161, 166, 168; X, 114, 115
 Peyrony D. IX, 194
 Pfeiffer L. III, 141
 Pfuhl E. VII, 185, 309, 310
 Pigorini L. X, 85, 86
 Pipping H. IX, 85
 Pirenne J. I, 298
 Plater A. VIII, 258
 Poland F. VII, 64
 Pope A. U. II, 213; X, 316
 Posta Bella I, 82, 84; VIII, 114
 Pottier E. VII, 177, 192, 310, 321, 322
 Poulsen W. VII, 314
 Prinz H. VII, 313
 Przeworski St. II, 208; X, 165
 Pumpelly R. I, 68, 288
Q
 Quiring H. V, 302
R
 Ramsay W. V, 107, 111, 129; VI, 218; VIII, 105
 Rassam VI, 89
 Rau K. VII, 227
 Rayet O. VII, 192
 Regalia E. III, 72
 Reichhold X, 173
 Reinach S. I, 87; III, 15; VI, 113, 307; VII, 175, 192, 248, 253; VIII, 107
 Reineggs J. X, 235
 Reinecke P. I, 87; X, 63

- Reynolds VI, 89
 Rhode E. VIII, 100
 Rice D. T. II, 211
 Richter G. VII, 189, 321—323
 Richter O. VII, 199, 213, 217
 Reed A. X, 123
 Rivers W. H. III, 26
 Rivoira G. T. VI, 197
 Robert C. VII, 286, 287
 Robinson D. M. VII, 286, 287
 Rodes H. IX, 324
 Roscher W. H. VII, 90; VIII, 100
 Rott H. VI, 216
 Rüttimeyer L. III, 47, 49
 Rygh O. IX, 86
- Saglio E. VI, 109; VII, 199, 207, 218;
 VIII, 100
 Salin B. IX, 84
 Salies G. II, 212
 Salmony A. III, 139; X, 209
 Sandberg G. G. IV, 176, 184; VII, 66
 Sarre F. II, 214; VI, 212; IX, 310; X, 170
 Sauciuc-Saveanu Th. VII, 66
 Sâve C. IX, 86
 Saville M. H. I, 295; III, 220
 Sawicki L. III, 79, 97, 98, 99; V, 148;
 IX, 195
 Scherer Chr. VII, 321
 Schetelig H. III, 4, 27, 104; IX, 40; X, 308
 Schlözer A. VIII, 257
 Schmidt E. II, 205
 Schmidt H. VI, 42
 Schmit Z. V, 146; X, 55
 Schneider A. VI, 199
 Schnell J. X, 116
 Schrader H. VII, 147, 177
 Schreiber T. VII, 175
 Schürer E. VII, 72, 73
 Schurz G. IX, 226
 Schwalbe E. V, 183
 Seltman C. T. VI, 304
 Sethe K. I, 298
 Seyrig H. VIII, 104
 Sierra L. III, 72
 Sirelius U. T. II, 65; III, 112; X, 139
 Smith H. J. X, 118
 Solberg O. III, 102
 Spencer B. III, 24, 25
 Spinden G. II, 291, 296
 Springer A. VII, 84, 85, 92
 Stais V. VII, 175
 Stasi P. E. III, 72
 Stebelski I. VIII, 257
 Steguda M. IV, 339
 Stern E. VII, 275
 Stewart C. IX, 84
- Strauss K. I, 250
 Strzygowski J. II, 207, 208; VI, 197, 216,
 218; IX, 308
 Studniczka F. VII, 210
 Suet A. VIII, 102
 Svoronos J. N. VI, 108, 109, 110, 304, 307;
 VII, 174, 178, 181, 183
 Swecki T. VIII, 257
- Taitbout de Marigny IX, 81
 Tallgren A. M. I, 21, 86, 87, 90; II, 95, 103,
 104, 105, 107, 141; III, 10; IV, 144; V, 26;
 VI, 60; X, 92, 101, 164, 216, 224, 305
 Tanner V. II, 227; III, 14; V, 107, 108, 112,
 115, 117, 129
 Thomasson H. V, 117
 Thompson E. I, 291, 302
 Timme P. II, 162
 Tischler X, 101
 Tomaschek W. VIII, 100
 Toubin A. VII, 192
 Tozzer A. M. V, 305
 Tyschkiewicz E. VIII, 253, 254, 257—259
- Undset J. IV, 33
 Umehara, S. VIII, 76; X, 218
- Vaillant G. C. I, 291, 292, 295
 Vallois H. IV, 338, 340
 Vaufrey P. III, 72
 Vayson de Pradenne A. X, 115
 Verneau R. IV, 338
 Vigfusson G. X, 238, 239
 Visconti C. L. VII, 191
 Vogué IX, 309
- Wankel H. VI, 227; X, 85
 Watzinger C. VI, 109, 117, 121; VII, 32,
 74, 77—79, 108, 115, 119, 183; VIII, 107
 Weber, O. X, 170
 Weigall A. E. X, 115
 Weidenreich F. VI, 321, 322
 Weisser B. X, 171
 Wernert P. V, 84
 Wijuk-Kojalowiz, A. VIII, 257
 Wilson T. X, 118
 Winnefeld H. VII, 202, 213
 Winter E. VI, 113, 125; VII, 285, 286
 Wolters P. VII, 189
 Wooley L. II, 162
 Worsaae J. J. A. IV, 23
 Wroth W. VI, 296
 Wulff O. VI, 218
 Wulsin F. R. II, 205
- Ziebarth E. VII, 64, 68
 Zotz F. III, 98
 Zschokke K. I, 305

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК — Археологическая комиссия
 АИЗ — Археологические известия и заметки
 АН — Академия Наук
 АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
 АК — Археологическая комиссия
 ВГВ — Вятские губернские ведомости
 ВДИ — Вестник древней истории
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
 ГИМ — Государственный Исторический музей
 ДТМАО — Древности. Труды Московского археологического общества
 ЕХП — П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X в. Изд. АН СССР, Л., 1923
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗВО — Записки восточного отделения Русского археологического общества
 ЗИВАН — Записки Института востоковедения АН СССР
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ЗРОРАО — см. ЗОРСА
 ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИВ — Исторический вестник
 ИГАИМК — Известия ГАИМК
 ИИМК — Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР
 ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
 ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
 ИРГО — Известия Русского географического общества
 КВГ — Календарь Вятской губернии
 КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
 МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАР — Материалы по археологии России
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НАЭК — Нижегородская Археолого-этнологическая комиссия
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
 ОРСА — Отдел русско-славянской археологии
 ПСЗ — Полный свод законов Российской империи
 РАЖ — Русский Антропологический Журнал
 РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
 РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
 РАО — Русское Археологическое общество
 СА — Советская археология
 СГАИМК — Сообщения ГАИМК
 СМЕЛА — А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, СПб., тт. I, II, III, 1887, 1894, 1901
 СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук СССР

- ТМАО** — Труды Московского Археологического общества
ТРАС — Труды Археологического съезда
ТСАИАИ — Труды Секции Археологии Института археологии и искусствоведения
РАНИОН
ЦБК — Центральное бюро краеведения
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
BGA — Bibliotheca Geographorum Araborum
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
38	15 сверху	«Краснопутская»	«Краснокутская»
51, лев. столб.	16 „	Гапсал	Гапсаль
68	18 снизу	Гольштатте	Гальштатте
119	3	Jouse	Jouse
120	4 „	Jouse	Jouse
196	рис. 11	д. Сетякова	д. Сетяково
197	рис. 12	д. Сетякова	д. Сетяково
210	20 снизу	0.8 см	0.8 м
337, прав. столб.	11 „	Бархвинского городища	Барвихинского городища
347,	35 сверху	(Ростовская обл.)	(Адыгейская авт. обл.)
368,	14 „	IV, 224, 234, 239	I, 224, 234, 239
375, „ „	4 снизу	Зиберт Э. В.	Зиберт Э. В.
383, лев. столб.	1 „	Mochsen Moghadam	Mohsen Moghadam